

НИНА ВОРОНЕЛЬ

ГОТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ТОМ II

ЕНИКС

Ростов-на-Дону
2005

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 75

Серия «Готика»
основана в 2005 году

Художник-оформитель
А. Семёнова

Нина Воронель
В 75 Готический роман. Том II/Нина Воронель; худож.-
оформ. А. Семёнова. — Ростов н/Д: «Феникс», 2005.
— 560 с.: — (Готика).

ISBN

«Таинственная атмосфера туманного Уэльса и старинной библиотеки в антураже многолетних британских традиций, исполняемых по-британски неукоснительно ... Арабский властелин, стремящийся установить тесные связи с Израилем ... Многокрасочный калейдоскоп экстравагантных персонажей, собранных в едином, ограниченном старинными стенами месте действия, среди которых необходимо вычислить «хороших» и «плохих» ... Бойба разведок ... И, конечно, любовь, разворачивающаяся на столь завлекательном фоне. Нина Воронель сумела выполнить одну из своих главных задач — запутать читателя. Впрочем, она явно претендует на большее — четкость психологических характеристик, образным детализированием и ироничной подачей бытовой конкретики она дает увлекательной мешанине опуститься до легковверного читава».

Чтобы прочесть эту книгу, вовсе не нужно напрягаться — все равно, бросить ее недочитанной невозможно. Такое удовольствие от чтения переживали мы когда-то в ранней юности ... Не хотите ли вы, как в детстве, испытать опять это захватывающее чувство вовлеченности в совсем-совсем чужую жизнь? Полную экзотики, страсти и ярости — и все же, на поверку, такую достоверную, потому что это наша сегодняшняя жизнь, со всеми ее сегодняшними проблемами.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN

© Нина Воронель, 2004
© Оформление. ООО «Феникс», 2005

ЧАСТЬ III

ПОЛЕТ БАБОЧКИ

В романе Нины «Ведьма и Парашютист» молодой израильский парашютист-десантник Ури Райх отправляется в туристическую поездку по Европе для лечения боевого шока, развившегося у него после стычки с палестинскими террористами. В аэропорт его провожает мать — молодая красотка Клара. Накануне возвращения домой Ури в поезде ввязывается в драку с группой немецких «бритоголовых». Выброшенный из поезда на полном ходу он, больной и покалеченный, попадает в старинный замок, затерянный в дебрях немецкого лесного заповедника. Ури влюбляется в красивую хозяйку замка Инге и остается у нее. Но их счастье омрачено таинственной зловещей тенью прошлого Инге, которая постепенно проясняется. Ури узнает, что до недавнего времени в замке скрывался от полиции бывший любовник Инге, сбежавший из тюрьмы известный немецкий террорист Гюнтер фон Корф. Он больше года под именем Карл работал подсобным рабочим в свинарнике Инге и таинственно исчез незадолго до появления Ури, оставив все свои вещи.

Увлеченный расследованием Ури обнаруживает в отдаленном университетском городе почтовый ящик, записанный на имя Карла, а в ящике — его фальшивый паспорт, давно просроченный авиабилет в Бейрут и красную тетрадь, исписанную таинственным шифром. Разматывая этот клубок дальше, Ури предполагает, что Карла уже нет в живых. Ури подозревает, что Карл погиб в одном из мрачных подвалов замка, попав в ловушку, в которую его заманил ревнивый отец Инге, инвалид Отто. Выудив у Отто признание, Ури находит в подземелье скелет Карла и в тайне от всех хоронит его в подземном тайнике, не желая привлечь к Инге внимание полиции. Красную тетрадь он хранит у себя, хотя все его попытки расшифровать то, что там написано, безрезультатны.

КЛАРА

Клара терпеть не могла иерусалимские вечера — какой бы жаркий ни выдался день, он всегда завершался свирепой атакой холодного ветра с необъяснимых снежных гор, которые невозможно было найти ни на одной карте. И

хоть ветер вдохновлялся лишь мистическим присутствием этих гор, его собственное, пронизывающее до костей присутствие было вполне реальным, — оно вызывало звон в ушах и тупое нытье в затылке. Может быть, не у всех, а только у Клары, но ей от этого было не легче.

Она торопливо проглотила приготовленную заранее таблетку от головной боли и наклонилась к крану, чтобы ее запить. Вода из крана текла неспешной рыжеватой струйкой с затхлым привкусом солдатского мыла, но уже не было времени идти искать что-нибудь получше — звонок заливисто напоминал, что антракт окончен и пора занимать места. Клара пригасила сигарету, привычным очерком подкрасила губы и в который раз оглядела свое отражение в зеркале — все, вроде бы, было в порядке: и волосы, и глаза, и декольте, особенно издали и в этом рассеянном свете. Но, наверняка, что-то было не так, иначе она не сидела бы в одиночестве под романтическим ультрамариновым шатром ночного иерусалимского неба, затерянная в многоликой концертной толпе на пологом склоне Бассейна Султана.

Клара не привыкла ходить на концерты одна или с подругами. Впрочем, настоящих подруг у нее и не было — она всегда вызвала враждебные чувства у других женщин, да и сама их недолюбливала. Она в последний раз всмотрелась в собственные, до сих пор не надоевшие ей черты. Лицо было все еще красивое, даже вызывающе красивое, взгляд жесткий, снайперский — взгляд охотницы на мужчин. Но мелкие лучики разбегались от углов глаз и губ, пока еще не страшные, но уже угрожающе заметные. Черт его знает, может, пора изменить пристрастия и завести пару подружек, чтобы не ездить на концерты в тошнотворном одиночестве, сводящем скулы вынужденной многочасовой немотой.

Клара вышла из туалета и сразу оказалась во власти пронзительного ледяного ветра, от которого не спасало даже специально захваченное из Тель-Авива шерстяное пальто на подкладке. Защитить от такого ветра могла бы только тяжелая мужская рука на ее плече — нечего себя обманывать, никакие подруги бы тут не помогли. Когда она, с трудом переступая через хитросплетения чужих тел, плотно усеявших выгоревший за лето чахлый травяной ковер, добралась, наконец, до своего места, второе отделение уже

началось. Клара заглянула в программку: это, скорей всего, была увертюра к «Тангейзеру». Хотя исполнение музыки Вагнера и было неофициально запрещено в Израиле, его официально разрешили сегодня однократно в рамках Международного Иерусалимского фестиваля. Интересно, что пригнало сюда такое множество народу — любовь к музыке или нутряная еврейская страсть к протесту против всего сущего? Но что бы их ни привело, все на благо, — в гуще толпы ветер донимал не так яростно, как на открытом пространстве. Клара поплотней закуталась в пальто и окунулась в отталкивающий и неотразимый мир незнакомой ей музыки. До сих пор она принципиально не слушала ни одного произведения Вагнера. Но сегодня никому не было до нее дела и она могла слушать все, что угодно: ей было некому доказывать свою принципиальность.

С принципиальностью дело оказалось даже хуже, чем она предполагала, потому что, отвергая все доводы рассудка, музыка Вагнера привела ее в восторг. Да, да, именно в восторг, — музыка этого нацистского ублюдка, которого она с детства ненавидела, никогда не слушала и слушать не желала!

Выводя свой «Ситроен» из запруженной людьми и машинами стоянки напротив Яффских ворот, Клара пробовала на язык переполнявшее ее острое отвращение к себе. Оно наполняло рот противным горьковатым привкусом, и вынести его было трудно, потому что обычно она была склонна собой восхищаться. Может быть, и это новое, критическое отношение к себе, ненаглядной, отражало все то же внезапно открывшееся ей, прямо-таки разверзшееся перед нею, оскудение поля общественного восхищения, преимущественно мужского, которое до сих пор составляло незыблемую основу ее жизни. Господи, ей и впрямь нужна была бы сейчас подруга — такая, каких не бывает: независтливая, неревнивая, бескорыстно преданная, способная безмолвно слушать и безропотно все принимать, не выставляя при этом вперед свое «я».

Выезд на Тель-Авивское шоссе, несмотря на поздний час, был нескончаемо долгий — похоже, чувствительные жители Иерусалима дружно проигнорировали мерзавца-Вагнера, и вся многочисленная публика, заполнившая в этот вечер склоны Бассейна Султана, возвращалась после кон-

црта в Тель-Авив. Интересно, говорит ли этот факт о более высоком моральном уровне иерусалимцев?

Однако первое впечатление оказалось обманчивым: через десять минут медленного равномерного движения по пологим виткам горной дороги большинство машин рассосалось, сворачивая по пути то вправо, то влево. Немногие оставшиеся на шоссе водители прибодрились, резко добавили газ и умчались вниз, оставив Клару в полном одиночестве между черной бездной ущелий и черной бездной неба. Черную бездонность этого одиночества не способны были нарушить сдвоенные точки далеких автомобильных фар, петляющих по склону где-то позади.

Невольно возвращенная к набoleвшей теме одиночества, Клара неудержалась и попыталась снова рассмотреть себя в сумеречном зеркальце заднего вида. Сейчас, освещенное переменчивыми бликами окаймляющих шоссе фонарей, лицо ее вовсе не выглядело жестким. И взгляд уже не казался таким снайперским, каким он представился ей сегодня в антракте. Да и собственное определение себя как охотницы на мужчин прозвучало простым хвастовством. Если она — охотница, то где же ее добыча? Ничего она за свою долгую — увы! — снайперскую жизнь толком себе не настреляла, потому что по сути была непрактичной душой и думала только о сиюминутных радостях и мелких победах, тешивших ее бабское тщеславие. Вот и оказалась однаодинешенька на пороге старости — тьфу, что за слово такое отвратное, вовсе не к лицу красоте Кларе! И даже сына не смогла возле себя удержать, чтобы он хоть раз в неделю приезжал на обед к старушке-матери — он так и застрял в своем неправдоподобном немецком замке, зачарованный ненавистной разлучницей-ведьмой.

Тут Кларе стало себя жалко, — так жалко, что даже какая-то жгучая влажная пленка заволокла ей глаза. Машина воспользовалась ее слабостью и, перестав повиноваться, рванулась вправо, на обочину, сразу за которой темнел глубокий обрыв. Быстро взяв себя в руки, Клара резко затормозила, чиркнув передним колесом о полосатый столбик над самым обрывом. «Ситроен» вздрогнул, фыркнул и остановился.

«Ладно, поплакали и хватит!» — громко сказала себе Клара и, утирая слезы рукавом, вывела машину обратно

на дорогу. Стряхнув с души обиды, она огляделась вокруг и заметила, что строй придорожных фонарей остался далеко позади, так что вырубленное в скалах ущелье шоссе освещалось на этом отрезке только фарами проходящих машин.

Поначалу все шло хорошо, но на первом же крутом спуске «Ситроэн» опять начало заносить вправо, хоть на этот раз глаза у Клары были сухие. Значит, дело было не в ней, а в каких-то объективных внешних обстоятельствах, которые необходимо было срочно выяснить. Она неохотно вырулила обратно на обочину, за которой на этот раз вместо уходящего вниз обрыва вздымалась круто взлетающая к небу стена, и, поеживаясь от холода, вышла на шоссе.

Одного взгляда было достаточно, чтобы подтвердилось самое неприятное подозрение Клары — села правая задняя шина. Выхода не было: проклятое колесо нужно было менять, а она понятия не имела, как это делается. Хотя Клара водила машину уже добрых двадцать лет, она умудрилась никогда в жизни ничего ни в одной своей машине не чинить — в любой поездке с нею всегда были мужчины, готовые чинить, смазывать, менять колеса, лишь бы ей угодить. Но сегодня она была одна и могла полагаться только на себя.

Она открыла багажник и в свете маленького его фонарика поглядела на часы — кошмар, было уже двадцать минут первого! Не мудрено, что шоссе совсем опустело. От Иерусалима она отъехала километров на двадцать, до Тель-Авива оставалось не меньше сорока. Конечно, можно было вызвать буксир, но для этого нужно было добраться до телефона, до которого пришлось бы долго шлестись вверх и вниз по крутому склону, да еще на высоких каблуках. Нет, уж лучше менять колесо — по крайней мере, в случае чего можно забраться в машину и запереть все двери.

Пока Клара, с трудом удерживаясь, чтобы не разреветься в голос, неумело выволакивала из глубины багажника тяжелую железную штуку со смешным названием «домкрат», в голову ей лезли всякие бабские рассказы о несчастных случаях, происшедших с другими женщинами на ночных дорогах. За это время две-три машины прошуршали мимо, даже непритормозив, хотя Клара отчаянно махала им из темноты. Тогда она решила больше не тратить время по-

пусту, а сосредоточиться на нелегкой задаче подгонки домкрата под низкий бок автомобиля.

Неясно, сколько времени прошло, пока Клара, вся перепачкавшись неизвестно откуда сочащейся лишкой черной слизью, начала, наконец, медленно приподнимать домкратом правое крыло «Ситроена». Она с таким остервенением пыталась укротить упорно рвущийся из рук аппарат, что не заметила, как у обочины за ее спиной притормозила большая машина неразличимого в темноте цвета. И только когда вежливый иностранный голос спросил по-английски, не нуждается ли она в помощи, она вздрогнула от неожиданности и испуганно обернулась. Глаза ее, утомленные напряжением и поздним часом, не сразу разглядели бледное пятно лица, маячившее во тьме, сгустившейся за рассеянным светом подфарников чужой машины.

Конечно, Клара нуждалась в помощи, еще как нуждалась! Однако прежде, чем ответить, она успела мысленно пробежать по всем опасным сценариям, притаившимся у нее в подсознании. Кто знает, стоит ли принимать помощь от незнакомого человека, — небось, все те несчастные женщины, с которыми случались неприятности на ночных шоссе, тоже думали, что они нуждаются в помощи. С другой стороны, предположим, она проявит благоразумие и отвергнет предложение незнакомца помочь ей, — что помешает ему изнасиловать и убить ее в этом темном пустынном ущелье, если он что-то такое замышляет? А раз так, то не лучше ли рискнуть и воспользоваться его любезностью, — возможно ведь, что он просто хорошо воспитан и считает своим рыцарским долгом остановить машину при виде одинокой женщины в беде? Тем более, что голос неразличимого в темноте лица звучал явно по-европейски, а Клара была воспитана на глубоком уважении к старой европейской традиции, в которой женщины гордились своей слабостью.

Потому она без всякого сожаления отпустила ручку домкрата, выпрямилась и, поблагодарив незнакомца на своем вполне хорошем английском, призналась, что она будет рада, если он поможет ей управиться с этим так некстати осевшим колесом. Бледный овал лица качнулся вглубь машины, дверца открылась и тут же закрылась с легким стуком, выпустив в освещенный подфарниками жел-

товатый полукруг высокого седого мужчину, который все же показался Кларе молодым несмотря на седину.

Рука Клары автоматически рванулась пригладить прическу, растрепавшуюся во время непосильной возни с дурацким домкратом, и она на миг увидела себя со стороны, — волосы взлохмачены, помада наполовину стерлась, один чулок перекрутился, юбка сбилась набок. Пока она лихорадочно пыталась хоть как-то привести себя в порядок, высокий мужчина, не глядя на нее, подошел к «Ситроену», без усилия опустил на корточки и пробежал ловкими пальцами по краю дефектного колеса.

— Да, вы правы, колесо необходимо поменять, — сказал он, распрямляясь с той же легкостью, с какой раньше присел, и потрогал домкрат носком ботинка. — Но я вижу, вы уже почти справились без меня.

Клару просто в дрожь бросило при мысли о том, что он сейчас поверит в ее способность управиться с колесом без его помощи и уедет. И она опять останется на темном шоссе наедине с непокорным домкратом.

— Нет, нет, — торопливо заговорила она. — Я никак не могу сдвинуть с места эту ручку. Она каждый раз проворачивается, вырывается из рук и возвращается обратно.

В подтверждение своих слов она предложила ему для обозрения свои нежные ладони, красоте которых она отлично знала цену — пальцы у нее, хоть и перепачканные сажей, были длинные и гибкие, как ноги балерины. Незнакомец приподнял ее ладони обеими руками, поднес к свету и согласился:

— Конечно, эта грубая работа не для ваших рук.

Он бережно опустил ее руки, — не уронил, а осторожно опустил, — внимательно взгляделся ей в глаза и, видимо, догадавшись о ее страхах, с улыбкой сбросил свой пиджак на капот «Ситроена»:

— Не волнуйтесь, через десять минут все будет в полном порядке.

И добавил, снова опускаясь на корточки перед колесом:

— Меня зовут Ян Войтек, я из Чехословакии.

Английский у него был приличный, но напряженный, с несильным шелкающим акцентом, который немного напоминал Кларе ее собственный.

— Вы — турист? — спросила она, зачарованно наблюдая, как Ян Войтек умело орудует гаечным ключом. Меньше, чем за десять минут он отвинтил последнюю гайку и аккуратно положил ее вместе с остальными в перевернутый колпак колеса.

— Нет, я тут на пару месяцев по приглашению Музея диаспоры. Роюсь в старых документах.

Он легко поднялся с корточек, наклонился над багажником, намереваясь вытащить запаску, но вдруг опустил протянутую было руку и присвистнул:

— Сознайтесь, милая... — начал он и запнулся.

— Клара! — поспешно подбросила ему мяч Клара.

Ян легко подхватил его:

— Сознайтесь, милая Клара, когда вы последний раз проверяли состояние своего запасного колеса?

— А что? — испуганно выдохнула Клара, которая никогда ничего в машине не проверяла, полагаясь на то, что в случае необходимости всегда найдется кто-нибудь, кто сделает это за нее. Тем более, что до сих пор всегда кто-нибудь находился.

— А то, — сказал Ян с упреком, — что запаска ваша никуда не годится. Вы, небось, заменили ее когда-то, как заменили бы это колесо, — он пнул только что снятое им колесо, — за то, что она была дырявая. И стех пор не удосужились починить, правда?

— Очень может быть, — неуверенно согласилась Клара, которая начисто забыла, когда и при каких обстоятельствах оказалась в багажнике эта запаска. Она так расстроилась, что почувствовала острую потребность немедленно закурить и начала было рыться в сумочке в поисках сигарет. Но Ян опередил ее, он достал из кармана пачку сигарет и вытряхнул одну ей на ладонь в сопровождении вопроса:

— Ну, так что мы будем делать?

Прикуривая от его зажигалки Клара не преминула отметить в уме это обнадеживающее «мы» — кажется, он не собирался бросать ее на шоссе среди ночи. И робко предположила, опасаясь, что он все-таки может передумать:

— Если бы вы подвезли меня к телефону, я бы вызвала буксир. Но только... дело в том, что ближайший телефон остался позади...

— Далеко? — уточнил Ян, раскуривая свою сигарету.

— Километра три-четыре... — соврала Клара. Она точно знала, что до телефонной будки на автозаправке не меньше шести, а то и все семь.

— Я бы мог просто отвезти вас в Тель-Авив, — вопро- сительно произнес Ян, немедленно выдавая свою иност- ранную сущность. — А утром вы все уладите. — Утром уже нечего будет улаживать, — пожалла плечами Клара. — Ма- шину на шоссе бросать нельзя: ее за ночь раскурочат дого- ла, а то, что от нее останется, увезет дорожная полиция.

— Ладно, раз так, поехали звонить, — быстро решил Ян.

Отмахнувшись от благодарного лепета Клары, он на- клонился положить в багажник снятое колесо, но подо- шва его башмака заскользила по гладкому гравию обочи- ны. Пытаясь сохранить равновесие, он ухватился за двер- цу и, опрокинув при этом стоявший под ногами колпак со всеми винтами и гайками, удержался на ногах. Чертыхнув- шись по-немецки, он опустил на колени и начал шарить руками по гравию в поисках рассыпавшихся гаек.

— Оказывается, вы говорите по-немецки? — автомати- чески переходя на немецкий, удивилась Клара.

Ян поднялся с колен, пересчитывая на ладони собран- ные им гайки и винты:

— Естественно, говорю: у нас в Чехословакии все гово- рят по-немецки. — Он аккуратно ссыпал гайки в носовой платок, захлопнул багажник и отворил перед Кларой двер- цу своей машины. — А вы, оказывается, тоже? Откуда?

— От родителей, — объяснила Клара, затягивая ре-мень. — Они были беженцы из Германии.

Говорить по-немецки было легко и приятно, так что они, заболтавшись, даже не заметили, как промчались шесть километров до бензоколонки. Разбуженный Кларой води- тель буксира хмуро пообещал приехать часа через полто- ра, не раньше, но выхода не было, надо было его ждать. Клара медленно повесила трубку и медленно побрела к машине, стараясь хоть на пару минут сократить время пред- стоящего ей одинокого ожидания на темном шоссе. Она с тоской представила себе, как мучительно долго будут тя- нуться эти полтора часа и как она будет испуганно вздра- гивать при приближении каждой проезжающей мимо ма-шины — а вдруг это едет все еще не пойманный ночной насильник из бабских рассказов?

— Он сказал, что выезжает немедленно, — с притворной бодростью объявила она, отворяя дверцу в теплый уют машины Яна. — Так что доведите меня обратно до моей машины и можете ехать домой.

Ян завел мотор и спросил, не глядя на Клару:

— И вы готовы героически ждать на темном шоссе, где даже машину оставить опасно?

Клара пожала плечами:

— За все надо платить, за любовь к искусству тоже.

— Вы наверно были на концерте в Бассейне Султана? — догадался Ян. И не дожидаясь ее ответа добавил: — Я тоже.

— Вы любите Вагнера?

— Люблю? Это слишком сильно сказано.

— Что же вас потянуло на концерт?

— А вас?

— Ну, у нас Вагнер практически запрещен, так что мой интерес вполнеобъясним: раз можно — значит, нужно!

Ян откинулся на сиденье и захохотал:

— Каюсь, такого мощного повода для посещения концерта у меня не было! Я — простой меломан.

Впереди обозначились смутные очертания покосившегося «Ситроена», и Клара начала было произносить сбивчивую благодарственную речь, пытаясь при этом расстегнуть ремень, который ни за что не хотел расстегиваться. Пока она, стесняясь задерживать любезного иностранца в столь поздний час, тщетно перебирала пальцами какие-то бесполезные клавиши на поверхности неуступчивой пряжки, Ян выехал на обочину и затормозил. В этот момент пряжка, наконец, поддалась, так что Клара, не тратя времени, приоткрыла дверцу машины и приготовилась выпрыгнуть в темноту. Тяжелая теплая ладонь легла на ее плечо:

— Куда вы?

— Как куда? Заберусь в свою машину, зажгу свет и буду ждать буксир.

— Вы, кажется, допускаете, что я способен бросить среди ночи одинокую женщину в поломанной машине?

— Но не можете же вы сторожить меня полночи? Ведь он придет не раньше, чем через полтора часа.

— Почему не могу? Ведь меня никто не ждет.

— Но мне неловко вас отягощать: уже второй час ночи, а у вас завтра, небось, рабочий день!

— Послушайте, — сказал Ян с легким раздражением, — перестаньте думать только о себе! Подумайте обо мне — что будет со мной, если я завтра узнаю, что с вами тут что-то случилось? Вы потом будете мне всю жизнь снится!

Клара просто опешила от этой вывернутой наизнанку логики. Она тихо закрыла уже распахнутую было дверцу и молча уставилась на этого неправдоподобного чеха, не находя слов, чтобы ему возразить. А он, довольный произведенным эффектом, победно ей улыбнулся:

— Давайте лучше поговорим о Вагнере, — предложил он, вынимая из кармана пачку сигарет. — Не правда ли, удивительно, что этот щуплый, низкорослый урод, с цыплячьей грудкой, почти карлик, писал музыку такой силы?

Неспешно раскуривая свою сигарету, Клара спросила без особого интереса, а просто чтобы выиграть время на обдумывание сложившейся ситуации:

— Вагнер был низкорослый урод? Откуда вы это взяли? Я почему-то всегда представляла его себе могучим красавцем.

Еще несколько лет назад ее бы ничуть не смутила готовность незнакомого мужчины просидеть с ней в машине пару ночных часов. Она бы даже считала, что делает ему одолжение, соглашаясь провести эту пару часов в его обществе. Но за последнее время ее вера в собственную неотразимость снизилась просто катастрофически. Не то, чтобы возраст стал заметно проступать на ее лице, скорей он повел разрушительную атаку на ее душу. Началось это все из-за Ури — в тот страшный год, что он сперва безучастно лежал на госпитальной койке, уставясь невидящими глазами куда-то вдаль, а потом вдруг вскочил на ноги, одержимый какой-то первобытной яростью, и стал крушить все, что было ему дорого. Никто, кроме нее, не смог вынести непредсказуемые приступы его враждебности — ни друзья, ни подружки, и только у нее одной хватало сил терпеть и прощать.

Клара никогда до того не была слишком хорошей матерью: с трудом придя в себя после совершенно непереносимой гибели любимого мужа в первый день Йом-Кипурской войны, она закружилась в безрассудном вихре коротких любовных интрижек, потому что только постоянная смена партнеров помогала ей заглушить неизлечимую боль потери. Она не утешалась ни вином, ни наркотиками — она оглушала себя кратковременными вспышками острого эро-

тического экстаза, который быстро сменялся тусклой скукой, возвращавшей привычную душевную боль. И тогда она решительно рвала с очередным, все еще страстно влюбленным в нее другом, и начинала искать себе новую жертву. Она предпочитала женатых мужчин — их притязания на продолжение связи были обычно менее настойчивы, так что от них легче было отделаться, но главное, особое ее удовольствие состояло в минутном торжестве над их женами, счастливицами, не потерявшими мужей на войне. Немудрено, что захваченная этим спасительным круговоротом свиданий и разрывов, она с трудом находила время для Ури.

И только когда до ее сознания дошло, что она едва не потеряла и сына, которого, как когда-то мужа, могла бы сколотить бессмысленная автоматная очередь — она как бы умерла и воскресла уже другим человеком. Старая боль осталась там, в другой жизни, в которой потерялась жестокосердая охотница Клара, и на смену ей пришла новая боль — за сына. За год его болезни с Клары словно сошел былой доск — она все еще была хороша собой, но в ней перестал пульсировать призывный эротический сигнал, сводивший с ума всех встречных мужчин.

Нельзя сказать, что у нее не было больше романов, — привычка и репутация делали свое дело, но интенсивность этих романов была несравнима с интенсивностью прошлых. Их становилось все меньше и меньше, а за последний год они совсем сошли на нет — никто не вызывал ее особого интереса, да и желающих, пожалуй, было не так уж много. И в результате она оказалась среди ночи на скоростном шоссе Иерусалим — Тель-Авив одна-одинешенька с проколотым колесом и с незалатанной запаской. И неизвестно, чем бы это приключение окончилось, если бы ей не подвернулся любезный чешский интеллигент с хорошими манерами, который, затягиваясь сигаретой, задумчиво ответил на почти позабытый ею вопрос:

— Я уже не помню, откуда я это знаю, но это точно — он был сутулый и низкорослый. Моя голова иногда напоминает мне старый архив, вроде тех, в которых мне приходится рыться, — столько там всякого никому не нужного мусора.

— Но и нужный мусор там тоже есть? — с невесть откуда взявшейся игривостью поддразнила его Клара, одновременно ужасаясь внезапно нахлынувшему на нее непреодолимому

желанию прислониться щекой к твердому плечу этого совершенно незнакомого иноземца. А он, словно угадав ее желание, — а может и он хотел того же? — протянул руку и отвел от ее лица упавшую на глаза прядь волос:

— Кое-что нужное, пожалуй, там тоже есть.

Ей на миг показалось, что он сейчас ее поцелует, и она задохнулась от остроты ожидания, но он, слава Богу, отстранился и принялся раскуривать свою погасшую сигарету. Она разглядывала его профиль со смешанным чувством разочарования и облегчения — черт его знает, чтобы ей следовало сделать, если бы он ее и впрямь поцеловал. Да и чтобы она могла сделать, запертая с ним наедине в крошечном цивилизованном пространстве машины посреди бесконечного ночного безлюдья? Ведь она ничего о нем не знала, кроме того, что он ей само себе рассказал. Она даже лица его толком не смогла рассмотреть, у нее было только общее впечатление излучаемого всем его существом мужского присутствия — качества, которое она больше всего ценила в мужчинах, выше ума, щедрости и красоты. Качества, ради которого она когда-то оставляла преданных и нежных любовников и бросалась навстречу грубым и неверным.

Ничем не выдавая внезапно вспыхнувшего в ней эротического интереса к своему случайному спасителю, Клара до отказа отодвинула назад спинку пассажирского сиденья и закинула ногу за ногу хорошо отрепетированным движением, позволявшим показать собеседнику во всейкрасе ее щиколотки и колени, — главное оружие ее арсенала, наименее подвластное разрушительной работе возраста.

— Ладно, давайте поговорим о Вагнере. Времени у нас полно, — произнесла она легко и легкомысленно, делая вид, что всматривается в зыбкую темноту за окном. Но она ничего за окном не видела, потому что перед ее внутренним взором разворачивался другой, совершенно нереальный, но захватывающий сценарий: ладонь Яна нежным касанием ложилась на ее лодыжку и начинала мучительно, восхитительно медленно ползти вверх к колену, а потом все выше, выше, выше... Где-то на задворках ее сознания начали разгораться маленькие веселые фейерверки, проворно согревающие ее кровь бесконтрольным охотничьим азартом, о котором она последний год и думать за-

была. Господи, неужто она еще способна так неоглядно, по-девичьи, вспыхнуть и потерять голову от случайного прикосновения мужской руки?

ПИСЬМА КЛАРЫ

Письмо 1-е (неотправленное)

Ты еще висишь в воздухе где-то между Тель-Авивом и Прагой, а я тебе уже пишу, потому что не могу смириться с мыслью о разлуке. Я промчалась через три коротких недели нашей любви, как призовая лошадь на скачках. Каждую новую неделю мне приходилось брать сходу — как новый, еще более высокий барьер. И вдруг — полная остановка. Все мои мышцы и нервы напряжены до предела, но мчатся мне больше некуда — перед мной бесцельно растилается пыльная плоская степь.

Страшно признаться, но наша случайная встреча на ночном шоссе перечеркнула всю мою прошлую жизнь. Или до тебя никакой жизни у меня не было? Черт его знает, ведь что-то все-таки было, что-то болело, казалось важным и незаменимым — муж, работа, сын. Ну вот, проболталась, дура старая, — ты ведь не знаешь про моего сына, даже не подозреваешь о его существовании! Что ж, значит, это письмо я тебе не отправлю, потому что мой сын — это мой секрет. Хоть я и не выпляжу беспечной молодухой, но все же, надеюсь, не тяну на мать совсем взрослого сына, и ни к чему тебе о нем знать! А раз уж я это письмо тебе не отправлю, то могу побаловать себя и написать все, что мне вздумается, не опасаясь наскучить тебе своей неумеренной любовью.

Я, собственно, еще раньше решила не отправлять тебе все свои письма — боюсь, их будет слишком много, потому что не писать тебе я не могу. Ведь только на краткий миг, пока я тебе пишу, заполняется та зияющая пустота, в которую превратилась моя жизнь после твоего отъезда. Смешно, после твоего отъезда прошли считанные часы, а я уже жалею на пустоту, требующую заполнения! И насколько не смешно — у меня на душе так пусто, так тоскливо, и я не могу придумать, чем бы занять свою пустую голову. Может, попробовать вернуться на то ночное шоссе, где все это началось? Мне некуда спешить, я могу вновь

пережить нашу звездную ночь — медленно-медленно, минута за минутой, секунда за секундой.

Вот ты вынул сигареты, поднес мне зажигалку, но вспыхнула не сигарета, а вся моя кровь — горячая волна поднялась из каких-то сонных глубин моего существа и захлестнула меня с головой. Язрительно помню, как мы почти до рассвета сидели в кабине и говорили о Вагнере, но это было совершенно несущественно — мы с равным успехом могли бы молчать или пересказывать друг другу таблицу умножения, потому что наши мысли были страшно далеки от наших слов. В мыслях каждый из нас уже прожил то, что было нам как бы предопределено, но все же не стопроцентно обещано. Именно этот крошечный зазор между мысленно прожитым и не наверняка осуществимым придавал нашему взаимному ожиданию особую остроту.

Потом приехал буксир, подхватил мой «Ситроен», и водитель предложил мне сесть в его кабину, но мы с тобой не могли расстаться. Ты изобрел какой-то неубедительный довод, доказывающий, что я просто обязана ехать в твоей машине. Я только того и ждала, чтоб с тобой согласиться, и мы покатали по шоссе вслед за буксиром, опасаясь непредвиденных помех.

Это была странная поездка — мы словно плыли в тумане, наэлектризованном нашим неутоленным желанием. Постепенно мы перестали притворяться и прекратили свою интеллигентную беседу об особенностях вагнеровского аккорда. Губы нам свело от невозможности присосаться друг к другу. Я не помню, как мы отделались от буксира, как добрались до моего подъезда. Помню только, что мы, несговариваясь, выскочили из машины, сплелись пальцами и в полном молчании бегом взлетели на третий этаж. У тебя не хватило терпения дожидаться, когда я отопру дверь — пока я лихорадочно рылась в сумочке в поисках ключа, ты прямо на лестнице прижался ко мне сзади и пальцы твои начали жадно бродить по моему телу, раздирая и отталкивая досадные препятствия из шелка, шерсти и нейлона. Почти теряя сознание, я все же умудрилась отпереть дверь, и мы, едва переступив порог, повалились на ковер в салоне, так и не дойдя до спальни.

Но твои нетерпеливые ласки вовсе не означали хорошо знакомой мне стремительной штурмовой атаки. Раз уж я не собираюсь отправлять тебе это письмо, я могу признаться

откровенно, что имя им легион и цена им грош — моим стремительным нетерпеливым любовникам! Господи, сколько их у меня было! От их бурного натиска остаются потом только липкие пятна на простыне и брезгливое удивление, для чего все это было нужно. А ты — нет, ты вовсе не стремишься в тот первый раз поспешно овладеть мной и улизнуть куда-нибудь, в сон или в машину. Это я, стремительная и нетерпеливая, торопила тебя, но ты неподдавался, ты отвел мои жадные пальцы и сказал:

— Не спеши, не спеши! Жалко так сразу все разбазарить.

Пожалуй, на сегодня хватит. Лучше остановиться и постараться заснуть: кажется, начала действовать снотворная таблетка, которую я приняла еще по дороге из аэропорта. Тем более, что завтра в восемь у меня совещание с мэром Тель-Авива по поводу перебоев в работе новой водооткачки в районе Центрального рынка. Такая вот проза! Я помню, как ты хохотал, когда я в то утро в полвосьмого вскочила с постели и начала лихорадочно одеваться, а на твой сонный вопрос, куда это я в такую рань, объяснила, что опаздываю на работу. Тебе почему-то показалось очень смешным, что я, как все нормальные люди, каждый день хожу на службу, а не сижу по ночам на автостраде со спущенным колесом и дырявой запаской, в надежде поймать в свои сети какого-нибудь зазевавшегося иностранца. Но особенно смешно тебе стало, когда ты узнал, что я занимаюсь таким прозаическим делом, как системы водоснабжения, а не какой-нибудь возвышенной материей, вроде истории изящных искусств. Ты даже не поленился вылезти из-под одеяла, чтобы подвести меня к зеркалу и воскликнуть с пафосом:

— И такая женщина посвятила свою жизнь канализации!

Письмо 6-е (отправленное)

Дорогой ты мой, как хорошо, что ты мне написал!

Жаль только, что на компьютере, — значит, мне не удастся, анализируя твой почерк, проникнуть в тайные закоулки твоего характера. Впрочем, зачем мне в них проникать? Кто знает, что я там обнаружу? Вдруг что-нибудь неприятное, вроде трех жен и одиннадцати детей?

Впрочем, и это неважно — какая мне разница, сколько у тебя жен, пока ты по мне скучаешь? И тем более не будет

никакой разницы, когда ты перестанешь по мне скучать. Надеюсь, это случится нескоро. Ты пишешь, что уже начал искать лазейки, как бы вырваться к нам снова — боже, неужели это возможно? Ведь я без тебя стала стремительно опрощаться — на концерты не хожу, неохота. В разлуке с тобой все так тускло, и даже музыка не в радость. Единственное, что я все еще делаю исправно, это выкачиваю из канализации сточную воду и превращаю ее в питьевую. Как тебе мое чувство юмора, которое ты так ценил? Похоже, что без тебя и юмор мой стал попахивать канализацией.

У нас начинается лето, а это всегда тяжело, не только в смысле водоснабжения. Да, да, ты прав — лето у нас начинается слишком рано, но что можно с этим поделывать? Приезжай поскорей, пока еще не стало нестерпимо жарко. Я надеюсь, ты сумеешь что-нибудь устроить, ведь у тебя в Музее Рассеяния осталось еще черт знает сколько неразобранных ящиков!

До встречи, до встречи, до встречи! Я верю, что это будет очень скоро!

Очень, очень твоя К.

Письмо 11-е (неотправленное)

Никак не могу заснуть, даже снотворная таблетка не помогает, а ведь я приняла ее по крайней мере два часа назад. Неужели завтра я тебя увижу опять? Нет, не завтра, ведь уже за полночь, значит — сегодня. Осталось всего двенадцать часов, тридцать пять минут, то есть всего 755 минут до того мига, когда твой самолет приземлится в нашем аэропорту. Впрочем, нужно прибавить еще тридцать-сорок минут на всякие мелкие формальности, вроде багажа и паспортной проверки, тогда выходит максимум 795 минут, пусть даже восемьсот, до нашей встречи. Что, собственно, такое — восемьсот минут? Это, вроде бы, не так уж и долго, но мне кажется, что я эти жалкие восемьсот минут просто не переживу, особенно если считать секунды — их уже выходит сорок восемь тысяч, а эта цифра куда как внушительна. Сорок восемь тысяч вдохов и выдохов, ну пускай вдвое меньше — надо найти в себе силы двадцать четыре тысячи раз вдохнуть и выдохнуть, чтобы дожить до встречи. А у меня просто нет сил столько раз вдохнуть и выдохнуть, я лежу пластом в своей постылой

одинокой постели и в двадцатичетырехтысячный раз представляю себе, как это будет завтра, нет, сегодня, через сорок восемь тысяч секунд плюс еще час, то есть еще две тысячи четыреста секунд на дорогу. Но этот час мне будет уже легче дышать, ты ведь уже будешь со мной. Только бы не потерять голову и не разбиться из-за того, что ты рядом и ладонь твоя лежит у меня на колене!

Письмо 12-е (отправленное)

Милый мой, далекий, недостижимый!

Не могу тебе описать весь ужас сегодняшнего должданного дня. Не помню, как я дожила до того мига, когда, по моим расчетам, шасси твоего самолета заскользило по нашей святой земле. Я сбежала с работы под каким-то малоправдоподобным предлогом и притащилась в аэропорт почти на час раньше, не зная куда себя девать. Считая секунды, я застыла возле выхода из бездонного зала прибытия, откуда выплескивались все новые и новые волны озабоченных пассажиров. Каждый, толкая перед собой коляску, набитую чемоданами, напряженно всматривался в толпу встречающих в поисках своих. А я не менее напряженно всматривалась в толпу прибывших в поисках тебя. Сначала — бессмысленно, пока твой самолет не приземлился, потом радостно — пока пассажиры из Праги катили мимо меня свои тележки. Конечно, я несразу сообразила, что вышли уже все, а продолжала с надеждой вглядываться в лица пассажиров из Амстердама, Милана и Бангкока, но радость моя постепенно испарялась, уступая место тревоге. Причем я боялась сдвинуться с места, чтобы выяснить, куда ты делся, — ведь ты мог выйти в любую минуту и затеряться в толпе, решив, что я уже уехала, так и не дождавшись. Как будто такое было возможно!

Когда вышли все пассажиры из Гамбурга, прибывшие на полтора часа позже, чем самолет из Праги, я почувствовала, что во рту у меня пересохло, а ноги окончательно затекли. И с неумолимой ясностью поняла, что ты не прилетел. Но вместо того, чтобы отчаяться, я тут же вообразила против всякой очевидности, что ты, незамеченный мною, проскочил мимо, побродил-побродил по залу, не замечая меня, — как будто меня можно было не заметить! — слегка удивился, слегка расстроился, взял такси и поехал ко мне. И теперь стоишь у

меня под дверью, не понимая, куда я делась, или еще хуже — пожал плечами и ушел. Куда? Как я теперь тебя найду?

Это дурацкое недоразумение на миг показалось мне вполне реалистичным, и я, не помня себя от ужаса, дрожащими руками ухватилась за руль и помчалась домой, пересекая перекрестки на красный свет и угрожая жизни зазевавшихся пешеходов. Пока я взлетала по лестнице к своей квартире, я воображала, что слышу твое ровное дыхание наверху — мне виделось, как ты, усталый после раннего старта и многочасового перелета, задремал у меня под дверью. Но там, конечно, никого не было. Я ворвалась в квартиру, все еще надеясь неясно на что, — ведь в глубине сознания я ни на секунду не забывала, что ключа у тебя нет. Окончательно убедившись, что в квартире тебя нет, я бросилась к телефону, включила автоответчик и услышала твой расстроенный голос. На миг меня охватила волна радости, мне показалось, что ты где-то здесь, близко! Но постепенно до меня дошло, что ты звонишь из Праги, хоть я никак не могла уразуметь, почему.

Конечно, мне трудно постигнуть странные правила вашей жизни, которые позволяют вот так просто не пустить в самолет ни в чем не повинного человека с законным билетом и с законной визой в паспорте. И тут же эту законную визу отменить без всякого объяснения! Потому что фальшивый предлог, будто ты летаешь в Израиль слишком часто, объяснением считаться не может. Часто относительно чего, и что значит слишком? А сколько раз в год — не слишком часто? Или раз во сколько лет?

Нет, я сдаюсь: моя логика тут явно не работает. Она только безжалостно предсказывает, что у меня практически нет шанса быть с тобой в ближайшем будущем. А, может, вообще никогда?

Ну вот, сейчас пойду и повешусь!

Слушай, а нельзя устроить так, чтобы я приехала к тебе? Ладно, ладно, не сердись — не такая уж я идиотка, ты ведь объяснил мне, что это будет совершенно невыносимо. Так что забудь, я ничего такого не предлагала.

Но что мне теперь делать — как жить, о чем мечтать?

Письмо 15-е (неотправленное)

Твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука,
твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя

рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука, твоя рука...

Где ты, с кем ты, где твоя рука, твоя рука?

Мне не хватает воздуха, я сейчас умру! Протяни руку, протяни!

Письмо 16-е (отправленное)

Ну вот, где-то в небесной канцелярии услышали мои мольбы и тебе, вроде бы, готовы вернуть отобранную визу. Казалось, я должна была бы радоваться, правда? И даже быть вне себя от счастья. А я опять в отчаянии — потому что я должна уехать за границу на десять дней из твоих так скупомысленно отмеренных двух недель! Наверно, я чего-то не предусмотрела в своих мольбах, а то бы тебя отпустили на другие две недели. Ведь не может же быть, чтоб назло?

Письмо 17-е (отправленное)

Дорогой мой, ненаглядный, конечно ты прав, что не хочешь приезжать, раз меня тут не будет!

Но как ты можешь упрекать меня, не вникая в суть дела? Ты думаешь, я не понимаю, чего тебе стоило вырвать у них обратно эту благословенную визу? Но и ты мог бы понять, что я должна уехать не в туристскую поездку! Неужто я предпочла бы десять дней бессмысленной толкотни вокруг памятников старины хотя бы одному часу с тобой? Нет, даже не часу, а минуте?

Но моя поездка — увы! — определяется не мной. Она — чисто деловая и была запланирована полтора года назад. Я уже не стану рассказывать тебе, какие усилия потребовались мне на то, чтобы убедить моих директоров в ее необходимости и сколько денег им пришлось заплатить за мой доступ к тем редким документам, ради которых я все это затеяла. Если я теперь откажусь ехать, они озвереют и сотрут меня в порошок. Так что я просто не могу эту поездку отменить, — бывают такие обстоятельства!

И все же, представь! — я попробовала: я пошла на прием к самому главному и попросила отложить мою командировку на две недели. Он спросил: «Чего вдруг?», и я сказала — по личным обстоятельствам. Он посмотрел на

меня, как на червя, и спросил, что я думала о личных обстоятельствах, когда все это дело затевала. Ответить мне было нечего, и я робко попросила послать вместо меня кого-нибудь другого, хотя прекрасно знала, что в моем деле никакого другого, равного мне, нет.

— Что ты голову мне крутишь? — заорал он. — Что ты руки мне выламываешь? Не хочешь ехать, не езжай! Иди, подавай заявление об уходе, но только сперва верни деньги, которые мы заплатили за то, чего ты так добивалась!

Он мне всегда казался красивым молодым мужиком, а тут, когда он заорал, я заметила, что у него под подбородком дрожит какой-то дряблый мешок и глаза он скосил от крика совсем по-стариковски. И тогда я поняла, что он не шутит насчет денег, — а ты даже представить себе не можешь, сколько они заплатили за то, что мне позволяют работать с документами из этого секретного архива! Так что, боюсь, я просто не могу себе позволить ни платить, ни увольняться.

Что же мне делать, что делать, что делать? Как мне быть?

Я не могу поехать и не могу отказаться от поездки.

Я умру, если тебя не увижу.

Миленький мой, умный, красивый, придумай что-нибудь!

Неужели твою визу невозможно отложить на две недели?

Письмо 18-е (неотправленное)

Я вижу, с твоими бюрократами не заскучаешь! Остается только восхищаться богатством их фантазии в области садизма. Значит, отложить твою визу нельзя ни в коем случае — или сейчас или никогда? Что же нам делать, если никогда нам не подходит?

Твоя фантазия тоже достойна восхищения. Похоже, что борьба за существование в условиях вашей сомнительной народной демократии имеет свои преимущества: она тренирует изворотливость и смелость. Однако я не такая тренированная и мне страшно. Представим, что ты достанешь билет на полет с пересадкой в Вене, но разве не опасно не полететь дальше, а остаться в Европе? Ведь они, если узнают, могут потом никогда тебя больше не выпустить. А как пересекать европейские границы с твоим паспортом без визы? Может, ты прав, что никогда не проверяют, — а вдруг именно на этот раз возьмут и проверят?

Ты знаешь, я не хочу! Бог с ним, давай лучше отложим, а?
Ты рассердился, да? Ну и напрасно — ты ведь не сомневался, что я умираю от желания быть с тобой?

Просто страх за тебя еще сильнее.

Ну что я плету? Что плету? Я вся изолгалась, я, кажется, никогда в жизни столько не врала — во всяком случае, подряд. У меня такое чувство, будто меня с ног до головы вывалили в грязь, столько лжи я уже нашла вокруг себя. Я совершенно не понимаю, как можно выбраться из той хитроумной ловушки, в которую я попала. Как бы мне хотелось все тебе рассказать и посоветоваться. Но именно тебе-то как-раз и нельзя ничего рассказать, потому что ты, собственно, и есть эта ловушка. И никому другому тоже, ни одной душе.

Непонятно, да? Я знаю, что непонятно, но в том-то и дело, что я не могу ничего объяснить. Я боюсь, что я пишу очередное письмо, которое нельзя отправлять. Тогда я хоть на бумаге поделюсь с тобой своими жуткими проблемами, которыми я не могу поделиться ни с кем. А потом порву это письмо на мелкие клочки, а клочки для верности сожгу — ведь, не дай Бог, кто-нибудь не то что проведает, но даже заподозрит!

Но никто, конечно, ничего не подозревает, потому что я не вру никому, кроме тебя. Остальным я не вру, я их обманываю, что вовсе не одно и то же, а гораздо хуже, потому что этот обман — большой, он куда страшней моего мелкого вранья тебе. Я не знаю, как быть — все вышло так неожиданно! Понимаешь, когда они оформляли мой допуск к этой сверхсекретной работе, я их вовсе не обманывала, моя совесть была совершенно чиста. Я не знала тебя, не любила тебя и не подозревала, что когда-нибудь тебя встречу и полюблю.

Черт его знает, может надо было доложить им о нашем романе — и пусть они сами решают, выгонять меня или нет? Но кто же докладывает о таких вещах?

Я и сейчас могла бы спастись от вечных мук совести, если бы отказалась от встречи с тобой. Я, кажется, даже отказывалась где-то в начале письма. Но раз я его не отправлю, этот отказ пока не в счет. Пока не в счет. Сперва надо его обдумать.

Что с нами случилось? Ничего особенного — простое невезение, злое стечение обстоятельств, которое надо переждать, как плохую погоду. Так, может, переждем?

Но в том-то и ужас, что я не могу ждать, не могу отложить нашу встречу. Не могу и все! Увы, я достигла того возраста, когда уже опасно полагаться на будущее. А вдруг ты передумаешь? А вдруг ты за это время встретишь другую — лучше и моложе меня? Таких ведь много, их гораздо больше, чем мне бы хотелось. Когда я о них думаю, я вообще не понимаю, что ты во мне нашел. При мысли о них я готова на все, только бы почувствовать твои руки на своих плечах, твое дыхание в ямочке на шее, куда ты так любил меня целовать.

Мне ничего не остается, как порвать это письмо, сжечь обрывки и написать тебе другое — трезвое, разумное, деловое, с точным адресом той библиотеки, в секретном архиве которой мне позволили работать.

Ну вот, еще одна ложь, не слишком, впрочем, большая — так, полуложь-полуправда. Ну и пусть ложь, так что? Ведь главное, решение принято! Теперь надо скорей написать, отправить и закрыть себе путь к отступлению. На душе у меня стало легко и спокойно, меня даже не тревожит мысль о том, что я разглашаю государственную тайну.

Письмо 19-е (отправленное)

Что ж, чудно, миленький, чудно. Давай встретимся в Европе. В этом даже есть что-то романтическое — отели, опасности, музыка в ресторане.

С 7 июля я буду в Англии, в крошечном городке Дерри-вог в Северном Уэльсе неподалеку от Честера. Там все знают библиотеку-пансион. Ее называют так потому, что при ней есть некое подобие отеля, где приезжающим ученым сдают комнату с полным пансионом. Кстати, говорят, что там не слишком комфортабельно, зато довольно дорого — наверно, для компенсации. Но ты можешь поселиться в каком-нибудь не столь ученом пансионе по соседству, наверно, там дешевле.

Я прошу тебя ничем не выдать, что мы были до этого знакомы, так будет лучше и тебе, и мне. Я уверена, что у тамошних благочестивых стен есть не только уши, но и глаза.

До встречи, любимый, до встречи. Теперь у меня есть занятие на целый месяц — считать дни, часы, минуты и секунды.

Твоя К.

УРИ

Самолет тряхнуло, и Ури открыл глаза. За овальным окошком скользили перистые облака, косо освещенные заходящим солнцем. Судя по положению солнца, самолет летел на запад, что совпадало с направлением на аэропорт назначения, указанный в билете. Ури прильнул к прохладному стеклу иллюминатора, стараясь разглядеть медленно кружащуюся под крылом землю. Где-то под ними сейчас должен промелькнуть замок Инге, но вряд ли удастся различить его среди темной зелени леса, подернутого прозрачной дымкой теплого летнего воздуха. Лес смотрелся с высоты, как скопление водорослей на дне океана. Океан этот был спокоен и недвижим, однако от чего-то забытого прескверно саднило под ложечкой, и нужно было срочно вспомнить, от чего. Ури поспешно перелистнул страницы предлетных впечатлений и по тягостному толчку в сердце определил причину тревоги — мать!

Сообщение о том, что представлять Изрключению о воде. И не успел проболтаться Инге.

Что ж, пожалуй, так оно и лучше. А то бы Инге обязательно у него это выпытала. Ведь она так убивалась, так убивалась, что он уезжает от нее неведомо насколько, неведомо куда. И конечно, рассказ о его возможной трогательной встрече с ничем не подозревающей мамочкой мог бы слегка ее утешить и отвлечь от фантазий о тех бесчисленных опасностях и соблазнах, которые поджидали его в разлуке с ней. Уж что-что, а выпытывать Инге умела! Стоило ему вернуться из университета с крошечным секретом на задворках сознания, она каким-то седьмым чувством этот секрет тут же распознавала и начинала его выуживать. Иногда Ури и сам не знал, в чем его секрет состоит, он просто маялся неким невнятным дискомфортом, но Инге всегда умудрялась отыскать занозу и извлечь ее из его душевного тайника.

По всей видимости, прежде, чем предложить Ури взяться за это дело, ребята из Шин Бета отлично разведали подробности его жизни с Инге и решили, что чем меньше он будет знать, тем лучше. И он до последнего дня ничего и не знал, кроме того, что задание ему предстоит тайное и большой государственной важности. Лично для него это был удобный

вариант прохождения резервной службы на ближайшие три года вперед плюс вполне приличный дополнительный заработок, что, вообще-то говоря, было за пределами всех принятых норм прохождения резервной службы. Но, похоже, и задание было тоже за пределами всех принятых норм.

О том, что он летит в Лондон, ему сообщили тоже только при вручении паспорта, строго-настрого оговорив заранее, что Инге не поедет провожать его в аэропорт. Запрет проводить его почему-то особенно уязвил Инге, как будто поспешный поцелуй в многолюдной очереди перед паспортным контролем мог хоть как-то смягчить для нее горечь разлуки.

После недолгих, но бурных пререканий они сговорились, что она проводит его только до железнодорожной станции и даже не пойдет с ним на перрон, чтобы не узнать, на какой поезд он сядет. Это последнее требование было совершенно бессмысленным, ибо направление поезда легче легкого вычислялось из расписания, после чего станция назначения была очевидна. Сообщив ему эту нехитрую мысль на вокзальном пороге, который ей не было позволено переступить, Инге сделала неловкую попытку рассмеяться, но вместо смеха у нее из груди вырвался сдвоенный всхлип и на глаза навернулись слезы.

— Ты что? — лицемерно удивился Ури. — Я же не на войну ухожу.

— Сама не знаю, — Инге прижалась щекой к его щеке. — Меня будто в сердце иглой кольнуло. А вдруг я тебя больше никогда не увижу?

На душе у Ури похолодело, но он храбро улыбнулся и с притворным легкомыслием погладил ее по заметно округлившемуся животу:

— При твоих притязаниях на ясновидение такие слова произносить запрещено.

Она перехватила его ладонь и прижала к какой-то точке живота, откуда до него докатился легкий, но вполне ощутимый толчок.

— Слышишь, как стучит? Он тоже не согласен, чтобы ты уезжал.

Ури знал, что Инге полна разных противоречивых страхов: она боится оставаться одна, боится, что Ури угрожает опасность, боится, что, вырвавшись на свободу, он к

ней больше не вернется. Для всех этих страхов у нее не было никаких оснований, но это не меняло дела, поскольку страх ее был сильнее разума. Единственной победой разума над страхом была ее решимость на память об их любви родить этого маленького внебрачного кентавра, полунемца-полуеврея, — страх подумать, как завопит его мать, когда узнает!

Дольше тянуть с расставанием было слишком мучительно, к тому же до отхода поезда оставались считанные минуты. Ури еще раз ткнулся губами куда-то Инге за ухо и почти бегом пересек магическую черту, отделившую их друг от друга.

— Ты хоть звони мне иногда! — взмолилась ему вслед Инге.

У входа в туннель, ведущий к платформам, он не выдержал — оглянулся, совсем как жена Лота. Никаких стихийных бедствий от этого, к счастью, не произошло, только сердце у него стиснулось нехорошим предчувствием при виде Инге, как-то безвольно прислонившейся к капоту голубого «Фольксвагена-пассата», купленного ею два года назад в счет денег, предназначенных на реставрацию замка. Когда они обратились за этими деньгами в Бюро по охране памятников, стало ясно, что старый мясной фургон Инге не годится для успешных мотаний по разным бюрократическим инстанциям, и пришлось разориться на «Фольксваген». Остальные машины, необходимые для задуманных Вильмой реставрационных работ, были взяты напрокат, что обошлось имотносительно недорого, благодаря деловым связям и не менее деловым способностям Инге.

Работы по реставрации велись интенсивно, тем более, что самые тонкие достройки Ури взял на себя и полтора года вкалывал, как ненормальный. В результате, к тому моменту, когда они приблизились к завершению первой стадии проекта, он мысленно почти присвоил это вырастающее из-под его рук архитектурное чудо, столько туда было вложено его труда. Во всяком случае он так здорово навострился в искусстве оживления мертвого камня, что без особых усилий был принят на второй курс реставраторского отделения при факультете истории средних веков. И то, и другое, конечно, не без помощи Вильмы, с которой он подружился за это время как с толковым парт-

нером — просто счастье, что она была лесбиянкой, а то бы Инге ни за что недопустила этой дружбы.

Из долгих, но не просветляющих бесед с ребятами из Шин-Бета, один из которых называл себя Йоси, а другой Амос, — Ури почему-то был уверен, что это не настоящие имена, — он заключил, что именно благодаря его успехам в реставрации средневековых замков, ему и предложили участвовать в этой таинственной операции, суть которой была пока ему неясна. Знал он только, что где-то там, куда его посылают, он встретит свою мать, но не дай ему Бог хоть словом, хоть взглядом, хоть жестом навести кого-нибудь на мысль, что они вообще знакомы. Поскольку он — гражданин ФРГ Ульрих Рунге, рожденный в городе — он заглянул в свой еще не освоенный немецкий паспорт, на имя человека, родившегося в Шпеере от добропорядочных немецких граждан Ганса и Маргарет Рунге.

— А она знает, что я там буду? — спросил он Йоси, имея в виду мать. Йоси показался ему менее заносчивым, чем Амос. Не отвечая, Йоси поднял глаза на Амоса, тот кивнул.

— Ей скажут, когда придет время.

— Значит, когда я приеду, ее там еще не будет? — предположил Ури.

Амос пожал плечами:

— Тебе же сказали, что все инструкции ты получишь в Лондоне.

Ури почему-то показалось, что Амос сам понятия не имеет, в чем состоят эти инструкции, и на душе у него стало как-то веселей — ведь он-то завтра все узнает, а заносчивый Амос — никогда. Амос наверно тоже об этом догадывался и заносился, чтобы компенсировать превосходство Ури. По пути на посадку Амос и Йоси так напряженно обжимали Ури плечами, что он почувствовал себя арестантом, только наручников не хватало.

К его радости, они не стали подниматься вместе с ним по трапу, — значит, он полетит один. Он воспринял это как счастливый знак: может, все не так страшно и кончится хорошо. Чего он, собственно, исполошился? Похоже, вся эта дешевая игра в таинственность, в которую он за последние пару месяцев вовлекался все больше и больше, вконец раздергала его нервы. Да и страшновато было ос-

тавлять Инге одну в ее положении, тем более, что не все было ладно с организацией первых туристских групп, которые они только-только начали водить в реставрированные подвальные покои по воскресеньям. Кроме того не все удалось утрясти с нахалом Вальтером, который поторопился открыть свой ресторанчик у ворот замка, едва только появились первые посетители.

На прошлой неделе Вильма приступила к следующему этапу реставрации — к восстановлению сторожевых башен. Так что внезапный отъезд Ури, да еще на неопределенное время, сильно ее подкосил. По-честному, ее следовало бы заранее предупредить об отъезде, но ему велено было хранить все в строжайшей тайне. Он, правда, усердно изобретал разные малоубедительные предлоги, стараясь отсрочить начало работ, однако Вильму, которая двигалась к цели неуклонно, как бульдозер, непросто было отклонить от намеченного курса. Когда он, наконец, решился сообщить ей, что должен уехать срочно и неясно на сколько — домой, в Израиль, по таинственным семейным обстоятельствам, — она пробуравила его своими пронзительными кошачьими глазами и спросила:

— Ты ведь не сегодня решил уехать, правда?

— Решил как раз сегодня, — честно отвечая на ее взгляд соврал он.

— Но задумал давно? — настаивала она. — И потому морочил мне голову всякими глупостями. Почему было не сказать мне прямо?

— Я надеялся, что обойдется.

Вильма вздохнула и склонилась над расстеленным на столе графиком работ. Ури виновато следил, как она водит пальцем по четко расчерченным им самим клеткам — глядеть через ее плечо было удобно, потому что последнее время она стала стричься совсем коротко и ее бледные немецкие волосы, ничуть не заслоняя, стояли щеточкой вокруг ее маленькой головки. Поколдовав над графиком минуту-другую, она взяла красный карандаш и решительно перечеркнула все, что было намечено на ближайшие две недели.

— Боюсь, без тебя это все будет нереально. Если бы ты предупредил меня хоть за несколько дней, я, может,шла бы на это время кого-нибудь другого.

— Никого бы ты не нашла! Ты отлично знаешь, что я незаменим, — попытался отшутиться Ури, прекрасно понимая, как он ее подводит.

Воспоминания об этом разговоре так поглотили его, что он даже не заметил, как самолет оторвался от взлетной полосы. Он очнулся только, когда их хорошенько потрянуло и за окном заскользили золотистые перистые облака, косо освещенные заходящим солнцем. Дни стояли длинные, летние, и пока они летели над Францией, облака куда-то рассосались, так что сквозь клочковатую сизую дымку, стелющуюся между землей и самолетом, можно было различить ленточную структуру французского земельного хозяйства.

Над Францией Ури никогда раньше не летал, а из окна поезда все выглядело иначе. Любопытно было разглядывать с большой высоты крошечные полоски разных оттенков зеленого цвета, густо исчерченные вдоль и поперек тонкими линиями дорог. Очень скоро полосато-зеленая ткань земельного покрова оборвалась, сменившись серебристой гладью Ла-Манша в желтой оторочке пляжей. А за Ла-Маншем под крылом самолета стремительно начала разворачиваться Англия, тоже зеленая, но кроме цвета ничем не похожая на Францию. Лоскутки всех возможных оттенков зелени были здесь выкроены овальными лепестками и сгруппированы вокруг каких-то таинственных центров в причудливые розетки разных размеров, произвольно наложенные одна на другую.

Не успел Ури отметить в уме этот факт, как зеленые розетки исчезли под натиском набегающей армии маленьких белых домиков, каждый из которых был обособлен от соседей изумрудной оправой собственного сада, и самолет пошел на посадку. После получаса суетливых формальностей Ури, прикрытый, как щитом, немецким паспортом на имя немецкого гражданина, уроженца города Шпеера в земле Райн-Пфальц, шел к припаркованной на стоянке машине с английским регистрационным номером, тесно зажатым между широкими плечами лондонских двойников Амоса и Йоси. Один из них отрекомендовался как Йорам, другой — как Гиди, но Ури опять был уверен, что это не настоящие имена.

Они поджидали его в аэропорту возле вращающегося турникета, через который выходят в общий зал только что

прилетевшие пассажиры. По их глазам было видно, что они узнали его сразу, едва он пересек зеленую линию таможенного досмотра, и неотрывно наблюдали, как он преодолевал те двадцать шагов, что отделяли эту линию от турникета. Он тоже узнал их сразу, хоть никогда до того не встречал, и, в отличие от них, не изучал их фотографии. Он узнал их не только по их пристальному вниманию к его персоне, но также по специфической осанке их хорошо тренированных тел и по неуловимому на первый взгляд сходству с Амосом и Йоси. Еще не дойдя до турникета, он дал понять взглядом, что узнал их, и они ответным взглядом подтвердили правильность его догадки. Поэтому, не тратя времени на формальное знакомство, один из них задал по-английски условленный вопрос о том, совершал ли его самолет вынужденную посадку в Монтре. Ури ответил, тоже по-английски, что да, совершал, но не в Монтре, а в Страсбурге, после чего они стиснули его с двух сторон плечами и быстрым шагом повели к выходу.

Всю дорогу от Гэтвика до Лондона он пытался выведать у них хоть что-нибудь о своем будущем задании. Но они либо сами не знали, либо умели держать язык за зубами, так что ему пришлось смириться и отступить. Зато у них была в запасе тема разных вопросов, часть из которых попросту дублировала серию бесконечных вопросов, многократно заданных ему Амосом и Йоси и столь же многократно им отвеченных. Новостью был их настойчивый интерес к его гардеробу — есть ли у него приличный тренировочный костюм, достаточно ли у него чистых рубашек и взял ли он с собой пиджак и галстук?

Последний вопрос был вовсе бессодержательный. Неужто они не знали, что перед отлетом Амос повел его в привокзальный универмаг и они вместе выбрали темно-серый пиджак, сочетающий элегантную простоту со скромной деловитостью, а к нему полдюжины рубашек и два подходящих галстука — один молодежно-пестрый, другой — сдержанно-нарядный? Тем более, что Амос заплатил за всю эту роскошь казенными деньгами и взял в кассе расписку. После этой вполне приятной процедуры они прошли к «Опелю» Амоса, где их ожидал Йоси, который по пути в аэропорт распаковал все покупки и аккуратно срезал с них ярлычки с ценами. Потом он попросил Ури открыть чемо-

дан и начал умелыми быстрыми пальцами перебирать его содержимое в поисках случайно затесавшихся предметов с израильскими ярлыками, но таких не оказалось — сам Йоси специально наказал Ури ничего израильского с собой не брать. Похоже, важность этой детали была так велика, что сразу по приезде в отель — весьма респектабельный, расположенный на знакомой по книгам улице Бэйзвотер Роуд, — Йорам и Гиди снова занялись тщательным изучением его трусиков, рубашек и носков.

Пока они выкладывали на стол аккуратные стопки просмотренных вещей, Ури с интересом разглядывал приготовленный для него номер. Уже при входе его поразило, что ему не дали заполнить регистрационную анкетку: Гиди просто назвал у конторки двузначную цифру, портье вручил ему ключ и они тесно сплоченной тройкой вошли в лифт, так что его присутствие в отеле не было нигде зафиксировано. Номер, в котором он не был зарегистрирован, тоже не был обычной гостиничной комнатой. Дверь из салона, где Гиди и Йорам изучали его подштанники, вела в просторную спальню с двойной кроватью под атласным покрывалом, соединенную с просторной ванной комнатой. Поскольку в передней комнате стоял большой диван, Ури предположил, что его провожатые останутся ночевать в отеле. Но они не остались. Пока Йорам бегал в соседний ресторан, чтобы принести для Ури ужин в бумажном пакете, Гиди объяснил Ури, что ему ни в коем случае не следует выходить из номера. А завтра утром ему в номер принесут завтрак, и к восьми часам он должен быть готов к встрече со своим инструктором, который придет к нему в отель.

— Так что, я даже не смогу посмотреть Лондон? — разочаровано спросил Ури, который никогда до того в Лондоне не бывал.

— Тебя прислали сюда работать, а не развлекаться, — поставил его на место Гиди. Он был такой же заносчивый, как Амос.

— Можешь смотреть телевизор, — посочувствовал ему менее заносчивый Йорам. — Или изучай свои лекции по реставрации, они тебе могут пригодиться, — добавил он, указывая на красную тетрадь Гюнтера фон Корфа, извлеченную им при досмотре из внутреннего карманчика чемодана Ури. Тетрадь эта в первую секунду после обнару-

жения вызвала изрядный переполох, потому что Гиди издали принял кудрявую вязь шифровки Карла за скоропись на иврите. Но убедившись, что это не иврит, он охотно поверил Ури, что это просто стенограмма его лекций по реставрации памятников средневековой немецкой архитектуры, и небрежно бросил тетрадь на стопку не убранных еще в чемодан рубашек.

Перед самым уходом Гиди вдруг что-то вспомнил, — круто развернувшись он прошел в спальню и отворил дверцу шкафа, куда Ури повесил свой новый пиджак. Гиди вытащил пиджак и критически осмотрел его.

— Слишком новый! — заключил он. — О чем эти балбесы во Франкфурте думали?

Он сердито бросил пиджак Ури, — так что тот едва-едва успел перехватить его на лету, — и скомандовал:

— А ну-ка надень!

Ури послушно надел пиджак, застегнул все пуговицы и предстал перед требовательным взглядом Гиди. Пока Гиди прикусив губу искал выход из положения, Йорам разглядывал отражение Ури в зеркале:

— Ума не приложу, как Ганс и Гретель умудрились прожить на свет такого образцового потомка царя Давида. Сознайся, ведь тебя аист принес?

Гиди громко засмеялся, то ли словам Йорама, то ли своей находке:

— Вот что, потомок царя Давида, придется тебе эту ночь спать в пиджаке, пусть слегка обомнется!

Когда они ушли, Ури немного постоял у окна, надеясь разглядеть какие-нибудь подробности лондонской жизни, но окно выходило на тихую боковую улочку, мало освещенную и бесплодную. Напротив тускло светилась зеленая вывеска химчистки, да время от времени редкие машины, сбивая Ури с толку, бесшумно появлялись не с той стороны, с какой их следовало ожидать. Что ж, ничего больше не оставалось, как удовольствоваться на этот вечер английским названием химчистки и неслышным скольжением машин по противной здравому смыслу стороне мостовой. Ури задернул шторы и потянулся за красной тетрадью.

За два с половиной года, что тетрадь эта по секрету от Инге провела в картонной коробке для обуви у него в шкафу, ему так и не удалось расшифровать хитроумную тай-

нопись Карла. Нельзя сказать, что у него было много времени на расшифровку, — ведь ни тягостное расследование гибели Дитера-фашиста, ни хлопоты по добыче денег на реставрацию, ни ежедневный штurm полуразрушенных лабиринтов замка не отменяли будничных трудов по хозяйству. Они с Инге целыми днями работали, как проклятые, и лишь изредка Ури мог выкроить часок на подбор ключика к зашифрованному миру Гюнтера фон Корфа. Со временем стремление проникнуть в этот мир превратилось у него в навязчивую идею, подогреваемую упорным сопротивлением не поддающегося раскрытию текста. Куда он надеялся заглянуть, выискивая все новые методы расшифровки — в интимную исповедь бывшего возлюбленного Инге или в темные закоулки души человека, сделавшего террор своим образом жизни? Он и сам не знал, какая из ипостасей погибшего соперника увлекает его больше, но одно было ясно: похороненный им в подземном тайнике череп Карла будет издевательски скалить зубы в его снах до тех пор, пока он не решит загадку красной тетради.

Ури взял тетрадь с собой в смутном предвкушении просторов свободного времени, которые могут открыться перед ним в поездке. Кроме того он не мог оставить тетрадь дома, опасаясь, что Инге в его отсутствие затеет с тоски генеральную уборку и обнаружит ее в шкафу.

Ури не мог бы толком объяснить, почему он скрыл эту тетрадь от Инге, когда отдавал ей билет и паспорт Карла. Он было собирался рассказать ей о тетради, но какой-то смутный толчок интуиции остановил его в последний момент. Потом он истолковал этот толчок, как опасение обнаружить при расшифровке какие-нибудь откровенные признания, которые Инге будет неприятно прочесть и еще неприятней думать, что их прочел Ури.

Он зажег высокую темно-розовую лампу над креслом и стал перелистывать тетрадь. Некоторые страницы он мог бы воспроизвести наизусть, не глядя, так много раз он над ними бился. В глазах зарябило, он захопнул тетрадь и сунул в чемодан под рубашки. Сегодня работа по расшифровке была бы пустой тратой времени — в голове его роились совсем другие мысли. Да и устал он изрядно, прошедший день выдался не из легких. Он глянул на часы;

хоть по-английски было еще рано, по его часам наступала полночь. Пора было ложиться спать.

Он откинул покрывало и начал было раздеваться, но вспомнив наказ Гиди спать в пиджаке, сбросил только туфли и, как был, во всей дорожной выкладке, плюхнулся в накрахмаленные объятия двухспальной гостиничной кровати. Однако, несмотря на усталость, сон ускользал от него при первом же приближении. В голову лезли разные неудобные мысли о предстоящей неординарной встрече с матерью, которую он не видел уже года полтора. Он тогда приезжал в Израиль на две недели, чтобы пройти медицинское обследование для выяснения перспектив своей дальнейшей военной службы, после чего его оставили в резерве, но списали из боевых частей. Все эти две недели он жил у матери, отчего давно отвык, и они бесконечно ссорились из-за всяких пустяков, хоть им обоим было ясно, что причина их ссор совсем другая, бездонная и неразрешимая, как арабо-израильский конфликт.

Он уехал, так и не примирившись с ней до конца, вернее не согласившись простить ее непримиримое неприятие его любви к Инге. Она так настойчиво пыталась убедить его, будто это вообще не любовь, что умудрилась убедить его в обратном. Если бы мать так не настаивала, он, может, еще бы поразмыслил о природе своих отношений с Инге. Ведь у него в душе со временем тоже начинали копошиться кое-какие сомнения, подстегиваемые неразрешимостью ситуации и очевидной мистической нерасторжимостью их союза. Какое у них было будущее? И было ли оно вообще?

Но он не мог поделиться этими сомнениями с Кларой, которая не желала простить ему, что теперь он нуждается в ней меньше, чем она в нем. Она никак не могла забыть, что до сих пор все было наоборот: он тосковал по ее вниманию, а она слегка тяготилась его любовью, которую принимала как нечто само собой разумеющееся. Раздраженный ее враждебностью к Инге, он предпочел не заметить, что мать уже начала сдавать, и в ее былую победительную улыбку просочилась какая-то жалкая извиняющаяся гримаска, наверно из-за мелких морщинок, собирающихся в уголках губ. Он не желал видеть ничего, что смягчило бы его сердце жалостью и любовью к ней. Не то, чтобы он хотел наказать ее за прошлое легкомыслие или за сегодняшнее упрямство, просто у него это получалось помимо воли.

И вот сейчас, наконец, он был наказан за свою черствость — маясь без сна среди сбитых гостиничных простыней, он вдруг увидел новое лицо матери, тронутое горечью увядания. Конечно, он мог бы и раньше заметить эти беспощадные следы прожитых лет, он, собственно, и заметил их, но слишком занятый собой, не пожелал обратиться на них внимания. Мысль о том, что его мать, как и все другие, может состариться, заболеть и даже умереть, пронзила его своей безжалостной новизной. Ведь до сих пор она была данностью, полученной им при рождении, как ему казалось, на всю жизнь, — его неуязвимой надежной опорой. А тут, затерянный в чужом городе, в чужой неуютной постели, он вдруг ощутил зыбкость этой опоры, и осознал, что в его отношениях с матерью ему пришлось, наконец, время становиться взрослым.

Напуганный этим пониманием, он вскочил с постели, зажег свет и поглядел на часы — было далеко за полночь. В номере было душно. И тут его осенило — все дело в этом проклятом пиджаке! Нарушая приказ Гиди, он сорвал с себя пиджак, рубаху и остальные липнувшие к потному телу тряпки, нырнул в месиво перекрученных его бессонницей покрывал и заснул мгновенным глубоким сном.

Он спал так крепко, что проспал до самой последней минуты, когда в дверь его постучали с громким криком «Завтрак!» Затем, не дожидаясь ответа, в спальню ворвался некто в белой куртке, рывком отдернул штору и, плюхнувшись на тумбочку у кровати поднос с клейкой булочкой и стаканом чая в подстаканнике, умчался прочь так стремительно, что Ури даже не успел разглядеть, какого он был пола — мужского или женского.

Наспех отхлебнув обжигающий глоток чай, Ури глянул на часы — о боже, без семи восемь! Он вскочил с постели и бросился в ванную — надо было срочно привести себя в порядок и натянуть пиджак до прихода Гиди.

Но напрасно Ури торопился — когда он, умытый и свежесвыбранный, при пиджаке и галстучке, дожевывая последний кусок булочки с мармеладом, в дверь вежливо постучали. Ури крикнул «Войдите!», но никто не вошел. Тогда он подкрался к двери, резко рванул ее на себя и прижался спиной к стене, как его учили в армии. В коридоре было тихо. В этой полной тишине Ури услышал шелест чужого

дыхания. Он легким движением отделился от стены и выплянул в коридор — в дверном проеме, улыбаясь хорошо знакомой Ури белозубой улыбкой оболстителя, стоял Меир. Чуть погрузневший, изрядно поседевший, но несомненно он.

Кого-кого, но Меира Ури никак не ожидал увидеть здесь, в лондонской гостинице. С Меиром была связана совсем другая часть его жизни, которую он давным-давно постарался вытеснить из своей памяти. Сейчас он разом вспомнил то бесконечно длинное жаркое лето, когда Меир был любовником матери. Он мог бы сардонически назвать его «одним из любовников матери», но в том-то и дело, что это было бы неправдой. С Меиром у нее было что-то серьезное, не такое, как с другими. С другими она попросту играла, как он в детстве играл с оловянными солдатиками, — когда они ему надоедали, он бросал их в коробку и забывал о них, увлеченный новой игрушкой. А с Меиром все было иначе, по крайней мере, поначалу. И потому он стал в их доме слишком частым гостем. Были даже две-три невыносимых недели, когда он у них жил — по утрам перед работой брился и принимал душ, завтракал на кухне, а по вечерам вместе с ними смотрел телевизор.

Это совместное сидение у телевизора было особенно ненавистно Ури, потому что раньше оно всецело принадлежало ему. Если мать не оставляла его вечером с бэби-ситером, она перед сном обязательно смотрела с ним какой-нибудь фильм и они долго потом обсуждали его, делясь друг с другом разными важными для Ури соображениями.

С появлением в их доме Меира у матери не оставалось времени для этих доверительных бесед, а кроме того по утрам за завтраком Меир тоже старался отвлечь все ее внимание на себя. В конце концов Ури взбунтовался и решительно отказался завтракать с матерью и Меиром на кухне. Он демонстративно уносил свой завтрак к себе в комнату, громким шепотом объясняя при этом матери, что его раздражает манера Меира после еды сосредоточенно ковырять в зубах зубочисткой.

Вряд ли именно бунт Ури побудил Клару расстаться с Меиром, скорей всего у нее для этого нашлись другие, более интимные причины, но однажды, вернувшись из школы, Ури не обнаружил в ванной ни зубной щетки Меира, ни его брит-

венного прибора. Задохнувшись от радостного предчувствия, но все еще не веря, он робко переступил запретную черту, проходившую через порог материнской спальни, и распахнул дверцы стенного шкафа. Во всех отделениях лежали, висели, переливались и порхали бесконечно красивые и душистые вещи матери. Только матери — и все. Неизвестно, сколько времени Ури с ликованием в сердце простоял возле шкафа, вдыхая любимый запах, по которому он, даже с закрытыми глазами, мог найти мать в любом скоплении людей. Каждую секунду рискуя быть застигнутым ею в спальне и наказанным за нарушение запрета, он словно врос в пол перед открытым шкафом, чтобы вновь и вновь пережить свое торжество — ни курток, ни пиджаков Меира там не было!

Вслед за этим счастливым днем потянулись тревожные недели непроходимой осады — Меир не хотел примириться с тем, что между ними Кларой все кончено. Он посылал ей цветы, подстерегал ее в подъезде, когда она возвращалась с работы, он угрожал ей по телефону и часами сидел в машине возле их дома. Однажды в порыве отчаяния он даже попытался подкупить Ури, своего злейшего врага. В первый день учебного года он дождался его у школьных ворот и протянул ему огромную картонную коробку с недавно появившимся тогда и потому недоступно дорогим айбизмовским компьютером.

— Это тебе к новому учебному году, — произнес он неестественно елейным голосом, от которого у Ури по спине побежали мурашки. Он отшатнулся от протянутой руки Меира и припустил к автобусной остановке на улице Жаботинского, куда как раз подъезжал автобус, идущий в противоположном от дома направлении. Ури вскочил в него и с трудом перевел дыхание — кровь стучала в висках так напряженно, будто он только что избежал смертельной опасности.

С тех пор Меир исчез из их жизни. Ури смутно догадывался, что из-за него матери пришлось сменить работу и заняться городским водоснабжением, хотя она была и осталась крупнейшим специалистом по водным запасам всего их региона.

— Человек должен платить за свои ошибки, — сказала она как-то в ответ на осторожный вопрос Ури, и он принял ее слова как просьбу о прощении, обращенную к нему.

Но сейчас, через много лет, окинув одним взглядом уже тронутую временем, но все еще молодцеватую фигуру замешкавшегося на пороге Меира, Ури почему-то испытал необъяснимое чувство вины неясно перед кем — то ли перед Меиром, то ли перед матерью.

— Можно войти? — улыбаясь спросил Меир. — Или так и будем стоять в дверях?

Ури нехотя посторонился, пропуская Меира в номер, но едва оправившись от первого смущения, не смог удержаться, чтобы невольные сравнить эту встречу с той, давней, у школьных ворот, — оставалось только угадать, где у Меира припрятана коробка с компьютером.

— Вот мы и встретились, — констатировал Меир, опускаясь в кресло. Он вытащил из кармана пачку сигарет и зажигалку. — Курить можно? И щелкнул зажигалкой, не дожидаясь ответа.

— А если я скажу, что нельзя? — схамил Ури по старой памяти, припоминая, как он всегда возражал против того, чтобы Меир курил в салоне или на кухне, и заставлял его выходить с сигаретой на лестничную площадку.

Не отвечая, Меир закурил и прищурился на Ури длинным восточным глазом с золотистой хитринкой между косо сходящимися ко внешним углам ресницами. Он, конечно, тоже ничего не забыл. Держал ли он зло на Ури за его, такое далекое теперь, отчаянное противостояние? Темные глаза Меира были непроницаемы, и Ури вдруг ни с того, ни с сего вспомнил, что родом он из Туниса, что родной его язык — французский, и что первую степень он получил в Париже.

— Не ожидал меня здесь увидеть? — вглядываясь в его лицо посочувствовал Меир. — Ладно, садись, — вздохнул он, поскольку Ури в ответ промолчал. — Пора заняться делом. А дело у нас непростое.

Тут Ури вдруг осенило, что мать не подозревает не только о предстоящей встрече с ним, но и о предстоящей встрече с Меиром тоже.

— А она знает, что будет проходить у тебя инструктаж? — спросил он, не уточняя, кого он имеет в виду. Но Меир понял.

— Нет, пока не знает.

— И нельзя ее как-то предупредить?

— А ты выслушай, о чем речь. Тогда ты сам сможешь судить, что можно и что нельзя.

Гибким, все еще молодым движением Меир поднялся с кресла и принялся шагать из угла в угол, сосредоточенно затягиваясь наполовину выкуренной сигаретой.

— Начнем с главного, — сказал он наконец, и Ури заметил, как напряглись все его мускулы, будто он готовился к решительному прыжку. — Правитель одной из арабских стран, я не могу сказать тебе, какой именно, но назовем его условно Хасан, — уже больше года подает нам сигналы, что он хотел бы вступить с нами в переговоры. Его побуждает к этому, конечно, не страстная любовь к миру, а суровая действительность его рушащейся экономики. Ситуация в его стране сложная — если о его намерениях станет известно до того, как он достигнет хоть каких-то результатов, ему конец. Его или убьют или свергнут, что все едино, потому что, когда его свергнут, его тоже постараются убить. Он, естественно, этого не хочет и мы тоже. Все это время мы пытались организовать встречу с его посланцем — он никому не доверяет и потому личность посланца пока нам не раскрывает, темнит. Но ясно, что это какой-то очень близкий его родственник, то ли брат, то ли сын, у него их без числа. Однако ни одно из предложенных нами до сих пор мест его не устраивало, в каждом он находил прорехи, через которые могла бы просочиться опасная для его жизни информация. И вдруг несколько месяцев назад он сам предложил довольно оригинальное место здесь, в Англии. Место весьма нетривиальное, что предполагает характер встречи принципиально непохожий на все другие тайные совещания, которых мне приходилось организовывать немало. Сам ли Хасан на эту идею набрел или кто-то его надоумил, но она несомненно удовлетворяет его склонность к театрализации будничных событий, и нас устраивает тоже. Сама непредсказуемость и даже, я бы сказал, невероятность замысла обеспечивает большую степень надежности.

Меир остановился, ища глазами пепельницу, нашел ее на журнальном столике возле Ури и долго разминал в ней погасшую сигарету, заполняя воздух острым смрадом недокуренного табака. Ури молча ждал, когда он закончит. Эта затянувшаяся пауза показалась ему нарочитой, будто Меир еще раз взвешивал в уме все «за» и «против» прежде,

чем поделиться с Ури своим драгоценным государственным секретом. Покончив с сигаретой, Меир сел в кресло и уставился на Ури невидящими глазами, словно там, куда он смотрел, прокручивали захватывающий фильм.

— Представь себе деревушку, затерянную где-то в холмах Уэллса, — голос его звучал глухо, словно он готовился рассказывать ребенку сказку перед сном.

«Что для него этот проект, — мимолетно подумалось Ури, — еще одна ступенька в блестящей карьере или увлекательная задача, решить которую не просто и почетно? Впрочем, почет сомнительный, ведь все это останется тайной, хранящейся за семью замками в сейфах секретной службы».

Меир начал рыться в карманах в поисках новой сигареты, но передумали продолжал:

— Полтора века назад один валлийский вельможа по имени Артур, рассорившись со своими сыновьями, решил в наказание лишить их наследства. Он оставил все свое состояние местной церкви с целью создания научной библиотеки при условии, что доступ к книгам будет обеспечен всем исследователям, без различия религии и национальности. Неудачливые наследники, конечно, пытались опротестовать завещание, но церковь была сильнее их и выиграла дело во всех судебных инстанциях. Денег оказалось много, так что к концу девятнадцатого века специально созданному для этого совету удалось построить роскошное здание и закупить некоторое количество книг поразным вопросам теологии, истории, философии и культуры средних веков. Слава библиотеки начала быстро расти и перед первой мировой войной в английском высшем обществе стало модно жертвовать ей деньги и старинные книги, веками пылившиеся на книжных полках родовых замков.

В результате библиотека становилась все обширней и богаче. Ей нехватало только читателей — ведь книг на вынос там не выдавали, а построили ее черт-те в каком захолустье, в маленькой деревушке, куда даже железную дорогу не стоило проводить. И кто-то из членов совета придумал превратить библиотеку в пансион, чтобы жаждущие дорваться до ее ценностей ученые могли спокойно жить там на всем готовом. Неделю, две, месяц, год, сколько кому понадобится. За деньги, конечно, но за деньги разумные,

которые ученым были бы по карману. Для этого барский дом Артура, без пользы ветшающий рядом с библиотекой, недорого перестроили в некое подобие монастырского жилья. Знаешь, такой лабиринт из узких коридоров, по обеим сторонам которых расположены скромные кельи, пригодные для ночного сна и дневных раздумий. А для работы каждому предоставляется комфортабельный стол в одном из лучших в мире читальных залов. Вокруг — тишина, покой, — с одной стороны старинная церковь с часовней, с другой заросшее кустами кладбище, вдали поля, рощи, перелески, за несколько миль океан. Ни прохожих, ни проезжих, ни туристов, ни журналистов.

Меир перевел дух и победоносно глянул на Ури.

— Сечешь?

— Пока не очень, — честно признался Ури.

— Это потому, что ты там не был. А я был. Прожил неделю, притворяясь архивариусом монастырской библиотеки из Бургундии. Ты представить себе не можешь, какая там жизнь. Трапезы там общие — не в столовой, а в трапезной. Трапезная темноватая, строгая, стены до потолка обшиты дубовыми панелями, длинные ореховые столы составлены, как ход коня в шахматах, скатерти на столах белые, накрахмаленные. Салфетки тоже — никаких бумажных утирок ты там не найдешь. За пять минут до завтрака звенит звонок, и гости, едва умывшись, спешат вниз по соединяющим этажи винтовым лестницам и выстраиваются перед высокой дверью в трапезную, куда их впускают ровно в восемь. Завтрак скромный — на отдельном маленьком столике приготовлена овсяная каша, горячее молоко, яблочный мармелад и тосты с маргарином. На соседнем столике кувшины с кофе и чаем — и все, никакой роскоши. В одиннадцать утра, в пять вечера и за два часа до полуночи во всех коридорах звенит серебряный колокольчик, сзывающий гостей к чаепитию и светскому общению. В большой гостиной, выходящей окнами в сад, на специальных старинных плитках, подогреваемых свечами, сервированы чай и кофе, которые дежурный библиотекарь разливает в невесомые чашечки из тонкого фарфора с фирменным знаком на дне. И хоть скромность разложенных на серебряном блюде сухих бисквитов резко контрастирует с богатством посуды, прак-

тически все обитатели библиотеки прерывают свои труды и приходят к чаю. Ведь эти короткие встречи за чашечкой чая дают безбрежный простор для интеллектуальных бесед, ни к чему не обязывающих, никому не подотчетных и потому не сковывающих полет фантазии никакими условностями. Подбор участников случаен, но предварительный отбор их очень строг — я не скажу, что легче верблюду пройти через игольное ушко, однако не каждому любителю древних книг это удается.

— А мне, похоже, удалось? — непочтительно перебил Меира Ури, не по рангу, а по праву старого недруга. Но Меир, похоже, на эту мальчишескую дерзость не рассердился, наоборот, вроде бы ей обрадовался:

— Кое-что ты уже просек, я вижу? — полувопросительно констатировал он.

— Кое-что, но далеко не все. Что меня допустят в круг избранных, мне ясно. Иначе, к чему было тратить деньги на новый пиджак и галстуки? Но вот зачем?

— Неужто еще не понял? Встреча нашего представителя с представителем венценосного Хасана состоится не в тайной подземной пещере и не на необитаемом острове, а на людях. Чтобы они могли затеряться в толпе, так сказать. Мы, конечно, предлагали и пещеру, и необитаемый остров, но он отказался. Боится, что его человека выследят и всю его затею разоблачат.

— А на совместное интеллектуальное чаепитие он согласен?

— Не просто согласен, а сам предложил. Именно на чаепитие, плюс две ночи переночевать, плюс завтрак, обед, партия в гольф и еще одно чаепитие, прощальное. Дело в том, что Хасан питает слабость к этой библиотеке — он, когда учился в Кембридже, несколько раз ее посещал. Он был тогда принцем и воображал, что сумеет стать либеральным правителем европейского толка. Он тогда даже хобби себе завел — пытался писать исследование о влиянии суфиев на европейскую культуру. О либерализме ему пришлось забыть, и книгу о суфиях он таки не дописал — ему уже давно не до книг. Но память о том невозвратном времени все еще греет его сердце.

— А наши, значит, приезжают как ученые гости библиотеки?

— Официально наших там практически не будет. Мы уже полгода работаем над тем, чтоб замаскировать их под разными личинами. Кое-кто там уже пару месяцев сохнет над книгами о средневековых схоластах, кое-кто на неделю приезжает из Америки. Ну и разные другие есть — слава Богу, интеллигентных евреев пока еще можно найти в любой стране. Вот ты, например, — немецкий гражданин, специалист по реставрации руин.

— Но я-то вряд ли гожусь для переговоров.

— Да кто тебя приглашает к переговорам? Ты будешь следить, чтобы какой-нибудь хитрец не прокрался туда и не разоблачил замыслы Хасана с целью провалить все дело в зародыше. Мы хотели было всю библиотеку только своими заполнить, но не выходит. Одни ученые мужи — впрочем, среди них попадаются и дамы, — проводят в библиотеке свой субботний год: они живут там уже несколько месяцев и выселить их нет никакой возможности. Другие зарезервировали комнаты несколько месяцев назад, им тоже нельзя отказать, тем более, что мы не смеем об этом даже заикнуться — меньше всего мы заинтересованы в том, чтобы здешняя дирекция заподозрила, будто есть какие-то «мы». Так что у нас оставался только один выход — заселить библиотеку своими людьми, насколько возможно. И это тоже оказалось задачей непростой, ведь люди нужны надежные, подходящие по научным интересам и внешне неимеющие никакого отношения к Израилю. Таких замечательных ребят, как гражданин ФРГ Ульрих Рунге, нам удалось наскрести с полдюжины, не больше, а остальных пришлось сфабриковать из подручного материала, что, конечно, чревато разоблачением, если кому-то вздумается хорошенько проверить. Вся надежда на то, что никому в голову не придет проверять, — если никто ни о чем не поболтался.

— А на это можно надеяться?

— Как тебе сказать? Ты же знаешь, как у нас обстоит дело с утечкой информации! К счастью, почти никто ничего не знает. Большинство приглашенных не имеют ни малейшего представления о реальной причине маскарада. Каждому выдана наиболее приемлемая для него версия. Для тебя я сделал исключение, потому что лично тебя знаю...

«Ого! — пронеслось в голове Ури, пока Меир переводил дух перед следующей фразой. — Вот он, компьютер!»

А дух Меиру перевести было необходимо, потому что следующая фраза была козырная:

— ...и потому что ключевой фигурой на этих переговорах будет твоя мать. Меир произнес эти слова таким напряженным голосом, словно бросился с пятиметровой вышки в ледяную воду, и замолк, дожидаясь, пока в легкие опять наберется воздух. Наверно в лице Ури что-то изменилось, потому что, когда воздуха в легких Меира набралось достаточно, он спросил с упреком:

— Что ты вскинулся? Ты ведь знаешь, что она там будет.

— Что будет — знаю. А насчет ключевой роли ее фигуры слышу в первый раз.

И сам засмеялся своей непредвиденно дерзкой игре слов. Но Меир на его фрейдистскую проговорку не клюнул, он даже глазом не моргнул, словно и не слышал.

— Главный повод для этой встречи — вода. Хасан крайне обеспокоен бедственным состоянием водных запасов в его стране. Поэтому он так жаждет, невзирая на опасность, перебросить через свои высыхающие ерики этот хрупкий мостик к нам.

Он опять замолчал и начал рыться в кармане в поисках сигарет. Молчание затянулось — похоже было, что Меир ждет от Ури какого-нибудь наводящего вопроса. Но Ури, не в силах совладать с нахлынувшей откуда-то из детства острой потребностью уязвить Меира, тоже упрямо молчал. В конце концов Меир бросил на стол незакуренную сигарету и заставил себя признаться:

— Тебе я не должен рассказывать, что вряд ли кто-нибудь разбирается в наших водных системах лучше, чем твоя мать.

За этими словами стояла такая мучительная для них обоих полоса жизни, что не отозваться на них было невозможно.

— Поэтому надо было выставить ее в городское управление и поручить ей заниматься проблемами канализации?

Глаза Меира на миг потемнели от гнева, но всего лишь на миг. Он тут же овладел собой и сказал преувеличенно ровным голосом:

— Не надо, Ури. Ты прекрасно знаешь свою мать, чтобы понять, что никто ее не выставял. Она всегда делала все, что хотела.

О да, свою мать Ури знал хорошо! Если, конечно, иметь в виду ту лихую охотницу, которую помнил Меир, а не эту

новую, погасшую, застенчиво прикрывающую ладонью мелкие морщинки в уголках рта. Но сейчас это не имело отношения к делу.

— Столько лет прошло — неужто для этого случая у вас не нашлось никого другого?

— Специалистов полно, но нет никого с таким острым взглядом и с таким трезвым подходом. А кроме того другие не удовлетворяют остальным, не менее важным, требованиям. Все они — сабры, и никого из достаточно доверенных нельзя выдать за дотошного исследователя из какой-нибудь нейтральной страны. Тебе ведь знаком этот неисправимый ивритский акцент — у тебя, слава Богу, его нет!

— Но ее тоже трудно выдать за немку, — усомнился Ури. — У нее немецкий слишком книжный, сегодня так никто не говорит.

— При чем тут ее немецкий? Она принципиально отказывается выдавать себя за немку. Но в том-то и фокус, что ее не надо ни за кого выдавать. Она ведь всего-навсего ведет канализацией в городском управлении Тель-Авива. И приезжает в Англию изучать архивные документы для книги о древних системах орошения, которую она сейчас пишет.

— Клара пишет книгу? — искренне удивился Ури. Работа над книгой не вписывалась в знакомый ему образ матери. Впрочем, что он о ней теперь знает?

— Ты что, совсем потерял с ней связь? — вырвалось у Меира невольно, и он тут же прикусил нижнюю губу. Но Ури расслышал скрытый в его словах упрек, и перед ним внезапно приоткрылась невнятное ему дотога хитросплетение чужих переживаний — неужто Меир до сих пор сожалеет, что ветреная Клара ускользнула от него, как и от всех других? Неужто он все еще хранит в душе память о тех невыносимых для Ури и, наверно, сладостных для него, коротких неделях его совместной жизни с Кларой, разрушенной в значительной степени ревнивым сопротивлением капризного мальчишки? Но Меир не позволил Ури задержаться на этих бесплодных раздумьях, он властной рукой вернул его к сегодняшним проблемам. Голос его был официально жесток.

— Ну, тогда тебе не повредит узнать, что твоя мать и вправду пишет книгу — раз. И что ее время от времени неофициально приглашают в самые высокие инстанции

для консультации по вопросам хранения и распределения водных ресурсов страны — два. И что ее незначительная должность позволяет ей без всяких подозрений получить доступ к уникальным старинным книгам по орошению в книгохранилище библиотеки Артура — три. Надеюсь, такой подробный ответ тебя удовлетворяет?

— С начальством не спорят, — развел руками Ури, сознавая, что он уже давно перешел все границы в эксплуатации своей былой власти над Меиром.

— И правильно делают, — подтвердил его опасения Меир и закурил, наконец, свою сигарету, не интересуясь больше реакцией Ури на табачный дым.

— Итак, сегодня пятичасовым поездом ты отправляешься в Честер с вокзала Кингс Кросс. Вот тебе билет, вот расписание пересадок — их будет две. В Честере на вокзальной площади сядешь на автобус номер 19 на Махантлес — не удивляйся, название непривычное, потому что все там по-валлийски, — и выйдешь на остановке «Библиотека». Ты ее сразу узнаешь, она бросается в глаза, ее ни с чем нельзя спутать. Вот копии твоих бумаг — твоя просьба о предоставлении комнаты на две недели, рекомендательные письма от двух постоянных посетителей библиотеки, одно от профессора Сержа Лемуры из Лиона, другое от профессора Бранденбурга из Йельского Университета. Вот приглашение от директора библиотеки, вот деньги на оплату счета. Вот карманные деньги — триста фунтов. Вот подробный план библиотеки и спален. А теперь молчи, слушай и запоминай, что ты будешь там делать.

БРАЙАН

Брайан проснулся задолго до звонка на завтрак, но остался лежать в постели — надсадно болел язык и не было сил встать. Он смутно припомнил, что ночью у него, кажется, опять был приступ — то ли ему казалось, то ли и в самом деле, он бился об пол затылком, изрыгая сквозь зубы какие-то жуткие петушиные вопли. И кажется кто-то, наверно его сосед, американский профессор Джерри, ворвался к нему в комнату и, навалившись всем телом, раздвинул ему зубы ножом и освободил прикушенный язык.

За окном, как всегда по утрам, клубился клочковатый белесый туман, который часам к десяти обычно исчезал бесследно, освобождая в бледной синеве неба место для раскаленного добела июньского солнца. Пока Брайан раздумывал об оптимистическом характере валлийской летней погоды, он непроизвольно вчитывался в причудливый узор ключев тумана на глядящих в его окно ветвях старого вяза. Узор быстро менялся в завихрениях утреннего ветерка, но Брайану все же удалось рассмотреть возникающую на мгновение среди листьев цифру семнадцать — свою любимую магическую цифру, предвещавшую что-то приятное, тем более, что сегодня было одиннадцатое июня, а июнь — шестой месяц, так что в сумме опять получалось семнадцать.

В жизни Брайана приятное случалось нечасто, и он зато попился одеваться к завтраку, чтобы не пропустить свой шанс. К сожалению, магические цифры не указывали ни на время, ни на характер обещанного события. Из попытки принять душ ничего не вышло — обе душевые на этаже были заняты, из-за двери каждой доносилось жизнерадостное пение, сопровождающееся веселым щебетом льющей воды. Брайан подождал пять минут и опять отправился на разведку — ничего не изменилось, за дверями душевых все так же пели и щебетали струи. Брайан не сомневался, что обе душевые захвачены сердобольным профессором Джерри и его кокетливой женой Лу, потому что только американцы способны петь в душе так долго и с таким энтузиазмом.

Потеряв надежду принять душ, Брайан поспешно ополоснул что мог в раковине, весьма непрочно укрепленной в углу его комнаты, — сперва под обжигающей струей из горячего крана, потом под ледяной из холодного. Когда он вытирался выдавшим виды полотенцем, давно переставшим быть махровым, в коридоре призывно зазвонил колокольчик. В ответ ему захлопали двери душевых, прошлептели быстрые шаги по ковровой дорожке и весело залопотали американские голоса. Слов было не разобрать, но создавалось ясное впечатление, что каждый из собеседников по очереди громко полощет горло.

Брайан должен был открывать читальню сразу после завтрака, так что он не мог спуститься вниз одетым кое-как, особенно после приступа, когда он ощущал себя измятым и перекосенным изнутри. Пока он неверными паль-

цами застегнул все пуговицы и, преодолевая головокружение, сполз по трехэтажной спирали винтовой лестницы, дверь трапезной уже открыли. Сплоченная толпа гостей медленно втекала внутрь, заполняя места за столами по произвольному выбору. Гости были больше, чем обычно в это время года, и в сердце Брайана затеплилась надежда, что дела библиотеки пойдут теперь немного лучше и его перестанет грызть страх потерять эту работу, которую можно было считать главной удачей его неудачливой судьбы. Если финансовые трудности заставят их закрыть библиотеку, ему будет абсолютно некуда податься, разве что в приют для инвалидов. Вряд ли ему еще раз повезет и он, несмотря на свою болезнь, сумеет найти такую тихую заводь, где будет получать сносную зарплату за то единственное, что он умеет делать, и при этом иметь под рукой все, что необходимо для утоления главной страсти его жизни.

Он вошел в трапезную замыкаяющим и направился было к своему излюбленному месту за самым удаленным от директора столом, но вовремя заметил, что там собрались все американцы, которых в этот сезон набралось в библиотеке изрядное количество. Они, как всегда, весело хохотали и развлекались коллективным полосканием глоток. Во главе стола сидели Джерри и Лу — непостижимо, когда они успели одеться? Ведь они выскочили из душевых в последнюю минуту — или они натягивают свои джинсы прямо на голое тело?

Брайан, собственно, не имел ничего против американских профессоров — в основном они были славные расхристанные ребята, свои в доску, независимо от пола и возраста. Но сегодня его ужаснула совместная трапеза с Джерри, который был свидетелем неприглядных подробностей его ночного приступа и уж, конечно, поделился впечатлениями с женой. Кто знает, над чем они так весело там смеются, может, над ним? Он резко свернул и ринулся в сторону директорского стола, торопливо отыскивая глазами свободное место. Сперва ему показалось, что свободного места там нет и он секунду потоптался между столами, пока не заметил, что угловой стул у окна не занят — кто-то из гостей просто повесил на спинку свою куртку. За это время все уже успели усестись и в трапезной воцарилась неловкая выжидательная тишина, обычно сопутствующая лихорадочным метаниям

опоздавшего. Эта тишина обволокла Брайана, скрутила по рукам и ногам и проволокла к пустому стулу у окна.

Едва его сведенные сознанием собственной вины ягодицы успели коснуться потертой кожаной обивки, как директор поднял всех на благословение трапезы. Брайан автоматически простер направо и налево повернутые вверх ладони обеих рук. Слева никого не было, поскольку угол возле окна был глухой и соседа слева не предполагал, зато правая рука Брайана оказалась в теплом убежище чьей-то большой, но не грубой ладони. Бережное, даже нежное прикосновение этой чужой ладони на миг наполнило измочаленное вчерашним приступом существо Брайана каким-то неземным желанием довериться и отдаться ее владельцу. Испуганный остротой этого желания Брайан деликатно повернул голову вправо и бросил на своего ни о чем не подозревающего соседа быстрый взгляд из-под приспущенных ресниц. Ему понадобилась ничтожная доля секунды, чтобы охватить все — высокую твердую шею, широкие плечи, изгиб полных губ и мягкий свет темных глаз под нездешним разлетом бровей. Брайан с трудом вдохнул воздух и поспешно отвел глаза: сомнений не было — его магическая цифра семнадцать сработала!

Последние слова благословения были полностью заглушены праздничным перезвоном в голове Брайана, но он понял, что молитва окончена, по захлестнувшей трапезную веселой суматохе. Все вскочили со своих мест и столпились вокруг столика с овсянкой и корнфлексом. Первыми там как всегда оказались американцы, которые завладели обеими коробками с корнфлексом — слава Богу, овсянку они не ели принципиально. Брайан стоял поодаль, делая вид, что наблюдает, как они заливают молоком из кувшинов хрупкие горки золотистых хлопьев на дне фаянсовых мисок, а на самом деле краем глаза следил за своим соседом. Тот вежливо дождался, пока толпа вокруг столика поредеет, потом взял половник и потянулся к кастрюле с овсянкой. Когда он зачерпывал щедрую порцию теплой пузырячатой массы, его заприметила Лу и тут же сделала стойку, проливая на пол молоко из кувшина.

— Боже мой! — воскликнула она с возмутительной американской непосредственностью. — Такой молодой, такой красивый, и ест овсянку!

Натянутые, как струна, нервы Брайана зарегистрировали мгновенный толчок крови под смуглой кожей на скулах молодого человека. Но голос его, меченый легким, не поддающимся немедленной локализации акцентом, прозвучал ровно и приветливо:

— Мама с детства приучила меня к овсянке и, как видите, мне это во вред не пошло.

Лу засмеялась, подтверждая одобрительным взглядом воспитательный успех мамы своего собеседника, и, не ожидая приглашения, представилась, продолжая проливать молоко:

— Лу Хиггинс из Корнельского университета, штат Нью-Йорк.

— Очень приятно. Ульрих Рунге из Саарбрюккена.

Ах, вот откуда этот акцент! А Брайан было принял его за итальянца. Впрочем, в наше время все так перепуталось! Взять хоть женщин — они вовсе перестали стесняться, когда им хочется заполучить незнакомого мужчину прямо на глазах у мужа. Эта наглая Лу прямо так и вцепилась в неотразимого Ульриха из Саарбрюккена, призывая его сесть к ним за стол, под тем предлогом, что у них весело. Но тот не кивнул на ее заигрывания: до краев наполнив свою миску кашей, он извинился и направился к своему месту рядом с Брайаном, бросив ей на ходу:

— Осторожно, милая Лу! Вы льете молоко на пол...

После этих слов в трапезной начался настоящий кавардак: пока Лу громко требовала дать ей тряпку, пожилой декан Лестерского аббатства поскользнулся на молочной луже и уронил туда свою миску с корнфлексом, увеличив этим и лужу, и опасность поскользнуться.

Наконец, официантка Нэнси прибежала из кухни с тряпкой и стала вытирать пол, но Лу не соглашалась, и, ссылаясь на хартию прав человека, требовала, чтобы тряпку отдали ей, поскольку она виновата и должна быть наказана.

Под шумок академических пререканий по поводу права на тряпку и меры ответственности нечаянного нарушителя общественного спокойствия, Брайан решил вступить в разговор с соседом:

— Вы надолго к нам, профессор Рунге? — спросил он, чувствуя как на каждом слове голос его может пресечься от волнения.

Вопрос его почему-то страшно насмешил профессора Рунге, который, похоже, даже не заметил волнения Брайана:

— Только ради Бога не вешайте на меня профессорский ярлык — взмолился он — я всего-навсего пишу работу на степень магистра! И зовите меня просто Ули — у нас на факультете по фамилии обращаются только к тем, к кому плохо относятся. А вы тут давно, мистер..? — поинтересовался он.

— Брайан. Здесь все зовут меня Брайан, я сотрудник, — вынужден был сознаться Брайан, остро сознавая, что этим признанием он возводит между собой и прекрасным магистром непроходимую стену социального неравенства. И добавил, понунив голову: — Я — ответственный за каталоги.

Однако это признание не отпугнуло Ули. Более того, оно, по всей видимости, повысило его интерес к Брайану.

— Вот удача! — воскликнул он. — Надеюсь, вы можете мне найти все, что мне нужно?

— А чем вы интересуетесь? — спросил Брайан, не поднимая глаз от тарелки, чтобы будущий магистр не прочел в его взгляде безоглядной готовности добыть для него все сокровища библиотеки, включая даже те, на получение которых требуется специальное разрешение директора.

— Вообще-то я интересуюсь шотландскими сторожевыми башнями...

— Всего-навсего шотландскими сторожевыми башнями!

Однако прежде, чем душу Брайана захлестнуло разочарование чрезмерной простотой задачи, не требующей от него героических подвигов, фраза Ули интонационно оборвалась на последнем слове и нерешительно повисла в воздухе, ожидая завершения. Похоже было, что Ули не спешит ее закончить — он замолчал, зачерпнул ложку овсянки и поднес ее ко рту. Брайан зачарованно наблюдал, как плотательное движение всколыхнуло нежную ямочку у основания смуглого горла, и неимоверным усилием подавил внезапный порыв коснуться этой ямочки кончиком пальца, а еще лучше — прильнуть к ней губами. Чтобы скрыть свое запыхавшее лицо, он поспешно склонился над тарелкой с кашей, делая вид, что ест. Ули зачерпнул было новую порцию овсянки, но есть не стал, а, склонив голову, уставился на Брайана, словно решал, продолжить фразу или нет. Брайан испугался, что сосед заметит его улы-

хающие щеки и догадается о его непотребных мыслях, но тот был занят чем-то своим. Опустив на край тарелки нетронутую ложку с кашей он спросил:

— Кроме того... — он помедлил. — Скажите, здесь можно найти пособия по расшифровке кодированных текстов?

— А что? — замирая от сладостного предчувствия выдохнул Брайан.

— Я тут бьюсь над одним текстом, который никак не удастся расколоть...

Это было уже слишком! Сердце Брайана гулко колыхнулось и покатилося куда-то вбок, под ребра. Ему пришлось больно закусить нижнюю губу, чтобы обуздать свой готовый зазвенеть от возбуждения голос.

— Текст древний? — спросил он почти обыденно.

— Понятия не имею, — задумчиво произнес прекрасный магистр, облизывая ложку и не подозревая, какую бурю чувств это несложное действие вызывает в душе его соседа. — По-настоящему узнать его возраст можно только после расшифровки.

— И давно вы пытаетесь его расшифровать?

— Порядочно, — вздохнул Ули. — Я ведь не специалист.

— Вам повезло! — воскликнул Брайан, мысленно поднимаясь во весь рост и гордо выпячивая грудь, хотя внешне он продолжал сидеть за столом, размазывая по тарелке нетронутую овсянку. — Мое истинное призвание — расшифровка неподатливых текстов!

УРИ

Сразу после завтрака Ури решил поглядеть на здание библиотеки снаружи.

Накануне он приехал слишком поздно, чтобы с улицы увидеть подробности его очертаний, скрытых в темноте глухим каменным забором и пышными кронами окаймляющих деревьев. Он опоздал даже к вечернему чаю, хотя свет еще горел в больших окнах первого этажа, когда он, найдя на ощупь секретную защелку, открыл калитку, хорошо замаскированную в правой створке сводчатых ворот, ведущих во внутренний дворик. Прежде, чем войти в дом, он заглянул в одно из освещенных окон, откуда доносилась приглу-

шенная музыка. Как он и предполагал, это была гостиная, где еще недавно был сервирован вечерний чай. На резном буфете в углу стояли два больших фарфоровых чайника благородных очертаний, а по всем многочисленным столам и столикам были рассеяны белые чашечки с остатками чая. Два пожилых джентльмена в пасторских воротничках, один совершенно лысый, другой увенчанный роскошной седой гривой, стояли, опершись на рояль, и следили, как порхают по клавиатуре умелые пальцы высокой тонкой блондинки. Блондинка сидела к Ури спиной, так что лица ее он разглядеть не мог. Он видел только шелковистые локоны, золотым каскадом спадающие на белый воротник ее блузки. Зато лицо лысого пастора он мог разглядеть хорошо, и на миг оно показалось ему знакомым.

Тут блондинка кончила играть, поднялась из-за рояля и направилась к двери, и оба пожилых джентльмена поспешили за ней, говоря, судя по их жестам, что-то восторженное. Блондинка неожиданно оказалась очень высокой, гораздо выше своих собеседников, она шла чуть покачивая бедрами, ее белая спортивного покроя блузка была заправлена в стильные джинсы, перехваченные в талии плетеным кожаным поясом. На пороге она обернулась к своим поклонникам, чтобы попрощаться, и Ури наконец увидел ее лицо — угловатое и надменное, оно завершилось аккуратно подстриженной светлой бородкой. Дожидаясь, пока любители музыки разойдутся, Ури гадал, какие еще чудеса предстоит ему увидеть в этом заповеднике учености. Когда голоса в коридоре стихли, он легко отворил боковую дверь, нажав четыре цифры условного кода на маленькой белой панельке рядом со звонком.

Эти четыре цифры плюс секрет защелки и номер его комнаты были почти единственной реальной бытовой информацией, которую сообщил ему в Лондоне Меир. Вся их долгая беседа пошла на уточнение деталей предстоящей Ури работы, на подробное изучение плана библиотеки и, главное, на формулировку всего, что было ему запрещено. Назвать остальных участников операции Меир решительно отказался. «Тот, кому надо с тобой связаться, сам на тебя выйдет, а остальные пусть останутся неопознанными. Чем меньше вы будете друг о друге знать, тем меньше шанс, что вы как-нибудь друг друга засветите».

Услышав этот тезис, Ури с легким раздражением подумал, что Меир слишком по-детски увлекается своей игрой в сверхсекретность, в которой все до конца знает только он один. «А мы для него — просто оловянные солдатики. Он, если хочет, выпускает нас на поле боя, если нет — сгребаёт в горсть и бросает обратно в коробку». И ни с того ни с сего пожалел мать, которая теперь тоже окажется игрушкой в руках Меира. Вот уж когда тот сможет насладиться своей властью над ней!

Мысль о матери не оставляла Ури с того момента, как его предупредили об их предстоящей встрече. Вернее, даже не мысль, а почти физическое ощущение ее присутствия где-то рядом, настойчиво одолевавшее его в детстве, но со временем, казалось бы, прочно заслоненное взрослыми страстями и заботами. Неожиданное явление Меира в ипостаси главного распорядителя только усилило это полузабытое детское ощущение, и потому за завтраком он был рассеян, невольно стараясь представить себе, как они с матерью будут встречаться взглядом над кастрюлей с овсянкой и торопливо отводить глаза.

Усилием воли стряхнув с себя это наваждение, он принялся разглядывать своих сотрапезников. В центре большого стола вчерашний музыкальный блондин, прихлебывая молоко из стакана, оживленно болтал со вчерашним лысым любителем фортепианной игры. Сегодня золотистые локоны пианиста были стянуты на затылке ботиночным шнурком, что больше соответствовало его росту и бороде. Лысина его собеседника отражала свет так же, как и вчера. И так же, как вчера, Ури показалось, что это лицо он уже где-то видел.

Ури попытался перехватить обрывки их разговора, но его внимание отвлек странный маленький библиотекарь, невесть откуда возникший у его локтя. С первого взгляда трудно было понять — это рано состарившийся мальчик или навек оставшийся мальчиком старичок. Детские пальчики его взволнованно крошили на скатерть нетронутый тост, когда он, отбрасывая со лба полуседую прядь, провозгласил себя крупнейшим специалистом по расшифровке не поддающихся прочтению текстов. Но едва лишь Ури начал выяснять, какие именно тексты тот расшифровал, библиотекарь, чуть не опрокинув свой нетронутый чай в

тарелку с нетронутой овсянкой, вдруг выскочил из-за стола с криком, что ему пора открывать читальный зал. Вслед за ним и остальные потянулись к выходу из трапезной. Ури оставил чашку с недопитым кофе и поспешил за погруженной в беседу музыкальной парой.

На пороге его перехватила разбитная американка Лу, та, которая подняла в начале завтрака невообразимый шум из-за пролитого молока и прав человека. Она уже успела переодеться в пестрый костюмчик, состоящий из открытой блузки и шорт, выгодно подчеркивающих лошадиную стройность ее англо-саксонских ног.

— Ульрих из Саарбрюккена, — весело пропела она, подталкивая к Ури седобородого господина в полотняной панамке, который нерешительно топтался за ее спиной. — Знакомьтесь: мой муж, профессор Джерри Хиггинс. А мистера Рунге ты видел за завтраком, правда, милый? — обернулась она к мужу, одновременно просовывая свободную руку под локоть Ури. — Не пойдете ли с нами на прогулку? Мы покажем вам здешние красоты, мы уже знаем их наизусть.

«Ну и хватка! Слава Богу, что она тут с мужем!» — молнией пронеслось в голове Ури, когда он, невольно подчиняясь властному нажиму руки Лу, двинулся за ней по длинному коридору, одна стена которого состояла из застекленных дверей, выходящих в хорошо ухоженный цветник. — Очень приятно, мистер Рунге, — жизнерадостно отозвался профессор Джерри Хиггинс, не проявляя никаких признаков ревности, — нам тут не хватает молодой крови.

И добавил, едва поспевая за своей стремительной длинноногой супругой:

— Пожалуйста, называйте меня просто Джерри.

— При условии, что вы будете называть меня просто Ули, — согласился Ури, удивляясь тому, как противно звучит его собственное, добровольно искаженное имя. Произнесенное им самим, оно резануло слух, как нож по тарелке.

Не размыкая рук, они дружным трио выплеснулись на лужайку, окаймляющую цветник. Тут Лу отпустила их так резко, что оба они, сделав по инерции еще пару шагов вперед, оказались в объятиях душистого куста розовой фуксии, напоминающего одинокий остров в зеленом море подстриженной травы.

— Чтобы рассмотреть это здание как следует, нужно отойти от него подальше, — командирским тоном сказал Джерри, вырываясь из объятий куста, и упругим спортивным шагом затопал по розовому гравию дорожки. Он тоже был в шортах, и его волосатые ноги выглядели молодо и крепко, так же, как распирающие полотняную тенниску хорошо тренированные плечи. Лу молча шла за ними, неожиданно смирившись с тем, что дальнейшее руководство операцией Джерри взял на себя.

Гуськом они подошли к увитой плющом стене, в тенистом алькове которой уютно притаилась деревянная скамейка с гнутыми ножками. Отсюда, действительно, было хорошо видно, как гармонично два невысоких, но протяженных крыла здания охватывают пестрое каре цветника, создавая необъяснимое ощущение внутреннего простора в его замкнутом пространстве. Над правым крылом вздымался к небу шпиль старой англиканской церкви. Еще правей в тени деревьев приютилась приземистая часовня, сложенная из крупных, поросших мхом камней неправильной формы.

— Сколько лет, по-вашему, этой часовне? — спросил Джерри, почему-то впиваясь глазами в лицо Ури.

— Лет пятьсот? — разглядывая грубо обработанные камни полувопросительно заглянул Ури. — Этой весной он как раз сдал экзамен по архитектуре протестантских церквей.

Чем-то раздосадованный Джерри сделал шаг назад и сел на скамейку. Лу осталась стоять за спиной Ури.

— Не правда ли, церковь великолепна? — так типично по-американски пропела она, что Ури с трудом удержался, чтобы не расхохотаться.

— Вполне. Для своего времени, конечно.

— Вы что, можете оценить это профессионально? — полюбопытствовал Джерри из глубины алькова. Ури опустился на скамейку рядом с ним:

— Вы хотите спросить, чем я занимаюсь?

Лу немедленно втиснулась между ними, прижав бедро Ури теплым загорелым коленом:

— Да, мы умираем от любопытства. Мы все гадаем — неужели вы приехали сюда рыться в древних религиозных манускриптах? Мы даже заключили пари, и теперь от вас зависит, кто из нас выиграет.

— А кто из вас за вариант с древними манускриптами? Джерри открыл было рот, но Лу страстно запротестовала: — Нет, нет, Джерри, молчи! Его ответ должен быть нелицеприятным! — и она всем телом повернулась к Ури. — Чем же вы намерены тут заниматься?

«Да они меня просто допрашивают!» — ужаснулся Ури, но не стал сопротивляться, а сказал то, что ему было предписано выдавать за правду:

— Шотландскими сторожевыми башнями.

— Я говорил! Я говорил! — возликовал Джерри. — А ты заладила свое: «манускрипты, манускрипты!» — Взгляд его, адресованный Лу, был полон большего смысла, чем его победительная речь.

— Ну хорошо, предположим, что ты прав, — огрызнулась Лу. — Но ведь и шотландские сторожевые башни тоже не Бог весть какое занятие для такого бравого парня. — Ее горячее колено еще напористой вдавилось в бедро Ури: — Ну как вы можете увлекаться этой мертвечиной?

— Я учусь реставрировать и оживлять старые замки.

— А зачем восстанавливать это старье?

— Лу! — попытался остановить жену Джерри, но она уже закусила удила:

— Неужто вы не нашли лучшего дела в жизни, чем копание в чужом могильном прахе?

Пытаясь освободиться от давления ее колена, Ури резко встал со скамьи и почувствовал, как нежный упругий палец пощекотал мочку его уха. Он отшатнулся, и тут же что-то коварное и ласковое заползло ему за воротник. Он непроизвольно сунул руку под рубашку и рванул гибкую змейку, пытающуюся охватить его шею, в ладони его остался длинный зеленый ус, пружиной свернувшийся на конце. — Берегитесь, тут очень агрессивный плющ! — расхохоталась Лу.

Ури поднял глаза на стену и увидел, как сотни маленьких жадных усиков тянутся наружу из зеленой гущи в поисках жертвы, вокруг которой можно обвитьяся, чтобы задушить ее в своих объятиях. Что ж, это давало ему отличный повод сбежать от любознательных Хиггинсов. Он невежливо швырнул усик плюща под ноги Джерри:

— Можете продолжать гулять среди этих вампиров, если они вам так нравятся, а я пойду рыться в своих пыльных чертежах.

И он решительно зашагал по дорожке обратно к дому, пытаясь по пути навести порядок в своих чувствах. Эти Хиггинсы — вполне симпатичные ребята, черт бы их побрал! — чего они от него хотели? Или, может, ему показалось? Нет, он готов побиться об заклад, что они пытались его на чем-то поймать. Не разоблачить и не уличить, а именно поймать, чтобы убедиться. Убедиться — в чем? Что он не тот, за кого себя выдает? А маленький библиотекарь с клочковатыми пухом на макушке — чего добивался тот, предлагая свои услуги с такой страстью?

При мысли о странностях маленького библиотекаря Ури охватили сомнения, не напрасно ли он проболтался тому о своей работе над зашифрованным текстом. Теперь этот чудак от него не отстанет, пока не получит в зубы кусок текста, чтобы показать, на что он способен. Может быть, дать ему небольшой кусок, сочинив в придачу правдоподобную историю его происхождения? Тогда надо поскорей снять копию с красной тетради — как он не подумал об этом раньше?

Ури глянул на часы — до утреннего чаепития оставалось чуть больше часа. Выходит, нужно снять копию с тетради за этот час, потому что на чаепитие он должен явиться во что бы то ни стало — это самый верный способ познакомиться с большинством гостей. Первой обязанностью Ури был подробный отчет о тех, кто приедет в библиотеку за предстоящую неделю. А для этого ему необходимо знать наперечет всех, кто уже здесь.

Ури быстро взбежал по спиральной лестнице на второй этаж и, повернув налево, пошел по длинному извилистому коридору, расчерченному с обеих сторон геометрическим повтором одинаковых некрашенных дверей. По пути он мог заглянуть в любую комнату — двери здесь принципиально были без замков. Все комнаты были совершенно одинаковые — тоже принципиально, похожие на кельи, в каждой была узкая кровать, грубо сколоченный шкаф, письменный стол с книжной полкой, а в углу, за ширмой, умывальник с мутным зеркалом. Кранов в умывальнике было два, из одного текла ледяная вода, из другого кипяток, — англичане, по-видимому, принципиально не признавали смесителей.

Когда Ури вошел в комнату, ему показалось, что кто-то рылся в его вещах, причем рылся поспешно и неаккурат-

но, опасаясь быть застигнутым — из его не полностью распакованного чемодана свисал уголок небрежно прижатого крышкой галстука. А Ури был уверен, что, убегая на завтрак, он оставил аккуратно сложенные галстуки под кипой аккуратно сложенных рубашек. При виде этого второпях скомканного галстука он впервые оценил казавшуюся ему смешной дотошность ребят из Шин-Бета, многократно перерывших его чемодан в поисках забытых израильских ярлыков на нижнем белье.

Ури пошарил под рубашками и сердце его екнуло — красной тетради там не было. Нелепо, конечно, — кому она могла быть нужна? Просто ее в спешке сунули не туда, где нашли. Он схватил чемодан, вытряхнул его содержимое на кровать и засмеялся с облегчением — так и есть, тетрадь выскочила вслед за носками и, соскользнув с покрывала, шлепнулась на пол.

Проклиная коммунистические, или ранне-христианские принципы строителей библиотеки, Ури оглядел свою келью в надежде найти какое-нибудь укромное местечко, куда можно было бы спрятать тетрадь. Но келья была вся, как на ладони — укромных местечек в ней не предполагалось принципиально. Единственным вместилищем для тетради мог служить коричневый конверт с фирменной печаткой библиотеки в левом верхнем углу, лежащий на столе под стопкой чистой бумаги. Ури сунул тетрадь в конверт и выбежал из комнаты.

Времени оставалось немного, а надо было еще выяснить, где в этом крохотном городишке снимают копии. В библиотеке, конечно, была копировальная машина, но утренние события отбили у Ури всякую охоту возиться с тетрадью Гюнтера фон Корфа на глазах у посторонних. Вообще, от тетради необходимо было избавиться — ее история была слишком чревата ненужными разоблачениями, чтобы держать ее в комнате, где каждый, кому не лень, мог рыться в его вещах. Наверно, не следовало ее с собой брать, но жалеть об этом было уже поздно.

Ури был так поглощен поисками копировальной машины, что почти не смотрел по сторонам, мечась по живописным улочкам игрушечного городка. Он только успел отметить, что дома здесь бедней и скромней, чем в Германии, и что все крыши увенчаны длинным рядом двойных

печных труб, сужающихся к концу. Трубы были черные от копоти, а крыши в основном темно-красные, что придавало им сходство с животами недавно оценившихся сучек. Все дома, большие и маленькие, тонули в зарослях густых, совершенно не похожих на немецкие, садов, наполняющих воздух горьковатым ароматом цветущих деревьев.

Так и не найдя копировальной машины, Ури добрался до скромного домика почтового отделения, где вперемешку продавались марки, газеты, искусственные цветы, какие-то откровенного вида окаменевшие мясные пирожки, испеченные в прошлом веке, и фаянсовые фигурки валлийских пастухов и пастушек, испеченные вчера с претензией на старину. Пока он обдумывал, не послать ли тетрадь письмом до востребования себе самому, он вдруг заметил приоткрывшуюся в дальнем углу старомодную копировальную машину, заслоненную от глаз посетителей деревянными стеллажами со всем этим хламом.

Почтовая девушка в круглых очках дала ему тубик с клеем и, разменяв три фунта на монеты по десять шиллингов, предупредила, что машина барахлит, когда перегреется, и поэтому копии рекомендуется делать с перерывами, маленькими порциями. «Как раз то, что мне сейчас нужно!» — раздраженно подумал Ури, выкладывая на крыло машины тяжелые диски десятишиллинговых монет. Получалось, что он, если успеет, сможет на разменянные деньги скопировать тридцать разворотов, а в тетради их было около ста. И ладно, — того, что будет, ему пока хватит с лихвой. Впрочем, тридцати разворотов не получится, потому что Ури решил подготовить для Брайана специальную страничку, заполненную выдержками из разных мест, нарезанными лапшой и склеенными наугад. На это пойдет пять разворотов, не меньше, но иначе нельзя — кто его знает, что может обнаружиться при расшифровке дневника Карла! Ури почему-то вдруг уверовал в способность маленького библиотекаря разгадать секрет тайнописи Гюнтера фон Корфа, — а что, кроме дневника, человек стал бы хранить в почтовом ящике за сто километров от того места, где жил?

Работа над страничкой для Брайана сожрала больше времени и денег, чем Ури предполагал, но вышло зато шикарно, хоть строчки в спешке он наклеил кривовато. Кроме того, в процессе изготовления этого шедевра Ури придумал

вполне правдоподобный рассказ, который должен был отвести все подозрения Брайана, если они у него возникнут. За оставшиеся четверть часа Ури лихорадочно скопировал двадцать три разворота, — больше не вышло, потому что машина дважды начинала с протяжным воем мигать красной лампочкой и комкать застрявший у нее в брюхе лист бумаги. Поскольку нельзя было угадать, что может оказаться на скопированных страницах, Ури снял копии в трех разных местах — в начале, в середине и в конце. Потом он запечатал тетрадь в конверт и, адресовав себе самому до востребования на здешнее почтовое отделение, опустил конверт в почтовый ящик у входа. Успокоенный заверением почтовой девушки, что письма до востребования хранятся на почте неделю, он почти бегом припустил к библиотеке, слушая, как церковные колокола переливисто отбивают одиннадцать часов. У него даже не было времени рассмотреть небольшую стенку личных почтовых ящичков, чтобы найти среди них д 29, в который он должен был каждый вечер опускать подробное описание своих дневных наблюдений.

БРАЙАН

Прекрасный магистр так и не пришел в читальный зал после завтрака. Напрасно Брайан старательно подобрал всю имеющуюся библиографию по шотландским сторожевым башням, напрасно он не спускал глаз с двери — хоть народу в читальне было полно и почти все столы были заняты, тот, кого он с таким трепетом ждал, все не появлялся.

Когда зазвенел колокольчик, сзывая гостей к утреннему чаепитию, Брайан, опережая всех, сломя голову помчался в гостиную — сегодня была его очередь разливать чай. Болтливые кухонные девушки уже вкатили в гостиную специальный столик на колесиках с большим медным чайником кипятка, с фарфоровым чайничком душистого свежезаваренного чая и с белоснежной стайкой узкогорлых молочников и пузатеньких сахарниц. Рядом на верхней доске буфета возвышался никелированный термос-кофейник в окружении стопок белых блюдец и хоровода белых полупрозрачных чашечек. В плетеной соломенной корзинке поблескивали обтекаемые тела серебряных ложечек, в соседней

корзинке солнечный свет из распахнутых окон матово рассеивался на бледных дисках сухих бисквитов.

Не успел смолкнуть колокольчик, как небольшой поток гостей начал втекать в открытую дверь. Каждый гость подходил к столику на колесиках, брал с буфета чашку, блюдце и ложечку, Брайан спрашивал «кофе-чай?» и быстрым заученным движением направлял в чашечку струю из чайника или кофейника. Получив желаемое, гость наливал молоко, насыпал сахар и отходил в сторону, выбирая себе место и собеседников по вкусу.

Гостиная представляла собой большой двухцветный зал, занимающий все левое крыло здания. Высокие многостворчатые окна с одной стороны глядели на парадный цветник, с другой — на церковный сад и часовню, глухая торцовая стена была украшена внушительным камином, сложенным из грубо отесанных камней. По всему пространству гостиной между окнами и камином были произвольно, под разными углами, но всегда со вкусом, расставлены удобные глубокие кресла и длинные диваны с гнутыми спинками, обтянутые мягкой кожей пастельных цветов. Среди кресел и диванов были разбросаны в хорошо продуманном беспорядке маленькие полированные столики, создающие атмосферу одновременно легкомысленную и деловую.

Разливая кофе и чай, Брайан автоматически регистрировал присутствующих. Первыми, конечно, пришли древние старцы, проживающие в библиотеке круглый год и денно и нощно корпящие над созданием толстых справочников по разным религиозным вопросам. Их уставшие задолгую жизнь спины так затекали во время работы, что они высккивали из-за столов при первом же звуке колокольчика. За ними явилась неразлучная троица, взаимные симпатии которой не поддавались никакому логическому объяснению — преподобный Тоддс, пожилой священник с острова Мальта, седокудрый директор провинциального лицей для мальчиков доктор Поттер и юный нарушитель общепринятых норм Толлеф Сигте, присланный норвежской рекламной фирмой с целью изучения психологического профиля религиозного населения Англии. Они, как обычно, были улыбчивы и безразличны к другим, не допущенным в их узкий мирок. Сегодня, как всегда в дообеденное время, Толлеф пришел босиком, он был сторонник тесного контакта с природой, не

пил ни кофе, ни чай и не ел вареную пищу. Подойдя в свой черед к Брайану, он удовольствовался большой кружкой горячей воды, щедрой рукой добавив туда молока и сахара. Кружку эту он привез из Норвегии и приносил на чаепитие из своей комнаты.

Американцы ввалились шумной толпой, сверкая голыми коленками и белыми зубами. Интересно, почему у всех американцев такие хорошие зубы и такие плохие манеры? Это они завели моду приходить в гостиную в шортах — а ведь еще пару лет назад было принято и к предобеденному чаю являться в пристойной одежде. Но американцы были в библиотеке желанными гостями — хоть они слишком громко хохотали в трапезной, зато щедро платили и приезжали большими группами. Кроме того там, у себя в Америке, они рассказывали друг другу, какое очаровательное, истинно английское местечко они откопали в валлийской глуши. Благодаря чему поток американской валюты в кассу библиотеки никогда не иссякал.

Брайан надеялся, что Ули придет вместе с американцами — он еще за завтраком заподозрил, что неотразимая Лу Хиггинс приложит все усилия, чтобы заполучить прекрасного магистра. Но его с ними не было. Брайан усилием воли подавил искушение спросить Лу, где Ули, когда она протянула ему свою чашку и попросила налить ей кофе покрепче. Оба они знали, что не во власти Брайана сделать кофе в кофейнике крепче, однако Лу каждый день повторяла свою просьбу, после чего отхлебывала глоток из чашки, делала гримаску отвращения, которая очень шла к ее большеротому лицу, и громко говорила: «Отравала!» После чего все американцы дружно гоготали и вежливый Брайан вместе с ними.

Сейчас, наготовавшись власть, они прихватили с собой всю корзинку с бисквитами и отправились к камину, где, ни на минуту не замолкая, расселись вокруг круглого стола с зеленой мраморной доской, давно уже признанного американской территорией. Только Лу, позванная набором тонких браслетов на левой лодыжке, прошла к оконной нише и села в свободное кресло у столика, над которым заговорщицки склонились головы трех любителей музыки. Брайан не слышал, что она сказала, но видел, как сидевший к ней боком Толеф обернулся в ее сторону и

начал говорить что-то вдумчиво и серьезно, рассекая воздух ритмичными взмахами длинной руки.

Чайник уже был почти пуст, а Ули все не было. Брайан даже начал беспокоиться, — куда он мог запропасться? Он наливал чай миссис Муррей, парализованной вдове недавно скончавшегося щедрого жертвователя Эдвина Муррея, которую из благодарности пригласили провести в библиотеке лето, когда знакомый голос с легким акцентом спросил за его спиной:

— Еще не поздно и мне получить чашечку чая?

Брайан вздрогнул и пролил несколько капель кипятка — слава Богу, не на руку бедной вдовы, а только на подлокотник ее кресла, что заставило сопровождавшую ее монахиню поскорее увести свою подопечную прочь от опасности. Брайан бережно поставил чайник на место и обернулся. Магистр стоял перед ним еще более прекрасный, чем ему помнилось, — в расстегнутой у ворота рубашке, с пиджаком, переброшенным через руку, раскрасневшийся от быстрой ходьбы. Язык Брайана прилип к гортани, так захотелось ему слизнуть мелкие капельки пота с верхней губы Ули. Не очень владея собой, он пролепетал: «Вы что, прошли сквозь стену?», не в силах постигнуть, как он прозевал момент, когда Ули вошел в гостиную — ведь он неотрывно смотрел на дверь в надежде его увидеть. Но решение оказалось до смешного простым. «Я влез в окно», — ответил магистр, легкомысленно взмахнув рукой в сторону цветника. «В окно?» — тупо повторил за ним Брайан, пытаясь представить себе, как он, Брайан, взбирается с клумбы на подоконник и прыгает с подоконника в гостиную, разбивая локти, колени и стоящие на столах чашки. Картина получалась довольно жалкая, но, глянув на длинные ноги магистра, он поверил, что тому это удалось без всякого труда. «Чай-кофе?» — спросил он.

— Говорят, у вас в Англии лучше не пить кофе, так что давайте чай.

И, подхватив свою чашечку, казавшуюся наперстком в его смуглой ладони, Ули, даже не оглянувшись больше на Брайана, поспешил на зов Лу, которая, как всегда громко, приглашала его подсесть к ним за столик: у них тут очень интересная дискуссия. Брайан вздохнул, нацедил остатки

чая в свою чашку и отправился развлекать парализованную вдову — это тоже входило в его обязанности.

Предобеденное чаепитие обычно не длится долго, потому что все торопятся вернуться к своим прерванным трудам. Пока Брайан помогал монахине отвезти миссис Муррей в читальный зал, где та каждый день делала вид, что изучает проповеди основателя библиотеки, гостиная опустела. Все разбрелись к своим столам, так удобно расположенным в окаймленных книжными полками нишах, что создавалось впечатление полной обособленности каждого стола. Когда Брайан вернулся на свое место, он обнаружил, что прекрасный магистр уже ждет его там, сидя на его стуле и с любопытством разглядывая читальный зал, вполне достойный того, чтобы его разглядывали.

Этот уникальный храм знания и спроектирован был как храм — четыре его этажа завершались куполообразной, высоко возносящейся вверх крышей. Разделение на этажи практически было условным — они отмечались только узкими галереями, окаймлявшими зал на уровне каждого этажа, центральная же часть зала непрерывно простиралась от пола до вершинной точки крыши, создавая ощущение незримого присутствия таинственных высших сил. Галереи были обнесены узорчатыми деревянными балстрадами, не заслонявшими сплошные стены книжных полок, заполненных многоцветными корешками. Сходство с храмом усиливалось от того, что слабый рассеянный свет струился откуда-то сверху, с потолка, и корешки книг поблескивали в полутьме позолотой надписей и рисунков. Полутьма, происходящая от отсутствия окон, то тут, то там прерывалась мягким свечением настольных ламп над рабочими столами, и каждый освещенный стол выглядел как остров, подвешенный в невесомости сумеречного пространства зала.

— Красиво? — по-хозяйски горделиво спросил Брайан, перехватив взгляд магистра, и, чтобы не смущать того необходимостью ответа, поспешно добавил: — Я тут приготовил для вас библиографию по шотландским сторожевым башням.

Ули с благодарностью взял наполненный карточками конверт и начал было просматривать их, как, вдруг спохватившись, поспешно вскочил:

— Простите, я, наверно, занял ваше место?

Брайан не стал возражать — он с наслаждением сел на нагретый магистром стул и в который раз вспомнил возникшее утром в листе число семнадцать. Потом облизнул внезапно пересохшие губы и сказал:

— Если вы хотите, чтобы я объяснил вам нашу систему индексов, вы можете придвинуть поближе вон то кресло.

Ули придвинул кресло и сел рядом с Брайаном, положив конверт с карточками в центр круга, освещенного настольной лампой. Брайан склонился над карточками, всем существом отдаваясь обманчивому ощущению, что они с прекрасным магистром совсем одни в обозначенном светом лампы зачарованном пространстве. К сожалению, магистр оказался весьма сообразителен и постиг тонкости индексации книг по разделам очень быстро. Сердце Брайана уже наполнялось тоской в предвидении предстоящей разлуки, но Ули, как видно, тоже не спешил разорвать восхитительное кольцо отделившей их от остального мира полутьмы. Покочив с карточками, он, на миг замешкавшись, вынул из кармана сложенный листок.

— Вы не забыли, что обещали мне помощь в расшифровке текста?

Мог ли Брайан забыть? Он развернул листок и увидел неровные ряды незнакомых значков.

— Так вы не знаете, древний это текст или нет?

— Честно говоря, я ничего о нем не знаю. Наш профессор по древним культурам дал нам этот листок и объявил, что всякий, кто его расшифрует, получит добавочный балл к оценке курсовой работы.

Эта детская мотивация умилила и разочаровала Брайана. Значит, для Ули расшифровка не была, как для него, смыслом всей жизни! Но, впрочем, какая ему разница? Самое главное — работа над текстом натягивала между ними тонкую ниточку постоянной связи, интересных разговоров и неформального общения. Смел ли он желать чего-то большего?

— Я думаю, что этот текст не древний, — сказал он, разглядывая разбегающиеся всеером рваные строчки. — Конечно, я могу и ошибиться, ведь это суждение с первого взгляда.

Ему показалось, что в темных глазах магистра мелькнуло нечто, похожее на почтительное восхищение:

— А вы специализируетесь на древних текстах?

После этого вопроса Брайана, естественно, понесло, и он начал излагать драматическую историю своего тернистого пути, по которому судьба гонит его из года в год, то заманивая мимолетной надеждой, то карая новым разочарованием. Он рассказал, как еще в юности, лежа в больнице, он наткнулся в какой-то книге на легенду о тайне рунического письма древних скандинавских племен, многие места которого не поддаются расшифровке, и как мечта о разгадке этой тайны превратила его печальную жизнь в увлекательную авантюру. Ощушая, как с каждой новой главой своего рассказа он из скромного хранителя каталогов превращается в романтического исследователя, Брайан хотел было поведать Ули подробности старинных скандинавских саг, извлеченные им по крупицам из разных источников, но заметил, как тот исподтишка поглядел на часы.

— Что это я так разговорился? — оборвал он себя, решив, что еще рано посвящать прекрасного магистра в столь интимные детали своей внутренней жизни. — Ведь к вашей проблеме это не имеет никакого отношения. Для вас важно, что за эти годы я изучил все возможные виды тайнописи и ключи к их расшифровке. Надеюсь, это поможет мне найти ключ и к вашему тексту. После чего Ули, явно огуленный открывшимся перед ним величием маленького библиотекаря, сказал, что он тоже очень надеется, и отправился бродить вдоль полок в поисках своих книг, а Брайан сосредоточился на его листочке. С первого взгляда было ясно, что выкроенные из разных мест и неровно скомбинированные строчки не имеют никакого отношения к древним надписям, на которых Брайан не одну собаку съел. Значит, скорей всего, это была современная шифровка. Вообще-то современные шифровки не входили в круг непосредственных интересов Брайана, но за годы своего сизифова труда он перелопатил несметное их количество, и кое-что застряло в его памяти. Однако ничего похожего на эту, он не мог припомнить — может быть, саарбрюккенский профессор сам ее сочинил, а теперь проверяет на своих студентах?

Брайан на миг погасил свою лампу и оглядел читальный зал. Было очень тихо, таинственно поблескивали позолотой книжные корешки, склоненные головы чуть покачивались в разбросанных на разных уровнях маленьких

озерцах света. Никто его не звал, никто не просил его помощи, и даже лобознательная миссис Муррей задремала над своим томом с проповедями. Пользуясь минутной передышкой, Брайан попробовал применить к загадочным строчкам наиболее эффективную из своих методик расшифровки — он считал частоту отдельных значков и густоту их комбинаций, складывал, умножал, вычитал, делил и складывал снова. Однако из всех этих расчетов ничего путного не вышло, и ему, в конце концов, пришлось откаться от амбициозной надежды расшифровать эту запись с полету. Задача становилась серьезной, и Брайан так увлекся, что не заметил, как пролетело время.

К действительности его вернул громкий звонок, призывающий к обеду, и, одним нажимом пальца нарушив сумеречное очарование зала, он поспешно включил плафоны под потолком. В их ярком свете все зашевелилось, зашелетели бумагами, начали отодвигать стулья и гасить лампы. Зашаркали шаги на галереях и на узких лестницах, ведущих вниз, к выходу. Когда все вышли, Брайан выключил плафоны, подхватил ручки кресла миссис Муррей и повез ее в трапезную вслед за остальными. Парализована у нее была только нижняя часть тела, и ела она, слава Богу, сама, так что Брайан был свободен выбирать себе место за тем столом, за каким хотел. Однако, пока он устраивал миссис Муррей поудобней и придвигал ей прибор и салфетку, американские дамы успели умыкнуть Ули за свой стол.

Брайан мог бы присоединиться к ним — он часто обедал за американским столом. Но сесть рядом с Ули ему бы все равно не удалось, потому что дамы полностью завладели вниманием прекрасного магистра. Так что Брайан сел за главный стол рядом с живописным норвежцем Толефом, который, смирившись с правилами библиотеки, вынужден был к обеду и ужину являться в башмаках. Брайан рассеянно положил на свою тарелку порцию валлийской баранины, запеченной в тесте, и попытался передать своему соседу керамический горшок с жарким. Норвежец, перемешивая ложкой какие-то коричневые зерна в большой миске с молоком, удивленно поглядел на Брайана и с гримасой отращения уклонился от соприкосновения с горшком.

Брайан смутился — уж кому-кому, а ему следовало знать, что Толеф не прикасается к мясу. Но мысли его так сосре-

доточились на неподатливом тексте, что он совершенно потерял контакт с реальным миром. Он наспех поел, не чувствуя вкуса пищи, и сразу после благодарственной молитвы выскочил из-за стола. Он умудрился выскользнуть в коридор раньше всех и устремился было в читальню к прерванной работе, но по пути вспомнил, что ему поручена забота о миссис Муррей.

Вдова пожаловалась на слабость и захотела подняться к себе в комнату. Так что Брайану пришлось покатыть кресло к лифту в противоположном конце коридора, где он передал старуху на попечение одной из кухонных девушек и, облегченно вздохнув, помчался в читальный зал. Там было ослепительно светло, хотя все уже вернулись к своим столам и зажгли свои лампы — значит, кто-то в его отсутствие включил плафоны и, конечно, не выключил. В ярком свете ему сразу бросилась в глаза высокая фигура Ули, склонившегося над ящиками каталога. Что он там искал? Ведь Брайан только что вручил ему полную, до единой строчки, библиографию по шотландским сторожевым башням!

По правилам он не должен был вмешиваться в действия гостей — каждый имел право искать в каталоге все, что ему вздумается. Но сейчас Брайан не мог удержаться — мысленно он каким-то извращенным образом уже присвоил прекрасного магистра и хотел знать все его побуждения и капризы.

— Что, Ули, в моей библиографии чего-то не хватает? — с притворной развязностью спросил он, подкравшись к магистру сзади.

Тот вздрогнул от неожиданности и смутился, словно Брайан застиг его за чем-то неприличным.

— Да нет, просто хочу посмотреть, какие тут есть книги.

— Помочь вам в чем-нибудь? — предложил Брайан, хотя уже сам почувствовал, что становится навязчивым. Ему даже показалось, что на скулах магистра вспыхнул легкий румянец раздражения. Но ответил он со своей обычной милой улыбкой, уже за завтраком зарегистрированной томящимся сердцем Брайана:

— Вы не беспокойтесь, если мне надо будет, я вас попрошу.

Брайан пробормотал: «Всегда буду рад помочь» и побрел к своему месту, подавляя внезапно стиснувшую заты-

лок головную боль. После ночного приступа голова у него болела всегда, но сегодня боль эта отсрочилась из-за неожиданного восторга, охватившего все его существо при появлении прекрасного магистра. Зато сейчас боль обрушилась на него с удвоенной силой, вероятно, желая взять реванш за благополучное утро. Он скорчился на ставшем вдруг мучительно неудобным стуле и, массируя ладонями свой пульсирующий затылок, постарался сосредоточиться на разбегаящихся строчках шифровки.

Но сосредоточиться было не так-то просто — значки плясали перед глазами, то убегая куда-то за край страницы, то сливаясь в бесформенное неразличимое пятно. Брайану хотелось только одного — добраться до своей комнаты, закрыть ставни и лечь в постель. Но он давно научился скрывать свои недуги, не раз убедившись на собственной шкуре, что даже самые благородные хозяева не любят больных работников. Он стиснул зубы, чтобы не стонать, и, делая вид, что склоняется над листком, сидел с закрытыми глазами, пока чей-то голос не прорвался сквозь колокольный перезвон в ушах:

— Брайан, простите за беспокойство, мне тут непонятно... Что с вами? Вам плохо?

Брайан с трудом открыл глаза — из отторгнутого светом лампы сумрака над ним склонилось самое прекрасное в мире лицо. Оно выражало тревогу, заботу, сочувствие. И на краткий миг он понял, что такое счастье. Он мог бы заставить себя произнести утешительные слова, — мол, это так, ерунда, он просто задремал после обеда. Но горький опыт долгих лет одиночества вынудил его мерцающее сознание остановить поток утешительных слов прямо на кончике языка. Он не хотел обманывать себя лживыми иллюзиями, он знал — стоит ему признать, что ему не так уж плохо, как тревога в глазах магистра сменится вежливым равнодушием, в котором растворится его мгновенное счастье сочувствия. И потому он не стал притворяться и прошептал: «Уменя приступ» и опять уронил голову на руки.

— Я могу что-то сделать, принести лекарство?

— Который час? — спросил Брайан. Хотя вопрос его с первого взгляда был совершенно лишен логики, по сути он был полон глубокого смысла. И Ули этот смысл постиг.

— Скоро четыре. А когда кончается ваш рабочий день?

— В шесть, — с тоской выдохнул Брайан. — Еще целых два часа!

— Хотите, я посижу здесь вместо вас?

Такого самопожертвования Брайан не ожидал, да это все равно было бы невыполнимо. — Нет, нет, это невозможно, я как-нибудь дотяну.

— Уверяю вас, никто не заметит. А если кто-то вас спросит, я скажу, что вы скоро вернетесь.

— Но я не хотел бы затруднять...

— Какое тут затруднение? Я ведь все равно здесь сижу. А ваш стол даже удобней других.

И Брайан не устоял против соблазна. Уступки требовала не только его раскалывающаяся от боли голова, но и его полное благодарности сердце — ведь до сих пор никто никогда не протягивал ему руку помощи! Уже поднимаясь из-за стола, он спохватился:

— Ведь вы хотели что-то выяснить?

— Ничего срочного! — запротестовал Ули. — Я выясню завтра.

— И все же, — слабеющим голосом настаивал Брайан. — Я был бы счастлив... — его сильно качнуло, и он судорожно вцепился в спинку стула, чтобы не упасть.

— Да вы еде стойте на ногах! — ужаснулся Ули. Но взглянув на Брайана, понял, что тот не уйдет, пока не оплатит услугой за услугу. И протянул ему выписку из каталога.

— Я хотел спросить, что означает этот знак.

Брайан с напряжением всмотрелся:

— Ну, это проще простого. Он означает, что книга находится в аннексе.

— В чем?

— В аннексе, — это специальная пристройка. Там хранятся единственные экземпляры, которые нельзя оттуда выносить.

— А как туда пройти?

— Вход внизу, видите эту лестницу? Она ведет в аннекс. Но дверь можно отпереть только специальным ключом, который вы получите, когда зарегистрируете требование на книгу у дежурного библиотекаря.

Книга, которой заинтересовался Ули, не имела никакого отношения к шотландским сторожевым башням. Если бы Брайан не чувствовал себя так скверно, он бы, несом-

ненно, постарался выяснить, почему прекрасный магистр потратил два часа рабочего времени на розыски книги о древних системах орошения. Но сейчас ему было не до того. Он отчаянным усилием поднялся со стула и нетвердой походкой двинулся к двери. Однако, сделав несколько шагов, он заставил себя обернуться:

— Скажите, вам срочно нужна эта книга?

— Идите, идите, я попрошу ключ у вашего сменщика.

— К сожалению, он не сможет вам его дать — ключи в аннекс выдают только до пяти часов. Давайте я вас зарегистрирую.

Брайан повернул назад к столу, но покачнулся и чуть не упал. Ули повторил:

— Идите, идите, я как-нибудь устроюсь.

И тогда Брайан решился:

— Вот что — возьмите мой ключ, в правом верхнем ящике, — последним усилием воли выдавил он из себя, ни на миг не забывая, что свой ключ от аннекса не имеет права давать никому. И, не дожидаясь ответа, поплелся к выходу. С трудом волоча свое налитое свинцом тело вверх по винтовой лестнице, он поклялся, что разобьется в лепешку, но разгадает секрет заковыристой шифровки прекрасного магистра.

Однако в данную минуту ни о каких секретах он думать не мог. Он плотно закрыл ставни, стянул с себя одежду, влез в старый махровый халат и наполнил кипятком пластиковое ведро, которое хранил на дне шкафа специально на случай головной боли. Затем скрутил жгутом полотенце, окунул жгут в ведро и плюхнулся в постель, поставив ведро на стул рядом с собой. С натугой выкрутив жгут, он натянул до подбородка одеяло, положил горячее полотенце на лоб и погрузился в темную бездну небытия.

УРИ

Ури спустился по лестнице и открыл ключом Брайана тяжелую дверь, ведущую в аннекс. Перед ним был длинный узкий зал, всю правая стена которого была заполнена рядами высоких, до потолка, книжных шкафов, составленных вплотную, в затылок друг другу. Для экономии пространства шкафы были на колесиках, которые

скользили попроложенному по полу стальному рельсу, так что можно было, сдвинув и раздвинув их в нужном месте, образовать неширокий — в разворот плеч одного человека — зазор, открывающий доступ к книгам. У левой, сплошь застекленной морозными стеклами стены стояли рабочие столы, отделенные друг от друга непрозрачными перегородками.

Когда Ури вошел в аннекс, там было довольно пусто. За ближайшим к двери столом склонился над книгами Джерри Хиггинс, в дальнем углу шуштал бумагами некто совершенно ископаемый, из прошлого века, да еще один ископаемый, из позапрошлого века, стоя на скамеечке в зазоре между шкафами, пытался дотянуться до пухлого тома на верхней полке. Держа напоказ листок каталога с номером выбранной им книги, Ури начал медленно обходить протяженную шеренгу шкафов, якобы в поисках нужного ему индекса. Он довольно быстро обнаружил то, что искал, — приходилось признать, что инструкции Меира оказались дельными и четкими. Он подошел к названному Меиром шкафу и нажал ручку, которая должна была бы привести в действие раздвигающую шкафы систему. Как и предсказывал Меир, ручка не поддавалась. Ури нажал ручку соседнего шкафа, и тот бесшумно откатился влево, открывая набитое толстыми фолиантами нутро. Значит, так и есть — за шкафом с неподдающейся ручкой скрыта та дверь, которую ему поручено охранять.

Загорелая рука бесцеремонно выхватила из пальцев Ури зажатый в них листок.

— Вам нужна помощь? — спросил голос Джерри Хиггинса. — Покажите-ка, что там у вас. А то с их системой индексов разобраться непросто.

Джерри сдвинул очки на лоб и приблизил листок к глазам:

— Ка-Эр-шестнадцать-сорок-один-дробь-восемь. Но ведь это вовсе не здесь. Не понимаю, как вы тут оказались — вы что, читать не умеете?

Наморщив лоб, Джерри вернул очки на место и сквозь толстые стекла уставился на Ури так пристально, словно надеялся прочесть его мысли.

— Вы же сами говорите, что в этих индексах непросто разобраться.

Ури не успел произнести эти слова, как тут же о них пожалел, услышав как бы со стороны собственный извиняющийся голос. Черт бы побрал этого Джерри Хиггинса — чего он к нему привязался? Ури потянулся было за своим листком, но Джерри неожиданно гибким движением проскользнул у Ури под мышкой и оказался у него за спиной.

— Идемте, я научу вас искать книги в этом аннексе, — бросил он через плечо и зашагал вдоль шкафов, не оборачиваясь, чтобы проверить, идет за ним Ури или нет.

— Вот, смотрите, это секция К, а в ней разделы по алфавиту. Что там у вас — Р? Вы, оказывается, интересуетесь не только шотландскими сторожевыми башнями?

«Надо же — запомнил шотландские башни! Что ему от меня надо?» — подумал Ури, пока Джерри, ловко нажав ручку, с приличной скоростью откатил вбок большую сплотку шкафов. Через пару секунд шкафы с лязгом остановились, открывая перед Ури один зазор и защелкивая распахнутый до того невдалеке другой.

— Ого! — невольно вырвалось у Ури. — А если бы там кто-нибудь был?

— Импульс не слишком большой, так что шкафы можно задержать одной рукой, если вовремя... — Джерри внезапно умолк и уставился на ключ в руке Ури.

— Этот ключ... Он не ваш?

— Мне дал его Брайан. А что?

— Брайан не мог дать вам свой ключ, это категорически запрещено. Зачем вы его взяли? Вы хотели скрыть, что заходили в аннекс?

Тут Ури почувствовал, что пора рассердиться. Он взял Джерри за воротник и притянул к себе. Тот попытался вывернуться, но не смог разорвать железную хватку Ури.

— Да, именно так, — прошипел Ури ему в лицо. — Я связал Брайана по рукам и ногам, заткнул ему рот кляпом и затолкал его в чулан под лестницей. И все для того, чтобы похитить его ключ от аннекса.

Он резко отпустил Джерри, так что тот покачнулся и едва удержался на ногах. Однако вместо того, чтобы рассердиться, Джерри предпочел обернуть все в шутку.

— Ну и лапы у вас! Подстать вашему истинно немецкому юмору! Интересно, чем вы занимались в сорок третьем году? — спросил он, криво усмехаясь.

Ури, который родился в шестьдесят первом, оказался на высоте и оценил предложенную Джерри мировую:

— Я думаю, это была моя предпоследняя инкарнация. Я точно не помню, но мне кажется, я был червем в одной из братских могил. И умер от чревоугодия — какой тогда был выбор, какой выбор!

Джерри сперва брезгливо поморщился, потом откинул голову и зычно захохотал. Испуганные старцы недоуменно тарачились на них сквозь увеличительные линзы очков.

БРАЙАН

Скорый поезд мчал Брайана по бесконечно длинному туннелю, черные стены которого были густо покрыты неразборчивыми белыми письменами. Как ни всматривался он в пролетающие мимо замысловатые строки, ему так и не удалось выделить в них ни одного разумного сочленения. От напряжения в глазах искрило, как при коротком замыкании, и нестерпимая боль грозила расколоть череп. Но он продолжал всматриваться, он знал, что его жизнь зависит от этих настенных надписей — если он не прочтет их, ему конец.

Неожиданно поезд начал замедлять ход, и белые завиточки на черной стене стали постепенно приобретать какое-то подобие смысла. Брайан словно бы узнавал некоторые сочетания, — обрывки чужих, но знакомых слов поднимались на поверхность его сознания, как пузырьки из глубин океана. Язык, которому принадлежали эти слова, был сродни языку его ненаглядных нордических саг, но не шведский и не норвежский. Осколки слов начали откалываться от стены и падать на пол вагона, но когда Брайан наклонился, чтобы их подобрать, он потерял равновесие и, больно ушибаясь, покатился по круто убегающей вниз винтовой лестнице.

Брайан пришел в себя на дне глубокого колодца, усеянном белыми черепками, слабо мерцающими в рассеянных лучах переменчивого света, струящегося откуда-то сверху. Он твердо знал, что выберется из колодца, только если сумеет сложить из черепков какую-то фразу, но не помнил, какую. Преодолевая слабость, он перевернулся на живот и начал сгребать черепки поближе к себе. В гла-

зах больно вспыхивали жгучие искры, но он напрягся и попытался выложить черепки на холодных камнях, как разрозненные фишки хитроумной головоломки. Как ни странно, ему это в значительной степени удалось — перед его глазами постепенно возникала разорванная во многих местах гирлянда каких-то знакомых, но забытых слов.

Пока он всматривался в их хитросплетение, слова начали таять и исчезать, а вместо них появились какие-то значки, тоже вроде бы знакомые, — нужно было только вспомнить, где он их видел. Но вспомнить он не успел — значки тоже начали таять и исчезать. Брайан протянул к ним руку — хотел удержать их, что ли? От его резкого движения стены колодца закачались и рухнули прямо на него, засыпая его камнями, обломками и песком.

Хрипя и задыхаясь, Брайан открыл глаза, но ничего не увидел — лицо его облепила влажная тряпка. Он содрал ее, бросил на пол и приподнялся на локте, с трудом оторвав голову от подушки, — вокруг было темно и тихо, за окном сияла лунная ночь. И отчего-то было светло и радостно на душе. Он снова откинулся на подушку и закрыл глаза — в темноте под веками выстроились ряды белых латинских букв, несомненно составляя слова, а возможно и фразы. Прочесть эти фразы Брайан не мог, но язык их он определил, хоть по сути его не знал — немецкий. Строчки неравной длины разбегались скошенным веером, начала и концы их терялись во мгле — где он видел недавно такие же скошенные веером строчки?

Радость открытия пронзила Брайана еще до того, как он вспомнил, где он их видел, — подсознательно он уже знал, что это строчки шифровки прекрасного магистра. Сейчас было несущественно, откуда он взял немецкое значение загадочной тайнописи, сейчас важнее всего было другое — точно записать светящиеся у него под веками непонятные слова, пока они не исчезли. Не открывая глаз, он скатился с кровати, подполз к письменному столу, поднялся на колени, нашел на ощупь бумагу и ручку и стал вслепую копировать обрывки разлетающихся веером строчек.

Закончив, он все так же вслепую зажег настольную лампу и постарался разглядеть написанное сквозь смеженные ресницы — он знал, как легко в ярком свете улетучиваются сны. Запись была корявая, нораборчивая. Теперь можно

было открыть глаза, сесть за стол и аккуратно переписать ее начисто. Закончив переписывать, он пересчитал слова, на которые он предположительно мог бы разбить этот набор букв, — их было семнадцать!

УРИ

Ури никак не мог уснуть. Едва ему удалось на миг смежить глаза, как в его гаснущее сознание врвались гротескно преувеличенные образы из проведенных им в библиотеке суток. То чета Хиггинсов, затягивая вокруг его шеи свисающие с ветвей жадные зеленые щупальца, требовала, чтобы он назвал свое подлинное имя. То босоногий норвежец в дорогих джинсах исполнял на рояле Атикву, искося поглядывая на Ури и отбивая такт большим пальцем грязной ноги, а два пастора вторили ему, названивая серебряными ложечками по фарфоровым блюдечкам. И под их музыку пожилая дама в инвалидном кресле начинала разухабисто отплясывать нечто непристойное.

Все-таки где-то посреди ночи Ури задремал, однако и во сне он не смог вырваться из круга дневных впечатлений. Ему снилось, что дверь в его комнату тихо отворилась и кто-то неразличимый, в длинном белом саване, — то ли Джерри Хиггинс, то ли ископаемый из аннекса — подкрался к изголовью его кровати. Он затаился, притворяясь спящим, прислушиваясь к шелесту чужого дыхания. Простертые из тьмы холодные пальцы коснулись его шеи, тогда он стремительным движением обхватил чью-то хрупкую кисть и резко рванул на себя. Легкое, почти птичье, тело с пронзительным птичьим криком рухнуло на него лицом вниз, он быстро вскочил на ноги и, подняв непрошеного гостя за волосы, узнал маленького библиотекаря.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, потом пальцы Ури расслабились и бережно опустили голову испуганного Брайана на подушку.

— Ради Бога, простите! Я было подумал...

Дрожащие губы Брайана жадно ловили воздух, наконец он со всхлипом вздохнул и прошептал:

— Я нашел... вот...

И протянул Ури стиснутую в кулачок ладошку. Ури бережно разжал холодные пальцы и вынул зажатый в них листок. Брайан медленно поднялся с кровати и повторил:

— Я нашел... — И после короткого молчания добавил: — Но не могу прочесть, это по-немецки.

Ури быстро подошел к столу, зажег настольную лампу и развернул листок. Там было четыре сплошных, неразбитых на слова, строки:

«нашей берлоги мечутс» «мившегосявневолежелуд» «ухонуюодверьипогасилсвету» «акогохалатаначатьнабросила»

— Почему вы думаете, что это по-немецки? — спросил он.

Брайан еще пару раз глубоко вздохнул и сказал хоть и нетвердым, но все же вполне нормальным голосом:

— Я столько лет... Я научился различать языки... даже те, которые не знаю...

Ури пододвинул ему стул, он сел и взял карандаш:

— Я бы мог разбить эти строчки на слова, но не решаюсь... Все-таки я не знаю немецкого...

— Хотите, попробуем вместе?

Маленький библиотекарь, словно задыхаясь, несколько раз судорожно втянул ртом воздух и ткнул карандашом в какое-то место первой строки:

— Тут!

Ури наклонился над столом, — в нос ему ударил острый запах горячего пота, смешанного с кислотным запахом лекарства — и через плечо Брайана прочел вслух: «Нашей берлоги-мечутс».

— «Нашей» — это, наверно, правильно. Ну, а дальше? Что значит — «берлоги-мечутс»?

— Нет, нет, тут что-то другое. Есть такое слово «берлог»?

— Не «берлог», а «берлога»... Ну да, выходит «нашей берлоги»! Вы просто гений, Брайан — «нашей берлоги мечут с...»

— Есть слово «мечут»?

— Может быть «мечут», может быть «мечутся». Ладно, давайте теперь вторую строчку. Хотите, я сам попробую — «мившегосявне-волежелуд»? Одно слово я вижу сразу — это или «желудь», или «желудок».

Карандаш Брайана ткнул в просвет между второй и третьей буквами:

— Попробуем так: «ми вшего...» — похоже на что-нибудь?

— Пожалуй, нет. Но есть другие варианты: «утомившегося» или «истомившегося». А дальше «вне воле» — это неправильно, должно быть «вне воли», но это тоже как-то не так. А-а, вижу — «в неволе»!

— «Истомившегося в неволе» — так правильно по-немецки?

Тут на Ури снизошло прозрение и, выхватив карандаш у Брайана, он быстро написал: «...кухонную дверь и погасил свет у...». Потом задумался, пробормотал сквозь зубы несколько немецких слов и засмеялся счастливым смехом:

— Брайан, вы и вправду гений! Смотрите, как здорово получается: «...какого халата начать набросил на...». Как вам это удалось?

— Сам толком не понимаю. У меня страшно болела голова... я по сути потерял сознание, а когда пришел в себя, перед глазами у меня были эти строчки...

— Значит, у нас есть только эти строчки, а ключа к расшифровке нет?

— Это не совсем так. Во-первых, тут есть достаточно, чтобы понять принцип...

— А не может случиться, что эти слова не имеют отношения к моей шифровке?

— Ну что вы, конечно, имеют! Я ведь не сочинил это, а расшифровал. И даже вспомнил, откуда я знаю эту шифровку. У моего папы был школьный приятель, который работал шифровальщиком в Скотланд-Ярде. Он всегда интересовался моими успехами в расшифровке рун. Выйдя на пенсию, он показал мне несколько собранных им «курьезов» — это один из них. Какая-то романтическая история, связанная с немецкими террористами начала семидесятых. Вроде бы один из них попал в тюрьму где-то в Латинской Америке, — они ведь обожали Че Гевару и партизанскую войну. И из тюрьмы писал зашифрованные письма своей возлюбленной, пока та не устроила ему побег.

— Немецкие террористы? — восторженно воскликнул Ури, но тут же осекся: господа, ну и идиот, чуть сам себя не выдал! И чтобы как-то оправдать свою вспышку, усомнился велух:

— Но откуда мой профессор мог узнать этот шифр?

— Он вполне мог быть одним из них. Вы разве не знаете, что многие немецкие интеллектуалы так или иначе

поддерживали тогда террористов? Впрочем, конечно, не знаете — вы слишком молоды.

— В каком смысле поддерживали? — спросил Ури, вспоминая опрокинутое лицо Инге в тот страшный день, когда она выложила перед ним на столе пачку желтых полицейских листовок с портретами Гюнтера фон Корфа.

— В каком хотите — давали деньги, помогали подделывать документы, прятали в своих квартирах. Вы даже не представляете себе, что творилось в те годы... — Брайан явно был непрочь пуститься в развитие этой темы, но Ури поспешил вернуть его к делу:

— Ну, а шифровка? Вы ее помните?

— Не то, чтобы помню, но чувствую, как она потихоньку выползает из дальних закоулков памяти, где долгие годы пылилась без употребления. Выползает, выползает, все ближе, ближе... вот она!

Он судорожно дернулся, закрыл глаза руками и застыл посреди комнаты — маленький, встрепанный, нелепый в своем свисающем до пола белом халате. Ури молча застыл рядом с ним, загипнотизированный незримо натянутыми в воздухе нитями чужого магнитного поля. Брайан оторвал ладони от лица и прошептал:

— Все! Давайте скорей бумагу и ручку!

Чтобы не мешать ему, Ури прилег на кровать и мгновенно уснул, словно провалился в глубокий подвал, где Инге вешала на крюки под потолком укутанные на зиму герани. Она запеленала последний горшок, повесила его на последний крюк и вышла, негромко хлопнув дверью. Стук двери разбудил Ури. В комнате было пусто, лампа погашена, бледный рассвет, вползающий сквозь неплотно задернутые шторы, высветил белое пятно на темной глади стола. Ури вгляделся — это белели сложенные неровной стопкой страницы, оставленные ему Брайаном.

Ури жадно схватил их, разглядел и разложил на столе рядом со скопированными им вчера листками из красной тетради Карла. Надо отдать должное Брайану — он изложил принцип шифровки в виде простой и ясной схемы. Так что после затяжной борьбы с собственным скудоумием Ури сумел кое-как продрасться сквозь те четыре фразы, куски которых он непредумышленно предложил нака-

нуне Брайану. Получилось нечто завлекательное — похоже, это и впрямь был дневник.

«...все остальные пленники нашей берлоги мечутся из угла в угол, как дикие звери в клетке»... «рыться в холодильнике в поисках утешения для истомившегося в неволе желудка»... «случилось прошлой ночью, когда я, наконец, закрыл кухонную дверь и погасил свет»... «секунду поколебавшись, с какого халата начать, набросил на плечи лиловый».

Фразы складывались гладко, так что в расшифровке Брайана не приходилось сомневаться. Окрыленный своими успехами, Ури решил попробовать, сумеет ли он прочесть фразу, к которой не прикасался Брайан. Он положил перед собой первую страницу из красной тетради и начал с самого начала. Это было непросто, но в конце концов он преодолел сопротивление текста, и под бесчисленным строем перечеркнутых слов и строк выстроился девственно чистый абзац.

«1-й день».

Какая тоска! Какая скука! Вот уже почти три месяца я заточен в этой тесной квартирке в обществе шести непроеходимых идиотов. Впрочем, я неправ: двое из них — непроеходимые идиотки. Но даже это их не красит. Впервые в жизни я пожалел, что не курю: я просто задыхаюсь от табачного дыма и от вони разбросанных всюду окурков».

На миг Ури показалось, что никогда в жизни он не читал ничего увлекательней этой вполне человеческой жалобы. Интересно, что откроется дальше? Он потянулся было за ручкой, но тут дверь приоткрылась без стука, и из щели выглянула лукавая мордочка Лу.

— Вы живы? — пропела она, намереваясь войти в комнату. — Вы просто-напросто проспали завтрак? А мы-то там уже черт знает что подумали!

Ури, который и после трех лет жизни в Германии сохранил израильскую привычку спать в одной майке без трусов, воспользовался этим, чтобы не впустить Лу в комнату. Он в притворном ужасе замахал руками и для большей выразительности прокричал свистящим шепотом:

— Только не входите, я не одет!

Лу состроила бесшабашную гримаску: «Мол, ну и что? Мы и не такое видели!», но все же прикрыла дверь снаружи и прокричала из коридора:

— Одевайтесь и выходите! Брайан там с ума сходит от беспокойства!

Ури глянул на часы и не поверил своим глазам — было без двадцати диннадцать. Неужто он так углубился в разгадку этой долго неподдававшейся головоломки, что даже не слышал звонка на завтрак? Тут же ужасно захотелось есть, но овсяная каша была уже недосыгаема, оставалось только дожидаться сухих бисквитов утреннего чаепития.

Когда зазвенел колокольчик, призывающий к чапиту, Ури, уже полностью одетый, метался по комнате в тщетной надежде найти хоть какой-нибудь уголок, в который можно было бы спрятать расшифрованные и нерасшифрованные страницы дневника Карла. Собственно, он с самого начала знал, что мечется напрасно и что никакого укромного уголка в его келье нет и быть не может, но деваться-то было некуда — вот он и метался. И в конце концов решил таскать всю эту весьма пухлую пачку с собой — его лично вряд ли кто-нибудь станет обыскивать. Перебросив через плечо ремень рабочей папки с дневником Карла, он через три ступеньки рванул вниз по лестнице на зов колокольчика.

Когда он вошел в гостиную, все уже были в сборе: Брайан разливал чай, музыкальная троица оживленно шепталась за своим столиком у окна, парализованная вдова нашла очередную жертву среди ископаемых старцев, американцы у камина весело хрустели бисквитами. Ветреная Лу Хиггинс тоже нашла себе новую жертву — она стояла, облокотясь на рояль, и, позвякивая браслетами на лодыжке, очаровывала высокого, седого, но молодежавшего господина, которого Ури до сих пор ни разу не видел. Молодцеватый господин был явно склонен обольщаться, тем более, что сегодня Лу была не в шортах, а в смело декольтированном мини-сарафане, который оттенял ее прелести даже более заманчиво.

Но Ури не успел прислушаться к их беседе — его отвлек сфокусированный на нем магнетический взгляд Брайана. Маленький библиотекарь, не смея отойти от своих чайников, буквально умолял Ури подойти к нему. Ури взял чашечку с подноса, подумал секунду и взял вторую:

— Брайан, можно пойти против правил и налить мне две чашки кофе? — попросил он. — Раз уж я проспал завтрак, хоть кофе попою вволю.

На это полуобъяснение, полуоправдание Брайан ответил трепетом ресниц и советом поспешить к столу у камина, чтобы запастись бисквитами, пока американцы все не сожрали. Ури поблагодарил и отправился к камину, слегка угнетенный невольным чувством вины: он не мог позволить себе вознаградить Брайана рассказом о том, как замечательно работает написанная им схема шифровки — ведь по его версии у него только-то и была прочитанная Брайаном страничка.

Перегнувшись через плечо Джерри, Ури ловко подхватил корзинку с остатками бисквитов и, пренебрегая градом протестов, унес ее на свободный столик, приотившийся в царственной тени рояля. Прямо перед его глазами покачивалась в такт игривому перезвону браслетов вертлявая мальчишеская попка Лу, а над ее русой гривкой на Ури смотрело тронутое легким загаром выразительно арийское лицо — длинное, с сильными челюстями и крупным прямым носом. Хоть Ури и устал, он не мог увильнуть от выполнения своей главной обязанности — одним глотком прикончив кофе, он стянул в корзинку налипшие на пальцы бисквитные крошки и бесцеремонно втерся между Лу и ее собеседником.

— Надеюсь, вы не американец? — сказал он весело и непочтительно, хоть новый гость был лет на пятнадцать старше его.

— А что? — спросил тот, не сознавая, откуда он.

— Я устал быть в меньшинстве, — пожаловался Ури, — они съедают за чаем все бисквиты. — Лу захохотала, демонстрируя ровные зубы и ямочку у основания горла.

Новый гость, вторя ей, засмеялся глубоким смехом человека, который хорошо знает, с какой стороны хлеб намазан маслом.

— Нет, я не американец, — утешил он Ури. — Но и к европейцем меня причислить трудно — я из Чехословакии. Так что за сохранность ваших бисквитов в моем присутствии поручиться нельзя. — И добавил уже другим, официальным голосом, содержащим в себе вопрос: — Профессор Ян Войтек, специалист по архивному хранению документов.

— Ульрих Рунге из Саарбрюккена, не профессор, — ответил на его немой вопрос Ури и удивился неожиданной искре, вспыхнувшей в холодных серых глазах чеха. Чем он

так его задел? Искра погасла так же мгновенно, как и вспыхнула — расширившиеся было зрачки вернулись в ординарную точку. Ян Войтек любобопытствовал вежливо и равнодушно:

— «Непрофессор» из Саарбрюккена? Что же вы там делаете?

— Учусь.

— Все-таки в университете?

В его вопросе Ури послышалась нотка заинтересованности, или ему просто почудилось?

— Вы там бывали?

— Я? — изумился Ян. — В Саарбрюккене? Я же вам сказал, что я из Чехословакии!

— Ну и что? — озадачилась Лу. — Разве из Чехословакии нельзя попасть в Саарбрюккен?

— Ах, девочка, девочка! — со вздохом позавидовал ей чех. — Вам еще предстоит узнать многое о жизни других людей!

Чуть пониже отраженных гладью рояльной крышки голов Ури и Лу втиснулось отражение еще одной головы — легкие волосики клубились надо лбом, словно облако.

— Ули, у меня к вам срочное дело, — прошелестел где-то возле локтя Ури застенчивый голос Брайана. — Простите за вторжение, но мне пора в читальный зал. Вы меня не проводите?

Ури вдруг осенило — он ведь не отдал Брайану ключ от аннекса! Он сунул было руку в карман, но вспомнив вчерашнюю атаку Джерри Хиггинса, передумал возвращать ключ на людях и поспешил вслед за Брайаном.

— Вы действительно проспали? — голос маленького библиотекаря выдавал его неуверенность в том, что он имеет право задавать такой вопрос. — Вы так сладко спали, когда я уходил...

— В котором это было часу? — спросил Ури, чтобы выиграть время.

— Примерно в полшестого... — незавершенная интонация фразы мягко, но настойчиво требовала ответа. «Он, небось, видел, что у меня в комнате горел свет», — сообразил Ури и решился на осторожную ложь:

— Я немного потрудился над вашей расшифровкой. Дело в том, что я дал вам только обрывки строк, а у меня есть

почти целая страница. И мне не терпелось прочесть все, что осталось, и я прочел — ваша схема потрясающая! Не могу понять, как вам это удалось, вы просто гений!

Детская ладошка Брайана легла на ручку двери читального зала, взъерошенные волоски на его затылке взъерошились еще больше. Он сказал, не оборачиваясь:

— Это не моя заслуга — лучшие умы многих разведок безуспешно бились над этим шифром, пока кто-то, наконец, его не раскрыл.

И почти вбежал в читальный зал. Ури вошел за ним, нащупывая в кармане ключ от аннекса. Брайан шагал так быстро, что когда Ури подошел к его столу, он уже, сидя на своем месте, листал пухлый иллюстрированный том.

— Спасибо, Брайан, — Ури положил ключ в керамическое блюдечко с ластиком и скрепками. — Надеюсь, я вас не очень подвел?

Брайан оторвался, наконец, от страницы, расчерченной замысловатыми диаграммами. Ури показалось, что он ничего на этой странице не видел, а просто прятал за ней глаза — такая в них была обида.

— Я вас все утро ждал. За завтраком и после. Я решил, с вами что-то случилось, но народу было полно и я не мог покинуть свой пост. Особенно после вчерашнего.

— Ну что со мной могло случиться? — усмехнулся Ури.

— Что угодно! Ведь вы прочли зашифрованный документ. А вдруг кому-то не понравилось, что вы его прочли?

— Но ведь кроме вас и меня этого никто не знал!

— Одна тайна тянет за собой другую. Тем более, что когда я под утро уходил из вашей комнаты, за мной следили из нескольких дверей.

— Тогда я не стану на глазах у всех показывать вам то, что мне удалось прочесть, — с облегчением сказал Ури. — Я лучше, наконец, зарегистрирую свою книгу у дежурного библиотекаря — ведь это вы? — и получу собственный ключ от аннекса.

Он вынул из папки вчерашний трактат о древних системах орошения и вписал его индексы в толстую амбарную книгу, заметив при этом, что на сегодняшний день он был первым посетителем аннекса. Брайан открыл стоящую на столе деревянную коробку с подвешенными в замшевых гнездах ключами — она была полна:

— Вот вам ключ. Но не забудьте вернуть его в конце рабочего дня. За опоздание — штраф 10 фунтов и трехдневное лишение права на ключ.

— Ого, какие строгости! — засмеялся Ури. — Но я надеюсь, вы ссудите мне свой, если со мной случится такая беда!

С ключом в руке Ури сбежал по короткому маршу, ведущему в аннекс. Нужно было не трата времени воспользоваться тем, что в аннексе никого не было. Он быстро крошечную дырочку на скрытой под нижним плинтусом панели. Затем снял с шеи цепочку с миниатюрным брелоком-карандашиком и еще раз оглядел пустынный зал аннекса. Убедившись, что там никого нет, он быстрым движением сунул карандашик в дырочку и повернул по часовой стрелке. Полка бесшумно заскользила влево, обнажая затаившийся за ней узкий коридорчик, окаймленный рядами старинных томов. Противоположная входу торцовая стена коридорчика была перекрыта поперечной книжной полкой. Значит, это и есть тайная дверь, открывающая путь в хранилище уникальных древних рукописей.

Ури собрался было откатить маскировочную полку, чтобы собственными глазами убедиться в исправности открывающей дверь механической системы, как вдруг за спиной у него кто-то негромко кашлянул. Он резко обернулся, готовый к чему угодно, но не к тому, что он увидел. Лысая змеиная головка ископаемого старца заглядывала в зазор между полками, поблескивая бесцветными мудрыми глазами из-за толстых стекол квадратных очков

— Вы что же это, любезный юноша, захлопываете столько полок без предупреждения?

Ури смутился:

— Простите, я думал, что здесь никого нет. Ведь я взял первый ключ.

— Напрасно вы так думали. У некоторых из нас есть именные ключи, заслуженные многолетними трудами в этих стенах.

И старец с гордостью предъявил свой ключ, украшенный серебряной биркой, на которой было выгравировано: «Преподобный Харви». Несколько секунд полюбовавшись собственным именем, он перевел проницательный взгляд на возносящиеся над его головой книжные полки:

— А как вам удалось сюда проникнуть? Этот отдел уже давно числится недосыгаемым: его поломанный замок невозможно починить, не разрушив всю систему движущихся книжных шкафов, на ремонт которой нет денег.

— Я открыл его по ошибке, мне нужен совсем другой, — мысленно проклиная свою неосмотрительность, пробормотал Ури. Он быстро шагнул к выходу из зазора, вытесняя оттуда дотошного Харви. Тот попробовал было задержать, ухватившись ревматическими пальцами за корешок книги на последней полке, однако под напором широких плеч Ури он вынужден был отступить все дальше, вытаскивая книгу из не слишком плотного ряда.

— Куда же вы? — залепетал он, теряя свой гонор перед грубой силой. — Раз уж вы этот отдел открыли, давайте хоть посмотрим, что там есть.

Но Ури был неумолим.

— Господин владелец именного ключа, уж вы-то знаете, чем я рискую! Я подписал обязательство открывать только те отделы, где стоят зарегистрированные мною книги.

Произнеся эти слова, он медленно оттеснял преподобного Харви от зазора. Оттеснив его достаточно далеко, Ури уронил свой ключ и наклонившись, чтобы его поднять, нажал секретную кнопку на панели под плинтусом. Ученый старец, не заметивший хитрого маневра Ури, затаив дыхание, следил, как неотвратно смыкаются шкафы, скрывая от глаз заветный зазор.

— Зачем вы его закрыли? — простонал он, наконец, обретя способность складывать слова.

— Я его не закрывал: он закрылся сам, так же как и открылся, — пожал плечами Ури.

Но Харви не унимался, он вцепился в рукав Ури с искренней мольбой:

— Откройте, откройте его снова!

Ури растерянно застыл, не решаясь бесцеремонно сбросить с рукава ссохшуюся старческую лапку. Он так и стоял бы целую вечность, если бы веселый голос не произнес за его спиной по-немецки:

— Чего от вас хочет этот старый пердун?

То ли преподобный Харви, вздрогнув от неожиданности, отпустил рукав Ури, то ли Ури, вздрогнув от неожиданности, вырвал свой рукав из щепоти преподобного Хар-

ви, но они разом расцепились и дружно обернулись в сторону говорящего. Перед ними, улыбаясь, стоял чешский профессор Ян Войтек и спрашивал, на этот раз по-английски:

— Что вы тут не поделили, господа?

— Мы оба жаждем читать одну и ту же книгу, — беспечно пояснил Ури по-немецки, ловким движением вынимая из пальцев старика вытащенную им только что книгу. Бегло глянув на заголовок, он увидел, что это старинное издание скандинавских саг, и обрадовался — теперь он сможет причаститься к заветной теме маленького библиотекаря.

Длинная рука чеха потянулась к книге:

— Боже, какое издание! У нас его нет даже в монастырской библиотеке в Тепле! — воскликнул он тоже по-немецки и попробовал забрать книгу у Ури. — Дайте полистать.

Но Ури не выпустил книгу из рук:

— Увы, сейчас не могу, сам буду читать. Для того я ее и добыл.

Преподобный Харви вдруг резко выпрямил свою согбенную спину, неожиданно оказавшись джентльменом весьма высокого роста, и произнес слабым, но твердым голосом:

— Господа немцы, я воевал против вас в двух мировых войнах и сейчас с прискорбием отмечаю, что за прошедшее время ваши манеры ничуть не улучшились!

И не заботясь о мелких нарушениях логики в своей патетической речи старик поспешил покинуть поле боя, пока еще был в силах сохранить некое подобие былой воинской осанки.

УРИ

После ужина Ури громко объявил, что идет работать, и улизнул в свою келью. В коридоре было тихо, за окном изредка перекликались собаки. Ури из предосторожности припер дверь найденной днем суковатой палкой и со сладким предвкушением положил на стол скопированные листки из красной тетради. Поначалу он то и дело спотыкался и сбивался с ритма, но очень скоро в его мозгу закрути-

лось какое-то колесико и он с головой погрузился в чтение дневника Карла.

1-й день.

Какая тоска! Какая скука! Вот уже почти три месяца я заточен в этой тесной квартирке в обществе шести непродоходимых идиотов. Впрочем, я неправ: две из них — непродоходимые идиотки. Но даже это их не красит. Впервые в жизни я пожалел, что не курю: я просто задыхаюсь от табачного дыма и от вони разбросанных всюду окурков.

Проветрить комнаты невозможно, окна нельзя открывать даже ночью: нас могут увидеть и опознать, ведь наши портреты расклеены на всех столбах. Первые две недели я пытался найти уединенный уголок, чтобы обдумать, кто мог меня выдать. Возможностей было не так уж много, так как почти никто обо мне не знал. Но кто-то это наверняка сделал, кто-то из этих немногих. Кто же это, кто?

Но ни уединиться, ни додуматься не удалось, потому что все остальные пленники нашей берлоги мечутся из угла в угол, как дикие звери в клетке. Их можно понять: они прячутся в тайных убежищах, вроде нашего, гораздо дольше, чем я, и совершенно обалдели от тесноты, безысходности и безделья. Мне уже ясно, что и мои мозги скоро усохнут и я стану таким же кретином, как они. Я стал искать способ хоть как-то замедлить этот процесс и решил попробовать вести дневник, чтобы дни заточения не сливались в один бесконечный день. На мысль о дневнике меня навела эта красная тетрадь, случайно затесавшаяся среди моих малочисленных пожитков. Однако стоило мне набросать несколько строк, как вся скучающая свора повисла у меня за спиной, пытаюсь разглядеть через плечо, что я пишу. Каждое подсмотренное слово вызывало бурный восторг, будто до этой минуты они таких слов и слыхом не слыхали. Терпения у меня хватило на две минуты, после чего я захлопнул тетрадь и отказался от идеи дневника.

Среди ночи я проснулся от шороха и возни у меня под койкой. Какая-то пара сосредоточенно совокуплялась на полу, и койка моя то и дело вздрагивала от ритмичных ударов чьей-то головы об ее ножку. Я не мог разглядеть в темноте, кто это был, но похоже Эрик и Лиззи, они после-

дни дни сильно терлись вместе. Впрочем, в наших условиях пары создаются и распадаются мимолетно, так что это мог быть и кто-нибудь другой. Я пока уклоняюсь и ни с кем в интимные отношения не вступаю, хоть не надеюсь, что мое воздержание продлится долго. Я уже не говорю, что от скуки человек готов на все, но кроме того нелегко устоять против общественного давления — я всей кожей чувствую, как вокруг меня сгущается недовольство. Они еще молчат, но смотрят на меня с неприязнью и даже с отвращением. Так что, боюсь, мое падение не за горами.

Предполагаемые Эрик и Лиззи со счастливыми стонами закончили свое дело и зашуршали спальными мешками, устраиваясь на ночлег. Они заснули через пару минут, а я остался один в бессонной тьме, остро пахнувшей чужими любовными утехами. Тьма была густая и непрозрачная, и на ее фоне я вдруг ясно увидел свое будущее. Оно мне так не понравилось, что я решил сделать все, чтобы его избежать.

Ни в коем случае нельзя отказываться от дневника — он поможет мне дисциплинировать свой ум и хоть как-то ориентироваться во времени. Но как писать под постоянным надзором? Можно, конечно, писать ночью, когда все спят, но ведь кто-нибудь обязательно побежит в уборную и меня застукает. И тогда — все! Назавтра мою красную тетрадь выкрадут и подвергнут коллективному обсуждению.

Боюсь, что за последние месяцы нервы мои изрядно сдали, потому что невозможность вести дневник привела меня в какое-то странное, не поддающееся контролю отчаяние. Я вообразил, что без этого единственно доступного мне усилия, я непременно сойду с ума. И даже начало казаться, что уже схожу. И, как это часто случается в невыносимой духоте нашей берлоги, я тут же почувствовал, что лоб мой покрылся обильным потом, а под горло подкатила сосущая тошнота. И вдруг меня осенило — очень просто, надо все зашифровать! Мне когда-то предлагали пользоваться замечательно хитроумным шифром, разработанным одним психом из наших, который оказался в аргентинской тюрьме. Я уже не помню, каким ветром его туда занесло, но он умудрился наладить связь с нашим центром в Гамбурге, и мы в конце концов устроили ему побег. В его шифровке все было гениально просто и неразрешимо, — я ее когда-то знал, но подзабыл. Надо было сосредоточиться и вспомнить. Что ж,

в моем полном безделье умственные усилия по воспоминанию можно считать благословением. Я просидел три дня в полной неподвижности, воскрешая в памяти детали этого шифра — и вот пишу! Пока это нелегко, но я уверен, что ежедневная тренировка преодолет все трудности. Не думаю, что кто-нибудь кроме меня сумеет это прочесть!

Еще один день.

Вчера ночью была ложная тревога: часа в два, когда все спали, прибежал Курт, который приносит хлеб и молоко. Он открыл дверь своим ключом, чтобы не привлекать внимания соседей звонком или стуком, и задыхаясь сообщил, что в нашем направлении движется отряд полиции в сопровождении двух бронетранспортеров. Эрик и Конрад запаниковали и объявили, что надо немедленно отсюда смыться и рассосаться по переулкам. Остальные не соглашались, и поднялся спор, все стали орать друг на друга шепотом, но сразу замолчали, когда Курт сказал, что ему пора уходить. Как только дверь за ним закрылась, стало очень тихо — нужно было что-то решать.

«Надо погасить свет, может, они подумают, что квартира пустая», — сказала Лиззи, но никто не двинулся с места. Все стояли сбившись в кучу у окна в каком-то странном оцепенении. Я тоже стоял у окна вместе со всеми и как-то лениво удивлялся, что никто не вспоминает про ручную гранату и два пистолета, спрятанные в стенном шкафу наслучай, если за нами придут. Мне бы следовало приказать, чтобы они прекратили панику и приготовились отстреливаться, но меня вдруг охватило странное безразличие. Да и стали ли бы они меня слушаться?

«Ну что же вы! — взвизгнула Лиззи. — Погасите свет!»

Эрик прикрыл ей рот ладонью, а Людвиг пошел к выключателю, протянул к нему руку и произнес, не гася свет:

— А может, пусть уже нас арестуют? Сил больше нет так жить.

Никто ему не возразил. Все молча смотрели на его пальцы, ерешительно застывшие возле выключателя, и мне кажется, все в этот момент были согласны, а, может быть, даже рады, чтобы нас, наконец, арестовали.

Тут Лиззи вырвалась от Эрика и сама щелкнула выключателем. Кто-то потянул ремень жалюзи, и мы увидели

сквозь щели, как строй полицейских промаршировал мимо нашего дома и скрылся за углом. Никаких бронетранспортеров при них не было.

Еще один день.

Ночная тревога не прошла даром. Через два дня нас перевели на другую квартиру. Нас перевезли на двух машинах, подкативших к подъезду с интервалом в пять минут в самый час пик. Народу на улице было полно и никто не обратил на нас внимания. По дороге водитель, незнакомый мне парнишка со швабским акцентом, рассказал, что обе машины были украдены два дня назад, — их спешно перекрасили и сменили номера. Мне было приятно слышать, что придуманный мною механизм смены тайных квартир продолжает работать бесперебойно. Немного было обидно, что они там, на воле, прекрасно обходятся без меня, но зато утешало сознание, что я так здорово все наладил.

Новая квартира оказалась еще более тесной, чем предыдущая, и ее закурили и загадили в первый же день. Общая апатия дошла уже до того, что никто не захотел мыть посуду после обеда, ее просто свалили в раковину грязной грудой, на которую каждый, кому ни лень, стряхивал пепел».

Ури положил ручку и откинулся на спинку стула. В глазах рябило от долгих часов вглядывания в кудрявые завитушки тайнописи. Он несколько раз моргнул и сфокусировал усталый взгляд на законном ландшафте. Над садом и кладбищем сгущались полупрозрачные сумерки. Несмотря на поздний час темнота еще не обволокла стрельчатый шпиль церкви, на острие которого золотились последние, тайные отблески давно зашедшего солнца. Ури уже привык к тому, что в европейских широтах летняя ночь приходит медленно, трудно преодолевая сопротивление не желающего уступать ей дня, но здесь царство сумерек длилось еще дольше, почти до полуночи. Наверно поэтому он незаметил, как промчалось время.

До вечернего чаепития оставалось около часа, можно было расшифровать еще пару абзацев, а то и больше, — он уже здорово наловчился. Но перед глазами кружились и мелькали черные мухи, так что, пожалуй, на сегодня пора было кончать. Тем более пора, что он уже начинал прони-

каться сочувствием к ненавистному автору дневника. Оказалось, что куда легче ненавидеть безликого, абстрактного врага, чем живого и страдающего.

В дверь легко постучали. Опять, наверно, Лу, впрочем, нет — Лу предпочитает врывать без стука. Ури поспешно сгреб в ящик стола все странички — и оригинала, и расшифровки, — раскрыл первую попавшуюся из добытых в читальне книг, убрал палку и крикнул: «Заходите!» В приоткрытую дверь заглянул Ян и сказал по-немецки:

— Над чем вы весь вечер корпите?

Глаза его пошарили по столу в поисках чего-нибудь, за что можно было бы зацепиться, но не найдя ничего интересного, вернулись к лицу Ури.

— И не надоело вам сидеть над книгами?

— А что мне остается? Я же еще не профессор!

— Хотя вы и не профессор, на сегодня вы свою норму выполнили. А мы с Брайаном не теряли времени даром. Мы пошли гулять и набрали на очаровательный кабачок, где хозяин-ирландец подает свежайшее подлинно ирландское пиво. Идемте, посидим часок и потешим Брайана вольной беседой о скандинавских сагах. Бедняга с нетерпением ждет нас внизу.

БРАЙАН

Многоцветные бабочки порхали над головой в дымном воздухе кабачка. Десятки огромных бабочек — синих, красных, оранжевых, зеленых. Поблескивая позолотой ажурных крыльев, они парили под потолком на тонких пружинистых нитях, сидели на всех стенах, на сетчатых перегородках между столами, над сдвоенным рядом бутылок на полках бара. Брайан никогда не подходил к этим бабочкам так близко — обычно он осмеливался любоваться ими только через окно, из-под прикрытия уличной темноты. Он всегда остро завидовал посетителям кабачка, которые чувствовали себя как дома в его уютной розовой полутьме. Брайану казалось, что все эти люди, долгими вечерами потягивающие пиво из высоких конических стаканов, счастливы и беспечны, не то что он. Он был изгой, отверженный, лишенный доступной всем другим простой радости

общения за стаканом пива. Его болезнь запрещала ему прикасаться к спиртному, и не было у него друга, ради которого стоило бы этот запрет нарушить.

— Ну и кич! — сказал Ули, с интересом разглядывая бабочек.

— Не скажите, — возразил Ян Войтек, — когда кича так много, он перестает быть кичем и становится произведением искусства. Не правда ли, Брайан?

Брайан перевел взгляд с одного на другого и на миг потерял дар речи. Сердце велело ему во всем соглашаться с прекрасным магистром, художественный вкус признавал правоту неотразимого чешского профессора, который знал толк в скандинавских сагах не хуже, чем сам Брайан. А главное — он все еще не осознал до конца, что сидит, как равный, в кабачке «Полет бабочки» в самом блистательном обществе, о каком мог только мечтать. От необходимости сделать выбор между Яном и Ули его избавило появление хозяина кабачка, который положил на стол меню и произнес хриплым пропитым баритоном: «Патрик Рэнди, человек-бабочка приветствует вас!» Брайан робко взял в руки книжечку меню, — по верхнему краю обложки, украшенной изображением изумрудной бабочки с лицом хозяина, крупной вязью были набраны те же слова: «Патрик Рэнди, человек-бабочка, приветствует вас!»

— Почему вы человек-бабочка? — поинтересовался Ули.

— Потому что я человек-бабочка, — не слишком вразумительно пояснил Патрик Рэнди и добавил, широким взмахом указывая на стены кабачка, — Всех этих бабочек я создал сам, вот этими руками, — и с гордостью предъявил руки, в которых Брайан не увидел ничего особенного, грубые руки рабочего человека, и все.

Ян полистал меню, фоном каждой страницы которого служили разноцветные крылья бабочек, и спросил с улыбкой:

— А жареных бабочек заказать у вас можно?

Загорелое лицо человека-бабочки вдруг резко побледнело и даже исказилось гримасой боли, словно он получил пощечину. Брайану стало неловко за бестактность своего спутника, однако Патрик Рэнди быстро овладел собой, гордо выпятил подбородок и произнес с достоинством:

— Бабочки здесь для услаждения вашего взора, а не для услаждения вашего желудка.

— Неоспоримо, — поспешно согласился Ули.

— Безусловно, — подхватил Ян.

И оба потупились, согласно и как бы смущенно, но Брайану почудилось, — чтобы не расхохотаться. Если Патрик Рэнди и заподозрил их в неискренности, он себя не выдал — он опять обвел зал торжественным жестом и продекламировал:

*«На крыльях бабочек ажурных
Сюда слетаются мечты!»*

Брайан услышал, как слева от него, словно задохнувшись от восторга, закашлялся Ули, а Ян, сохраняя серьезность, спросил:

— И стихи тоже ваши?

— Все здесь мое, — живо откликнулся Патрик Рэнди и расплылся в улыбку, от которой излишки грубой кожи на его щеках и подбородке собрались в тугие, подвижные гармошки, образуя некое подобие крыльев бабочки. — Результат моих тяжких трудов и долгих странствий.

— А где вы странствовали? — полюбопытствовал Брайан, который из-за болезни никогда не пересекал границ Уэльса.

— Везде! — гордо воскликнул бабочник. — Назовите любую страну мира, и я расскажу вам о ней такие подробности, каких вы не найдете ни в одной ученой книжке!

— Что же вы там делали, во всех этих странах? Ведь не бабочек, правда? — усомнился Ян.

— Чего я только ни делал! — Патрик Рэнди заметно возбудился и присел на скамейку рядом с Брайаном. — Если бы я начал вам рассказывать, в каких передрыгах я побывал, с какими врагами сражался и сколько крови пролил, нам не хватило бы времени до закрытия!

— Своей крови или чужой? — лукаво уточнил Ян, но словоохотливый кабатчик, не замечая его иронии, не просто продекламировал, а почти пропел:

— И своей, и чужой! Когда враг идет на тебя лавиной, ты должен сразить его наповал!

— И чем вы его сражали? Клинком или пулей? — не унимался Ян.

— И тем, и другим, — отпарировал его выпад бабочник. — Рука моя тверда, и глаз мой зорок! Но ни острый

нож, ни меткая пуля не сумели оградить меня от пролития крови! — И он начал было расстегивать рубашу, желая немедленно продемонстрировать свои боевые шрамы и рубцы.

— А как насчет пива? — остановил его Ули, которому надоела эта беседа по суху.

— Да, да, конечно пиво! — засуетился Патрик, пытаясь застегнуть непослушную пуговицу на груди. — Пиво непременно и в первую очередь! Рекомендую Гиннес, есть в бутылках, есть в розлив, как пожелаете.

— А как мы пожелаем? — спросил Ян у Брайана.

Брайан испуганно замигал. Врачи категорически запретили ему пить пиво, но он по дороге сюда начисто забыл про этот запрет. И вот теперь он должен выбирать, не имея даже малейшего представления, чем пиво в бутылках отличается от пива в розлив. Но он не мог лишиться себя этого удовольствия — прислушавшись к себе, он почувствовал, что слово «бутылка» ему отвратительно, и решительно объявил:

— В розлив!

— Решение истинного знатока! — возликовал хозяин и устремился к большой бочке, возвышающейся над стойкой бара. Ободренный Брайан прикрыл глаза и увидел почти наяву, как его недоброжелатель, казначей библиотеки Джеймс Сидней, входит под сень порхающих бабочек и потрясенно застывает при виде Брайана, непринужденно потягивающего пиво из высокого стакана. Когда он открыл глаза, стаканы уже стояли на столе. Их было четыре, потому что человек-бабочка принял приглашение Яна присоединиться к ним по случаю знакомства. Вслед за всеми Брайан взял свой стакан, увенчанный облаком пены, и замер, не зная, что с ним делать.

— С приездом! — провозгласил Ян и, отхлебнув большой глоток, признал, что ирландское пиво, пожалуй, не хуже, чем их Будвар. На что Ули возразил, что насчет Будвара он ничего сказать не может, но вот против их черного марбургского Кучер-Альта ирландское не тянет. И все посмотрели на Брайана, ожидая, что скажет он — или ему это показалось? Но он не знал, что сказать, потому что не пробовал пиво ни разу в жизни. Поэтому он молча поднес стакан к губам, зажмурился и глотнул. Рот обожгло терпким и горьким, но он собрал всю свою волю и глотнул

снова. В голове его вздулся и лопнул огненный пузырь, и разноцветные бабочки над головой начали пикировать на него соскоростью реактивных самолетов. Он уронил голову на стол и заплакал счастливыми слезами.

УРИ

Хорошая погода кончилась где-то в полночь, и надолго зарядил некрупный нудный дождь из тех, которым нет конца. Его ровный шум сперва убаюкал Ури, особенно после трех кружек крепкого ирландского пива, но перед рассветом загрохотал гром, и пришлось срочно проснуться, чтобы убедиться, что за громом всегда следуют молнии. Заснуть уже не удалось, тем более, что Ури не терпелось продолжить расшифровку красной тетради. За прошлый вечер он уже неплохо усвоил основные принципы хитроумного кода Карла, так что за короткое время он успел прочесть изрядный кусок.

«Мы начали устраиваться на новом месте. Каждый выбирал себе соседей по вкусу. Поскольку я здесь явно никому не по вкусу, мне повезло, и я, со своим спальным мешком оказался в одиночестве на кухне. Не то, чтобы мне было приятно спать, засунув голову под раковину, а ноги — в щель между холодильником и посудной полкой, но зато я могу закрывать на ночь дверь и оставаться один. Конечно, в любую минуту любой из шести идиотов может явиться пить чай или рыться в холодильнике в поисках утешения для истомившегося в неволе желудка, но все же бывают часы, когда никто не нарушает моего блаженного одиночества.

Над кухонной дверью я обнаружил неглубокие антресоли, набитые старыми книгами. Я решил, что не стоит рассказывать идиотам о моей находке — их интерес к чтению исчезающе мал. Скорей всего, это не их вина: в скитаниях с одной тайной квартиры на другую они потеряли способность сосредоточиться. Не исключено, что я тоже скоро ее потеряю. Но пока мой интерес еще жив, так что, когда все угомонились, я взобрался на стул и стал изучать содержимое неожиданно свалившейся на меня библиотеки. В основном она состоит из старого книжного хлама, который можно читать только в одиночном заключении.

Но одна книга хорошо читанная и затрепанная, оказалась мне любопытной. Это — полудокументальная история жизни одного русского аристократа из прошлого века, Мишеля Бакунина, который уже сто пятьдесят лет назад понял, что сытое общество бюргеров враждебно каждому отдельно взятому сытому бюргеру. Мне всегда хотелось узнать подробности жизни этого удивительного человека. Ведь это он сформулировал основные принципы нашей борьбы и теоретически обосновал то, что сегодня называют городской герильей.

У меня создалось впечатление, что он всегда стремился жить на грани гибели и метался по Европе в поисках смерти. Во время революции 1848 года он сражался на баррикадах в Париже, в Праге и в Дрездене и в конце концов был приговорен к смертной казни. А с чего бы? Чего ему не хватало? Все у него вроде было в порядке — высокий синеглазый красавец из богатой и знатной семьи, любимец женщины, прекрасно образованный. Что гнало его от одной опасности к другой? Меня давно занимал вопрос, какая тайна кроется в его погоне за смертью, но никогда не было времени порыться в его прошлом. Что ж, сейчас времени у меня хоть отбавляй! Могу подумать и о проблемах Мишеля Бакунина. Это все же лучше, чем непродуктивно думать о своих. О чем-то же думать я должен!

Я завернулся в спальный мешок и, предвкушая удовольствие, раскрыл книгу. Видать, кто-то усердно штудировал ее до меня — она вся испещрена пометками, многие строки подчеркнуты. Похоже, хозяева этой квартиры — так называемые интеллигентные люди, среди которых принято сочувствовать нашей борьбе. Что ж, отлично, именно таких я всегда настойчиво рекомендовал вербовать.

Еще один день.

Трудно будет потом восстановить, когда что было написано, но невозможно называть день, число и даже месяц. Их трудно различить в бесконечной череде сменяющих друг друга унылых физиологических состояний. Хочется спать — не можешь заснуть из-за общего гама, хочется в сортир — там всегда кто-нибудь сидит, хочется есть — в холодильнике все засохло и зачерствело, хочешь глоток свежего воздуха — о прогулке и думать не смей!

Похоже, когда я продумывал эту, довольно совершенную, систему ухода от слезки, я вовсе не рассчитывал на себя.

Еще один день.

Итак, они меня заполучили, черт бы их побрал! Не знаю, зачем я им понадобился. Ведь я для них старик, все они моложе меня почти вдвое. О моем высоком положении в организации им наверняка ничего неизвестно, да и не все ли им равно? Однако они зачем-то остро жаждали вовлечь меня в свои игры, а я не поддавался, все сильнее разжигая этим их жажду. Почему я так упирался? Я думаю, дело в том, что они мне просто физически неприятны: они все как на подбор некрасивые и редко моются, и девки не лучше парней. Мне трудно переносить их дурацкие ссоры, когда они в плохом настроении, но еще хуже, когда они в хорошем, — их бездарные шутки могут кого угодно свести с ума. Мне с ними скучно, я терпеть не могу пустых занятий, задача которых — как-нибудь убить время, хотя, по совести, в условиях заточения — это единственное, что можно со временем сделать...»

За спиной слабо щелкнула дверная ручка, которую кто-то пытался осторожно повернуть, но напрасно — Ури ночью умудрился закрепить ее привязанной к спинке кровати веревочной петлей.

— Ули! От кого вы запираетесь? — прошептал из-за двери голос Лу, — Не хотите побегать до завтрака?

— В такую погоду? — запротестовал Ури, глядя на вздрагивающие от ветра мокрые ветви каштана за окном.

— Может, вы меня впустите? Или вы опять не одеты? — жалобно запричитала Лу в коридоре. — Мне неудобно разговаривать с вами через дверь.

Ури, которого холод вынудил с рассвета влезть в тренировочный костюм, сжалился над ней, — он спрятал дневник в ящик и сбросил петлю с дверной ручки. Лу влетела в комнату в яркой упаковке, рассчитанной на обольщение партнера по пробежке под дождем — короткие белые шорты и красная спортивная куртка подчеркивали стройность ее загорелых ног в белых кроссовках.

— Вот вам куртка Джерри и побежали! — тоном, не допускающим возражений скомандовала она, протягивая Ури точно такую же красную куртку с капюшоном. — Где ваши кроссовки?

Не спрашивая разрешения, она опустилась на колени и начала шарить под кроватью в поисках спортивных ботинок. Ури, готовый было заявить, что кроссовок у него с собой нет, прикусил язык, испугавшись, как бы она не заставила его бегать в кроссовках Джерри, и вытащил свои из стенного шкафа. Но прежде, чем надеть куртку Джерри, он попросил Лу на минутку выйти в коридор.

— Вы что, как всегда, без трусов? — поинтересовалась она, закрывая за собой дверь.

Ури вытащил из ящика скомканные листки, сунул их в целлофановый пакет и спрятал за пазуху, туго перетянув тренировочную майку ремнем. Потом натянул кроссовки и куртку и припустил вслед за Лу по извилистому коридору, равномерно разграфленному прямоугольниками одинаковых дверей. Ему почудилось, что в подтверждение вчерашних подозрений Брайана некоторые двери были и впрямь приоткрыты.

Внизу Лу свернула в проход между трапезной и кухней, где уже щебетали и звенели тарелками кухонные девушки, и через незнакомую Ури узкую дверь выбежала в кладбищенский сад. Дождевая сетка затягивала небо до самого горизонта. Под шепоток мелких настойчивых капель, барабанищих по пластику куртки, Ури пересек сад, промчался по огибающей церковь тропинке и следом за Лу вбежал в длинный туннель, образованный сомкнутыми кронами старых вязов. Там его ослепила зеленоватая полутьма, и он с размаху налетел на Лу, которая, затаив дыхание, притаилась за несколько метров от входа. «Что она задумала?» — подумал Ури, чувствуя, как целлофановый пакет щекотно трепыхнулся под майкой. Однако прежде, чем он успел вымолвить хоть слово, теплые пальцы Лу легли на его губы. Она стояла так близко, что дыхание ее щекотало его щеку.

— Т-с-с! Молчите, Ури! — Ури, не Ули? Или он ослышался, оглушенный неожиданностью и шорохом дождя. Но она не дала ему додумать:

— Ваша мама приезжает сегодня четырехчасовым поездом.

— Какая к черту мама? — громко возмутился он прежде, чем ладонь Лу зажала ему рот.

— Ваша мама Клара, или у вас есть другая? Меир просил напомнить вам еще раз, чтобы вы не выдали себя ни

словом, ни жестом. А теперь — скорей отсюда, пока никто не заметил, что мы тут задержались.

— Вы? — выдохнул Ури, все еще не обретя дар речи.

— Ну да, я ваша связная! Бегите передо мной так, чтобы слышать, что я вам говорю, — прошипела Лу и больно подтолкнула его в спину. — Да бегите же, бегите, что вы топчетесь на месте?

Ури побежал под зеленой аркой сплетающихся над головой деревьев, вслушиваясь в торопливые слова Лу:

— Вам уже есть, что сообщить Меиру? Вы ведь обхаживали за ужином этого шикарного чеха.

— А вы обхаживали его за обедом.

— Не оборачивайтесь, за нами могут следить!

Тогда Ури спросил, не оборачиваясь:

— Что же вы выудили из шикарного чеха?

— Т-с-с! Не так громко! Меня интересует, что вы из него выудили. Вы ведь просидели с ним целый вечер в кабачке бабочника.

— Вы что, за мной следили?

— Конечно! И за ним, и за вами, и за библиотекарем.

Постепенно Ури приспособился бежать слева от Лу и лишь чуть-чуть впереди, так что можно было разговаривать тихо и не оборачиваясь.

— А зачем вы с Джерри устроили мне допрос и слежку, если вы моя связная?

— Я только сегодня на рассвете узнала, что вы мой клиент.

— При помощи почтового голубя, что ли?

— А вот это не ваше дело. Ваше дело слушать меня и не повышать голос. Вам следует случайно столкнуться с вашей мамой сразу после ее приезда и непринужденно завязать с ней знакомство. Вы должны сопровождать ее по дороге на совещание и встречать при выходе. Совещание будет проходить в хранилище уникальных рукописей. Надеюсь, вы знаете, где оно находится?

— В подвале под часовней.

— Правильно. Вы в часовню уже заходили?

— Вы ведь за мной следите и прекрасно знаете, что еще не заходил.

— Так зайдите поскорей. Вы должны своими глазами увидеть вход в хранилище. Во время совещания вы, я и

Джерри будем по очереди дежурить неподалеку, чтобы следить, как бы кто-нибудь чужой не попытался туда проникнуть.

Ури хотел было сказать, что ему поручено охранять другую дверь, но воздержался, ведь Лу может ничего о той двери не знать. Где-то за тучами взошло солнце и в зеленоватом пространстве похожей на подводное царство долины начали завихряться мелкие струйки молока и меда. Голос Лу произнес шепотом у самого уха Ури:

— Для пользы дела было бы удобно, если бы вы стали моим любовником. Тогда наши совместные деловые прогулки получили бы законное оправдание.

От неожиданности Ури на миг замедлил шаг, но рука Лу тут же толкнула его в спину:

— Бегите, не останавливайтесь!

От ее толчка он качнулся вперед и спросил уже на бегу:

— А что скажет ваш муж?

— Вы что, поверили, будто Джерри мой муж? — фыркнула Лу. — Интересно, за кого вы меня приняли?

— Но разве вы не живете с ним в одной комнате? — полюбопытствовал Ури.

— Конечно, нет! Здесь нет комнат на двоих. Здесь каждому полагается узкая односпальная кровать, начала было Лу и вдруг осеклась. Откуда-то сбоку из-под сетки дождя вынырнул Ян Войтек в синей куртке и кроссовках. Он приветственно махнул им рукой и прокричал на бегу:

— Пора поворачивать обратно, а то опоздаете на завтрак!

КЛАРА

Поднимаясь по чуть поскрипывающему эскалатору на третий этаж неоглядного лондонского магазина «Сэлфриджис», Клара тихо напевала навязшие в зубах строчки из новой песни популярной израильской певицы: «О-о, счастье умереть за тебя, умереть за тебя!». Слова эти преследовали ее неспроста, потому что она, по всей видимости, запуталась в собственноручно сплетенных ею хитрых сетях, которые теперь ни развязать, ни разрубить. Ведь какая комбинация сложилась, — нарочно не придумаешь: Ури и Меир, ревнивый сын и отвергнутый возлюбленный! И под

их пристрастным надзором ей предстоит встреча с тайным любовником! Но главное, главное, главное — встреча-то ей все-таки предстоит!

Она задохнулась от предвкушения и, чтобы снять спазм с голосовых связок, пропела чуть громче: «О-о, счастье умереть за тебя, умереть за тебя!». Пропела, наверно, слишком громко, потому что кудрявый седой господин, скользящий навстречу ей вниз по параллельной дорожке, вдруг сложил губы трубочкой и послал ей развязный воздушный поцелуй. Пока она растерянно решала, возмутиться или расхохотаться, он прошпыл мимо и исчез во флюоресцентном чреве второго этажа.

Сойдя с эскалатора, Клара не спеша направилась к бесконечным рядам многоцветных жакетов, блузок и свитеров, тянущихся по всей длине огромного магазина. До поезда в Честер оставалось чуть больше двух часов, так что времени у нее было немного, но ведь и покупать что-нибудь было необязательно. Она пришла сюда просто, чтобы как-то убить время и отвлечься от тревожных мыслей о хитроумной ловушке, в которую она сама себя завлекла.

Как будто недостаточно, что это свидание с Яном в Англии — ее постыдная тайна, ее грех и преступление! А теперь получается, что встречаться с ним ей придется украдкой, тайком от Ури и Меира, которые будут за нею следить. Кто из этих двоих опасней? Меир? Честно говоря, у нее вчера в посольстве ноги подкосились, когда, приоткрыв скромную дверь с табличкой «Визы и разрешения», она внезапно оказалась лицом к лицу со своим вытесненным из памяти, но не забытым прошлым. А ведь для Меира эта встреча не была неожиданной, он планировал ее и предвкушал. Во время их долгой деловой беседы она всей кожей чувствовала, как его взгляд исподтишка ласкает ее и проникает под одежду. Неужели его страсть к ней все еще не угасла? Неужели он на что-то еще надеется, после стольких лет? Или ей это просто померещилось, дура старой?

И все-таки не в Меире таилась главная опасность. Клара с ним раньше справлялась, она и сейчас с ним справится. Но вот как быть с сыном? Как укрыться от его пронизательных глаз, натренированных долгими годами детской ревности? Клара повесила ворох свитеров на скобу у двери примерочной кабинки и, расстегнув пуговицы сво-

ей блузки, внезапно содрогнулась от трепетного скольжения шелка вниз по обнаженной спине. Что с ней? Куда несет ее поток страстей и событий? Нужно срочно взять себя в руки и сосредоточиться на выборе свитера. Обычно ей удавался этот женский трюк вытеснения отрицательных эмоций при помощи потребительских радостей.

Трюк удался и на этот раз — не стопроцентно, но удался. Когда Клара вошла в вагон с чемоданом в одной руке и с полной сумкой от «Сэлфриджис» в другой, она уже не пела вслух, распуговывая встречных несдержанными прорывами чувств. Она тихо села у окна и невидящими глазами уставилась на проносящийся мимо английский пейзаж. Смотреть, правда, было не на что. Сразу после Лондона небо затянули угрюмые свинцовые тучи, из которых начал сеяться противный мелкий дождичек, затянувший окно переменивым капельным узором.

Соответственно погоде душевное равновесие Клары становилось все более зыбким и уязвимым. После первой пересадки в дымном красно-кирпичном Бирмингеме она потеряла власть над собой и начала мечтать о том, как она встретится с Яном. Однако представить это было трудно, потому что ей не хватало реалистических деталей. Она не знала, как выглядит коридор библиотеки, где она может как бы случайно столкнуться с ним, если он ждет этой встречи так же нетерпеливо, как и она. И тут на нее накатила паника. Почему она вообразила, что он уже там? Может, его еще нет? А может, он вообще не приедет? Ведь после краткой записочки, завершающейся лаконичным «До встречи», пришедшей по почте более трех недель назад, она не получила никакого подтверждения, что он приедет. А вдруг он передумал или ему опять не дали визу?

Ко второй пересадке в маленьком городке Хавардене Кларе уже все стало ясно. Пока она взбиралась с тяжелым чемоданом по ступеням громоздкой деревянной лестницы, чтобы тут же спуститься по точно таким же ступеням на другой перрон, она окончательно поняла, что Ян вообще не приедет. О чем она думала до сих пор? Почему эта мысль не пришла ей в голову раньше? Ну и ладно, хватит об этом. Она ведь едет в Дерривог вовсе не на свидание с Яном, так что ей следу ет спуститься с облаков на землю,

перестать сходить с ума из-за Яна и освежить в памяти детали предстоящего ей ответственного задания.

Последний перегон оказался совсем коротким, всего двадцать семь минут, что при учете черепашей скорости двухвагонного поезда-трамвайчика едва покрывало расстояние небольшой пешеходной прогулки. При подъезде к Честеру погода вдруг чудесно переменялась и, в бледно-голубом неожиданно безоблачном небе засияло нежаркое северное солнце. Клара вышла из вагончика и огляделась: крошечная вокзальная площадь Честера выглядела миниатюрной копией вокзальных площадей всех больших городов мира. Под игрушечными колоннами игрушечных ворот выстроилась очередь из двух английских такси, похожих на маленькие черные фаэтоны, в которые забыли запрячь лошадей.

Проезжая в такси по декоративным средневековым улочкам, Клара вытащила из сумки расческу, помаду и пудреницу и начала поспешно прихорашиваться. Она уже не мечтала о встрече с любовником, она просто заботилась о том, чтобы не предстать перед сыном растрепанным пугалом с бледным ртом и погасшим взором. Такси выехало из города на узкое шоссе, выходящее среди изумрудных лугов, отороченных ровными рядами тополей. В Израиле Кларе не часто приходилось видеть летом столько привольно растущей зелени. Потом замелькали живые изгороди, окружающие аккуратные кирпичные домики с гребешками дымоходов на крышах, и через несколько минут такси затормозило перед аркой старинных ворот кованого железа.

Роясь в кошельке и путаясь в английских банкнотах, Клара на миг глянула за окно и обомлела. У прорубленной в теле ворот калитки вполоборота к ней совершенно реальный, чуть растрепанный Ян в клетчатой рубашке и в шортах цвета хаки внимательно слушал, что говорит ему веселый, тоже растрепанный и тоже в шортах, сильно повзрослевший Ури. Рядом с ними, лицом к Кларе, слегка пританцовывая, суетилась длинноногая молодая блядюшка в очень коротких шортах, почти бикини, открывавшая ее весьма соблазнительные ляжки до самого причинного места. Клара хорошо знала разбитных девок этого типа и терпеть их не могла. Они тоже были охотницы на мужчин, но не разборчивые, а всеядные, готовые взять любого, который клонет на приманку.

По мелкой чечетке, которую выбивали по отполированным веками камням сандалии голоногой охотницы, было видно, что она находится в состоянии боевой готовности. Клара не смогла сходу определить, на кого именно направлено ее внимание — на Яна или на Ури, но сейчас это было неважно. Сейчас важно было выйти из такси на глазах сына и любовника так, чтобы ни тот, ни другой не откололи от неожиданности какую-нибудь разоблачительную глупость. Уходить они явно не собирались, и не было ни малейшей надежды проскользнуть мимо них незамеченной. Так что Кларе не оставалось ничего, кроме лобовой атаки.

И Клара пошла в атаку. Когда таксист вынул из багажника ее вещи и поставил их возле машины, она распахнула дверцу и решительно шагнула в сторону веселой группы у ворот.

— Господа, — сказала она с улыбкой, которая когда-то отворяла перед нею любые двери, — не могли бы вы помочь мне с моим багажом? Он для меня слишком тяжелый.

И дерзко перевела глаза с любовника на сына и обратно с сына на любовника. Какую-то долю секунды оба молча смотрели на нее, словно пытались найти точку равновесия, из которой им можно будет вступить в контакт с Кларой. Первый пришел в себя Ури:

— С удовольствием, — произнес он любезно и сделал шаг к чемодану.

Однако Ян опередил Ури. Он в один прыжок оказался возле чемодана, легко поднял его и спросил:

— Вы знаете номер своей комнаты?

Теперь Клара могла позволить себе посмотреть ему в глаза.

— Нет, пока не знаю, — ответили ее губы, пока все ее существо погружалось в призывную глубину его взгляда. — Я думаю, мне надо сначала зайти в регистратуру.

— Что ж, пошли в регистратуру, — усмехнулся Ян, отворяя калитку свободной рукой.

Прежде чем пойти вслед за ним, Клара обернулась к сыну. В ожидании ее инициативы он выжидательно молчал, спрятав руки за спину, — чтобы не протянуть их к ней по ошибке, что ли? Боже, как она его любила — брови вразлет, волосы взлохмачены! Нужно поскорей удирать, чтобы не выдать себя каким-нибудь невольным проявлением чувств.

— Спасибо за предложенную помощь, — сказала она, не в силах подавить подкатившую под горло теплую волну. Как ей хотелось коснуться его смуглой щеки! Но ладони его она ведь могла коснуться, правда? И она протянула ему руку:

— Рада познакомиться. Я Клара Райх из Израиля.

— Из Израиля, как интересно! — воскликнула голоногая девка и ловко перехватила руку Клары. — Очень приятно, я Лу Хиггинс из Корнельского университета.

Ого! Девка, кажется, оберегает Ури от Клары! А как же ненаглядная Инге? Но не Кларино было дело защищать интересы немецкой разлучницы. Она приветливо улыбнулась наглой американке и спросила сына:

— Вы тоже из Штатов?

— Нет, что вы, с моим-то акцентом? Я из Германии, из Саарбрюккена, разве не слышно?

— О, так я смогу с вашей помощью воскресить свой немецкий? — воскликнула Клара по-немецки, наслаждаясь возможностью установить с сыном интимную связь, в которую не могут проникнуть другие.

— Ян тоже говорит по-немецки, он из Чехословакии, — предостерег ее Ури, давая понять, чтобы она не проболталась при чехе.

Услышав, с какой легкостью слетело с уст сына запретное имя любовника, Клара внутренне содрогнулась, осознавая всю сложность предстоящей ей недели. Ури хотел еще что-то сказать, но Лу многозначительно просунула обнаженную руку ему под локоть:

— Пошли, Ули, нам пора, мы ведь собирались до чая осмотреть часовню.

И, кивнув Кларе на прощанье, она поволокла слабо упирающегося Ури в сторону мрачной церкви, под сенью которой приютилось приземистое здание древней часовни. Какое дурацкое имя — Ули! Его неприятное звучание на миг резануло ухо Клары и тут же забылось. Какое счастье — Ян здесь! И как удачно голоногая охотница, которая явно целится не на него, а на Ури, увела сына прочь, оставив Клару наедине с Яном. Подавляя рвущийся из груди счастливый смех, Клара толкнула тяжелую калитку и вошла во двор.

Ян ждал ее на пороге, прислонясь плечом к приоткрытой двери. Не двигаясь с места, он охватил ее взглядом,

ласкающим и физически ощутимым, как объятие. Клара на миг увидела себя его глазами и осталась довольна: она не шла, а летела, не касаясь земли, и все у нее было в порядке — губы, волосы, походка, посадка головы. Она подошла к нему совсем близко, так что ей в ноздри ударил головокружительный запах его нагретой солнцем кожи, смешанный с горьковатым запахом табака. Он все так же неотрывно смотрел на нее, не говоря ни слова. И почти теряя сознание от его взгляда, от его запаха, от близости золотистых волосков на его груди, курчавящихся в расстегнутом вороте рубашки, она все же нашла в себе силы произнести высоким светским голосом, на случай если кто-нибудь их слышит:

— Это просто волшебный край! Во всем мире идет дождь и только у вас сияет солнце!

УРИ

— Ну и мамочка у вас! Тигрица! — восхищенно воскликнула Лу, когда они завернули за угол церкви. — Она что, родила вас еще в детском саду?

Ури и сам был поражен непостижимой переменной в матери, не оставившей в ней и следа от печальной вдовы с веером морщинок в уголках рта, которую он так жалел после лондонской беседы с Меиром. Она сияла и лучилась молодостью и верой в себя. Хорошо зная свою неугомонную мать Ури сразу предположил, что тут замешан мужчина, и ужасная догадка пронзила его сердце — она опять спуталась с Меиром! В свете этой догадки сразу становилось понятным, почему именно ее пригласили вести переговоры о воде. Один-единственный факт не укладывался в это блестящее решение психологической головоломки — зачем Меиру понадобилось впутывать в это дело Ури, который мог опять все ему испортить? Пока Ури проворачивал в голове разные аспекты своего прозрения, Лу продолжала что-то говорить, но он пропустил мимо ушей значительную часть ее речи и вострепнулся только, когда она сказала:

— По-моему, наш чех сразу клоннул на ее приманку.

Вспомнив, как мать выпорхнула из такси и предстала перед ними, грациозно согнув в колене балетную ножку в

туфельке на высоком каблуке, Ури охотно поверил, что на ее приманку должен был клонуть любой. Если бы не Лу, он бы, пожалуй, поспешил сейчас вслед за Кларой, чтобы не оставлять ее наедине со своим новым приятелем. Он терпеть не мог, когда мать заводила шуры-муры с его друзьями, а она именно это обожала, — не для того, чтобы ему досадить, а просто для самоутверждения. Впрочем, если она и впрямь опять сблизилась с Меиром, то вмешиваться не следует — пусть события развиваются своим чередом. Тем более, что Ури утром уже написал и опустил в почтовый ящик подробное описание обаятельного чешского профессора, чтобы те, кому надо проверили, что он за птица.

Выходило, что разумней всего ему сейчас следовать за Лу, от которой все равно невозможно было отделаться. Поэтому он, не сопротивляясь, позволил ей взять себя за руку и повести по утоптанной тысячами ног дорожке к часовне. Цепко держа его локоть, Лу опять повторила, что он должен каждый раз сопровождать мать до входа в хранилище, чтобы кто-нибудь не попытался забрать у нее магнитную карточку, отворяющую заветную дверь. Закончив свою тираду, Лу набрала в легкие побольше воздуха, чтобы продолжить разговор о Кларе, но Ури решил отвлечь ее от этой темы и спросил, зачем понадобилось строить хранилище под часовней. Лу, конечно, не смогла устоять против соблазна блеснуть эрудицией:

— Затем, что часовню воздвигли на месте древней церкви. Ее стены ушли глубоко в землю и образовали герметически закупоренный каменный мешок. При современной системе обогрева и вентиляции в этом мешке создается особый микроклимат, в котором рукописи не рассыпаются в пыль.

Они вошли в зябкую полутьму часовни. В дальнем углу печальная шеренга оплывших свечей освещала миниатюрный алтарь с чуть поблескивающими окладами плохо различимых в сумраке икон. Пол был усеян продолговатыми надгробными камнями, покрытыми кружевной вязью имен и дат.

— Здесь, — почему-то шепотом сказала Лу, ткнувшись в ухо Ури горячими губами. По контрасту с многовековой каменной прохладой часовни теплое дыхание Лу обожгло Ури электрическими токами трепещущей в ней сиюми-

нутной жизни. Торопливость ее движений свидетельствовала о напряженной краткости этой жизни, жаждущей ухватить все, что можно ухватить, пока дают. Она указала пальцем в темноту:

— Видите, там, в углу?

Сперва он ничего в углу не увидел, но, взглядевшись, различил контур неожиданно современной стальной двери без дверной ручки. Там, где следовало бы быть ручке, в тело двери была впрессована маленькая эмалевая пластинка, рассеченная пополам узкой щелевидной прорезью.

— Среди могильных плит это выглядит, как дверь в преисподнюю, — попробовал пошутить Ури. — Неясно только, зачем щель — может для того, чтобы тело не могло протиснуться на тот свет вслед за душой?

Однако Лу не приняла его легкомысленный тон:

— Щель для магнитной карточки, которой отпирают дверь, — торопливо зашептала она. — Дверь бронированная, и чтобы открыть ее без карточки, понадобилась бы тонна динамита. Ведь взорвать ее пришлось бы вместе с часовней.

— Почему шепотом? — чуть отстранился Ури, но Лу не обратила на это никакого внимания. Она приникла к нему еще ближе и прикрыла его губы ладонью:

— Т-с-с! Здесь нельзя говорить громко!

Он попытался было выяснить почему нельзя, но Лу зажала ему рот еще плотней:

— Т-с-с! Неужто вас не пугает бессилие этих бледных свечей, неспособных преодолеть могильный сумрак? Оно не говорит вам, что и мы сгораем так же быстро, как эти свечи?

Эта возвышенная декламация шепотом никак не вязалась ни с ее обычной развязной повадкой, ни с тугими канатами бицепсов, которые неожиданно обнаружили под воздушной тканью рукавов ее блузки, когда Ури попытался ненастойчиво отодвинуть ее от себя.

— Куда вы рветесь, ну куда вы рветесь? — зашептала она еще быстрее, не давая сдвинуть себя с места. — Жизнь проходит, а вы так и не ответили на мое щедрое предложение стать моим любовником!

— Мне кажется, мы сперва должны обсудить все «за» и «против», — попытался отшутиться Ури и отступил к двери хранилища, которая вдруг завылла металлическим голосом и

стремительно распахнулась, отгесняя Ури к алтарю. На пороге возникла высокая фигура златокудрого викинга Толефа, странно настороженная, словно готовая к прыжку.

— В чем дело? — тоже почему-то шепотом спросил Толеф, напряженно вглядываясь в печальную полутьму часовни.

— Мы просто хотели убедиться, что вы не рискуете своим здоровьем, расхаживая по каменному полу босиком, — хихикнула за спиной Ури Лу. Ноги викинга и впрямь были обуты в пестрые тапочки-носки ручной вязки, очень похожие на те, что мать однажды купила Ури на рынке у бухарских евреев.

— Благодарю за заботу. Но лучше занимайтесь этим в другом месте, — процедил норвежец сквозь зубы и захлопнул за собой дверь, которая тут же замолкла.

— Почему бы вам не сделать своим любовником этого роскошного парня? — обернулся Ури к Лу. Она пренебрежительно повела плечами:

— Не переносу вегетарианцев. А кроме того он, по моему, служит охранником у наших партнеров.

— Эти двое — наши партнеры? — вскинулся Ури. — Тогда тем более интересно взять его в любовники, хотя бы для извлечения информации.

— Ладно, заходите ко мне сегодня после вечернего чая и мы обсудим все «за» и «против», — лукаво проворковала Лу. — А после пятичасового чаепития отправляйтесь на автобусе в Честер.

— С вами?

— К сожалению, без меня, потому что мне придется вместо вас провожать вашу мамочку в книгохранилище.

— Что же я буду делать в Честере без вас?

— Вы пойдете на кафедральную площадь, полюбуетесь собором и зайдете в кафе-кондитерскую «Миндаль». Там вас будет ждать Меир.

И, не дожидаясь ответа, она упорхнула из сумрака к светлomu проему открытой двери. На пороге она все же оглянулась — проверить, идет за ней Ури или не идет. Увидев, что он так и не тронулся с места, она помахала ему изящной ручкой, и крикнула:

— Только не опаздывайте к чаю! Сегодня там будет тесно, нового народу понаехало видимо-невидимо!

Она была права. Когда Ури вошел в гостиную, перед чайным столиком Брайана бурлила и лопотала на разных языках многоликая очередь незнакомцев. Бледный Брайан с вымученной улыбкой повторял свое привычное «чай-кофе?» и Ури вспомнил, что не видел его ни за обедом, ни в читальном зале. Пробираясь к Брайану сквозь толпу, он умудрился различить в общем шуме французский щебет и итальянскую скороговорку двух, по всей видимости, супружеских пар средних лет, стоящих с чашками наготове за молчаливым японцем неопределенного возраста. Японец, позабывший взять чашку и блюдце, напряженно вслушивался в веселый говор группы американцев, в которой мелькнуло два-три новых лица. Две элегантные дамы в мини-юбках тянулись из-за спины француза за чашками, перебрасываясь короткими трещетками испанских восклицаний. А подалее, у окна молодежавый английский джентльмен в неправдоподобно отутюженных фланелевых брюках пытался вовлечь в беседу босоногого Толефа, уже успешшего избавиться от своих вязаных тапочек.

Склоняясь к уху Брайана, чтобы спросить, что с ним стряслось, Ури искал глазами мать, но ее в гостиной не было. Впрочем, сказал он себе, нелепо было бы ожидать, чтобы она, с ее любовью к опозданиям, явилась к чаю вовремя, да еще после такой долгой дороги. Ведь должна же она поколдовать над своим лицом, над своим нарядом, над своими волосами. Ури почти с умилением подумал о том, как мать всегда остается верна себе. Но это умиление быстро сменилось беспокойством, когда он заметил, что Яна в гостиной тоже нет. Совпадение их опозданий так неприятно поразило Ури, что он даже не расслышал ответ Брайана, и хотел было повторить свой вопрос, но в этот момент кто-то тронул его за плечо.

— Куда вы делись, я вас всюду ищу! — прогудел ему прямо в ухо голос Яны, добавляя к вавилонскому гомону гостиной недостающую толику немецкого лая.

Ури обрадовался ему, как родному, и устыдился своей ревнивой несправедливости. Что с ним, — в детство он впал, что ли? Чего вдруг он сходу предположил, будто мать может так вот запросто лечь в постель с первым встречным? Между тем Брайан, нарушая порядок и справедливость, вне очереди налил Ури и Яну по чашке особо креп-

кого чая и долго смотрел им вслед по-собачьи преданным взглядом, пока одна из испанских дам не начала взволнованно выяснять, что с ним стряслось. Народу в комнате было так много, что им с Яном не удалось найти двух свободных стульев за одним столиком. В конце концов Ян втиснулся между двумя смазливymi американскими девицами, курящими сигареты на диване у камина. А Ури пристроился на подоконнике возле столика, у которого расположилась неразлучная пара музыкальных пасторов. Возможно потому, что им было неудобно без Толефа, покинувшего их ради отужоженного англичанина, они без возражений впустили Ури в свою беседу.

Преподобный Тоддс принялся словоохотливо расписывать прелести острова Мальта, где он, по его словам, провел последние тридцать лет своей жизни. Прелести были сомнительные, потому что, несмотря на свое звучное романтическое имя, остров был скучно лишен всякой растительности и сплошь покрыт автострадами. Однако его жители отнюдь не бедствовали, а, напротив, очень хорошо зарабатывали на незаконной торговле ливийской нефтью, на которую много лет назад было наложено эмбарго ООН.

Когда Тоддс пустился в подробное описание хитрых уловок, при помощи которых контрабандная нефть доставляется из Ливии на Мальту, кто-то распахнул оконную раму за спиной Ури, и случайный солнечный луч, отражая синеву неба, окрасил голубизной серые глаза мальтийского пастора. И тут Ури с поразительной ясностью вспомнил, где он видел эти неожиданно меняющие цвет глаза. Только тогда, почти десять лет назад, на офицерских курсах армии обороны Израиля, глаза эти смотрели на курсантов из-под кудрявого русого чуба полковника Арье Амира, читавшего им лекцию о дезинформации как одном из важнейших видов оружия в современной войне. Голосовые связки Ури непроизвольно сократились, но он успел удержаться от изумленного возгласа и только громко хихикнул, совершенно не в такт рассказу преподобного полковника Амира. И, чтобы не выдать себя, поспешно отвел взгляд от его сверкающего черепа, не столько лысого, сколько тщательно выбритого. Там, куда упал отведенный взгляд, переливался красками лета оконный проем, а в проеме стояла Лу, призывно размахивая какой-то ярко размалеванной афишей.

Головы сидящих за столиками начали одна за другой поворачиваться в сторону окна, но тут дверь распахнулась и в гостиную впорхнула Клара. Она остановилась на пороге. На ней было узкое белое платье из струящейся ткани, без рукавов и с вырезом-лодочкой, выгодно оттеняющее ее сверкающие золотистым загаром руки, ноги и шею. Все глаза обратились к ней, и на секунду в гостиной стало тихо. Ури никогда не мог понять, как матери неизменно удается этот фокус — одним своим появлением привлечь внимание всех присутствующих. Конечно, она была красивая женщина, — даже и теперь, далеко за сорок, она была неотразима, но дело было не в красоте. Какие-то таинственные флюиды, излучаемые ею, создавали вокруг нее магнетическое завихрение пространства, притягивающее к ней взгляды, как мужские, так и женские. Вот и сейчас все отвернулись от Лу и уставились на Клару. Несмотря на молодость Лу, на ее длинные ноги в коротких шортах и на яркую афишу, плещущуюся на ветру над ее головой.

Однако Лу было не так-то легко обескуражить. Еще выше подняв свою афишу, она громко объявила:

— Господа! Через три дня в местном парке состоится битва при Ватерлоо!

КЛАРА

Преодолев волну смущения, неизменно охватывавшего ее при виде многолюдного собрания, Клара осторожно пошла вперед по узорчатому паркету гостиной, удивляясь мягкой упругости, с какой он пружинил под ее каблуками. Не то, что дома, где каждый шаг звонким цокотом отдавался на каменных плитках Ближнего Востока. Она сделала несколько шагов и нерешительно остановилась, теряя равновесие. В голове у нее, покачиваясь, плыли ключья мутного тумана, который заволок ее сознание после торопливых ласк Яна в незапирающейся келье с узкой железной койкой и кривым зеркалом над растрескавшейся раковинной.

Из множества смотревших на нее глаз она выхватила только серые глаза Яна. Даже скрытые дымчатыми линзами очков они выражали все то, о чем она мечтала бесконечными ночами разлуки. Она секунду помедлила, нежась в бла-

готоворных лучах этого взгляда, и нехотя отвернулась — они с Яном условились не бросаться друг другу в объятия на людях. Отвернувшись, она увидела мохнатого, похожего на одуванчик горбуна с чашкой чая в протянутой к ней руке:

— Добро пожаловать в нашу библиотеку, — произнес он тихо, и в ладони Клары оказался лепесток блюдечка, в которое неслышно скользнул наперсток чашки. Освободившись от чашки, горбун слегка распрямился, и выяснилось, что он вовсе не горбун, а просто маленький человек, которому давно бы следовало постричься. Опасаясь поскользнуться и нарушить хрупкое единство чайного прибора Клара наградила человека своей фирменной улыбкой и стала озираться по сторонам в надежде найти уединенное местечко где-нибудь в углу.

И тут навстречу ей взметнулся зовущий взгляд других глаз — темных, любимых, знакомых до последней реснички. И она, наступая на чужие ноги и натываясь на стулья и столы, ринулась на зов этих глаз, хоть и тут ей было строго-настрого заказано любое общение, кроме светского. Но ведь светское-то общение было позволено и даже предписано, а они только что официально познакомились в присутствии посторонних.

Добравшись до окна, на подоконнике которого примостился сын, она обнаружила там уже знакомую ей голоногую охотницу Лу, размахивающую каким-то пестрым плакатом. Поставив чашку на подоконник между собой и Ури Клара спросила по-немецки:

— Что тут у вас рекламируют?

Однако охотница Лу не собиралась позволить Кларе и Ури интимное общение, в котором у нее не было доли. Она бесцеремонно пнула Клару в спину крепкой лошадиной ногой и скомандовала шепотом:

— Немедленно перестаньте секретничать!

— Она что, ревнует тебя? — невзирая на гнев охотницы сказала Клара по-немецки, радуясь внезапно охватившему ее чувству свободы... В этой английской комнате среди английского говора и звяканья английских ложек о блюдечки английского файв-о-клока она и Ури со своим немецким были обособлены, как острова в океане.

— Возможно, ревнует, — легко согласился Ури. — Ведь ты выглядишь так потрясно, что меня просто подмывает

за тобой приударить. Так что, я думаю, тебе ее ревность должна льстить.

— Перестаньте секретничать, это неприлично! — опять вмешалась Лу, пытаясь наступить на пальцы Ури. Он ловко увернулся от ее сандалии, и сказал Кларе по-английски:

— Боюсь, нам пора перейти на английский. Разговор на всех других языках считается здесь дурным тоном.

А потом, наконец, обратил внимание на Лу, которая продолжая размахивать афишей приглашала всех присутствующих посетить битву при Ватерлоо.

— Почему именно при Ватерлоо? — полюбопытствовал он, разглядывая афишу.

— Потому что англичане ее выиграли, неужто неясно? Ровно сто семьдесят пять лет назад, 18 июня, — в подтверждение своих слов Лу ткнула пальцем в центр афиши. — Битва будет продолжаться два дня, ровно столько, сколько она продолжалась тогда.

— И французы тоже будут?

— А как же без них? Ведь это они проиграли битву англичанам. И все будет подлинное: мундиры, шашки, пушки, лошади, мушкеты.

Вполуха слушая американский говорок Лу, Клара искоса следила за Яном, который то и дело поглядывал в ее сторону из противоположного угла гостиной. Ей было невероятно сладостно угадывать в его взгляде ревнивое беспокойство — он, конечно, заметил, с каким оживленным интересом она болтала с Ури. Вдруг что-то ледяное коснулось ее локтя, она вздрогнула и обернулась. Человек-одуванчик подкатил к их столику кресло на колесиках, в котором сидела старая женщина с прекрасным ликом мученицы. Казалось, что под тонкой пергаментной кожей, туго натянутой на высоких скулах, нет живой плоти. При виде старухи в кресле два пожилых соседа Ури в пасторских воротничках быстро переглянувшись, отодвинули свои чашки и поднялись из-за стола.

— Миссис Муррей хочет познакомиться с вами, — с робкой улыбкой пролепетал одуванчик. — Вы ей очень понравились.

Клара с содроганием почувствовала, как ледяные пальцы миссис Муррей стиснули ее запястье. Неясно было,

как им это удалось, потому что между их кожей и костями тоже не было плоти.

— Очень приятно, меня зовут Клара, — произнесла она как можно лобезней, и, пытаясь освободиться от холодных пальцев старухи, потянулась за своим остывающим чаем. — Я из Израиля.

— Из Израиля! Из Иерусалима? — всплеснула руками миссис Муррей, отпуская руку Клары, и с упреком обратилась к одуванчику. — Почему вы скрыли это от меня, Брайан?

— Не так поэтично. Я всего-навсего из Тель-Авива, — усмехнулась Клара, краем глаза наблюдая, как Ян поднимаясь со своего уютного местечка на диване и маневрируя среди оживленных групп расходящихся гостей, направился к ней. По мере его приближения миссис Муррей начала растворяться в воздухе. Сперва исчезло ее черное платье с белым кружевным воротничком, потом ее бесплотные лапки, потом прозрачные глаза на бледном лице.

— Я просто не успел рассказать миссис Муррей, откуда вы прибыли, — смущенно пробормотал где-то в тумане Брайан, невольно возвращая исчезнувшую старуху обратно в поле зрения Клары.

— А вы это знали? — постаралась удивиться Клара, которой это было сейчас совершенно безразлично, и повернулась к Яну спиной, чтобы окончательно не потерять связь с реальностью.

— Брайан знает все, — вмешался Ури. — Потому что он по сути управляет этой библиотекой.

— Не слушайте его, он шутит! — окончательно смутился Брайан. Его бледные щеки вспыхнули странно несоответствующим их рыхлости интенсивным девичьим румянцем. Но Ури уже понесло:

— Все мы здесь у него руках, — зачастил он пугающе знакомой Кларе нервной скороговоркой, когда слова летят впереди мыслей. Похоже, ему было непросто, не выдавая себя, вести с ней светскую беседу. — Ведь у него хранятся ключи от всех архивов, он ведет всеми каталогами и выдает магнитные карточки для входа в хранилище редких рукописей...

— Кто этот маг и волшебник? — раздался над плечом Клары голос Яна. — Неужто вы, Брайан?

Он остановился так близко от Клары, что его теплое дыхание щеkotно всколыхнуло волосы у нее за ухом. У нее перехватило горло и она на миг напряженно застыла, потому что больше всего на свете ей хотелось сейчас вот так, при всех откинуться назад и прижаться к Яну всем телом, от колен до затылка. Но вместо этого она усилием воли расслабила мускулы и обратилась к Брайану:

— Значит, именно у вас я могу получить свой пропуск в хранилище?

— Да, да, ваша карточка готова и ждет вас. Заходите ко мне сразу после чая, я только отвезу миссис Муррей и тут же вернусь.

Брайан ухватился за ручки кресла старухи и двинулся было к выходу, но Ян остановил его:

— А как дела с моей карточкой? — спросил он. — Я уже третий день жду.

Маленькие ладошки Брайана взметнулись вверх пригладить вставший дыбом легкий пух на макушке. Ассиметричное его личико выразило одновременно растерянность и мольбу о прощении:

— Я должен вас огорчить: вам отказали.

— За какую же это провинность я наказан, хотел бы я знать? — вспыхнул Ян.

— Нет, нет, вы тут ни при чем! В этом отказе нет ничего личного, — заторопился Брайан, и Кларе показалось, что он сейчас заплачет. — Дело в том, что атмосферные условия в хранилище строго ограничивают число посетителей. Одновременно там могут находиться только четыре человека.

— Что же мешает мне стать одним из четверых?

— Просто они уже есть, эти четверо. Только на эту неделю, не навсегда, вы понимаете?

— Но вы же дали пропуск госпоже Кларе из Иерусалима, хотя она приехала только сегодня.

Клара вздрогнула от того, как Ян произнес ее имя — отчужденно и даже враждебно, как посторонний.

— Но ведь ее пропуск был заказан уже три месяца назад!

— Именно на эту неделю?

— Наоборот! Я приехала на ту неделю, на которую мне дали пропуск, — упавшим голосом извинилась Клара, отлично сознавая, что Яну никакими силами не удастся про-

никнуть за ней в хранилище. А как бы она хотела сидеть там с ним рядом, склоняясь над старинными рукописями и посвящая его в детали своих изысканий! Впрочем, все эти мечты были из чьей-то чужой жизни, потому что никаких изысканий ей делать не предстояло.

— Брайан, — вмешалась миссис Муррей, — умоляю, отвезите меня в мою комнату, я страшно устала.

— Бегу! — Брайан с видимым облегчением опять ухватился за ручки кресла миссис Муррей и проворно покатил его к выходу, чуть не наехав при этом на Ури, который вместе с Лу разглядывал расстеленную на крышке рояля многоцветную карту. У самой двери Брайан резко затормозил и обернулся к Кларе.

— Так вы придете за своей карточкой, миссис Райх? — крикнул он. — Через пять минут я буду ждать вас в читальном зале!

Клара увидела, как лопатки сына дрогнули при звуке своей фамилии и мышцы шеи напряглись от подавленного стремления обернуться, однако он удержался и еще ниже склонился над картой. Она тут же воспользовалась тем, что он за ней не следит взглядом, и быстрым шагом направилась к двери, бросив на ходу Яну:

— Вы не откажетесь показать мне дорогу в читальню?

Но, выйдя от Брайана с магнитной карточкой в руке, она все же не удержалась и спросила:

— Зачем тебе понадобилось так неприязненно упрекнуть меня за этот дурацкий пропуск?

На что Ян небрежно пожал плечами, с легкостью отметая ее упрек:

— Мы же условились не афишировать наши отношения, правда? Тем более, что пропуск вовсе не дурацкий, мне он просто необходим. Ведь мне удалось вырваться сюда только под предлогом спасения наших старинных манускриптов, которые рассыпаются в прах в монастырской библиотеке в тепле. Я обещал привезти отсюда рецепт. Ты понимаешь, что я не могу вернуться с пустыми руками?

Клара внутренне съезжилась, чувствуя свою вину перед Яном, которого она так необдуманно подвела. Естественно было бы предложить ему разок воспользоваться ее карточкой, — казалось бы, чего проще? Но именно этого она сделать не могла. И, словно угадав ее мысли, Ян попросил:

— А нельзя устроить так, чтобы ты один день побездельничала, а я бы вошел в хранилище с твоей карточкой?

Сердце Клары болезненно дрогнуло. Как отказать ему, когда каждая клеточка ее тела жаждала быть принесенной ему в жертву?

— Ты понимаешь... — начала она неуверенно, но он не стал ее слушать.

— Ты пропустишь один день, кто заметит? — И, прочитав в ее глазах страдальчески невысказанный отказ, поправил сам себя поспешно. — Даже не целый день, а какой-нибудь час, чтобы я увидел это восьмое чудо света собственными глазами. — Голос его зазвучал умоляюще. — Если бы ты знала, чего мне стоило убедить свое начальство отправить меня сюда. Распорядители моей жизни страшные люди, они никогда больше не пустят меня за границу.

Клара ясно представила себе этих безжалостных мерзких людей с отвислыми щеками, так легко ломающих чужие судьбы. И, чтобы защитить свою совесть от собственных укоров, она очертя голову выдала Яну тайну местных магнитных карточек:

— Да пойми ты, это просто невозможно! Моя карточка открывает дверь хранилища только из моей руки, потому что в нее внесены отпечатки моих пальцев.

— Боже, для чего такие предосторожности? — недоверчиво прищурился Ян. Кларе даже на миг показалось, что он ей не поверил и она начала сбивчиво нести какую-то ерунду о ценности собранных в хранилище рукописей. Звук собственного лживого голоса был ей самой противен, и она все больше и больше увязала в липкой паутине неубедительных слов, втайне надеясь, что Ян ее прервет. Но он дал ей выговориться до конца, после чего спросил кротко:

— А ты и впрямь должна уже сегодня приступить к работе? Что за спешка? Ты ведь только что приехала!

Этот вопрос огорчил Клару, она давно ожидала и боялась его, потому что не знала, как на него ответить. Впрочем, если бы Ян ее об этом не спросил, она бы огорчилась еще больше. Ужасаясь отчаянной неразберихе, царящей в ее душе, Клара поспешно пробормотала «нет-нет, это невозможно» и переступила порог часовни. Ее тут же обволок трепетный сумрак, полный шороха, теней и чьего-то потустороннего присутствия. В дальнем углу нестройно

содрогались пугливые язычки небольшой рощицы оплывших свечей. Они освещали детскую ладошку согретого их бледным пламенем пространства, оставляя в глубокой тени весь остальной простор часовни.

— Господи, где же эта заветная дверь? — преувеличенно ужаснулась Клара и храбро ринулась во тьму, увиливая таким образом от необходимости отвечать. И тут же была наказана за свое коварство — налетела на какую-то выскочившую ей прямо под ноги каменную кочку и, конечно упала бы, если бы подоспевший Ян не подхватил ее в последний миг.

— Осторожно, тут весь пол заминирован могильными плитами, — сказал он спокойно, словно не замечая ее неловкой попытки ускользнуть от его вопросов. — А дверь в хранилище, я думаю, там, в углу. Вон, видишь, за алтарем?

И, не отпуская ее локоть, повлек ее в темноту, понес в горсти, ловко маневрируя между могильными плитами, и впрямь заминировавшими весь пол. Клара зажмурила глаза и доверилась его сильной руке — под ее прикрытием она готова была идти куда угодно.

— Ну, вот она, твоя дверь, можешь достать свою драгоценную карточку. Но сперва надо найти, куда ее вставлять, — произнес голос Яна, и Клара открыла глаза. Перед ней была прочно вправленная в древнюю стену неуместно современная стальная дверь без дверной ручки. Там, где следовало бы быть ручке, в тело двери была впрессована маленькая эмалевая пластинка, рассеченная пополам узкой щелевидной прорезью.

— Вот сюда и вставляй, — палец Яна ткнулся в щель и мгновенно отдернулся. — Ах, прости, мне небось этой щели и касаться запрещено, раз мне отказали.

— Ну и не касайся, — с притворным легкомыслием отозвалась Клара, силясь скрыть все возрастающее в ней чувство неловкости и вины. — А я пойду, мне пора.

Она потянулась было поцеловать его, но передумала, встревоженная мельканием теней в сумеречном пространстве за свечами. Черт его знает, может кто-то следит за ней из темноты — Ури, Меир или кто-нибудь другой, о чем существовании она даже не подозревает. Прерванное на полпути движение по направлению к Яну застигло Клару на взмахе руки с зажатой в пальцах карточкой. И она, что-

бы не выдать свое первоначальное намерение, почти автоматически сунула карточку в щель, хотя вовсе не собиралась расстаться с Яном так внезапно, даже не назначив с ним встречу на вечер.

Однако думать об этом было уже поздно, потому что, едва она вставила карточку в щель, там что-то шелкнуло, и дверь, проглотив карточку, начала бесшумно отворяться, образуя узкий проход. За дверью оказалась небольшая, тускло освещенная площадка, в центре которой уходила куда-то далеко вниз крутая винтовая лестница. Не решаясь так сразу, не прощаясь, покинуть Яна, и без того огорченного своей неудачей, Клара замешкалась на пороге, в ответ на что дверь тут же завывла дурным голосом и стала неспеша закрываться. Чтобы не дать двери захлопнуться у нее перед носом, Клара поспешно ринулась в сужающийся проход. Под давлением ее тела дверь дрогнула и замолкла, чуть покачиваясь в петлях, словно решала, закрываться ей окончательно или нет.

Понимая, что удержать своенравную дверь надолго ей не удастся, Клара обернулась к Яну и прошептала: «Жди меня» — в этих стенах ее голос почему-то сам собой опустился до шепота. На что Ян, встрепенувшись, заявил, что он ждет не намерен и пойдет в хранилище вместе с нею. И, отжимая дверь крепким плечом, начал протискиваться на площадку вслед за Кларой, которая застыла в заторе между дверью и стеной, не отталкивая Яна, но и не впуская.

Вдруг за спиной Яна Кларе привиделось наглое лицо голоногой охотницы Лу, которое глядело на них поверх колеблющегося пламени свечей, показывая в улыбке все тридцать два великолепных американских зуба, один краше другого. Пока Клара вглядывалась в сумрак, силясь понять, явь это или галлюцинация, дверь опять завывла, и Ян, потеряв терпение, зашипел ей в ухо: «Ну что же ты, давай, двигайся!». И тут лицо Лу взметнулось вверх, перемахнуло через рощицу свечей, а Ян, неясно отчего, рывком отклонился, качнулся назад и исчез за дверью, которая мгновенно захлопнулась и замолчала.

Клара осталась одна в полумраке лестничной площадки, не зная радоваться ей или огорчаться этому неожиданному избавлению от Яна. Она вспомнила про проглоченную дверь карточку и, оглядевшись нашла ее в прозрач-

ной пластиковой коробочке под щелью. Рядом с коробочкой в дверь был вправлен глазок, которого Клара не заметила, когда осматривала дверь снаружи. Одолеваемая ревностью и любопытством, она прильнула к глазку, стараясь разглядеть, что происходит в часовне.

Глазок, очевидно, был снабжен инфракрасными лучами, в свете которых темное, усеянное надгробиями пространство часовни выглядело, как залитый солнцем кладбищенский двор. В центре этого двора, подняв вверх растопыренные ладони, топтались Ян и Лу, словно исполняли индейский воинский танец. По тому, как они откидывали при этом головы, было ясно, что они хохочут. Приплясывая и притопывая они описывали навстречу друг другу небольшие круги, отчего в таинственном, неведомо откуда падающем на них свете, то и дело весело поблескивали зубы Лу и очки Яна. Вдруг оба они, словно по команде, оттолкнулись от пола, на какую-то долю секунды столкнулись в воздухе, и разлетелись в разные стороны. Свечи на алтаре взметнули вверх язычки пламени и разом погасли, нисколько не повлияв при этом на освещенность часовни. Отброшенная Яном Лу мягко приземлилась на корточки у самой двери и тут же вскочила на ноги, тогда как Ян, отлетевший гораздо дальше, неловко согнулся пополам и рухнул на колени за алтарем. По гримасе, исказившей его лицо, было видно, как больно он ударился, но он превозмог боль, с трудом поднялся и подойдя к Лу, торжественно поднял вверх ее руку, как бы признавая ее победу. Лу опять засмеялась и, тряхнув волосами, пошла к выходу. Ян, чуть заметно прихрамывая, поспешил за ней, говоря при этом что-то, по всей видимости, приятное, потому что Лу замедлила шаг и улыбнулась ему через плечо. Он догнал ее на пороге, и их силуэты вырисовались в дверном проеме часовни дружной сплottedкой тенью. Сердце Клары стиснулось ревнивым предчувствием, что Ян может провести в обществе Лу все три часа, которые она, Клара, вынуждена отсидеть на своем совещании. Помешать ему мог разве что Ури, который, как назло, запропастился неведомо куда. Куда он, интересно, девался? Подумать только, ведь всего десять минут назад она радовалась, что сын не преследует ее своим ревнивым вниманием.

В который раз за этот день, дивясь собственной непоследовательности, Клара снова глянула в глазок, но часовня была пуста. Что ж, ей не оставалась ничего лучше, как сосредоточиться на своих обязанностях и спуститься в хранилище древних рукописей, до которых ей не было никакого дела.

Главное теперь — дотянуть до ночи. До ночи... До ночи...

УРИ

Английские пирожные ни в какое сравнение с немецкими не шли, их, собственно, и пирожными-то назвать можно было только условно. Меир свое только надкусил и тут же отставил тарелку подальше, а Ури все же проглотил несколько кусков плохо пропеченного ломкого теста, чтобы было потом что рассказывать Инге.

— Ты уверен, что персональные ключи от аннекса есть только у этих двух стариков? — спросил Меир, щедрой рукой наливая в свою чашку душистую темную жидкость из фарфорового заварного чайничка.

— Уверен. Я проверил у Брайана, — ответил Ури, наблюдая, как Меир, отхлебнув глоток чая, вытащил из нагрудного кармана и сунул в рот уже не раз бывшую в употреблении деревянную зубочистку.

Вспомнив эту ненавистную ему когда-то манеру Меира сосредоточенно ковырять в зубах после каждой еды, Ури нервно откинулся назад, так что передние гнутые ножки хрупкого старинного стульчика, на котором он сидел, задралась кверху и повисли в воздухе. Этот маневр навлек на них беспокойный взгляд хозяина кафе «Миндаль» и сердитое ворчание мохнатого серого пуделя, которого зачем-то привел с собой Меир. При виде задранных ножек стула три пожилые английские дамы, до того оживленно щебетавшие за столиком у окна, замолкли все разом и осуждающе уставились на нарушителя хорошего тона.

— Не ломай, ради Бога, здешнюю мебель, — попросил Меир, — а то хозяин нас убьет. Ведь это подлинный Чиппендейл.

Похоже, в кафе «Миндаль» все, кроме Ури и Меира, было подлинное — столики, стульчики, серебряный кувшин с горячей водой, чайный сервиз и сам чай «Эрл Грей», подан-

ный не в стаканах с залитыми кипятком пакетиками на нитке, а в белом заварном чайничке с золотой надписью «Эрл Грей» на округлом боку. Высокий серый собор за окном тоже был подлинный и древний, хотя Ури, насмотревшийся на красоты немецких соборов, в восторг от него не пришел. «Мне только не хватает стать немецким патриотом», — съязвил он про себя и, в досаде наступив назавизжавшего пуделя, прослушал что-то важное, сказанное Меиром.

— Ко времени приезда Хасана этих ученых старцев придется убрать, — повторил Меир, догадавшись по глазам Ури, что тот его не слышал.

— В каком смысле убрать? — попытался уточнить Ури. — В прямом?

— А это уж как выйдет, — уклонился от ответа Меир. — Просто счастье, что ты узнал о наличии этих именных ключей, а не то бы кто-нибудь из почтенных старцев мог засечь принца по пути в хранилище. И вся наша затея кончилась бы катастрофой.

Меир вздохнул, аккуратно спрятал в карман свою зубочистку и попросил у хозяина счет. Ури молчал, не решаясь спросить, как же они не позаботились выяснить это раньше. Но Меир понял его молчание правильно.

— Ты понимаешь, блестящая идея тайной встречи у всех на глазах создает кучу проблем. Как, например, получить достоверную информацию о возможных нарушениях правил? Мы не можем спросить об этом сотрудников библиотеки, потому что они понятия не имеют о нашей причастности. Дирекция библиотеки просто сдала на неделю хранилище известной электронной фирме, представитель которой щедро заплатил за возможность провести там важное деловое совещание. Фирма не пожалела затрат, лишь бы избежать опасности промышленного шпионажа. А принц случайно приезжает к директору погостить именно на эту неделю. И никто ничего не подозревает, иначе кто-нибудь бы обязательно проболтался. А еще лучше продал бы за хорошие бабки.

Он положил деньги на серебряный поднос со счетом и поднялся из-за стола.

— Пошли, я проведу тебя по древней городской стене. Надеюсь, там не будет слишкомлюдно, потому что все

добропорядочные обитатели этого города стройными рядами идут сейчас к обеденным столам.

Честно говоря, Ури и сам был бы непрочь воссоединиться сейчас с этими добропорядочными гражданами за каким-нибудь обеденным столом, однако спорить с начальством было бесполезно. Он безропотно поднялся и пошел вслед за пуделем, которого Меир повел было к выходу. Пудель, однако, по поводу начальства имел особое мнение и вовсе не желал по чьему-то приказу покидать уютную заводь кафе, так что Меиру пришлось то и дело натягивать сворку и волоочь его к двери. В ответ на такое насилие хитрый пес распластывался на брюхе и цеплялся когтями за все попадающиеся по пути предметы. В конце концов Меир присел на корточки и взмолился, нежно почесывая пуделя за ухом:

— Что с тобой, Куки? Разве ты не хочешь пойти гулять с папой? Ты ведь любишь гулять с папой, правда, Куки?

Куки вилял хвостом, виновато лизал руку Меира и продолжал саботировать уход из кафе к неудовольствию хозяина, который неодобрительно косился на их бесконечную возню у дверей. Одна из дам у окна громко выразила негодование по поводу некоторых мужчин, которые не понижают, как надо обращаться с животными. Остальные дамы дружно ее поддержали. И тут в темных глазах Меира вспыхнула на миг такая жаркая искра ненависти к упрямому псу, что Ури испугался, как бы он не скрутил тому шею прямо тут, при всем честном народе. Чтобы избежать этой совершенно неуместной, хоть и заслуженной расправы, Ури наклонился, подхватил Куки под живот и решительно понес к выходу. Едва он коснулся пуделя, тот вдруг потерял желание сопротивляться и, прижимаясь холодным носом к ладони Ури, безропотно позволил унести себя из кафе.

Пройдя несколько шагов с пуделем под мышкой, Ури осторожно опустил его на тротуар, и тот, как ни в чем ни бывало, затрусил вслед за Меиром, будто это вовсе не он устроил только что безобразную сцену в кафе.

— Не знаю, что на него нашло. Иногда он сводит меня с ума своими капризами, — извиняющимся тоном сказал Меир. Выражение лица у него было такое, как тогда, много лет назад, когда он поджидал отвергнувшую его Клару у подъезда их дома.

И тут, словно это мгновенное воспоминание было у них общим, Меир спросил, — небрежно, как бы между прочим:

— А как там мать? Доехала благополучно?

«Что, собственно, он хочет узнать?» — подумал Ури, настораживаясь, но ответить не успел, потому что Куки устроил очередную забастовку перед ступеньками, ведущими на городскую стену. Не дожидаясь, пока Меир справится с капризным пуделем, Ури опять подхватил песика одной рукой, сунул под мышку и понес вверх по лестнице. Прижимая к боку трепетное собачье тельце, совсем крошечное под бесплотным облаком шерсти, он не сдержался и полубобытствовал, зачем Меиру понадобилось таскать за собой столь несговорчивого компаньона. «Затем, что в Англии человек с собакой меньше бросается в глаза, чем человек без собаки» — вяло буркнул Меир, явно не слишком уверенный в правильности этого утверждения. Чтобы окончательно его опровергнуть, на парапете стены появился самодовольный рыжий кот, при виде которого Куки ловко вывернулся из-под локтя Ури и дымчатым смерчем понесся вслед за пустившимся наутек котом, волоча по камням свою сворку.

— Ничего, пока мы тут погуляем, он вернется, — с надеждой сказал Меир. Ури почудилось, будто надежда эта относится к счастливой вероятности, что привередливый Куки может больше вообще не вернуться. Наслаждаясь отсутствием Куки, они не спеша пошли по опоясывающей город древней стене, разглядывая светло-зеленую гладь лугов, по которой темно-зеленые рожицы сбегали наперегонки к полукруглой гавани, заполненной силуэтами больших кораблей.

— Это что, океанские лайнеры? — удивился Ури.

— Они самые. Еще римляне обнаружили, что здешняя гавань очень глубокая, и стали швартовать здесь свои корабли, — Меир взмахнул рукой в сторону гавани. — Там, за проливом, Ирландия. Отсюда туда дважды в день ходит паром. И, разумеется, обратно — оттуда сюда. Очень горячая точка — с нашей точки зрения, конечно. Кто знает, кого оттуда принесет, если они пронюхают о нашем совещании.

Он остановился у парапета и повторил, не глядя на Ури:

— Ты не ответил, как там мать. Устроилась?

— Да я по сути ее и не видел. Она ведь приехала перед самым файф-о-клоком. А я тут же уехал в Честер.

— Но она все же успела познакомиться с тобой формально?

— Формально успела, — ответил Ури сухо, не желая впускать Меира в свои отношения с Кларой.

— А с другими? Она ведь понятия не имеет, кто там наш.

Ури вспомнил эффектное появление матери в гостиной, когда все головы повернулись к ней, и, кажется, уразумел суть настойчивых расспросов Меира — тот хотел знать, принялась ли она, как всегда, с ходу завлекать кого-нибудь в свои сети. И тут перед его внутренним взором возникла высокая фигура Яна, целеустремленно пробирающегося к их столику через шумную толпу гостей, и намеренно рассеянный взгляд Клары, словно не заметившей, что чех остановился за ее спиной. Остановился близко, слишком близко, и чуть склонился к ее уху, ничего не говоря, а лишь шевеля дыханием легкие волоски на ее затылке. Он, конечно, не подозревал, что Ури наблюдает за ними, но Клара-то отлично знала ревнивый нрав сына и потому замерла с опущенными ресницами, как кролик перед удавом. Зато потом, когда Ури притворно углубился в изучение расстеленной на рояле карты Ватерлоо, она, понадеявшись, что он за ней больше не следит, ушла куда-то рукаоб руку с чехом. Однако Ури не собирался делиться своими наблюдениями с Меиром, он только сказал:

— Я перепоручил ее Лу, так что, надеюсь, все будет в порядке.

Образ Лу в роли ангела-хранителя Клары, видимо, слегка успокоил Меира, но не Ури, который вдруг задним числом прочувствовал силу эротического поля, натянутого между матерью и Яном. Так что он дал Меиру несколько минут на обсуждение возможных вариантов своего незаметного проникновения в аннекс. После чего спросил — совсем, как Меир до того, небрежно, будто бы между прочим, надеясь, что ход его мыслей тому не очевиден:

— А как насчет этого чеха, Яна Войтека, о котором я писал? Вы узнали что-нибудь интересное?

— А что, есть какие-то подозрения? — вопросом на вопрос ответил Меир.

— Да, вроде бы, ничего специального нет. Просто он приехал на этой неделе и хорошо бы его проверить.

— Мы и проверили. Как могли, конечно. Ведь Чехословакия, сам понимаешь, не лучшее место для наших проверок.

— И что?

— И ничего. Он вроде бы чист. Яйцеголовый интеллект, специалист по древним рукописям. До сих пор никогда не пересекал границу Чехословакии.

Солнце, наконец, спустилось до горизонта, так что водная поверхность гавани стала кроваво-красной, луга озарились розовым сиянием, а рощицы почти почернели. Меир замедлил шаг, любуясь закатом, и тут кто-то налетел на Ури сзади и с силой подсек его под колени. Он покачнулся, но не упал, а, резко обернувшись, ловко перехватил в воздухе с визгом обрушившийся на него комок спутанной шерсти.

— Куки! — выкрикнул Меир притворно счастливым голосом.

Но Куки не обратил на Меира никакого внимания — вся его любовь сосредоточилась на Ури. Он подпрыгивал, как резиновый мяч, и бросался Ури на грудь, пытаясь лизнуть его лицо дрожащим мокрым язычком.

— За что это он так полюбил тебя? — неприязненно полюбопытствовал Меир.

Ури вдруг стало его жаль, и, вспомнив уроки Инге, он пояснил, сам поражаясь своей мудрости:

— Бедняжка, небось, страшно ревновал тебя ко мне весь вечер, потому и скандалил. И вот теперь он, наконец, нашел способ тебя наказать.

БРАЙАН

Брайан вытянул руки вперед и посмотрел на свои растопыренные пальцы — сомнений не было, они дрожали крупной дрожью. С чего бы это? Как будто все складывалось хорошо и даже прекрасно, однако нервы шалили сверх меры. Летучие боли то и дело возникали в разных частях тела, вызывая тревогу и уныние. Он чувствовал всей кожей, как вокруг него натягиваются какие-то таинственные струны, которые вот-вот лопнут, и маленький его мир взлетит на воздух. Жизнь в библиотеке непонятно почему стала вдруг страшно напряженной. Брайан не мог бы назвать

конкретную причину этой напряженности, однако невдомые силовые поля сгустились до такой степени, что ему стало трудно дышать.

Он не мог точно вспомнить, когда это началось — где-то совсем недавно, может быть, даже вчера в кабачке у бабочника, когда в угоду Ули и Яну он согрешил, впервые в жизни выпив полкружки пива. В наказание всю прошлую ночь он так маялся тошнотой, что утром не смог выйти на работу, но к обеду голова перестала кружиться, и в душе осталось только блаженное воспоминание о дружеской беседе в розовом полумраке кабачка. О чем они там говорили Брайан уже не помнил, но было сказано нечто важное и возвышенное, что он обдумывал всю свою сознательную жизнь. И он сперва с нетерпением ждал наступления вечера, надеясь опять окунуться в счастливую атмосферу дружеского обмена сокровенными мыслями.

Однако по мере приближения долгожданного звонка на ужин, который должен был освободить его от читального зала, руки его стали дрожать все сильнее, и все неотступней ныла какая-то булавочная точка в затылке. Похоже, вчера что-то стряслось там, в кабачке, хоть никак не припоминалось, что именно. Брайану даже начало казаться, что если он это вспомнит, в душе его восстановится то чувство благополучия, которое переполняло его, когда он, содрогаясь от предвкушения, шел с Яном и Ури пить запретное пиво. Но как он ни напрягал память, подробности этого счастливого вечера ускользали из его сознания, и перед глазами мельтешили только разноцветные бабочки, среди которых порой порхало лицо бабочника Патрика Рэнди и ничего больше.

Наверно, ему мешал сосредоточиться неожиданный наплыв незнакомых разноязыких людей, понаехавших за этот день со всего мира. Такого многолюдья Брайану не приходилось видеть уже давно. Новые гости просто задержали его вопросами, консультациями, просьбами о ключах в аннекс, а главное — фантастическими вариациями своих акцентов. Брайану прямо уши заложило от неожиданных форм, которые принимал родной английский язык в устах некоторых персонажей этого вавилонского столпотворения. И хоть вроде бы не было между этими персонажами никакой видимой связи и они даже не были друг с другом

знакомы, всех их объединяла какая-то общая тайна, которую Брайан не смог бы обозначить словами.

Тайн, пожалуй, набралось слишком много, и некому было на это пожаловаться. Прекрасный магистр к великому огорчению Брайана исчез сразу после дневного чая и так и не появился в читальне, хоть накануне вечером жаловался, что ему не хватает времени, чтобы законспектировать все то, ради чего он сюда приехал. Брайан заподозрил было, что Ули завел шашни с нахальной Лу Хиггинс, которая явно положила глаз на прекрасного магистра. Однако Лу вскоре прошла мимо него к своему столику и, закинув ногу за ногу, углубилась в изучение какого-то толстого фолианта, название которого ему так и не удалось рассмотреть. Впрочем, это было не важно, ведь она скорее всего просто пользовалась случаем в очередной раз продемонстрировать окружающим свои ноги. Тем более, что ноги и впрямь были что надо, а изучение какого бы то ни было фолианта никак не вязалось в сознании Брайана с вызывающим обликом Лу Хиггинс.

Как и следовало ожидать, много изучить она не успела, — к ней тут же подошел Джерри, и они принялись оживленно шептаться. И шептались, и шептались, пока соседи не зашикали на них со всех сторон. Тогда они поднялись из-за стола и, дружно сверкая голыми коленками, направились к двери, из-за которой навстречу им вышел Ян. При виде Джерри и Лу он чуть замедлил шаг и поднес ладонь к воображаемому козырьку, словно отдавая воинский салют. Джерри подхватил его жест, — он тоже поднес ладонь к виску, а потом перехватил руку Лу и поднял вверх, как делают судьи с победителями соревнований. При этом все трое весело засмеялись, нарушая тишину и правила читального зала.

И хотя все это выглядело милой шуткой в кругу друзей, скулы Брайана прямо свело от напряжения, и тугие нити противоречивых эмоций, натянутые между тремя шалунами на пороге читальни, мертвой хваткой захлестнули его чувствительное горло. Он как можно ниже склонился над своими бумагами и постарался сосредоточиться на заполнении карточек новопривывших. Но даже это привычное дело сегодня у него не ладилось — то ли народу приехало слишком много для одного дня, то ли перекрывающие друг друга враждебные поля разных людей скрестились над ним и мешали ему работать.

Он отбросил ручку и поднял глаза — перед его столом стоял Ян и о чем-то настойчиво спрашивал, причем, судя по его с трудом сдерживаемому раздражению, спрашивал уже не в первый раз. Меньше всего Брайан хотел бы обидеть Яна. Тот, конечно, был намного старше Ули, но в чем-то неуловимом он даже больше соответствовал идеальному образу настоящего мужчины, созданному мечтой Брайана в бессонные ночные часы на больничных койках. Уже не говоря о его умении внимательно слушать и выражать глазами и губами глубокий интерес и понимание.

Брайан поспешно схватил тонкую пачку карточек каталога, которую протягивал ему Ян, и постарался вникнуть в суть проблемы. Но перед глазами, заслоняя написанные на карточках слова, продолжали порхать разноцветные бабочки. Тогда Брайан притворился, что он прочел, и поднял на Яна невинно вопрошающий взгляд: «Чем я могу помочь?»

— Как это чем? Вы можете помочь мне это найти! — ответил Ян, сердито удивляясь вопросу Брайана.

— Ну конечно, конечно, ради Бога! — Брайан стремительно вскочил со стула и ринулся к каталогу, но рука Яна перехватила его после первых двух шагов:

— Куда вы? В каталоге я все это нашел, но я ничего не могу найти на полках. Видите, тут в углу какие-то знаки, я их не понимаю.

Брайану ничего не оставалось, как взять себя в руки и снова попытаться рассмотреть карточки. Он весь сосредоточился на красном пятне, проступающем сквозь застилающий глаза туман в верхнем левом углу каждой карточки. От напряжения обильные капли пота выступили у него на лбу и стали тонкими струйками стекать вниз по ресницам, неожиданно проясняя поле зрения. Все оказалось очень просто — это был знак хранилища древних рукописей. Радуюсь простоте решения хоть одной из множества неразрешимых задач, Брайан бойко объяснил Яну суть красных иероглифов, чем огорчил его еще больше.

— Как же мне быть? Вы ведь сами сказали, что мне не дадут пропуск!

Еще до того, как Ян произнес этот упрек, Брайан сам вспомнил сегодняшний неприятный разговор в гостиной

и сник, наполняясь непреодолимым чувством вины перед Яном.

— Но что я могу? — пролепетал он. — К сожалению, пропуска в хранилище не в моей власти.

— А вы придумайте что-нибудь! Ведь вы знаете все входы и выходы в этой библиотеке! — отрывисто бросил ему Ян, круто повернулся и вышел из зала, нисколько не заботясь о том, как больно он уязвил этим Брайана.

Несомненно, в том, что Яну так решительно отказали в пропуске, тоже крылась какая-то тайна. Понурился Брайан пошел к своему столу, остро сознавая собственное бессилие. Он так расстроился, что сделал несколько грубых ошибок при заполнении злополучных карточек новоприбывших, и решил отложить это нудное дело на завтра. Он поглядел на часы — до ужина оставалось еще сорок минут, но спешить ему было уже некуда, ясно было, что сегодня не стоит рассчитывать на повторение прекрасного вечера в кабачке Патрика Рэнди.

Он опустил голову на руки и закрыл глаза. Перед ним опять закружились бабочки, и он вдруг вспомнил, о чем они беседовали вчера за кружкой пива. Они обсуждали природу и поэтику нордических саг, изучение которых давно стало главным смыслом жизни Брайана. Выяснилось, что и Ян, и Ули неплохо знают эти жестокие романтические сказки, расшифровке непрочитанных глав которых Брайан посвятил свою жизнь. Ули, правда, читал только немецкий их вариант, наименее древний и наиболее простонародный. Зато Ян оказался настоящим знатоком. Они с Брайаном весь вечер смаковали наперегонки такие тонкие оттенки различных вариантов, что при воспоминании об этом в душе Брайана вновь возродилось вчерашнее сладостное чувство приобщения к высшему. Однако чувство это тут же сменилось глубокой печалью при мысли о том, что Ян на него обиделся и больше это счастье не повторится.

И тут его осенило — это ведь так просто, как он раньше не додумался? Конечно же, он может постараться и устроить Яну неофициальное посещение хранилища, — пусть он не хозяин этой библиотеки, но кое-что здесь ему все-таки подвластно! Да, именно подвластно!

УРИ

Английский телефон-автомат оказался еще хуже английских пирожных: он все время громко пищал, требуя бросать в его чрево новые и новые десятипенсовые монеты. Никаких других монет он не принимал, а принятые десятипенсовые пожирал с невероятной скоростью и тут же нагло требовал еще. Его пронзительный писк, вероятно, в какой-то форме прорывался и на другом конце провода, потому что Инге вдруг засмеялась и полюбопытствовала, не из Англии ли Ури ей звонит. Ури опешил от ее вопроса и, не зная, что ей ответить, просто трусливо нажал на рычаг и поспешно прервал разговор. Он ведь вообще не имел права ей звонить, просто ему вдруг ужасно захотелось услышать ее голос и убедиться, что у нее все в порядке.

А теперь она думает, что знает, где он, и это, несомненно, увеличивает грозящую ей опасность, если кто-нибудь догадается выпытывать у нее, куда он уехал. Ури выудил из автомата две оставшиеся монетки и, проклиная догадливость Инге, припустил к автобусной остановке. К ночи на Честер накатили грозовые тучи и начал накрапывать дождь. Ури бежал по пустынным улицам, чувствуя как быстро учащающиеся капли клоют его в макушку и проникают за воротник. Пока автобус подошел, он промок до костей. Всю дорогу до библиотеки его преследовали ужасные видения — он представлял себе, как трое вооруженных мерзавцев пробираются в замок, связывают Инге, швыряют ее на пол и наступают башмаками ей на живот. В такт этим видениям дождь за окном превратился в тропический ливень, озвученный грохотом грома и освещенный частыми вспышками молний.

Когда Ури, весь продрогший, вывалился из автобуса, ему хотелось только одного — помчаться к почте, возле которой он заприметил утром телефон-автомат, и опять позвонить Инге. От этой безрассудной выходки его удержал вовсе не здравый смысл, а всего лишь недостаточное количество десятипенсовых монет. Помаевшись пару минут у двери в тщетных попытках нашарить в кармане что-нибудь еще, он в конце концов отказался от идеи позвонить и, набрав цифры секретного кода, вошел в тускло освещенную прихожую.

В прихожей царил та особая ночная тишина спящего дома, в которой громче, чем днем, тикают старинные настенные часы и слышно, как где-то в трубах вздыхая, булькает вода. За поворотом коридора открылась длинная застекленная галерея, полная шорохов дождя и грозových сполохов, в голубоватом свете которых Ури сумел прочесть на доске вывешенной возле двери конторы, номер комнаты матери. Судя по номеру, комната ее была на третьем этаже, и, поднимаясь по лестнице, Ури играл с мыслью не постучаться ли к ней, чтобы попросить мелочь на телефон. Сколько он помнил мать, у нее всегда хранился небольшой запас мелочи «на всякий случай». И как раз сейчас такой случай ей представлялся.

Но пока Ури добрался до третьего этажа, он сокрушенно осознал всю бессмысленность этого замысла. Его появление в такой час в комнате матери было бы еще более грубым нарушением, чем контрабандный звонок Инге. Он сам не понимал, как такая нелепая мысль пришла ему в голову. Наверно, от этой сумятицы событий и чувств на него накатила ностальгия по утраченному времени, когда он чуть что бежал к маме, чтобы поделиться с ней каждой мелочью. Интересно, чем бы он мог поделиться с ней сейчас — своей тревогой о беременной Инге(ха-ха-ха!) или своей ревностью то ли к Меиру, то ли к Яну Войтеку, он сам не знал, к кому из них?

В коридоре было светло и тихо, только дождь монотонно журчал за высоким окном в торцовой стене. Ури секунду помедлил и повернул обратно, так и не дойдя до комнаты матери. И вдруг законная тьма раскололась ослепительно яркой вспышкой молнии, вслед за которой неправдоподобно близко грохнул гром. Лампочки под потолком дважды мигнули и погасли все разом, погружая коридор в густую чернильную тьму. И тут же, врываясь в канонаду несмолкающего грома, за окном опять сверкнуло синим, и по небу прокатился новый, еще более мощный раскат.

Ури на миг заплунул, пытаясь сообразить, как наощупь найти выход на лестницу. Но не успел он сделать и шага, как чья-то нога больно подсекла его под колено в то время, как сильные руки схватили его подмышки и рванули назад. Он покачнулся от неожиданности и дал втащить себя в комнату, дверь которой тут же закрылась. Грозовые

раскаты над крышей поглотили и шум борьбы, и стук двери, и вскрик Ури, в ответ на который державшая его сзади рука протянулась вперед и зажала ему рот. От ладони пахло духами. Ури с усилием отодрал ее от своих губ и отбросил от лица, тогда вторая рука разжалась сама и легко толкнула его в спину, отчего он с размаху упал на колени. За его спиной зазвучал знакомый горловой смех:

— Лу, — сказал он, не оборачиваясь, — вы что, решили меня похитить?

Лу плюхнулась на пол рядом с ним, и в свете очередной вспышки молнии он заметил, что на ней нет ничего, кроме черной прозрачной ночной сорочки с глубоким вырезом.

— Нет, я просто решила вам помочь. Ведь вы искали мою комнату, правда?

— С чего вы взяли?

— Ну а зачем бы вы иначе полчаса топтались в этом коридоре, когда ваша комната на втором этаже? Или, может, вы пришли проведать мамочку?

— Честно говоря, я действительно вас искал, — тут же поспешил признаться Ури. И вполголоса принялся излагать ей ту часть разработанного им с Меиром плана, который касался ее. Ури собирался сделать это завтра во время предобеденного чая, дающего удобную возможность светского уединения за одним из уютных столиков, но выхода не было, нужно было как-то оправдать свои ночные блуждания по коридору третьего этажа.

— Вы хотите сказать, что явились ко мне среди ночи, чтобы навсегда лишить меня права на ключ в аннекс? — разочарованно спросила Лу, когда он, завершив рассказ, поднялся с пола и направился к двери. — А я-то вообразила, что вы пришли обсудить все «за» и «против».

Ури попытался изобразить непонимание, торопливо прикидывая, как бы смыться от нее поэлегантней:

— «За» и «против» чего?

— Только не притворяйтесь. Тем более, что ваш ночной приход ко мне добавляет еще одно очко в пользу «за».

Комната была маленькая и Лу понадобилось сделать всего один шаг, чтобы настигнуть его у двери.

— Нам теперь просто необходимо, чтобы все думали, что вы завели со мной роман.

— Вот и отлично. Мы ведь уже дали им повод считать, что у нас роман, так что я спокойно могу идти спать.

— Ни в коем случае! — ужаснулась Лу. — Иначе они быстро разнохают, что мы их водим за нос.

— Ну как они могут знать, что мы делаем наедине?

— Поверьте моему опыту: люди очень быстро распознают любовников. Не знаю уж как, то ли по запаху, то ли по электрическим волнам, но всегда безошибочно.

— Что ж, раз так, — предложил Ури как можно беспечней — давайте попробуем их обмануть.

— От вас можно сойти с ума! — рассердилась Лу. — Другие мужчины гордятся своей неотразимостью, а вы, похоже, гордитесь своей неприступностью.

— Я подумаю на досуге, чем именно я горжусь, — начал было Ури, но тут за окном снова сверкнула молния, и грохнуло так страшно, словно на крышу библиотеки обрушилось небо. Лу немедленно этим воспользовалась. Она тихо взвизгнула и припала к Ури всем телом:

— Ради Бога, не оставляйте меня одну! Я жутко боюсь грозы! — горячо зашептала она ему под мышку, щекоча его дыханием сквозь влажную ткань рубашки. Он хотел было предложить ей обратиться за помощью к Джерри, но она уже сменила тему:

— Боже, вы промокли насквозь и холодный как ледышка, — запричитала она, пробегая теплыми ладонями по его спине и груди. — Вас необходимо срочно согреть — вот вам еще одно очко «за».

— Я сам согреюсь, — сказал Ури, пытаясь высвободиться. Но вырваться из цепких объятий Лу было не так-то просто. Ее ладони уже закончили оглаживать его спину и нежными круговыми движениями спустились вниз к ягодицам, для чего ей пришлось прижаться к бедру Ури горячим тугим животом:

— Ну чего вы упорствуете, чего, хотела бы я знать? Неужто я вам так противна? — спросила она довольно громко.

Рокот грома за это время слегка отдалился и вой ветра за окном почти затих. Ури с ужасом представил себе, как каждое слово Лу гулко разносится из ее комнаты по всему коридору, он прошипел: «Ради Бога, не так громко!» и сделал попытку зажать ей рот. Это было ошибкой — Лу истолковала его жест по-своему и присосалась к его ла-

дони жадными губами, в центре которых бегал кругами ее быстрый умелый язык. Ури вдруг стало жарко и безрассудно — и впрямь, чего он так упирается, он ведь никаких обетов верности не давал, услужливо подсказал ему некто коварный внутри. Его отклоняющая рука невольно ослабла и предательски скользнула под прозрачную ночную сорочку, под которой не было ничего, кроме гладкой кожи и влажного кустика курчавых волос. И он сдался, — уступить Лу было легче, чем сопротивляться.

Поражение его оказалось не слишком головокружительным, но вполне насладительным, хоть в Лу не было ничего, что так увлекало его в Инге. Может именно потому оно и было насладительным, — для разнообразия, так сказать, хихикнул внутри тот самый, коварный. Тело у Лу было ловкое и гибкое, пальцы ловкие и умелые, но на всех ее ласках и словах лежал отпечаток делового профессионализма, придающий им привкус анонимности, тогда как все, что дарила ему Инге, было предназначено ему и только ему.

«Ладно, позабавились и хватит», — рассудительно объявил коварный, когда Ури потянулся за своими мокрыми брюками, второпях сброшенными на пол.

— Вы куда? — сонно пробормотала Лу и заградительно положила ногу ему на грудь. — Мы ведь только начали.

— Для начала довольно, — сказал Ури, осторожно выбираясь из-под ее ноги. — Мне пора.

— А может, останетесь? — нога Лу догнала его и попыталась притянуть обратно. Пальцы ног у Лу были необычайно длинные и гибкие, совсем как пальцы на руках. Они щекотно обшарили грудь и шею Ури и вдруг замерли, нащупав висящий на цепочке миниатюрный брелок-карандашик. — Что это у вас за медальон?

«Ну вот, попался!» — с тоской подумал Ури, на миг задумался и нашелся:

— Это амулет, который подарила мне любимая девушка.

— А вы верите в амулеты? — хихикнула Лу. — Что ж вы его не сняли, когда влезли ко мне в постель?

— Забылся, — с искренним раскаянием отрезал Ури и рывком освободился от игривой ноги Лу.

— Странно, но точно такой же амулет носит наша миссис Муррей, — задумчиво сказала Лу.

— Откуда вы знаете? — насторожился Ури. Меир дал ему понять, что Лу ничего не известно о тайном входе в хранилище через аннекс.

— Она как-то попросила меня помочь ей переодеться, и я заметила.

— Вам померещилось. У нее наверняка что-нибудь другое. Например, медальон с локоном покойного мистера Муррея.

Мысль о локоне покойного мистера Муррея, который на дарственном портрете в холле выглядел абсолютно лысым, показалась Лу забавной, она прыснула в подушку и вполне по-дружески повторила свое приглашение остаться:

— До утра еще далеко, а завтра вам, бедному, будет не до меня.

— Тем более, мне надо хоть немного поспать сегодня, — обрадовался предлогу Ури и начал натягивать мокрые брюки. Но они, как назло, слиплись и никак не налезали, так что он застрял посреди комнаты, быстро наполняясь бесконечным отвращением к самому себе. Ему хотелось поскорей убраться из комнаты Лу, — он был уверен, что задушевный постельный разговор «после» показался бы Инге куда большей изменой, чем горячее слияние равнодушных друг к другу тел.

— Что вы там толчетесь? — нетерпеливо спросила Лу. — Хотите остаться — оставайтесь, а нет — катитесь отсюда и дайте мне спать. Ведь по вашему замыслу завтра мне придется спать в подворотне.

— Ну уж и в подворотне! — усомнился Ури. — Вы спокойно можете снять комнату в каком-нибудь тихом пансионе.

— Терпеть не могу тихие пансионы! — сонным голосом огрызнулась Лу. — Я не вписываюсь в их благочестивую тишину.

И тут же ровно задышала в подушку.

Ури, справился, наконец, с неподатливыми штанами, мелко вздрагивая от прикосновения холодной мокрой ткани, натянул рубашку и носки, и взяв в одну руку тяжелые от влаги туфли, другой осторожно приотворил дверь. В темном коридоре царил сонная тишина, нарушаемая лишь монотонным шелестом усмиренного дождя. Больше всего на свете Ури хотел бы сейчас позвонить Инге, но он со-

крушенно вспомнил, что ему не хватает проклятых десятипенсовых монет.

Он начал бережно-бережно отводить дверь вправо, стараясь не дать ей заскрипеть. И вдруг его напряженный слух уловил какой-то смутный шорох, приближающийся к нему из темноты. Он беззвучно потянул дверь на себя и застыл, задерживая дыхание. Из глубины коридора к нему приближались осторожные шаги. Невозможно было разглядеть хоть что-нибудь в узком зазоре между дверью и дверной рамой, но едва слышный шорох шагов звучал все ближе и ближе. Когда шаги прошуршали мимо двери, за которой затаился Ури, он мог бы поклясться, что видел промелькнувшую в кромешной тьме тень. Тень эта так бы и осталась безымянной, если бы через бесконечные полминуты за окном в коридоре не сверкнул прощальный сполох удаляющейся молнии, такой далекой, что ей вслед не грянул даже отдаленный отзвук грома.

И в свете этого последнего грозового отблеска Ури безошибочно узнал благородный седой затылок своего чешского собутыльника Яна Войтека. После чего уже нетрудно было вычислить, из чьей комнаты он вышел украдкой — в одних носках, перекинув через плечо связанные шнурами туфли. И красочно представить, что он там делал в столь поздний час.

Ури почувствовал, как на него накатывает тошнотворная волна ярости, обычно предшествующая приступу. Его тело напряглось и приготовилось к прыжку. Еще секунда и он бы обрушился всей своей тяжестью на беззащитную спину ничего не подозревающего чеха. Но тут мимо него покоридору прошелестела другая тень, легкая, почти беззвучная. Он скорей всего не увидел ее и не услышал, а опознал по ей одной присущему, с детства обожаемому им смешанному запаху кожи и духов, по которому он всегда находил ее в любой толпе. Мать быстро проскользнула мимо, едва касаясь пола босыми ногами, и тихо позвала: «Ян!» Прощла секунда, и где-то в глубине коридора торопливо зашептались два голоса и тут же смолкли. Потом еще шорох, шаги, и вдали хлопнула дверь — по всей видимости та, что вела к лестнице. И едва различимая поступь матери все ясней, все ближе, вот-вот она преодолеет последний пролет коридора и войдет в поле

зрения Ури, глаза которого успели за это время привыкнуть к темноте.

Пока он поджидал ее, волна ярости, нарушенная ее появлением, аморфной массой осела на дно его души, и неожиданно для себя он задумал очередную безрассудную выходку — встретить мать лицом к лицу. Он быстро отворил дверь комнаты Лу и выскользнул в коридор, обдумывая, что он ей скажет. Когда ее светлый силуэт возник из тьмы совсем рядом, он уже все решил — он не станет ее упрекать, он просто попросит у нее мелкие деньги на телефон. Прежде, чем окликнуть ее, он с наслаждением представил, в какой шок повергнет ее эта встреча в пустынном ночном коридоре. Ей и без лишних слов станет ясно, что он все видел и все понял.

Он поставил свои башмаки на пол у стены и дождался, когда мать поравняется с ним. Дождавшись, он одной рукой легко коснулся ее плеча, а другой зажал ей рот, опасаясь, что она вскрикнет. Она затрепыхалась в его руках, как пойманная в сеть рыбка, так отчаянно, что он, сжалившись над ней, прошептал ей прямо в ухо:

— Т-с-с! Это я.

Она немедленно узнала его и разом сникла, возможно даже на секунду потеряла сознание, потому что тело ее обмякло и начало безвольно сползать вниз, на пол. Ури слегка встряхнул ее, и она, тут же придя в себя, резко выпрямилась и вызывающе уставилась ему в глаза, — настолько, насколько это было возможно в крошечной тьме коридора.

— Что ты здесь делаешь среди ночи? — прошипела она ему в лицо, и Ури понял, что она от испуга готова ринуться в атаку. Он мог бы ответить на ее вопрос вопросом: «А ты?», но благоразумно сдержался и сказал с обманчивой кротостью:

— Мне срочно нужны мелкие деньги на телефон.

Мать безропотно приняла его игру, хотя обоим было понятно, что им обоим все ясно. Она прошептала: «Подожди» и бесплотной тенью ускользнула в свою комнату. Пока Ури ждал, он успел сообразить, что мать понятия не имеет о наложенных на него Меиром запретах, а значит, вряд ли донесет о его намерении куда-то звонить после полуночи. Однако на всякий случай он приготовил удобный ответ, если она спросит. Она и спросила, прежде, чем встряхнуть ему в ладонь несколько тяжелых монет:

— А куда это, интересно, ты собираешься звонить в такой час?

Ури попробовал забрать у нее монеты, но она проворно отвела руку за спину. И тут его озарило — да она, небось, боится, что он спешит донести на нее Меиру! Выходило, что его ловко придуманный ответ мог бы только повергнуть ее в новый шок, а он вовсе этого не хотел. Ему вдруг опять стало ее жаль, и он сам подивился вспышке собственной ревности. Все-таки лучше Ян, чем Меир, да и вообще его ли это дело, следить за ее нравственностью? Он ласково погладил ее отведенную за спину руку и прошептал утешающе:

— Успокойся, не туда, куда ты думаешь.

Мать ему сразу поверила, и в ней проснулись, наконец, материнские чувства. Она высыпала монеты ему в пригоршню и пробежала ладонью по его мокрой рубашке:

— Да ты весь мокрый! Где это ты болтался в грозу?

Но Ури уже ее не слушал. Зажав монеты в руке, он почти бегом припустил к выходу. И, только выскочив на улицу, почувствовал холодящее касание мокрых булыжников и вспомнил, что его туфли остались возле двери в комнату Лу. Возвращаться за ними ему не хотелось, и он под дождем помчался к зданию почты, шлепая по лужам ногами в носках.

Инге довольно долго не отвечала, так что он уже начал волноваться, когда ее хриплый со сна голос спросил, наконец, испуганно: «Кто это?». При соединении телефон проглотил сразу три монеты и громко потребовал добавки. «Это я, — с облегчением выдохнул Ури в трубку и услышал, как упала еще одна монетка. — У тебя все в порядке?». «А что случилось? Почему вдруг в такой поздний час?» — забеспокоилась Инге. «Я и сам не знаю, мне вдруг почему-то стало за тебя страшно», — тоскливо сказал Ури, даже на расстоянии чувствуя, как она пытается заглянуть ему в душу. С писком провалилась еще одна монетка и Ури сунул в щель последнюю пару. Инге молчала, рискуя, что разговор может каждую секунду прерваться. «Ури, ты был сейчас с другой женщиной?» — тихо спросила она, наконец, под звон предпоследней монеты. Сердце Ури похолодело, и он, нарушая все правила и запреты, отважился на трусливую мужскую ложь: «Да, был. Ты не поверишь, но я встретил здесь свою маму».

Тут провалилась последняя монета, телефон требовательно заверещал и, не получив того, что просил, решительно прервал разговор.

Бежать по лужам обратно было холодно и противно, хотя дождь почти прекратился, сменившись густым молочным туманом, жемчужно светящимся вокруг уличных фонарей. Ури тихо приоткрыл входную дверь библиотеки и увидел, что в коридоре снова горит свет. Он на цыпочках дошел до лестницы и прислушался — ему вовсе не хотелось попасться кому-нибудь на глаза в такой час и в таком виде. Было очень тихо, гулкое тиканье стенных часов только подчеркивало царящую вокруг тишину. Сожалея о забытых под дверью Лу туфлях, Ури поплелся наверх, надеясь, что никто из обитателей третьего этажа не отправится в этот миг в уборную. Никто, к счастью, не попался ему на пути, зато тувель возле двери не было. Ури внимательно оглядел коридор и даже опустил на колени и пощупал пол у стены — там, где раньше стояли туфли, осталось несколько дождевых капель, но сами туфли исчезли. Куда они могли деться? Скорей всего, их обнаружила Лу и забрала к себе в комнату. В таком случае, решил он, не стоит беспокоиться и можно спокойно идти спать.

БРАЙАН

Брайан с детства плохо переносил ночную грозу. Электрические разряды в небе вызывали из глубин его существа какие-то неведомые в обычной жизни подсознательные страхи. Однако он научился преодолевать эти страхи, во всяком случае, внешне — он не вскакивал с постели и не прятался под кровать, хоть все его существо иступленно этого требовало.

И даже в эту ночь, когда удар молнии выбил фазу в распределителе и погасил свет во всем квартале, он заставил себя тихо лежать под одеялом, поджав колени под подбородок и затыкая уши указательными пальцами. Уши он затыкал не для того, чтобы заглушить раскатистый грохот грома, а, скорее, чтобы не напрягать слух в попытке различить и понять таинственные шаги, шепот и шорохи, доносящиеся из коридора. Рассудок говорил ему, что никаких шорохов и

шагов он не слышит и слышать не может в реве и грохоте бури, но безрассудная фантазия подсказывала ему невероятные сюжеты с участием бродящих по коридорумонстров.

Гроза постепенно стихла, и измученный Брайан на миг забылся прозрачным сном. Однако таинственные звуки из коридора то и дело прорывались сквозь непрочный покров сна и в конце концов вынудили Брайана выбраться из теплой постели, накинуть на плечи халат и отправиться на разведку. Он несмело отворил дверь и ужаснулся обволакивающей коридор тьме — он почему-то не представлял себе, что свет там тоже погас. Брайан сделал несколько робких шагов вперед и застыл, прислушиваясь. Слева от него что-то зашелестело, он взгляделся во мрак и содрогнулся. Прямо на него надвигалось какое-то белесое облако. Он попятился к своей комнате, но второпях оступился и чутьне упал, однако удержался на ногах и прислонился спиной к холодной стене, не в силах сообразить, где осталась его дверь, справа или слева. Облако приблизилось к нему почти вплотную и проговорило женским голосом:

— Здесь кто-то есть?

Брайану показалось, что он узнал голос вновь прибывшей эффектной израильской дамы, которой он вчера выписывал пропуск в хранилище рукописей — как ее зовут, Клара, что ли? Но не успел он ответить, как во всех лампочках над головой неожиданно ярко и весело вспыхнул свет. Брайан на миг зажмурился и тут же открыл глаза, как раз вовремя, чтобы заметить, как руки Клары метнулись ей за спину в очевидной попытке что-то спрятать. Брайан был без очков, но Клара стояла достаточно близко, чтобы он мог разглядеть, что на ней нет ничего, кроме полупрозрачной кружевной сорочки, скорей подчеркивающей, чем скрывающей ее женские прелести. Вид обнаженных женских прелестей всегда вызывал у Брайана неприятные чувства, и он, поспешно пробормотав: «Простите!», сделал попытку обогнуть Клару справа. Но она, видимо тоже смутившись, шарахнулась от него именно вправо, в результате чего они столкнулись на полпути и он вышиб у нее из рук тот предмет, который она пыталась спрятать. Клара вскрикнула, а Брайан автоматически наклонился, чтобы этот предмет поднять. Но и Клара тоже наклонилась с той же целью и они снова столкнулись, на этот раз головами. Клара снова от-

шатнулась, а Брайан все-таки умудрился упавший предмет поднять. Это оказался насквозь промокший коричневый мужской туфель большого размера. Осознав, что Брайан увидел то, что она пыталась скрыть, Клара сдалась и протянула ему второй туфель, который она держала в другой руке, до сих пор все еще заведенной за спину:

— Вот, — прошептала она, чуть склоняясь к его уху, так что в нос ему ударил горьковатый запах духов с пряной добавкой чего-то запретно-чуждого и опасного. — Не знаю чьи они, я наткнулась на них в темноте, когда вышла в туалет.

Брайан не стал спрашивать эту полуобнаженную даму, зачем ему знать, что она ходила в туалет, так же, как не спросил, зачем ей понадобилось подбирать среди ночи неизвестно чьи мокрые туфли и нести их к себе, — он понимал, что за этим скрывается очередная тайна, которую она все равно ему не откроет. Он просто молча взял у нее второй туфель и вернулся в свою комнату.

Там он зажег настольную лампу и начал внимательно осматривать туфли, пытаясь выяснить, кому они принадлежат. Это была работа в его вкусе, потому что поиски хозяина туфеля были по сути похожи на расшифровку непочитанных текстов. Первым делом он посмотрел на подошву. Там был выравирован чуть раскосый эллипс, в верхнюю часть которого были вплетены два слова наклонной скорописи: «йосеф зигель», а в нижнюю симметрично им — «зинге 1886». Под эллипсом прямым готическим шрифтом было выведено «лофтпластер», а еще ниже цифра «44». Судя повсему, туфли были немецкого производства.

Не желая так сразу поверить естественно напрашивающемуся выводу, Брайан перевернул туфель и заглянул внутрь. Внутри под идентичным первому эллипсом было добавлено еще две скорописных строчки, первая гласила «ехтес лидер», вторая, — «оберматериал». К великому сожалению Брайана, это уже точно было по-немецки, — а ведь до сих пор в библиотеке не было никого из Германии, кроме прекрасного магистра!

Оставались только прибывшие сегодня. Брайан быстро перебрал в уме их всех в порядке регистрации. Американцев он исключил сразу, после них отверг англичан, а вслед за ними итальянца и француза, — вряд ли кто из них польстился бы на немецкую обувь. Немецкие туфли мог

бы где-нибудь в Европе купить японец, но Брайану вспомнилась его маленькая, обутая в сандалию нога — какой там сорок четвертый, больше, чем на сороковой размер она бы не потянула!

Выходило, что туфли могли принадлежать только Ули, хотя впрочем... Да, да, возникала еще одна возможность, весьма и весьма, соблазнительная. Ведь демократические чехи вполне могут носить обувь, сделанную в демократической Восточной Германии. Очень даже могут. Тем более, что Брайан слышал, как Ян за вечерним чаем оживленно болтал с очаровательной госпожой Кларой по-немецки. Вариант выходил отличный, если бы тут же не выявлялись свои «однако». Научная добросовестность требовала признать, что именно во время вечернего чая, когда уже начался сильный дождь, Ян был в гостинной в совершенно сухих башмаках, и никакая изощренная фантазия не могла подсунуть Брайану объяснение, куда он таскался среди ночи, чтобы их так намочить.

Зато прекрасный магистр не явился ни к ужину, ни к чаю, ко времени которого, как было замечено выше, уже начался сильный дождь, — так что он имел все основания вернуться невесть откуда в насквозь промокших туфлях.

После этого печального вывода Брайану оставалось только лечь в постель в надежде уснуть, чтобы по пробуждении обнаружить, что утро вечера мудренее. Но и утро ничего особо мудрого ему не принесло — по всем признакам выходило, что скорей всего именно прекрасный магистр по непонятным причинам посетил ночью прекрасную иудейскую даму и ушел от нее далеко за полночь в одних носках, оставив ей зачем-то свои мокрые башмаки, от которых она наверняка бы избавилась, если бы не Брайан.

О цели ночного посещения магистром прекрасной дамы в прозрачной кружевной сорочке думать было больно, хотя Брайану, честно говоря, с самого начала его безнадежной любви вряд ли стоило рассчитывать на взаимность. Однако до вчерашнего ночного происшествия он, окрыленный своим успехом в расшифровке, мог, по крайней мере, позволить себе об этом мечтать. Теперь ему осталось только одно утешение — при передаче туфель Ули вызвать того на конфронтацию, чтобы как следует прижечь свою остро саднящую рану.

Время тянулось нескончаемо долго, и Брайан весь извелся, пока, наконец, не зазвонил призывающий к завтраку колокольчик. Подхватив сумку с подсохшими за ночь разоблачительными туфлями, он стремглав, перепрыгивая через две ступеньки, ринулся вниз по лестнице. Как он и предполагал, прекрасного магистра не было в толпе у дверей в столовой. Конечно, голубчик опять проспал — немудрено после его урных ночных походов! Иудейская дама, правда, явилась вовремя, причем приходилось признать, что бессонная ночь пошла ей на пользу: она вся так и светилась с трудом сдерживаемым эротическим призывом. Светилось не только ее лицо, но и шея, и руки, и беззастенчиво открытые обозрению балетные ноги под короткой кремовой юбкой. Брайан внутренне съежился, оboжженный откровенной порочностью этого неуместного в строгих стенах библиотеки свечения, и начал лихорадочно искать в ней дефекты.

Это оказалось нетрудно, поскольку не далее, как вчера, он собственноручно заполнял ее карточку для пропуска в хранилище и прекрасно помнил четко обозначенную там дату ее рождения. Брайан с трудом сдержал рвущийся из груди торжествующий смех — ведь старушка-то была гораздо старше, чем старалась казаться! Чудно, теперь ему будет что рассказать Ули, когда тот явится за своими потерянными туфлями.

Но Ули все не было и не было, зато перед самым открытием дверей в хвост очереди пристроились сперва Джерри и Лу, а за ними чуть запыхавшийся Ян. Как это часто случается в Уэльсе после грозы, погода с утра выдалась пасмурная, и на Яне были не обычные шорты и кроссовки, а приличные брюки и вчерашние башмаки, черные и сухие. Так что Яна пришлось окончательно очистить от подозрения.

Впрочем, возможно все же не окончательно, потому что когда дверь открылась, он неуловимо ловким маневром умудрился очутиться возле соблазнительной Клары и, как показалось Брайану, прошептал ей на ушоч то-то скабрешное, от чего она заулыбалась и засветилась еще интенсивней. Однако рядом с нею Ян не сел, а опять приземлился за сильно разросшимся американским столом, где его тут же захороводили словоохотливые молодые дамочки, кото-

рых со вчерашнего дня стало трудно пересчитать. И вовсе не потому, что их было много, а потому, что они в глазах Брайана были мало различимы — все, как одна, смазливые, громкоголосые и коротко стриженные.

Брайан сел в тот отдаленный угол у окна, где он когда-то впервые увидел прекрасного магистра, и положил на соседний стул сумку с туфлями, давая таким образом понять, что место занято. Вообще-то занимать места в трапезной было строго-настрога запрещено, но сегодня из-за многолюдья был накрыт к завтраку добавочный стол, так что никто на стул возле Брайана даже не претендовал.

Он был так поглощен сохранением свободного места рядом с собой, что пропустил долгожданный момент появления Ули. Он заметил его только когда услышал хриплый голосок Лу, привычно повторивший свою патентованную остроу:

— Подумай только, такой молодой, такой красивый и ест овсянку!

Ули, в джинсах и кроссовках с дымящейся миской овсянки в одной руке и половником в другой, обернулся к Лу — Брайану снова безнадежно захотелось прижаться губами к ямочке у основания его высокой смугло йшеи — и спросил ее о чем-то. Лу отрицательно покачала головой, пожалала плечами и понесла свою тарелку с корнфлексом к американскому столу. Ули двинулся было за ней, и Брайан испугался, что Лу сейчас умыкнет от него прекрасного магистра. Но тот бросил быстрый взгляд на шумную компанию вокруг Яна, лицо его как-то странно дрогнуло и он решительно повернул прочь, обшаривая глазами трапезную в поисках другого места.

Брайан напряженно следил за ним, предполагая, что он захочет сесть рядом с Кларой. Возле нее тоже зиял пустой стул — любопытно, это она, как и он, постаралась, чтобы никто его не занял? Но Ули только небрежно кивнул ей и прошел мимо, оглядывая многолюдную столовую, очевидно в поисках подходящей компании. Она тоже не проявила к прекрасному магистру особого интереса, хоть взгляд ее на миг остановился на нем со странным выражением, характер которого Брайан не мог бы определить простыми словами, выражающими привычные чувства. Но одно он знал наверняка: что-то между этими двумя несом-

ненно было — то ли скрытность любовников, то ли сговор соучастников, то ли какая-то другая тайная связь.

Стараясь привлечь внимание Ули, он поднял руку и с радостью увидел, что тот заметил его и направился к свободному стулу:

— Можно к вам? — сказал он, ставя миску с кашей на стол рядом с Брайаном и придвигая к себе стул, на котором сиротливо белела сумка с туфлями.

— Конечно, можно, — с блеклой улыбкой пробормотал Брайан, не отрывая глаз от сумки. Ули, наконец, заметил сумку и нерешительно поднял ее, не зная, что с ней делать.

— Это ваше? — спросил он.

— Нет, ваше, — ужасаясь собственной смелости ответил Брайан.

— Мое? — удивился Ули, заглядывая в сумку. — Ах, вот где они! Спасибо за заботу, — воскликнул он, увидев туфли и даже не поинтересовавшись, как они оказались у Брайана, небрежно смахнул сумку на пол.

Эта небрежность заставила Брайана молча проглотить трепещущие у него на языке вопросы. Он понял, что напрасно вообразил, будто они с прекрасным магистром друзья, которые делятся друг с другом своими тайнами. Что ж, пусть они не друзья, так даже лучше, и теперь ничто не помешает Брайану расписать яркими красками свою ночную встречу с Кларой, которая бегала по коридору полуголая, пряча за спиной мокрые туфли Ули. Сам не зная, почему, Брайан был уверен, что этот рассказ не доставит Ули удовольствия — недаром ведь тот постарался скрыть от посторонних глаз свои особые отношения с этой обольстительной дамой!

Однако пока он облизывал сухие губы, обдумывая, с чего бы начать свое повествование, эта обольстительная дама собственной персоной возникла рядом с ним и, склоняясь к его уху, стала настойчиво спрашивать его о чем-то. А он, внезапно обретя дар ясновидения, понял, что ничего ей от него не нужно, она просто хочет отвлечь его от Ули, чтобы он не успел ее перед ним разоблачить. Это понимание окончательно сбило его с толку, — ведь из него следовало, что прекрасный магистр понятия не имеет о ее причастности к обнаружению его туфель в коридоре третьего этажа. Но, хоть и сбитый с толку, Брайан все же сжалился

над этой авантюристкой и мысленно отменил свой рассказ о ее ночных приключениях, но она все не уходила и нависала у него над плечом, дурманя его тем же горьковатым ароматом, который так смутил его покой прошлой ночью. Чтобы избавиться от ее мучительного присутствия, ему пришлось пообещать ей нарушить правила и открыть читальный зал на пять минут раньше времени.

Зато когда она, наконец, убралась, оставив его наедине с Ули, он не удержался и сказал, сам пугаясь своей непривычной дерзости:

— Будьте осторожны с этой женщиной, Ули. Она только выглядит молодой, а на самом деле годится вам в матери.

Но напрасно он опасался гневной реакции прекрасного магистра. Тотнисколько не рассердился, а, напротив, почему-то пришел в восторг:

— Вы и вправду думаете, что она годится мне в матери? Вы скажите это ей — она будет вам безмерно благодарна!

— Неужели вы считаете, что я способен сказать женщине такую, такую... такое... — от возмущения Брайан никак не мог подыскать нужное слово.

— Нет, что вы! — окончательно развеселился Ули, явно наслаждаясь замешательством Брайана. — Мне просто кажется, что очаровательная Клара мне в матери совершенно не годится!

С этими словами он, отставив чашку с недопитым кофе, подхватил с пола сумку с туфлями и, не оглядываясь, стремительно зашагал к выходу, где его поджидали Хиггинсы. А Брайан, проглотив обиду, глянул на часы и тоже заспешил — в читальный зал, где его поджидала злополучная Клара. Мысли его путались, и душу терзало муторное предчувствие, что неведомые мрачные силы угрожают превратить мирный поток библиотечной жизни в клокочущий водоворот.

У входа в застекленную галерею, ведущую к читальному залу, Брайана перехватил Ян Войтек.

— Вы ведь сегодня вечером не дежурите, правда? — спросил он как-то особенно по-дружески.

— Откуда вы знаете? — удивился Брайан.

— Интуиция, — пошутил было Ян, но, присмотревшись к напряженному лицу Брайана, перешел на серьезный тон. — Я просто зашел в контору и нашел на стене расписание дежурств.

Кусок льда в сердце Брайана начал медленно плавиться. Кто-то интересовался им настолько, что не поленился пойти искать расписание дежурств:

— Да, сегодня я дежурю только до четырех, — признался он осторожно, опасаясь нового разочарования.

— Вот и отлично! — обрадовался Ян. — Раз вы свободны, мы можем пойти в кабачок к бабочнику и обсудить за кружкой пива некоторые темные места в жизни германских богов.

КЛАРА

Мучительно напрягая глаза, Клара вглядывалась в силуэты Яна и маленького библиотекаря, дружественно пересекавшиеся в дальнем конце галереи. О чем они говорят так долго? Ведь библиотекарь — Брайан, кажется, да, да, именно Брайан! — обещал ей открыть читальный зал за пять минут до официального часа, а сам застрял по дороге, оживленно обсуждая что-то с Яном. Что они там обсуждают? Неужто Брайан рассказывает Яну про ее ночные похождения с туфлями Ури? Если да, то она пропала — как она сможет объяснить Яну, зачем она пыталась спрятать туфли незнакомого молодого человека из Саарбрюккена?

Слава Богу, маленький библиотекарь объяснений не потребовал, он просто выхватил у нее туфли и уволок в свою комнату, видимо только для того, чтобы за завтраком вручить их Ури. Она еще до завтрака заприметила сумку у него в руках и стала за ним наблюдать. Так что она видела все от начала до конца — как Брайан занял стул рядом с собой, как зазвал туда Ури и как ошарашил его, поднеся ему под нос сумку с туфлями. Интересно, как он угадал, чьи это туфли, и чего пытался добиться? Однако, у него, по-видимому, ничего не получилось, в частности благодаря вмешательству Клары, которая почти что силой не дала библиотекарю рассказать Ури о ее роли в этой истории.

Ян и библиотекарь, наконец, расстались, и Клара получила доступ к книгам, необходимым ей для сегодняшнего совещания. Она даже не попыталась просмотреть их в читальне, на это уже не осталось времени. Прижав к груди переплетенные кожей тома, она потащила их с собой в

надежде найти нужные страницы, пока Арье Амит будет пререкаться с наглым норвежским мальчишкой, который, прикрываясь званием арбитра, откровенно подыгрывал их противникам. Книги оказались на редкость тяжелые, и Клара испугалась, что не донесет их до хранилища, не рассыпав по дороге. Она закинула ремешок сумки как можно дальше на плечо и, обхватив стопку книг обеими руками, осторожно двинулась вперед, стараясь не поскользнуться на вошном паркетной галереи.

К счастью, на полпути, когда силы Клары почти иссякли, откуда-то из-за поворота неожиданно вынырнул Ури и вежливо предложил ей свою помощь, которую она немедленно приняла, хоть после вчерашней ночи решила избегать прямого контакта с сыном. Подхватив у нее увесистые кожаные тома, он зажал их в сгибе локтя и пошел рядом с ней. С облегчением расправляя затекшие руки и плечи, Клара почувствовала на себе чей-то взгляд и обернулась. Из слабо освещенного дверного проема, ведущего куда-то в глубь библиотеки, за ними следила неотступная Лу Хитгинс, взгляд которой светился сосредоточенным интересом. Перехватив этот любопытный взгляд, Клара вдруг увидела себя и Ури со стороны, как бы глазами Лу, и, невольно любуясь пружинистой грацией сына, впервые в жизни подумала о нем не как о своем детеныше, а как о взрослом мужчине, чьем-то любовнике. А подумав о нем так, она вдруг перестала бояться его осуждения — ведь он не отчитывается перед ней в своих любовных делишках, почему же она должна отчитываться перед ним? Наслаждаясь этим мимолетным освобождением от постоянно гложущего ее чувства вины перед сыном, она спросила легко и непринужденно:

— С чего бы это такой приступ вежливости?

— Это вовсе не вежливость, а моя прямая обязанность, — не глядя на нее пробормотал сквозь зубы Ури, который все еще был во власти своих комплексов и продолжал наказывать ее за неверность.

— В чем обязанность? Носить за мной книги? — поддразнивая его, хохотнула она.

— Нет, сопровождать тебя по дороге на совещание. Что-бы какой-нибудь хмырь не перехватил тебя во мраке у входа в хранилище, — угрюмо пояснил Ури, свободной рукой отворяя тугую дубовую дверь, выводящую на каменную до-

рожку к часовне. Очевидно, там, за дверью, он обнаружил какое-то препятствие и резко остановился, так что Клара с размаху налетела на него сзади и щекой ощутила, как напряглись мышцы его спины. Она еще не успела спросить его, в чем дело, как он расслабился и, придерживая дверь плечом, чуть отстранился, пропуская мать вперед.

Она шагнула за порог и увидела Яна. Он стоял на лужайке перед дверью с сигаретой в зубах, явно поджидая ее, он ведь знал, куда она должна была идти после завтрака. Вчера ночью у них из-за этого опять вышла небольшая размолвка, и Кларе с трудом удалось уговорить его перетерпеть еще пару дней, пока она будет страшно занята. Зато, уверяла она его, она постарается закончить свои изыскания на три дня раньше, чем предполагала, но для этого сейчас ей придется поработать более напряженно, так что она даже не будет приходить к чаю. Ян, конечно, огорчился и не поверил ей, хотя она не обманывала его, обещая провести с ним последние три дня. Меир предупредил ее, что в окончательном совещании ей участвовать не придется, так как арабская гордость принца не позволяет ему принимать важные государственные решения, имея партнером женщину. В другое время, услышав такое, она бы с негодованием отказалась от всего этого оскорбительного проекта, но на этот раз она была счастлива, что ей удастся выкроить несколько дней для Яна.

Сейчас он, наверно, хотел договориться с ней на вечер и, увидев ее в сопровождении нагруженного книгами Ури, попытался его оттеснить.

— Можно мне? — спросил он протягивая руку к книгам.

— Нет уж, я взялся, я и донесу, — не замедляя шага хмуρο отстранил его Ури.

Обостренный взгляд Клары с болью зарегистрировал обиженно дрогнувшие ресницы Яна, но она, преодолев первое естественное побуждение, не замерла перед ним, как кролик перед удавом, а, лобезно кивнув, прошла мимо, мерно цокая каблучками по камням дорожки. Хоть колени у нее подгибались, она шла, высоко подняв голову, остро ощущая затылком напряженный взгляд сына и зная, что оборачиваться нельзя.

Зато во время совещания она дорого заплатила за свою железную выдержку. Как только белокурый норвежец привычно сцепился с Амитом, Клару прошибла такая жаркая

дрожь, что она на миг отключилась и чуть не потеряла сознание. Но никто из ее увлеченных спором собеседников, к счастью, ничего не заметил, даже когда она, кое-как справившись с дрожью, бессильно задремала, уронив голову на ручку кресла. Это был странный полусон-полуобморок, — она как бы слышала все, что говорили преувеличенно любезные голоса спорщиков, и в то же время участвовала в какой-то головокружительной погоне, в которой то ли Ури гнался за Яном, то ли Ян за Ури, то ли оба они за ней.

К реальности Клару вернул несколько раз повторенный вопрос, с которым обращался к ней английский представитель принца сэр Эндрью Грант, скрывающий свой титул под личиной директора провинциального лицея для мальчиков доктора Поттера. Она с трудом разлепила налитые свинцом веки и постаралась понять суть того, о чем спрашивал ее мнимый доктор Поттер. Пытаясь скрыть свое состояние, она торопливо открыла один из принесенных ею томов и начала листать его в поисках нужных страниц. Вид хорошо знакомых чертежей и карт постепенно успокоил ее смятенную душу и прояснил замутненное сознание. Она отхлебнула пару глотков крепкого кофе из фарфоровой чашки, заботливо поставленной перед ней полковником Амитом, таким забавным в пасторском воротничке, и, разом отрешившись от своих неразрешимых проблем, включилась в обсуждение. Мысль ее заработала четко и точно — она знала каждый ручеек и каждый источник на своей земле, и никто не мог бы втереть ей очки и сбить с толку.

Сэр Эндрью Грант был серьезным противником, он тоже неплохо знал все ручейки и источники Иудеи и Самарии, и бескомпромиссная схватка с ним над чертежами системы водоснабжения этих провинций так увлекла Клару, что она даже не заметила, как промчалось время до обеда. Она почувствовала, что умирает с голоду, только когда Толеф Сигге порывисто вскочил и ринулся к лестнице, едва касаясь пола крупными ступнями в пестрых шерстяных носках. Чувствуя легкое головокружение, Клара поспешила за ним — ведь утром спазм тревоги так стискивал ей горло, что она не смогла проглотить даже ложку овсянки, не говоря уже о чем-нибудь более существенном.

После долгого напряженного разглядывания ярко освещенных чертежей часовня показалась Кларе еще более

сумрачной, чем обычно. А, может, у нее просто потемнело в глазах, когда в мерцающем круге, выхваченном из мрака пламенем неполной дюжины оплывших свечей, она увидела Меира в полотняной панамке, державшего на сворке крошечного сердитого пуделя. При виде выходящей из двери хранилища толпы пудель натянул сворку и с несоответствующей его размеру яростью бросился в атаку. Меир подхватил пуделя на руки и увещавательно забормотал ему что-то по-французски, охватывая при этом Клару масляным взглядом своих длинных восточных глаз.

«Еще Меира мне тут не доставало!» — неизвестно кому пожаловалась Клара и ускорила шаг, подгоняемая голодом и желанием поскорей выскользнуть из-под его взгляда. Но как она ни спешила, к обеду они опоздали, — когда они как бы разобщенной, но все же заметно единой группой ввалились в трапезную, обед уже давно начался и суп был холодный.

Да Бог с ним, с супом! Клара так проголодалась, что и холодный суп был ей по вкусу, зато сесть рядом с Яном ей не удалось — он, как и за завтраком, весело хохотал в беззаботной компании, собравшейся за американским столом. Хорошеньким американским дамам явно нравился остроумный чешский профессор, который поражал их европейской эрудицией и парадоксальной смелостью суждений, два месяца назад покорившей и привередливую Клару. К ее удивлению, Ури тоже оказался за американским столом, хотя Лу Хиггинс сегодня там не было. Он, как и Ян, словно бы не заметил ее появления в трапезной, однако Клара пару раз перехватила его взгляд, украдкой брошенный в ее сторону, пока он заливисто смеялся в унисон общему веселью. В этом взгляде ей почудилась теплота и сочувствие, — может, сын все же одумался и простил ее? А, может, он пожалел ее, видя, с какой легкостью Ян предпочитает ей общество других очарованных им женщин?

У Клары не хватило сил дожидаться, когда публика за американским столом прервет свою оживленную беседу и начнет расходиться. На нее вдруг навалилась смертельная усталость, вполне, впрочем, объяснимая бессонной ночью и напряженным рабочим днем. С трудом поднявшись из-за стола она последним усилием воли преодолела крутые ступени винтовой лестницы и, как была, в элегантном де-

ловом костюмчике, плюхнулась в постель, натянула на голову одеяло и миг заснула.

Во сне ей привиделось, как в комнату вошел Ян, окликнул ее по имени и, не получив ответа, зашелестел бумагами на ее письменном столе. Она хотела позвать его, но не найдя в горле инструмента для произнесения слов, просто поманила его рукой, а, может, вовсе и не поманила, а только хотела поманить. Он однако подошел и, склонившись к ней, на миг прижался к ее виску знакомыми теплыми губами, от прикосновения которых тело ее стало невесомым и вознеслось куда-то в заоблачные выси. Она попыталась отодвинуться поближе к стене, чтобы дать Яну возможность лечь рядом с ней, но какая-то неведомая сила все время отталкивала его прочь, и руки Клары, стараясь удержать его, опять и опять погружались в ускользящие между пальцев хлопья тумана.

Потом подул холодный ветер, превращая эти хлопья в осколки льда, которые стали рассыпаться по полу со странным, почти металлическим стуком. От этого стука у Клары началась убийственная головная боль, а стук все усиливался и усиливался, так что она в конце концов сорвалась с облака вниз и была вынуждена открыть глаза. Она лежала на кровати в своей комнате, а в дверях маячила фигура Ури, монотонно твердящего по-немецки:

— Пора вставать, ваше величество.

Клара схитрила и на секунду опять провалилась в сон, но Ури безжалостно потрянул ее за плечо и снова повторил, что ей пора вставать.

— Выйди из комнаты! — хрипло велела она ему, надеясь украсть еще несколько мгновений сна. Но Ури ей не поверил:

— Можешь встать при мне, — не согласился он и, потянув с нее одеяло, укоризненно добавил:

— Тем более, что ты даже не раздевалась. А меня мама в детстве учила, что спать в одежде — предел морального падения.

Эта мальчишеская наглость ее окончательно разбудила, и она вдруг нашла в себе силы поставить сына на место задорно, почти весело:

— Я думаю, ты с тех пор познал другие пределы морального падения.

Кажется, ее слова задели его за живое, потому что он внезапно перестал паясничать и сказал серьезно:

— Ладно, пошутили и хватит. Давай, собирайся, тебя уже все ждут.

Она глянула на часы и ужаснулась: она проспала не только послеобеденный чай, но и время начала совещания. Значит, условиться с Яном на вечер ей снова не удастся, тем более, что было решено не делать перерыва на ужин. А если все же попытаться зайти в гостиную? Клара громко откашлялась и произнесла нерешительно:

— В горле страшно пересохло. А что, если я зайду выпью чашку чая?

Но Ури был непреклонен:

— Чай ты выпьешь в хранилище. Я видел, как туда понесли два больших термоса.

И в ответ на ее умоляющий взгляд добавил:

— Не смотри на меня так, его все равно там нет. Он пошел в читальный зал рыться в каталоге старинных рукописей.

Клара задыхнулась было от такой дерзости, но от неожиданности не нашлась сразу, как его отбрызнуть. Да и за что, собственно? Он был ее сыном и умел читать ее мысли, так же, как и она — его. Единственно, что ей оставалось, чтобы его подразнить, это прикинуться арестанткой, которую угнетает конвоир. Она причесала волосы, напудрила нос и спросила кротко:

— Но хоть в уборную зайти можно?

Ури сверкнул на нее сердитым взглядом:

— На одну минуту, не больше.

— И на том спасибо, добрый господин начальник, — ехидно выдохнула Клара, выскальзывая за дверь.

На дорожке, ведущей к часовне, она все же не удержалась и посетовала:

— Если мы будем регулярно ходить здесь парой, кто-нибудь может подумать, что у нас роман.

За что и получила очередную пощечину:

— Так подумает только тот, кто не заметил, что у тебя роман с другим.

Когда Клара, бросив, наконец прощальный взгляд на хмурое лицо сына, закрыла за собой тяжелую дверь хранилища, она вздохнула с облегчением. Она всегда прозревала в Меире следы особо изощренного садизма, но на этот

раз он превзошел самого себя. Ведь такое случайно не придумаешь — приставить к ней стражем Ури, авторитарную ревность которого Меир когда-то испытал на себе! Впрочем, времени думать об этом у нее не было — сэр Эндрью Грант с нетерпением поджидал ее, чтобы представить свой новый, абсолютно неприемлемый план.

На упорную борьбу с ним за каждый квадратный сантиметр спорных земель ушло все время до ужина, который им принесли в прикрытых серебряными крышками кастрюльках и сервировали на тесной площадке лестницы, ведущей вниз от двери к хранилищу. Чтобы их групповое отсутствие не слишком бросилось в глаза остальным, а, возможно, и по другим, неизвестным Кларе причинам, сэр Грант и босоногий норвежец — он с отвращением стянул с себя носки, как только ступил на первую ступеньку лестницы, — ушли ужинать в трапезную. А на смену им явился льстивый итальянский профессор Басотти, который наверняка не был итальянцем и, весьма возможно, не был и профессором. Разговаривая с ним, Клара чувствовала себя мухой, попавшей в банку меда, — его весьма изысканный ум базировался на каких-то других, возможно, не менее основательных, но нисколько не совпадающих с клариными законами логики. Буквально каждое общепринятое представление он выворачивал наизнанку и решительно отвергал, предлагая взамен новое, никак не вяжущееся с тем, чему учили Клару великие европейские гуманисты и чем привыкла руководствоваться всю свою сознательную жизнь.

То ли английский язык Басотти был недостаточно хорош для Клары, то ли ее английский был недостаточно хорош для него, но она увязала в грамматических несоответствиях его сложносочиненных предложений, из которых она не находила выхода ни в какой разумный смысл. Одно она могла сказать со стопроцентной уверенностью: акцент у него был арабский. Уж что-что, но арабский акцент она узнавала всегда, как бы мало заметен он ни был!

Клара безумно устала от трехчасового безрезультатного поединка с самозванным профессором Басотти, тем более, что Арье Амит больше помалкивал и ничем ей не помогал. К началу одиннадцатого она не выдержала и запросила пощады. Однако сразу уйти не удалось, пришлось потратить еще не меньше десяти минут на то, чтобы уложить в

сейф магнитофоны, а также все протоколы и чертежи. В часовню Клара вышла в сопровождении Амита, который, как ей показалось, устал не меньше, чем она.

— Пойдешь пить чай? — спросила она его.

— Не нужно мне никакого чая, я иду спать. Этот левантский змей кого угодно может свести с ума, — пожаловался Амит, расставаясь с Кларой у дверей гостиной.

Оказалось, что и Кларе чай был ни к чему. Хотя чаепитие в гостиной было в разгаре, она не нашла Яна ни в одной из оживленно болтающих группок. К ее удивлению, в гостиной не было также ни Ури, ни Лу Хиггинс. Куда они могли отправиться все вместе? А, может, Ури отправился куда-нибудь сам по себе, а Ян в компании Лу?

Вдобавок ко всему Брайана тоже не было, что сильно увеличивало количество возможных комбинации. Клара сама налила себе остывший чай, устроилась за уединенным столиком между роялем и окном и, устало откинувшись на спинку кресла, стала обдумывать свои дальнейшие действия. Пожалуй, было бессмысленно сидеть здесь в ожидании Яна, но она еще не смирилась с тем, что сегодня ей не удастся его увидеть. Бойкие американские дамочки, правда, все были в наличии. Клара не поленилась и тщательно пересчитала их дважды, но, как видно, Яну подвернулись другие соблазнительные возможности. Или, уязвленный ее утренним нежеланием перекинуться с ним парой слов в присутствии Ури, он нарочно ушел, чтобы ее наказать?

В тысячный раз перебирая в уме все эти неутешительные варианты, она краем глаза следила за броуновским движением профессора Басотти, который бродил по гостиной с чашкой в руке в поисках подходящей компании для приятного завершения трудового дня. Сперва он подсел было к американским дамам, но они спугнули его слишком громким взрывом смеха так, что он сорвался с места и снова принялся кружить между столиками, вглядываясь в оживленные лица. Искал ли он кого-то или просто хотел сесть подальше от нее и от сэра Эндрью Гранта, который, утопая в глубоком кресле у рояля, наслаждался музыкой, струящейся из-под искусных пальцев противного норвежца, по случаю вечернего часа облачившегося в белую шелковую рубашу с кружевным воротником. Клара не удержалась и, наклонившись за нарочно оброненной ложечкой,

заглянула под рояль, — нога его, энергично нажимающая на педаль, была босая. Хотя хозяин ноги, казалось, был полностью погружен в мир музыки, он каким-то чудом перехватил любопытный взгляд Клары и, не прерывая игру, бросил ей через плечо:

— Это повышает мой контакт с роялем. Босой ногой я чувствую его гораздо лучше.

Клара кивнула ему понимающе, хоть про себя с раздражением подумала, что он просто интересничает. А, впрочем, пусть интересничает, какое ей дело? Басотти тем временем набрел на французскую пару, приютившуюся у овального столика недалеко от буфета. При виде приветливых улыбок французов он сделал было шаг в их сторону, но что-то вдруг насторожило его, и он со сдержанным полупоклоном прошел мимо них, поспешно отхлебнул глоток чая, бережно поставил чашку на буфет и направился к выходу.

«Как странно, — подумала Клара, — он их искал и нашел или они его испугали?» Ей даже захотелось подойти к этим французам и затеять с ними светскую беседу, чтобы выяснить, кто они или за кого себя выдают, — ведь здесь, кажется все, кроме нее и Яна, выдавали себя за кого-нибудь другого. Клара поднялась с кресла и понесла свою чашку к буфету, обдумывая план атаки. Это давало ей внутренний повод еще немного потолкаться в гостиной, не чувствуя себя униженной непонятым отсутствием Яна. Поставив чашку и блюдце на полированную доску буфета, Клара как бы случайно заметила этих французов, одиноко скучающих вдаль от остальных: он был невысокий, сухощавый, с тонкими усиками и благородной проседью в темных волосах, она — на полголовы его выше и на двадцать лет моложе, с пышным бюстом и медно-красным, свежеращенным каре, выгодно оттеняющим ее высокие скулы и широко расставленные глаза.

— Почему вы сидите здесь, в уголке, вдаль от общего веселья? — развязно спросила Клара, обращаясь к женщине. — Мне тоже одиноко, давайте познакомимся. Я — Клара Райх.

— Мы еще не привыкли к здешним порядкам, — ответила та с сильным французским акцентом, осторожно касаясь пальцев Клары, словно опасаясь обжечься.

— Ивонн де Витри, — добавила она и представила мужа, который только вежливо кивнул, даже не делая попытку

протянуть Кларе руку. — Мой супруг, профессор Этьен де Витри, из марсельского университета.

— А что вы преподаете? — обернулась Клара к профессору де Витри, игнорируя его явное нежелание вступать с ней в контакт.

— Историю крестовых походов, — нехотя ответил он, подчиняясь требованиям хорошего тона. Как только первые слова слетели с его уст, Кларе стало ясно, почему эти двое не присоединились к другим участникам веселого ночного чаепития: английский язык надутого сноба де Витри был из рук вон плох. И акцент у него был еще более арабский, чем у мнимого профессора Басотти.

«Вот ты какой! Так получай!» — мстительно воскликнула Клара про себя, и произнесла с лучезарной улыбкой, магическую силу которой она не раз проверяла на многих представителях сильного пола:

— Ах, как интересно! Ведь я только вчера прилетела из Иерусалима и могу передать вам привет непосредственно от гроба Господня.

Фраза получилась исключительно дурного вкуса, но Клару это не смутило, как не смутило ее и то, что профессор де Витри, не в пример многим, остался равнодушен и к ее чарам, и к упоминанию гроба Господня — уж не мусульманин ли он был? У Клары на кончике языка уже вертелись коварные вопросы, способные если не разоблачить этого очередного самозванца, то по крайней мере сбить с него спесь, но тут их разговор неожиданно принял новый оборот.

— О чем вы тут шепчетесь? — воскликнул за спиной Клары раскатистый тенорок с сильным акцентом, незнакомым, но, несомненно, не арабским. — Если у вас есть секреты, расскажите их и мне!

Она быстро обернулась на этот шуточный призыв и увидела перед собой невысокого крепкого мужичка с окладистой русой бородой, одетого в вышитую цветными нитками жилетку поверх яично-желтой рубахи. Весь его облик был столь неуместен в этих церемонных стенах, что Клара на миг опешила, не понимая, как она не заметила его раньше.

— А жратва тут ничего, вполне приличная, — словоохотливо продолжал мужичок, не обращая внимания ни на удивленное молчание Клары, ни на ледяное неодобрение

в глазах четы де Витри. — Кто б мог подумать? Ведь говорят: если хочешь похудеть, найми повара англичанина.

И оглушительно захохотал, призывая остальных разделить его радость по поводу столь удачно придуманной шутки. Их безмолвное нежелание присоединиться к его веселью, ничуть это веселье не пригасило. — А хочешь обеднеть, найми сторожа румына! — продолжил он, сияя восторгом от собственного остроумия. — А хочешь ожидать...

На этой тираде терпение Клары иссякло:

— Вы гость библиотеки? — решила она, наконец, перебить разбитного мужичка и тут же смутилась, почувствовав бестактность своего вопроса. Зато мужичок нисколько не смутился.

— Ясно, что гость, а кто ж еще? — без тени обиды подтвердил он. — Просто я сегодня не стал надевать рясу по случаю приезда. В поезде без рясы куда сподручней ехать. Да если по этим их лестницам на пересадках в рясе бегать, запросто можно шею сломать.

— Так вы священник? — догадалась Клара.

— Ну ясно, священник, а кто ж еще! — еще радостней подтвердил мужичок и только тут сообразил представиться. — Отец Георгий, иерей Златовратской православной церкви города Бухареста.

Тут уж супругам де Витри не осталось ничего иного, как пожать протянутую отцом Георгием руку и тоже официально представиться.

— Какая отличная компания! — восхитился простодушный румын, услышав имена своих собеседников. — За такое знакомство нужно выпить!

— Выпить? — недоуменно переспросил де Витри. — Что здесь можно выпить в такой поздний час?

— А это уж мой секрет! — хитро прищурился румынский иерей и весело подмигнул Кларе. — Сейчас мы все поднимемся в мою комнату, и я вас угошу. Нужно только утащить отсюда чашки, а то у меня есть всего один стакан для чистки зубов.

Ивонн попыталась что-то возразить, но де Витри, перекинувшись с румыном парой быстрых французских фраз, метнул в ее сторону короткий выразительный взгляд, и она тут же прикусила язык. Стало ясно, что они принимают предложение отца Георгия, согласия же Клары никто не спраши-

вал, оно как бы подразумевалось само собой, — у нее даже возникло ощущение, что супруги де Витри предполагают, будто эта ночная выпивка затеяна румыном в ее честь. Пока супруги искалечили истые чашки, Клара спросила иерея:

— Вы хорошо говорите по-французски?

— Совсем не говорю, — охотно отозвался тот.

— А как же? — Клара вопросительно кивнула на возвращающихся де Витри.

— Зато я говорю по-румынски! — самодовольно захохотал священник. — А это одно и то же!

Когда они, захватив чашки, гуськом двинулись к выходу, Клара замешкалась у буфета. С одной стороны ей не хотелось возвращаться в одиночество своей неудобной кельи, так и не дождавшись Яна, с другой — она была не уверена, следует ли ей ввязываться в это сомнительное приключение. Однако когда отец Георгий, дойдя до двери, заметил ее отсутствие и на всю гостиную объявил, что они ее ждут, Клара перехватила любопытный взгляд сэра Эндрю, который, несмотря на охвативший его музыкальный экстаз, все это время, по-видимому, за ней следил. Чего он ждал от ее визита к румынскому иерею, который возможно был такой же иерей, как полковник Арье Амит пастор? Невысказанный вызов в глазах сэра Эндрю заставил Клару взять свою чашку и против собственной воли последовать за этой, ничем не привлекающей ее процессией темных личностей.

По дороге отец Георгий многословно хвастался замечательной сливовой водкой «цуйкой», которой он собирался их угостить. Особо важным ее достоинством была ее исключительная крепость, — при соблюдении всех правил возгонки она могла превысить семьдесят градусов.

Завороженные его неумолкающим голосом они миновали поворот к ведущей вверх винтовой лестнице, прошли по застекленной галерее мимо запертого на ночь читального зала и оказались в тускло освещенном коридоре, о существовании которого Клара даже не подозревала. Де Витри дал идущему впереди румыну короткое указание по-французски, и тот резко свернул в другой темный коридор, пропахший чем-то съестными п рогорклым. Тут Клара не выдержала и спросила, куда, собственно, они идут.

Ивонн о чем-то посоветовалась с мужем по-французски, после чего по-английски ответила Кларе:

— К лифту. У моего мужа большое сердце, ему нельзя ходить по лестницам.

— Но мне сказали, что в библиотеке нет лифта, — усомнилась Клара, в ответ на что де Витри пояснил, с видимым усилием подбирая английские слова:

— Это не обычный лифт, а специальный подъемник для тех, кто не может идти вверх по лестнице.

Они продолжали углубляться в запутанный лабиринт коридоров, пока де Витри не остановился возле двусторонней двери, явно ожидая, что кто-нибудь ее откроет. Хотя Кларе приходилось по работе сталкиваться со множеством высокопоставленных людей, она ни у кого не встречала такой авторитарной манеры, как у Этьена де Витри. Поспешно подскочивший к нему отец Георгий распахнул обе створки двери в гулкую пустоту, откуда на них пахло сыростью. Ивонн щелкнула выключателем и осветила длинный сводчатый зал, из одного угла которого взмывала вверх крутая лестница, настолько узкая, что на ней не могли бы разойтись два человека, идущих друг другу навстречу.

Рядом с лестницей параллельно ей возносились вверх и исчезали в большом отверстии в потолке два наклонных рельса, в нижнем основании которых было укреплено кресло на шарнирах. Де Витри со сдержанной гримасой страдания опустился в это кресло и позволил Ивонн пристегнуть его ремнями, крест накрест переброшенными от одного подлокотника к другому. Проверив надежность ремней и пряжек, она включила рубильник на стене, и кресло со скрежетом поползло по рельсам вверх, сохраняя вертикальное положение при помощи какого-то хитроумного устройства. Де Витри закрыл глаза, явно избегая смотреть на неспешно увеличивающийся зазор между ним и полом, а Ивонн стала подниматься по лестнице, стараясь все время быть на одном уровне с мужем.

Отец Георгий вежливо простер перед Кларой короткопалую крестьянскую ладонь и галантно произнес:

— Дамы идут впереди.

— На случай, если там заминировано? — засмеялась Клара и двинулась вслед за Ивонн. Кресло с де Витри ползло наверх медленно, так что у отца Георгия было достаточно времени, чтобы по пути изложить Кларе хорошо известные у них в Румынии детали еврейско-масонского

заговора. Поскольку лестница была очень крутая, у Клары не хватило дыхания дать достойную отповедь этому примитивному идиоту, и потому, когда они, наконец, добрались до второго этажа, у нее пропала всякая охота попробовать его хваленную цуйку.

Однако из какого-то неуместного, впитанного ею с молоком матери чувства приличия она безропотно пошла по бесконечному извилистому коридору вслед за освободившимся от ремней де Витри. За одним из поворотов навстречу им выскочил из своей комнаты японец без пиджака, но в ловко завязанном модном галстуке поверх белой крахмальной сорочки. Увидев идущую по коридору веселую компанию, он спросил с чудовищным акцентом:

— Куда это вы все идете?

— Пробовать цуйку! — гордо сообщил ему румын.

Японец застыл в недоумении. Даже невооруженным глазом было видно, как его внутренний компьютер ищет в своем словаре слово «цуйка» и не находит. Он так бы и стоял посреди коридора, загораживая им дорогу, если бы Ивонн не догадалась объяснить ему, что «цуйка» — это крепкий алкогольный напиток, созданный румынской православной церковью. Очарованный этой оригинальной комбинацией, японец робко попросил разрешения к ним присоединиться.

В перетасовке, происшедшей в результате присоединения японца, Клара умудрилась оказаться замыкающей их маленького дружного строя. Петляя в хвосте этой разноязыкой процессии, она вдруг увидела себя со стороны и ужаснулась. Кто эти люди? Зачем она согласилась с ними идти? Куда они хотят ее заманить?

Не найдя ответа на эти вопросы, она круто развернулась и стремительно зашагала в противоположную сторону. Завернув за первый поворот коридора, она услышала за спиной настойчивый тенор отца Георгия, призывающий ее вернуться, и ускорила шаг, опасаясь погони.

ЧАСТЬ IV

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

УРИ

Первый прокол в затее с ключом от аннекса обнаружился через полчаса после обеда. Как только Лу, благополучно зарегистрировав ключ у Брайана, отправилась с ним в аннекс, Джерри Хиггинс перехватил Ури на лестничной площадке второго яруса. Лицо у Джерри было хмурое и, Ури на миг взбрело в голову, что тот сейчас устроит ему сцену по поводу его ночного визита к Лу. Но, как оказалось, Джерри вовсе не интересовали амурные похождения его названной супруги.

— Вы когда-нибудь пробовали вынести ключ от аннекса из читального зала? — спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил, — И хорошо, что не пробовали, а то бы вас немедленно засекли.

— То-есть, как это — засекли?

— Очень просто. В ключ впаён микромагнит, который наводит ток в звонке, висящем на двери. Звонок, естественно, звонит, и притом очень громко, — знаете, как в универсальном магазине, если вы пытаетесь что-нибудь украсть.

— Любой ключ? — не поверил Ури. — Ведь я в первый же день выходил из зала с ключом Брайана в кармане.

— Возможно, для личного ключа Брайана они сделали исключение, — отмахнулся от его соображений Джерри.

— Но нам-то нужно вынести ординарный ключ Лу.

— А зачем его выносить? — сообразил вдруг Ури. — Пусть Лу перед уходом отдаст его мне.

— А вы что, сменяете его на ключ Брайана?

— Зачем так сложно? Я просто спрячу его среди книг и вытащу оттуда, только когда придет время.

— Чудно! — обрадовался Джерри. — У вас головка идееноситель!

— Стараюсь, как могу, заслужить расположение начальства, — спаясничал Ури, которому уже надоел пронзительный шепот Джерри, обращающий на себя недовольство других погрешных в книжную премудрость читателей. Джерри, наконец, тоже заметил внимание окружающих и заторопился.

— Пожалуй, будет лучше, если Лу не станет передавать вам ключ лично, — направляясь вниз, решил он. — Я перед чаем пойду, возьму у нее ключи встречу с вами у стенда древних карт.

Спрятать ключ, казалось, было нетрудно. Ури загодя отыскал на одной из полок многостраничную, оплетенную кожей глыбу, посвященную итальянской церковной мозаике, между переплетом и корешком которой зиял отличный трубообразный зазор. Как добротнo в старину переплетали книги — в современную книгу ничего бы спрятать не удалось. Оставался совсем пустяк — сунуть в этот зазор ключ и положить раскрытую наугад историю мозаики на свой рабочий стол, набросавши сверху два-три других красочных издания. Мешал только сосед по столу.

Стол Ури выбрал себе тоже загодя — на самом верхнем ярусе, в самом конце. Однако занять этот удобный стол ему, к сожалению, не удалось, его захватил прилежный японец, который уже сидел там, когда Ури одним духом взлетел по крутой лестенке наверх в надежде, что там никого нет. Видно было, что работающий японец расположился здесь надолго. Его до блеска начищенные туфли стояли под столом, его отутюженный пиджак аккуратно висел на спинке стула, а сам японец, в войлочных тапочках, которые никак не вязались с его пестрым модным галстуком и белой крахмальной сорочкой, сидел, отгородясь от мира многоцветными стопками книг, и с пулеметной скоростью строчил на портативном компьютере.

Все дело было в том, что Ури попал в читальный зал не сразу после завтрака, а лишь после того, как отнес к себе в комнату злополучные мокрые туфли, подобранные ночью Брайаном в коридоре третьего этажа. Бедняга был так смущен, отдавая ему туфли, что Ури не решился спросить его, как он догадался, чьи они. А надо было бы спросить хотя бы для того, чтобы дать Брайану возможность похвастаться своими способностями исследователя. Тогда тот, возможно, не был бы так раздражен и не стал бы морочить Ури голову из-за Клары. Господи, что он там такое о ней шлеп?

Пока Ури наталкивал в туфли скомканную газету, утащенную для этой цели с газетного стенда у входа в трапезную, а потом устраивал их на подоконнике для просушки, он перебирал в уме свой разговор с Брайаном о Кларе. Похоже, Брайан всерьез заподозрил, что Ури ночью тайком побывал в ее комнате — известно зачем, одного взгляда на старушку-Клару было достаточно, чтобы это сообразить. «Ай да мамка, ай да молодец!» — злорадно хихикнул

он, вспомнив разоблачительную тираду Брайана насчет ее возраста. Ну, а пока он там хихикал, японец успел захватить заранее облюбованное им место.

И мало того, что место занял и туфли снял, так он еще, мерзавец, не отрываясь от своего компьютера, краем глаза все время следил за Ури. Так, во всяком случае, Ури показалось. И поэтому он никак не мог улучшить момент, чтобы спрятать ключ от аннекса в корешок книги о церковной мозаике — стоило ему сунуть руку в карман, как он ловил на себе скользящий взгляд раскосых глаз, прикрытых дымчатыми стеклами очков.

Когда зазвонил колокольчик, приглашающий к чаю, японец и не подумал подняться из-за стола. Он, казалось, вовсе не слышал звонка, и его смуглые пальцы все с той же нечеловеческой скоростью порхали по клавиатуре компьютера. Ури ничего не оставалось, кроме как пересидеть его, — все равно он не мог бы выйти из читальни с ключом в кармане.

Прошло десять минут, которые показались Ури вечностью, у него даже мелькнула мысль, что японец просто решил его пересидеть. Он уже почти готов был напомнить этому косоглазому долбоеду, что чаепитие длится всего полчаса, как тот вдруг пружинистым движением сбросил тапочки, сунул ноги в туфли и, натягивая по пути пиджак, почти бегом рванул к лестнице. На бегу он умудрился задать Ури какой-то вопрос, но акцент у него был такой замысловатый, что Ури не понял ни слова и на всякий случай ответил «Нет».

Дождавшись из осторожности, пока шаги японца затихнут внизу и хлопнет дверь читальни, Ури поспешно сунул ключ в корешок книги, все время прислушиваясь, не крадется ли хитрый японец обратно. Но опасения его были напрасны. В читальне было тихо и пусто, так что можно было прикрыть историю церковных мозаик историей церковных витражей и идти пить чай.

Народу в гостиной было полно, хоть там, как и следовало ожидать, не было ни матери, ни Лу. За одним из угловых столиков Джерри Хиггинс развлекал странного человека с бородой, одетого в маскарадный костюм из венской оперетты. У камина, как обычно, весело щебетали американские дамы, а у рояля пристроились Ян и Брайан, которые водили пальцами по разложенной на его крышке пестрой карте. Они были так поглощены разглядыванием

этой карты, что не обратили никакого внимания на подошедшего к ним Ури. Только Джерри заметил его появление и бросил ему украдкой вопросительный взгляд, на который Ури ответил коротким жестом двух растопыренных пальцев, обозначающим победу.

Джерри с облегчением откинулся на спинку дивана и сосредоточился на пронзительном теноре своего собеседника. Прислушавшись, Ури понял, что ошибся — не Джерри развлекал владельца маскарадного костюма, а тот развлекал Джерри.

— Не понимаю я вас, евреев, — пророческим тоном произносил этот напористый бородатый парень в вышитой жилетке. — Все у вас есть, весь мир вам принадлежит, а вы только и знаете, что грызетесь промеж собой.

— С чего вы взяли, что я еврей? — не соглашался Джерри, даже не пытаясь спорить с владельцем жилетки по существу.

«Интересно, этот шут гороховый тоже человек Меира?» — мельком подумал Ури без особого, впрочем, интереса и переключил свое внимание на расстеленную на рояле карту. Она представляла собой обширное зеленое поле, негусто пересеченное реками и дорогами. По полю были разбросаны маленькие группки домиков с красными крышами, под которыми черными буквами были выведены явно французскиеназвания: Линьи, Монт Сан-Жан, Намюр, Катр-Бра.

— Вы что, собираетесь в туристскую поездку? — спросил Ури Брайана, увлечено следящего за длинным пальцем Яна, который попеременно пробегал по черным стрелкам, сходящимся с разных сторон к одной точке в левом верхнем углу зеленого поля. Проводя пальцем по очередной стрелке, Ян произносил названия каких-то воинских частей, вроде «первый британский батальон легкой кавалерии», «второй британский батальон легкой кавалерии», «седьмой бельгийский драгунский полк», «пехотный корпус генерала Груши». Когда до него дошел смысл вопроса Ури, палец его на миг замер на ломаной линии, обозначенной словами «старая римская дорога» и он ответил, не поворачивая головы:

— Нет, мы готовимся принять участие в битве при Ватерлоо.

«Какая, к чертовой матери, битва?» — озадачился Ури, и ему смутно припомнилось что-то из вчерашнего дня. Что

это было? Ну да, мать, — она подсела к нему на подоконник и, словно извиняясь за что-то, он тогда еще не понял, за что, заговорила с ним по-немецки. А в окне за ее спиной вдруг возникла Лу с большим плакатом в руке, шагнула на подоконник и, наступая ему на пальцы, звонко выкрикнула:

— «...состоится битва при Ватерлоо!»

В суете и тревогах прошедших суток он начисто об этом забыл, но, сейчас вспомнил и любопытствовал:

— А кем вы будете, французами или англичанами?

— Мы будем болельщиками, — откликнулся Брайан. — Но для интереса я буду болеть за пруссаков, а Ян за англичан.

— Значит, мне придется болеть за французов, — произнес за спиной Ури голос миссис Муррей. Он прозвучал так непривычно весело, что Ури быстро обернулся и невольно залобовался выразительной одухотворенностью ее лица, которая скорей всего происходила от ее исключительной худобы. Сегодня старая дама не сидела в своем уже ставшем привычным для Ури инвалидном кресле, а, облокотясь на большую кожаную подушку, полулежала на диване, сиреневая обивка которого создавала живописную гамму с ее седыми волосами и лиловым летним платьем.

— Почему за французов? — удивился Ури не столько ее словам, сколько ее новому, почти кокетливому облику.

— Ради справедливости, — охотно пояснила миссис Муррей. — Должен же кто-то и за них, за бедных, болеть.

— Не стоит их так жалеть, — вмешался Ян. — У них есть достаточно сторонников в здешних краях. Например, хозяин местного трактира вчера сознался, что он записался добровольцем во французский пехотный корпус маршала Нея.

— А куда еще ему идти, не в английские же войска! — одобрительно закивала миссис Муррей, отчего на шее ее в просвете между серебряными локонами и кружевным воротничком сверкнула на миг тоненькая золотая цепочка. — Ведь он, как я слышала, ирландец.

— О чем вы говорите? — наклонился к ней Ури, напряженно вспоминая при этом вчерашний рассказ Лу о брелке-карандашике, висящем на золотой цепочке на шее миссис Муррей. И спросил, не из любопытства, а просто так, чтобы что-нибудь сказать, пока в голове его прокручивались детали почти забытого вчерашнего разговора:

— Это что, будет настоящая битва?

— Не то, чтобы совсем настоящая, а как будто настоящая, — Брайан восторженно воздел к потолку свои детские ладошки. — Все будет, как у больших, только снаряды и патроны будут холостые. Но все остальное — мундиры, лошади, расположение войск, — все будет так, как было при Наполеоне. Со вчерашнего дня в парке, где будет происходить битва, идут репетиции, там уже построены декорации всех городков, окружавших Ватерлоо.

— Неужели вы этого не знаете? Где вы целый день болтались? — усомнился в искренности Ури Ян.

— В читальном зале, естественно. — Ури был рад в кои-то веки сказать правду.

— Кто ж сегодня сидит в читальном зале? — мягко попрекнула его миссис Муррей. — Ведь это великое событие для наших сонных мест! Жители всех окрестных деревень записались в разные рода войск разных воюющих армий. Их, конечно, не будет столько, сколько было участников реальной битвы, но кому-то удалось стать маршалом, кому-то генералом! И мне тоже повезло — в честь праздника меня раньше срока освободили от гипса и велели потихоньку начать ходить. Вот с этим орудием пытки.

Она указала рукой в угол, и Ури только сейчас заметил, что за спинкой дивана прячется инвалидный металлический ходунок на колесиках.

— Этот аппарат вполне хорош на ровном месте, но забраться в него так же сложно, как из него выбраться. Во всяком случае сначала, — пожаловалась старая дама, и Брайан немедленно понял намек:

— Помочь вам, миссис Муррей? — рванулся было он от рояля, но Ури опередил его. Одной рукой он проворно приподнял легкую, как перышко, миссис Муррей, а другой вывел ходунок из-за дивана и мягко опустил старуху в его металлические объятия.

— Боже, как вы нежно это сделали! — восхитилась она, — как жаль, что вас нельзя приписать ко мне до моего выздоровления.

— Сейчас я, во всяком случае, могу проводить вас, куда вам будет угодно, — вежливо улыбнулся Ури, привыкший к тому, что пожилые дамы всегда его обожали.

— Но я очень медленно ковыляю, — слабо запротестовала миссис Муррей, явно польщенная вниманием Ури.

— Ничего, я постараюсь приспособиться, — ответил он, радуясь предложению улизнуть без объяснений как от вопрошающего взгляда Брайана, так и от неустанно следящих за ним глаз его японского соседа, который с чашкой чая в руке занял наблюдательную позицию недалеко от выхода. Впрочем, может, у него просто открылась мания преследования, потому что с непривычки трудно было определить, куда смотрят сквозь матовые линзы очков узкие глаза японца.

Когда Ури, почтительно поддерживая миссис Муррей под локоть, медленно заскользил рядом с ней по гладкому какту паркета, он поймал на себе еще несколько любопытных взглядов. Не считая Джерри, который интересовался им по долгу службы, и его опереточного собеседника, нанего исподтишка поглядывал очкастый господин невысокого роста с чрезмерно одутловатыми щеками, как будто искусственно приклеенными к его довольно молодому лицу. Выглядел он именно «господином» — до «джентльмена» он не дотягивал, а за профессора он едва ли мог себя выдать, слишком уж был он зализан и тщательно одет.

Священником он тоже быть не мог по многим причинам, но, в основном, потому, что был он Ури знаком. Не лично, конечно, поскольку Ури не был вхож в те высокие сферы, где последние пару лет стремительно взлетала вверх служебная звезда этого господина, а по редким газетным фотографиям, которые, впрочем, с недавнего времени стали появляться все чаще. Его простая идишистская фамилия вертелась наязыке Ури, никак не вспоминаясь, и, поскольку куда благоразумнее было ее так и не припомнить, Ури предпочел припечатать его нейтральным именем Господин и под этим именем оставить в памяти до лучших дней, когда вся эта эпопея благополучно закончится.

Завершив свой черепаший марш через гостиную, Ури и миссис Муррей ускользнули, наконец, из-под обстрела любопытных взглядов и оказались в коридоре. Там силы оставили старую даму, и она взмолилась:

— Ули, миленький, я очень ценю ваше самопожертвование, но психологически мне будет легче, если дальше я потащусь одна.

— Но как я вас оставлю? А вдруг вы так ослабеете, что не сможете двигаться дальше? — запротестовал было Ури, но миссис Муррей остановила его властным жестом.

— Не волнуйтесь, голубчик, я как-нибудь справлюсь. А вы лучше сходите в контору и позвоните по внутреннему телефону моей сиделке, пусть она выйдет мне навстречу с креслом. Ее номер 39.

Подчинившись ее воле, Ури оставил ее ковылять в одиночестве и поспешил в контору к телефону, удивляясь собственной покладистости. Но удивлялся он напрасно — старая дама явно привыкла к тому, что окружающие безропотно выполняют ее капризы. Кто-то, кажется, Брайан, рассказывал, что миссис Муррей очень богата и многие ответственные лица в библиотеке весьма и весьма прислушиваются к ее мнению, потому что так завещал ее покойный супруг, подкрепив свое пожелание огромной благотворительной суммой на покупку каких-то баснословно дорогих рукописей. И в свете щедрого дара мистера Муррея становилась убедительной цепочка с магическим брелоком, открывающим для избранных дверь в волшебную пещеру Аладина.

Ури позвонил сиделке, пообещавшей немедленно примчаться с креслом, и, изображая беспокойство, вернулся к миссис Муррей. Что было как нельзя кстати, так как старая дама уже почти изнемогла от своих героических усилий, хотя продолжала, почти не сдвигаясь с места, упорно толкать вперед вышедший из повиновения ходунок. Заслышав приближающиеся шаги Ури, она подняла на него такие измученные глаза, что он, не задавая лишних вопросов, подхватил ее птичье тельце на руки и понес к садовой скамейке, стоящей в нише одного из французских окон галереи.

— Отнести вас в вашу комнату? — любезно предложил он, искренне жалея старуху, которая со стоном легла плашмя на жесткое решетчатое сиденье скамейки.

— Нет, нет, что вы, я не хочу вас утруждать, — прошептала она, с усилием лова воздух посиневшими губами. — Ведь это далеко, я живу не здесь, а в директорском крыле. Так что я лучше дождусь сиделку с креслом.

Необходимо было подложить ей что-то под голову, чтобы ей легче дышалось, но оглядевшись вокруг, Ури не увидел ничего, что могло бы сойти за подушку. Тогда он сорвал с плеча свою неразлучную рабочую сумку и, осторожным движением приподняв голову старой дамы, постарался устроить ее поудобней на шершавой парусиновой поверх-

ности. При этом большим и средним пальцем он нащупал у нее на шее тонкую цепочку, уходящую куда-то под ворот платья. Как ему показалось, замочка на ней не было.

— Вам трудно дышать, — пробормотал он сочувственно. — Давайте я расстегну вам воротник.

И поспешил поскорей, пока не появилась сиделка, расстегнуть верхние пуговицы ее лилового платья, обнажая обтянутые морщинистой кожей ключицы, в ложбинке одной из которых болтался на цепочке точно такой же, как у него, брелок. Сомнений не оставалось: у миссис Муррей был собственный, неизвестный Меиру, ключ от тайного входа в хранилище! Тем временем, откуда-то из дальнего коридора прибежала немолодая испуганная монахиня, толкая перед собой кресло на колесиках, и, суетливо причитая, захопотала вокруг старой дамы. Она вызвала наподмогу двух смешливых кухонных девушек, и они подняли такой птичий базар, что Ури, почувствовал себя лишним и предпочел убраться прочь, унося с собой благодарную улыбку миссис Муррей и тревожную мысль о втором ключе.

Прямой опасности в этом, собственно, не было, и Ури решил не предпринимать ничего самовольно, а просто поскорей сообщить об этом Меиру. Следовало сделать это сегодня же до ужина, а времени уже почти не оставалось, ведь нужно было еще подготовиться к ночной операции. Ури торопливо описал свою находку и с письмом в кармане побежал на почту, где открыл стеной ящик номер 19 маленьким ключиком, который дал ему накануне Меир. Английские почтовые ящики отличались от немецких так же, как их краны и телефоны-автоматы, — они были неудобны в употреблении. Узкие и длинные, они напоминали школьные пеналы, и Ури сперва показалось чудом, что отправленная Меиром коробка с инструментами туда влезла. Однако, присмотревшись, он заметил, что на коробке нет никакого адреса, и понял, что Меир сам положил ее в ящик.

«Значит, он где-то поблизости. Может быть, даже и сейчас он наблюдает за мной», — подумал Ури, оставляя в ящике свое письмо. Можно было бы, конечно, это предположение проверить, затаившись на часик где-нибудь за углом, но не стоило пропускать ужин ради сведения ребяческих счетов с Меиром.

Ури вернулся к себе в комнату и аккуратно переложил в свою рабочую сумку все содержимое коробки — фонарик, отвертки, прибор для обнаружения микрофонов. В оставшийся пустым угол сумки поместился кушленный по дороге на почту бутерброд с яйцом, а поверх всего ему удалось втиснуть копии избранных страниц из красной тетради. Он был уверен, что ночью ему предстоит довольно долго просидеть без дела в запертом читальном зале, так что у него будет отличная возможность расшифровать еще какую-то часть дневника Гюнтера фон Корфа.

Он не захотел оставлять у себя в комнате пустую коробку, а сбежал на улицу и сунул ее в мусорный бачок ближайшей бакалейной лавочки. Несмотря на всю эту суету он все-таки успел до ужина провести полчаса за своим рабочим столом в читальне. Главным образом для того, чтобы убедиться, что ключ от аннекса на месте. Но неотступный японец не дал ему это сделать. Он, конечно, сидел за своим столом в тапочках и без пиджака, надежный, как шуруп, ввинченный в доску, и, продолжая без перерыва строчить на компьютере, все время искоса следил за Ури. Поэтому Ури не стал заглядывать за корешок истории мозаик, а, притворясь, что он листает ее в поисках какой-то страницы, попытался нащупать ключ сквозь кожу корешка. Кожа на корешке оказалась слишком толстой и прощупать ничего не удалось, и Ури отправился на ужин, не до конца уверенный, что все в порядке.

Оглядев перед ужином втекающую в трапезную толпу, Ури протиснулся вперед, бесцеремонно оттеснив французскую чету и важного Господина с отвислыми щечками, чтобы успеть занять место рядом с Джерри. Он сделал это не столько, чтобы избежать обычных вечерних бесед, предполагающих дальнейшее светское общение после рабочего дня, сколько потому, что у него появились новые соображения в противовес заранее составленному Меиром плану. Он считал, что Джерри куда благоразумней не исчезать после ужина, а остаться ночевать в библиотеке — на случай, если встревоженный сумятицей последних событий Брайан вздумает ночью проверить, спит Ури у себя в комнате или нет. Сердце почему-то подсказывало Ури, что возможность такой проверки не исключена. После истории с туфлями во всем облике маленького библиотекаря появилось что-то пугающе патетическое. А если Брайан обнаружит, что Ури

в комнате нет, то лучше всего дать ему повод сопоставить это с таинственным исчезновением ветреной Лу Хиггинс, а не с ключом от аннекса, который она позабыла вернуть.

Хотя Джерри, размечтавшийся уже было, как он разгуляется в этот вечер на полученные им казенные деньги, был разочарован, он вынужден был признать разумность доводов Ури.

— И откуда ты на мою голову взялся такой шустрый? — пожаловался он, со вздохом соглашаясь провести этот вечер, как и все прошлые, в гостиной за чашкой чая. — Мало того, что я терпеть не могу пить чай по вечерам, мне еще придется сочинить приемлемую версию легенды о том, куда девалась моя жена. Ведь все будут приставать с вопросами.

— А ты подумай, как бы ты нервничал, если бы она и впрямь была твоя жена, — убедившись, что их никто не подслушивает, утешил его Ури на прощанье и поспешил в читальный зал.

До закрытия читальни оставалось полтора часа, и затененные абажурами лампы были зажжены лишь на нескольких столах, рассеянных на разных ее ярусах. Но трудолюбивый японец в войлочных тапочках по-прежнему неустанно перебирал клавиши своего верного компьютера. У Ури даже возникло подозрение, что он ни разу за весь день не сходил в туалет пописать, и он с трудом удержался, чтобы не заглянуть через плечо японца на экран компьютера. Очень уж хотелось проверить, пишет тот что-нибудь или только притворяется.

Первоначальный план Ури был прост: перед самым закрытием, когда в читальном зале почти никого не останется, погасить свою лампу и затаиться наверху, пока дежурный библиотекарь не запрет дверь снаружи. Но за полчаса до закрытия он окончательно понял, что пересидеть японца ему не удастся. Нужно было срочно придумать что-то другое. Менять стол было уже поздно, да и бесполезно — ведь любая зажженная лампа была хорошо видна со стратегического пункта дотошного японца.

И Ури решил разыграть спектакль ухода. За четверть часа до закрытия зала, он поднялся с места и, громко шурша страницами, начал старательно закрывать свои книги и складывать их в аккуратные стопки на краю стола, даже не пытаясь извлечь спрятанный в корешке ключ.

Покончив с книгами, он вежливо пожелал японцу спокойной ночи и громко топая, благо, кроме японца, библиотекаря и двух пожилых дам на третьем ярусе в зале никого уже не было, — сбежал вниз. Внизу он быстрым шагом подошел к двери, резко отворил ее и со стуком затворил, оставшись при этом в зале. Затаившись в полутьме возле двери, Ури осторожно огляделся, обдумывая, куда бы ему теперь спрятаться.

Никакого удобного закоулка вблизи от двери не было, но Ури вспомнил, что слева между шкафами начиналась одна из винтовых лестниц, ведущих на верхние ярусы. Мягко ступая, он неслышно проскользнул на нижнюю ступеньку лестницы, тускло освещенной редкими цветными фонариками.

Теперь нужно было добраться до первого яруса, прежде чем библиотекарь в знак окончания рабочего дня включит верхнюю люстру, чтобы через минуту выключить ее и уйти. Ури уже почти достиг первой площадки, как где-то над головой, совсем близко, послышался громкий топот бегущих вниз ног, многократно усиленный волноводом поллой лестничной трубы. «Японец!» — сообразил Ури и, мощным рывком выскочил на первый ярус, упал на пол и покатился к одной из рабочих ниш, где затаился в зазоре между столом и стулом. Как раз вовремя, — на лестничной площадке на миг сверкнула очками тень японца и устремилась вниз к выходу. И в ту же секунду под потолком ослепительно-ярко вспыхнул свет в люстре и зазвучал птичий щебет сходящих вниз по лестнице запоздалых читателей. Через бесконечно долгую минуту гулко хлопнула дверь, голоса замолкли и свет погас. Еще через секунду опять, но потише, хлопнула дверь, закрытая привычной хозяйской рукой, и в наступившей тишине стало слышно, как в замке повернулся ключ.

«Замуровали!» — подумал Ури, чувствуя, как внезапно стиснулось сердце, то ли опасаясь неведомого, то ли возбуждаясь охотничьим азартом. Пару минут он полежал тихо, прислушиваясь к неясным шорохам и вздохам, заполнившим пронизанное таинственными токами пространство между рабочими ярусами и книжными шкафами. Можно было подумать, что незримые души книг, весь день заточенные между створками переплетов, вырвавшись, наконец, на свободу, безмолвно порхают в абсолютной тьме, окутавшей безлюд-

ный зал. Ури даже невольно плотнее прильнул к полу, представив себе, что одна из этих душ, нечаянно наткнувшись на него во мраке, завоет от неожиданности, как сирена тревоги.

Через несколько мгновений шорохи смолкли и в зале воцарилась настоящая тишина, — может быть, это перестук сердца Ури, постепенно возвращаясь к нормальному ритму, перестал отдаваться в его ушах барабанным боем. Убедившись в своем полном одиночестве, Ури нашарил в сумке фонарик и распорол темноту острым лезвием его луча. Ступая как можно мягче, он поднялся на верхний ярус, вытащил из стопки книг историю мозаик и с облегчением вытряхнул ключ из-под корешка, — ему все-таки удалось перехитрить японца.

С ключом в руке и с сумкой через плечо он сбежал вниз и открыл дверь в аннекс, который был так отдален и отделен от жилых помещений, что там можно было двигаться свободно, не боясь привлечь шумом чье-нибудь досужее внимание. Работа предстояла в основном техническая, ее можно было бы даже назвать скучной, но все равно ее надо было сделать.

Зажечь свет Ури не решился, хоть затянутые морозными стеклами окна аннекса выходили на кладбище, где вряд ли кто-нибудь бродил в такой поздний час. Он осветил фонариком полки, нашел нужную и, сняв с шеи цепочку с брелоком, быстрым движением сунул его в крошечную дырочку на скрытой под нижним плинтусом панели. Полка бесшумно заскользила влево, обнажая затаившийся за ней узкий коридорчик, окаймленный рядами старинных томов.

Тем же брелоком он привел в действие механическую систему в торцовой стене коридорчика и, откатив вбок маскировочную книжную полку, открыл вход в хранилище древних рукописей. Ури посветил фонариком себе под ноги, — сразу за крохотным квадратом паркета начиналась гранитная лестница, полого уходящая в темную глубину. Нашупав на стене выключатель, Ури включил свет и заглянул вниз, — всеобразно расходясь от невидимого центра, ступени дугой убегали куда-то влево.

Хоть Ури не хотелось отрезать себя от мира, он все же решил, что прежде, чем начать спускаться под землю, лучше закрыть за собой секретный зазор между полками, на случай, если кого-нибудь среди ночи принесет в аннекс

нелегкая. Конечно, при запертом читальном зале это казалось маловероятным, однако в сегодняшней атмосфере напряженной слежки всех за всеми всякое могло случиться.

Ступеней оказалось немного, не больше двух десятков. Они вели в короткий коридор, завершающийся еще одной дверью, из-за которой доносился нестройный гул голосов. Значит, совещание еще не кончилось, напрасно Ури так торопился. Закинув голову, он осмотрел дверь. В верхнюю ее плату была вправлена отлично видная из темноты сеточка вентиляционной решетки, сквозь которую звуки из хранилища свободно проникали в коридор. Об этом, пожалуй, нужно было поскорей сообщить Меиру.

Голоса за дверью на миг взлетели на октаву выше и тут же опали почти до шепота, словно говорящих внезапно отключили от источника энергии. Ури глянул на часы и чуть было не присвистнул, но вовремя спохватился, что они там могут слышать его так же хорошо, как он их. Была уже половина одиннадцатого, а они и не думали кончать. «Всюночь они собираются там сидеть, что ли?» — подумал он и прислушался.

Разобрать отдельные слова было трудно, но, судя по общей тональности, собеседники за дверью были весьма далеки от соглашения и взаимопонимания. Можно было подумывать, что там, за дверью, заклинилась граммофонная пластинка, — негромкий, но пронзительный тенор, снова и снова монотонно произносил какую-то короткую фразу, как показалось Ури, одну и ту же, на которую всякий раз в том же ключе, совсем как в оперном дуэте, откликалось сопрано матери, но не привычно переливчатое и флиртующее, а незнакомое, непреклонно официальное. Эта заунывная музыкальная тема напомнила Ури комическую сценку, некогда сочиненную им, чтобы дразнить мать, которая детства заставляла его ходить с нею в оперу. Сценка представляла собой переключку двух преследуемых врагами любовников, которые многократно повторяли одни и те же слова:

Он: «Бежим, бежим, враги нас настигают!»

Она: «Бежим скорей, уже погоня близко!»

Он: «Бежим, бежим, враги нас настигают!»

Она: «Бежим скорей, уже погоня близко!»

И так без конца, не трогаясь с места, пока, наконец, голос Клары не произнес резко и окончательно:

— Вы как хотите, но мой рабочий день на сегодня окончен. Мы продолжим это продуктивное обсуждение завтра утром.

— Как вам будет угодно, мадам, — неожиданно любезно пропел тенор, после чего они в полном молчании так долго шелестели бумагами и хлопали какими-то дверцами, что Ури потерял всякую надежду от них избавиться.

Когда они в конце концов все же ушли, Ури не решился сразу войти в хранилище, а подождал в коридоре еще минут пять, опасаясь, что они что-нибудь забыли и могут вернуться. Убедившись, что в зале тихо, он отпер дверь все тем же заветным брелоком-карандашиком, чуть-чуть приотворил ее и осторожно заглянул в щель. Его глазам открылся низкий, тускло освещенный зал, наполненный неясно откуда доносящимся пульсирующим шорохом — словно какое-то чудовище, затаившись в одном из углов, не в силах было сдержать рвущееся из груди дыхание... Ури на миг застыл в замешательстве, но тут же понял, что это работает термостат, поддерживающий в хранилище постоянную влажность и температуру.

Две стены зала были заняты широкими полками, на которых рядами стояли застекленные ящики с пергаментными свитками разных размеров, вдоль двух других высились открытые шкафы, заполненные вертикально стоящими картонными футлярами. Ури наугад открыл один — внутри лежала аккуратно переплетенная пачка хрупких, потемневших от времени листов.

Значит, так выглядят столь тщательно хранимые древние рукописи. Интересно было бы разобраться, какая разница между теми, что в свитках, и теми, что на листочках, но сегодня у Ури была совсем другая задача.

Первым делом он зажег свет в большом матовом плафоне под потолком и огляделся. Практичней всего было бы начать с расположенных в центре зала столов, оснащенных разнообразными хитроумными приспособлениями для работы с рукописями. К удивлению Ури, полированные крышки столов пустынно сверкали девственной чистотой — на них не было ни листка, ни блокнота, ни даже шариковой ручки. Если бы Ури сам только что не слышал голоса из-за двери, он бы даже не заподозрил, что совсем недавно тут закончилось многочасовое совещание.

Он довольно быстро закончил проверку столов со всем их содержимым, затем простучал деревянную лестницу, спускающуюся в зал от выхода в часовню, и прослушал ее на наличие микрофонов. Все было чисто и можно было приступить к проверке полок. Эта задача была посложней: нужно было прослушать электронным прибором все: и углы шкафов высоко под потолком, и карнизы под шкафами, и картонные футляры в шкафах, и застекленные ящики на полках. Ури не мог бы сказать точно, сколько времени он ползал на животе, сколько раз он снимал с полок и возвращал обратно тяжелые ящики, сколько раз он взбирался по стремянке наверх и соскакивал вниз с очередным футляром в руках. Но все его тело ныло от напряжения, когда он, наконец, поставил на место стремянку и принялся складывать инструменты в сумку.

Укладывал он их не слишком старательно — ведь ему предстояло еще осмотреть ведущий в аннекс коридор, но тут ему под руку попался забытый им бутерброд, и вдруг страшно захотелось есть. Он начал было разворачивать оберточную бумагу, чтобы наспех откусить кусочек безвкусного английского хлеба с размокшим от помидор яйцом, как внезапно сверху раздался звук отворяемой двери и голос Брайана сказал:

— Осторожно, здесь крутые ступеньки.

Ури замер с бутербродом в руке. Затем, быстро оценив ситуацию, неслышно закрыл сумку и в два мягких прыжка достиг двери в коридор, которая, к счастью, находилась под лестницей, и была не видна сверху, с площадки, выводящей в часовню. Пока Брайан не спеша сходил по ступенькам вниз, по всей видимости, предоставляя своему спутнику возможность осмотреть хранилище сверху, Ури успел не только выскользнуть из зала, но и выяснить, кто же был этот спутник. Осторожно прикрывая за собой дверь, он услышал, как голос Яна спросил:

— Здесь что, всегда горит такой яркий свет?

Закрытая дверь не помешала ему слышать ответ Брайана:

— Нет, обычно по ночам горят только охранные лампы дневного света, а верхний плафон должен погасить тот, кто уходит последним.

И вдруг выпалил единым духом, так что Ури прямо-таки увидел сквозь дверь обиженную складку его по-детски припухлого рта:

— Бьюсь об заклад, что сегодня последней здесь была иерусалимская красотка Клара.

— Брайан, за что такая немилость? — расхохотался Ян.

— Никакая не немилость. Просто мне кажется, что мысли этой прекрасной дамы заняты решением каких-то личных, весьма далеких от науки проблем.

— Вы что, умеете читать не только старые тексты, но и мысли молодых дам?

— Не такая уж она молодая, — буркнул Брайан и Ури невольно пожалел мать, предвидя, как Брайан сейчас и Яна начнет уверять, что Клара годится ему в матери. Однако Ян не позволил ему перевести разговор на Клару.

— Брайан, голубчик, — сказал он мягко, почти вкрадчиво, — разве вы не предупредили меня, что мы можем провести в этом подземном святилище не более пятнадцати минут?

Ури с облегчением подумал, что пятнадцать минут это ничего, пятнадцать минут он, пожалуй, может простоять в темном коридоре, но уж никак не больше.

— Да, да, пятнадцать минут это крайний срок! — спохватился Брайан. — Ведь если кто-нибудь узнает, что я привел вас сюда во внеурочное время...

— ... так вас выгонят в три шеи. Знаю, знаю, вы мне это уже сто раз повторили, — перебил его Ян. — Зачем же мы тогда тратим драгоценное время на обсуждение недостатков какой-то не имеющей отношения к делу прекрасной дамы?

— Сам не знаю, как это получилось, — застеснялся Брайан и вспомнил. — Ведь это вы меня втравили, вы спросили, кто мог оставить тут свет.

— Бог с ним, со светом, — отмахнулся Ян. — Покажите мне уже, наконец, это восьмое чудо света. Ведь меня тоже могут выгнать в три шеи, если кто-нибудь узнает, что я тут ни разу не побывал.

— Знаю, знаю, вы это тоже сто раз повторили, — не удержался от упрека Брайан, в ответ на что Ян опять засмеялся и сказал:

— Так что же вы тянете, если вы уже сто раз слышали, что меня могут выгнать?

Тут Брайан невнятно залопотал, что он постарается добыть для Яна внеочередной пропуск в хранилище на всю будущую неделю, а Ян отверг это предложение, приведя свой любимый довод, что он из Чехословакии и потому никаких будущих недель у него нет и быть не может. Но Брайан продолжал настаивать, что он все уладит и выхлопочет для Яна не только пропуск, но и специальную стипендию, которая обеспечит Яну недельное пребывание в библиотеке. В конце концов Ян прервал его лепет и твердо объявил:

— Ладно, мы посмотрим, что будет потом, а сейчас я хочу посмотреть на ваши хваленые рукописи.

И решительно затопал куда-то в глубину зала, а Брайан торопливо засеменял ему вслед. Теперь их голоса звучали уже не так явственно, но это было неважно, потому что говорил в основном Брайан. Он похвалялся рекордными достижениями местных реставраторов и архивариусов, для чего, судя по долетающим сквозь дверь звукам, снимал с полок особо выдающиеся экземпляры и с гордостью демонстрировал их Яну. А Ян, похоже, действительно знал в этом деле толк, — так, во всяком случае, показалось Ури по обрывкам долетающих до него вопросов, сути которых он, впрочем, не мог по-настоящему уловить.

Потеряв интерес к их беседе, Ури опустился на холодный каменный пол и вспомнил про свой бутерброд. Стараясь не шуршать бумагой, он развернул его и с наслаждением впился зубами в его пропахшую раздавленными помидорами мякоть. На миг перед глазами возникло видение дымящейся тарелки с овсянкой, которую ему не суждено завтра получить, и он, смирившись, начал было откусывать второй кусок бутерброда, как вдруг голос Яна произнес прямо у него над ухом:

— А куда ведет эта дверь?

Непрожеванный кусок застрял в горле Ури, — как это он прозевал момент, когда они закончили свою экскурсию и двинулись к выходу? Он скорее почувствовал, чем услышал, как рука Яна легла на ручку двери, а ведь Ури, выскальзывая в коридор, не успел ее запереть. Загнав за щеку склизкий комок хлебного мякиша, он проворно повернулся к двери спиной и, прижавшись к ней изо всех сил, уперся ногами в пол. Дверь чуть качнулась, но не поддавалась.

— Тут когда-то был вход в хранилище, до того, как построили новый, через часовню, — голос Брайана долетел откуда-то сверху, вероятно он был уже у выхода. — Что вы там застряли, нам пора!

Рука Яна отпустила ручку, и он спросил, уже поднимаясь по лестнице:

— А куда же она ведет, на кладбище, что ли?

Брайан ответил не сразу, слышно было, что он возится с замком:

— Да нет, в аннекс. Вернее, она вела в аннекс, а теперь там все перекрыли, так что она не ведет никуда.

КЛАРА

Все было не так, все было неудобно — кровать слишком твердая, подушка слишком плоская, одеяло слишком теплое. Она то и дело обливалась потом. Несмотря на свинцовую усталость Клара металась на узкой монастырской койке, не находя удобной позы для сна, ажурная ночная сорочка, купленная в Лондоне за безумные деньги специально для Яна, прилипла к ее влажному телу. А сон все не шел и не шел. Но все же, в конце концов, она, наверно, задремала, потому что не слышала, как Ян вошел в комнату и сел на пол возле кровати. Она только почувствовала внезапный электрический толчок, когда его теплые губы прильнули к ямочке в сгибе ее локтя и начали мучительно медленно подниматься вверх, к плечу и шее. В этот миг невыносимое напряжение, сковывавшее ее тело весь этот ужасный день, отпустило ее, она притянула его к себе и прошептала:

— Наконец-то! Я уже перестала надеяться, что ты придешь!

УРИ

Закрыв за собой все попутные двери, Ури посветил вокруг фонариком — в аннексе было холодно и пусто. Ури хотел уже закрыть зазор между полками, скрывающий вход в хранилище, как вдруг ему вспомнился тот первый раз, когда он неосторожно открыл его, не заметив преподобного Харви, при-

ютившегося в соседнем зазоре. С тех пор прошло всего несколько дней, но напор событий в эти дни был так велик, что память о том случае почти стерлась. Однако сейчас Ури ясно вспомнил красивый том с золотым обрезом, который старик утащил с полки, отчаянно сопротивляясь попытке Ури вытеснить его обратно в аннекс. Куда он с тех пор делся? Хорошо было бы вернуть его обратно на полку, — ведь именно в борьбе за этот том нордических саг застиг их тогда Ян.

Том должен был быть где-то поблизости, так как выносить книги из аннекса было строго запрещено. Светя себе фонариком, Ури бегло оглядел рабочие столы с наваленными на них кипами книг и довольно быстро обнаружил знакомый позолоченный корешок, извлек нордические саги с чьего-то стола. Жаль, что нет ни сил, ни времени не то чтобы почитать, но хоть полистать эти древние сказки, которыми так увлекается бедняга Брайан.

Ури положил книгу на ее законное место, точно обозначенное регистрационным номером, и с облегчением сдвинул полку. Теперь ничто не мешало ему подняться в читальный зал, где не было окон, а значит можно было сесть за стол, спокойно зажечь настольную лампу и почитать дневник Карла. Раздобыть бы еще чашечку-другую горячего кофе, чтобы прогнать сон, и наступившее состояние можно было бы назвать блаженством. Ури вынул из сумки скопированные странички дневника и нашел ту, на которой остановился в прошлый раз. Когда это было — месяц назад или даже год? На миг перед глазами замелькали образы этих насыщенных событиями суток, среди которых особенно обжигали два: острые соски Лу, агрессивно нацеленные на него из-под прозрачной черной сорочки, и седой затылок Яна, украдкой уходящего по темному коридору из комнаты матери. И оттого, и от другого на душе становилось неуютно и хотелось поскорей выключить назойливый экран памяти.

Но проклятый экран никак не выключался, так что надо было его чем-то заткнуть, ну хотя бы чтением дневника. «Вот и почитаем», — скомандовал себе Ури вслух и стал искать то место, на котором остановился. Это оказалось не так-то просто. За прошедшие дни он утерял столь чудесно обретенную им беглость чтения зашифрованного текста. И потому он начал где-то посреди страницы с абзаца, который уже читал раньше.

Еще один день.

Итак, они меня заполучили, черт бы их побрал! Не знаю, зачем я им понадобился — ведь я для них старик, все они моложе меня почти вдвое. О моем высоком положении в организации им наверняка ничего неизвестно, да и не все ли им равно? Однако они зачем-то остро жаждали вовлечь меня в свои игры, а я не поддавался, все сильнее разжигая этим их жажду. Почему я так упирался? Я думаю, дело в том, что они мне просто физически неприятны: они все как на подбор некрасивые и редко моются, причем девки не лучше парней. Мне трудно переносить их дурацкие ссоры, когда они в плохом настроении, но еще хуже, когда они в хорошем, — их бездарные шутки могут кого угодно свести с ума. Мне с ними скучно, я терпеть не могу пустых занятий, задача которых — как-нибудь убить время. Хотя, по совести, в условиях заточения — это единственное, что можно со временем сделать.

Что до их эротических забав, то несмотря на длительное воздержание, мне было легче уклониться, чем присоединиться. Я не чистооплой, но ведь потом надо будет дальше жить с ними бок о бок в той же грязной берлоге. Я чувствовал, что мне это будет нелегко. Что ж, теперь я смогу проверить, прав я был или неправ.

Это случилось прошлой ночью, когда я, наконец, закрыл кухонную дверь и погасил свет. У меня последнее время разыгралась изрядная бессонница и мне не хотелось сразу забираться в спальный мешок. Я чуть-чуть сдвинул ставни, и приотворив окно, выглянул на улицу. Свежий ночной воздух ошеломил меня, и сердце подкатило под горло при виде двух рядов цветущих каштанов, отделяющих наш дом от погруженных в сон домов на другой стороне улицы. Мне вдруг захотелось спуститься вниз и пробежаться по узкой полоске асфальта, выющийся между каштанами, — как будто не я, а кто-то другой сочинил инструкцию для обитателей тайных квартир!

Я давно уже понял, что мне нескоро предстоит пройтись по городской улице. Просто бесцельно пройтись, как ходят все нормальные люди, не опасаясь, что их заметят и узнают. Но только сейчас, волевым усилием подавляя в себе безумное желание выскочить из окна и пробежаться под каштанами, такими близкими и такими недоступными, я ощутил всем телом то, что раньше сознавал только разумом.

Это физическое ощущение оказалось настолько болезненным, что я застыл в каком-то смутном ступоре и даже не заметил, как кухонная дверь тихонько отворилась. Я очнулся, только когда сильные руки обхватили мои колени и потянули меня вниз. Я покачнулся, пытаюсь сохранить равновесие, но другая пара рук толкнула меня сбоку, и я упал на сплетение голых тел, копошащихся у моих ног. Хоть я отчаянно старался вырваться из паутины цепких рук, мне это не удалось. Меня быстро и ловко раздели доната, бесцеремонно перекатывая по полу, как свернутый в трубку ковер.

— Что вы делаете? — довольно глупо спросил я, не слишком повышая голос, так как вовремя вспомнил о приоткрытом окне. Но даже в моем приглушенном голосе зазвучали непривычно визгливые нотки — я сам их услышал и испугался, что теряю контроль над собой.

В ответ раздалось дружное хихиканье, и несколько пар жадных ладоней, начали шарить по моему телу, щекоча, лаская и раздражая. Я сделал еще одну попытку встать, но кто-то прижал меня под горло волосатым коленом, давая возможность голому женскому животу распластаться на мне с недвусмысленным эротическим намерением. В нос мне шибануло сладковато-сеledочным запахом давно немьтого тела, — последнюю неделю обе наши девицы демонстративно отказывались принимать душ. Когда женский живот начал ритмично елозить по мне вверх и вниз, помогая себе охватившими мою голову твердыми коленками, какая-то стенка во мне рухнула и я перестал сопротивляться.

Не знаю, сколько времени длился этот всеобщий экстаз, помню только, как меня перекатывали с одного тела на другое, пока я не перестал отличать мужчин от женщин. Ребятишки, конечно, чего-то накурились и были податые, однако моя трезвость легко растворилась в их опьянении, и я превратился в такое же счастливое безмозглое животное, как они.

Когда опьянение прошло, и мы все, наконец, устали, я задремал было среди голых тел на полу, но быстро проснулся оттого, что меня начало знобить. Оглядевшись, я сообразил, что мы в какой-то момент выкатились из кухни в большую комнату, а я даже этого не заметил. Я сбросил с себя пару чужих конечностей и пошел в душ. Содро-

гаясь под сильной струей горячей воды, я старался подавить нарастающее в глубине души отвращение к себе, остро приправленное несказанным облегчением, разлившимся по всей моей физиологической сущности.

«Что, теперь всегда так будет?» — спрашивал я себя, ясно сознавая, как трудно устоять тому, кто однажды сдался. У меня даже мелькнула подлая мыслишка, как хорошо было бы, чтоб нас арестовали. Это на миг показалось мне освобождением. От этой мыслишки мне тут же стало не по себе. На душе мутно, в теле пусто-пусто. Завалюсь-ка я лучше спать!

Еще один день я спал так крепко, как не спал уже много месяцев. Когда я вынырнул, наконец, из глубин небытия и открыл глаза, я увидел, что кухонный пол расчерчен косякой штриховкой солнечного света, проникающего сквозь щели приотворенных ставень. Значит, я проспал все утро — окно нашей кухни выходит на юго-запад, и солнце посещает ее не раньше полудня. За закрытой дверью в салоне царил могильная тишина, мои со... что!? Ума не приложу, как их назвать — собутельники, но мы ведь не пили, сопостельники, но мы кувыркались на полу. Может, соратники? Мои соратники спали, как убитые, и даже не храпели.

Я был так рад этому неожиданному одиночеству, что не пошел через салон в туалет, а, не испытывая никакой неловкости от своего антиобщественного поступка, воспользовался кухонной раковиной, — только бы их не разбудить! Потом заварил себе стакан крепкого чаю и принялся за книгу о Бакуanine. Я был прав: этот русский романтик уже более ста лет назад четко обозначил основные принципы нашего движения:

«Всецелостное разрушение государственно-юридического мира и всей так называемой буржуазной цивилизации посредством народно-стихийной революции, невидимо руководимой отнюдь не официальной, но безыменной и коллективной диктатурой друзей полнейшего народно-го освобождения из-под всякого ига, крепко сплоченных в тайное общество...»

«Мы — отъявленные враги всякой официальной власти. Единственная армия — народ. Важнейшая наша цель — создание тайной организации, которая должна быть только штабом этой армии, а не навязывать народу свою мысль, чуждую его инстинктам».

Ну не про нас ли это?

А вот еще более интересная мысль:

«Этот мир действительно надо морализовать. Как же его морализовать? Возбуждая в нем прямо, сознательно и укрепляя в его уме и сердце единую, всепоглощающую страсть всенародного общечеловеческого освобождения. Это новая, единственная религия, силою которой можно шевелить души и создавать спасительную коллективную силу».

За дверью началось движение — шорох, топот, смех, сердитая перебранка. Это означает, что там проснулись и моему одиночеству конец (через десять минут). Как только мои полуодетые соратники ворвалась в кухню пить кофе, я взял свое барахло и выскользнул в большую комнату. Книгу и дневник я успел сунуть в спальный мешок. У меня есть укромный уголок между диваном и журнальным столиком, где мне порой удастся ненадолго сбросить оковы коммунального бытия. Пока ребята шумно завтракали, я успел сделать еще несколько выписок:

«Отвергая всякую власть, какую силою будем мы сами руководить народной революцией? Невидимой, никем не признанной коллективной диктатурой нашей организации. Эта тайная организация должна разбросать своих членов мелкими группами, сплоченными единой мыслью единой целью, — организацией полнейшей народной свободы».

«Кто на своем веку занимался составлением заговоров, тот знает, какие страшные разочарования встречаются на этом пути: вечная несоразмерность между громадностью цели и мизерностью средств, недостаток людей — сто промахов на один порядочный выбор, вечная игра самолюбий, маленьких и больших честолюбий, претензий, недоразумений, сплетен, интриг...»

Как мне все это знакомо!

Из кухни донесся звон разбитого стекла и душераздирающий женский визг. Неужели кто-то из придурков пробил окно собственной башкой? Следовало бы пойти проверить, что они там натворили, но меня охватило какое-то ватное безразличие. Мной владело одно единственное желание — удрать из этой мрачной ловушки, пожирающей мою волю. Клянусь, я бы так и поступил, если бы не последние остатки здравого смысла, — ведь мои портреты развешаны на

всех столбах и меня бы схватили в первые же полчаса. Уж что-то, но свой немецкий народ я знаю! Так что не бу...

Еще один день с большим перерывом.

Не могу точно сосчитать, сколько дней прошло с последней записи. То ли пять, то ли шесть. За это время много чего произошло, всего не перескажешь. Меня тогда похамски прервали на полуслове. Людвиг по-пластунски выполз из кухни, неслышно подкрался ко мне сзади и выхватил дневник. Я вскочил и бросился на него, но он увернулся. Тут в салон с хохотом вломилась остальная братва и стала подначивать нас в надежде на развлечение. Людвиг бросил через мою голову дневник Курту, я подпрыгнул, пытаюсь перехватить его в воздухе, но дневник пролетел под самым потолком, так что даже мой рост не помог. Курт ловко схватил тетрадь и опять через мою голову швырнул ее Эрику. Я сделал было рывок вверх, все радостно загоготали, тогда я волевым усилием затормозил себя на излете, развернулся, поднял с пола свои вещи и, не говоря ни слова, вышел на кухню.

На секунду-другую они застыли в обалдении, молча осознавая мой отказ от их игры, а потом залопотали, загрохотали стульями, заспорили о чем-то и сделали вид, что забыли обо мне. Черт их знает, может, и вправду забыли. Но тетрадь они не вернули.

На кухне был полный разор: в раковине гора грязной посуды, на столе хлебные крошки, огрызки сыра и чашки с недопитым кофе. Так что сесть к столу я не мог. Со спальным мешком мне тоже некуда было приткнуться, потому что пол был усеян лужицами пролитого пива и осколками разбитых пивных кружек.

Мне, конечно, следовало бы немедленно выйти в салон и ледяным тоном приказать им привести кухню в порядок. Но я не был уверен, что они послушаются: мое вчерашнее приобщение к их свальному греху сравняло меня с ними. Я сложил грязные чашки в раковину, все остальное смахнул на пол, сел к столу, и, стараясь не обращать внимания на окружающее меня свинство, опять раскрыл книгу о Бакуanine.

Поначалу мне было трудно сосредоточиться — обрывки вчерашнего буйства слетались перед глазами с моими унизительными прыжками вслед за пролетающей над головой красной тетрадью. Но постепенно подробности жизни это-

го фанатика свободы из прошлого века захватили меня. Я ведь почти забыл, что он был приговорен к смертной казни у нас, в Германии, в чужой ему стране. Его, правда, не казнили, а выдали русскому царю, — это было хуже всякой казни, потому что царь его ненавидел. Семь лет его держали в одиночке ужасной подземной тюрьмы, и это, пожалуй, было пострашней смерти. Потом его сослали в Сибирь, но он умудрился убежать из ссылки и удрать из России в Европу. Он поселился в Швейцарии и, хоть после тюрьмы и ссылки был страшно болен, опять взялся за старое.

Я вчитывался в его мысли и узнавал свои. Уже полтора века назад он понял, что наша цивилизация обречена и наш долг способствовать ее гибели, ибо чем скорее она погибнет, тем лучше. Я перелистнул несколько страниц и увидел старинную карту Дрездена, где прошло мое детство. От знакомых названий улиц в памяти открылась какая-то давно заржавевшая дверца, и из нее хлынули воспоминания о тех глупостях, которым меня учили в гедеэровской школе. Среди них нашлось и кое-что любопытное — наш знаменитый композитор Рихард Вагнер во время революции в Дрездене вел народ на баррикады рука об руку с русским богатырем Мишелем Бакуниным, с которым они были неразлучны. Только счастливое бегство сохранило для Германии этого великого человека, потому что он тоже был приговорен и провел в изгнании шестнадцать лет.

Я просмотрел еще несколько страниц — в противовес тому, чему меня учили, автор книги не столько восхищался революционным пылом Вагнера, сколько удивлялся, зачем ему понадобилось участвовать в восстании, когда он был главным дирижером королевской оперы. В верхней части страницы горделиво красовалось здание этой оперы, весьма роскошно расфуфыренное в модном тогда стиле позднего барокко, и действительно становилось непонятно, зачем из этого здания нужно было бежать на баррикады. Впрочем, лукаво отмечал автор, есть свидетельства, что на баррикадах Вагнера никто никогда не видел, он только ошивался вокруг, не в силах оторвать взгляд от синеглазого русского красавца.

От книги меня отвлек шорох робко отворяемой двери. Она нерешительно затрепыхалась под давлением чьей-то нетвердой руки и остановилась на полпути. В салоне было

тихо, похоже, мои соратники опять накурились травки и заснули, — все, кроме того или той, чье напряженное дыхание доносилось из-за полуоткрытой двери. Я сжалился и сказал:

— Ну ладно, хватит там дышать. Или заходи или закрой дверь.

В щель просунулась кудлатая голова Людвига, отдельные пряди свисали до плеч сальными спиральками пшеничного цвета, — удивительно, почему они все так редко моют голову? Не входя в кухню, он молча шмыгнул носом и затих.

— Ну, чего тебе? — спросил я, начиная раздражаться, но Людвиг продолжал молча смотреть на меня из-под странно темных, может быть подкрашенных, ресниц. Я вспомнил, что именно он выхватил у меня дневник, и рявкнул:

— Вот что, или говори, или убирайся прочь!

И тут он заплакал. Заплакал беззвучно, я даже не представлял, что мужчина может так плакать. Слезы безостановочно текли по его совсем юным, едва тронутым бритвой щекам и обильным дождем орошали грязную, некогда розовую рубашку. Я не выдержал и, вскочив из-за стола, с силой тряхнул его за плечо:

— Перестань реветь! Чего ты хочешь?

Людвиг покачнулся и, гибко изогнувшись, прижался мокрым подбородком к моему запястью. Я невольно отдернул руку.

— Я вас люблю! — пытаюсь вернуть мою руку на свое плечо, жарко зашептал он. — Я не сплю по ночам и мечтаю о вас. Пустите меня к себе, и я добуду у них вашу тетрадь.

Я попятился и постарался ногой вытолк...»

На этом месте страница кончилась, Ури потянулся за следующей, но там было что-то совершенно несоответствующее:

«... Рихард замечал, что на него все чаще находит угрюмость. Обычно это случалось в дождливую осеннюю пору, когда тягуче ныла все та же точка слева под ложечкой и в голову лезли мысли о смерти. Но иногда точка наваливалась на него и в светлые дни, полные солнечных зайчиков, зеленого шелеста деревьев и лукавого переплеска струй в фонтане за окном. А когда уж на него находило, все вокруг затягивалось глухой черной пеленой — и свет, и зелень, и плеск фонтана.

В такие дни все становилось ему противно, даже собственная музыка, равной которой, — он знал, был уверен, — не мог создать никто из живущих. И надеялся, верил всей душой, что никто из грядущих вслед тоже не сможет. То, что сделал он, было подобно созданию новой религии: в его музыке пространство превращалось во время».

Ури с разбегу подумал — что за чушь? Но тут же сообразил, что он, не очень-то надеясь на успех расшифровки, копии с дневника снимал второпях, по нескольку страниц в разных местах. Значит, на предыдущей странице первая порция кончилась, а на этой началась вторая — какая жалость! — на самом интересном месте. А то, что он прочел сейчас, похоже скорее на прозу, чем на дневник. Неужто Карл с тоски начал писать прозу? Почему не стихи — стихи было бы естественней! И кто этот Рихард? Уж не Вагнер ли? Вагнер был Рихард, и его имя упоминалось на последней странице — в связи с Бакуниным и с баррикадами. Ладно, Вагнер, так Вагнер, тоже интересно.

«...Он сажился за рояль, но пальцы теряли беглость и черная пелена угрюмости искажала любимые прозрачные звуки, делала их вялыми и пустыми. Тогда он звал Козиму...»

Раз Козиму, значит, точно, о Вагнере. В ранней юности Ури как-то купил у букиниста потрепанную биографию композитора и прочитал ее от корки до корки, — назло матери, которая требовала, чтобы он немедленно унес из дома «эту мерзость». Теперь он вспомнил, что вторую жену Вагнера, дочь его друга, великого пианиста Франца Листа, звали Козима, — она была на двадцать с чем-то лет моложе мужа и, пережила его на полвека, хоть всегда мечтала умереть с ним в один день.

«...Если она не являлась немедленно, он начинал сердито стучать по столу костяшками пальцев и раздраженно кричать: «Козима! Козима!», потом замечал, как хрипло звучит его голос, пугался и умолкал.

Тут, запыхавшись прибежала Козима, взъерошенная и несчастная, — она, как всегда, была занята с детьми или по хозяйству. У нее вечно что-нибудь выкипало или кто-нибудь плакал и не хотел принимать лекарство. Но Рихард был неумолим, он говорил: «Пусть себе плачет и выкипает», и просил ее сыграть ему что-нибудь самое дорогое его сердцу, вроде хора пилигримов из «Тангейзера». Она со

вздохом садилась к роялю и начинала играть. Всегда, когда на него находило, она играла из рук вон плохо, или, может, она играла хорошо, а музыка его никуда не годилась — откуда он взял, что в мире нет ему равных? Впрочем, так оно и было — они не были ему равны, все эти еврейско-итальянские скорописцы, они не были ему равны, они были гораздо лучше.

И тогда вспоминалось все обидное, что с ним случилось за его долгую, полную горечи жизнь — как неотступные венские кредиторы гонялись за ним по всей Европе и как надменно улыбнулся ему Мендельсон, когда «Тангейзера» освистали в Париже. Но чаще всего из глубин памяти выплывали строки из недавно пересланного ему каким-то доброжелателем письма директора Берлинской оперы: «Вы, я надеюсь не ослепли настолько, чтобы не заметить провала в Байройте и провала в Лондоне, где публика толпой бежала вон из зала во время исполнения отрывков из Кольца Нибелунгов?» Публика бежала толпой, а толпа как бежала, публикой? Тоже мне, ценители музыки!»

После этих слов шел небольшой пробел и какой-то невнятный рисунок, — то ли чей-то профиль, то ли силуэт летящей птицы, перечеркнутый кривой решеткой. Под рисунком — загибающаяся книзу размашистая черта, а под ней — тоже размашистый абзац:

«Интересно, когда они принесут мне, наконец, дневники Козимы? Что-то они стали лениться и хуже выполнять мои приказы. Может быть, стоит объявить голодовку? То-то они забегают! Кто бы мог подумать, что даже в тюрьме есть свои положительные моменты? Ведь иногда трудно понять, кто от кого больше зависит — они от меня или я от них. Тогда в глубине души начинает шевелиться подленькая мыслишка: а стоит ли суетиться и искать пути бегства? Не проще ли спокойно догнать в этом комфортабельном бетонном мешке, упражняя свой ум необъятным простором чтения и интеллектуальных игр? Конечно, порой бывает одиноко, но разве когда-нибудь я мог найти себе более интересного собеседника, чем я сам?»

Абзац отчеркивала снизу еще одна размашистая черта, а под ней опять шел текст, очень плотный, — плотней, чем предыдущий. Ури уже приноровился к шифровке, и чтение пошло легче; однако прежде, чем приступить к даль-

нейшей расшифровке, он расправил затекшие ноги и глянул на часы. Еще не было пяти, а читальный зал откроют только в девять. Хоть во рту пересохло и глаза начали уставать, сюжет в дневнике развивался гораздо увлекательней, чем Ури мог предположить. Ури постепенно проникался истинным, а не спровоцированным ревностью интересом к своему отгалкивающему и притягательному сопернику. Впрочем, мог ли он назвать Карла своим соперником? Ведь их пути и в жизни, и в душе Инге даже не пересекались? Ури снял кроссовки, принес еще один стул, положил на него ноги в носках и погрузился в полный неожиданный мир, созданный чужой, очень чуждой, фантазией.

«Когда нарочный привез посылку от Шнапауфа, Рихард велел принести коробку к нему в кабинет на третий этаж и оставить на угловом столике под стоячей лампой. Горничная зажгла лампу и принялась суетиться вокруг коробки, нацеливаясь ножницами разрезать веревки. Но он цыкнул на нее, чтоб скорей убралась прочь и закрыла за собой дверь. Скользя взглядом вслед ее обиженно уплывающей спине, он заметил затаившееся в полутьме галереи бледное лицо Козимы, молящее впустить ее и приобщить к церемонии вскрытия коробки. Но он не снизошел, дверь захлопнулась, и лицо исчезло. Ему даже привиделось, что когда дверь почти коснулась косяка, лицо Козимы дрогнуло, как от пощечины, но это дела не меняло — Рихард хотел открыть посылку в одиночестве, чтобы никто не помешал ему насладиться вволю.

Он подхватил коробку и спустился по винтовой лесенке на второй этаж, в свою гардеробную комнату, обе двери которой можно было запереть изнутри. Винтовые лесенки, соединяющие спальни третьего этажа с умывальными и гардеробными второго, были его личным изобретением, которым он гордился. Лесенки были встроены во внутренние углы комнат и напоминали ему хитроумное строение человеческого тела, в котором все грязное и низменное спрятано глубоко под кожей, так что для обозрения остается лишь красивое и возвышенное. В его доме гости видели только высокий, уходящий под крышу сводчатый зал и грациозные галереи, окаймляющие второй и третий этаж, тогда как интимная жизнь обитателей дома была скрыта от чужих глаз.

Рихард запер обе двери и, быстро разрезав веревки, жадно запустил руки в прохладную глубину коробки. Пробежав

кончиками пальцев по ласковым складкам шелка, он собрал их в тугий жгут и быстрым коварным движением выплеснул на пол полдюжины отороченных кружевами сорочек и три атласных халата — розовый, лиловый и абрикосовый, — украшенных ажурной вышивкой по вороту и у запястий. Потом поспешно сорвал с себя стеганую домашнюю куртку и, секунду поколебавшись, с какого халата начать, набросил на плечи лиловый, сунул руки в рукава и чуть покачивая бедрами, пошел к высокому стенному зеркалу. Подобрав фалды подола округлым движением согнутой в локте руки, он привстал перед зеркалом на цыпочки и залобовался трепетными бликами света на фиалковой глади атласа. Хоть до вечера было далеко, за окном стоял белесый зимний сумрак, и свет лампы у него за спиной скрывал его черты в дымчато-сиреновой тени. Небольшая фигурка перед зеркалом просеменила балетным шагом вправо, потом, высоко взметнув расклешенный подол, сделала мелкий пируэт влево и засмеялась, откинув назад большую кудрявую голову на тонкой шее. Рихарду определенно нравился этот, отраженный в зеркале полутеньями хрупкий силуэт неопределенного пола. Именно этого Козима и боялась.

Козима вообще имела склонность к самым разным страхам и тревогам. Она боялась детских болезней, неуклонно растущих долгов и причуд короля Людвига — как его милости, так и его чрезмерной милости. А уж в прошлом году из-за открытия фестиваля причин для страхов и тревог было хоть отбавляй. Король дал знать, что прибывает августа третьего, в полночь, нужно было среди ночи ехать его встречать. Козима ни за что не хотела отпускать Рихарда одного, она увязалась за ним на станцию, но ему в конце концов удалось отправить ее домой, ссылаясь на то, что дети там одни и могут внезапно проснуться. Она нехотя уехала, все озираясь на них с королем, который хоть уже не сверкал былой юной прелестью, но все еще был молод и хорош собой.

Она уехала, а Рихард последовал за королем в загородный дворец Эрмитаж, полный романтической прелести, особо неотразимой при свете луны. Король прибыл налегке, без свиты, с ним были только денщик и адъютант, которые, устроив комфорт короля, скромно удалились и оставили их наедине. Прошрое, конечно, уже отошло, уже не было той страсти, того опьянения, но все же славно

было провести с королем несколько ночных часов в память о былой любви.

Домой Рихард вернулся уже на рассвете и, секунду поколебавшись, приоткрыл дверь в спальню Козимы. Она, как он и ожидал, не спала и плакала, но он уже давно научился справляться с ее настроениями. Он стал на колени у ее постели, взял ее ладонь в свои и прижался к ней щекой. Она слабым голосом спросила:

— Что так долго?

— Король хотел знать все подробности про фестиваль. Ты же понимаешь, что я не мог ему отказать. Наши дела так зависят от его щедрости.

Последняя фраза была чистой правдой, но именно на нее Козима быстро нашла возражение:

— Мы можем обойтись без него, если возьмем деньги, оставленные мне мамой, и заложим дом.

Как будто Рихард только и мечтал заложить дом и истратить деньги, оставленные ее матерью! Но он подавил раздражение и прошептал, поглаживая ее мокрое от слез лицо:

— Я знаю, что тебе ничего для меня не жаль. Я только не понимаю, чем я заслужил такую любовь. Ты настолько лучше, прекрасней и благородней, чем я!

Она тут же ему поверила и вспомнила, наконец, что должна заботится о нем:

— Иди, ложись, ты ведь, наверно, страшно устал. А завтра такой тяжелый день — репетиция «Валькирий» в присутствии публики.

Публика, о Боже! Толпа! Она видит только то, что представлено на сцене, не в состоянии понять глубинных смыслов и страстей, таящихся за внешним фасадом. Но без публики никакой успех невозможен.

Рихард сбросил на пол лиловый халат и надел розовый. Этот был совсем другого фасона, широкий в плечах, он далеко запахивался на талии и сужался книзу. В нем Рихард казался гораздо выше и уже не чувствовал себя таким крошкой. Кто знает, может, будь он чуть богаче и выше ростом, он бы не боролся с таким упорством за воплощение своих замыслов? Не боролся бы и не добился бы своего — не построил бы собственный театр в Байройте и не осуществил бы там прошлым летом свой первый фестиваль. И какой фестиваль — «Кольцо Нибелунгов» было

сыграно три раза подряд, все четыре части, про которые музыкальные жиды заранее присудили, что поставить их невозможно!

Однако он совершил невозможное, он собрал вместе сто пятьдесят выдающихся музыкантов и посадил их в оркестровую яму, какой больше нет нигде, ни в одном театре в мире. Тому, кто не присутствовал при этом, трудно представить, какой вдохновляющий эффект производит на слушателей невидимый оркестр. Ах, продолжить бы это, продолжить, но, увы! — в этом году фестиваль провести не удалось. Честно говоря, Рихард не знал, огорчаться этому или радоваться, — слишком уж много сил ушло тогда на организацию спектаклей и на постоянную борьбу с трудностями, особенно с финансовыми. Ведь им до сих пор не удалось расплатиться с прошлогодними долгами. Он лично не страдал от безденежья так, как Козима, он с юности привык, что денег всегда не хватает, однако обидно, что, несмотря на успех, дефицит после фестиваля, оказался непомерный. Покрыть его можно только, если пойти на поклон к сильным мира сего.

И он не почел за стыд, он, Рихард Вагнер, пошел и поклонился. Поклонился раз, и другой, и третий. И где же они, эти богатые покровители искусств? Что-то не бегут они на подмогу, протягивая свои туго набитые кошельки. Только один нашелся, граф Магнис фон Уллерсдорф, прислал пять тысяч марок, впрочем, неправда, не один — еще какая-то старая дама из Нюрнберга отвалила от своей пенсии сто марок. Но что такое пять тысяч марок при дефиците в сто пятьдесят тысяч, даже если к ним добавить оторванную от старушечьего убожества сотню? А других благодетелей пока не видно. Впрочем, это неудивительно, ведь богатые люди — в большинстве евреи, чего же от них ждать? А остальные, если и не евреи, так верят в жалкую ненавистную ложь газет.

Рихард набросил абрикосовый халат поверх розового и присел на край ванны. Ванна тоже была построена по его проекту. В стену над ней была впрессована огромная перламутровая раковина, напоминающая о морских тайнах. Слава Богу, он не водит сюда журналистов, а то бы они обязательно настрочили очередные памфлеты о том, как он, жалуюсь на неподъемный дефицит, только и делает, что балует

себя роскошью. На прошлой неделе он прочел объявление в «Новой Свободной Прессе», в котором они обещают опубликовать его давние письма к одной венской модистке, разблачающие его расточительство. Они не пожалели денег, чтобы выкупить у нее эти письма и напечатать в своей жалкой газетенке длиннющий список его заказов и капризов, всех этих халатов, жакетов, панталон и башмаков.

Да, он расточителен и балует себя роскошью, ему это необходимо, чтобы воссоздать в музыке несуществующий мир своей фантазии. Его фантазия нуждается в этой роскоши, в этом баловстве! Разве можно кому-нибудь объяснить, какой это адский труд — писать музыку? Этому нельзя научиться, это каждый раз надо начинать сначала. Для этого ему нужно полностью оградить себя от внешнего мира, с помощью вышитых подушек, бархатных гардин и пряных благовоний, не допускающих до него пошлые, будничные запахи реальной жизни.

Он раздраженно сорвал с себя оба халата и сделал несколько мелких шажков вдоль линии паркета, представляя себя на месте юного канатоходца, искусство которого недавно так восхитило его. В тот день они с Козимой во время прогулки случайно зашли в бродающий цирк, разбивший свой шатер на базарной площади. Стоя в толпе, глазеющей на представление, Рихард с увлечением следил, как юноша грациозно идет по канату до самой крыши, бесстрашно улыбаясь глядящим на него снизу людям. Вдруг Рихард заметил, что Козимы нет рядом с ним. Он протиснулся сквозь толпу и нашел ее снаружи, за деревом. Плотнo закрывши глаза ладонями, она стояла, прижимаясь лицом к морщинистому стволу. «Я не могу спокойно смотреть, как человек так отчаянно рискует жизнью в борьбе за свое жалкое существование». «При этом ты имеешь в виду меня?» — спросил ее тогда Рихард, а она зашептала испуганно, словно опасаясь, что кто-нибудь их подслушает: «Нет, нет, что ты!». А на днях кто-то рассказал Козиме, что отважный юноша погиб в Регенсбурге, сорвавшись с каната во время представления.

Вешая халаты в шкаф, он услышал, как Козима тихонько поскреблась в дверь, соединяющую ее гардеробную с его, и тревожно спросила:

— У тебя все в порядке?

Он глянул за окно, на улице уже сгустились сумерки. Сколько же времени он провел тут, погруженный в свои мысли?

— Да, да, я скоро выхожу! — неохотно отозвался он, не желая чрезмерно огорчать ее, ведь он и так был перед нею виноват. Чтобы скрыть от нее часть присланных ему из Парижа вещей, он начал торопливо убирать сорочки в комод и только тут заметил эту газету. Он, наверно, видел ее и раньше, но не обратил внимания — обыкновенная старая газета, которой было устлано дно картонной коробки.

А сейчас вдруг увидел! С пожелтевшего скоканного листка на него глядело обведенное траурной рамкой лицо Мишеля Бакунина. Нет, не то лицо, которое он так хорошо знал и много лет после тех событий часто видел во сне, а другое, отечное, тяжелое, болезненное, но все же узнаваемое. Потому что этого человека ни с кем нельзя было спутать. Рихард схватил газету, — была она парижская, не газета даже, а газетенка, вроде той, что грозитя опубликовать его письма к венской модистке. Жалкий листок какого-то международного Альянса на убогой дешевой бумаге. Боже мой, с каким только отребьем водится Джудит!

Несмотря на то, что газетенка была сильно смята и топорщилась бахромой по углам, Рихард все же разглядел верхнюю строчку слева: она была от четвертого июля семьдесят шестого года. Почти от того самого дня, когда в его жизнь непредвиденно ворвалась Джудит. Выходит, со смерти Мишеля прошло уже полтора года, а он и не знал. Даже и не почувствовал, что Мишеля нет в живых, а ведь в каком-то затаенном уголке души тот присутствовал всегда, время от времени покалывая и садня, как больной зуб. Рихард попытался прочесть то, что было написано под фотографией, хоть кое-какие фразы стерлись до полной неразборчивости, а кое-какие он не смог понять из-за своего французского языка, прихрамывающего даже после того, как он изрядно ему подучился переписываясь с Джудит:

«Вчера, 3 июля 1876 года, на православном кладбище швейцарского города Берна были преданы земле останки покойного Мишеля Бакунина. Навсегда ушел от нас мятежник, вагабунд, природный партизан революции. Не забудем его слова:

«...буду счастлив, когда весь мир будет стоять в пламени разрушения. ...и чтобы легко вздохнуть наследникам,

надо хоронить мертвеца. Это буйство похорон и есть моя жизнь...

...ни смертный приговор, ни годы тюрьмы не смогли сломить...»

Похоже, Мишель мало изменился за эти годы. Все тот же фейерверк лозунгов и парадоксов. «А ведь как он тогда увлек меня, как окрылил!» — подумалось, пока глаза искали смысл, скрытый в наполовину стершихся строчках:

«...в истории дальше уходит тот, кто не знает, куда идет...
Страсть к разрушению — это созидательная страсть...»

Рихард явственно, со всеми тончайшими модуляциями, услышал, как Мишель мог произнести эти слова, — голос у него, небось, остался все тот же, громовой, от такого голоса рушатся стены. И вспомнилось, как Мишель поразил его при первой встрече. Могучий, синеглазый, незнающий страха, он говорил возвышенно и блестяще, уверенно рассекая воздух крупной ладонью с красивыми длинными пальцами. Рядом с этим гигантом Рихард почувствовал себя совсем крошкой, и сердце его сперва сжалось в комок, а потом до невозможности расширилось, готовое взорваться. Перед ним был подлинный Зигфрид, прекрасный, синеглазый, не знающий страха. Сам Рихард хорошо знал страх, и потому бесстрашие Мишеля так его увлекало.

Он расправил газету. Следующий абзац был почти в сохранности:

«Свои последние дни М.Б. провел в городской больнице Берна, куда попал сразу после своего приезда из Лугано, где он проживал в последние годы на принадлежащей ему Вилле Брессо».

Значит, Мишель жил в Швейцарии, совсем неподалеку от тех мест, где и Рихард провел много лет. Да и часто с тех пор часто бывал наездами. Он ведь, собственно, знал об этом, — то ли слышал, то ли читал в газетах. Знал, наверняка знал, но как-то изловчился вытолкнуть из памяти, чтоб не давило, не напоминало, не беспокоило уколами совести. И ни разу не попытался найти Мишеля, черкнуть ему письмишко, условиться о встрече. Но и Мишель тоже хорош, — предположим, у Рихарда были причины избегать Мишеля, но ведь и Мишель не попытался с ним связаться. А не мог не знать, что Рихард живет в Байройте. Последние годы он стал знаменит, о нем мно-

го и зло писали жида и журналисты, что, в сущности, одно и то же. Особенно после успеха прошлогоднего фестиваля, который они стремились объявить провалом. Что ж, возможно, и у Мишеля были свои причины избегать Рихарда. Например, эта Вилла Брессо, якобы принадлежащая ему. Ему, человеку, страстно отвергавшему саму идею собственности? Впрочем, журналистам ни в чем нельзя верить, равно как и жидам. Очень может быть, что такой виллы вообще нет на свете, — интересно, кем под-писан этот некролог?

Рихард перевернул смятый листок и поглядел на подпись — «группа друзей», и прямо через абзац над подписью вдруг увидел свое имя. Сердце на миг екнуло — «неужто пронохали?» — и он стал торопливо читать:

«Последний раз М.Б. покинул стены больницы, чтобы посетить своего друга, пианиста Адольфа Райхеля, который сыграл ему несколько вещей его любимого Бетховена. «Наш мир погибнет, — сказал Мишель, слушавший музыку стоя, поскольку сильные боли не позволяли ему сидеть, — и только Девятая Симфония останется». И он вспомнил, как в 49 году в Дрездене, прямо накануне восстановления, ему посчастливилось присутствовать при необыкновенном исполнении Девятой Симфонии Бетховена. Дирижировал ныне прославленный композитор Рихард Вагнер. И, перейдя к последним произведениям своего бывшего соратника и друга, Мишель, преодолевая боль, высказал неодобрение по их поводу».

Вот как, неодобрение, значит? Мы это переживем... Однако соратником и другом все же назвал, хотя, может, это группа друзей постаралась, чтобы придать покойному больше значительности. Потому что из описания похорон никакой значительности не получалось:

«Похороны прошли очень скромно. Это было 3-е июля, стоял жаркий летний день, снежные пики сверкали над городом в безоблачном небе. В ожидании прибытия похоронного corteжа могильщики отпускали шутки по поводу размера заказанной им могильной ямы. Гроб прибыл в сопровождении небольшой группы провожающих, их было не более тридцати пяти. Присутствовали только представители разных швейцарских секций Интернационала, иностранных друзей и последователей не успели оповестить.

Некоторые из присутствующих плакали. Но вся церемония в целом производила впечатление мелкой, несоответствующей грандиозному масштабу личности усопшего борца с тиранией буржуазного общества».

Супруга покойного, Антония, была извещена о смерти мужа по телеграфу и прибыла из Неаполя только через несколько дней после похорон».

Ах, так у Мишеля была жена, — вот это, действительно, новость! Жена Антония, которая не побеспокоилась даже навестить умирающего мужа в больнице, хоть, как сообщает «группа друзей», он с 28-го июня был в агонии. А она не только не мчалась к смертному одру супруга, но прохладчалась в Неаполе, а не в Лугано, где была якобы принадлежащая ее мужу Вилла Брессо. Не загадка ли это?

Для кого-нибудь, возможно, и загадка, а для Рихарда единственной загадкой здесь было само наличие у Мишеля жены. Но и он готов был допустить вмешательство неизвестных ему обстоятельств, побудивших его бывшего соратника и друга к женитьбе.

За дверью опять послышался шорох:

— Рихард, Рихард! — позвал голос Козимы, — ты выйдишь к ужину? Дети уже сидят за столом.

— Уже иду! — нехотя откликнулся Рихард и начал поспешно натягивать сброшенную с плеч на пол стеганую, обшитую золотым шнуром, домашнюю куртку испанского бархата. Застегивая обтянутые узорным шелком пуговицы, он вдруг почувствовал, что пальцы занемели и плохо слушаются, — то ли он слишком разнервничался, то ли продрог, сидя на краю холодной ванны в одной тонкой сорочке. Однако он заставил себя застегнуть все пуговицы в правильном порядке. Ни к чему было показывать при детях, что он чем-то расстроен. Хотя он давно заметил, что дети вовсе не так чувствительны, как Козима старается представить. Не далее, как вчера он застиг своих дочерей за тем, что они разрывали землю в центре тщательно им самим спланированного и заранее любовно воздвигнутого могильного холма, достойного его грядущей славы. На его вопрос, что они там делают, они ответили с простодушной наивностью, что ищут червей для своей черепахи!

За ужином Рихард был рассеян и молчалив, однако не преминул заметить на щеках Козимы следы недавних слез.

Она то и дело бросала на него испуганные взгляды, но не отважилась спросить, чем он так озабочен. Он еще не решил, стоит ли рассказывать Козиме про смерть Мишеля, — она по натуре была излишне чувствительна и склонна к легким слезам. Кроме того, он понимал, что сегодняшняя посылка беспокоит ее не столько из-за неизвестного ей содержимого, сколько из-за неизвестного ей отправителя. Если он покажет ей скверную парижскую газетенку с некрологом, она сразу заподозрит, что посылка от Джудит. Она, похоже, и так что-то подозревает, оттого последнее время бледна и часто жалуется на головную боль. Нужно предупредить Шнаппауфа, чтобы был поосторожней с письмами, а насчет посылки он обязательно что-нибудь придумает, но только завтра, сегодня у него мысли путаются из-за Мишеля.

Сегодня он должен побыть один. Рихард хорошо знал свои нервы, — он долго теперь не сможет спать по ночам, и кожа его покроется красной сыпью, он уже чувствует, как начинается нестерпимый зуд под мышками и в паху. Спасение только в одном — сосредоточиться, вспомнить домельчайшей детали то, что его мучает, чтобы поскорей начисто это забыть и освободиться навсегда.

Он постиг эту премудрость в последние годы своей совместной жизни с Минной, если этот кошмар можно назвать жизнью. Она истязала его бессмысленной ревностью, а он истязал ее приступами яростного раздражения. Удивительно, как он не прикончил ее в одну из очередных минут застилающей глаза ненависти!

Тогда он тоже не спал по ночам и с ног до головы покрывался зудящей красной сыпью. Но однажды невероятным усилием воли преодолев желание разбить об ее голову одну из ее обожаемых фарфоровых ваз, он взял маленький заплочный мешок и ушел в горы, — благо, тогда они жили в Швейцарии! Три дня он провел в полном одиночестве, блуждая среди скал по козьим тропам и питаясь хлебом с сыром, который покупал за гроши у неприветливых местных крестьян. И на третий день в голове его прояснилось какое-то окно, сквозь которое он увидел, как он любил ее когда-то и как сходил с ума, когда она пару раз бросала его и уходила к другому. В те дни не она ревновала его, а он ревновал. Он не мог сказать, было ли это легче, — страдание всегда было его уделом, он безмерно страдал и от любви, и от ненависти.

В конце этих трех дней Рихард вспомнил все — и хорошее, и плохое, он принял Минну в ее новом, чуждом ему, облике и навсегда отделил ее от своей жизни. Когда он вернулся домой, он мог позволить ей говорить и выкрикивать все, что ей было угодно — его это больше не задевало. Он уже не слышал ее голоса и мог спокойно углубиться в единственно важное дело своей жизни, в свою работу.

Когда она особенно сильно досаждала ему, он больше не испытывал желания ее задушить, а вспоминал, как они, тесно обнявшись, ожидали смерти на палубе маленькой шхуны, на которой им пришлось бежать от кредиторов из Риги в Лондон вскоре после женитьбы. Шторм с воем швырял хрупкую скорлупку шхуны то вниз, в головокружительную бездонную пропасть, то вверх, на острие крутого горного пика. С ужасом глядя на вздымающиеся вокруг необозримые волны, Минна начала громко молить Бога, чтобы он не дал бушующей морской стихии поглотить их по отдельности, пусть лучше их убьет удар молнии, пока они вместе. Ее молитва на фоне свиста ветра и рева штормового моря навсегда осталась в памяти Рихарда, в ней была дивная музыка, которая легла в основу увертюры к его опере «Летучий Голландец». Думая об этом, он готов был простить ей ее потерявшее упругость тело, ее глупые претензии, ее пронзительный голос, и даже ее неспособность понять глубину его замыслов.

А теперь, когда ее давно уже нет в живых, он бы десятикратно простил ее. Он начал заново ценить «Летучего Голландца» с тех пор, как Джудит открыла Рихарду, что именно эта ранняя его опера привела ее к нему. И прямо тут, за семейным столом, он снова мысленно пережил волнующий рассказ Джудит о том, как она в пятнадцать лет случайно обнаружила на рояле клавир «Летучего Голландца». Она попробовала его сыграть, — и ей вдруг открылось величие драмы и музыки. Он закрыл глаза и внутренним взором увидел, как прелестная пятнадцатилетняя Джудит, уже не девочка, но еще не женщина, склоняясь к роялю темнокудрой головкой и почти касаясь клавиш юными, еще не созревшими грудками, в сотый раз пытается сыграть очередной трудный пассаж. Он засмеялся, представив себе, как ее домашние, измученные бесконечными повторами одной и той же мелодии, пытаются прервать ее исступленное музицирование, а она упорствует и продолжает.

— Что с тобой? — услышал он встревоженный голос Козимы, чудом прорвавшийся сквозь набегающие музыкальные волны. — Тебе нехорошо?

Рихард вздрогнул и открыл глаза:

— Что-то голова слегка кружится, — почти честно признался он, потому что голова и впрямь слегка кружилась. Козима тут же принялась хлопотать вокруг него с грелкой и фруктовой настойкой, прописанной ему на случай головокружения.

— Может, отменим на сегодня чтение? — предложила она нерешительно, но он отверг это предложение. Именно потому, что сегодня он был вовсе не расположен читать вслух, он не хотел нарушать эту, столь дорогую сердцу Козимы, семейную традицию. Ему необходимо было успокоить жену и обеспечить себе несколько свободных от ее тревожного надзора ночных часов.

Козима попросила почитать Дон-Кихота, но он отклонил ее просьбу, ссылаясь на то, что роман Сервантеса содержит слишком много скабрзностей. Он остановил свой выбор на шекспировском Макбете, — читать вслух пьесу было гораздо легче. Он начал читать и на какое-то время настолько вошел во вкус, что забыл про некролог в жалкой парижской газетке, — он был прирожденный чтец, искусство перевоплощения увлекало его. Козима, как обычно, слушала его, восхищаясь каждой разыгранной им репликой, и он, как это часто случалось в последний год, внутренне съезжился от дурного предчувствия, что однажды она все узнает и не простит. Но именно эта эквилибристика на грани разоблачения и придавала его роману с Джудитту остроту, которая подстегивала его нервы до звенящего напряжения, необходимого для его работы над «Парсифалем». Он не мог отказать себе в этой последней радости — «Парсифаль» был его лебединой песней, после него оставалась только смерть.

Мысль о смерти опять напомнила ему о некрологе и он опустил книгу на колени.

— Может, хватит на сегодня? — спросил он, заглядывая Козиме в глаза и замечая, как ужасно она устала. — Иди спать, детка, а я еще поколдую над книгами.

Она, хоть до смерти хотела спать, все же ушла не сразу, а сперва немного похлопотала вокруг него, заботясь о его головокружении и микстуре от кашля. Он терпеливо

переждал ее заботы, а потом еще четверть часа, пока не убедился, что она поднялась из своей гардеробной комнаты наверх, в спальню. После этого он подождал еще десять минут для верности, хоть она обычно засыпала мгновенно, умученная дневными хлопотами, обеспечивающими ему мир и покой. Потом тихонько, стараясь не шуметь, он спустился вниз, в лиловый салон Козимы и открыл ящик бюро, в котором она хранила свой дневник.

Ему необходимо было вспомнить, чем он был занят в те дни, когда Мишель умирал, над чем бился в тот день, когда Мишель умер, чему радовался в тот день, когда громоздкий гроб с телом Мишеля опустили в сырую яму на кладбище в Берне. Странно, он мог с легкостью восстановить в памяти — не только по дням, но даже по часам — их ночные прогулки с Мишелем, их нескончаемые страстные беседы почти ридцатилетней давности. Но вот события прошлого лета слились в один долгий нерасчлененный сердечный спазм, на пестром фоне репетиций, декораций, капризных выходов актеров и вечной головной боли о деньгах.

Впрочем, головная боль из-за денег преследовала Рихарда и в тот незабываемый год, когда они с Мишелем, беспечные и молодые, фланировали по улицам спящего Дрездена, погруженные в увлекательные споры о судьбах человечества. Просто в те далекие дни забота одолгах и кредиторах не ложилась на его душу таким нестерпимым бременем. Тогда его гораздо больше занимал любовно вынашиваемый под сердцем проект создания саги о Нибелунгах. Как капризно распоряжается нами судьба, — во время одной из ночных прогулок по набережной Эльбы он попытался поделиться своими замыслами с Мишелем, но тот не пожелал его слушать, поскольку намеревался разрушить всю эту жизнь вместе с ее обывательской культурой, включающей и замыслы Рихарда. И что же? Теперь, через двадцать восемь лет «Кольцо Нибелунгов» Рихарда Вагнера завершено и поставлено на сцене театра Рихарда Вагнера, а Мишель Бакунин, так и не дождавшись крушения буржуазного мира, умер в швейцарской больнице, которая была неотъемлемой частью этой живучей культуры.

Что же было в день смерти Мишеля? 1-е июля — его можно легко себе представить: разгар лета, самодовольная пышность листвы на деревьях королевского парка, калей-

доскоп цветов на клумбах Винфрида, однако в памяти нет ни одной житейской детали из этого дня. А как ясно встает перед глазами сцена его последнего прощанья с Мишелем, странная, почти фантастическая, не похожая ни на какое другое прощанье.

Это было 10 мая в небольшом городке Фрайберг под Дрезденом, куда временное революционное правительство вынуждено было бежать вместе со своей разгромленной армией. И Рихард, тоже последовал за ними — у него были на то свои причины.

Он нашел своих соратников в гостиной дома главы временного правительства Хюбнера, который был жителем Фрайберга. Они отчаянно спорили о том, что лучше, — с оружием в руках защищать Фрайберг от наступающей прусской армии или отступить и перегруппироваться в более крупном Хемнице, где была надежда на поддержку рабочих организаций. Спорили до хрипоты уже несколько часов, голоса разделились, и ни один из вариантов не выглядел приемлемым. В конце концов члены правительства, безумно уставшие после нескольких дней тяжелых боев на баррикадах Дрездена, отправились проверять состояние своих войск, а Рихард остался в гостиной наедине с Мишелем.

Они сидели на диване, намереваясь обсудить какие-то подробности предстоящего дня, как вдруг Мишель замолк на полуслове и, грузно откинувшись на спинку дивана, захрапел. Рихард попробовал встряхнуть его, но все его попытки разбудить Мишеля ни к чему не привели, он только качнулся вбок, положил голову на плечо Рихарда и навалился на него всей своей непомерной тяжестью. Рихард и сейчас с поразительной ясностью ощутил всю горечь разочарования, охватившего его в тот момент — все эти месяцы он так жаждал физического контакта с Мишелем, жаждал его прикосновения к своей коже, предвкушая блаженство электрической искры, которая вспыхнет в его теле от этого касания. Но он хотел нежной, человеческой ласки, а не этого — бездумного, неосознанного давления тяжелой головы Мишеля на свое плечо. Тем более, что впереди зияла пропасть, в которую можно было упасть, если не разбежаться перед прыжком изо всех сил. Ему стало не по себе, — еще не все было обдумано, не все опасности взвешены. Пора было отправляться в путь. Он отвел ото лба Мишеля крутые темные куд-

ри, легко-легко коснулся их губами, высвободил затекшее плечо и, с трудом оттолкнув увесистую тушу друга, поднялся с дивана. Мишель безвольно скатился на сиденье и захрапел еще сильней. Бросив на него прощальный взгляд, затуманенный непрошенной слезой, Рихард вышел из гостиной. Больше они никогда не виделись.

До сегодняшнего дня, когда он вновь увидел глаза Мишеля, глядящие на него с газетной страницы. Впрочем, это уже не в счет, Мишеля нет в живых с 1 июля 1876 года. Рихард раскрыл дневник Козимы за 76-й год — в том месте, где должна была быть запись за 1-е июля. Но такой записи не оказалось — вместо нее был скомканный абзац, помеченный числами 1–11 июля. Выходит, недаром у него в душе осталось ощущение мучительного куса непрожеванного времени, если даже неутомимая Козима не смогла расчленить этот ужасный период на отдельные дни! Что же тогда происходило?

«Воскресенье—Четверг 1–11 июля.

Прогон «Сумерек Богов» от начала до конца! Тенор Унгер (Зигфрид), кажется, выздоровел, но тут же начались проблемы с баритоном Кутелем, исполнителем партии Хагена — он не выдержал напряжения и уехал. Огромные финансовые трудности, каждый день стоит 2000 марок, а доходы ничтожные. Казначей утверждает, что через три недели ничего не останется. Я пытаюсь получить из Парижа хоть какую-то часть маминого наследства, пока безрезультатно. Пришел по почте пакет от Ницше с замечательным эссе «Вагнер в Байройте» — «Сумерки Богов» воистину вдохновляющее творение! Душераздирающее известие о внезапной смерти одного из наших оркестрантов — скрипача Рихтера из Берлина!»

Теперь Рихард ясно вспомнил первое июля. Это было еще до приезда Джудит, — первый прогон «Сумерек Богов», первая воплощенная на сцене смерть Зигфрида! Подумать только — в день смерти Мишеля! У Рихарда холодок пошел по спине. Может ли это быть простым совпадением?

И разом, перештетаюсь и путаясь, хлынули несовместимые образы из разных времен. Вот Мишель, заметив, что Рихард то и дело прикрывал рукой слезящиеся глаза, заслоняет лампу непомерной лопатой своей ладони и держит

ее так, на весу, все полтора часа их беседы. И тут из-под ладони Мишеля вовсе некстати выглядывает обрамленное редкими кустиками седеющих кудрей лицо берлинского скрипача Рихтера, скоропостижно скончавшегося где-то в начале июля, во время репетиции «Валькирий».

Скрипач Рихтер умер от разрыва сердца, и при мысли об этом собственное непрочное сердце Вагнера начинает тихонько скулить то ли под ложечкой, то ли под лопаткой. И вспоминается один ужасный день, тогда же в июле, еще до приезда Джудит. Рихард с Козимой пригласили в ресторан «Странствующий рыцарь» механиков сцены братьев Брюкнеров, которые на месяц просрочили изготовление плавательного аппарата для хоровода рейнских русалок в «Золоте Рейна». Так же заскулило у Рихарда под ложечкой, когда один из братьев пролепетал в свое оправдание, что они весь этот месяц были заняты по горло, выполняя заказ старого клиента герцога Мейнингенского. Рихарду и сейчас тяжело вспомнить, какой гнев охватил его, когда он услышал, что для них он всего навсего «клиент». Как он бушевал, как швырял на пол тарелки, как орал и топал ногами! Оказывается, он, Рихард Вагнер, создатель искусства будущего, для этих мастеровых такой же клиент, как и какой-то ничтожный герцог, который только тем и хорош, что получил по наследству титул и деньги! Прав был Мишель, — вся современная культура прогнила, и пора с ней кончать!

Правда, потом пришлось просить у Брюкнеров прощения. Но от ресторана «Странствующий рыцарь» пришлось отказаться навсегда. Рихарду было неловко появиться там снова после той ужасной сцены. Точно так же он отказался когда-то от Мишеля и не стал его искать, хоть прекрасно знал, что тот убежал из ссылки и вернулся в Европу. А Мишель, оказывается, все эти годы жил в Лугано, совсем по-соседству с Люцерном, где Рихард вынужден был поселиться в 65 году, когда молодой баварский король Людвиг упросил его убраться из Мюнхена добровольно, не дожидаясь, пока его подлецы-министры учинят им обоим какую-нибудь пакость. Он прожил там восемь лет, полных бурь и страстей, — на берегу озера, в роскошной вилле Трибхен, за аренду которой платил король, а обживать и обставлять помогала Козима, тогда еще формально жена его лучшего друга, дирижера Ганса фон Бюлова.

Честно говоря, в начале этих драматических восьми лет Рихарду было не до дрезденских воспоминаний и не до дрезденских друзей. Его судьба всецело зависела от юного короля, фанатично, безумно в него влюбленного. Хоть король вынужден был подчиниться требованиям своих завистливых подлецов-министров, он все равно не отказался от идеи осуществить постановку всех опер Рихарда в баварском королевском театре. Не говоря уже о солидных суммах, которые он платил за переданные ему авторские партитуры этих опер.

В те годы любовь короля была главным достоянием Рихарда. Она была последней соломинкой, протянутой ему с небес в тот страшный миг, когда все его надежды рухнули и черная бездна небытия уже разверзлась, чтобы поглотить его навеки. И не успел он прийти в себя от этой неожиданно свалившейся на него милости, как ему была оказана другая милость, не столь неожиданная, но зато в то время крайне неуместная — на него свалилась Козима, вконец отчаявшаяся наладить свой неудачный брак с Гансом и полная решимости заполучить Рихарда.

Она отважно покинула Ганса и, поселившись в Трибсхене, начала рожать Рихарду детей, скрывая при этом от всего мира, что дети от него, а не от Ганса. Поначалу Рихард с ужасом представлял себе, какие формы примет ярость влюбленного короля, когда тот узнает, что он изменяет ему с Козимой. Но годы шли, после рождения двух дочерей Козима была беременна в третий раз, а король все еще ничего не подозревал. Рихард, научившись загонять страх в дальние закоулки души, постепенно втянулся в блаженный ритм семейной жизни, созданной заботами преданной Козимы, и погрузился в создание «Кольца Нибелунгов».

Как-то в мае, — уже подзабылось, какой это был год, — в день рождения Рихарда король Людвиг сюрпризом примчался из Мюнхена в Трибсхен и, не в силах больше выносить разлуку, объявил, что намерен незамедлительно отречься от престола, чтобы навсегда остаться с Рихардом. Это были головокружительные дни. Нужно было отговорить молодого безумца от бредовой идеи отречения, изощрившись как-то так объяснить присутствие в Трибсхене Козимы с новорожденной дочкой Изольдой, чтобы не лишиться королевской привязанности, на которой держалось все настоящее и будущее благополучие Рихарда. И при этом

не дать и Козиме повода заподозрить что-либо насчет интимного характера своих отношений с королем.

При одном воспоминании об этих днях Рихарда бросило в дрожь, и он, опять почувствовал себя циркачом, одиноко идущим по канату, высоко натянутому над головами зрителей».

Тут рука Карла снова провела волнистую линию, под которой он стал писать крупней, свободней, но менее удобно для расшифровки:

«Если бы беззаветные обожатели музыки Вагнера смогли когда-нибудь прочесть эти строки, они бы меня, наверно, линчевали. Но вряд ли им удастся это прочесть. Оно и к лучшему, а то пришлось бы им объяснять, как мне представилась уникальная возможность изучить дневники и письма нашего национального гения с таким тщанием, на какое у человека на воле просто не хватило бы сил. Кто бы ему обеспечил тот необъятный простор свободного времени, какой дает тюремное заключение? Ведь мне не надо заботиться ни о чем — ни о зароботке, ни о карьере, ни о хлебе насущном. Все это, плюс доставку любых затребованных мною книг, — любезно обеспечивает наше прекрасное демократическое государство, которое я весьма непредусмотрительно, но, к счастью, безуспешно, пытался разрушить.

Но если бы у меня даже произошло столкновение с миллионами поклонников преобразователя немецкой оперы, я не стал бы их переубеждать. Я бы только скромно процитировал им некоторые выдержки из писем их кумира. Вот, например, его письмо из Парижа к другу голодной юности художнику Эрнсту Бенедикту Китсу от 8 июля 1841 года, в период особенно острой нищеты:

«Сегодня мне удалось раздобыть целых 50 франков, так что есть на хлеб. Только не спрашивай, как я их заработал. Я расскажу тебе при встрече. Не будь слишком суров к педерастам!»

А вот отрывок из другого, гораздо более позднего письма, которое Вагнер написал где-то в конце 69-го года своему личному врачу и другу Антону Пусинелли:

«Вообще-то я, похоже, принадлежу к тому редкому типу людей, которым суждено жить и работать до глубокой старости. Хотя я быстро вспыхиваю и при раздражении меня бросает в жар, я столь же быстро прихожу в себя и вновь чувствую

себя здоровым. Единственное, что мне всерьез досаждало, это боли и воспаление в прямой кишке. Когда летом 1868 я вернулся из Мюнхена, где по прихоти короля Людвига ставили «Майстерзингеров», мои страдания были ужасны. Но поскольку причина этих страданий была мне ясна, я решил больше никогда не возвращаться в Мюнхен — там для меня сушится ад».

Я процитирую им эти письма не для того, чтобы их огорчить, а исключительно из сочувствия. Я отлично знаю, что у них, бедняг, замученных будничными заботами обывательского быта, никогда не будет ни времени, ни сил прочитать тысячи страниц, написанных их кумиром — собственноручно или, в крайнем случае, надиктованных им любимой жене Козиме, молитвенно сохранившей для нас каждое слово своего великого супруга.

Впрочем, я напрасно упомянул Козиму в этом контексте — те письма, отрывки из которых я тут привожу, вряд ли предназначались для ее глаз. Не могу удержаться, так и тянет прервать самого себя забавной цитатой из дневника Козимы за 10 июля 78 года.

«Сегодня я весь день помогала архивариусу Глазенаппу составлять каталог писем Р. Перед ужином я рассказала об этом Рихарду, он смутился и воскликнул: «Какая глупая девочка!» Когда я сказала, что прочла несколько его писем к королю, я заметила, что ему стало не по себе. Он сказал: «Увы, эти письма звучат не слишком красиво. Но ты ведь понимаешь, не я задавал тон этой переписки». Я заверила его, что понимаю, и увидела, что он почувствовал себя лучше».

Еще бы ему не смутиться при мысли, что Козима прочла какие-то строки из его писем королю! Так, к примеру, начинается письмо от 13 июня 65 года:

«Мой самый красивый, самый совершенный! Мой возлюбленный, моя единственная радость и утешение! Мой король, мой друг, мой победительный Зигфрид!»

А так кончается другое, от 27 июля того же года:

«Разлученные — что может разлучить нас?»

Оторгнутые друг от друга — мы все так же неразлучны!

Как я жду того мига, когда я вновь увижу вас, единственного, для кого я живу! Вы для меня — весь мир!»

После этих цитат уже не было никакой черты, просто невыразительное отточие, за которым опять побежали убогие, но четкие строчки:

«Юный король ворвался в жизнь стареющего Рихарда, когда, по всем внешним приметам, она уже подходила к концу. За пять бездомных лет, предшествующих появлению короля, Рихард многократно пересек Европу с запада на восток и с востока на запад в поисках пристанища и дружбы.

Венеция, Милан, Люцерн, Цюрих, Париж, Брюссель, Антверпен, Париж, Бад Солен, Франкфурт, Дармштадт, Баден-Баден, Париж, Карлсруэ, Париж, Вена, Париж, Цюрих, Карлсруэ, Париж, Бад Солен, Веймар, Нюренберг, Бад Райхенхаль, Вена, Венеция, Вена, Майнц, Париж, Майнц, Биберих, Карлсруэ, Биберих, Вена, Штутгарт.

И нигде, ни в одном из этих городов, не нашлось места, где он мог бы преклонить свою одинокую седеющую голову! После всех этих лет неприкаянности и безденежья внезапный кульбит его судьбы мог быть сравним только со стремительной бурей, одним ударом взрывающей набухшую влажной духотой предгрозовую тишину. К моменту появления королевского гонца в захудалой штутгартской гостинице, где он прятался от кровожадных кредиторов, мир вокруг него уже перестал дышать и светиться. А он сам мысленно переправился в царство мертвых, так что на свое новое существование он мог посмотреть отрешенно, из мира теней, не имеющих ничего общего с реальной жизнью. Тогда ему казалось, — о, как он ошибался! — что он уже простился со всем сущим, кроме той цели, ради достижения которой ему стоило оставаться в живых.

А цель у него была великая, какой никогда не было у других художников. Он намеревался создать новый театр, такой, какой был немислим до него, — театр для исполнения его опер, невиданных и неслыханных до него. Где им понять его, этим мелкотравчатым музыкальным жидкам, переполняющим и оперные подмости, и оперные залы! Впрочем, напрасно он снисходит до мыслей о них, — они копошатся далеко внизу, там, куда никогда не ступит его нога, разве что он сорвется с каната в момент гибели. А он может сорваться, ах, как может! Все чаще напынает о себе возраст, все чаще тошнотно кружится голова, и сердце, беспомощно трепыхаясь, закатывается под лопатку.

Но кое-какие радости у него еще остались. Их, правда, немного, раз-два и обчелся — сочинение музыки к «Парсифалю» да тайная переписка с Джудит. Редкие письма от

нее к нему и частые от него к ней, не по почте, а через верного друга, парикмахера Шнаппауфа. Рихард бросил взгляд на висящую над бюро акварель, изображающую Трибсхен среди деревьев, на фоне горы Пилатус, и увидел мысленным взором, как на высокий порог взбегают по ступенькам Джудит. Много лет назад она приезжала туда со своим молодым мужем, с которым она с тех пор давно уже развелась, — поклониться великому мастеру Рихарду Вагнеру. И хоть была она тогда юная и прекрасная, ему и в голову не пришло, что он еще полюбит ее бескорыстной стариковской любовью, похожей на последние лучи заходящего солнца, которое светит, да не греет.

Когда гаснут последние лучи солнца, наступают сумерки, а вслед за сумерками идет непроглядная ночь. Что ж, он готов на многое, чтобы задержать убегаящие за горизонт лучи, он даже готов смириться с тем, что в Париже у Джудит есть молодой любовник. Он только не может позволить этому мальчишке воображать себя композитором, — ведь сегодня всякий, кто чуть-чуть знает нотную грамоту, считает себя композитором. Ему больно думать, что прекрасная Джудит, которую он, Рихард Вагнер, назвал своей сладостной душой, не видит разницы между ним и своим возлюбленным молокососом, осмелившимся, по ее словам, на какое-то грошовое новаторство.

А впрочем, Бог с ней, пусть она думает что хочет о своем наглom мальчишке, лишь бы находила время для Рихарда. Какое счастье, когда Шнаппауф украдкой передает ему письмо из Парижа, надписанное ее теплой рукой! Как он рад ее посылкам, полным роскошных вещей из парижских магазинов, на покупку которых он тайком от Козимы переводит ей в Париж большие деньги! Ужас, о ужас, что будет, если Козима узнает!

Но он не может отказаться от Джудит, потому что даже страх разоблачения согревает сумерки его угасающей жизни. Чтобы поддержать ее интерес, чтобы не дать оборваться этой тонкой ниточке, он придумывает все новые и новые поручения, заказывает все новые ткани и душистые масла, чтобы Джудит бегала, искала, посылала, чтобы она всегда была занята мыслями о нем. Он уверен, что и сегодняшняя посылка потребовала от нее большой изобретательности. Ей пришлось хорошо постараться, чтобы раз-

добыть все эти замысловатые ткани, вышивки и отделочные кружева, а потом объяснить искуснику Феликсу точные детали задуманных Рихардом халатов.

При мысли о посылке, под сердцем недобро кольнуло, напоминая о газете с некрологом и о смерти. Господи, что это с ним? Он совсем забыл, зачем он спустился сюда тайком от Козимы! А ведь она не допустит, чтобы он бесконтрольно болтался всю ночь внизу, вместо того, чтобы спать в своей постели.

Он поспешно открыл резную дверцу бюро и, запустив руку вглубь, нажал защелку искусно скрытого под карнизом секретного ящичка. На дне коричневого гнезда лежал конверт со старыми документами. Рихард вынул из конверта тонкую пачку бумаг и начал осторожно перебирать их, пока не нашел пожелтевшую от времени газетную страничку. Расправив ее на крышке бюро, он в который раз перечитал:

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ

в связи с недавними беспорядками, в которых он принимал активное участие, Рихард Вагнер, Королевский капельмейстер города Дрездена.

Возраст — 36 лет, рост — низкий, волосы — темнорусые, носит очки.

Полиция получила приказ приложить все силы к розыску вышеназванного Вагнера и, в случае ареста, немедленно доложить по начальству.

Фон Коппель

Помощник начальника полиции г. Дрездена.

Май, 1849».

Как видно, сил, приложенных полицией к розыску вышеназванного Вагнера, оказалось недостаточно, раз тот сумел улизнуть в соседний Веймар. А там его верный друг и покровитель Франц Лист уговорил некоего профессора Видманна отдать беглому дирижеру свой паспорт. С этим паспортом Рихард, несмотря на терзавший его страх, благополучно пересек германскую границу и оказался в Швейцарии, где уже никого не интересовал разыскиваемый немецкой полицией бывший королевский капельмейстер города Дрездена.

Но ему не удалось как следует сосредоточиться на изворотливости того Рихарда Вагнера, которого отделяли от сегодняшнего почти тридцать лет. Его чуткое ухо уловило еле слышный скрип отворившейся наверху двери и голос Козимы позвал негромко:

— Рихард! Рихард, где ты?

Не отвечая, он испуганно затих, понимая, что попался. Она теперь не успокоится, пока не отыщет его, куда бы он ни спрятался. Она подождала пару секунд, окликнула его еще раз и начала медленно спускаться по лестнице. И хоть он с самого начала знал, что наступит момент, когда она проснется и отправится его искать, он как-то не сумел к этому моменту подготовиться. При звуке ее шагов он первым делом сунул дневник на место, а потом поспешно закрыл секретный ящик, в растерянности позабыв положить обратно вынутые оттуда документы. Когда он сообразил, что все еще держит их в руке, он торопливо сунул их под рубашку и начал завязывать шнуры на куртке, чтобы скрыть небольшое вздутие под сердцем.

За это время Козима миновала столовую на втором этаже и стала спускаться на первый. Теперь ей нужно будет только пройти через репетиционный зал, чтобы найти Рихарда, сидящего перед ее бюро под единственной горящей в доме лампой. А он не в силах был сейчас, глядя ей в глаза, разумно объяснить, зачем он в такой поздний час сидит перед ее бюро под этой лампой. И он решился, быстро схватил с полки первую попавшуюся под руку книгу. Он все же успел глянуть на корешок, это были «Греки и римляне» Шлегеля — и бесшумно опустился обратно в кресло. Шаги Козимы приближались, оставалось всего несколько секунд. Он устроил раскрытого Шлегеля в локтевом сгибе небрежно упавшей на грудь руки, как раз над вздутием под курткой, и закрыл глаза. Он услышал, как она вошла и на миг замерла на пороге, осознавая, по-видимому, что он спит. Стараясь дышать как можно ровней, чтобы не разоблачить свое притворство, он почувствовал, как ее тень заслонила свет лампы. Вдыхая едва уловимый запах ее волос, он сообразил, что она склонилась над ним, пытаясь рассмотреть лежащую у него на груди книгу, однако не решилась разбудить его, а потоптавшись вокруг бесконечно длинную минуту, на цыпочках пошла прочь.

Краем глаза он проследил за ее уходящей в темноту спиной и вздохнул с облегчением, когда она стала медленно подниматься к себе в спальню.

К сожалению, он не услышал стука притворенной двери, — она оставила дверь открытой, чтобы слышать, когда он пойдет к себе наверх. Теперь она, конечно, ни за что не уснет, пока не убедится, что он лег. В таких условиях он не мог начать новую возню с секретным ящиком. Придется прихватить документы с собой и идти спать. Не только из-за Козимы, — вообще пора кончать день, и так проклятая нервная сыпь расплзается все дальше по животу и груди.

Наутро Рихард выглянул в окно и увидел, что за ночь выпал снег. Не настоящий зимний, тяжелый и обстоятельный, а легкий, неверный, быстро исчезающий под лучами робкого солнца, которое нет и нет, а прорывалось в прорехи между облаками. Вот от чего вчера весь вечер ломало кости и обручем сдавливало голову — может быть, вовсе не из-за смерти Мишеля, а просто из-за скопившегося в небе снега!

После завтрака он с интересом проследил, как Козима записала в дневнике вчерашнее ночное происшествие:

«...мы очень смеялись, потому что вчера Рихард так перевозбудился за работой, что, когда я пошла спать, за чем-то спустился вниз в салон. Через какое-то время я проснулась, и обнаружив, что его нет, принялась беспокоиться. Я вылезла из постели и потихоньку спустилась по лестнице. В салоне горел свет, а он сидел под лампой и спал в кресле, держа в руках раскрытую книгу Шлегеля «Греки и римляне». Успокоенная, я не стала его будить и ушла к себе, а он вскоре проснулся и тоже поднялся наверх. Утром мы очень смеялись над его рассеянностью».

«Слава Богу, пускай смеется!» — с облегчением вздохнул Рихард, хотя запись Козимы не убедила его, будто она сама верит в то, что написала. Она ведь вела дневник для увековечения его славы, а не для откровенного разговора с потомками, и некоторые ее записи были сделаны скорей для сокрытия правды, чем для ее выявления. Однако он не стал развлекать эту тему вслух, а пожаловался на головную боль и объявил, что намерен идти гулять. Козима всполошилась, — по ее мнению, прогулка в такую погоду грозила ему смертельной простудой. Но он уперся, настаивая, что ему надо прочистить мозги, а это удастся только при про-

гулке быстрым шагом. Она нехотя уступила, при одном условии, что он наденет боты, чтобы не промочить ноги. «Выгляни, там все тает», — настойчиво повторяла она, пока он не согласился. Бог с ней, боты, так боты, лишь бы отстала и выпустила из дому!

Напялив боты и замотав горло мохнатым шарфом, он, наконец, вырвался на свободу в белую тишину королевского парка. Там остро пахло мокрым снегом, который предательски таял под ботами, но все еще нераскайно прикивал к голым веткам кленов, больше подчеркивая, чем скрывая их наготу. Оставляя за собой черную цепочку следов, быстро растпывающихся на белом, Рихард пошел в глубь парка, проворачивая в голове многослойный фарш нерешенных проблем.

В первую очередь нужно было срочно сообразить, что делать с унесенными вчера ночью документами. Он, правда, перед завтраком умудрился спрятать их среди бумаг у себя в кабинете, четко сознавая, что это не выход, а всего лишь кратковременная отсрочка. Кабинет был местом более или менее священным, вряд ли Козима пойдет туда на разведку, но отсутствие бумаг в секретном ящичке она может заметить в любую минуту.

Кроме того, нужно было правильно преподнести ей сюжет с посылкой и, выбрать удобную ситуацию, чтобы предъявить какую-то часть присланных Джудит вещей, не вызывая подозрения, что они присланы Джудит. Можно не сомневаться, что Козима уже порылась в шкафу у него в гардеробной и нашла висящие там новые халаты. Зато есть надежда, что она все же не обнаружила новые сорочки, не отличив их от старых, которых у него без числа. Он постарался разложить их так, чтобы они не бросались в глаза. Значит, объяснять придется только халаты, а это несложно. Козима давно смирилась с его страстью к роскошной домашней одежде. И особый сюжет ему, собственно, незачем сочинять, — ловкач Шнаппауф так наострился переадресовывать посылки от Джудит, что и комар носа не подточит. Да и сам Рихард за эти полтора года тоже научился кое-каким хитростям. Например, перед Рождеством он попросил Джудит добыть для Козимы японское кимоно невиданной красоты, а потом прислать его прямой посылкой к ним в Винфрид вместе с ароматическими маслами и кру-

жевами, купленными для него. Козима была в восторге от этого подарка и долго расхваливала Джудит за внимание к ним обоим. Хотя, если слух его не подвел, расхваливала слишком громко, так что он усомнился в ее искренности.

Ах, Козима, Козима, верная и на все для него готовая, но твердая, как камень, когда дело доходит до решительной точки. И переписка с Джудит может оказаться такой решительной точкой, если Козима о ней узнает. А его чутье последнее время то и дело подсказывает, что она о чем-то догадывается и исподтишка наблюдает. Не пришла ли уже пора покаяться и все ей рассказать, прежде, чем она придет к нему с разоблачениями?

Рихард остановился у мостика, переброшенного через канал, соединяющий два овальных озера. Сегодня тут еще никто не проходил, и снег на выгнутой спинке мостика лежал пушистый и нетронутый, но готовый превратиться в грязное месиво от первого прикосновения. Рихард сделал шаг, за ним другой, третий и, обернувшись, поглядел на оставленные его ботами черные провалы, быстро заполняющиеся талой водой. А вот внутри, в ботах, было тепло и сухо. Козима, как всегда была права, заставив его напялить эту стариковскую обувь.

Подул холодный ветер и тяжелый пласт снега, сорвавшись откуда-то с верхних веток, шумно шлепнулся в озеро, вмиг замутив спокойную гладь воды. Ведь всего секунду назад все вокруг выглядело таким надежным, таким безмятежным, а по сути было так хрупко и уязвимо! Сколько раз с ним уже это случалось — стоило ему найти тихую заводь, обещающую душевный мир, необходимый для его работы, как какие-то злые силы побуждали его собственноручно все разрушить. Он даже почти смирился с тем, что источник этих сил гнездится в его собственной мятежной душе, которой никакая любовь, никакая дружба не могут принести желанный покой.

Но теперь он этого не допустит. Он слишком стар, чтобы рисковать своими отношениями с Козимой — даже ради любви Джудит! Тем более, что он не мог обольщаться настолько, чтобы не понимать истинного характера этой любви. От него ведь не укрылось напряженное выражение ее лица, когда он, исхитрившись остаться с нею наедине в своем кабинете, притянул ее к себе и попытался поцело-

вать. Она тогда не просто вырвалась, она отшатнулась! И хоть он притворился, что верит ее сбивчивым объяснениям насчет Козимы, которая может вдруг войти и застать, они не обманули его. Он отпустил ее вниз, в зал, где уже, весело переговариваясь, собирались гости, приглашенные отпраздновать завершение второго цикла фестиваля, а сам спустился в гардеробную и зажег свет над большим зеркалом. Из голубоватого овала на него смотрело старое-старое лицо со сморщенной кожей, вяло обвисающей под подбородком. Он мог понять Джудит, он на ее месте тоже не захотел бы прижаться к такому лицу своими молодыми губами.

Он потихоньку побрел обратно, всматриваясь в вырастающие ему навстречу изящные очертания своего первого в жизни дома. Когда онуходил на прогулку, Козима стояла в дверях и глядела ему вслед. Выражение ее лица было таким же, как в день представления «Валькирий», когда он пригласил Джудит сидеть с ним рядом во время спектакля. В начале первого действия он потихоньку взял ее маленькую ладонь в свою, наслаждаясь порывистыми переборами ее пульса в такт его музыке. В тот день он мог бы быть счастливым, если бы в антракте не заметил, что Козимы нет в зале. Он спросил о ней у Франца Листа, рядом с которым она сидела во время увертюры, и тот ответил, что у дочери разболелась голова, и она уехала домой. Это означало, что она рассердилась из-за Джудит. Он знал, что никакая головная боль не вынудила бы Козиму пропустить представление «Валькирий»! Что ж, у него не было иного выхода — бросив все, он вызвал карету и помчался за ней. В конце концов он уговорил ее вернуться, но день был испорчен.

Похоже, и сейчас у него тоже иного нет выхода. Он слишком долго играл с огнем и доигрался. Ему придется уничтожить письма Джудит и покаяться перед Козимой. Остается только надеяться, что Джудит тоже уничтожит его письма, а не станет хранить их для потомства. Впрочем, на это надежды мало — как же ей не похвастаться любовью самого Рихарда Вагнера? Значит в лучшем случае, можно только надеяться, что она не станет болтать о его любви, пока он жив.

А ей есть чем похвастать! Ведь он порой бывал весьма неосторожен, у него до сих пор где-то валяется обрывок письма, которое ему пришлось перебеливать из-за трудно-

стей французской орфографии. Начало еще выглядит довольно прилично:

«Козима все еще полна благодарности и восторга из-за японского платья и других вещей, присланных тобой...»

Но дальше он не сдержался:

«Я был так счастлив видеть на этом пакете адрес, выведенный твоей теплой рукой, которую я сжимал во время представления Нибелунгов. Но что — что? Так уж устроена жизнь! Почему, почему — ради всего святого — я не встретил тебя в те ужасные дни, когда «Тангейзер» провалился в Париже? Или ты была тогда слишком молода? Давай не будем говорить об этом, а будем любить друг друга! Любить, любить!» Конечно, все эти обрывки нужно сжечь, чтобы от них не осталось и следа. Кроме того ему придется хорошенько обдумать ту версию его переписки с Джудит, в которой он покается Козиме, — не может быть и речи, чтобы он рассказал ей всю правду. Скорей всего, он представит дело так, будто он просил Джудит покупать ему разные дорогие вещи и стеснялся посвящать Козиму в детали своих расточительных прихотей.

Об этом нужно будет еще подумать, а для начала он сейчас сообщит Козиме о смерти Мишеля. Будто бы ему кто-то рассказал во время прогулки. Тогда он сумеет объяснить ей свое мрачное настроение и спокойно изъять хранящуюся у нее за семью замками историю своей жизни, которую она когда-то записала под его диктовку.

Известие о смерти Мишеля Козима восприняла довольно равнодушно и даже не спросила, кто именно ему об этом рассказал. Оно и неудивительно — ведь она не была знакома с Мишелем и знала его только со слов Рихарда. Славное это было время, когда он диктовал ей свои воспоминания! Им было тогда так хорошо вместе! А бедняга король наивно верил, что только ради этих воспоминаний она постоянно живет не со своим мужем в Мюнхене, а с Рихардом в Трибсхене.

Сейчас же, услышав, что он хотел бы перечитать свои воспоминания о дрезденском восстании, которые он надиктовал ей еще в первые годы их жизни в Трибсхене, она удивленно вздернула брови, но без возражений открыла запертый ящик бюро и вручила ему пухлый том, исписанный ее каллиграфическим почерком.

— Хочешь, почитаем это сегодня вечером вслух? — не ловко пошутил он, но она не улыбнулась его шутке, а молча отвернулась и пошла звать детей к обеду. Не оставалось сомнений, что она о чем-то провела, — значит, ему не следует откладывать покаяние надолго. Может быть, он поговорит с ней об этом завтра, но только не сегодня, сегодня он должен покончить свои счета с Мишелем».

После этих слов Карл что-то зачеркнул, до полной неразличимости, и написал:

«Похоже, он начал сдавать. Все смешалось в его памяти, — поминки по Мишелею, ненависть к врагам и завистникам, благодарность к Козиме, нежность к Джудит. Но он знал, что сегодня ему следует сосредоточиться на Мишеле, сегодня это самое важное».

Этот абзац тоже был зачеркнут, но тонко, негусто, словно он был отменен неокончательно, а оставлен для обдумывания. Под ним была начерчена волнистая линия, а под ней:

«Что-то никак не могу нащупать главное, вот и нервничаю. Вообще, непонятно, с чего я так разгорячился. Ведь я терпеть не могу музыку Вагнера. Значит, несет меня какая-то другая, неведомая мне сила, но уж никак не любовь к объекту. Кто его знает, может быть, из меня и впрямь мог бы получиться писатель? Или профессор каких-нибудь туманных социальных наук, как я врал когда-то бедняжке И. А она, дурочка, внимала, раскрывши рот, и верила каждому моему слову».

В этом месте Ури вздрогнул, словно его ударило током. Погрузившись в чтение, он как-то отключился от личного момента, и напоминание о роли Карла в жизни Инге поразило его сейчас, как когда-то потрясла ее исповедь с предъявлением листков полицейского розыска в виде вещественного доказательства. Злорадно отметив, что Карл вовсе не был профессором даже сомнительной сравнительной истории, — вот уж воистину туманная социальная наука! — Ури взглянул на часы, не столько для того, чтобы узнать, который час, сколько для восстановления душевного равновесия. Ну и ну! Он даже не заметил, что провел над этим дневником около трех часов. Так и приход дежурного библиотекаря немудрено прозевать — в беззаконном храме читального зала день был неотличим от ночи. Только сейчас Ури почувствовал, как ему хочется спать, и секунду поколебался, что делать дальше — вздремнуть или продолжить чте-

ние. Нет, решил он, задремать опасно, вполне можно проспать открытие читального зала, лучше уж читать.

«Черт его знает, может, я и впрямь погубил свою жизнь, как сказал мне во время процесса прокурор, изображая на своей самодовольно сытой морде несоответствующее его свирепости сочувствие. Женился бы на И. и плодил бы с ней детей в каком-нибудь цветущем университетском городке, вроде Гейдельберга. И подох бы там со скуки, или запил бы мертвую от беспросветности мещанского благополучия среди надраенных до блеска паркетов, на которые нельзя даже плюнуть, не то, что насрать. Но я не поддался на приманку мирной жизни и был за это вознагражден. Трудно передать восторг, который я испытывал, когда на всех телеэкранах мира появлялись леденящие душу картинки летящих под откос поездов и взорванных автомобилей! Когда дикторы, захлебываясь от возбуждения, на разных языках докладывали об осуществлении моих прошлых замыслов и соревновались в предсказании будущих. Мне довелось испытать минуты такого блаженства, какие даже не снились мирному человеку из университетского городка.

И это роднит меня с героями вагнеровских драм, хоть сами эти драмы нагоняют на меня беспробудную скуку. Мы, рожденные от предков, тосковавших по солнцу в сумрачных германских лесах, можем ощущать истинный вкус жизни только на острии ножа, на грани гибели, на краю пропасти. Еврейская душа Вагнера восторженно млела перед нашей арийской неспособностью к мещанскому прозябанию, и потому он сумел выразить и ублажить нас, как никто другой. За что и получил фестиваль в Байройте и всемирную славу.

Конечно, в моей версии многое требует объяснения, но, к счастью, у меня нет обязательств ни перед литературными критиками, ни перед представителями разгневанной общественности. Даже более того — общественность все равно разгневана, так что небольшая добавочная капля озорства уже не переполнит этот стакан. И я могу позволить себе любое оскорбление устоявшихся представлений. Меня не накажут больше, чем уже наказали. А насчет того, что Вагнер наполовину еврей, у меня, кроме слов Ницше, за которые Вагнеры с ним навеки рассорились, есть любопытное физиономическое свидетельство, добросовестно откопанное мною в тягостные часы тюремного безделья.

Передо мной на одной странице расположены два портрета, любезно сфотокопированные по моей просьбе одним из моих ангелов-хранителей. На одном — Рихард Вагнер собственной персоной, сфотографированный где-то на склоне лет, когда он уже достиг признания и земного благополучия. На другом — его отчим, художник Людвиг Гейер, который умер молодым, предварительно женившись на овдовевшей матери Рихарда, когда младенец еще не достиг и полугода. Сходство этих двух людей поражает воображение. Разница между ними только в возрасте, все остальное неотличимо: глаза, нос, складка губ, овал лица. И не меньше поражает имя отчима. Ведь многие немецкие евреи носили имена городов, а неподалеку от Дрездена, где родился Вагнер, есть городок Гейер. Да и сам Рихард до тринадцати лет носил фамилию Гейер, так что, если бы какая-то нужда не заставила его сменить ее на Вагнер, создателем новой немецкой оперы был бы Рихард Гейер.

И становится понятным непостижимый антисемитизм Вагнера. Он всего навсего хотел «откреститься» от своего еврейского происхождения, что, в конце концов, желание вполне прост...».

На этом обрывке слова закончилась вторая порция листов из красной тетради. Ури взялся было за третью, но она была написана мельче и тесней. Может быть, Карл боялся, что ему не хватит оставшихся в тетради страниц? Ури бегло просмотрел первые страницы. Похоже, это все еще был роман о Вагнере, но уже не сплошной текст, а отдельные незавершенные наброски. В одних фигурировал русский ниспровергатель Бакунин, в других — какой-то полицейский, по-видимому, родственник Вагнера. Ни на того, ни на другого у Ури уже не было сил, глаза слипались нестерпимо. Однако до открытия зала оставалось еще полчаса и надо было их как-то скоротать, чтобы не заснуть.

Ури поднялся из-за стола, спрятал листки в рабочую сумку и вдруг спохватился — ведь он забыл положить ключ от аннекса на рабочий стол Лу. Слава Богу, что он вспомнил об этом не слишком поздно! Тщательно зарыв ключ в груды бумаг, наваленных на ее столе, он отправился в туалет, где долго умывал лицо холодной водой, однако и это не прогнало сон. Тогда он снял рубашку и окатил холодной водой шею и плечи. Пока он вытирался бумажными

салфетками и растирал спину ворсистым свитером, прошло еще четверть часа. Просто удивительно, как медленно иногда тянется время! С ума можно сойти, до открытия зала оставалось еще целых пятнадцать минут!

Ури заставил себя войти в кабинку и протомиться там все эти пятнадцать минут плюс еще пять, чтобы иметь возможность появиться в читальне только тогда, когда кто-нибудь уже наверняка там будет. Проходя по залу позади книжных шкафов, чтобы не попасться на глаза Брайану, голос которого доносился из-за журнальных стенов, Ури заметил, что в том углу верхней галереи, где вчера сидел японец, уже горит лампа. Когда он, злорадно улыбаясь, подошел к выходу из читального зала, дверь распахнулась под нажимом энергичной руки и навстречу ему, сверкнув на миг ответной улыбкой, вбежала Лу. Не останавливаясь, она ловко сунула Ури в ладонь свернутую трубочкой записку и устремилась к столу Брайана. Прикрывая за собой дверь, Ури услышал ее сокрушенный голос:

— Господи, Брайан, я забыла вернуть вам ключ! Скажите сразу — меня казнят или помилуют?

Ури сконцентрировал все свое внимание на одной линии паркета и сосредоточенно двинулся вперед. Какие-то голоса окликали его, какие-то знакомые лица, приветливо качнувшись, ушлывали в туман, клубящийся вокруг его сонной головы, но он не откликался. С трудом волоча вдоль галереи налитые свинцом ноги, он колебался между двумя равно привлекательными вариантами — пойти перехватить что-нибудь в соседнем кабачке прежде, чем завалиться спать, или немедленно авалиться спать на голодный желудок.

Жаждающий пищи желудок все же победил, и Ури, сам не зная, как, обнаружил себя на высоком табурете перед стойкой, над которой клубился сладостный аромат яичницы с ветчиной и луком. Наслаждаясь первым отправленным в рот дымящимся золотым глазком, Ури вдруг вспомнил о зажатой в кулаке записке. Он развернул ее прямо на тарелке и прочел две коротких строки:

«Срочно жду тебя в том же кафе между 9 и 10 утра. Записку уничтожь немедленно. М-р».

Раскатывая обрывки записки между пальцами, Ури взглядел на часы — было девять двадцать. «Он что, воображает, что у меня во дворе стоит вертолет?» — вяло удивил-

ся кто-то посторонний, равнодушный к делам Ури и к его острому желанию заснуть тут же, за стойкой. Но спорить с Меиром этот посторонний не стал, — размяв бумажные катышки в склизких остатках непрожаренного белка, он волоком стащил вяло упирающегося Ури с табурета и поволок к автобусной остановке.

БРАЙАН

Сообщение о том, что аннекс закрывается для публики на три дня, застигло Брайана врасплох. Потом выяснилось, что директор объявил об этом еще накануне во время вечернего чая и повторил свое объявление утром за завтраком, который Брайан, к своему стыду, просто-напросто проспал.

Дело в том, что эта ночь далась ему нелегко. Расставшись с Яном, он долго не мог уснуть. Он метался в постели, сбивая простыни и, зарываясь носом в подушку, пока не взял себя в руки и не попытался тихо лежать с закрытыми глазами, так, чтобы ресницы не дрожали. Из этого, конечно, ничего не вышло, — непереносимое чувство вины надрывало его душу. Не только потому, что в нарушение всех правил он тайком повел Яна в святая святых библиотеки, но и потому, что он немог скрыть от себя те низменные мотивы, которые побудили его злоупотребить своим положением ответственного хранителя.

Ведь он пошел на это преступление вовсе не из человеколюбия, а только из ревности, из проклятой, ослепляющей ревности! Ему на миг показалось, что, уступая настойчивым просьбам Яна, он наказывает вероломного прекрасного магистра, пренебрегшего его любовью ради каких-то агрессивных баб.

Сколько лет безупречной работы понадобилось Брайану, чтобы получить почетное право бесконтрольно входить в хранилище древних рукописей! Такое право было еще только у директора и казначея. Даже уборщицы, раз в две недели очищающие полки с рукописями пылесосом соспециальными присосками, делали это только в присутствии кого-нибудь из них троих. Правда, кроме них еще мистер Муррей, пока был жив, мог в любое время входить

в хранилище через потайную дверь в аннексе, которую он предпочитал за то, что она избавляла его от подъема и спуска по крутым ступеням винтовой лестницы, ведущей из часовни. Но с тех пор, как мистер Муррей отправился в лучший мир, унаследовавшая его ключ вдова воспользовалась, этим ключом считанные разы, мало интересуясь древними рукописными сокровищами. Значит, Брайан был одним из трех привилегированных, и он рискнул своей привилегией ради мелочного удовлетворения, о котором прекрасный магистр даже никогда не узнает.

Осознав всю бессмысленную дерзость своего поступка, Брайан громко застонал и еще глубже зарылся в подушку. В мочевом пузыре начались мучительные мелкие спазмы. И хоть Брайану было ясно, что спазмы эти ложные, — просто нервы шалят, — он нашарил под кроватью комнатные туфли, накинул халат и двинулся в туалет. Конечно, он мог бы пощадить себя и, приподнявшись на цыпочки, помочиться в умывальник, но он чувствовал, что для одних суток достаточно нагрешил и без того.

Выйдя в коридор он на секунду остановился и прислушался. Где-то поблизости, за одной из дверей, шуршали и шептались напряженные голоса. А может быть, это был не шепот, а приглушенные любовные вздохи, — они были такие тихие, что только обостренный слух Брайана мог их засечь. В том, что эти звуки ему не померещилось, Брайан был уверен, — ему сразу стало головокружительно душно и представился Ули в обнимку с одной из настырных дам, проживающих на этом этаже. Оставалось только выяснить, с какой из них. Но тут, как назло, стоны и шорохи смолкли, словно неизвестные участники тайной любовной игры затаились, почуввав сквозь стену присутствие стороннего наблюдателя.

Комната Лу Хиггинс была чуть впереди справа, комната лицедейки Клары чуть позади слева. Брайан решил начать с Лу, он сделал несколько шагов вперед и прижался ухом к верхнему шпингалету ее двери. За дверью царил глубокая тишина, не нарушаемая даже шестом сонного дыхания. Отлично сознавая, что он нарушает собственные моральные нормы, Брайан осторожно приоткрыл дверь и на него пахло стерильным воздухом необитаемого жилья, — постель на пустой кровати была не смята.

Позабыв о своем намерении зайти в туалет, Брайан быстрым шагом пролетел по коридору, сбежал по лестнице на второй этаж и прикинул ухом к двери комнаты Ули — там тоже было тихо и пусто. Тогда, подгоняемый каким-то мистическим ужасом, он подкрался к двери Яна и, даже не утруждая себя попыткой прислушаться, сходу распахнул ее, заглянул в комнату, уже уверенный, что и там никого нет. Так оно и было — там тоже воздух был неподвижен и постель не смята!

Поля неведомых напряжений подхватили Брайана и стремительно повлекли назад, в его комнату, где больно швырнули на койку, развороченную долгой бессонницей. Он рухнул вниз лицом, как был, в халате и тапочках, и немедленно, словно его выключили, провалился в глубокий, похожий на обморок сон. Такой глубокий, что он проспал завтрак и с трудом успел добежать до читального зала, чтобы открыть его с опозданием всего лишь на две минуты.

Еще через две минуты перед ним появилась Лу Хиггинс, полная притворного раскаяния по поводу не сданного накануне ключа от аннекса. Брайан не смог бы логично объяснить, почему он счел ее раскаяние притворным, но сомнений в этом у него не было. То ли взгляд ее был слишком чист, то ли извинения слишком энергичны, то ли он просто не мог ей простить, что у него нет способа выяснить, где и с кем она провела эту ночь. Во всяком случае, когда он, отнесясь к ней с должной суровостью, лишил ее права на ключ на целую неделю, ему показалось, что она несколько не огорчилась.

— На неделю? — довольно весело пропела она, подняв на Брайана густо оттененные синим бесстыжие глаза. — В общем, это не так уж много, если учесть, что аннекс все равно будет закрыт целых три дня.

Брайан решил, что он ослышался — аннекс будет закрыт три дня? Кто мог придумать такую чушь? Как видно, лицо Брайана непроизвольно отразило его изумление и Лу мигом просекла, что он сейчас услышал об этом впервые.

— Как, они скрыли это от вас? — восхитилась она. — Но ведь на вашей двери висит объявление, неужто вы не видели?

Это как раз не удивительно, Брайан так спешил отпереть читальню, что мог впопыхах не заметить даже слона.

Крайне невежливо оставив слова Лу без ответа, он стремглав выскочил из зала и убедился, что на его двери и впрямь висит объявление о закрытии аннекса с шестнадцатого июня по восемнадцатое включительно. То есть, с завтрашнего дня. Почему же его никто не предупредил?

Пока он, понутив голову, обдумывал, как поступить — пойти в контору выяснять или обидеться и промолчать, — за его спиной прозвучал голос его главного недоброжелателя, казначея Джеймса Сиднея:

— Куда вы запропастились, Брайан? Мы вас ищем со вчерашнего вечера, но вы не явились ни к позднему чаю, ни к завтраку. У вас какие-то проблемы?

Честно говоря, если бы у Брайана и были проблемы, он не стал бы делиться ими с Джеймсом Сиднеем. Тем более, что тот, не дожидаясь ответа на свой вопрос, торопливо заключил:

— Впрочем, я вижу, вы прочли объявление. Значит, вам все уже известно. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы никто не позабыл сдать вам свой ключ, и по окончании рабочего дня занесите ящик с ключами от аннекса ко мне, я запру его в сейф.

И повернулся уходить, однако Брайан его задержал:

— Но я не понимаю... Как это можно — закрыть аннекс? Мы раньше никогда...

В тусклых глазах казначея вспыхнула хорошо знакомая Брайану искра неприязни, — он тут же пожалел о своей ненужной настойчивости и прикусил язык. Какая ему, в конце концов, разница, закрыт аннекс или открыт? Кто он такой, чтобы претендовать на участие в решениях дирекции? Однако казначей почему-то снизошел до объяснения, хотя мог бы этого и не делать:

— Комитет спонсоров присылает завтра ревизоров, которые должны проверить наличие и сохранность ценных книг, хранящихся в аннексе.

Дюжина вопросов вертелась на языке Брайана, но он сдержался и не дал Джеймсу Сиднею повода для добавочного раздражения. Он только поблагодарил его кивком головы и понуро пошелся обратно. Разговор с казначеем обычно давал толчок депрессии, вечно тлеющей где-то на задворках души. Однако в зале Брайана ожидал приятный сюрприз: ЛуХиггинс уже убралась восвояси и на ее месте

сидел Ян, при виде которого депрессия Брайана начала было рассеиваться но, как быстро выяснилось, напрасно.

— Я слышал, аннекс закрывают на три дня. Почему? В чем дело? — спросил Ян раздраженно, будто не было у них вчера дружеского вечера в кабачке, завершившегося незаконным посещением хранилища.

— Говорят, какая-то ревизия, я сам только что узнал.

— Это просто черное невезение! Мало того, что в хранилище не выпускают, так теперь еще и аннекс аннексировали!

— Я сам только что узнал, — упавшим голосом повторил Брайан, словноэто могло его оправдать.

— Ладно, дайте мне ключ, я хоть сегодняшний день постараюсьиспользовать получше, — отрубил Ян, не принимая оправданий Брайана.

И с ключом в руке быстро сбежал по лестнице к дверям аннекса, неободрив Брайана ни словом, ни взглядом.

Он снова появился возле Брайана только к концу рабочего дня, где-то перед пятичасовым чаепитием, и, положив на стол листок, неровно вырванный из записной книжки, пожаловался:

— Никак не могу найти одну книгу.

Брайан вспомнил, что часа два назад он краем глаза поймал силуэт Яна, перебирающего карточки в ящиках каталога, но сдержался и не ринулся к нему предлагать свою помощь, как обязательно сделал бы, если бы не был больно задет утренней сценой.

— Я просто не понимаю, — продолжил Ян смиренно, явно давая понять, как он сожалеет, что напрасно рассердился на ни в чем не повинного Брайана. — Куда она могла деваться?

Брайан посмотрел на листок, там значилось: «Боги, гиганты, герои. Полный текст нордических саг. Первое английское издание». Странно, что он — при его-то интересе к нордическим сагам — никогда не встречал этой книги и даже не знал о ее существовании.

— Что значит — куда могла деваться? Она что, где-то была?

— В том-то и дело, что была! В аннексе, на полке, что идет вдоль торцевой стены. Ну знаете, где все держат книги, взятые для работы. Я еще вчера ее листал. А сегодня она исчезла, как в воду канула.

— Может, просто кто-то с ней работает? — Брайан не хотел показать Яну, что он никогда в глаза не видел первое английское издание нордических саг — ведь он до сих пор наслаждался своей ролью всезнающего распорядителя.

— Никто с ней не работает. Я просмотрел все книги на всех столах, — ее там нет. Но главное, ее нет в каталоге!

— Нет в каталоге?

Вот как, этой книги нет в каталоге? Тогда понятно, почему она никогда не попадалась Брайану на глаза! В этом не было ничего обидного, никто ничего от него не скрывал, так что он смог, наконец, посмотреть Яну в глаза:

— Значит, это была книга из частного собрания мистера Муррея.

— Покойного мужа нашей очаровательной вдовы, что ли?

— Ну да, ее мужа. Он собрал замечательную коллекцию редких изданий, которая хранится здесь, у нас, и перейдет в собственность библиотеки после смерти миссис Муррей.

— И хранится эта коллекция за теми полками, которые нельзя раздвинуть, — правда?

— Как вы об этом узнали?

— Случайно. Я пытался их раздвинуть, потому что не нашел в каталоге книг с номерами, указанными на этих полках.

— Естественно, они заперты — ведь в этой коллекции собраны очень дорогие издания.

— А у вас есть ключ?

— Нет, ключ есть только у миссис Муррей. Она носит его на цепочке на шее.

Ян намеревался еще что-то спросить, но тут вертлявая супруга французского профессора из Марселя подошла с каким-то вопросом и оттеснила его в сторону. Он уступил ей стул и, в надежде переждать ее, пару минут постоял рядом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Потом глянул на часы и, так и не дождавшись, почти бегом ринулся обратно в аннекс.

К моменту, когда прозвучал звонок, приглашающий к чаю, Брайану удалось собрать все выданные за день ключи, кроме ключа Яна. Напрасно Брайан ждал его у выхода из зала, локтем прижимая к боку коробку с ключами, — Ян все не появлялся. Коробка была не такая уж тяжелая, но слишком квадратная, чтобы долго держать ее под мыш-

кой. Ктому же у Брайана слегка кружилась голова, и невыносимо хотелось пить, так что, в конце концов, он решил спуститься в аннекс и поторопить Яна. Однако не успел он добраться до лестницы, как внизу хлопнула дверь и послышались торопливые шаги. Увидев Брайана на верхней ступеньке, Ян неохотно вынул ключ из кармана:

— Что, никак нельзя мне его оставить?

Брайан отрицательно мотнул головой и протянул руку за ключом, готовый пуститься в извинения, но Ян не стал его слушать.

— А что будет, если я забуду вам его отдать? — спросил он, все еще не отпуская ключ.

— Что это вам даст? — возразил Брайан. — Завтра у вас его все равно потребуют и лишат права пользования как минимум на три дня. Зато я уже не смогу добиться для вас стипендии на следующую неделю.

— Они потребуют, а я не смогу его найти, — задумался Ян, что-то быстро подсчитывая в уме. — Ведь такое случается с рассеянными профессорами, не правда ли?

Брайан всполошился — что он должен сделать, если Ян не отдаст ему ключ? Силой забрать его не удастся, как же быть? Идти жаловаться на него отвратному казначею? И тут за спиной у него прозвучал знакомый веселый голос Ули:

— О чем вы тут шепчетесь? Разве не пора пить чай?

Пока Брайан, разглядывая орошенную дождевыми каплями куртку Ули, соображал, что не видел того ни за завтраком, ни за обедом, он почувствовал, как пальцы Яна разжались, и ключ плавно скользнул ему в ладонь.

— Мы тут задержались, обсуждая одну пропавшую книгу, — Ян соврал с такой необычайной легкостью, что Брайан, опешив, на миг потерял дар речи. — Кстати, Ули, именно у вас в руках я увидел ее впервые. Первое издание нордических саг, помните?

— Конечно, помню, — так же легко согласился Ули, наблюдая, как Брайан укладывает ключ Яна в последнее пустое гнездо коробки. — Я ее иногда почитываю, когда выдается свободная минутка. Она там, в аннексе, на верхней полке.

— Она была там. Еще вчера, — уточнил Ян, когда они втроем двинулись по галерее в сторону гостиной. — А сегодня исчезла. Вы ее случайно не видели?

— Я сегодня в аннекс не заходил, я ездил в Честер любоваться на их знаменитый собор.

— А где вы вообще взяли эту книгу? — не унимался Ян. — В тот день, когда преподобный Харви пытался ее у вас вырвать?

— На той самой полке, где же еще? — пожал плечами Ули. Брайан хотел было вмешаться в их беседу, но тут дверь кабинета Джеймса Сиднея распахнулась, выпуская на галерею ее разгневанного хозяина:

— В чем дело Брайан? — выкрикнул он, сверля Брайана недобрый взглядом. — Я жду вас уже десять минут, чтобы запереть в сейф коробку с ключами!

Брайан испуганно последовал за казначеем. Ему долго пришлось томиться с коробкой на вытянутых руках, пока тот отпирал замысловатый замок сейфа. Когда он, наконец, избавился от коробки и с облегчением направился к выходу, казначей вдруг грозно рявкнул ему вслед:

— Куда вы, Брайан? А где ваш ключ?

— Мой ключ? У меня.

— Значит, вы его не отдали?

— А разве я должен был отдать?

— Конечно! Директор приказал запереть в сейф все ключи без исключения. И ваш тоже

Осознав, что спорить бесполезно, Брайан молча положил свой ключ в сейф и поспешил в гостиную, тщетно пытаясь вспомнить по пути, не его ли очередь разливать сегодня чай.

В гостиной было непривычно тихо, несмотря на то, что народу там набилось полным-полно. Тишина была такая, что у Брайана на миг возникло ощущение, будто он попал в театр, хотя никто не сидел в креслах, а все стояли вокруг чайного столика с пустыми чашками наготове. Все головы были повернуты туда, где, видимо, шло театральное действие. Взгляд Брайана проследовал за общим направлением взглядов и наткнулся на импозантную фигуру директора, нелепо напряженную в тщетной попытке не пролить на ходу кофе из переполненной чашечки на зажатое между его ладонями блюдце. При этом глаза его так сосредоточенно впились в коричневый мениск, слабо вздрагивающий над фарфоровым краем чашки, что непослушные ноги бесконтрольно несли его прямо на рифы разбросанной по комнате мебели.

Бамс! — неуверенное директорское колено предсказуемо столкнулось с мраморной доской журнального столика, в результате чего кофейный мениск накренился и несомненно разлетелся бы мелкими брызгами, если бы Ян твердой рукой не перехватил у директора и блюдце, и чашку. А, перехватив, широко шагнул, не боясь споткнуться, и почтительно, но не подобострастно, поднес кофе тому, кому оно предназначалось.

И тут Брайан увидел виновника только что разыгравшейся перед ним маленькой драмы. Это был невысокий, очень смуглый, очень холеный, очень восточный человек, обрамленные очень длинными ресницами глаза которого не выразили никакого смущения от того, что сам господин директор ему прислуживает. Хотя был он облачен в спортивный костюм английского джентльмена и поблагодарил Яна на отличном оксфордском английском. Бросалось в глаза, что он не англичанин и не джентльмен, а некто совсем иной, от рождения привыкший, чтобы ему почтительно подавали все, что он пожелает.

Он, единственный из присутствующих, сидел в кресле, а за его спиной стояли два арабских жеребца, втиснувших свои могучие мышцы в будничную современную одежду, и облаченная в джинсовый костюм рыжая кобыла европейских кровей. Все трое широко улыбались лучезарными искусственными улыбками, которым в спецшколе для телохранителей обучают вместе с приемами карате.

Но Ян не сробел при виде их улыбок. Он поставил чашку с кофе перед высокопоставленной персоной и внятно представился, закончив фразу вопросительной интонацией. Вежливому восточному господину, изображающему из себя джентльмена, ничего не оставалось, как с любезностью, воспитанной многолетней оксфордской выучкой, назвать свое имя:

— Харун ибн Каххар шейх уль Мюлюк.

— О-о, какая честь! — Ян склонил голову в почтительном уважении. — И вы находите время на чтение ученых книг, ваше высочество?

Тут директор выступил вперед, решительно оттесняя Яна от царственного гостя:

— Высокочтимый шейх уль Мюлюк давний патрон нашей библиотеки.

Разве? А Брайан и не знал, хоть вспомнил сейчас, что видел его портрет на стене в директорском кабинете. Брайан так и стоял бы в центре гостиной, пригвожденный к полу необычайностью происходящего, если бы прямо ему в ухо не ввинтился пронзительный шепот ненавистного казначея:

— Что вы тут застряли, Брайан? Разве сегодня не ваша очередь разливать чай?

Брайан ахнул и поспешил занять свое место, где его немедленно атаковала толпа жаждущих. Они окружили его столик, поочередно протягивая ему истомившиеся в их руках чашки, так что ему не удалось разглядеть поверх голов, пригласил ли шейх Яна выпить с ним кофе или нет. Но, по всей видимости, не пригласил, потому что вскоре и Ян предстал перед Брайаном с чашкой в руке. Что ж это вполне естественно, патроны библиотеки вовсе не обязаны оказывать такую честь каждому гостю. Впрочем, возможны и исключения, — взять, к примеру, миссис Мurreй...

Стоило Брайану подумать о миссис Мurreй, как она тут же материализовалась перед ним, нарядная, помолодевшая на полстолетия без своего кресла на колесиках. Правда, ей не удалось полностью раскрепоститься — металлическая рама, на которую она опиралась одной рукой, все равно скользила по паркету при помощи колесиков, но это было уже не то рабство. Под локоть второй руки ее поддерживал немолодой, но молодежавший господин спортивного типа, который держал наготове высокую чашку старинного фарфора, из тех, что хранились под замком в застекленной горке в директорском кабинете.

— Пожалуйста, милый Брайан, налейте мне сегодня чай в мою личную чашку, ваши слишком маленькие для такого торжественного дня, — попросила старая дама.

— А что, у вас сегодня, день рождения? — полубобытствовал вежливый Брайан, наливая чай.

— В каком-то смысле! Можно считать, что, избавившись от этого ужасного кресла, я родилась заново, — счастливым голосом пропеламиссис Мurreй. — Но, главное, профессор Бенуа любезно предложил мне быть членом его жюри! За это надо бы выпить шампанское, но пока придется удовольствоваться чаем.

— Кто здесь собирается пить шампанское? — вывернулся из-за спины миссис Мurreй бородатый человек в

длинной рясе православного священника, навояющей почему-то на мысль о маскарадном костюме. Именно маскарадность одежды человечка напомнила Брайану, что он, кажется, зарегистрировал его вчера в читальном зале. Только вчера тот был в другом маскарадном костюме, который, пожалуй, лучше вязался с его шутовским обликом. Как бы желая рассеять сомнения Брайана, что это был именно он, человечек представился профессору Бенуа:

— Отец Георгий, иерей из Бухареста.

И не дожидаясь ответного представления, бросился в атаку:

— Господин профессор, по какому принципу вы приглашаете людей в свое жюри? Я узнал, что вы пригласили миссис Муррей, преподобного Харви и еще какого-то замшелого профессора, но почему никого из нас, молодых борцов за права святой церкви в условиях тоталитарных режимов?

— Дело в том, что в это жюри, которое вы ошибочно называете моим, приглашены представители тех стран, армий которых участвовали в битве при Ватерлоо, — терпеливо разъяснил профессор с сильным французским акцентом. — А ваша Румыния, как я понимаю...

— Ну что за формализм! — нетерпеливо перебил отец Георгий. — Ведь вам наверняка понадобится суждение лица, так сказать, нейтрального, неинтересного... — он на секунду осекся, усомнившись в правильности выбранного слова, — нет, безынтересного... неинтересантного...

Тут он, видимо, отчаялся адекватно выразить себя по-английски и зачастил на каком-то незнакомом Брайану диалекте французского, в котором чувствовал себя, как рыба в воде. В ответ на его пылкую тираду профессор Бенуа попытался втолковать ему что-то по-французски, но отец Георгий не поддавался и настаивал на своем. На лице профессора отразилось легкое недоумение, и он поспешил завершить беседу по-английски.

— Хорошо, я посоветуюсь с коллегами, — бросил он через плечо и ловко балансируя полной до верха чашкой чая, бережно повел миссис Муррей к свободному столику. Неудовлетворенный таким ответом священник рванулся было за ними, но Брайан задержал его вопросом:

— Вы говорите по-французски?

— Нет, — ответил тот, вырываясь от Брайана. — Но зато я говорю по-румынски.

И поспешил вслед миссис Муррей, громко предлагая в случае отсутствия шампанского распить его цуйку.

Пока Брайан, решивший было, что цуйка — это вышитая жилетка, в которой отец Георгий щеголял вчера, недоумевал, как можно ее распить, у его столика появился японец Кузава, попросил чаю и объяснил, что цуйка — это ядовитая румынская водка, которую он вчера попробовал и все-таки остался жив. Во-всяком случае, так Брайан понял пространную речь Кузавы, шелестящую лишними шипящими звуками в самых неподходящих местах.

Покончив с Кузавой и еще с десятком чашек, попеременно жаждущих то чаю, то кофию, Брайан нацедил себе полчашки того, что осталось, и присел на подоконник, так как ни одного свободного стула в гостиной не нашел. Не успел он отхлебнуть первый глоток остывшей коричневой жидкости, как на подоконник рядом с ним пристроился Ян и спросил:

— А что, эта миссис Муррей очень богатая женщина?

— Почему вы так решили? — удивился Брайан, который никогда раньше над этим не задумывался.

— Ну, все здесь так с ней носят. Например, сейчас какой-то француз пригласил ее в жюри битвы при Ватерлоо. Да вы сами давеча рассказали, что у нее здесь есть личная библиотека.

— Не библиотека, а небольшое частное собрание редких книг.

— Но почему оно хранится здесь, а не у нее дома?

— Так пожелал ее муж. Он был удивительный чудак, — все, что у него было, он вкладывал в редкие книги и рукописи, которые хранил у нас. И завещал это все библиотеке при условии, что дирекция возьмет на себя заботу о его вдове, которую он любил почти так же, как древние рукописи. Дело в том, что из-за чрезмерной любви к рукописям он не оставил ей больших денег, а книги продавать не разрешил. Вот мы с ней и носимся, пыль с нее вытираем, — совсем как с редких изданий.

Тут в гостиной началось коллективное коловращение, центром которого был шейх уль Мюлюк, двинувшийся к выходу в окружении своей свиты, директора, казначея и

полудюжины подлипал. Сидящие вокруг столиков и стоящие в проходах гости начали отступать, пропуская их процессию, причем те, что в центре, теснили тех, что подальше, а те, в свою очередь, теснили тех, что расположились по краям. В результате в кильватере шейха образовался широкий свободный от людей проход, по которому, подметая пол рясой, бежал отец Георгий и на чистом румынском языке приглашал уходящих подняться к нему в комнату, чтобы отведать его чудодейственной цуйки.

УРИ

Пригревшись в розовом тепле настольной лампы, Ури чуть было не проспал появление принца в читальном зале. Целый день он, как проклятый, мотался под дождем по Честеру, выполняя многочисленные поручения Меира, который при этом строго-настрого наказал быть обратно к пятичасовому чаю, чтобы занять в читальне стол, удобный для наблюдения за входом в аннекс. Так что Ури пришлось отказаться и от обеда, и от чая, не говоря уже о мечте вздремнуть хоть часок между тем и другим.

К чаю Ури, собственно, мог бы успеть, если бы не необходимость следить за входом в аннекс. Но после приезда из Честера он заглянул в читальный зал и обнаружил, что на первом ярусе есть только один свободный стол, который он поспешил завалить своими книгами, чтобы отпугнуть других претендентов. А пока он смотался к себе наверх наскоро принять душ и сменить белье, чаепитие подошло к концу. Приближаясь к приоткрытой двери гостиной, Ури увидел, что принц со своими телохранителями движется к выходу, а следом за ними, воздевая вверх руки, семенит невысокая фигурка в черной рясе, — то ли проклиная, то ли благословляя.

Ури некогда было вдумываться в поведение этого таинственного сына церкви, ему пришлось поспешить в читальный зал, чтобы быть на месте, когда принц туда войдет. На чай времени тоже не хватило, и он опустился в кресло у стола, облизывая пересохшие губы. Сразу за ним в зал стремительно вошел неотступный японец, на миг замер у порога, оценил ситуацию и пустился бродить среди столов в надежде куда-нибудь пристроиться. Безуспеш-

но побродив взад-вперед, японец понял, что место внизу он прозевал, и, приотившись на лесенке, ведущей на второй ярус, углубился в чтение толстого фолианта с золотым обрезом. «А где его неразлучный компьютер?» — подумал Ури, тихо радуясь своей предусмотрительности, которая обеспечила ему кресло в первом ряду партера, хоть и не спасла от надзора японца.

Прошло уже десять минут, а принца все не было. Куда он делся? Не мог ли он передумать и провести за нос всех, — и врагов, и друзей? Ури заметил, что японец нервничает — то и дело поднимает глаза от своей книги и украдкой поглядывает на часы. В голове промелькнуло: «Откуда он знает, что принц должен пройти через читальный зал?». Но Ури тут же себя остановил — не исключено ведь, что он ждет кого-нибудь другого или вовсе никого не ждет. Мало ли какие причины могут заставить человека сидеть на ступеньке, а не за столом. Но, разглядев крутые бицепсы, прорисовывающиеся у японца даже сквозь ткань рубашки пиджака, Ури отверг идею о его непричастности к происходящему. Вряд ли он наш, но зато он вполне может быть замаскированным телохранителем принца, который, учитывая опасность операции, едва ли ограничится тремя очевидными. Интересно, сколько их может быть еще? Ури начал исподтишка оглядывать лица сидящих за столиками, но успел заметить только пару знакомых и два-три подозрительных, как дверь распахнулась и пропустила одного из охранников принца. Тот вошел легкой, стелющейся по полу кошачьей походкой, прикрыл за собой дверь, сделал шаг в сторону и замер, прижимаясь спиной к стене. Несколько секунд он стоял так в полной неподвижности, держа правую руку в кармане не вяжущегося с его обликом пиджака и оглядывая зал странными, не отражающими свет глазами. Все лица, склонявшиеся до того над столами в розоватых сферах, образованных светом настольных ламп, разом поднялись навстречу его взгляду. Вероятно, сверху ему был подан какой-то сигнал, получив который он невесомо отделился от стены и отворил дверь. Из-за двери тесно сплоченным сэндвичем вошли двое других, зажимая между собой принца. Впереди шагала мощная рыжая девица с украшенным монограммой золотым ключом в руке, —

вероятно, секретарша, сзади — второй охранник, почти неотличимо похожий на первого.

Оставив принца наверху, девица и первый охранник рука об руку устремились вниз, к аннексу, девица сунула ключ в замочную скважину и открыла дверь, в которую той же стелющейся по полу кошачьей походкой проскользнул охранник. Голос Яна за спиной Ури произнес с неподдельной обидой:

— Уж не ради этого ли сомнительного аристократа нас всех лишили ключей?

— А нас лишили? — с невинным видом обернулся к нему Ури.

Ян стоял чуть поодаль, облокотясь на книжную полку:

— А вы не знаете? Об этом многократно объявляли и за завтраком, и за ужином.

Взгляд его на миг оторвался от томящегося у стены принца, наполовину скрытого могучей фигурой телохранителя:

— Ах да, вас ведь не было ни за ужином, ни за завтраком! Откуда же вам знать?

Тут рыжая секретарша легкой рысцой взбежала по лестнице и что-то тихо сказала телохранителю, после чего все трое проделали сложную балетную фигуру, в результате которой принц, опять оказавшийся внутри их сэндвича, спустился вниз и исчез за дверью аннекса.

— Спектакль окончен, можно возвращаться к работе, — вздохнул Ян и направился к лесенке, на ступеньке которой приютился японец. Японец приподнялся, пропуская Яна наверх, но тут же сел обратно и погрузился в чтение своего фолианта. Разглядывая листающего страницы японца, Ури подумал, что тому, небось, тоже нельзя отлучиться с поста, и позавидовал его увлеченности. Хорошо бы и себе найти чтение столь интересное, что оно смогло бы удержать его сознание на зыбкой поверхности, отделяющей сон от яви.

Ури полистал разложенные перед ним книги, но ничего не вышло, — там была сплошная заумь, сухая ученость. Она ни в какое сравнение не шла с обрывками дневника Карла, которые с ночи вращались в голове Ури, как кофейные зерна в кофемолке. То, что он прочел этой ночью, перевернуло все его представления: ведь никогда раньше он не задумывался о жизни тех, других, они были просто извергами, врагами, под-

лежащими уничтожению, как тараканы. А тут он неожиданно увидел их ир с изнанки и по-человечески проникся к ним сочувствием, сознавая при этом, что они продолжают оставаться его врагами, подлежащими уничтожению. Это создавало странное раздвоение, от которого ясное видение замутнялось, и на душе становилось беспокойно.

Чтобы избавиться от этого неуместного сочувствия, Ури постарался припомнить все, что он узнал о деятельности террористической группы Гюнтера фон Корфа с тех пор, как Инге раскрыла ему истинное имя своего Карла. Как ни странно, немецкая печать была не слишком словоохотлива по этому поводу — можно было подумать, что немцы слегка стыдятся своих террористов и не стремятся афишировать их подвиги. Однако, даже сдержанная информация из старых газет дала Ури возможность составить пространственный список этих подвигов и вычислить основных спонсоров и союзников движения. В списке было несколько взрывов на американских военных базах и на мирных автобусных станциях, около дюжины бомб, взорвавшихся в ночных клубах и под железнодорожными мостами. Около дюжины похищенных и зверски замученных банкиров и промышленников и несколько десятков случайных прохожих, не вовремя подвернувшихся под руку. И главное — для Ури, во всяком случае, — там было сотрудничество с палестинцами при похищении самолета Эр Франс, угнанного в Энтеббе, и самолета Люфтганзы, угнанного в Могадишо.

Он вычитал у каких-то замалчиваемых авторов подробности о военных тренировках членов группы на базах ООП в Ливане, об их участии, — считалось, что в порядке обучения, — в рейдах ооповских террористов в Израиль. Кто знает, сколько его друзей были убиты немецкими компаниями палестинцев? Ему даже начало казаться, что именно с Карлом он столкнулся в тот страшный день, когда в лагере беженцев в Ливане погибли Эзра и Итай. Вроде бы мелькнуло тогда в толпе атакующих европейское лицо, которое вдруг стало принимать в его памяти знакомые очертания. Или ему это сейчас просто приснилось?

Скорей всего именно приснилось, потому что, когда Ури заставил себя открыть глаза, он обнаружил, что японца на лестнице нет. Он испуганно глянул на часы — неужели он проспал выход принца из аннекса? Нет, вряд ли,

не прошло еще и двух часов с тех пор, как за тем закрылась заветная дверь. Ури бегло оглядел первый ярус и облегченно вздохнул — голубчик японец никуда не делся, просто переместился за чей-то освободившийся стол. И переместился по-видимому уже давно, потому что успел обосноваться там с обычной обстоятельностью — компьютер, тапочки, пиджак на спинке стула.

Взгляд на часы подтвердил заверения голодного желудка, что Ури спал довольно долго. И тут же зазвенел звонок на ужин, снимая последние сомнения в том, что так оно и было. Ужин представился Ури во всем его недосыгаемом великолении — узорчатые блюда с присыпанными петрушкой многоцветными салатами проплывали из рук в руки над керамическими горшками с запеченной в пряном соусе бараниной. Этого испытания Ури не выдержал: поймав за рукав торопливо шагающего мимо Джерри, он взмолился:

— Ради всего святого, принесите чего-нибудь поесть.

— Но ведь есть в читальне категорически запрещено! — ужаснулся законопослушный Джерри.

— А умереть от голода разрешено?

— Ладно, я постараюсь что-нибудь придумать, — согласился Джерри и исчез за дверью, оставляя Ури наедине с дежурной библиотекаршей, которая вежливо ожидала, пока он выйдет, чтобы погасить верхний свет.

— Спасибо, вы можете идти, я ужинать не буду, — отпустил ее Ури, отметив про себя, что японец все-таки оставил свой пост. Может, его подозрительное поведение не имело никакого специального смысла? Но едва библиотекарша выключила плафоны под потолком, Ури увидел непогашенную настольную лампу на одном из верхних ярусов и понял, что японец просто работает с кем-то в паре. Хорошо бы узнать, с кем.

Время в ожидании Джерри тянулось невыносимо медленно. Казалось, прошла уже целая вечность, а его все не было. Наконец, дверь приотворилась, и в образовавшуюся щель проскользнула складная фигурка Лу. Почти не касаясь пола, она пружинистым шагом подошла к Ури вплотную и выключила настольную лампу. Потом поставила на стол что-то, зазвеневшее о мраморную столешницу, и под прикрытием наступившей темноты приникла губами к шее Ури. От ее волос пахло пряными духами и он отпрянул

— во мраке над ее головой он явственно увидел глаза Инге, полные удивления и боли.

— Осторожней, мы здесь не одни, — прошептал он, имея в виду, конечно, не Инге, а таинственного напарника японца, наблюдающего за ними сверху.

Но Лу и не подумала продолжать диалог шепотом.

— Ну и пусть не одни. Мы ведь решили не скрывать наших отношений, — громко засмеялась она, гибко опускаясь на колени, так что лицо ее оказалось на уровне лица Ури. Опасаясь ее дальнейших действий, он поспешно включил лампу и снял салфетку с принесенного Лу сосуда, который оказался керамической цветочной вазой. Из вазы вырвался щекочущий ноздри аромат жареного мяса, перца и имбиря.

— Видите, на какие жертвы я пошла ради вас? — на этот раз тихо сказала Лу, протягивая ему ложку. — У них правила насчет выноса посуды из трапезной не менее строгие, чем насчет выноса ключей из аннекса.

Пока Ури блаженно впивался зубами в кусок баранины, с трудом выловленный со дна вазы, Лу похвасталась:

— Вы бы так и сидели тут, изнывая от голода, если б не я. Вы, надеюсь, не думаете, что Джерри мог бы догадаться спрятать ваш ужин в вазу для цветов?

Сосредоточив свое внимание на охоте за следующим куском, Ури согласно кивнул, — он не сомневался, что Лу во всех отношениях может дать Джерри сто очков вперед.

— Ешьте скорей, — заторопила его Лу, — я не знаю, что будет, если нас за этим застукают.

— Куда подевалась ваша хваленая храбрость? — пробормотал Ури с полным ртом.

И тут же об этом пожалел, потому что Лу вдруг вскочила, выхватила у него вазу и, прошипев ему в ухо: «Свою храбрость я покажу вам сегодня ночью», ринулась к двери, в которую уже входила дежурная библиотечка.

После этой, хоть и не слишком обильной, но частично насытившей его трапезы, Ури впал в полудремотный ступор, так что все остальные события вечера виделось ему в каком-то клочковатом тумане, ставящем под сомнение саму их реальность. Кажется, принц не вышел из аннекса до закрытия читального зала. Во всяком случае, наутро Ури помнилось, что ему пришлось покинуть зал и допоздна сидеть

на шатком столике с рекламными брошюрами библиотеки, приткнувшись у французского окна в центре галереи.

Что было потом, Ури представлял себе весьма смутно. На задворках памяти всплывала картина парадного прохода принца по галерее в направлении гостиной, где поздние гости еще толпились вокруг чайного столика. Значит, Ури мог еще успеть к вечернему чаю, однако он никак не мог припомнить себя в гостиной с чашкой в руке. По всей видимости, он, рассыпая по полу рекламные брошюры, сполз со своего столика и помчался в туалет, о котором мечтал последние пару часов. Потом взлетел по лестнице в свою комнату, кое-как, не зажигая свет, разделся, сунул папку с дневником Карла под матрас и заснул, как убитый.

Он проснулся, разбуженный звонком на завтрак, и начал быстро одеваться, твердый в своем намерении не лишиться на этот раз ни кофе, ни овсяной каши. Пока он ополаскивал лицо холодной водой, ему привиделась Лу Хиггинс в тонком халатике поверх прозрачной сорочки, обиженно срывающая с него одеяло. Он так и не смог решить, было ли это видение отражением реальности или лишь плодом его фантазии.

КЛАРА

Глядя на плюшевый ковер бескрайнего луга, убегающего вверх по холму к осиновой рощице, Клара в который раз пожалела, что надела туфли на высоких каблуках. Как она будет ходить в них по траве, еще влажной после вчерашнего дождя? Она, собственно, была не виновата, — откуда ей было знать, что «Битва при Ватерлоо», посмотреть которую ее пригласил Ян, вовсе не театральный спектакль, а грандиозный хеппенинг, детально воспроизводящий эту знаменитую битву?

Откуда ей было знать, что прямо за стенами библиотеки, за которые она ни разу не выходила, простирается необозримый английский парк, полный сейчас музыки и людей? После трех напряженных дней, проведенных в оранжевой атмосфере хранилища, все здесь казалось Кларе праздничным и нарядным. Все лица, на которые падал взгляд, радовали ее своей доброжелательностью или в край-

нем случае равнодушием, таким отдохновенным после трехдневной непреклонной неприязни сэра Эдварда Гранта. А ведь стиль сэра Гранта выглядел уступчивым либерализмом в сравнении с липкой вежливостью профессора Басотти.

Хоть исход разыгрываемой в парке битвы был заранее предрешен, участники представления относились к своей роли с подкупающей серьезностью. Группы всадников в разноцветных мундирах гарцевали вокруг раскинутых тут и там шатров маркитанток в белых чепчиках, бойко торгующих пивом и вафлями. Откуда-то слева погромыхивали пушки и к небу поднимались сизые дымки. А по краю поросшего кустарник омоврага время от времени проносился взъерошенный кавалерист на взмыленном скакуне и исчезал за рощей, где, по словам Яна, находился штаб герцога Веллингтона.

— Видишь, вон старая римская дорога, за ней ставка императора Наполеона, — пояснил Ян, листая цветную брошюрку, которую он подхватил в окошечке кассы при входе в парк. — А вон шагают гренадеры маршала Жерара.

Ян указал на отряд пехотинцев в синих туниках с белыми выпушками на плечах, браво марширующий по другой стороне оврага в направлении пушечных выстрелов. Ветер донес от них обрывки лихой песни.

— Они идут на подмогу кавалерийскому корпусу маршала Груши, почти разгромленному пруссаками Блюхера в деревне Линьи. Хочешь пойти посмотреть, как они там разыгрывают убитых и раненых?

— А это далеко? — Клара с сомнением попробовала ступить на травяной ковер, он ответно спружинил, и высокий каблук тут же глубоко ушел в его влажную мякоть.

— Изрядно.

— И все по траве?

— По траве только до рощи, а за рощей, кажется, есть тропинка.

— Знаешь, давай пойдем куда-нибудь, куда ведет мощеная дорога, — неуверенно попросила Клара, не решаясь признаться в своей оплошности с туфлями.

— Тогда идем поищем наше пресловутое жюри. Выясним, кого и за что они будут награждать.

— Какое жюри? — удивилась Клара.

— Да ты ведь не знаешь! Вчера какой-то французский профессор, — то ли Бадруа, то ли Бенуа — спровоцировал

страшную бурю в рядах наших почтенных старцев. Двух из них он привел в состояние острой эйфории, предложив им войти в какое-то жюри при Ватерлоо, зато остальных чуть кондрашка не хватила от обиды.

Они двинулись вниз к подножию холма по узкой, вымощенной булыжниками аллее. «Старая римская дорога», — сказал о ней Ян, заглядывая в свою брошюрку. Клара хотела было что-то спросить насчет жюри, но не успела: сзади раздался мощный цокот копыт. Клара обернулась и ахнула: прямо на них летели конники в сверкающих на солнце металлических нагрудниках и в металлических касках с гребнями. Ян подхватил Клару под локоть, и резко, так что она чуть не поскользнулась, оттащил в сторону. Конники проскакали мимо.

— Французские кирасиры маршала Нея, — пояснил Ян. — Им сейчас предстоит схватка с английской пехотой за ту пару передвижных пушек, которые стреляют без умолку. Пехотинцы должны стаскивать кирасиров с лошадей и закалывать штыками.

Снизу донеслись крики команд и нестройные выстрелы.

— Ну вот, они уже начали. Хочешь посмотреть?

— Они всерьез, что ли? — не поверила Клара, наблюдая, как красные мундиры англичан обрушились на бронзовые торсы и головы французов. А, может, все же медные? Нет, медные вряд ли, ведь медь мягкая, а впрочем, не все ли равно. Эти игры взрослых людей, из чего бы ни были их каски и кирасы, показались Кларе нелепо ребячливыми после ее реальной трехдневной схватки со сдвоенными силами сэра Гранта и профессора Басотти.

— Почти всерьез. Не до крови, конечно, но во всем остальном точно по сценарию. Так, во всяком случае, утверждает брошюра. — Ян потянул ее за руку. — Пошли, проверим.

Но едва они добрались до обтекающей подножие холма лошины, из которой доносились звуки битвы, как сверху на них обрушилась новая волна кирасиров. Пропуская их, Клара и Ян прижались спинами к крутому в этом месте склону холма.

— Ведь так и задавить могут, — пожаловалась Клара, и как бы в ответ на ее слова из-за поворота римской дороги выехала тележка для гольфа, в которой сидели две дамы в широкополых шляпах.

— Зрителям запрещено находиться на поле боя, — сказал знакомый голос.

Клара, не веря своим глазам, уставилась на преобразившуюся до неузнаваемости миссис Муррей. Спортивная рубаша и бриджи до колен придавали ей слегка театральный, но очень деловой вид.

— Трибуны для публики отделены от театра боевых действий полосатыми красно-белыми веревками, которые хорошо видны издалека.

— Вы тоже участвуете в этом... — Клара запнулась, подбирая нужное слово, — ...предприятию?

— Разве вы не знаете, что мне была предложена честь стать членом жюри? Мы с Дениз ездим по полям сражений, фотографируем самые интересные сцены и выставляем оценки участникам.

Только теперь Клара узнала во второй даме, сидящей за рулем тележки, компаньонку и сиделку миссис Муррей, Дениз, обычно облаченную в скромную одежду монахини. Лихой спортивный костюм неожиданно превратил ее из безликого бесполого существа в довольно молодую привлекательную женщину.

— А где штаб-квартира жюри? — вмешался Ян. — Мы бы хотели поговорить с остальными его членами.

— Штаб-квартира находится к востоку от деревни Катр-Бра, но вы вряд ли застанете их там, они ведь должны непрерывно объезжать боевые позиции.

— Объезжать? На лошадях? — усомнился Ян, прикидывая в уме средний возраст членов жюри.

— Зачем на лошадях? — в голосе миссис Муррей прозвучал истинный восторг. — Профессор Бенуа обеспечил такими тележками всех нас.

— А вас много?

— Преподобный Харви, профессор Излтон, — начала загибать пальцы старая дама, — мы с Дениз, какой-то немецкий историк, имени не помню, две девицы из местного музея и сам профессор Бенуа. Выходит восемь человек. Нет, семь, ведь Дениз не в счет. Ах, боже мой, что это я так заболталась, — спохватилась она, — ведь мы должны поспеть к бою между французскими кирасирами и английской пехотой! Он идет где-то там, в ложине. Поехали, Дениз!

— Вы уверены, что хотите туда спуститься? — удержал ее за руку Ян. — Там, дальше, тропинка глинобитная и уклон крутой, как бы вы не перевернулись.

Миссис Муррей озадаченно покачала головой:

— Но ведь я не могу подвести милейшего профессора Бенуа. Это один из центральных эпизодов первого дня битвы, и от его оценки зависит общий счет команд.

— Пускай Дениз сходит туда пешком и принесет вам фотографии и полный отчет, — быстро нашел выход Ян. — Ведь вы ей доверяете?

— Конечно, доверяю, — нерешительно сказала миссис Муррей, — но как-то неловко потом притворяться, будто это я...

— А упасть и сломать ногу ловко? — решил за нее Ян. — Вы ведь согласны со мной, Дениз?

Дениз, согласиём которой обычно никто не интересовался, польщено закивала и ловко выпрыгнула из тележки. Легкие бежевые бриджи шли ей гораздо больше, чем унылое бесформенное платье цвета давленных слив, которое она носила до сих пор. Она взяла с сиденья фотоаппарат и исчезла за поворотом узкой тропинки, выходящей среди кустов.

— Вот и чудно, а мы останемся с вами, — удовлетворенно сказал Ян. — Ведь вам позволено находиться внутри пространства, отгороженного веревками, а мы воспользуемся тем, что сопровождаем вас. Хочешь сесть за руль, Клара?

Клара была счастлива сесть за что угодно, лишь бы сесть. Блуждания на высоких каблуках по пересеченной местности докончили ее. Она села на место Дениз и спросила:

— Куда поедем?

— Нет, нет, мы не можем отсюда уехать, — испугалась старуха. — Ведь Дениз не будет знать, где нас искать.

— Ладно, подождем Дениз, — галантно согласился Ян, хоть Клара ясно видела, что ему не терпится прокатиться по полям сражений. — А пока мы будем ждать, миссис Муррей расскажет нам о победах ее подопечных за сегодняшнее утро.

— Лириан, а не миссис Муррей. Хватит, я устала от своего официального титула. С тех пор, как я освободилась из своей клетки на колесиках, я хочу, чтобы меня называли моим обыкновенным именем, которое верно служило мне не один десяток лет.

— Прекрасная идея! Лилиан — красивое имя, в нем есть и женственность, и властность. Оно идет вам гораздо больше, чем чрезмерно почтительное «миссис Муррей».

Лилиан пролепетала что-то невнятное, в ответ на что Ян наклонился, поцеловал ее руку, и она зашебетала снова. Любезность Яна показалась Кларе чрезмерной, а оживление Лилиан безвкусным. Ей-Богу, если бы старой даме не было за семьдесят, она могла бы к ней приревновать! Но все же ей было далеко за семьдесят и потому, когда Кларе дали понять, что ей нет места в их игривой беседе, она откинулась на спинку тележки и закрыла глаза.

Едва она на миг отключилась от реальности, накопившаяся за эти дни усталость немедленно дала себя знать. Куда-то исчезло многоцветное поле битвы при Ватерлоо, и взамен в ее перетруженном сознании возникли видения вчерашнего вечера, особенно тяжелого и напряженного. Самой яркой сценой был, конечно, театрализованный вход принца в хранилище из какой-то тайной двери, о существовании которой Клара даже не подозревала. Первые минуты этого зрелища были больше похожи на балет в стиле модерн, чем на прибытие представителя правящей династии к столу дипломатических переговоров.

Однако, когда принц в окружении свой свиты разместился, наконец, у стола, разговор принял деловой оборот, лишенный какого бы то ни было опереточного элемента. Посланник восточного владыки оказался человеком быстрой хватки, четкого ума и широкого европейского кругозора. В нем не было ни надменной неуступчивости сэра Гранта, ни вывернутой наизнанку вязкой логики профессора Басотти. Его манера отличалась вежливой уклончивостью, оставлявшей его собеседников в странной уверенности, что они выигрывают игру в поддавки, которую гораздо выгодней было бы проиграть.

В самый разгар этой игры, потребовавшей от Клары мобилизации всех ее сил и умений, ей пришлось по знаку руководителя делегации вежливо откланяться и покинуть зал. Руководителем делегации был молодой, быстро идущий в гору дипломат, который, по слухам, вертел как хотел, даже самым могущественным министром иностранных дел. И хоть Клара, в предвидении своего изгнания, потратила все утро на детальное ознакомление этого

дипломата с наиболее острыми точками противоречий, возникающих при разделе водных ресурсов, самый момент этого вынужденного ухода застиг ее врасплох. Конечно, она заранее знала, что ей придется покинуть заседание, — но почему в самый разгар дебатов, когда она еще не успела поставить все точки над «и»?

Однако знак был ей подан, и ничего другого не оставалось, как, сдерживая сердитые слезы, подняться с места и направиться к двери, где неприветливый норвежский наблюдатель без предупреждения отобрал у нее заветную карточку, дававшую ей право на вход в хранилище. Почему-то эта добавочная обида, которую она сдуру не предусмотрела, задела Клару особенно больно. Задела настолько, что она зачем-то пожаловалась на это Яну, поджидавшему ее у выхода из часовни. Но Ян, вместо того, чтобы ей посочувствовать, только злорадно ухмыльнулся. Мол, не только его здесь обижают, — и для утешения пригласил ее на прогулку в парк, где местные жители будут разыгрывать битву-спектакль.

Битва интересовала Клару очень мало. Но ради удовольствия быть рядом с Яном, опираться на его руку, слышать его голос она была готова бродить по оврагам на высоких каблуках, подвергаясь опасности быть затоптанной лошадьми. На миг сердце задохнулось при мысли, что еще несколько дней и все кончится. Осознав, как мало времени осталось ей быть с Яном, Клара чуть не застонала вслух, и тут же, внезапным аккомпанементом к ее стону тоненько вскрикнула Лилиан Муррей.

Клара вздрогнула и открыла глаза: «Что случилось?». Старая дама извивалась рядом с ней в тщетной попытке извлечь что-то из-за ворота своей спортивной рубахи:

— Гусеница! Мне за шиворот заползла гусеница!

— Ради Бога, Лилиан, — успокоительно проговорил Ян, оглядывая высокий куст, под сенью которого приютилась тележка, — это скорей всего просто опавший лист.

— Что вы стоите? — взвизгнула старая дама, повышая голос, — вытащите ее скорей, она ползает у меня по спине!

— Клара? — нерешительно начал Ян, склоняясь над Лилиан.

Клара попыталась повернуться лицом к испуганной старухе, но руль задержал ее. «Скорей! Скорей! Скорей!» —

запричитала та, глаза ее расширились, бледное лицо побледнело еще больше.

— Простите, — решительно произнес Ян и запустил руку за шиворот старой дамы. Пошарив у нее под рубахой, он вытащил наружу край толстой цепочки, хитроумно сплетенной из золотых нитей:

— Ну вот, никакая это не гусеница, а ваша собственная цепочка.

Глаза миссис Муррей закатились под веки, руки рванули ворот рубахи:

— Отпустите ее, она меня душит!

— Хотите ее снять? — озабочено предложил Ян.

— Снять невозможно, она без застежки.

Клара хотела было спросить, что это за цепочка без замка, но пальцы миссис Муррей снова лихорадочно вцепились в ворот рубахи:

— Скорей! Там, на спине! Что-то ползет!

Ворот распахнулся, открывая едва затененную ажурной комбинашкой увядшую старческую плоть и золотой брелок-карандашик, висящий на цепочке между грудей. Тут Клара, наконец, изловчилась, выскользнула из-под руля и, запустив руку под комбинашку старухи, нащупала у нее на спине что-то живое и мохнатое. Клара с детства терпеть не могла насекомых и при других обстоятельствах немедленно бы отдернула руку, но сейчас она собрала всю свою силу воли и, содрогаясь от отвращения, зажала мохнатое существо в ладони. Когда она раскрыла ладонь, там трепыхался крупный, усыпанный зеленовато-серой пылью ночной мотылек.

— Как это безобидное создание могло нагнать такой страх? — пожал плечами Ян, шелчком сбрасывая мотылька в траву.

— Сама не понимаю, — смущенно пробормотала старая дама, пытаясь дрожащими пальцами свести на груди края рубахи. Кларе стало ее жаль, она быстро застегнула ей пуговицы и поддакнула:

— Вы еще героиня! Если бы такой зверь заполз за шиворот мне, я бы наверняка упала в обморок.

— О, женщины! Кто может вас понять? — в притворном ужасе воскликнул Ян и скомандовал. — А теперь за руль, Клара, и поехали! Нам пора удирать из этой кишашей тварями лощины.

Клара послушно нажала на педаль, и тележка, чуть покачиваясь на камнях, покатила вверх по тропинке.

— А как же Дениз? — неуверенно спросила миссис Муррей, явно жаждущая, поскорей покинуть эти заросли.

— А мы отправимся прямо в штаб жюри. Там она обязательно нас найдет, — утешил ее Ян, шагая вслед за тележкой.

Когда они почти выбрались из кустарника, на них хлынула лавина синих мундиров, офицеры в меховых папахах направляли поток в устье лощины. «Французские гренадеры спешат на подмогу своим кирасирам», — вычитал из брошюры Ян. Гренадеры, оттесняя тележку в заросли, трусцой бежали мимо, неся наперевес тяжелые старинные ружья с пристегнутыми штыками. Лица у них были потные, видно было, что им жарко бегать по солнцу в наглухо застегнутых мундирах со стоячими воротниками. Кларе стало не по себе среди этой потной солдатской толпы. Она жила в стране, где много лет подряд шла настоящая война, и ей было непросто включиться в веселую военную забаву.

Один из офицеров неожиданно зацепился ружьем за руль и, роняя папаху на колени миссис Муррей, с размаху упал на передок тележки.

— Это вы, Патрик? Вы что, хотите взять меня в плен? — с улыбкой воскликнула старуха, возвращая ему папаху.

— Миссис Муррей, вы? Вот уж не ожидал... простите, что я так... — забормотал офицер смущенно.

— А кто же подает пиво, Патрик? — поинтересовался Ян, явно тоже знакомый с этим французским офицером. — Ведь в такой день, как сегодня, у вас, небось, отбою нет от посетителей!

— Дочка и зять специально приехали на подмогу из Дублина. Надо же и мне в кои-то веки пожить в свое удовольствие.

Тонкие лучики смеха разбежались вокруг глаз миссис Муррей:

— Представляю, какое для вас удовольствие законно втыкать штык в наши английские животы!

— Что вы, мадам, что вы! По природе я художник, а не воин, — окончательно смутился Патрик и, кое-как напялив папаху, поспешил вдогонку за своими гренADERами, успевшими скрыться за поворотом.

— Я ведь рассказывала вам, что все местные ирландцы записались во французскую армию, — сказала миссис Муррей Яну, который, поймав вопросительный взгляд Клары, пояснил:

— Это Патрик Рэнди, здешний кабатчик. В его кабачке подают лучшее в мире ирландское пиво.

— Кабатчик? — усомнилась Клара. — Почему же он назвал себя художником?

— Потому что он человек-бабочка. Но ты этого не поймешь, пока собственными глазами не увидишь его кабачок.

Тут они выбрались, наконец, из зарослей на нормальную асфальтированную дорожку, где их нагнала запыхавшаяся Дениз, — напуганная исчезновением своей подопечной, она всю дорогу, по-видимому, пробежала бегом. От быстрого бега глаза ее увлажнились, щеки покраснелись, выбившиеся из-под шляпы светлые пряди завились легкими кольцами. Глядя на мелкие капельки пота, выступившие на ее верхней губе, Клара с удивлением осознала, что Дениз гораздо моложе ее.

— Ну, какие оценки вы выставили своим подопечным? — игриво, как показалось Кларе, полубопытствовал Ян. И сердце Клары болезненно отозвалось на его игривость — он ведь не принадлежал ей и был волен в любой момент заинтересоваться другой. Желая поскорей прервать его разговор с Дениз, она рванулась с удобного сиденья, готовая вновь шагать рядом с Яном на своих невыносимых каблуках:

— Вы можете сесть на свое место, Дениз.

Но Ян мягким упредительным движением остановил девушку, шагнувшую было на подножку тележки:

— Нет, нет, после бега по такой жаре нельзя сразу садиться, даже за руль. Пусть Клара еще немного поработает шофером, а вы расскажете мне, что вы там видели.

Клара поняла, что спорить бесполезно. До боли закусив губу, она покорно направила тележку туда, куда указала ей миссис Муррей. Тележка легко скользила по аккуратно подстриженной английской траве, так что Ян с Дениз очень скоро отстали. Старая дама была в отличном настроении. Она весело болтала, даже не подозревая, какие чувства обуревают ее собеседницу, которая, с трудом преодолевая стиснувшие грудь спазмы, отвечала ей что-то невразумительное.

Время от времени Клара умудрялась притормозить тележку, притворяясь, что ее заинтересовала какая-нибудь разыгрывающаяся неподалеку баталия, и не двигалась с места, пока увлеченные беседой Дениз и Ян не догоняли их. Таким образом ей удалось подслушать некоторые обрывки их разговора, прорвавшиеся сквозь болтовню миссис Муррей. Сначала они обсуждали детали битвы за пушки и сравнительные достоинства исполнения своих ролей французами и англичанами. А потом, неизвестно каким образом, они перешли на детали жизни Дениз. Она рассказывала что-то о курсах английской истории в университете и о своем отце, из-за болезни которого ей пришлось прервать учебу.

Когда Клара и миссис Муррей достигли вершины холма, они к огорчению Клары опять отстали и потерялись из виду, но тут старуха вдруг радостно воскликнула:

— А вон профессор Бенуа!

Спиной к ним стоял широкоплечий человек в легкой спортивной куртке и клетчатой шляпе, во всем облике которого было что-то неуловимо французское. Миссис Муррей громко позвала:

— Профессор Бенуа!

Человек в клетчатой шляпе обернулся на зов, и Клара с изумлением увидела знакомое лицо Меира.

— Профессор, познакомьтесь, эта очаровательная дама приехала сюда из Иерусалима! — восторженно сообщила ему старуха.

Меир галантно взял протянутую Кларой руку и спросил, задержав ее в своей:

— Неужто из самого Иерусалима?

— Это небольшое преувеличение, я всего-навсего из Тель-Авива. И Клара попыталась освободить руку, однако Меир не отпустил. Горячие толчки крови в кончиках его пальцев подавали ей какой-то сигнал, но она не хотела понимать, какой.

— А вы, значит, и есть тот самый знаменитый профессор Бенуа?

Она с силой вырвала свою ладонь из его и решительно выпрыгнула из тележки. С нее хватит. Если Дениз отлынивает от своих обязанностей, пусть Меир сам ее заменяет!

— Чем же я знаменит? — спросил Меир предостерегающе и отступил в сторону, как бы давая Кларе возмож-

ность поговорить с ним наедине. За спиной у нее раздались голоса наконец-то догнавших их Яна и Дениз.

— У нас в библиотеке все только и говорят о вашем жюри, — напряженно прислушиваясь к ним, ляпнула Клара. И, ужасаясь собственным словам, добавила. — Удивляются, кто вас назначил председателем.

Меир измерил лукавым глазом расстояние между ними и приближающимися голосами и сказал тихо, но внятно:

— Я сам себя назначил и сам утвердил.

УРИ

Меир распорядился в гостиной, как у себя дома. Он велел Ури составить три стола и сам пододвинул к ним стулья. По-видимому, стульев оказалось недостаточно, потому что он попросил Ури помочь придвинуть диван из-под окна и кресло от камина. Они еще не закончили создание банкетного стола, как в гостиную явилась Лу с подносом уставленным бокалами. А вслед за ней Ян ввел миссис Муррей, которая, опираясь на его руку, довольно бодро проковыляла к креслу и приютилась в уголке, нарядная и бестелесная. На ней была белая блузка с кружевной манишкой и длинная концертная юбка из черного атласа. Впрочем, может, это был не атлас, а какая-то другая переливчатая ткань, но Ури давно приспособился называть все подобные ткани атласом — так было верней.

Меир отправил Яна в монастырский сад за букетами, цветы для которых он, как оказалось, самолично выбрал еще утром. А Ури в соседнюю кондитерскую за пирожными, которые он тоже заказал с утра. Пока Меир вытаскивал из бумажника оплаченный счет за пирожные, Ури окинул критическим взором празднично накрытые столы. Все было слишком красиво — хрустальные бокалы на белой скатерти, фирменные десертные тарелочки с голубым узором, кусты цветущей сирени за окном и даже задремавшая в кресле живописная старуха с прямой, как у балерины, спиной. Слишком красиво и потому неправдоподобно.

— С какой стати банкет? — спросил Ури Меира, продолжая эксплуатировать свое еще не до конца иссякшее

право на дерзкое нарушение субординации, обеспеченное их давней неприязнью.

— Я ведь предупреждал, что мне придется устранить всех владельцев именных ключей, — как бы не замечая его дерзости, терпеливо объяснил Меир.

— Я оценил импровизацию с жюри, — вынужден был признать Ури. — Но к чему еще и банкет?

— А кто может поручиться, что кто-нибудь из наших ученых червей не ринется в аннекс по возвращении с поля боя?

— Сдаюсь, — поднял руки Ури. — Могу только поражаться твоей стратегической мудрости.

И не оставив Меиру времени решить, комплимент ли это или очередное схищство, выскользнул из гостиной на улицу, все еще освещенную вечерним солнцем северного лета. Небольшая пробежка по свежему воздуху пришлась ему как нельзя кстати после целого дня, проведенного в сумраке читального зала. От быстрой ходьбы затекшие мышцы начали наполняться кровью и он с неподвижной благодарностью подумал о Меире, освободившем его на этот вечер от тягостной скуки дежурства в читальне.

По пути ему встретилась мать, тащившая за одну ручку огромную корзину с фруктами, которую за вторую ручку тащила незнакомая молодая особа в веселеньком ситцевом платье. Впрочем, возможно, это был не ситец, просто Ури для удобства с детства называл ситцем всякую материю в цветах. При ближайшем рассмотрении незнакомая особа оказалась знакомой, но неузнаваемой — это была бессловесная верная тень, обычно сопровождающая миссис Муррей. А сегодня, когда она не была чужой тенью, у нее вдруг обозначилось лицо — вполне миловидное, фигура — вполне приятная, и даже имя — Дениз.

Заметив, что под предлогом необязательного разговора с ним Дениз и Клара с видимым облегчением дружно отпустили ручки корзины и шмякнули ее о булыжники тротуара, Ури галантно предложил им дождаться, пока он смотается в кондитерскую. Тогда он понесет корзину, а они пирожные. Всю обратную дорогу он присматривался к матери. Хоть она выглядела весьма эффектно в черном кружевном наряде, ниспадающем до земли мягкими складками, что-то неуловимое в ее облике встревожило его. Щеки ее впали, глаза блестели слишком ярко, она говорила слишком мно-

го, сама себя перебивая, и была так напряжена, словно ее лихорадило.

Когда они вошли в гостиную, букеты в хрустальных вазах уже украшали стол и почти все участники банкета были в сборе. Преподобный Харви и второй ископаемый старец сидели на диване по левую руку от кресла миссис Муррей, а Ян, стоя по правую ее руку, умело открывал многочисленные бутылки с шампанским. От Ури не ускользнуло, что Ян повесил свой пиджак на спинку соседнего стула, сохраняя его таким образом свободным для Клары. Дениз положила коробку с пирожными перед Меиром и оглядела стол в поисках места. Обнаружив, что окруженная кавалерами миссис Муррей не нуждается в ее услугах, она не решительно обогнула стол и села напротив Яна.

— Дениз, — сказал ей Ян тоном заговорщика, — выпьем за нашу победу при Шарлеруа!

И плеснул шампанского в ее бокал из только что открытой бутылки. Рука Клары, державшая протянутый Яну бокал, дрогнула и отдернулась — или Ури это просто померещилось? Наверно, померещилось, потому что уже через секунду Ян сидел рядом с Klarой и, интимно закинув руку на спинку ее стула, наливал ей шампанское.

Меир постукал ложечкой о бокал и потребовал тишины. Все постепенно смолкли, только французский профессор с надменным лицом преждевременно состарившегося балованного ребенка продолжал шепотом пререкаться со своей соседкой по столу.

— Мосье и мадам де Витри! — призвал их к порядку Меир. «Значит, соседка профессора по столу — его супруга», отметил про себя Ури, одновременно поражаясь умению Меира без каких бы то ни было оснований присваивать себе право на руководящую роль. Оставалось загадкой, зачем Меиру понадобилось приглашать на банкет этого высокомерного де Витри, да еще с супругой, но уж наверно у него были на то свои расчеты.

Французы замолчали, давая Меиру возможность приветствовать всех досточтимых членов жюри, так искусно справившихся со своей непростой задачей. Он яркими красками расписал трудности, осложняющие работу жюри, все подняли бокалы и выпили, после чего беседа перестала быть общей и разбилась на множество отдельных бесед, в

центре каждой из которых оказался один из членов жюри. Со всех сторон слышались слова «кирасиры», «драгуны», «гренадеры», «Линьи», «Катр-Бра», «Веллингтон», «Блюхер», «Наполеон». В одной из групп вспыхнул спор, который Меир поспешно загасил, поднявши очередной тост — на сей раз за очаровательную миссис Муррей, щедрость которой украсила банкет этим дивным шампанским. Все опять выпили и потянулись за пирожными.

Миссис Муррей, зардевшись, как юная гимназистка, поднялась с кресла:

— Я не знаю, как мне отблагодарить вас всех за ту радость, которую мне доставил сегодняшний день. Хотите, я вам сыграю?

И она протянула над столом руку, уверенная, что кто-нибудь придет ей на помощь. Охотников оказалось слишком много. Даже преподобный Харви сделал неловкую попытку подхватить миссис Муррей под локоть. Но всех опередил Меир — он первый оказался возле кресла с нужной стороны и торжественно повел старую даму к роялю. Устраивая свою больную ногу на диванной подушке, по ее знаку брошенной Дениз под рояль, миссис Муррей предупредила:

— К сожалению, сегодня я смогу нажимать на педали только одной ногой, но я надеюсь с этим справиться.

И заиграла «Марсельезу». Ури, который в детстве по настоянию матери долго обучался игре на фортепиано, с изумлением отметил мощность удара ее пальцев по клавишам, и мягкость ее туше.

— Вы дивно играете, — сказала Клара, когда она закончила.

— Играла, — поправила ее старая дама. — Когда-то, четверть столетия назад, я и впрямь играла дивно. Выступала с концертами по всему миру. Но всему приходит конец...

— Муррей — ваше концертное имя?

Это, конечно, опять выступила Клара, — она была помещена на музыку, и половину ее квартиры занимала коллекция пластинок, кассет и компакт-дисков.

— Нет, что вы! В то невозвратное время меня звали Лилан Сэвидж.

— О Боже! — выдохнула Клара. — У меня есть ваша пластинка! Три сонаты Бетховена, правда?

— Неужто вы так хорошо помните... — начала было польщенная миссис Муррей, как вдруг французское окно за ее спиной распахнулось. В гостиную шагнула босая нога, за ней другая, и из сгущающихся над кустами сирени сумерек появилось лицо Толефа Сига.

— Шампанское? — воскликнул он. — С какой стати?

— В честь битвы при Ватерлоо, — пояснил ископаемый старец.

— За это просто необходимо выпить! — обрадовался Толеф и направился к столу. — Надеюсь, не прогоните?

«Неужто они уже кончили? Что-то рано!» — промелькнуло в голове Ури, и прочитав тот же невысказанный вопрос в глазах Меира, он подошел к окну и выглянул наружу. В саду было бесплодно, и дорожка, ведущая из часовни, была пуста. Когда Ури вернулся к столу, Толеф уже сидел рядом с Кларой в освободившемся кресле миссис Муррей и щедрой рукой наливал себе шампанское. Клара склонилась к его уху и прошептала что-то, по всей видимости, ехидное, потому что норвежец метнул на нее густо-синий неприязненный взгляд и процедил сквозь зубы односложный ответ. Но Клару его неприязнь только подогрела:

— Как ваша вегетарианская диета позволяет вам пить вино? — спросила она громко, подтверждая что она и впрямь недолголюбливает златокудрого викинга.

— Вы что, подозреваете, будто шампанское приготовлено на мясном бульоне? — подъял ее Толеф, единым духом опорожня бокал и наливая себе новый. Стало ясно, что он платит ей той же монетой.

Лилиан начала играть что-то вибрирующе-нежное, кажется, Шопена, но ее неожиданно перебил преподобный Харви:

— Простите, Лилиан, но это не то, что сегодня нужно. Лучше сыграйте нам что-нибудь воинственное, в духе событий сегодняшней битвы.

Старуха задумалась:

— Ничего не могу придумать, — пожаловалась она и обернулась к норвежцу. — Толеф, может вы мне подскажите? И сыграете со мной в четыре руки?

Толеф с сожалением оглядел строй бутылок с недопитым шампанским и пошел к роялю.

— У меня есть одна идея, но не знаю, всем ли она будет по вкусу.

Он придвинул к роялю стул и принялся что-то оживленно нашептывать миссис Муррей, которая, выслушав его, согласно кивнула и начала левой рукой брать какие-то бурные, но не слишком согласованные, как показалось Ури, аккорды.

— Прекрасно! — одобрил ее норвежец. — Я думаю, при вашем и моем мастерстве мы можем играть без репетиции. Если мы даже собьемся, нас простят.

Он чуть-чуть отодвинул вертящийся табурет миссис Муррей, так что педали оказались под его босыми ступнями, дал ей знак, и они в четыре руки грянули вагнеровский «Полет валькирий». Играли они, возможно, не слишком чисто, но зато вдохновенно, за что по окончании были вознаграждены бурной овацией. Глядя на весело аплодирующую Клару, Толлеф, наконец, ответил ей ехидством на ехидство:

— А я думал, что израильтянам запрещено слушать Вагнера.

«Небось, только ради этого мелкого укола он и сыграл Валькирий!» — пожалел мать Ури. Было очевидно, что за эти дни в хранилище они с норвежцем хорошо вгрызлись друг другу в печенки. Щеки Клары вспыхнули нервным румянцем:

— Что значит, запрещено? Вагнер у нас подвергнут общественному бойкоту, но у себя дома каждый может слушать его сколько угодно!

— А вы слушаете? — не выдержал Ури, припоминая многократные семейные скандалы по этому поводу.

Мать смутилась было, но тут же оправилась:

— Конечно, слушаю. Когда хочу.

Ури не поверил ей: — И часто вы хотите?

Он хорошо знал патологическую неспособность Клары ко лжи, — эта неспособность порой вырастала у нее в серьезное жизненное препятствие. И потому он удивился, когда она легко, без натуги ответила:

— Последнее время довольно часто.

«Что же с тобой случилось за последнее время?» — спросил его взгляд. И хоть губы не промолвили ни слова, мать, как всегда, прочла его вопрос и быстро добавила, подчиняясь своему дурацкому внутреннему импульсу говорить правду даже себе во вред:

— Я случайно узнала многое из его жизни, и любопытство заставило меня пересмотреть свое абсолютное отрицание.

Интересно, что значит «случайно»? — хотел бы выяснить Ури, но обстоятельства не позволяли. Он и так перехватил предупреждающий взгляд Меира — мол, прекрати эту интимную беседу при всех! — и прикусил язык. Клара, как видно, тоже перехватила взгляд Меира и вдруг ужасно испугалась чего-то. Ее лихорадочно горящие щеки внезапно покрылись пепельной бледностью, и Ури на миг показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Как ни странно, связывающая их когда-то пуповина все еще не усохла и передала Ури ее испуг толчками электрических содроганий по всему телу. Но разум их уже не работал на одной волне, так что причина охватившего Клару панического страха ему при этом не открылась. Нести в себе чужой страх без понимания его природы было невыносимо, и Ури, невольно отключившись, начал настойчиво искать объяснения странному смятению ни с того, ни с сего подавившему мать.

Что такое она брякнула, о чем проболталась? Ури старательно прокрутил в памяти только что записанную ленту с их разговором — вроде бы, ничего криминального там не было. Однако она сама заметила, что сболтнула что-то невпопад, — значит, надо проанализировать ее последнюю фразу и найти в ней занозу. Ури повторил про себя эту фразу снова и снова, окончательно убеждаясь, что самым подозрительным было слово «случайно». Оно прозвучало фальшиво и разоблачающе, явно указывая на кого-то, кто за последнее время умудрился пробить брешь в ненависти Клары к Вагнеру. В этом, однако, тоже не было ничего криминального, чего же она так испугалась?

Снова грянула музыка, возвращая Ури к шумной реальности банкета. Погрузившись в свои расчеты, он даже не заметил, как рядом с ним оказалась Лу. Она пристроилась на стуле Дениз, которая куда-то исчезла. Он поискал ее глазами и нашел: скорчившись под роялем, она удерживала непослушную подушку под ногами миссис Муррей, которая, старательно прислушиваясь к командам Толлефа, наяривала в четыре руки с ним что-то бурное, кажется, увертюру к «Летучему Голландцу».

— Благодарю вас! — сказал голос Яна за спиной Ури, и музыка смолкла.

— В этом отрывке ясно звучит тема смерти, любимая тема Вагнера, — произнес Ян, словно читая лекцию, и

Ури понял, что, задумавшись, он что-то пропустил. Он обернулся — Ян, мерно взмахивая рукой в такт словам, шагал по паркетным елочкам между камином и роялем, — взад-вперед, взад-вперед, как маятник.

— Вы не замечали, что мы, северяне, рожденные от предков, тосковавших по солнцу в сумрачных европейских лесах, можем ощущать истинный вкус жизни только на острие ножа? На грани гибели, на краю пропасти? Спросите хоть у Толефа — почему ему становится хорошо только после трех бокалов шампанского?

— Четырех, — поправил Толеф, поднимаясь из-за рояля, чтобы взять со стола еще один бокал.

— Именно эта особенность арийской души приводила Вагнера в трепет, как совершенно чуждая и непостижимая.

— Почему чуждая? — усомнилась Лу.

— Ведь вы считаете Вагнера антисемитом, не правда ли? — спросил Ян у Клары, игнорируя Лу. Клара молча кивнула, глядя на него завороченно, как кролик на удава.

— А вам не приходило в голову представить антисемитизм Вагнера как обратную сторону его скрытого еврейства? Как специфическое проявление хорошо известной в психологии еврейской самоненависти?

Ури насторожился — совсем недавно он читал нечто подобное.

— Ну и цирк! Вагнер — еврей?! — засмеялась Лу, но Ян умоляюще поднял руку, призывая всех к тишине:

— Еще Ницше писал об этом, за что Вагнеры рассорились с ним навеки.

— Ницше, тоже мне авторитет! — снова усомнилась Лу. — Небось, сводил какие-нибудь счеты.

— Ладно, забудем про Ницше, — легко согласился Ян. — Я приведу вам другое доказательство, физиономическое, так сказать. Я ведь архивный червь, и, заинтересовавшись этой темой, я нашел и наклеил рядом два портрета. На одном — Рихард Вагнер собственной персоной, сфотографированный на склоне лет, на другом — его отчим, художник Людвиг Гейер, который, будучи другом семьи, женился на овдовевшей матери Рихарда, когда младенец еще не достиг и полугода. Многие биографы утверждают, что он — отец Рихарда. И впрямь, сходство этих двоих поражает воображение. Разница между ними только в возрасте, все осталь-

ное неотличимо: глаза, нос, складка губ, овал лица. И не меньше поражает имя отчима — Гейер. Известно, что многие немецкие евреи носили имена городов, а ведь под Дрезденом, где родился Вагнер, есть городок Гейер. Да и сам Рихард до тринадцати лет носил фамилию Гейер...

— Великий Вагнер — Рихард Гейер? — ахнула Лу.

— Именно так. Создателем новой немецкой оперы мог бы стать Рихард Гейер.

— Ну Ян, — восхищенно выдохнула Лу — вы даете! Вы что, тоже антисемит?

— Глупости, — рассердился Ян, — из чего это следует?

— Из того, что вы хотите смягчить вину антисемита Вагнера.

— Ну уж и вину, — вступился норвежец то ли за Вагнера, то ли за Яна, — ведь Вагнер никого не убил. А такой мелкий грех, как антисемитизм, можно простить человеку, который написал эту музыку.

— Да и антисемитизм ли это? — воздел руки Ян. — Он ведь всего-навсего хотел открутиться от собственного еврейства...

«...а это, в конце концов, желание вполне простительное», — процитировал про себя Ури, чувствуя, как холодная рука сжимает сердце. Это место из дневника Карла произвело на него сильное впечатление, и он хорошо его запомнил, — там все было именно так. Разве что вместо «откреститься от своего еврейства» Ян сказал: «открутиться». Зато все остальное повторил точно, особенно про два портрета, наклеенных рядом. Да нет, это просто случайное совпадение. Кто, кроме Ури мог прочесть дневник?

Ури прижал локтем свою неразлучную рабочую сумку, чтобы ощутить прикосновение лежащей в ней жесткой пачки листов. Все было в порядке, листки были на месте, разве что кто-нибудь их подменил. Правда, неясно, зачем. Преодолевая настойчивое желание открыть сумку и взглянуть на зашифрованные страницы дневника, Ури постарался сосредоточиться на чем-нибудь другом, например, на том, что говорил Ян. А Ян увлекся своим рассказом:

— ...эта революция в Дрездене только называлась революцией. Был там робкий мятеж, скорей, сотрясение воздуха, чем реальное восстание. Когда прусские войска подошли к Дрездену, революционная армия рванула оттуда, наложив со страху полные штаны. Но восставшие и прусской

армии не дождалась бы, они бы разбежались еще раньше, если бы на их голову их не возглавил русский богатырь Мишель Бакунин. Кто-нибудь из вас о нем слышал?

— Не тот ли это Бакунин, который боролся с Карлом Марксом за первое место в «Интернационале»? — вдруг оживился ископаемый старец, до того мирно дремавший на диване, уронив голову на плечо преподобного Харви.

— Тот самый! — обрадовался Ян. Он говорил легко и вдохновенно, никогда раньше Ури не видел его в таком приподнятом настроении:

— Именно на него кивают некоторые биографы Вагнера, пытаясь объяснить, зачем главному дирижеру дрезденской королевской оперы, изрядному трусу и прожигателю жизни, понадобилось губить свою карьеру на баррикадах.

— И зачем же? — перебила Яна Лу, но он не рассердился, он был слишком захвачен волной собственного красноречия.

«Неужто слишком много выпил?» — подумал Ури.

— А затем, что он был влюблен в Бакунина.

— Как это — влюблен? Он же был ужасный бабник! — ворвалась в беседу молчавшая до сих пор супруга профессора де Витри.

— Он пытался выглядеть бабником, но кем он был, вовсе неясно. А вот Бакунин никогда бабником не был. Он избегал женщин, зато его всегда и всюду сопровождал очередной молодой друг, страстно увлеченный его революционными идеалами. Известный пианист Адольф Райхель даже оставил ради Мишеля молодую жену и довольно долго следовал за ним по всей Европе.

— Неужели вы хотите сказать, что Бакунин был гомиком? — окончательно сбилась с толку Лу.

— Что-то, во всяком случае, было у него не в порядке. И хоть многие дамы были от него без ума, за ним не числится ни одной любовной авантюры, ни одной романтической истории. А ведь он был бретер, лихач, нарушитель приличий.

— Но всем известно, что Бакунин был женат и имел детей! — с некоторой обидой воскликнул преподобный Харви.

— Ах, лучше не упоминайте этот брак! Семейная жизнь Мишеля — это отдельный сюжет. И дети были не его, а его друга и соратника Карло Гамбуззи, с которым его жена Антония открыто жила при молчаливом согласии супруга.

— Почему же об этом никто нигде не писал?

— В те времена открыто признаться в таком было невозможно. И жить с этим было опасно. Но сам-то Мишель знал правду о себе. И становится понятным, почему этот синеглазый красавец, этот просвещенный аристократ, сын богатых и знатных родителей, как безумный, метался по Европе от мятежа к мятежу. Похоже, он искал случая умереть красиво. И, кажется, именно этим он покори́л плебейское сердце крошки Вагнера.

«Я что, схожу с ума?» — содрогнулся Ури. — «Я же это только что прочел, может, выраженное чуть иначе, но по смыслу то же самое. Или такой подход просто стал теперь общим местом, и все это знают?»

Однако недоуменный интерес, с которым присутствующие слушали Яна, скорей, говорил о том, что его трактовка нетривиальна и непривычна.

— Об этом где-то можно почитать? — спросил Ури, смутно надеясь, что Ян назовет какую-нибудь неизвестную ему немецкую книгу, которую он сможет найти у себя в университетской библиотеке, чтобы развеять это наваждение. Но нет, в ответ на его вопрос Ян только рассмеялся счастливым гордым смехом:

— Не думаю, чтобы кто-нибудь из исследователей жизни Вагнера решился изложить столь самоубийственный вариант. Ведь за такое осквернение святыни верные последователи вполне могли бы побить отступника камнями.

— Вы хотите сказать, что построили эту теорию единолично и без соучастников? — ископаемый старец, окончательно пробудившись, гневно уставился на Яна.

— Именно единолично и без соучастников! — смиренно признался тот. — И готов понести наказание за то, что приписал революционный порыв Вагнера его страстной влюбленности в революционера Мишеля Бакунина, способного жить полной жизнью только на краю смерти. Ведь для него Бакунин был живым воплощением его идеального героя, жаждающего погибнуть, чтобы хоть в последний миг ощутить острую радость жизни. Недаром он хотел посвятить Мишелю первый вариант своего Зигфрида, — тем более, что тогда он еще назывался «Смерть Зигфрида».

— Если хотел, почему же не посвятил? — ворчливо вмешался преподобный Харви, явно разделяя недовольство своего ископаемого соседа.

— На это у него были весьма веские причины, — загадочно улыбнулся Ян. — Однако если я расскажу вам их вкратце, вы мне все равно не поверите.

— Об этих причинах тоже нигде нельзя прочесть? — спросил Ури, чувствуя, как его замешательство постепенно превращается в звенящее предчувствие какого-то ужасного открытия. Само предположение о том, что все полнее вырисовывалось — пока где-то в подсознании, — было таким чудовищным, что разум делал последние лихорадочные попытки если не отменить, то хотя бы отсрочить нависшую над ним догадку.

— Увы, тоже негде, пока я не решусь о них написать, — отозвался Ян как-то слишком уж вызывающе.

— Так что же, мы до тех пор так их и не узнаем? — поинтересовался Ури, удивляясь странному поведению Яна, который, обычно такой сдержанный, такой джентльмен, был сегодня на себя не похож, — взвинченный, говорливый, словно его подменили.

— Почему же? Я мог бы рассказать желающим... — предположил Ян, нерешительно оглядывая собравшихся за столом. — Но возможно, вам уже надоела эта тема?

— Нет, нет, расскажите! Это безумно интересно! — воскликнула миссис Муррей, которая сегодня тоже была слегка не в себе и пробежала пальцами по клавишам, рассыпая в воздухе серебристые брызги мажорных аккордов. Толеф подхватил брошенную ею мелодию, но в другом, скорей минорном ключе, бархатисто, уверенно, неспешно. И Ян в такт музыке начал говорить, вернее декламировать, словно читал наизусть нечто загодя отрепетированное.

— Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего задать другой. Почему Вагнер ни разу не попытался встретиться со своим бывшим другом, когда тот после семи лет тюрьмы убежал из сибирской ссылки и поселился в Швейцарии? Причем поселился в Лугано, в двух шагах от виллы Вагнера. Но ни тот, ни другой не сделали ни одной попытки встретиться. Почему? — Он сделал эффектную паузу. — А потому что оба знали, что после разгрома восстания Вагнер, спасая свою шкуру, выдал своего возлюбленного Мишеля полиции.

Ян взял со стола чей-то неполный бокал и выпил единым духом. Все молчали, словно зачарованные. «Что еще он расскажет? Или он на этой ударной ноте завершит свое выступление?», — смятенные мысли Ури, намеренно задерживаясь на сиюминутных частностях, заскользили по поверхности какого-то решительного открытия, словно страшились заглянуть в разверзающуюся под ними бездну. Но Ян и не думал прерывать свой рассказ:

— Ведь Мишель не случайно оказался в центре восстания и стал главным советником временного правительства по вопросам воинской стратегии. Сам Рихард почти насильно притащил его в городскую ратушу, где заседали руководители восстания. И Мишель забыл о своем презрении к их мелкотравчатому мятежу. Его, как всегда, увлекла сама стихия революционной динамики: треск выстрелов, запах пороха и вкус опасности. Только такая жизнь имела для него смысл, всякая другая была тусклым прозябанием, не стоящим затраченных усилий...

Тут зазвенел звонок к вечернему чаю и в гостиную шумно ворвалась истомившаяся за дверью толпа не приглашенных на банкет. Кое-кто из них, сохраняя достоинство, с чашкой в руке последовал за Брайаном, вкатившим в гостиную свой столик с чайниками, зато американцы, все, как один, прямо от двери направились к сдвинутым банкетным столам, вынуждая Меира лобезно предложить им остатки шампанского и пирожных. Те, кому достались бокалы, подняли их, приветствуя миссис Муррей, она в ответ взметнула кисти рук над клавишами, и звуки рояля заглушили речь Яна.

Одним из последних вошел очкастый господин с одутловатыми щеками, будто приклеенными к его вполне молодому лицу, которого Ури вчера опознал по фотографиям в израильских газетах. Значит, на сегодня совещание кончилось. Слава Богу, сейчас не его дежурство и он может спокойно остаться в гостиной, не торопясь занять свой пост. Однако он неволью проследил, как очкастый господин взял со столика чашку чая и с минуту постоял, облокотясь на буфет, словно искал кого-то глазами. Ури уже было потерял к нему интерес, как он, подхватив еще одну чашку чая, подошел к банкетному столу и сел рядом с Кларой. Любезно улыбаясь, он поставил перед ней чашку и сказал ей что-

то, отчего она вспыхнула и резко выпрямилась, будто ее ударили. Потом овладев собой, рассеянно поднесла чашку к губам, отлебнула несколько глотков и быстро написала несколько слов на бумажной обертке от пирожного. Господин аккуратно сложил обертку, сунул в карман, молча поднялся и не спеша понес пустую чашку обратно на буфет.

Ури перевел взгляд на Яна, от которого тоже не ускользнула эта сцена, хоть он сделал вид, что ничего не заметил. Толпа его слушателей пополнилась восторженной стайкой американских дам и отцом Георгием, вернувшимся ради вечернего чая к маскарадной версии своего костюма. На столе перед ним стояла почти полная бутылка «Фанты», содержимое которой он, стараясь быть справедливым, аккуратно разливал по составленным полукругом чайным чашкам, ни на миг не прерывая бурной дискуссии с Яном. Язык его сильно заплетался, и он время от времени смачивал его, отлебывая глоток из чашки, которую тут же наполнял снова. Ури заподозрил, что темная жидкость в бутылке — вовсе не «Фанта», а пресловутая румынская цуйка. Утверждений отца Георгия, высказанных на взрывоопасной смеси английского с румынским, Ури не понял, но ответы Яна звучали бы вполне внятно, если бы священник не перебивал его в середине каждой фразы, создавая впечатление опереточного дуэта:

Ян: Было еще не поздно, Мишель еще мог удрать — еще не весь город был оцеплен...

ОГ: Трам-пури-пури-трури-пам!

Ян: ...не все границы перекрыты. Но не такой это был человек...

ОГ: Трам-пум-па-пам! Там-пури-пам?

Ян: ...чтобы искать спасения в бегстве. За то и любил его Рихард...

ОГ: Трам-пури? Пури-трури-пам-пури-трури-пам-пам-пам!

Ян: ...за то и любил. Но он понимал, что сам погибнет...

ОГ: Трури-пури, тури-пури-трури-пури, трам-пам-пам!

Ян: ...если не отдаст Мишеля в руки зятя.

Чей зять, при чем тут к черту зять? И тут Ури вспомнил, что в дневнике тоже написано про зятя, он просто не успел прочесть, что именно. Выходит, что если его безумная догадка может иметь хоть какое-то отношение к ре-

альности, подтверждение ей нужно искать в дневнике. Он огляделся вокруг, обдумывая, как бы незаметно выскользнуть из гостиной, чтобы запереться у себя в комнате и спокойно прочесть оставшиеся страницы.

Вечер уже подходил к концу, звуки рояля смолкли, и гости начали расходиться. На смену им появились две кухонные девушки, которых, наверно, нанял Меир, чтобы они привели гостиную в порядок после банкета. Чудно, значит, от Ури помощи не потребуется, и он свободен удрать. Ури поднялся из-за стола и, кивнув Меиру, двинулся к двери, но его перехватила Лу. Она заметила его маневр по направлению к выходу и, когда он проходил мимо, со смехом подставила ему ножку.

— Куда вы? Или вы избегаете меня?

Ури покачнулся и, вынужденный схватиться за спинку ее стула, чтобы не упасть, оказался с ней лицом к лицу.

— Конечно, нет. Что за странная идея?

— Однако прошлой ночью мне не удалось вас разбудить. Вам не стыдно?

— Еще как стыдно, — «Значит, не приснилось». — Но что поделает, если наш босс загонял меня, как соленого зайца.

Она прижалась щекой к его ладони, лежащей на спинке ее стула.

— Но сегодня, я надеюсь, вы придете? Или вы хотите, чтобы я пришла к вам?

От нее исходил такой мощный эротический призыв, что Ури на миг чуть не поддался соблазну. И наверняка в конце концов поддался бы, если бы не нарастающий страх, что его догадка верна. А раз есть хоть ничтожная вероятность, что пронзившая его нелепая мысль имеет реальные основания, он просто обязан за эту ночь тщательно проанализировать ситуацию и окончательно решить, да или нет. Выходит, что вся ответственность здесь на нем — никому нельзя довериться, ни с кем посоветоваться. Ведь, если это правда, то и мать тут замешана тоже, и надо решить, какая опасность угрожает матери. Так что нечего вмешивать в это Лу. Он потянул было ладонь из-под щеки Лу, но ее пальцы сомкнулись вокруг его запястья стальным кольцом. Изловчившись, он мизинцем почесал ее за ухом, от чего она замурлыкала, как кошка, и ослабила хватку. Тогда он осторожно высвободил руку:

— Боюсь, сегодня опять не выйдет. Он отправляет меня... — тут Ури замаялся, затруднившись с ходу придумать, куда именно отправляет его Меир, но вовремя вспомнив о секретности, выдохнул с облегчением, — не могу сказать, куда, но отправляет на всю ночь, так что я вернусь только к завтраку.

— Какое проклятое невезение! — искренне огорчилась Лу. Сознание собственной неотразимости делало ее доверчивой — она не сомневалась, что если мужчина от нее отказывается, значит, у него есть на то серьезные причины. — Так вы уже сматываетесь?

— Пока нет, у меня есть еще минут двадцать, — сознался Ури, соображая, что ему теперь придется дожидаться ухода Меира, чтобы не дать Лу возможности перекинуться с ним парой слов по поводу этого таинственного ночного задания.

— Целых двадцать минут? — восторгалась Лу. — Так мы еще можем подняться ко мне...

— Увы! — сокрушенно развел руками Ури, чувствуя себя мелким лжецом и пронырой, — мне ведь нельзя отсюда отлучаться: а вдруг их высочество вздумают явиться к чаю?

Поразительно, но Лу ему и тут поверила, — она притянула его за рукави усадила рядом с собой. Тем временем отец Георгий окончательно потерял дар речи и задремал, так и не распределив среди публики свои чашки с суйкой. Он успел только одну вручить Яну, а вторую подсевшей к нему Кларе. Как видно, Ян довольно далеко продвинулся в своем повествовании, однако слушателям все еще не надоел.

— В дневнике Вагнера написано, что гвардейцы из Хемница убедили временное правительство расквартировать свою разгромленную армию у них в городе. Вагнер вспоминает, что сам присутствовал при встрече Бакунина с гвардейцами, которые утверждали, будто в Хемнице восставших ждут многочисленные соратники, готовые к ним присоединиться. Но как оказалось позже, гвардейцы эти, по словам Вагнера, просто заманили временное правительство в ловушку, чтобы арестовать его там без сопротивления.

— А что было на самом деле? — спросила одна из американских дам.

— Что было на самом деле, можно предположить, если почитать Мишеля, который тоже описал этот случай. Воспоминаний он, правда, не оставил, но в тюрьме написал

покаянную «Исповедь», в которой подробно рассказал, как по пути из Дрездена их перехватил Вагнер и уговорил ехать в Хемниц, ссылаясь на революционные массы, жаждущие примкнуть к их армии.

— Зачем же Вагнер напел такую разоблачительную чушь?

— Откуда бедняге было знать, что Мишель тоже опишет эпизод с гвардейцами? Ведь в те времена, когда Вагнер диктовал эти страницы Козиме, никто понятия не имел об «Исповеди» Мишеля, да и тот вряд ли ее афишировал. Он, скорей, стыдился, что, доведенный до отчаяния семилетним одиночным заключением в похожем на могилу подземелье петербургской крепости, проявил слабость и нарушил собственные правила.

Произнеся эти слова, Ян торжествующе замолчал, и обвел глазами слушателей. Американские дамы дружно ахнули и наградили его овациями и даже профессор де Витри хлопнул пару раз в ладоши, после того, как супруга подтолкнула его локтем. Преподобный Харви уточнил:

— То есть вы утверждаете, что после разгрома дрезденского восстания Вагнер способствовал аресту Мишеля Бакунина?

— Именно это я утверждаю! — голос Яна прозвучал как-то слишком уж торжественно.

Старцы многозначительно переглянулись, пожали плечами и более древний изрек:

— Увлекательно, но не доказательно.

Ян покорно склонил голову, вежливо принимая их критику, потянулся за своей недопитой цуйкой и, залпом осушив чашку, отставил ее в сторону. Клара, с отвращением поморщившись, отхлебнула из своей, вынула из сумочки пачку сигарет и начала нервно прикуривать. Ури протянул руку к пачке:

— Вы позволите?

Брови Клары резко взлетели вверх:

— Разве вы курите?

— Только когда выпью шампанского.

Клара нехотя протянула ему пачку, он вытащил сигарету и потянулся за зажигалкой. Зажигалку она из рук не выпустила, а сама щелкнула ею и поднесла ему огонь. Он притворно затаился и все же закашлялся с непривычки, на что Клара заметила лукаво:

— Я вижу, вам нечасто приходится пить шампанское.

— Только когда дамы угощают, — в тон ей ответил он, стараясь припомнить, какая ее фраза поразила его в начале вечера. Он еще раз затянулся, прикрыв глаза веками, и в темноте явственно услышал эту фразу, так испугавшую ее саму: «Я случайно узнала многое из жизни Вагнера, и любопытство заставило меня пересмотреть свое абсолютное отрицание.»

— И давно вы так увлекаетесь Вагнером? — спросил он, нащупывая болевую точку в трехчленной комбинации Клара—Вагнер—Ян. И по тому, как мать закусила нижнюю губу, понял, что она опять испугалась. Пока она подыскивала ответ, ему как бы вовсе нехотелось вспомниться забавная скороговорка из детских лет: «Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет». Разумный внутренний голос тут же отозвался на эту детскую шалость, — настойчиво, хоть и не уверенно: «При чем тут Карл? Я же своими руками захоронил его останки в стене сокровищницы Губертусов». На что другой голос, более скептический, но не менее настойчивый, позволил себе усомниться: «А откуда ты, собственно, знаешь, чьи это были останки?»

— У нас недавно исполняли отрывки вагнеровских опер, и мне они так понравились... — нашла, наконец, подходящую формулировку Клара.

— Где у вас, в Израиле?

Глумливая ухмылка сына оскорбила Клару:

— Да, представьте себе, у нас в Израиле, в рамках Международного иерусалимского фестиваля! — отчеканила она вызывающе.

— Я вижу у вас там наступили большие перемены! — Ури пригасил сигарету в стоящей неподалеку чашке Яна и спросил негромко, пользуясь тем, что их никто не слышал:

— С кем же, интересно, вы были на этом концерте? С ним? — он указал взглядом на Яна, помогающего Меиру складывать чистые бокалы в соломенную корзинку.

Зрочки Клары сузились, и Ури вспомнил, как во время их путешествия по Средиземному морю на теплоходе она всегда проигрывала в покер, потому что по лицу ее всегда можно было определить, когда она блефует.

— Откуда у вас такие странные идеи? — она пригасила свою сигарету в той же чашке, что и он, поднялась, резко

оттолкнув стул, и отвернулась к окну, за которым, наконец, стемнело.

В гостиную вошли музыкальные пасторы и подсади к Толефу, тихо наигрывающему что-то на рояле. При виде этих неразлучных преподобных отцов Меир поставил, наконец, корзинку с бокалами на угловой столик и, кивком попрощавшись с остающимися, не спеша направился к выходу. Лу рванулась было за ним, но Ури подхватил ее под локоть и начал шептать ей на ухо какие-то скабрзные глупости, о существовании которых в собственном сознании сам до сих пор не подозревал. Она слушала со снисходительным интересом, не пытаясь вырваться, и только когда за Меиром захолопнулась парадная дверь, он отпустил ее со словами:

— Не хотите ли отведать этой знаменитой цуйки? — и потянулся за чашками с темной жидкостью, краем глаза наблюдая, как Ян окликнул Клару, и они дружно двинулись к выходу. Лу перехватила его взгляд, отвергла предложенную ей цуйку и сочувственно покачала головой:

— Бедный вы бедный, брошенный ребенок, вам и впрямь надо выпить!

И быстро вышла, но не стала догонять Меира, а повернула к лестнице, ведущей наверх. Ури глянул на часы. До автобуса на Честер оставалось десять минут, а он еще не завершил операцию с чашкой Яна. Он легко нашел ее по торчащим из нее окуркам, не таясь, взял со стола вместе с парой соседних и понес к буфету. Поставив все чашки в ряд на его темной крышке, он огляделся — народу в гостинной почти не осталось, и никто на него не смотрел. Тогда он ловко выдернул из мусорной корзинки заранее облюбованный им пластиковый пакетик от пирожного и, быстрым движением смахнув в него чашку Яна, сунул ее в карман. Выходя он заметил, что отец Георгий уже проснулся и сосредоточенно сливает из чашек недопитую цуйку обратно в бутылку из-под «Фанты».

По дороге к автобусу Ури с каким-то злобным весельем повторял про себя навязшую в зубах скороговорку «Карл у Клары украл кораллы, Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет».

Он вскочил в автобус в последнюю секунду. Хотя автобус был почти пустой, почитать там дневник Карла не удалось, потому что водитель погасил все лампы в салоне. Не

удалось снять и номер в отеле по прибытии в Честер. Смотреть «Битву при Ватерлоо» съехалось столько народу, что о свободных комнатах и речи быть не могло. Не зная, куда ему деваться, Ури побрел на вокзал и, проглядев расписание, обнаружил, что через десять минут уходит ночной поезд на Бирмингем. Он купил билет туда-обратно и, проклиная дороговизну английской железной дороги, наконец отгородился от мира в грязноватом, но удобном откидном кресле второго класса.

Поезд негромко свистнул и тронулся с места. Убедившись, что никто из немногочисленных ночных пассажиров им не интересуется, Ури открыл свою рабочую сумку и вытащил заветную пачку листков. Ему не терпелось быстро пролистать их, чтобы поскорее найти нужное место. Но он сам себя притормозил, — если он хочет узнать правду, он должен читать все по порядку, чтобы ничего важного не пропустить. Времени у него более, чем достаточно, поезд тащится до Бирмингема почти четыре часа и обратно не меньше. Ури зажег лампочку под потолком и погрузился в иллюзорный мир, созданный воображением Карла:

«... Сразу после обеда он сунул том воспоминаний под мышку и поднялся к себе в кабинет. Там он прилег на диван и начал бегло перелистывать красиво переплетенные в кожу страницы, пока не наткнулся на забавную запись:

«...однажды я пригласил Мишеля на ужин к себе домой. Моя жена Минна разложила на тарелках тонко нарезанные ломтики колбас и копченного мяса, но он и не подумал есть их так, как это принято у нас, аккуратно накладывая на хлеб. Он сгреб в горсть все, разложенное на тарелках, и единым духом отправил в рот. Заметив испуг Минны, он заверил ее, что ему вполне достаточно того, что он съел, просто он любит есть по-своему».

Дальше шел абзац о том, что Мишель всегда ходил в черном концертном фраке, утверждая, что у него нет денег на покупку чего-то более подходящего. И никто не мог ссудить ему что-нибудь из своего гардероба. Он был такой огромный, что любая одежда с чужого плеча была бы ему мала.

Рихард перевернул страницу и поморщился. Истории про колбасу и про фрак были более или менее правдивы, хоть нигде не было сказано, что той дрезденской весной,

перед самым восстанием, Рихард был безумно влюблен в Мишеля и зачарованно следовал за ним повсюду, как собачка на сворке. Зато большая часть того, что шло дальше, была сплошным враньем. Все, все, даже продолжение рассказа про фрак. Когда Рихард излагал Козиме приходившие ему на ум события тех далеких дней, он сразу четко отбрасывал то, что могло испортить его отношения с королем Людвигом, по заказу которого эти воспоминания, собственно, и были написаны. При этом кое-что приходилось не только скрывать, но и изрядно переиначивать.

Запись от 3 мая — это был третий день восстания, — начиналась с того, что Рихард неожиданно увидел могучую фигуру Мишеля. Который дымя сигарой и не замечая неуместности своего концертного фрака, бродил по Альтмаркту, с любопытством разглядывая баррикады. А на самом деле накануне вечером Рихард долго уговаривал Мишеля прийти на Альтмаркт и все утро его ждал, а тот все не шел. Так что ко времени его прихода Рихард уже отчаялся его увидеть. Хоть Мишель считал всю их революционную затею мелкотравчатой и буржуазной, Рихард все равно жаждал, чтобы Мишель увидел его среди борцов на баррикадах — он давно понял, что тот ценит только разрушителей, людей действия и отваги. Но Мишель и не подумал восхищаться героизмом Рихарда и его соратников. Презрительно усмехаясь, он указал на детскую неэффективность всех мер, принятых восставшими для защиты от прусских войск, и объявил, что лично он не склонен принимать участие в таком любительском спектакле.

Рихард бегло просмотрел записи за решающие для восстания дни, 4-е и 5-е мая, когда передовые части прусской армии бесконечным потоком втекали в пригороды Дрездена. В воспоминаниях как-то само собой выходило, что к этому времени Мишель уже оказался в центре событий и стал главным советником временного правительства по всем вопросам воинской стратегии. Ни слова только не было сказано о том, что за день до этого именно Рихард почти насильно притащил его в городскую ратушу, где заседали руководители восстания. Он хотел, чтобы Мишель как специалист высказал им свои претензии и посоветовал, как теперь быть. Мишель выслушал сбивчивые мечтания членов правительства о преимуществах мирного урегулирова-

ния и силой жесткой логики убедил их, что на это нет ни малейшей надежды.

Оставался единственный вариант — организовать так, чтобы противопоставить пруссакам собственную военную мощь высокого качества. И при этом выяснилось, что никто, кроме Мишеля, понятия не имеет, как к такой организации приступить. А Мишель уже забыл о своем презрении к их мелкотравчатому мятежу. Его, как всегда, увлекла сама стихия революционной динамики: треск выстрелов, запах пороха и вкус опасности.

Все предшествующие восстанию недели он жил в странном полусне. С кем-то встречался, о чем-то спорил, что-то доказывал, но душа его при сем не присутствовала. Отравленная глубокой печалью, она неустанно возвращалась к тем счастливым минутам на баррикадах Парижа, когда он окрылял толпу своим вдохновенным бесстрашием. Только такая жизнь имела смысл, всякая другая была тусклым прозябанием, не стоящим затраченных усилий...»

После этих слов перо Карла снова прочертило длинную линию с извилистым загибом и побежало дальше — крупнее, поспешней и словно бы вдохновенней:

«Что за чушь! Ведь в этом абзаце про Мишеля я, сам того не заметив, приписал Вагнеру свои мысли. А впрочем, наверно он думал о чем-то подобном, прозревая душевные побуждения своего свободного от страха Зигфрида, хоть тот был во всем ему чужд и именно тем восхитителен. В этом отчужденном восхищении, пожалуй, и зарыт секрет очарования всей романтической вагнеровской галлиматии, воспевающей неосмотрительных, но отважных героев, всегда готовых погибнуть и обязательно в конце концов погибающих».

Потом шел пробел, за ним несколько зачеркнутых строк, потом опять пробел и новый абзац, начинающийся посреди фразы:

«...пруссаки все тесней сжимали кольцо. Они очень хитро придумали уклоняться от уличных боев, где им пришлось бы атаковать баррикады. Они захватывали дом и пробивали стены в соседний, продвигаясь таким образом не по улице, а внутри домов. Беспольные баррикады, похожие на мусорные свалки, неммым укором высились вокруг пепелища оперного театра, где все еще дымились ос-

тывающие угли. Несмолкаемый грохот больших и малых орудий безжалостно долбил по мозгам, вызывая головную боль. В ратуше царила паника, все члены временного правительства, кроме Хюбнера, разбежались кто куда в надежде избежать расплаты.

И Рихарду стало страшно.

Он не мог контролировать этот страх, руки дрожали, глаза застилала влажная пелена, все тело обливалось потом. Он предчувствовал, что вот-вот появится красная нервная сыпь — под мышками и в паху уже начинался нестерпимый зуд. Он помчался домой, в тихий пригород Фридрихштадт, где его ожидала испуганная Минна. Но добраться до дома было не так-то просто, — все дороги были перекрыты наступающей лавиной прусских войск. С трудом переваливаясь через заросшие колючками изгороди и пробираясь задами по извилистым тропкам, знакомым ему по его бесчисленным одиноким прогулкам, Рихард вдруг остро осознал, что больше никогда не вернется в эти края. Битва была проиграна, даже, не начавшись, впереди маячил разгром, тюрьма, а, возможно, даже и гибель.

Но он еще не был готов к уходу из этого мира, его жизнь не принадлежала ему. Еще несозданные, но уже оплотворенные его гением замыслы толпились на пороге его души, стремясь вырваться наружу. Его святой обязанностью было доносить их и дать им выйти в свет. А значит, он должен был беречь себя.

План его был прост, он так и написал в своих воспоминаниях: «Внутренним взором я увидел, как пруссаки входят в наш пригород, и живо представил себе все ужасы военной оккупации. Когда я, наконец, добрался до своего дома, мне без труда удалось убедить Минну собрать кое-какие пожитки и уехать со мной в Хемниц, где жила моя замужняя сестра Клара. Захватив с собой зеленого попугая и песика Пепса, мы отправились в путь на дребезжащей деревенской повозке, которую мне чудом удалось нанять. Был дивный весенний день. Но сладкозвучное пение жаворонков в бескрайней высоте небес то и дело заглушалось непрекращающимся ревом канонады, которая потом еще много дней отдавалась у меня в ушах».

Рихард в который раз подивился собственной уклончивости. Он подробно описал попугая, песика Пепса и жаво-

ронков, поющих в бескрайней высоте небес, но ни словом не упомянул того, за кем была замужем его сестра Клара. А ведь именно муж Клары, не упомянутый заместитель начальника полиции Хемница, и был главным героем драмы, развернувшейся в последние дни восстания.

Так живо, словно это было вчера, он представил себе аккуратную кухню сестры с веселой розовой геранью на окнах, задернутых накрахмаленными занавесками, — куда вывел его зять. Пока женщины оживленно хлопотали в гостевой комнате, устраивая постель для него и Минны.

— Послушай, — сказал зять, собирая свой бабий рот в маленький тугой узелок, который они в детстве называли «куриная гузка». — Ты что, там у себя в Дрездене, сильно замешан в этих беспорядках?

Сердце Рихарда екнуло. Выражение лица зятя не предвещало ничего хорошего.

— С чего ты взял? — слабым голосом спросил он, как бы не отпираясь, но и не подтверждая.

— А с того, что готовится приказ о твоём аресте.

— О моем? — бледнея, одними губами переспросил Рихард.

— Не только о твоём, конечно, — утешил его зять, — а всей вашей дружной компании. Всего вашего никудышнего правительствия — и твоего дружка из оперы, и фрайбергского бейлифа Хюбнера, и твоего русского медведя, который не знамо зачем полез в чужие дела.

У Рихарда слова застряли в горле, но зять и не ждал его ответа.

— Да и ты зачем полез, я тоже в толк не возьму, — продолжал он, и Рихард вдруг в первый раз за много лет знакомства заметил, как шевелятся его волосатые уши, когда он произносит букву «Е». — Такой город разорили, оперный театр сожгли, столетние деревья порубили на свои баррикады, а для чего? Чтобы после первого же выстрела разбежаться? Не начинали бы, раз воевать не умеете. Честно говоря, я бы не возражал сгноить тебя в тюрьме за твои проделки, да Клара мне жить не дает, все плачет, чтобы я тебя вырчил.

Рихард облилизал внезапно пересохшие губы:

— А если я сейчас уеду? Прямо отсюда, из Хемница? В Веймар, например, — там Лист готовит постановку моего «Лоэнгрина», а?

Зять сверкнул на него белесыми глазами. Откуда в этих блеклых глазах могла вспыхнуть такая жаркая искра?

— Раньше надо было думать. Тебя схватят на границе, на каждой пограничной станции есть твоё описание.

— Что же мне делать? — прошептал Рихард непослушным, заледеневшим вдруг языком.

— Я бы мог вывезти тебя в своей коляске, — начал зять и замолчал, давая время этим словам проникнуть в душу Рихарда вместе с произнесенным, но явно услышанным «но».

— ...но? — продолжил за него Рихард.

— ...но я не могу этого сделать без твоей помощи.

— Чем же я могу тебе помочь? — спросил Рихард, предчувствуя недоброе.

— Ты можешь помочь мне арестовать твоих дружков, — отрубил зять без обиняков и быстро добавил, не желая слушать возражения шурина. — Им уже не спастись, поверь мне, их все равно схватят, не сегодня, так завтра, — почему бы не сделать это моей заслугой? Подкинь их мне — и считай, что ты уже в Веймаре.

— Но как же я?.. Ведь нельзя же! Ведь мне не простят... — ужасаясь, залепетал Рихард, заплетаюсь языком о непослушные слова.

— Да кто узнает? Мы обделаем это дельце шито-крыто. Ты только не болтай, и все будет в порядке.

И тут Рихард заплакал, — он вообще был скор на слезы, от счастья ли, от страдания, все равно. Бросив взгляд на его залитое слезами лицо, зять безошибочно поставил диагноз:

— Значит, договорились? — и, заслышав шаги приближающихся женщин, поспешно заключил, — ты завтра утром отправляйся в Дрезден, а я послезавтра с утра поеду во Флеху и буду ждать тебя в трактире «Голубой барабан». Это как раз на полпути от Фрайберга, так что тебе не придется мотаться слишком далеко.

Услышав, что Рихард намеревается вернуться в Дрезден, жена и сестра так дружно зарыдали, что Рихард нерешительно заглянул зятю в глаза, а вдруг тот передумает и позволит остаться? Но зять в ответ непреклонно повел головой вправо-влево — мол, выхода нет, надо схать.

Рихард полистал воспоминания:

«Узнав, что я собираюсь обратно в Дрезден, все мои родные и близкие пришли в ужас».

Это по сути была чистая правда, потому что родные и близкие и впрямь пришли в ужас, а полицейского зятя с волосатыми ушами и куриной гузкой рта Рихард вряд ли мог отнести к числу родных и близких. И дальше тоже было написано почти правдиво:

«Несмотря на все их попытки отговорить меня, я был тверд в своем решении отправиться в обратный путь, хоть подозревал, что по дороге встречу нашу боевую армию, в растерянности бегущую с поля боя. Но чем ближе к Дрездену, тем яснее становилось, что там еще тверды в намерении сражаться, а не отступать... Все дороги были перекрыты, так что в город можно было пробраться только окольными путями. Когда, наконец, добрался к вечеру до дрезденской ратуши, я был потрясен открывшимся мне ужасным зрелищем: на площади перед ратушей горели маленькие костры, то тут, то там выхватывая из сумрака бледные лица смертельно усталых людей, простертых прямо на холодных камнях. Но даже эта печальная картина померкла, когда я проник в ратушу, — там царили паника и смятение. Разве что Хюбнер сохранял еще какую-то способность к действию, но мне показалось, что лихорадочный огонь, полыхающий в его глазах, постепенно сжигает его изнутри. И только Мишель был спокоен и невозмутим, как всегда, хоть не спал уже несколько ночей...»

На этом обрывке фразы закончилась последняя страничка. Ури откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. То или не то? Похоже, но не совсем, похоже чертовски, но не настолько, чтобы подтвердить окончательно. Да и что подтвердить-то? Безумное предположение, что Ян Войтек, галантный всезнайка из Чехословакии — вовсе не Ян Войтек, а неуловимый Гюнтер фон Корф, которого давно отчаялись найти секретные службы всех цивилизованных держав! Ведь если это так, то все летит кувырком — операция Меира в опасности, жизнь принца в опасности, жизнь матери в опасности. Если это так, нужно мчаться к Меиру и поднимать тревогу.

Ури глянул за окно — поезд, ровно стрекоча, заглатывал сонные мили темного пространства, лишь кое-где освещенного редкими фонарями. Ури вышел в тамбур, где висело расписание. До Бирмингема оставалось полтора часа и две остановки. Что делать, выйти на первой же станции,

найти телефон-автомат и позвонить Меиру? И что он ему скажет? Что Ян Войтек вовсе не Ян Войтек, а Гюнтер фон Корф?

«Почему ты так решил?» — спросит Меир. «По дневнику Гюнтера фон Корфа», — ответит Ури. «А откуда у тебя дневник Гюнтера фон Корфа?» — спросит Меир. И что тогда? Рассказать ему всю историю, — про Инге, про Отто, про паспорт и билет в почтовом ящике, про объединенные крысами кости, которые он спрятал в тайнике под землей? «Ну ты хорош! — скажет Меир. — Столько лет держал у себя дневник такого человека?» И ведь скрыть ничего не удастся. Уж если ребята из Моссада возьмутся за дело, они все из него вытянут. И про Инге, и про Отто, и про объединенные крысами кости в подвале замка. И Инге они тоже, конечно, не оставят в покое. Как он потом посмотрит ей в глаза? Ей только этого сейчас не хватало! Нет, это невозможно! Тем более, что его внезапно вспыхнувшие подозрения настолько невероятны, что вполне могут оказаться проказами воспаленного ревностью воображения.

Приходилось признать, что, как это ни нелепо, Ури по-прежнему продолжал ревновать свою грешную мать. В каком-то смысле его ревность на этот раз оказалась даже более острой, потому что он сразу учуял некий необычный оттенок в ее отношениях с Яном. Была в них какая-то маленькая заноза, больно цеплявшая его сердце каждый раз, когда он видел их вместе. То ли взгляд ее, направленный на Яна, был странно беспомощным и покорным, а не царственно-повелительным, как он с детства привык. То ли силовые линии ее нервного поля все эти дни пульсировали так лихорадочно, что он воспринимал их позывные как сигналы тревоги. Особенно ранило его воспоминание о том, как сегодня в конце вечера Ян положил руку на плечо матери и по-хозяйски повел ее к выходу из гостиной. Тела их соприкасались с той гармоничной интимной слаженностью, которая отличает в толпе влюбленных. Что с ней будет, когда она узнает правду о своем возлюбленном?

Эта мысль так поразила Ури, что он невольно стал притормаживать свое не в меру разыгравшееся воображение. Поезд остановился перед тускло освещенной безлюдной платформой, и миг смолкло все, что во время хода поезда неустанно брякало, звякало, постукивало, дребезжало. В

этой внезапно наступившей тишине смятенные мысли Ури прояснились и потекли в разумном русле. Откуда он, собственно, взял, что Ян — это Карл? Ведь большая часть эпизодов, описанных в дневнике, не совпадала с сегодняшним выступлением Яна. Совпадало, скорее, настроение и отдельные идеи, которые вполне могли быть вычитаны из книг. Ведь книг о Вагнере написано без числа, и чего только ни сочиняли о скандально-гениальном создателе «Кольца Нибелунгов»?

Да и Гюнтера фон Корфа давно уже нет в живых, — уж кто-кто, а Ури знает это точно. Против воли в памяти воскресли события того страшного дня, когда он через водяную цистерну пробрался в сокровищницу Губертусов, чтобы замуровать там в стене останки Карла. Все эти годы он старательно вытеснял из сознания рев хлынувшего на него из цистерны водного потока, быстро сменившийся глубокой бескрайней тишиной смерти. А сейчас все это вспомнилось с пугающей ошутимостью — и смрадный воздух подземелья, и жалкая россыпь костей среди обрывков полусгнивших джинсов и клетчатой когда-то ковбойки, и изрядно объеденные крысами охотничьи ботинки. С Карлом было покончено. Ури собственными руками захоронил все, что осталось от зловещего любовника Инге, унеся наверх только связку знакомых ключей на стальном колечке.

А раз так, можно, пожалуй, с чистой совестью зачеркнуть сегодняшние подозрения, тем более, что по сведениям Меира Ян никогда раньше не пересекал границу Чехословакии. Вот тут-то и возникала снова та самая, больно цепляющая сердце, маленькая заноза, не заноза даже, а заусеница. Ну не могла его мать, хоть и любвеобильная, но брезгливая, так прикипеть к чужому мужику в первый же день знакомства! Значит, тянулась между ними какая-то ниточка из неизвестного Ури прошлого.

Ури ясно представилось первое картинное появление матери у ворот библиотеки, когда Ян одним ловким движением отеснил его от любезно предложенного ею чемодана. И мать ни словом не возразила, хоть они не виделись полтора года и все эти полтора года она надрывала его сердце своими скорбными письмами. Ури вспомнил, как она без сожаления отвернулась от него и пошла вслед за Яном, не пошла, а полетела, словно притянутая магни-

том. Ну конечно, они уже встречались раньше, — Клара, много лет не выезжавшая из Израиля, и Ян, никогда не пересекавший границу Чехословакии!

А раз так, — о Господи, раз так, то что же?

Осознав весь ужас надвигающегося на него нового, скрытого за этой догадкой, озарения, Ури попытался защититься от него хитроумной системой логических построений, которые очень быстро обнаружили свою полную несостоятельность. И выходило нечто, вовсе непроизносимое — если мать и Ян встречались раньше, то приходилось признать, что человек, выдающий себя за Яна Войтека, недавно приезжал в Израиль под другим именем. И не оставалось сомнений, для чего именно приезжал и зачем вскружил голову Кларе. А раз так, можно было пойти дальше и предположить, для чего он заставил Брайана незаконно привести его среди ночи в хранилище древних рукописей.

Действительно, для чего? Чтобы узнать тайны хранения хрупких старинных манускриптов или для чего-то другого? Если он и впрямь был Гюнтер фон Корф, посланный кем-то — легко можно было догадаться, кем, — чтобы сорвать совещание, то чего он там искал? А, может быть, срыв совещания вовсе не входил в его планы, может, ему достаточно было сфотографировать принца за одним столом с правительственным господином с отвислыми щечками? Тогда он ничего не искал, а просто намеревался пристроить в каком-нибудь укромном уголке над этим столом крошечную хитроумную кинокамеру, электронный механизм которой включал и выключал бы ее в точно назначенный час?

А он-то, Ури, какой идиот! Ему бы тогда насторожиться и пойти обратно в хранилище, — проверить, не прибавилось ли там чего такого-этакого. А он спокойно доел свой бутерброд и отправился читать дневник Карла! Впрочем, читал он его не напрасно. Без этого дневника ему и в голову не пришло бы заподозрить милашку-Яна, единственным пороком которого до сих пор была его связь с Кларой. Значит, и ответ на загадку Яна надо искать в дневнике. Конечно, не в этих, скопированных наугад разрозненных листочках, а в самой красной тетради, в первый же день отправленной Ури до востребования на собственное имя.

Поезд тем временем прибыл в Бирмингем. Ури вышел на перрон и, зябко поживаясь под пронизывающим до

костей ночным ветром, отправился искать обратный поезд на Честер, которого, как оказалось, предстояло ждать еще пятьдесят минут. Чтобы укрыться от ветра, Ури прошел в пустынный в этот час зал ожидания, где нашел небольшой киоск на колесиках, торгующий каменными плюшками и отвратительным остывшим кофе. Сунув руку в карман пиджака в поисках мелких денег, Ури нащупал там пластиковый пакет с чашкой Яна.

Он осторожно вытащил пакет из кармана и постарался разглядеть чашку сквозь мутную пленку пластика. И хотя чашка была обыкновенная — этаким миниатюрный фарфоровый лепесток, неровно расписанный изнутри седо-ватой россыпью сигаретного пепла, приставшего к остаткам цуйки, ей не было цены: она хранила отпечатки пальцев Яна. Необходимо было вынудить Меира отправить чашку на дактилоскопическую экспертизу. А для этого нужно было придумать правдоподобную легенду о том, почему Ури решил, что Ян — это Гюнтер фон Корф. Убедительную, правдоподобную и не имеющую притом никакого отношения к правде, — ни к Инге, ни к Карлу, ни к дневнику.

Вообще-то говоря, без Инге и Карла у Ури мало что оставалось. Он так погрузился в поиски хоть какой-нибудь зацепки, ведущей к цели и не наводящей на реальный расклад обстоятельств, что чуть не прозевал отход поезда на Честер. Вскочив на ходу в последний вагон, он без труда нашел пустое купе, уселся поудобней в затертом до блеска плюшевом кресле и уснул.

Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо. Он с трудом разлепил налитые свинцом веки и увидел за окном знакомые игрушечные башенки честерского вокзала.

— Вы что, хотите уехать обратно в Бирмингем? — добродушно спросил Ури кондуктор и, отпустив его плечо, начал ссыпать окурки из пепельниц в шелкающий крышечкой совок.

Ури помчался к автобусу. Времени оставалось в обрез. Часы на вокзальной башне пробили восемь, а в полдевятого он должен был ожидать принца у входа в читальный зал. Но все же он выскочил из автобуса за одну остановку до библиотеки и свернул в боковую улочку, где в тени тополей приютилось здание почты. К его удивлению почта была закрыта, хотя табличка на стене точно указывала утренние ча-

сые работы — с восьми до половины первого. Однако к двери был приколот кнопками картонный квадратик, на котором угловатым детским почерком было выведено:

«16—17—18 июня почта будет открыта только с 3-х до 4-х часов пополудни в связи с участием в битве при Ватерлоо».

Ури бросил в ящик номер 19 открытку с видом на честерский собор, которая означала, что у него есть экстренное сообщение и он просит срочной встречи с Меиром. Потом бессмысленно подергал дверь почты, не в силах просто смириться с тем, что чтение красной тетради придется отложить до 3-х часов пополудни. Дверь, естественно, не поддавалась, тогда он все же смирился и бегом припустил к библиотеке.

Когда он входил в застекленную галерею, стрелки старинных стоячих часов дрогнули и образовали острый угол, изображающий половину девятого. Из трапезной, где по всей видимости уже окончился завтрак, вышел озабоченный Брайан и, не глядя по сторонам, засеменял к читальному залу. Следом за Брайаном из трапезной выскочил неутомимый японец, но Ури втерся между ними и успел перед самым носом японца занять облюбованный с вечера стол, из-за которого открывался отличный обзор как входной двери, так и двери в аннекс.

Через минуту в читальном зале появился принц со своей свитой и, быстро завершив обычный балетный ритуал, скрылся в аннексе. Теперь можно было расслабиться и часок-другой подремать в удобном кресле под теплым абажуром настольной лампы. Подремать удалось до самого обеда, перед началом которого принц неожиданно рано вышел из аннекса и направился в трапезную, на время освобождая Ури от томительного дежурства на голодный желудок.

Расправляя затекшие ноги, Ури поднялся с кресла в предвкушении горячего душистого супа, но, увы! Пообедавать не удалось. У входа в трапезную его перехватила Лу и сообщила, что через десять минут Меир будет ждать его в павильоне жюри в парке, где шла битва. У ворот библиотеки Ури преградила дорогу взъерошенная стайка членов жюри, вовлеченных в страстный спор о том, разумно или нет поступил герцог Веллингтон, отведя свои войска с удобных позиций в Катр-Бра на гораздо более рискованные позиции в городке Ватерлоо. Мнения разделились, ископаемые старцы были близки к рукопашной схватке, и мис-

сис Муррей, едва завидев Ури, потребовала, чтобы он стал арбитром в их споре. Вежливость помешала Ури сходу послать спорщиков подальше и он пустился на хитрость:

— Господа, вы тут спорите, а обед-то ведь давно начался! — напомнил он. — Я боюсь, что к супу вы не поспеете!

Миссис Муррей начала было что-то возражать, но старцы переглянулись с угрюмым представителем интересов маршала Блохера и, как могли, дружно ускорили шаг. Дениз что-то тихо сказала миссис Муррей и, предоставляя Ури свободу передвижения, покатила ее кресло вслед за остальными.

Меир ожидал его в одиночестве в пустом павильоне. Перед ним стояли две кружки кофе и тарелка с малосъедобными кексами, но Ури так проголодался, что эти скромные яства показались ему необычайно вкусными.

— Ну, что там у тебя? — спросил Меир, макая жесткий кекс в чашку кофе. — Надеюсь, что-то серьезное. Ведь из-за тебя мне пришлось отправить своих старцев в библиотеку на обед. Представляешь, как это опасно — они теперь проторчат там два часа без присмотра.

— А Джерри и Лу? — напомнил Ури.

— Джерри придется вместо тебя сопровождать принца, а Лу не просто будет одной уследить за всеми этими яркими индивидуальностями. Ладно, Бог с ними. Давай, выкладывай, в чем дело.

Ури продлил момент ожидания, старательно пережевывая большой кусок кекса, и наконец выдавил из себя многократно отрепетированную фразу:

— У меня возникло подозрение, что Ян Войтек — знаменитый немецкий террорист Гюнтер фон Корф.

Меир от неожиданности поперхнулся кофе:

— Откуда такие откровения? Ведь немецкие спецслужбы уже год назад пришли к заключению, что Гюнтера фон Корфа нет в живых.

— На основании чего они пришли к такому заключению? На основании того, что не сумели его найти?

— А на основании чего ты пришел к заключению, что ты его нашел?

— Я узнал его по фотографиям, — выдал свою наиболее правдоподобную версию Ури.

— По каким фотографиям? — не понял Меир.

— В тот год, когда я приехал в Германию, все столбы там были обклеены желтыми полицейскими листками с фотографиями разыскиваемых террористов. И лицо Гюнтера фон Корфа на всех этих листках было напечатано первым и часто крупнее других.

— То-есть, ты хочешь сказать, что лицо Яна Войтека похоже на то лицо на полицейском листке, которое ты видел почти три года назад?

— Ну да, что-то в этом роде.

— А где же ты был раньше? Ты ведь уже почти неделю с ним знаком и даже, я слышал, прителествуешь.

— Меня с первого дня мучила мысль, что я его уже где-то видел. Но только вчера во время банкета он как-то так повернул голову, что сразу напомнил мне, где и когда.

— Хлипкий довод, Ури. Многие мои друзья, например, уверяют, что я, вылитый Че Гевара. Так может, ты и меня заподозришь, что я воплощаю посмертный образ этого революционного бандита?

Увы, все происходило в точности, как Ури предвидел, и, главное, он не мог сказать ни слова в защиту своего предположения! Он мог только жалко пролепетать:

— При чем тут ты? Ян — это совсем другое дело!

— Потому что он спит с твоей драгоценной мамочкой? Пора бы уже тебе стать взрослым и прекратить ревновать ее к каждому ее мужику!

Это был удар ниже пояса!

— Я тебе о деле, а ты — о ней! — отпарировал Ури — Пора бы уже тебе перестать служить ее ангелом-хранителем! Меир сделал вид, что выпад Ури его не задел:

— И это все, что у тебя есть?

— А его немецкий язык? Никакой он не чех с таким немецким!

— Твой немецкий, что ли, хуже?

— Раньше был хуже. Но я уже три года живу среди немцев, а он, по твоим же словам, никогда не пересекал границу Чехословакии.

Меир допил кофе и поднялся из-за стола, нащупывая в нагрудном кармане свою неизменную зубочистку. Интересно, он менял ее хоть раз со дня их свидания в Честере?

— Я знал чехов, у которых немецкий был лучше чешского. У них это язык элиты.

Ури понял, что игра проиграна, и сделал последний рывок — извлек из кармана пластиковый пакет с чашкой.

— Возьми хоть чашку, из которой Ян пил вчера вечером. Я незаметно утащил ее со стола, чтобы ты мог проверить отпечатки пальцев.

— А что ты делал с этой чашкой всю прошлую ночь, скрываясь неизвестно где? — хитро прищурился Меир.

И это он знает? Впрочем, знает, так знает, — это, в конце концов, не его дело.

— Ничего я с ней не делал, она просто лежала у меня в кармане.

— Надеюсь, ты не думаешь, что германская полиция лежит у меня в кармане?

— Все же в проверке отпечатков пальцев Гюнтера фон Корфа они вряд ли тебе откажут.

— Ладно, — нехотя уступил Меир, — давай свою чашку. Но не рассчитывай, что ответ придет раньше, чем через пару дней.

— Может, пока приставить к нему кого-то из наших, чтоб следил?

— Где я возьму такого, чтобы следил? Ты знаешь, сколько у вас в библиотеке тех, за которыми мы и так следим? И, поверь, люди посерьезней, чем твой чех.

— Кто может быть серьезней, чем Гюнтер фон Корф?

— Возможно никто, если бы ты привел хоть один серьезный довод в пользу своих подозрений.

Если б только Ури мог предъявить Меиру свои доводы! Ури представил себе на миг, каким охотничьим азартом озарились бы усталые глаза Меира, если бы он решился открыть ему хоть десятую долю того, что знал. Честно говоря, искушение было велико, но он устоял. Не мог же он так подставить Инге и мать! Не мог, не мог и не мог! А раз не мог, значит, и спорить не о чем. Тем более, что он сам еще не был уверен в своей правоте.

Однако наметанный глаз Меира уловил на лице Ури какой-то оттенок колебания.

— Ты от меня что-то скрываешь?

— Что я могу скрывать? — с притворной легкостью отмахнулся Ури. И добавил для убедительности, что он просто страшно устал от бесконечного бессмысленного сиде-

нья перед дверью в аннекс, и нельзя ли его от этого сиденья на сегодня освободить.

— Нельзя, — жестко сказал Меир, но с вопросами больше не приставал. — Устал, не устал, отправляйся на свое рабочее место.

— Как, прямо сейчас? — ужаснулся Ури, чувствуя, как уплывает последний шанс забрать на почте конверт с красной тетрадью. И взмолился, зная, что злоупотребляет своей еще не иссякшей до конца властью над Меиром:

— Дай мне передышку на пару часов, — хотя бы побриться и принять душ.

— А что, там, где ты проболтался всю ночь, даже душа не было? — усмехнулся Меир и смилостивился. — Ну беги, принимай душ, сменишь Джерри в четыре часа.

Ури помчался через многоцветное празднество парка, впервые впуская в сознание происходящее вокруг. Где-то слева играл военный оркестр, по дубовой рощице за рекой ворчливо перекатывалась орудийная канонада, словно там ворочалось и хрюкало сердитое чудовище. Два раза Ури пришлось отпрыгнуть в кусты, чтобы увернуться от летящей на него авины кавалеристов с обнаженными палашами. Первый раз они были в синих мундирах и меховых шапках, второй — в красных туниках и киверах. Когда Ури поднялся на вершину холма, он увидел, что синие и красные смешались внизу у подножия, — оттуда доносился храп лошадей, отдельные выкрики, звон стали о сталь. Как эта игрушечная война была непохожа на его войну, где не было ни ярких мундиров, ни картинных скачек! Впрочем, в той прошлой войне так же умирали и убивали, как и в сегодняшней, — в этом они не отличались.

Мысли Ури мгновенно скользнули по поверхности происходящего вокруг и тут же закружились по накатанной за прошедшую ночь колее. Карл или не Карл? Карл или не Карл? И как быть, если действительно Карл? Без полной откровенной исповеди нечего рассчитывать на помощь Меира — значит придется действовать в одиночку. А как действовать? Как?

Откуда-то из подсознания снова выкатилась детская считалка про Карла и Клару, которые что-то друг у друга украли, и, словно в ответ на этот призыв, Карл и Клара, трогательно держась за руки, вышли ему навстречу. К счастью, не

совсем навстречу, а только фигурально. Они шли по боковой аллейке, отделенной от него живой оградой цветущего шиповника, так что он видел их в профиль, а они его не видели. И слава Богу, что не видели, потому что ничего хорошего они бы в его взгляде не прочли. Он попытался смирить подступающую к горлу ярость. Ведь мать ни в чем не провинилась. Впрочем, нет, провинилась, если проболталась своему любовнику о тайной встрече в библиотеке. Но, как правильно заметил Меир, это всего лишь его ревнивое предположение. И работает оно только, если Ян — действительно Карл.

Мать и Ян скрылись за поворотом аллейки и Ури, строго-настрого запретив себе следовать за ними, перевел глаза на часы. Было без десяти два, еще и вправду можно было успеть перекусить и принять душ. Он вышел на широкий, полого сбегаящий к реке луг, густо усыпанный шатрами, палатками и киосками со съестным, и направился к ближайшему шатру, вокруг которого толпились маленькие разноцветные столики. С трудом отыскав свободный, он заказал подбежавшей официантке сэндвич с кружкой пива, быстро проглотил все это, не ощущая вкуса, и снова посмотрел на часы. Время ползло необычайно медленно, до открытия почты оставался еще целый час!

У входа в библиотеку он снова столкнулся с членами жюри, которые под присмотром Лу отбывали на поле битвы.

— Ули! — обрадовалась Лу. — Подождите меня пять минут, я только отведу господ судей к воротам парка и тут же вернусь.

— А там вы нас бросите? — кокетливо спросил преподабный Харви, поглаживая морщинистой лапкой обнаженный локоть Лу.

— Там вас уже ждет профессор Бенуа с тележками для гольфа, — утешила его Лу и всем корпусом подалась вперед, высвобождаясь, как бы ненароком, из цепких старческих пальцев. Но от преподабного Харви не так-то легко было ускользнуть, — он тоже качнулся вперед, пытаясь удержаться локоть Лу. Тогда она ускорила шаг и быстро пошла по улице во главе процессии своих подопечных. Ури воспользовался ее стремительным уходом и поспешил наверх, обдумывая на ходу, как избавиться от Лу на ближайшие два часа.

У себя в комнате он наспех сунул в пластиковый мешок полотенце, бритвенный прибор и чистую рубашку, и, стараясь не топтать, помчался по бесконечному извилистому коридору к самой дальней лестнице, расположенной в правом крыле. Там коридор не простирался до торцового окна, а сразу за лестничной клеткой был перегороден стеной с массивной дубовой дверью в центре. На бронзовой табличке возле двери почти готическим шрифтом было выведено «Доктор Голдвин». Ури понял, что дверь ведет в трехэтажную квартиру директора библиотеки, гостями которого были и принц, и миссис Муррей.

Ури взбежал на третий этаж и, наткнувшись там на такую же точно стену, только без двери, пошел в противоположную сторону в поисках душевой. Он нашел ее за первым же поворотом коридора и с удивлением обнаружил, что эту душевую, в отличие от всех других, обильно рассеянных вдоль коридора, украшает огромная розовая ванна на высоком цоколе из розового мрамора. К ванне вели три мраморные ступени, придавая ей царственное величие, совершенно неуместное рядом со спартанской простотой комнат. Но главное, на двери ванной была укреплена вполне современная задвижка, при помощи которой можно было эту дверь запереть.

Это была первая задвижка, увиденная Ури в библиотеке, кроме круглых ручек с кнопками, которыми запирались туалеты. И нашел он ее как нельзя кстати. Именно сюда он придет читать свою красную тетрадь. Он быстро принял душ и побрился, мечтая о том, как вернется сюда с тетрадью, запрет дверь на задвижку и останется, наконец, наедине с Гюнтером фон Корфом.

Так он и сделал. Стоя под дверью почты уже без десяти три и наблюдая, как за его спиной собирается внушительная очередь, он дождался, когда из-за угла появилась курносая почтовая девочка и отперла дверь. Он оказался первым у ее окошка и с конвертом в руках устремился назад в библиотеку. Там он благоразумно не пошел через парадный ход, где его могла поджидать Лу, а осторожно пробрался со стороны кладбища через кухонную дверь и, пройдя мимо складских помещений, очутился перед малолюдной лестницей директорского крыла.

Дальше задача была уже совсем простая — взлететь на третий этаж, рвануть дверь в ванную комнату, войти и запереть.

реть за собой задвижку. По пути наверх его вдруг обожгла ужасная мысль, что кто-нибудь другой успел за это время занять ванную, но, к счастью, страх оказался напрасным. Через минуту он открыл оба крана — горячий и холодный, — сел на мраморные ступени и под мерный рокот наполняющейся ванны вытащил из конверта красную тетрадь.

Она ничуть не изменилась за те пять дней, что пролежала на почте в запечатанном конверте. Но найти нужное место в ней оказалось непросто. Завитки и завитушки шифровки шли ровными рядами без знаков препинания и заглавных букв, так что нельзя было сходу отличить читанный кусок от нечитанного. Побарахтавшись минут десять по ставшему вдруг непроницаемым тексту, Ури неожиданно наткнулся на хорошо знакомый абзац:

«...Когда я, наконец, добрался к вечеру до дрезденской ратуши, я был потрясен открывшимся мне ужасным зрелищем: на площади перед ратушей горели маленькие костры, то тут, то там выхватывая из сумрака бледные лица смертельно усталых людей, простертых прямо на холодных камнях. Но даже эта печальная картина померкла, когда я проник в ратушу, — там царили паника и смятение. Разве что Хюбнер сохранял еще какую-то способность к действию, но мне показалось, что лихорадочный огонь, полыхающий в его глазах, постепенно сжигает его изнутри. И только Мишель был спокоен и невозмутим, как всегда, хоть не спал уже несколько ночей...» Рихард резко захлопнул тщательно переплетенный Козимой том».

Вот то место, на котором кончались скопированные им листки. Начиная со знакомого абзаца, читать стало гораздо легче.

«Рихард резко захлопнул тщательно переплетенный Козимой том. Никто никогда не узнает, какой болью наполнилось его сердце при виде Мишеля, которого он был обречен предать. Но было еще не поздно, Мишель еще мог ударить и затеряться в царящей вокруг суматохе. Еще не всюду было оцеплено, не все границы перекрыты. И Рихард не поспешил на красивые слова, пытаюсь убедить друга бросить все и скрыться — в конце концов, это была не его страна, не его революция. Но не такой это был человек, чтобы искать спасения в бегстве. За то и любил его Рихард, за то и любил.

Тогда Рихард обратился к Хюбнеру — не как к главе временного правительства, а как к единственному человеку, способному повлиять на Мишеля. Глядя в его лихорадочно горящие глаза, в которых отчаянная решимость пересиливала страх, Рихард видел, как трудно Хюбнеру сосредоточиться. Но тот все же взял себя в руки и постарался вслушаться в его слова. Осознав, что речь идет о судьбе Мишеля, Хюбнер на миг задумался, а потом, резко повернувшись на каблучках, молча направился по коридору в одну из комнат ратуши. Рихард побежал вслед за ним и успел проскользнуть в дверь, прежде чем она закрылась. В комнате не было никакой мебели, кроме брошенного на пол старого матраса, на котором полулежал Мишель.

Рихард полистал рукопись и нашел страницу, на которой он пересказал разговор Хюбнера с Мишелем. Он передал этот разговор весьма точно, если не считать того, что время и обстоятельства были слегка подтасованы. На прямой вопрос Хюбнера о целях его участия в восстании Мишель кратко пояснил, что у него нет никаких идей о форме нашего правительства и никакой заинтересованности в уличных боях в Дрездене, в частности и в Германии вообще. Единственно, что вдохновляет его принимать участие в нашей исключительно глупой затее, это благородство и храбрость самого Хюбнера, которого предали почти все его бывшие соратники. И теперь, единожды приняв решение посвятить свою дружбу и верность столь самоотверженному человеку, он, Мишель, намерен идти с ним до конца, сколь бы трагичен ни был этот конец.

Слегка задетый восторженным отношением Мишеля к Хюбнеру Рихард понял, что спасти Мишеля невозможно, потому что тот ищет гибели. И словно в подтверждение этой мысли Мишель объявил, что, невзирая на полную безнадежность их положения, Хюбнер не имеет права приказывать людям мирно разойтись по домам — как в таком случае оправдать сотни жизней, уже отданных во имя восстания? И Хюбнер подчинился воле Мишеля — он отдал приказ всем войскам временного правительства начать отступление во Фрайберг.

Рихард не стал перечитывать все свои выдумки, описывающие следующий день, когда он нанял коляску с кучером и один отправился во Фрайберг. Он понимал, что ка-

кого-нибудь дотошного читателя этих страниц мог бы заинтересовать вопрос, зачем ему понадобилось встать ни свет, ни заря и, опережая других, помчаться во Фрайберг. Однако утешало, что каким бы дотошным ни был этот читатель, он не смог бы проследить путь Рихарда в трактир «Голубой барабан» во Флехе. Но, к сожалению, он сам заметил теперь и другие несовершенные записи, сквозь строки которых ложь проступала более явно.

Пожалуй, хуже всего выглядела сцена встречи Хюбнера и Мишеля с группой гвардейцев из Хемница, которые убедили их, что в Хемнице их ждут многочисленные соратники, готовые присоединиться к восстанию. Рихард наполнил эту сцену множеством избыточных подробностей, которые, не имея прямого отношения к делу, должны были подтвердить правдивость его рассказа.

«Мы своими глазами видели гвардейцев из Хемница, расположившихся на привал на склоне холма недалеко от дороги. Они послали своих представителей выяснить у Хюбнера, как обстоят дела. Получив от нас информацию о том, что революционные войска, отступив из Дрездена, по-прежнему тверды в своем намерении восвать до последней капли крови, они пригласили временное правительство расквартировать свою армию в Хемнице. Сразу после этого они вернулись к своему отряду и на наших глазах тронулись в обратный путь в Хемниц».

Сейчас он увидел, что именно эта сцена может его разоблачить. Она была составлена неловко, явно в расчете на продолжение, которое бросалось в глаза на следующей странице:

«Мой зять-полицейский неохотно рассказал мне, что гвардейцы Хемница никогда не были на стороне восставших и отправились в Дрезден против своей воли с единственной целью — перейти во время боя на сторону пруссаков. Встретив по дороге Хюбнера, отступающего из Дрездена, они уговорили его расквартировать свои войска в Хемнице и заманили в ловушку. Вернувшись к себе, они силой заставили городскую стражу покинуть свои посты у ворот и заняли их места, готовые арестовать временное правительство сразу по его прибытии в Хемниц».

Рихард поморщился — если хотели арестовать сразу, так почему не арестовали, а дали добраться до отеля и лечь

спать, как он сам рассказал двумя абзацами раньше? А он-то, он куда глядел, что незаметил этого несоответствия, когда диктовал эти страницы Козиме?

Но ведь это было так давно, двенадцать лет назад. Откуда ему было тогда знать, что Мишель, измученный семилетним одиночным заключением в страшном подземелье петербургской крепости, разразится покаянной «Исповедью», в которой подробно опишет все обстоятельства, предшествовавшие его аресту? Откуда ему было знать, что Мишель черным по белому напишет, что именно он, Вагнер, уговорил их с Хюбнером ехать в Хемниц?»

Этот абзац был заключен в жирный черный круг, а на полях рядом с ним было написано:

«Похоже, я слегка зарпортовался. Вагнер и впрямь не мог ничего знать об «Исповеди» Мишеля. Он ведь не сидел в либеральной тюрьме либеральной республики Германии на исходе либерального XX века, и тюремщики не снабжали его лучшими книгами из лучших библиотек. Он, бедняга, скорей всего даже не подозревал, что его возлюбленный Мишель написал эту покаянную «Исповедь» — она тогда хранилась у русского царя и ее никто не собирався публиковать. Так что придется этот абзац переделать, да что-то неохота. Все-таки было бы неплохо иметь разумного собеседника, с которым хоть иногда можно было бы перекинуться парой слов, — мой болван-сосед для этого абсолютно не подходит. Впрочем, для меня неважно, что Вагнер не читал «Исповедь», важно, что я ее читал».

Что-то в этом роде Ян вчера произносил, — о покаянной исповеди Мишеля и о встрече с гвардейцами из Хемница. И о том, что в воспоминаниях Вагнера рассказывается, как гвардейцы уговорили Бакунина ехать в Хемниц, а в исповеди Бакунина написано, что уговорил его Вагнер. Это уже не может быть простым совпадением, это уже улика. Ури припомнил, как Ян, взмахивая рукой в такт словам, шагал вчера взад-вперед по гостиной и декламировал как по-писанному — не потому ли, что сам это написал и помнил наизусть?

«Откуда бедняге было знать, что Мишель тоже опишет эпизод с гвардейцами? Ведь в те времена, когда Вагнер диктовал эти страницы Козиме, никто понятия не имел об «Исповеди» Мишеля, да и тот вряд ли ее афишировал».

Тут совпадение было уже почти дословным. Конечно, оба могли цитировать один и тот же поразивший их источник, но каждый с гордостью утверждает, что это его открытие. Выходит, что независимо друг от друга оба пришли к одному и тому же выводу? Почему? Что у них общего, с какой стати они зацепились за одни и те же факты, незамеченные другими биографами и истолковали их одинаковым образом?

В коридоре затопали, зашуршали, сильная рука дернула дверную ручку и женский голос выкрикнул что-то по-французски. Ури понял, что нужно читать побыстрее, и перелистнул пару страниц:

«...Рихард остался в гостинной наедине с Мишелем.

Они сидели на диване, намереваясь обсудить какие-то подробности предстоящего дня, как вдруг Мишель замолк на полуслове и, грузно откинувшись на спинку дивана, захрапел. Рихард попробовал встряхнуть его, но все его попытки разбудить Мишеля ни к чему не привели, он только качнулся вбок, положил голову на плечо Рихарда и навалился на него всей своей непомерной тяжестью.

Рихарду стало не по себе, — еще не все было обдуманно, не все опасности взвешены. Пора было отправляться в путь. Он убрал со лба Мишеля крутые темные кудри, легко-легко коснулся их губами, высвободил затекшее плечо, и, с трудом оттолкнув громоздкое тело друга, поднялся с дивана. Мишель безвольно скатился на сиденье и захрапел еще сильнее. Бросив на него прощальный взгляд, затуманенный непрощенной слезой, Рихард вышел из гостинной. Больше они никогда не виделись.

Когда Рихард выскользнул на затопленную повстанцами улицу, он был очень озабочен тем, как бы не приехать в Хемниц до того, как зять арестует Хюбнера и Мишеля. Нужно было не просто приехать после их ареста, а зарегистрировать это в памяти надежных свидетелей, чтобы даже не возник вопрос о его участии в этом грязном деле. Для этого он сразу помчался на почту и нанял на целый день хорошую коляску с кучером. Коляска с кучером стояла целое состояние, но он никогда не жалел денег на важное и первостепенное. Потом он попросил кучера въехать в тихий тупичок, расположенный в противоположной выезде на Хемниц ча-

сти Фрайберга. И побежал следить за тем, как развиваются события.

То, что случилось тогда, описано слишком подробно, причем придумано все неумело, неловко, до конца не додумано и записано с прорехами, которые прямо просятся под сомнение:

«Хюбнер отдал войскам приказ выступить в Хемниц сразу после обеда. Услыхав это, я сказал Хюбнеру, что поеду вперед них и встречу с ними в Хемнице завтра утром. Мне вдруг захотелось сбежать из этого хаоса и побыть одному. Мне повезло и я занял место в почтовой карете, которая по расписанию должна была немедленно отправиться в Хемниц. Но сразу на выезде мы попали в ужасный людской водоворот, потому что вся дорога была запружена революционной армией, которая тронулась в путь. Ждать пришлось очень долго и я стал наблюдать за шагающими мимо патриотами. Особо привлек мое внимание Вогтландский полк, марширующий традиционным шагом под барабанный бой, сильно украшенный тем, что барабанщик для разнообразия бил палочками не только по натянутой коже, но и по деревянной раме барабана. Мучительный перестук палочек барабанщика напомнил мне перестук костей болтающихся на виселице скелетов, который Берлиоз со страшным реализмом воспроизвел в финале Фантастической симфонии».

Все эти неуместные подробности были продиктованы им для отвода глаз, чтобы никто не усомнился, что он и впрямь сидел в почтовой карете, застрявшей в пробке по пути в Хемниц. Но ведь ему нужно было еще раз отметить во Фрайберге, чтобы жене Хюбнера стало ясно, что он все еще не добрался до Хемница. И он стал сочинять новые подробности, ему самому теперь казавшиеся странными:

«Внезапно меня охватило страстное желание повидать своих друзей, которых я зачем-то покинул, и отправиться в Хемниц вместе с ними. Я выскочил из кареты и побежал в ратушу, но там их не было. Тогда я поспешил к дому Хюбнера, где меня встретили сообщением, что он спит. После чего я вернулся к своей почтовой карете, чтобы еще раз убедиться, что она по-прежнему не может тронуться с места из-за запрудивших дорогу войск».

Господи, какая несуразица! Так и бьет в глаза, что тут один кусок не стыкуется с другим. Сперва решил отбыть в одиночестве, а потом зачем-то побежал не только в ратушу, но и домой к Хюбнеру. Но уж раз решил ехать вместе с друзьями, так дождался бы, пока они проснутся! Зачем было возвращаться к застрявшей в пробке карете, если войска продолжали выходить из города?

«Некоторое время я нервно метался по улицам, а потом, отчаявшись уехать в карете, опять помчался к дому Хюбнера, в надежде, что он возьмет меня с собой. Но Хюбнер и Бакунин уже отбыли, и я, как ни старался, не смог их догнать».

Надо же, Хюбнер с Бакуниным уже отбыли, несмотря на запруженную дорогу, а Рихард, бедняжка, застрял в этом проклятом Фрайберге и ни с места! Да кто в это поверит, если только даст себе труд прочесть?

«Так что мне не оставалось ничего другого, как вернуться к почтовой карете, которая наконец получила возможность тронуться в путь. После различных задержек и приключений я поздно ночью прибыл в Хемниц. Там я снял комнату в первой попавшейся гостинице и заснул, как убитый».

В пять утра я после нескольких часов сна вскочил с постели и поспешил к дому своего зятя Вольфрама, который был в пятнадцати минутах быстрой ходьбы».

Тут Рихарду стало совсем не по себе. Зачем, спрашивается, понадобилось ему ночевать в отеле, если дом зятя, где его в волнении ожидали жена и сестра, находился всего в пятнадцати минутах быстрой ходьбы?

Видно, очень уж взбаламучена была его душа, когда писались эти строки — и тайной, которую надо было скрыть, и заботой о том, чтобы король не прознал про Козиму, а Козима про короля. Ну что он мог поделаться со своей судьбой, которая никогда его не щадила? Хотьудачи, хоть беды она всегда насылала на него скопом, так что руками не раскидать. А он не сдавался, старался выстоять, не рухнуть, ну, и ошибался иногда, — что тут поделаешь, все ошибаются. И исправить ничего нельзя. Несколько лет назад Козима красиво переплела два десятка копий этих воспоминаний и разослала всем друзьям и родным на хранение. Так что Боже упаси что-то переделывать — только внимание привлечь!»

Из коридора опять донеслись шаги, на этот раз не одной пары ног, а целого стада. Тот же женский голос сердито зачистил по-французски, потом кто-то несколько раз с силой дернул ручку двери и сказал: «Нет, заперто изнутри». Тогда французский голос, перейдя на ломаный английский, начал возбужденно жаловаться, что ванна занята уже целый час и никто не откликается на стук. В дверь дробно заколотили: «Там есть кто-нибудь? Отзовитесь!» Ничего не оставалось, как откликнуться: «Выхожу, выхожу! Минуточку!» и выдернуть пробку. «С вами все в порядке?» — спросил незнакомый английский голос, перекрывая журчание вытекающей воды. «Все в порядке, я уже выхожу», — успокоил его Ури, в ответ на что два французских голоса — мужской и женский — принялись отчаянно бранить его на ломаном английском за то, что он так их напугал. Ури узнал супругов де Витри.

«Когда люди заперся в ванна и не отвечай, это нехороший знак», — восклицала мадам. «Нельзя занять ванна перед чаем так надолго. Ведь с человек всяк может случиться!» — вторил жене профессор. Ури аккуратно вложил тетрадь в конверт, конверт спрятал в сумку, подхватил пакет с полотенцем и бритвой и распахнул дверь в коридор. Там собралась небольшая разноязыко щебечущая толпа, — казначей, супруги де Витри с купальными халатами в руках, две испанские дамы с переброшенными через плечо полотенцами и — за их спинами — молчаливая Лу Хиггинс без халата и полотенца. Взгляд у нее был хмурый.

— Чего вы вдруг вздумали принимать ванну посреди дня? — поинтересовалась она недружелюбно, когда происшествие рассосалось и они остались одни. — Я с ног сбилась вас разыскивая.

Ури почувствовал себя мелким негодяем и попытался сказать в свое оправдание что-нибудь шутливое, но Лу предостерегающе подняла руку.

— Не трудитесь оправдываться. Я искала вас не для своего удовольствия, а по долгу службы.

Сердце Ури дрогнуло — может, Меир все-таки прислушался к его словам что-то обнаружил? Но нет, надежда была напрасная, просто Меир придумал для него новое задание:

— Совещание закончится завтра после обеда, но вы должны оставаться на месте.

— В читальном зале? — не поверил своим ушам Ури.

— Не обязательно. Просто не исчезайте после обеда, вам придется присутствовать при выносе тела.

— Какого тела? — не понял Ури, почему-то пугаясь задним числом за того неудачника, который заперся в ванной и не отзывался.

— Вы что, окончательно потеряли чувство юмора в суете? — тон Лу был по-прежнему неприязненный. Что ж, по делом ему: видно, он здорово ее обидел. — Не пугайтесь, я имею в виду, что вы должны присутствовать на церемонии отбытия их высочества.

— Ну и юмор у вас! Чернее ночи, как раз в духе всеобщего ожидания какой-нибудь катастрофы.

— А вы тоже это чувствуете?

Лу внезапно сменила гнев на милость и драматически зашептала:

— Я ведь, когда стояла там под дверью ванной, и вправду боялась, что в ванне окажется ваш окровавленный труп.

— Почему именно мой? — притворно вздрогнул Ури. А может, и не так уж притворно, учитывая слабо экранируемое пластиком сумки психологическое давление красной тетради.

— Потому что вы так странно исчезли, не предупредив. Я все это время металась с этажа на этаж, яснее и яснее представляя себе, что вас похитили и пытаются. — И, воспользовавшись тем, что они вошли в его комнату, она обхватила его шею и прижалась к нему грудью, бедром и душистой щекой. — Но слава Богу, вы живы!

Тело ее было призывно наэлектризовано то ли жарой, то ли тревогой, то ли желанием. Ури поднял над ее головой руку с часами — увы, было без двух минут четыре, пора было идти сменять Джерри. И он нежно, но решительно отстранил Лу:

— К сожалению, сейчас мы не можем как следует отпраздновать мое воскресение из мертвых. А то у Джерри лопнет мочевого пузыря.

И не слушая ее обиженных возражений, поспешил в вниз.

Похоже, мочевого пузыря Джерри и впрямь готов был лопнуть, потому что, едва Ури отворил дверь читальни, тот вскочил из-за стола и ринулся в туалет. Не дожидаясь его возвращения, Ури сел на свое место и стал для виду листать первую попавшуюся под руку книгу. Строк он не видел,

слов не различал, но, отгородясь книгой от внешнего мира, впервые позволил себе не подавлять идущую откуда-то изнутри нервную дрожь. Он прикрыл глаза и закусил губы, но это не помогло — дрожь била его все сильнее и сильнее. Он был прав, прав, прав, с самого начала прав: Вагнер из красной тетради Карла был созданием Яна Войтека!

Вот почему Ян пришел вчера в такое возбуждение, — ведь он наверно впервые в жизни получил возможность представить свое творение на суд взыскательной публики. С кем он до этого мог поделиться своими измышлениями — с соратниками по освободительной борьбе в Ливане или с лейтенантами службы безопасности в ДДР? Как горели его глаза, когда он сплетал перед слушателями свой вариант биографии Вагнера! Так не вдохновляются, рассказывая чужую теорию, даже самую увлекательную. Так говорят только о своем, заветном, выношенном, выпестованном с любовью.

Но если Ян действительно Карл, тогда чей пустоглазый череп Ури замуровал в стене сокровищницы? И почему на полу рядом с ним валялись ключи Карла? Однако, если предположить, что череп не Карла — не Карла, о Боже, а чей же? — то объяснение ключам найти несложно. Чтобы замести следы, Карл, убегая из замка, бросил их вниз, в ловушку, куда успел отправить раньше кого-то другого, — того, чей череп. Карл наверняка был способен сбросить человека в ловушку. Но кто был этот человек? В деревне, насколько Ури известно, никто не исчезал, в замке тем более, — никто, кроме Карла. Вот они с Отто и решили, не проверяя, чьи именно останки нашел Ури в сокровищнице. А ключи, валяющиеся рядом, это подтверждали.

А ведь у старого негодяя Отто были сомнения, что кости, которые Ури нашел в сокровищнице — это кости Карла. Он все спрашивал и спрашивал, почему Ури так в этом уверен. А действительно, почему? Во-первых, ему очень хотелось в это верить, а во-вторых, брошенный паспорт и просроченный билет на самолет как бы свидетельствовали, что их хозяина нет в живых.

Возможно это был самообман, обман самого себя, слепое легкомыслие, за которое теперь придется дорого заплатить. Что ж, он виноват и готов платить, но только не вовлекая Инге и мать. А значит, ни во что не посвящая Меира. То есть, придется бороться с Карлом в одиночку.

Прежде всего важно оценить степень опасности. Для этого нужно проанализировать возможные цели Карла и доступные ему способы их достижения. По всей вероятности, первой задачей Карла было выяснить, где состоится встреча принца с израильскими представителями. С болью в сердце Ури был вынужден признать, что в этом Карлу почти наверняка помогла мать. Конечно, он может ошибаться, но у него еще вчера вечером возникло подозрение, что роман их начался не в библиотеке и они встретились здесь не случайно, а заранее сговорившись.

Значит, мать сообщила Карлу, куда она едет, — как иначе она могла назначить это свидание? Однако Ури был уверен, что она скрыла от него цель своей поездки. Но это было не важно — ему эта цель была откуда-то известна, так же как и роль матери в подготовке переговоров, иначе бы он не затеял с ней роман. Тогда какая цель у него? Скорей всего, скомпрометировать принца, а значит, и его царственного родственника, разоблачив их участие в тайных шухрах-мурах с сионистскими агрессорами. Для этого недостаточно оповестить владык арабского мира, что принц всего лишь гостил в библиотеке. Для этого нужны реальные доказательства, что здесь, в библиотеке проходили тайные переговоры, в которых тот участвовал.

Следующий этап очевиден. Выяснив, что заседания проходят в хранилище редких рукописей, Карл решил проникнуть туда любой ценой. Что и проделал при помощи доверчивого Брайана.

А зачем? Что ему было там нужно?

Ури стиснул виски пальцами и явственно услышал голоса Яна и Брайана во время их ночной экскурсии по хранилищу. Ян не всегда сопровождал Брайана, он часто отделялся от него и откликнулся из противоположного угла, так что ему приходилось повышать голос, чтобы быть услышанным. Никаких документов, выдающих характер совещания, в хранилище не было, Ури лично убедился в этом перед самым приходом Яна. Что же он там искал?

А может, не искал, а прятал? Конечно, прятал, — фотоили кинокамеру с магнитной присоской, вот и все, что нужно было спрятать, чтобы засветить принца. А там уж его судьба попадала в надежные руки врагов династии. Камера, вероятно, из новейших, — Ури слышал о таких спо-

собных на разные чудеса малюток размером с рисовое зернышко.

Умудрившись подвесить камеру, Ян практически решил свою проблему и мог теперь спокойно гулять по парку в обществе очаровательной Клары, влюбленной в него по уши. Ему, в отличие от Ури, даже в читальном зале сидеть было не обязательно, — ведь ему было все равно, каким образом принц попадает в хранилище. Главное, что он туда попадает и сидит там за одним столом с израильскими дипломатами, которых легко опознать по фотографиям. А Карлу остается только дождаться конца совещания, получить обещанный Брайаном пропуск в хранилище, сунуть свою камеру в карман и смыться. Что он с успехом и сделает, если Ури ему не помешает.

Только теперь Ури осознал, какую глупость он спорол, не сообщив Меиру о ночной экскурсии Яна в хранилище. Как это получилось? Черт его знает, то ли он сам тогда не придавал этому значения, то ли плохо соображал после бессонной ночи. Нужно бы срочно добиться нового свидания с Меиром и попросить обратно хитрое оборудование для проверки хранилища на невинность, вяло подумал Ури, но жутко неохота. Противно думать о ехидной усмешке Меира который вбил себе в голову, что Ури возводит на Яна напраслину просто из ревности.

Понять его можно — он, небось, этой усмешкой подсознательно защищается от собственной ревности. Но если даже его понять, то как к нему прорваться? Пост покинуть нельзя, а Лу и Джерри, как назло, куда-то исчезли и ни разу за весь вечер не заглянули в читальный зал.

Значит, нужно перестать рассчитывать на Меира и самому придумать, что сделать, чтобы сорвать расчеты Карла на комфортабельное обратное путешествие с камерой в кармане. Мысли Ури затрепыхались в мутном потоке несуразных идей, среди которых не нашлось ни одной путной. Он прикрыл глаза и стиснул виски ладонями, чтобы лучше сосредоточиться.

— У вас зубы болят, что ли? — сквозь тупую боль в висках прорвался насмешливый голос Лу.

Ури попытался улыбнуться:

— Нет, я просто медленно умираю с голоду. Это уже стало системой — ни завтрака, ни обеда, ни ужина!

— Бедняжка, — притворно посочувствовала ему Лу, но все же, смилостивившись, добавила:

— Хотите, я попрошу Джерри посидеть вместо вас во время ужина? Ему это будет только на пользу, а то он сильно поправился на здешней монастырской жратве.

Пока она говорила, Ури успел взять себя в руки настолько, чтобы восхищенно воскликнуть:

— Вы ведете себя, как настоящая заботливая жена!

Кажется, Лу оценила его остроумие:

— Я такая и есть, разве вы до сих пор не заметили?

Он бы тоже выразил восхищение ее остроумием, но зазвонили к ужину и она тут же изготовилась ускакать. Однако Ури в последнюю секунду успел схватить ее за руку, притянуть к себе и прошептать:

— Мне необходимо срочно поговорить с Меиром. Вы можете это устроить?

Лу воспользовалась случаем и припала губами к его уху:

— Насчет Меира не ругаюсь, но ужином постараюсь вас обеспечить.

И с этим умчалась. В зале воцарилась долгая тишина, иногда нарушаемая лишь шелестом страниц где-то на верхних галереях, где затаился неведомый напарник Ури. Когда Ури почти смирился с мыслью о том, что обещание Лу было всего лишь коварной шуткой, в дверях, дожевывая что-то на ходу, появился хмурый Джерри и направился к своему столу. Значит, от ужина он все-таки не отказался. Проходя мимо Ури, он процедил сквозь зубы:

— Даю вам ровно час и ни минуты больше.

Целый час свободы — это же целая вечность! Можно было бы, конечно, помчаться на поле битвы в поисках Меира, но тот скорей всего уже завершил свой трудовой день. Ури попытался подсесть к Лу, но она, отправляя Джерри в читальню, не позаботилась о том, чтобы сохранить для Ури место рядом с собой за американским столом. Там было весело и шумно, как обычно, и Лу, ноль внимания на призывные знаки Ури, продолжала вместе с другими хохотать над дурацкими шутками типично американского пожилого юнца в коротких шортах и мятой ковбойке.

Однако, наскоро покончив с ужином, он все же успел перехватить ее на выходе из-под руки этого молодящегося шутника. В результате агрессии Ури рука шутника одиноко

повисла в воздухе, но это не нарушило сияния его неизменно белозубой американской улыбки. Только чуть дрогнула дряблая складка морщинистой кожи под юношеским подбородком, когда он спросил с мягким упреком:

— Надеюсь, вы не уведете ее навсегда?

— Не волнуйтесь, — заверил его Ури, — я вам верну ее в целостности через пару минут.

В наказание за что Лу больно лягнула его неуловимо быстрым взмахом сандалии и прошипела:

— Вот так просто уступаете? Без борьбы?

Ужасаясь скорости, с которой утекают драгоценные секунды подаренного ему Джерри часа, Ури пренебрег ее вопросом и задал свой:

— Как насчет встречи с Меиром?

— Ничего не выйдет, — с наслаждением наказала его Лу. — Меир срочно укатил куда-то и вернется только завтра после девяти.

— А как же ваши подопечные шалуны? — Ури указал подбородком на шаркающих мимо ископаемых старцев. — Я вижу они гуляют на свободе.

— Сегодня им не до шалостей. Им поручено написать подробные отчеты о проведенном дне. Под моим надзором, разумеется.

С этими словами Лу удрала к своему терпеливому шутнику, а Ури пошел по коридору, со странным облегчением осознавая, что разговор с Меиром откладывается и действовать придется на свой страх и риск. Осторожно оглядевшись, он проскользнул в кабинку туалета на первом этаже, запер дверь и несколько раз подергал ее для верности, пока не убедился, что кнопка на ручке запирает ее надежно. Только после этого он вытащил из сумки красную тетрадь, которая на этот раз сама раскрылась на нужном месте:

«...А может все не так страшно? В конце концов, Рихард сейчас человек знаменитый, прославленный, а суда над ним никогда не было и никто его не допрашивал. Он тогда всех перехитрил и в 1858 не согласился на суд, хоть за это ему было обещано разрешение вернуться в Германию. А он предпочел еще много лет оставаться бездомным скитальцем, но не позволил следователям копаться в подробностях своего участия в восстании, а главное, — в под-

робностях своего бегства за границу. Эту страничку он продиктовал Козиме мудро и скромно:

«Рассказывая мне про арест Хюбнера и Бакунина, зять сказал, что он очень обеспокоен моей судьбой, так как предатели-гвардейцы упоминали мое имя, утверждая, что видели меня под Фрайбергом в обществе мятежников. Зять считал, что меня спасло само Провидение, — ведь если бы я прибыл в Хемниц вместе со своими друзьями и оказался в одной гостинице с ними, меня бы наверняка тоже схватили. При этих словах меня, словно молния, озарило воспоминание о том, как в студенческие годы я чудом избежал верной смерти во время дуэли с самым искусным фехтовальщиком нашего курса, и я на миг лишился речи от волнения. Видя мое состояние, зять внял мольбам моей обезумевшей от страха жены и согласился ночью вывезти меня в Альтенбург в своей полицейской коляске. Дальше все уже было просто. В почтовой карете я добрался до Веймара, где меня встретил мой друг Франц Лист».

Эти слова были подчеркнуты двойной чертой, а под чертой шел не поддающийся прочтению абзац из пяти строк. Нечленораздельный абзац завершился обрывком фразы, который Ури все же удалось расшифровать:

«...мую суть предательства...»

После этого обрывка шла пустая страница, перевернув которую Ури нашел еще две записи:

«Странно, но на свободе мне что-то совсем не пишется. Впрочем, можно ли назвать свободой заточение в полуразрушенном замке в обществе злобного инвалида и доброжелательного идиота? Что же касается моей зачарованной красавицы, то она стала раздражать меня все больше и больше. И я ее, кажется, тоже».

Вторая запись была сделана лихорадочной скорописью, без соблюдения правил грамматики:

«Специально примчался в Гейдельберг среди ночи, чтобы записать. Нет сил носить в себе, жжет в груди, рассказать некому. Она не поймет, посмотрит молча, — я и не знал, что она умеет так молчать. Лучше бы закричала, было бы легче, а она молчит. Долго ли выдержу, не знаю. Но может, и не придется. Сегодня днем, нет уже вчера, я поехал сдавать мясо и на обратном пути наткнулся на Людвига. Вышло ужасно глупо, я собирался зайти в аптеку, Инге

просила, но никак не мог припарковаться, все стоянки были полны. Пришлось колесить по городу в поисках стоянки. И вот, проходя по узкой улочке, в которой удалось пристроить фургон, я лицом к лицу столкнулся с Людвигом. Я узнал его сразу, хоть не видел больше шести лет, а он меня нет — я ведь немало потрудился, чтобы изменить свой облик. Во мне все внутри оборвалось и глаза залило потом, но я не шарахнулся, не побежал прочь, а ровной походкой прошел мимо, стараясь выглядеть невозмутимо.

На улочке было безлюдно, и хоть я шел не оборачиваясь, мне показалось, что я слышу за собой шаги. В том смысле, что шаги не удалялись, а следовали за мной, как будто Людвиг повернул и пошел обратно. Значит, до него дошло, что это я. Я не решился оглянуться, чтобы это проверить, а завернул за угол и зашел в зал с игровыми автоматами. Не зная, как быть, я купил жетон и начал играть сам с собой в какую-то дурацкую игру, — я летел на каком-то снаряде и сбивал по пути всех, кто попадался. Вернее, мне следовало их сбивать, но я так занервничал, что они сбивали меня. Но мне это было безразлично, потому что краем глаза я увидел, что Людвиг тоже зашел в игровой зал и стоит в проходе, пытаюсь найти меня в темноте.

Я понимал, что он в конце концов меня найдет, и не удивился, когда услышал его шепот:

— Гюнтер, это вы?

Я не повернул голову на его шепот, смутно надеясь, что, если я буду все отрицать, он поверит, что ошибся. Он снова повторил свой вопрос и затих у меня за спиной. Я продолжал играть, делая вид, что ничего не замечаю. Он стоял так тихо, что на секунду мне показалось, будто он ушел. Я закончил игру и двинулся к выходу — и тут он подкрался сзади и схватил меня за локоть.

— Ничего не выйдет, Гюнтер, — я знаю, что это вы.

Тут я обернулся и глянул ему в глаза «Простите?»

— Не притворяйтесь, я знаю, что это вы, — я ведь так вас любил!

Я вспомнил случай с тетрадью, — как он заплакал, размазывая слезы полицу, — и понял, что он от меня не отстанет. Тогда я спросил, тихо, неприветливо:

— Чего тебе надо?

— Вы не хотите повидаться с ребятами?

Он, значит, все еще с ребятами, играет в сыщики-разбойники с полицией. Я чуть не забыл — его ведь тогда не арестовали. Нас перевозили на новые квартиры и мы были в разных машинах. Почему, собственно, его не арестовали? Почему нашу машину перехватили, а вторую — нет? Странно.

— Как ребята обрадуются, что вы вернулись!

Вернулся — откуда? Наверно, у них кто-то распустил слух, будто я скрываюсь за границей. Ну и прекрасно, пусть ребята продолжают так думать. Я пригляделся к нему внимательно — это уже был не тот юнец с пухлыми щеками, который донимал меня своей несносной любовью. Он отрастил усы, вытянулся и погрубел, щеки впали, в глазах то и дело вспыхивал лихорадочный огонь, — потому, наверно, я и не узнал его портрет на полицейском листке. Я потом вечером нашел его портрет, удивляясь своей забывчивости, но там имя у него было совсем другое, значит у нас он проходил под вымышленным. Тоже странно.

Мысли мои завертелись быстро-быстро. Теперь уже я взял его за локоть и сказал доверительно:

— Я ни с кем не могу встречаться. Я приехал сюда всего на пару дней с очень важным заданием и мне строго-настрого запрещено вступать в контакт с кем бы то ни было. Ты понимаешь?

Он сделал умное лицо:

— Это насчет американских военных баз?

Я кивнул, хоть догадка была не Бог весть какая, — всему миру известно, что в наших краях расквартированы главные силы американской армии.

— Так что давай пока расстанемся, я не уверен, что за мной нет слежки.

Он как-то очень легко согласился и, не попрощавшись, зашагал прочь. Я дождался, пока он скроется за углом, потом зашел в аптеку и отправился кружить по городу, все время проверяя, не идет ли он замной. Убедившись, что никто не сидит у меня на хвосте, я вывел фургон со стоянки и отправился домой. По пути от города до Нойбаха я пару раз сворачивал в боковые аллеи, но ничего подозрительного не заметил. Не останавливаясь, я проехал через Нойбах, пересек мост и начал подниматься к замку по горной дороге.

Я был так напряжен, что мой мозг отмечал разные мелкие детали, на которые при других обстоятельствах я не обратил

бы внимания. И вот перед последним поворотом мне послышалось какое-то стрекотание, такой тихое, что его нельзя было бы расслышать на полном машин шоссе. Я завернул за скалу и остановился, не выключая мотор. Через полминуты из-за скалы вылетел Людвиг на мотоцикле, без шлема, с встрепанными от ветра волосами. Увидев мой фургон, он резко затормозил и с виноватым видом подъехал ко мне.

— Мы же договорились, правда? — рявкнул я. Вокруг было пустынно и я мог позволить себе роскошь орать сколько угодно.

— Я понял, что и сейчас вас люблю, — пробормотал Людвиг с несчастным видом, и я как бы некстати вспомнил, что его тогда не арестовали. Впрочем, это могло быть случайностью.

Но все равно, выхода не было, нужно было от него избавиться. Я решил взять его с собой в замок, а там уж придумать на месте, что с ним делать. Но вот куда девать мотоцикл? И я спросил, выявляя крайнее неодобрение:

— Кто позволил тебе ездить на мотоцикле? У тебя что, есть права?

— Да нет, я просто спер его со стоянки.

— Сейчас? Ты с ума сошел! Хочешь, чтобы за тобой сюда явилась полиция?

— Я не мог... я хотел вам сказать... — начал было Людвиг, но я уже понял, что надо делать.

— Живо, езжай вниз, оставишь мотоцикл на площади за мостом, а я тебя там подберу.

— А вы меня не бросите? — взмолился этот болван.

— Конечно, не брошу, раз пообещал. Давай, езжай!

Я подобрал его внизу у моста и вернулся обратно. Но я не мог привезти его в замок на глазах Инге, которая уже наверно беспокоилась, куда я делся. Поэтому я припарковал фургон в боковой аллее и повел Людвига к подземному ходу. Мне пришлось хорошенько с ним повозиться, — он изрядно струхнул, когда мы пробирались ползком в темноте, но потом успокоился и спокойно подождал, пока я ходил на кухню за ключом».

Здесь запись кончилась, но того, что Ури прочел, было, пожалуй, достаточно, чтобы он мог угадать, чей череп замурован в стене сокровищницы Губертусов. Но он все же полистал тетрадь в надежде найти еще что-нибудь, и впервые

заметил, что из тетради вырвано несколько страниц. Очевидно то, что Карл там написал, нельзя было доверить даже самой хитроумной шифровке. Что ж, тем вероятней становится предположение, что именно Людвиг закончил свою жизнь в смрадном мраке подземелья. Людвиг, а не Карл. Иными словами — Людвиг умер, а Карл остался жив.

Кто же был этот Людвиг? Ури глянул на часы — оставалось еще семь минут из подаренного ему Джерри часа. Их должно хватить на то, чтобы перечитать страницы дневника, посвященные Людвигу. Что-то там было недосказано, Ури не мог точно припомнить, что именно, но сейчас он это выяснит. Досада на разбазаривание драгоценного времени, он с некоторым трудом отыскал нужное место:

« — Ну, чего тебе? — спросил я, начиная раздражаться, но Людвиг продолжал молча смотреть на меня из-под странно темных, может быть подкрашенных, ресниц. Я вспомнил, что именно он выхватил у меня дневник, и приказал:

— Вот что, или говори, или убирайся прочь!

И тут он заплакал. Заплакал беззвучно, я даже не представлял, что мужчина может так плакать. Слезы безостановочно текли по его совсем юным, едва тронутым бритвой щекам и обильным дождем орошали его грязную, некогда розовую рубашку. Я не выдержал и, вскочив из-за стола, с силой тряхнул его за плечо:

— Перестань реветь! Чего ты хочешь?

Людвиг покачнулся и, гибко изогнувшись, прижался мокрым подбородком к моему запястью. Я невольно отдернул руку.

— Я вас люблю! — пытаюсь вернуть мою руку на свое плечо, жарко зашептал он. — Я не сплю по ночам и мечтаю о вас. Пустите меня к себе и я добуду у них вашу тетрадь.

Я попытался и постарался ногой вытолкнуть его из кухни, но он уперся кроссовками в холодильник и прочно застрял на пороге. Слава Богу, остальные спали непробудным сном — опять, небось, чего-то накурились, и, слава Богу, ничего не видели и не слышали.

— Я все для вас сделаю, — снова зашептал Людвиг, не сдвигаясь с места, и умудрился обнять мои колени. — Сделаю все, что угодно, только не прогоняйте меня».

Ури сосредоточился, чтобы представить себе знакомый череп Людвиг под кожей и мышцами его залитого слеза-

ми лица, и тут его осенило. — Он понял, что он должен сделать, чтобы нарушить планы Карла. Решение было простым и однозначным, оно возникло в мозгу, совершенно готовое, как конфета в обертке. Теперь нужно только успеть его выполнить, пока в гостиной никого нет. Ури поспешно сунул тетрадь в сумку и осторожно выскользнул из туалета в темный коридор.

Гостиная была за углом, там тоже было темно, вернее сумрачно, потому что за окном застыл нескончаемый летний вечер, недвижно зависший на грани света и тьмы. Надо было спешить, не только из-за нетерпеливо ожидающего Джерри, но и из-за Карла, который мог в любой миг появиться где-нибудь поблизости.

Расстегивая на ходу молнию сумки, Ури подошел к роялю и небрежно бросил тетрадь на черную лакированную крышку. Красное пятно контрастно выделялось на черном сверкающем поле, не заметить его было невозможно. Теперь оставалось только ждать реакции Карла на этот вызывающе яркий квадрат. Но если совещание не закончится к вечернему чаю, Ури так и не увидит первую реакцию Карла. Жаль, но может, это не так уж и важно. Важно, чтобы Карл заметил тетрадь и понял, что это его дневник.

Сменив Джерри в читальном зале, Ури начал просчитывать возможные варианты поведения Карла после того, как он убедится, что это его дневник. Первой реакцией должен быть шок, — трудно представить, чтобы человек в такой ситуации не испугался. Но такой человек, как Гюнтер фон Корф, несомненно возьмет себя в руки и не выдаст своих чувств. Интересно, конечно, было бы увидеть, как дрогнет его лицо, но оно может и не дрогнуть.

Когда первый испуг пройдет, он начнет искать выход из положения, — во всяком случае, так бы поступил Ури. И, конечно, сообразит, что тот, кто его вычислил, бессилен его арестовать. Иначе его бы уже арестовали. А значит, у него еще есть время выполнить задание — насколько Ури мог себе представить сегодняшних боссов Карла, было бы опасно вернуться к ним с невыполненным заданием. Так что Карл скорее всего попытается любой ценой добыть свою кинокамеру, не дожидаясь обещанного ему Брайаном пропуска в хранилище.

Но хранилище надежно заперто, и вход в него круглосуточно охраняется и людьми Меира, и людьми принца. Так что Карлу придется действовать, рисковать, и можно надеяться, что он где-нибудь сорвется.

Раздался звонок к чаю и, пока Ури печальным взглядом провожал счастливцев, свободно покидающих читальный зал, он прозевал момент выхода принца из аннекса. Он заметил это, только когда японец сорвался с места и выскочил в коридор прямо перед носом рыжей девицы, идущей в авангарде царственного сэндвича. Ури поспешил за замыкающим сэндвич телохранителем и под прикрытием его могучего плеча вошел в гостиную. Там все уже были в сборе и толпились у чайного столика. Позвякивали чашки на блюдцах, позвякивали ложечки в чашках, перекликались мужские голоса под аккомпанемент женского смеха.

Все взгляды устремились на принца, хоть в гостиную его маленький отряд вошел без обычных предосторожностей. Наверно неопознанные охранники, высланные на разведку, уже успели убедиться, что все в порядке. Ури оглядел собравшихся. Матери в гостиной не было, а Ян с чашкой в руке стоял у камина, погруженный в серьезную беседу с босоногим викингом, который время от времени надолго припадал к своей керамической кружке. Красная тетрадь лежала там, где Ури ее оставил, она как бы срослась с черной гладью рояля и стала его частью, хоть и яркой, но не бросающейся в глаза.

И Ури испугался: а вдруг Ян допьет свой чай, закончит беседу с викингом, кивнет остальным и равнодушно пройдет мимо рояля, даже не глянув в сторону красного пятна? Нужно было срочно придумать какой-нибудь трюк, привлекающий внимание к тетради. А может не к тетради, а к роялю, — ведь всякий, кто посмотрит на рояль, обязательно заметит тетрадь.

Лучше всего было бы сыграть на рояле, если только Ури не совсем позабыл, как это делается. Ему вспомнились бесконечные часы, проведенные им в детстве у пианино по настоянию матери. Сколько лет разные, сменяющие друг друга учительницы музыки ставили ему пальцы, обучали мудрой архитектонике аккордов и владению непослушной левой рукой! Что-то же от этого должно было остаться? Но сыграть надо не просто десятый вальс Шопе-

на, а что-нибудь разухабистое, — такое, что всех выведет из равновесия.

И Ури решил сыграть «Лили Марлен», которую он лет в двенадцать самостоятельно разучил и лихо наяривал, когда хотел позлить мать. Никем не замеченный, он подошел к роялю и с минуту посидел, беззвучно репетируя любимую песню гитлеровских солдат, а потом собрался с духом и ударил пальцами по клавишам. На середине первого куплета все голоса смолкли и все глаза уставились на него — удивленно, возмущенно, шокировано. Значит, узнали!

Тогда он, чтобы подлить масла в огонь, проел слова одного куплета, надежней других застрявшего в его памяти. Пел он отвратно, его вокальная неспособность была поводом для вечных схидных насмешек в гимназии Герцлия, где почти все его друзья успешно выступали в хороших ансамблях. Но ему было плевать на то, как он поет, хорошо или плохо, — он пошел ва-банк и за шиворотом у него ползали мурашки восторга, смешанного со страхом. Последнее, что он увидел до того, как Толеф вытеснил его со стула и подхватил мелодию «Лили Марлен», было потрясенное лицо Клары, застывшей в дверях гостиной.

Но Ури сейчас было не до нее, — он весь сосредоточился на Яне, который тоже подошел поближе, не выпуская из рук чашку. Ури схватил чей-то освободившийся стул и, подсев обратно к роялю, стал играть в четыре руки с норвежцем и даже подпевать. Оказалось, что тот довольно точно произносит немецкий текст «Лили Марлен». Ян маячил где-то за левым плечом и с наблюдательной точки Ури нельзя было установить, куда он смотрит. Зато прямо перед носом Ури польхал красный корешок тетради, и, не поднимая глаз от клавиш, он увидел сквозь полуприкрытые ресницы, как локоть Яна уперся в рояль, а пальцы его небрежно, как бы случайно, перелистнули страницы тетради, словно колоду карт. Перелистнули и медленно закрыли. После чего видимая часть Яна исчезла из поля зрения Ури, оставив там только чашку, очень белую на черном. Через секунду над белым, красным и черным возникло заостренное возмущением лицо матери, особенно эффектной в строгом костюме из серебристо-зеленого шелка, украшенном ниткой черных бус.

— По какому поводу вы устроили тут неонацистский праздник, господа? — спросила она тихо, но очень внятно.

И как всегда, когда она выступала в большом обществе, все вдруг замолчали, подтверждая этим молчанием ее правоту и право задавать вопросы. В ответ Толеф перешел на какие-то классические вариации, а Ури сполз со стула и растворился в толпе, выискивая глазами ускользнувшего куда-то Яна.

Чтобы придать смысл своим блужданиям по гостиной, он взял с буфета чистую чашку и направился к чайному столику. Оттуда он углядел широкие плечи и седой затылок Яна, застывшего у окна, за которым уже совсем стемнело.

Ури здесь больше нечего было делать, пора было убираться. Цель достигнута, горящая перчатка брошена к ногам противника, оставалось только ждать, на какие действия тот решится. Ури представил себя на его месте — он был бы уверен, что кто-то в гостиной за ним наблюдает. Небось, для того Ян и выбрал позицию спиной к залу, чтобы видеть в окне отражение каждого, кто вползет в поле его зрения.

Просчитав это, Ури попятился, смешался с потоком завершивших чаепитие, и, оставив чашку с недопитым чаем на буфете, выскользнул из гостиной. На пороге он все же не выдержал, обернулся и увидел, как мать приблизилась к Яну и взяла его под руку.

И только в этот миг он вдруг представил себе, что будет с ней, когда она узнает правду.

КЛАРА

Когда Клара подошла к Яну и просунула руку ему под локоть, ни один мускул в нем не дрогнул. Ей даже почудилось, что у него остановилось сердце, такая странная неподвижность сковала его тело. Встревоженная, она потерлась щекой о его плечо и попыталась заглянуть в глаза, но в лице его тоже ни один мускул не дрогнул, словно он окаменел в приступе внезапного летаргического сна. Его немигающий взгляд был неотрывно прикован к темному окну, за которым не было ничего кроме исчезающих на горизонте последних бликов летнего дня.

— Эй, там, наверху! — шутливо прошептала Клара, стараясь скрыть внезапно охвативший ее страх. — В каких поднебесных высях вас носит? Не пора ли вернуться к нам, на землю?

Ресницы Яна дрогнули. Словно приходя в себя после глубокого обморока, он оторвал взгляд от окна и уставился на нее, не узнавая. Пытаясь и это обратить в шутку, она легонько постучала костяшками пальцев о его твердое плечо:

— Тук-тук-тук, это я, Клара! А ты кто?

Ян то ли вздрогнул, то ли встряхнулся, как собака, выходящая из воды:

— Я тот, которому внимала ты в полуночной тишине.

Клара засмеялась и накрыла его ладонь свободной рукой, — несмотря на то, что вечер был теплый, ладонь под ее пальцами оказалась совсем ледяная.

— Может, пойдем погуляем? — неуверенно предложила она, всем телом ощущая исходящий от него холод.

Не отвечая, он высвободил свою руку и медленно отвернулся от окна. Гостиная почти опустела, только молодой японец все еще пил чай, да супруги де Витри сердито пререкались по-французски. Ян направился к роялю, открыл крышку и начал бродить одним пальцем по клавишам, пытаясь подобрать какую-то мелодию. Клара пошла за ним и, облокотясь о рояль, стала наблюдать, как его палец безрезультатно мечется по клавиатуре.

— Чего ты добиваешься? — спросила она, наконец. — Скажи мне, я тебе помогу.

И качнулась было в его сторону, — обойти рояль и встать рядом. Но он перехватил ее второй рукой и вернул обратно:

— Нет, нет, оставайся там! Ты сможешь мне, если будешь стоять передо мной так, чтобы свет падал на твое лицо. Второй локоть тоже положи на рояль и чуть повернись в профиль.

Покоряясь его нервозному деспотизму, она выполнила его просьбу, оттолкнув в сторону какую-то подвернувшуюся под локоть тетрадь.

— Вот и отлично, как раз то, что нужно! — почти пропел Ян и довольно чисто сыграл кушет из «Лили Марлен».

— Ах, и ты туда же! — вспыхнула Клара, хотя, видит Бог, она вовсе не хотела ссориться с Яном. — Что ж ты не спел хором с этими наглými мальчишками?

Ян видно тоже не был настроен ссориться. Он засмеялся, захлопнул крышку рояля и притянул Клару к себе:

— Не огорчайся, я просто хотел тебя подразнить.

Клара испуганно огляделась, и хоть в гостиной уже никого, кроме них, не осталось, попыталась вырваться: «Нашел, чем дразнить!»

Но Ян ее не отпустил, а придвинул к роялю еще один стул и усадил рядом с собой.

— Дай сигарету, — сказала она примирительно.

Он протянул ей пачку и, дождавшись, когда она вытянет сигарету, щелкнул зажигалкой и предложил:

— Знаешь, что? Давай пойдём в кабачок Патрика Рэнди, тебе там понравится.

— Это, что ли, тот художник, которого мы встретили вчера, когда везли миссис Муррей?

— Тот самый, хоть не решусь утверждать, что он художник. Впрочем, пошли, ты сможешь судить сама.

Кабачок Патрика Рэнди оказался некой инфантильной имитацией райского сада. Там былолюдно, дымно и шумно. В воздухе над головами гостей порхали десятки огромных разноцветных бабочек, поблескивая позолотой ажурных крыльев они парили под потолком, свисали со стен, кружили над стойкой бара.

— Любопытно, правда? — сказал Ян, безуспешно отыскивая глазами свободный столик. — Когда кича много, он может стать произведением искусства.

Тут к ним подскочил тот французский офицер, которого они встретили вчера на поле боя, когда везли миссис Муррей вверх по склону холма. Только сегодня вместо отделанного шнурами синего мундира на нем был белый клеенчатый фартук, повязанный поверх черной рубахи с распахнутым воротом. Любезно улыбаясь, он простер к ним руки и произнес хриплым баритоном:

— Патрик Рэнди, человек-бабочка приветствует вас!

— Что толку от вашего приветствия, если у вас тут сесть некуда? — поинтересовался Ян, на что человек-бабочка радостно замахал руками:

— Что вы хотите, сегодня вся Англия слетелась на битву при Ватерлоо! Однако для таких гостей, как вы, местечко всегда найдется.

И повел их в дальний угол, где отделил от стены подвесной столик и два откидных стула. Неизвестно откуда на столе появилась книжечка меню, украшенная изображением изумрудной бабочки с лицом хозяина.

— Откуда у вас столько бабочек? — полубопытствовала Клара.

Патрик Рэнди торжественным жестом обвел стены кабака:

— Всех этих бабочек я создал сам, вот этими руками.

И, с гордостью предъявив руки, продекламировал:

«На крыльях бабочек ажурных

Сюда слетаются мечты!»

Ян заказал два ирландских пива из бочки, и человек-бабочка упорхнул к стойке, чтобы собственноручно, как он выразился, обслужить «дорогих гостей».

— Чем мы ему так дороги? — удивилась Клара.

— А где, ты думаешь, я коротал свои печальные одинокие вечера, пока ты с наслаждением копалась в своих древних рукописях?

Почувствовав затылком чей-то пристальный взгляд, Клара обернулась и глаза в глаза столкнулась с сыном, — он стоял в дверях, оживленно переговариваясь с Брайаном, за спиной которого маячила вышитая жилетка отца Георгия. Примчался человек-бабочка с двумя огромными кружками пива, увенчанными белыми хлопьями пены, и посетовал на то, что мест нет, а народ все прибывает и прибывает.

— Вам бы радоваться, а вы жалуетесь, — попрекнул его Ян, но тут какая-то компания за угловым столом начала подниматься, гремя стульями, и Патрик стал громко звать:

— Линда, Линда! Иди скорей, убирай со стола!

Пышногрудая Линда в бархатном корсаже под белым кружевным передником выскочила из кухни с пустым подносом в руках, но прежде, чем отправиться к освободившемуся столу, приблизилась к Патрику и прошептала что-то ему на ухо. Патрик ахнул, всплеснул руками и метнулся к маленькой дверце, скрытой в дубовой панели за стойкой. Наблюдая краем глаза, как Линда, извиняясь, усаживает Ури и Брайана за неубранный стол, Клара пропустила момент, когда отец Георгий со стулом наперевес замаячил перед ней.

Не спрашивая позволения, он приставил стул к их столу и воскликнул, восхищенно пожирая Клару глазами:

— Если уж еврейская женщина хороша собой, она затмевает всех своей красотой.

— Поздравляю с новой победой! — с недоброй улыбкой уязвил ее Ян по-немецки.

— А по-французски нельзя? — спросил отец Георгий.

— Вы же французского не знаете, — заметила Клара.

— Зато я знаю румынский, разве я вам уже не объяснял? — довольный собой отец Георгий отхлебнул большой глоток из клариной кружки.

— Ясно, румынский офицер денег не берет, — прокомментировал его действия Ян и поднялся из-за стола. — Можешь тут допить мое пиво, но к той кружке не прикасайся.

— Ты что, оставляешь меня наедине с этим шутом? — не поверила Клара.

— Это же твой поклонник, не правда ли? — рассудительно сказал Ян. — Делай с ним, что хочешь, но чтоб к моему возвращению духу его тут небыло.

И не спеша пошел к стойке.

— Ауфидерзеен, — поклонился ему вслед румын. — И данке шон, что оставляете мне свою прекрасную фрау.

— Ян, — Клара испуганно окликнула удаляющуюся спину Яна. — Ты, ведь не надолго?

Ян приоткрыл дубовую дверцу, за которой скрылся человек-бабочка, обернулся на пороге и повторил по-английски:

— Чтоб духу его тут не было.

— Ну чем я ему мешаю? — обиделся отец Георгий. — Я, может, с лучшими чувствами пришел, я, может, душу свою открыть хотел, а он убегает. Ну и хрен с ним, мне, может, без него даже лучше, я без него смогу открыть вам всю правду своего сердца.

Клара, не вполне уверенная, что ей необходимо вникать в тайны сердца отца Георгия, стала прикидывать в уме, как бы ей поскорей перебраться за стол Ури, но румын, словно угадав ее мысли, цепко схватил ее за руку:

— Ну не люблю я жидов, терпеть их не могу, вот только бабы у них бывают — первый класс. За этих ихних баб я готов простить им всю ихнюю жидовскую гордыню. Ихние бабы того стоят. А уж вы, прекрасная жидовка из нашего священного города Иерусалима, вы всем другим жидовкам сто очков вперед можете дать.

— Я и одного очка этим жидовкам давать не собираюсь, не то, что ста! — сердито вырвала у него руку Клара,

порываясь встать. До нее, наконец, дошло, что преподобный батюшка в доску пьян.

— Ну и не надо, не давайте, Бог с ними. Вы только мне чего-нибудь дайте. Ну хоть вашу прекрасную ручку.

И отец Георгий опять зажал своей широкой ладонью тонкое запястье Клары, пригвождая ее к стулу. Не зная, как ей от него отделаться, она огляделась, в надежде позвать на помощь Яна, но его нигде не было видно. Тогда она приложила руку ко рту и во весь голос крикнула:

— Брайан! Брайан!

Брайан ее не услышал, хоть и сидел к ней лицом, зато Ури, сидевший к ней боком, немедленно обернулся, словно только и ждал, что она его позовет. Клара сделала отчаянный жест в сторону отца Георгия, захлебывающегося в потоке собственного красноречия, которое он щедро заливал пивом из ее кружки. Понять, что он говорит, было невозможно, потому что он для большей убедительности давно перешел на румынский язык. На жест матери Ури отрицательно покачал головой — выпутывайся, мол, сама — и отвернулся, явно давая понять, что вмешиваться в ее дела не намерен. Неужто он все еще продолжает ее наказывать? И Клара смирилась. Подмоги ждать было не откуда, а Яна все не было и не было. Зачем он оставил ее? Куда пошел? Что делает там так долго?

Высвободив руку из ослабевших пальцев отца Георгия, Клара поднялась и вышла из зала через дверь, на которой были нарисованы курочка и петушок. Она оказалась в тускло освещенном подсобном помещении. Справа заворачивал за угол узкий коридор, слева приветливо зазывали приотворенные двери в туалет. Она пошла направо по коридору и уперлась в крутую деревянную лестницу. Откуда-то сверху доносились неразличимые мужские голоса, схлестнувшиеся в напряженной перебранке. Ужасаясь собственной дерзости, Клара сделала несколько шагов вверх по ступенькам. Голоса зазвучали ясней, один из них показался ей голосом Яна. Она уже намеревалась было двинуться дальше, сама не зная, зачем, как наверху отворилась дверь и голос Яна произнес совсем близко:

— Не беспокойтесь, вы получите все до последней копейки.

Не помня себя от смущения, она метнулась вниз и успела скрыться за углом коридора до того, как на лестнице зазвучали шаги Яна. Опасаясь быть застигнутой им на полпути, Клара не решилась сразу выйти в зал, а юркнула в туалет и затаилась, как можно тише прикрыв за собой дверь. Однако предосторожности ее были напрасны, — шаги Яна прощуршали в другом направлении. Вдали хлопнула дверь, — очевидно, та самая, через которую он раньше вышел из зала. Стало тихо. Переждав пару минут, Клара вышла из кабинки и тщательно напудрилась и подкрасила губы перед зеркалом, чтобы при одном взгляде на нее стало ясно, где она была.

Ян и не усомнился, когда она, наконец, подошла к их столику:

— Я вижу, не ты его выжила отсюда, а он тебя — с усмешкой сказал он, указывая на отца Георгия, который уже покончил с пивом из кружки Клары и приступил к опорожнению кружки Яна.

— Хочешь заказать еще? — предложила Клара, но Ян отрицательно покачал головой:

— Нет, я хочу, чтобы ты поглядела, какой я купил тебе подарок.

И положил на стол картонную коробку, чуть поменьше обувной, на каждой грани которой была нарисована большая яркая бабочка:

— Открой, посмотри!

Клара послушно развела картонные створки, — из белого ватного гнезда на нее глядели огромные, осененные длинными загнутыми ресницами многофасеточные глаза, укрепленные на маленькой черной головке, по обе стороны которой распластались ажурные серебристо-зеленые крылья. Клара задохнулась от восторга:

— Это же просто чудо!

Ян нежными касаниями пальцев высвободил бабочку из ватной постельки и посадил к себе на ладонь. Ее ресницы и крылышки чуть-чуть трепетали, создавая обманчивое впечатление дыхания жизни. Отец Георгий грохнул об стол пустой кружкой, уставился на бабочку и снова перешел на английский:

— Еще одна жидовская красавица! — возвестил он и перевел на Клару увлажненный большим количеством выпитого взгляд. — Надо же! Вы с ней похожи, как две капли воды!

Клара на миг увидела себя со стороны, ведь и впрямь есть что-тообщее — серебристо-зеленый костюм, маленькая головка на длинной шее, освещенная огромными глазами в мохнатых ресницах.

— Все-таки не как две капли воды, — засмеялась она, польщенная и подарком, и комплиментом, — мне не хватает крыльев.

— И слава Богу, — в тон ей ответил Ян и знаком подождал Линду, чтобы расплатиться, — представляешь, сколько бы с ними было хлопот?

От многофасеточного внимания Клары не ускользнул эротический подтекст его замечания, хоть краем глаза она при этом заметила, что Ури и Брайан, с интересом наблюдавшие за сценой с бабочкой, тоже поднялись со своих мест и двинулись к выходу. Она раздумывала, прилично ли будет идти с ними по одной улице и не обменяться ни единым словом, но отец Георгий решил эту проблему со свойственной ему бесцеремонностью:

— А вон наши ребята, я хочу угостить их цуйкой! — радостно завопил он и, вздымая руки, ринулся вслед за уходящими.

«Если Ури захочет, он подождет нас у входа», — решила Клара, в глубине души уверенная, что не захочет и не подождет. Так оно и было. Когда Ян и Клара, расплатившись, вышли из кабачка, у входа никого не было и пронзительный голос отца Георгия доносился из темноты откуда-то справа.

Рука об руку они пошли по деревенской улице, окаймленной душистыми кустами, то ли жасмином, то ли жимолостью, Бог их знает. Прижимая к груди коробку с драгоценной бабочкой, Клара с облегчением почувствовала, что Ян не так напряжен, как в начале вечера. Глаза его лучились живыми искорками, голос звучал не так скованно, и она, вспомнив подслушанные ею на лестнице слова, решила спросить, очень ли дорого стоила бабочка. Еще по израильскому опыту она знала, как он стеснен в средствах, добываемых им путем обмена скудных чешских крон на полновесную западную валюту. Но Ян, вытаскивая из кармана пачку сигарет, легкомысленно отмахнулся от ее вопроса:

— Деньги несущественны, важно, что теперь у тебя навсегда есть память обо мне.

В его словах Кларе послышалось нечто пессимистически финальное, — уж не прощание ли это навек? Но она не успела выразить свой испуг, потому что Ян с сигаретой в зубах начал хлопать себя по карманам в поисках зажигалки, раздражено повторяя: «Где она? Не понимаю, куда она могла деться». Клара поспешно предложила свою, но он и слышать об этом не хотел:

— Суть не в огне, эта зажигалка мой талисман.

— Подарок любимой девушки, что ли? — Клара пользовалась зажигалкой десятки раз и не заметила в ней ничего особенного.

— При чем тут девушка? Просто человека, который подарил мне ее, уже нет в живых.

Клара тут же устыдилась своей ревнивой иронии:

— Ты не мог ее потерять, ты просто обронил ее там, где последний раз закуривал. Нет, не ты, а я. Помнишь, в гостиной, возле рояля? Весело взявшись за руки, как в детстве, они припустили по улице. Настроенной на меланхолический лад Кларе вдруг подумалось, что из их бурного романа ей, пожалуй, больше всего будет не хватать того чувства дружеского единства, с которым они, запыхавшись, вбежали в гостиную. Там было темно и тихо. Ян нетерпеливо зажег верхнюю люстру и бросился к роялю. Его черная гладь сияла девственной пустотой и никакой зажигалки там не было.

— Я же говорил, что ее тут нет! — вконец огорчился Ян и, опустившись на колени, стал шарить под роялем.

— Мне кажется, сюда кто-то заходил и взял твою зажигалку, — задумчиво сказала Клара, стараясь припомнить что-то важное, но ускользающее.

— Почему ты так думаешь?

— Тут, на рояле, было еще что-то... что-то яркое, — и тут Клара вспомнила. — Ну да, тетрадь, толстая красная тетрадь. Лежала здесь, у меня под локтем, а теперь ее нет. Наверно тот, кто взял тетрадь, взял и зажигалку.

— Нашел! — радостно воскликнул Ян и вылез из-под рояля с зажигалкой в руке. — Никто ее не взял, она просто завалилась под рояль.

И он обнял Клару:

— Теперь все будет хорошо!

УРИ

Не успел Ури выйти из гостиной, как тут же сообразил, что ему придется вернуться обратно. Во-первых, нельзя оставить на рояле тетрадь, во-вторых нельзя оставить без присмотра мать, которая ни за что не хочет отлепиться от своего монстра. Впрочем, она ведь считает его чуть ли не ангелом, — так и светится вся, когда на него смотрит.

Прогуливаясь по галерее в обществе весело щебечущей американочки, которая старалась выяснить, не антисемит ли он, Ури все больше накалялся раскаянием по поводу своей опрометчивой, как ему сейчас казалось, мальчишеской выходки. Как он мог, не подумав о возможных последствиях, бросить красную тетрадь Карлу в лицо? И подвергнуть риску всех и все и, главное, мать. Тревога за мать заглушила все остальные мысли и чувства. А вдруг Карл под угрозой разоблачения решит похитить ее. Ведь если на нее нажать, как следует, из нее можно выдавить детали работы совещания.

Потеряв надежду на внимание Ури, американочка покинула его посреди разговора. И ему пришлось целую вечность торчать в одиночестве посреди галереи, рискуя вызвать на себя подозрения Карла. К счастью, прежде, чем Карл вышел из гостиной, Ури удалось подцепить проходящего мимо Брайана, который при виде Ури зарделся, как юная девушка, и немедленно выразил готовность следовать за ним хоть на край света.

Последние дни были так насыщены волнениями, что Ури почти позабыл о странно-трепетном отношении к нему Брайана, и сейчас почувствовал некоторую неловкость от безотказной преданности маленького библиотекаря. Что, впрочем, не помешало ему этой преданностью воспользоваться. План у Ури был простой — следовать за Яном и матерью, куда бы они ни отправились. Общество Брайана в таком деле было как нельзя кстати.

Ухватив Брайана за локоть, от чего у того вдруг задрожали ресницы, Ури провел его в дальний конец галереи и устроился так, чтобы боковым зрением наблюдать за дверью гостиной. Карл и Клара немного потрепали ему нервы, задержавшись там слишком долго, — кораллы они там друг у друга крали, что ли? Впрочем, судя по донес-

шейся из-за двери музыке, верней было предположить, что они сосредоточились на краже кларнета, а еще верней, что Карл делает круги вокруг тетради. Но он, похоже, все же не решился ее унести. Когда они наконец появились в дверях гостиной никакой тетради в руках у него не было.

Они двинулись к выходу и Ури поспешно предложил Брайану пойти прогуляться перед сном, обдумывая при этом, под каким предлогом заскочить в гостиную за тетрадью. К счастью, занятые друг другом влюбленные голубки, уходя, не погасили свет, на что Ури не преминул обратить внимание маленького стража порядка. Когда тот устремился к выключателю, Ури, убедившись, что за Яном уже закрылась входная дверь, тоже проскользнул в гостиную и быстрым движением смахнул тетрадь в свою рабочую сумку.

Чувствуя себя немного лучше, он повлек Брайана на улицу вслед за удаляющимися голосами Карла и Клары. Очень скоро стало очевидно, что они направляются в кабачок человека-бабочки. При самом подходе к кабачку на Брайана набросился отец Георгий, вопрошая, где здесь можно выпить на шармачка. Поскольку его сраное правительство отправило его на смычку с вражеской церковью без гроша в кармане. В доказательство он принялся тут же посреди улицы выворачивать карманы, требуя убедиться.

В кабачке румынский священник немедленно приклеился к Кларе, одуряя ее своими гальскими любезностями. И просидел с ней за столиком до самого ухода, так что можно было не беспокоиться о ее безопасности. Впрочем, можно ли было? Черт его знает, от какого сраного правительства прибыл сюда отец Георгий без гроша в кармане. От этих мыслей Ури отвлекла театральная сцена с бабочкой. Она больно резанула его несовместимостью личности великодушного дарителя Яна с личностью коварного убийцы Карла. Точно зная, с кем именно он имеет дело, Ури все пытался разгадать его замысел. Зачем, с какой целью он устроил эту прилюдную демонстрацию своей щедрости?

На обратном пути отец Георгий опять прилепился к ним с Брайаном и тащился за ними до самой библиотеки, уговаривая их подняться к нему в комнату и пропустить рюмочку-другую его божественной цуйки. Ури от цуйки отказался и под предлогом сильной усталости улизнул на-

верх, предоставив бедному Брайану собственными силами выпутываться из цепких объятий румына. Затаившись в кладовке со швабрами, он, стиснув зубы, прослушал романтический дуэт Карла и Клары, возносящихся вверх по лестнице на крыльях любви.

Когда за ними закрылась дверь клариной комнаты, мысль Ури заметалась в поисках разумного решения проблемы охраны матери в ночные часы. Если бы она поднялась к себе одна, он, в нарушение всех правил, пробрался бы к ней в комнату и лег бы там спать на полу, стряхивая с ушей ее возмущенные протесты. Но она сама привела опасность к себе в комнату, — значит, необходимо сторожить ее у нее под дверью. А как это сделать, не привлекая к себе внимания всех соседей?

Был один вариант, — Лу! Вариант не то, чтобы очень удобный, но зато соблазнительный, и, главное, — кажется, единственный. Ведь из комнаты Лу отлично виден вход в комнату Клары. И Ури решился, — он тихо подкрался к двери Лу и осторожно потянул ее на себя, ужасаясь, что может застать в ее постели профессора-шутника. Но ни в комнате, ни в постели не было никого — ни Лу, ни профессора. Что ж, тем лучше! Ури стянул с кровати одеяло и устроился на полу таким образом, чтобы видеть сквозь приотворенную дверь вход в комнату матери.

КЛАРА

Проснувшись поутру с некоторым опозданием, Клара наспех приняла душ, оделась и, принявшись наводить красоту, опять не смогла найти свою губную помаду волшебного закатного цвета, который озарял ее лицо неожиданной вспышкой юности. Чертовщина с губной помадой началась еще вчера. Прихорашиваясь к завтраку, Клара обнаружила, что потеряла ее. Она вытряхнула весь женский хлам из сумочки на одеяло. Не найдя там помады, старательно перерыла оба ящика убогой прикроватной тумбочки, — тоже безрезультатно. Делать было нечего, пришлось появиться за завтраком с неподкрашенными губами.

Сразу после завтрака Клара стремглав помчалась в местную аптеку и купила не вполне подходящую, но и не со-

всем безобразную помаду, хоть выбор там был смехотворно мал. Подкрасив губы тут же в аптеке, она открыла сумочку, чтобы положить туда новую помаду, и оторопела при виде знакомого тюбика своей любимой помады, пристроившегося между солнцезащитными очками и пудреницей.

Перед выходом она решительно вытащила из сумочки новую помаду и спрятала ее в тумбочку. Однако, когда, разгоряченная длительной прогулкой по бесконечным полям битвы при Ватерлоо, она решила освежить лицо, в сумочке оказалась та помада, которую она недавно купила в аптеке. Спутать тюбики было невозможно. Один был белозолотой, другой матово-черный. Клара внимательно взгляделась в собственные лихорадочно блестящие глаза и поняла, что близка к нервному срыву.

Вот и сейчас, как только она снова не нашла бело-золотой тюбик ни в сумочке, ни в ящике, сердце ее затрепыхалось с такой силой, что ей понадобилось несколько минут, чтобы прийти в себя. Из-за этого она спустилась в трапезную, когда все уже уселись и директор закончил утреннее благословение хлеба насущного и перешел к приглашению всех присутствующих на прощальный коктейль по поводу отбытия нашего дорогого царственного гостя, который состоится в гостинной сразу после обеда.

Не очень вслушиваясь, Клара огляделась в поисках свободного места и, мысленно отметив, что Ури опять нет, с удивлением направилась к Яну, который призывно махал ей, придерживая свободной рукой спинку пустого стула, явно предназначенного для нее. «Что за демонстрация?» — мельком подумала она и села рядом с Яном, по другую сторону которого сидела миссис Муррей, облаченная в свой игривый походный костюмчик, приличествующий члену жюри.

При виде Клары старая дама радостно ей закивала:

— Как я рада, голубушка Клара, что вы, наконец, появились! Это я попросила профессора Вайтека...

— Яна, — поправил он.

— ...попросила Яна занять для вас место рядом с нами. У меня ужасные осложнения и я рассчитываю на вашу дружескую помощь.

— Что случилось? Вы нездоровы? — спросила Клара, хоть миссис Муррей выглядела отлично.

— Нет, нет, я в полном порядке, дело не во мне, а в Дениз. Ей пришлось срочно уехать. Ее брат попал в катастрофу.

— Разбился? — ужаснулась Клара.

— Что-то вроде этого. Он ехал на велосипеде и его сбил автомобиль. На рассвете пришла телеграмма. Она тут же помчалась звонить отцу, но автоответчик сообщил ей, что тот уже уехал в Кембридж.

— Чем же я могу помочь? — озадачилась Клара.

— Ведь сегодня последний день битвы, а я не могу ездить по парку одна. И Ян любезно предположил, что вы можете согласиться водить мою тележку...

— ...а я буду бежать вслед за вами и проникать во все запретные уголки, — подхватил Ян.

Клара поспешно согласилась стать шофером миссис Муррей. Уже не говоря о том, что она вчера смертельно устала, едва поспевая за длинноногим Яном на бесконечных просторах парка, она помнила, как он огорчался, что ему не позволено заходить за веревки, отгораживающие участки боевых действий.

— Вот и отлично! — воскликнула старая дама. — Вы меня просто выручили! Вы не поверите, как вся эта история с жюри украсила мою печальную жизнь.

Почему бы не поверить? И Клара поверила. Она охотно села за руль тележки и они покатали по пестрым солнечным лугам и тенистым перелескам парка.

— «Всю ночь накануне битвы над Ватерлоо лил проливной дождь, не давая спать продрогшим до костей солдатам обеих армий», — зачитал Ян из цветной брошюрки. — Видите, как нам повезло, у нас во всю светит солнце.

— И куда же мы направимся? — счастливым голосом спросила миссис Муррей.

Ян снова сверился с брошюркой:

— Я рекомендую обойти обе линии войск — и союзников, и французов. Ведь сегодня решающий день битвы. И хотя мы уже знаем ее исход, солдаты вроде бы его не знают, и каждая сторона уверена в победе.

— А ведь уже много веков люди знают, что один выигрывает, а другой проигрывает, — вздохнула миссис Муррей.

— Конечно, но каждый надеется, что он будет одним, а не другим.

Воздух внезапно задрожал от дробного боя барабанов, от жизнерадостного пения рожков, от призывной разногласицы труб. Ян снова заглянул в брошюрку:

— С вечера войска стояли друг против друга на столь коротком расстоянии, что каждый мог слышать голоса противника. Вскоре после восхода скрытого дождевыми тучами солнца с обеих сторон ударили барабаны, запели трубы и рожки. Никогда призыв к бою не звучал с обеих сторон так бодро и энергично.

Со стороны невысокого взгорья, с вершины которого доносилась музыка, стали появляться отдельные всадники. Пришпоривая коней, они мчались в разных направлениях по расстилающемуся перед тележкой изумрудному лугу.

— Это связные, — пояснил Ян, сверяясь с брошюровкой, — они развозят приказы своих генералов отдельным группировкам войск. Битва начнется еще не скоро, потому что Наполеон намеренно задерживает ее начало по неясным причинам. А герцог Веллингтон не спешит вводить в бой свои войска в ожидании прусской армии Блюхера, идущей с ним на соединение.

Они подъехали к каким-то живописным барочным руинам. По обе стороны которых и впрямь довольно близко друг к другу формировались воинские соединения враждебных армий — англичане в красном и французы в синем. Красные группировались вокруг самих развалин и в окружающих саду, а синие, разбившись на тринадцать колонн на холмистом поле, пытались охватить красных с флангов.

— Замок Хугомон, резиденция герцога Веллингтона, — сообщил Ян. — Миссис Муррей, не кажется ли вам, что нам лучше всего немного полюбоваться приготовлениями к сражению и уехать домой отдохнуть, чтобы после обеда вернуться сюда к решающему бою, который начнется — Ян полистал брошюрку, — где-то около двух часов пополудни?

Кларе так и не довелось услышать, что ответила на это предложение миссис Муррей, потому что тут громко зазубили смолкшие было трубы и загремели барабаны. Откуда-то из-за синих спин выехала небольшая сплоченная группа всадников и гарцуящим аллюром поскакала вдоль головной

линии французских колонн. В центре группы выделялась устремленная вперед фигура в треугольной шляпе и развевающимся плаще. Сотни плоток взвыли в едином порыве:

— Слава императору! Вив ля Франс!

— Император Наполеон объезжает свои войска, вдохновляя солдат перед боем. Его появление вызвало... — объявил Ян, но не закончил фразу.

— Идущие на смерть приветствуют вас, — сказал знакомый голос за спиной Клары. Вздвогнув от неожиданности, она обернулась. Перед ними, держа в руке мушкет, стоял Патрик Рэнди в синем мундире и меховой шапке.

— Почему на смерть, Патрик? — спросила миссис Муррей.

— Забудьте о Патрике, сегодня я то ли Луи Бланже, то ли Морис Буше, не помню, кто именно, но это неважно. Все равно через несколько часов мне предстоит погибнуть за честь и свободу моей родной Франции.

— Вы неисправимы, — засмеялся Ян, — не можете без декламации.

— А что бы сказали вы, если бы через несколько часов вас поджидала неотвратимая смерть?

— А где вы собираетесь погибнуть? — полюбопытствовала Клара.

— Там, куда мой император посылает наш славный 45-й полк, на штандарте которого красуются имена побед под Иеной и Аустерлицем. — Патрик-Луи-Морис взмахнул рукой в сторону удаляющихся всадников.

— Куда же он вас посылает? — поинтересовался Ян, держа наготове свою брошюрку.

— Видите, тот дальний склон? — охотно откликнулся Патрик. — Он спускается к узкой ложине, омываемой речкой Лан, которую до сих пор именовали Лошадиным ручьем. Хотите поехать посмотреть?

Если бы Клара знала, сколько раз ей предстоит впоследствии прокрутить в памяти этот нехитрый разговор, она постаралась бы следить за ним повнимательней. Она бы получила в лица главных участников этой беседы, она бы с большей сосредоточенностью прислушалась к их словам. Но ей было не до того. Ее измученные нервы расслабились наконец, под нежными лучами нежаркого северного солнца, ее уставшие за последние дни ноги блаженствовали на педа-

лях тележки, проворно бегущей по травяному коврику луга. Все было так прекрасно — прозрачный свежий воздух, легкий, наполненный ароматом цветов, ветерок. А главное — теплая рука Яна, лежащая на спинке тележки так близко, что Клара при желании могла прижаться к ней спиной.

— Вперед! — скомандовал Ян и исподтишка пробежал кончиками пальцев по ложбинке между ягодицами Клары. От этого касания сердце ее подкатило под горло и она, не помня себя, нажала на педаль. Тележка, мягко покачиваясь, покатила вниз по изумрудному склону, усыпанному яркими звездочками диких гвоздик. Если бы глаза Клары в этот миг могли сфокусироваться на красотах природы, она бы увидела, как узкая ленточка речки, текущей среди поросших низким кустарником берегов, изгибается прямо под ними, образуя почти идеально-округлую излучину. Правый конец водной ленточки терялся среди деревьев пушистой рощицы молодых деревьев.

— Направо лес Свани — произнес где-то в жарком тумане Ян, слегка касаясь губами клариноного уха, от чего туман стал еще жарче. Налево, за излучиной речка изгибалась в обратную сторону, намереваясь образовать еще одну излучину, вторая половина которой убегала за отроги холма.

— А налево за речкой дорога на Вавр, откуда наступает французская армия маршала Груши, — продолжал Ян, не отнимая руки и таким образом исключая для Клары какую бы то ни было возможность понимать его слова.

— Там, на берегу этой жалкой речушки через три часа навски прервется моя единственная, неповторимая жизнь, — с театральным придыханием продекламировал Патрик.

— Разве вы не готовы отдать ее за честь и свободу Франции? — поддразнила его старая дама.

— Я готов! Но горько сознавать, что моя гибель не спасет императора от разгрома!

— Это вам горько, а ваш Морис этого не знал, — уточнил Ян.

Склон стал круче и тележка ускорила свой бег. Рука Яна соскользнула с клариной спины и она, наконец, нашла в себе силы вступить в общий разговор:

— Как бы тяжело ему было умирать, если бы он мог предвидеть поражение своего любимого императора. Хорошо, что нам не дано знать будущее!

А ведь и сама не знала, не ведала, не предполагала, представить себе не могла. А что бы сделала, если бы узнала? Да что могла бы сделать? Разве что соскочить с тележки и покатиться вниз по склону, больно ударяясь о стволы и камни. Чтобы в конце концов рухнуть в холодные речные струи и лежать там на дне, не поднимая голову, пока легкие не наполнятся водой и сознание не погаснет. Но она ничего не предвидела и радовалась забавной игре, предложенной человеком-бабочкой.

— Ладно, — воскликнул он, утирая притворные слезы синим рукавом французского мундира, — пускай я погибну и мой окровавленный труп похоронят в братской могиле! Пускай! Но я бы не хотел, чтобы гибель моя осталась совсем безвестной! Хоть вы, милые девушки, приезжайте сюда, чтобы бросить прощальный взгляд на последние минуты отважного Мориса Бурже.

— Куда это — сюда? — спросила миссис Муррей.

Крепкий палец Патрика Рэнди, длинный палец умелого ремесленника, странно не соответствующий его простоватому лицу, указал вниз, туда, где кусты выбегали к закругляющемуся подковой берегу речки:

— Туда, на берег излучины, видите? И ждите там, когда из-за леса Свани появится мой истекающий кровью отряд. Сверху, с холма на нас на взмыленных конях будут мчаться королевские драгуны и мы попытаемся остановить их натиск дружной пальбой своих славных мушкетов. Но — увы! — многие из нас полягут в этой неравной борьбе и в том числе ваш покорный слуга.

Все замерли на миг, глядя на обреченного человека-бабочку, скорбно склонившего голову в меховой папахе. Их молчание было прервано новым взрывом барабанного боя, за которым последовал грохот отдаленной канонады. Совсем близко запела походная труба.

— Мне пора, труба зовет, — встрепенулся Патрик и зашагал вверх посклону.

— Нам тоже пора, — отозвался Ян, бросив взгляд на часы. — Пока доберемся до библиотеки, останется не более получаса, чтобы отдохнуть перед обедом.

У входа в библиотеку их перехватила Грэйс, смешливая кухонная девушка, которой было поручено состоять при миссис Муррей до возвращения Дениз. После обеда она

вручила им свою подопечную и они тут же тронулись в путь, не обращая внимания на призыв казначея остаться на прощальный коктейль с отбывающим принцем.

— Я ведь член жюри, — гордо объявила казначею миссис Муррей. — И не могу пропустить самый важный момент битвы.

По пути она стала выяснять у Клары, как это принц устраивает коктейль, если Коран запрещает ему пить алкогольные напитки. Она выбрала Клару, считая, что раз та из Израиля, то ей более понятны побуждения ее арабских соседей. И хоть Клара понятия не имела, как принц обходит запреты своей священной книги, она решила эту проблему с неожиданной легкостью:

— Я думаю, что ему самому пить вино нельзя, зато неверных угощать можно. У них ведь все равно нет шанса попасть в его мусульманский рай.

Все ей было легко в этот день. Мысли текли легкие, очищенные от издавна привычного трагического привкуса, тело двигалось, почти порхая, с позабытой девической легкостью, кровь пульсировала под кожей легким упругим потоком.

— Какая ты сегодня красивая, — шепнул ей на ухо Ян, когда она пружинисто взлетела на сиденье так полюбившейся ей — спасибо старому другу Меиру! — тележки для гольфа. И, весело болтая, они тронулись в путь. Не успели они отойти от ворот парка, их догнал запыхавшийся отец Георгий.

— Можно я с вами? Профессор Бенуа, наконец, добился, чтобы меня тоже включили в жюри. Он с гордостью предъявил им маленький пластиковый квадратик, на котором красивыми печатными буквами было написано его имя.

— А какой участок битвы вам поручили? — ревниво осведомилась старая дама.

— Профессор Бенуа предложил мне сопровождать вас. Он сказал, что вы направляетесь в самый центральный эпизод. И я хочу в центральный эпизод, не говоря уже о чести сопровождать таких красивых дам.

К неудовольствию Клары, которой пройдоха-священник уже изрядно надоел, польщенная миссис Муррей охотно согласилась включить его в свою свиту. Клара бросила умоляющий взгляд на Яна в надежде, что тот придумает

повод для отказа, но тот чуть заметно покачал головой, — мол, делать нечего, придется смириться. И Клара, смирившись, покатила тележку вглубь парка.

Похоже, что за те два-три часа, что они отсутствовали, битва между красными и синими сильно ожесточилась. Навстречу им группами и поодиночке брели расхристаные воины в сбитых набок папахах и киверах, громко оповещая окружающих, что они уже убиты и могут теперь спокойно выпить пива. Со всех сторон доносились трещотки нестройных перестрелок и буханье артиллерийской канонады.

Тележка проворно пересекла ограждающие веревки. Полицейский с криком побежал им наперерез, но миссис Муррей ткнула пальцем в свою пластиковую карточку, приколотую к отвороту ее спортивной рубахи, и их пропустили с вежливым поклоном. Пользуясь своей неприкосновенностью, они проехали по старой римской дороге и начали подниматься вверх к темнеющим невдалеке руинам Хугомона.

Там шло настоящее сражение. Громко стреляли пушки, пытаясь перекричать их, напрягали голоса офицеры, куда-то бежали и падали пехотинцы, взад-вперед проносились кавалеристы на лошадях. Ловко маневрируя среди мятущей толпы, Клара вдруг почувствовала, что входит во вкус этой детской забавы. Даже не умолкающий ни на секунду отец Георгий перестал ее раздражать. Словно гнетущий обруч, много лет стискивающий ее сердце, на миг распался и она позволила себе наслаждаться маленькими радостями, на которые раньше сама наложила запрет. Эти мелкие радости воздушными пузырьками вскипали в ее крови и ей ни с того, ни с сего хотелось петь или беспричинно смеяться. Смех ее оказался заразительным — миссис Муррей и Ян, вторя ей, начали так же заливисто смеяться каждой шутке весьма польщенного этим отца Георгия.

— Не пора ли уже нам ехать любоваться героической гибелью человека-бабочки? — после очередного взрыва смеха напомнил Ян.

Отец Георгий немедленно потребовал объяснения. Получив его, впал в профессиональный восторг, утверждая, что главное его призвание — облегчать умирающим переход в мир иной. Осчастливленные тем, что в их рядах теперь есть профессиональный утешитель страждущих, они

двинулись к реке. Сперва вдоль полуразрушенных стен замка, потом мимо фруктового сада, где за каждым деревом сидели, затаясь, солдаты в красных мундирах. Плато, по которому они ехали, стало плавно сбегать вниз, устремляясь от ворот фруктового сада к щеточке низкорослого кустарника, окаймляющего извилистую речонку.

Клара помнила, что сегодня уже была здесь и вела тележку вниз по этому склону. Но то ли полуденный свет так менял ландшафт, то ли ее душевное состояние стало иным, но сейчас она словно видела все впервые. Речка вылась среди кустов, кокетничая игривой произвольностью излучин. Берега ее были тихи и пустынно. Только за соседней рощицей басовито рокотали пушки, да в небе над деревьями то и дело расцветали белесые облачка выстрелов.

Они спустились вниз и нашли на берегу излучины чудесную зеленую лужайку, осененную ветвями склоняющегося над речкой ивового дерева. Уютно устроив миссис Муррей в его ажурной тени, Клара выбралась из тележки и, разминая затекшие от долгого сиденья ноги, неспешно побрела по узкой тропке, выходящей возле самой воды. Отец Георгий, оседлав своего любимого конька, увязался за ней, проклиная отвратных пархатых жидов и воспевая очаровательных жидовок. Ни на миг не прерывая свою горячую речь, он то и дело наклонялся и выдергивал из травы голубые незабудки, небольшой букетик которых он в конце концов галантно поднес Кларе. Чем заставил ее вспомнить насмешливый комментарий Яна, что румынский офицер денег не берет.

Не успели они отойти на три десятка шагов, как со всех сторон зазвучали голоса, загремели выстрелы, зацокали копыта. В момент мирная картина сонной лесной речки превратилась в почти классическую батальную сцену. Сверху от замка Хугомон катилась вниз по склону мощная красная волна кавалерийской атаки, а навстречу ей из-закустов хлынула пешая масса синих мундиров, которые вмиг затопили весь противоположный берег, нарушая его буколический покой громкими криками и беспорядочной стрельбой.

«Где они все это время были? Не могли же они подкрасться так неслышно? Или просто прятались за кустами?» — лениво подумалось Кларе, пока она, прислонясь к стволу прибрежной ивы, наблюдала за стремительным сближением красных и синих волн, с двух сторон захлестывающих

извилистые края голубой, отороченной зеленым, водной ленты. В центре синей толпы развевался на ветру трехцветный императорский штандарт, увенчанный золотым орлом. Зрелище было столь ошеломляющим, что даже неутомный отец Георгий изумленно вскрикнул и замолк.

Волны, наконец, достигли берегов и на мгновение приостановились, готовясь к переправе. Красные понукали разгоряченных коней, шарахающихся прочь от воды, синие же, вскинув ружья и мушкеты, открыли беглый огонь по сплоченной массе красных мундиров. Первые ряды красных дрогнули и попятились от воды, оставляя на траве распростертые тела «подстреленных», которые поспешно отползали в сторону, чтобы их не затоптала собственная конница, готовая к следующей атаке. Синие продолжали стрелять, но красные быстро преодолели первую растерянность и снова двинулись вперед. Хоть потери их и на этот раз были велики, они с легкостью преодолели водную преграду и выплеснулись на занятый синими берег.

Тут к отцу Георгию вернулся дар речи:

— Во дают! — восхищенно воскликнул он, почему-то шепотом. — Они же понарошку, правда?

Клара засмеялась, откинув голову и, не отрывая глаз от колышущегося красно-синего месава на противоположном берегу, двинулась обратно к тележке миссис Муррей. Похоже, и Ян, и старая дама были захвачены вполне правдоподобным кровопролитным зрелищем. И Клара, подойдя к ним, сперва переключила свое внимание на Яна. Он стоял, облокотясь о спинку тележки и напряженно следил за схваткой между красными и синими. Уже было ясно, что красные побеждают: прибрежная поляна все больше заполнялась всадниками, поток синих, растекающийся в разные стороны с поля боя, становился все обильней. А горделивый золотой орел императорского штандарта валялся под копытами лошадей.

— Нет, я вам скажу, эти проклятые капиталисты свое дело знают, — зачастил за спиной отец Георгий, но вдруг осекся, со свистом вдохнул воздух и громко, совсем по-собачьи, взвизгнул:

— Старуха! Старуху убили!

Испуганная Клара резко обернулась, чтобы понять, о чем он, и увидела, что он тычет пальцем куда-то ей за

плечо. Леденяя от дурного предчувствия, Клара повернула голову туда, куда указывал палец священника, и взгляд ее наткнулся на быстро набухающее кровью алое пятно, расплзающееся по светлой рубашке миссис Муррей. Клару качнуло и, все еще не веря своим глазам, она протянула вперед руку, но наткнулась на холодный поручень тележки и схватилась за него, чтобы сохранить равновесие. Тут в кадр выплыло искаженное ужасом лицо Яна, которое склонилось над старухой и заслонило ее от Клары.

Она бы так и стояла в оцепенении, но отец Георгий оттолкнул ее и вскочил в тележку. Там он грохнулся на колени и, схватив руку миссис Муррей, на миг застыл, словно прислушиваясь к чему-то.

— Ранена? — сдавленным голосом спросил Ян.

— Думаю, убита. Пульса нет.

— Не может быть! — не узнавая собственный голос, взвизгнула Клара. — Она же только что смеялась!

— Смеялась, не смеялась, а кто-то стрельнул с того берега и конец. Наша брэнная жизнь это мгновенье по сравнению с жизнью вечной.

Судя по всему, отец Георгий уже пришел в себя, раз в нем опять проснулась склонность к философским умозаключениям. Но Ян по-прежнему был в шоке:

— Как это могло случиться, — бормотал он, — я ведь был рядом и ничего не заметил. Мы с ней сперва переговаривались, а потом события приняли такой оборот... и я отвлекся... Да и шум был зверский...

Он резко оборвал себя и стал осторожно ощупывать безвольно поникшее тело миссис Муррей:

— Кто придумал, что она умерла? Конечно, она жива, просто потеряла сознание... Я чувствую, она еще дышит... Клара, дай-ка свое зеркальце.

Клара трясущимися пальцами вытащила из сумочки пудреницу и протянула Яну. Он раскрыл ее и чертыхнулся:

— А плоского зеркальца нет?

И поднес зеркало к полукрытым старческим губам, в правом уголке которых запеклась струйка крови:

— Видишь, запотело, — он настойчиво тыкал пальцем в прозрачную поверхность зеркала. Или там была какая-то смутная дымка?

— Она еще жива, нужно скорей привести врача.

— А откуда его здесь взять? — беспомощно пожала плечами Клара, начавшая осознавать всю непоправимость происшедшего.

— Зачем вам врач? Вам нужен священник и он у вас есть, — вставил словечко отец Георгий.

— Вот что, — решил Ян. — Вы езжайте на тележке к воротам, а я побегу вперед и приведу врача. Так будет скорее.

И не спрашивая их согласия длинными прыжками помчался вверх по опустевшему склону, — совсем недавно скакавшая по нему кавалерийская бригада уже торжествовала свою победу на другом берегу.

— Кто бы мог стрельнуть в старуху живой пулей? — спросил неизвестно кого отец Георгий. — И зачем?

Клара молчала, чувствуя, как к горлу подступают неуправляемые рыдания. Она позволила себе минутную слабость, бурно сотрясшую ее грудь при сухих глазах, но это было так больно, что она подавила следующий спазм и села за руль тележки. Руки дрожали, не было сил вырывать из-за кустов.

— Может, лучше вы поведете? — попросила она отца Георгия. — Я что-то совсем ослабела.

— Да я никогда руль в руках не держал, — почему-то обиделся тот. — Или вы думаете румынские трудовые попы разезжают в машинах?

— Ладно, я попытаюсь повести тележку, а вы бегите рядом, держась за поручень, — решила Клара. — Только, Бога ради, не оставляйте меня одну.

Клара закусила губы, взяла себя в руки и начала медленно подниматься по склону, удивляясь тому, как совсем недавно, беспечно смеясь, она вела ту же тележку по тому же склону вниз. Подступающая к горлу тошнота напомнила ей недавний ночной кошмар, когда она спронеся отхлебнула глоток воды из стоящего на тумбочке стакана и наткнулась языком на что-то мохнатое. Она заглянула в темноту и с ужасом обнаружила, что в стакане утонул огромный летучий таракан. Снова чувствуя на губах прикосновение мохнатой тараканьей ноги, она искоса глянула на застывшее личико так полюбившейся ей старухи и вдруг сообразила, что им так и не довелось быть свидетелями доблестной гибели французского лейтенанта Патрика Рэнди.

БРАЙАН

Прижимая к груди коробку с ключами от аннекса, Брайан был почти счастлив. И хоть прежде, чем ему вернуть ключи, казначей обязал его присутствовать на прощальной церемонии в честь покидающего их принца, Брайан без особых мук перенес часовое стояние на ногах в пахнувшей винным перегаром толпе провожающих. Причина была проста — во время этой церемонии прекрасный магистр вернул Брайану свою благосклонность, которой неясно за что лишил его в последние дни. Ведь даже вчера, вспомнив, наконец, о существовании Брайана, он вместо обещанной романтической прогулки без всяких пояснений затащил его в душный кабачок, где промолчал весь вечер, отрешенный и, как показалось Брайану, чуть-чуть враждебный.

Зато сегодня, среди скуки прощального приема, прекрасный магистр избрал Брайана своим собеседником и был весел, общителен и мил, как раньше. «Когда это — раньше?» — спросил сам себя Брайан и сам себе ответил: «До приезда принца». Он, собственно, не мог бы указать, какое зло причинил ему принц, однако всей кожей ощущал, что непереносимое сгущение грозовой атмосферы в библиотеке, от которого ему было трудно дышать, каким-то образом связано с пребыванием здесь царственного гостя.

Гость, наконец, отбыл в своем роскошном бронированном «Мерседесе». Брайан отправился к казначею за ключами, осторожно выяснив перед этим у Ули, собирается ли тот посетить сегодня читальный зал. Но он ответил, что с него хватит, на сегодня с работой покончено и он намерен пойти посмотреть на эту хваленную битву при Ватерлоо, о которой все вокруг только и говорят. И, улыбаясь, предложил Брайану после рабочего дня присоединиться к нему в парке.

Вот почему, прижимая к груди коробку с ключами, Брайан не шел, а летел по плитам галереи. Жизнь опять налаживалась и приобретала утешительную форму. Он вновь стал хозяином читального зала, а через три часа ему предстояла встреча с прекрасным магистром у входа в парк. Он поставил коробку на стол и огляделся. Народу в зале почти не было, только на верхних ярусах горели две-три лампы, да Лу Хиггинс вошла вслед за ним, уселась неподале-

ку, разложила на столе пару увесистых томов и задремала, склонив голову на сомкнутые руки.

Брайан откинулся на спинку стула и прикрыл глаза, представляя, как он уверенным шагом проведет Ули по самым интересным эпизодам битвы. Ведь никто не знал местный парк лучше, чем он. Из этого приятного оцепенения его вывел звук поспешно захлопнутой двери и быстрые шаги.

Брайан открыл глаза, — перед ним стоял Ян, какой-то взъерошенный и на себя не похожий. Ворот его рубахи был расстегнут, волосы растрепаны, на верхней губе блестящие капельки пота.

— Как хорошо, что вы здесь, Брайан, — воскликнул он, склоняясь над столом так низко, что в ноздри Брайану ударил острый запах его разгоряченного тела. В другой день от этого у Брайана закружилась бы голова, но сегодня он был полон до краев предвкушением предстоящего вечера в обществе прекрасного магистра. И потому просто вежливо улыбнулся и спросил:

— Чем я могу вам помочь?

— Пойдемте со мной в аннекс! Ведь вы, я вижу, получили обратно ключи, — Ян кивнул в сторону коробки. — Вот и отлично!

Брайан поднялся с места и вынул из кармана свой именной ключ:

— Что-нибудь важное?

— Мне срочно нужно первое издание нордических саг. Помните, о котором мы говорили в тот день, когда вы отдавали казначею ключи, — зачастил Ян, почти физически подгоняя Брайана вниз по лестнице.

Внизу он бесцеремонно вынул ключ из его пальцев и нетерпеливо сунул в замочную скважину. Отворив дверь, он сильным нажатием ладони между лопаток Брайана втолкнул его в аннекс и, быстро проскользнув внутрь, запер за собой дверь. К удивлению Брайана, оказавшись в аннексе с ним наедине, Ян не ослабил свою хватку, а, напротив, еще более настойчиво стал подталкивать его вперед, к книжным полкам.

— Что вы делаете? — встревожено выкрикнул Брайан, пытаясь высвободить плечо из жестких пальцев Яна.

— Помогите мне раздвинуть эти полки, — приказал Ян и поставил Брайана, как куклу, перед входом в библиотеку мистера Муррея.

— Но я не могу... тут нужен специальный ключ... — пролепетал Брайан.

— Ключ у меня есть, но я не знаю, где замочная скважина.

И Ян вынул из кармана толстую цепочку из хитроумно сплетенных золотых нитей, на которой висел изящный золотой карандашик. Брайан всмотрелся в карандашик через запотевшие очки:

— Но ведь это ключ миссис Муррей!

— Правильно. Она одолжила мне его на полчаса, чтобы я нашел эту книгу.

— Не может быть. — Брайан потянулся к цепочке, оба конца которой неразрывно входили в тело карандашика. — Как она его сняла? Ведь эту цепочку нельзя снять через голову, можно только выкрутить ее из ключика.

— Какая разница, как она его сняла? Ваше дело показать мне, куда его вставить.

Рука Яна грубо стиснула шею Брайана сзади и начала поворачивать ее вокруг оси, словно намереваясь сломать.

— Пустите, мне больно! — взвизгнул Брайан и отчаянно рванулся вбок, но это только усилило чудовищную боль в затылке.

Ян стиснул шею Брайана еще сильнее:

— Покажите и отпущу.

— Но я не знаю!

— Врете, знаете! — даже в страшном сне Брайану не могло бы присниться, что Ян станет так с ним говорить. — Не тяните время, покажите и я вас отпущу.

Он нажал второй рукой на плечо Брайана, закручивая спиралью все его хрупкое тело.

— Больно! — хоть, Брайану показалось, что он вскрикнул очень громко, он сам не услышал собственного крика.

— И будет еще больней!

Ян отпустил плечо Брайана и ухватив его за кисть, стал заводить ему руку за спину. Брайан взвыл.

— Орите, сколько хотите, все равно, никто не услышит, — сказал Ян и крутанул руку Брайана от плеча до кончиков пальцев. — Где скважина?

Мысль Брайана испуганно затрепыхалась вокруг слова «скважина» — он вдруг забыл, что это такое.

— Где скважина? — все больнее выкручивая его руку, повторял Ян.

Обливаясь слезами и холодным потом, Брайан, наконец, вспомнил:

— Внизу, под полкой, — прошептал он непослушными губами.

— Где, где? — не расслышал Ян, но ослабил хватку.

Боль чуть отступила и Брайан прикусил язык — ведь он не имел права раскрывать тайну двери. Ян подождал секунду и начал снова медленно выворачивать кисть Брайана к лопатке.

— Отпустите, я покажу, — слова вырвались у Брайана сами собой, против его воли.

Ян отпустил руку Брайана, но продолжал сдавливать его шею сзади. Брайан рухнул на колени и прошептал:

— Дайте сюда ключ, я открою.

Ян отпустил его шею и протянул ключ:

— Только без фокусов.

Брайан понятия не имел, о каких фокусах могла идти речь. Что он мог сделать? Ян нависал над ним, сильный и безжалостный. Он взял ключ дрожащими пальцами правой руки, левой пытаясь нащупать скрытую под плитингом панель, в центре которой, ему помнится, должна была находиться маленькая дырочка-скважина. От страха, что Ян снова станет причинять ему боль, пальцы Брайана словно онемели и панель то и дело выскользывала из-под них.

— В чем дело? Я же предупреждал, чтоб без фокусов, — произнес над головой Ян, от чего ладонь Брайана свело судорогой и скрюченный указательный палец застрял в тесной металлической ловушке. Ему понадобилось какое-то время, чтобы осознать, что это и есть скважина, и сунуть в нее ключ.

Эффект был поразительный. Полка самочинно поползла влево, открывая узкий коридорчик, окаймленный рядами книжных корешков. Торцовую стену коридорчика перекрывала еще одна полка с книгами.

— Где же дверь? — спросил Ян нехорошим голосом. Предупреждая возможность снова оказаться в его тисках, Брайан поспешно вскочил и ринулся вперед, к торцовой полке. Там замочную скважину искать было не надо, она бросалась в глаза именно в том месте, где обычно бывают замочные скважины. Брайан сунул в нее ключ и повернул, —

полка начала медленно отворяться, обнаруживая за собой темное, уходящее в глубину пространство.

И только тут Брайан заметил, что цепочка, на которой висит ключ, не замыкается плавным кольцом, а свисает вниз двумя золотыми шнурками с завивающимися на концах нитями разной длины. Ужас охватил его при виде этих грубо разорванных золотых нитей и он вскрикнул, на миг потерявши разум:

— Неправда, что миссис Муррей одолжила вам ключ! Вы его украли!

И оттолкнув Яна, бросился к выходу. Сильная рука Яна тут же перехватила его и приподняла в воздух:

— Куда вы? — Ян качнул Брайана и опустил на пол. — Разве я позволил вам уйти?

— Вы украли ключ! Я обязан сообщить! — и Брайан рванулся было прочь, но замер, почувствовав, как вторая рука Яна охватывает его горло.

Что-то хрустнуло, совсем близко, возле уха, и вдруг стало тихо и темно.

УРИ

Ури вздохнул с облегчением, когда его высочество принц Харун Ибн-Кахар шейх Уль-Мюлок отбыл, наконец, в своем сверкающем лаком и никелем бронированном «Мерседесе». Хоть Ури было не так-то просто отделаться от зачарованно прилипшего к нему Брайана, он с этой задачей справился, пообещав маленькому библиотекарю дружескую прогулку по бранным полям Ватерлоо. Теперь нужно было избавиться от красной тетради, посылающей ему из сумки сигналы опасности при каждом невольном касании локтем.

Всего час назад, когда мать, опираясь на руку Яна, случайно столкнулась с ним после обеда в вытекающей из трапезной толпе, он невольно оцепенел. Ему вдруг на миг представилось, что взгляд Яна способен проникнуть сквозь тонкую ткань сумки. Он, конечно, тут же устыдился этого непроизвольного приступа малодушия, но все же вынужден был признаться себе, что ему страх как не хочется оказаться разоблаченным.

До открытия почты оставались считанные минуты и Ури решил побегать туда, чуть срезав угол. В своих непрерывных мотаниях то на почту, то на вокзал он уже неплохо изучил нехитрую географию деревенских улочек. Через черный ход за кухней он вышел в кладбищенский сад и пройдя по увитой диким виноградом алее-туннелю, оказался в пустынном переулке, выходящем вдоль стены церковного двора. Там, где стена кончалась, переулок изгибался вправо, создавая полукруглую травяную излучину, на которой был припаркован белый пикап, доверху нагруженный картонными коробками. Ури не обратил бы на него внимания, если бы в глаза ему не бросились разноцветные бабочки, грубовато, но лихо нарисованные на крышке каждой коробки. При виде этих коробок он с острой неприязнью вспомнил, как вчера в кабачке радостно зарделась мать, когда Ян на глазах у всех поднес ей в подарок большеглазую зеленую бабочку. Он мельком взгляделся в сидящего на водительском сиденье мужчину и, хоть тот склонил голову к рулю, узнал человека-бабочку.

Поглощенный собственными тревогами, Ури тотчас же забыл этот эпизод и почти бегом устремился через школьную спортплощадку, сокращая дорогу к зданию почты. Как и вчера, он поспел к самому открытию, но на этот раз почтовая девочка появилась только в четверть четвертого. В свое оправдание она сообщила рассерженной толпе ожидающих какую-то новость, которая привела остальных в страшное волнение, но осталась непонятной для Ури. Девочка поспешно отперла дверь и Ури, воспользовавшись царящим в толпе возбуждением, умудрился проскользнуть за ней первым. Положив на стойку коричневый конверт, в нарушение запретов Меира адресованный на почтовый ящик в Вормсе, Ури спросил девочку, что же такое она сейчас рассказала — он, к сожалению, не расслышал. Хлопая печатью по конверту, девочка подняла на него полные восторга и ужаса глаза:

— Там, в парке, солдаты нечаянно застрелили какую-то женщину.

— Чьи солдаты, наши или французы? — деловито осведомился стоящий в очереди за Ури старичок. Но Ури не стал ждать ответа.

— Какую женщину? — с трудом выдавил он из себя, почему-то сразу уверясь, что речь идет о матери.

— Случайную прохожую, не из местных.

Ну конечно, это мать! Не помня себя, Ури метнулся было к выходу, однако почтовая девочка остановила его:

— Вы не заплатили, мистер.

Ури сунул руку в карман, пытаясь выудить оттуда мелочь, но монеты выскальзывали из его трясущихся пальцев, так что он в конце концов швырнул на стойку бумажку в пять фунтов и бросился вон.

— Ваша сдача, мистер! — закричали ему вслед сердитые голоса, но он даже не обернулся.

Ури бежал по улице, не твердо зная, куда и зачем бежит. Образ окровавленной матери, упавшей, раскинув руки, на холеный английский газон, странно сливался в его сознании с хрупким обликом зеленой бабочки, которую она получила вчера в подарок от Карла. «Черная метка», — выплыло откуда-то из полузабытых закоулков детского чтения.

Однако, когда он добрался до конца улицы, пульсация крови в висках слегка поутихла и сошедшие с рельсов мысли начали постепенно возвращаться в рамки естественной логики. С чего он взял, что убитая женщина — его мать? Только потому, что она на его глазах ушла в парк рука об руку с Карлом? А зачем, собственно, Карлу ее убивать? Да и Карл ли он? Может, он и впрямь тот, за кого себя выдает — скромный архивариус, ни разу не покидавший пределы Чехословакии?

Ури перемахнул через забор школьной спортплощадки, прислонился к футбольным воротам и, утирая пот со лба, приказал себе успокоиться. Сердце уже не колотилось так отчаянно, позволяя глазам лучше видеть и ушам лучше слышать. Вокруг расстилалась изумрудная благодать погожего английского дня, шелестели листвою тополя, в ветвях щебетали птицы, в траве стрекотали кузнечики. Где-то близко, на миг нарушая эту мирную летнюю симфонию, хлопнула дверца и заурчал мотор отъезжающей машины. Когда Ури припустил в сторону парка, он увидел удаляющийся белый пикап. Рядом с головой бабочника на фоне ветрового стекла чуть покачивалась еще одна голова в белой теннисной шапочке.

У ворот парка беспорядочный поток выходящих завихрялся мелкими струйками, прорываясь сквозь целенаправленный поток входящих. Внутри за воротами среди пивных киосков и палаток со снедью колыхалась яркая праздничная

толпа, которой было явно невдомек, что где-то рядом какие-то солдаты застрелили какую-то женщину. Ури нерешительно побродил в толпе, пока не сообразил, что разумней всего пойти в павильон жюри и найти Меира, — тот, конечно, должен уже знать, если и впрямь что-нибудь случилось.

Не успел он пробежать и ста метров по обсаженной сиренью аллейке, как еще издали увидел мать, слава Богу, живую и здоровую. Облокотясь о тележку для гольфа, она стояла на противоположном краю пересекающего парк оврага, оживленно обсуждая что-то с сидящей в тележке миссис Муррей и суетящимся вокруг них отцом Георгием. Радостно устремившись к ним, Ури, готовый в эту минуту полобить всякого, кто попадется ему на глаза, с благожелательной усмешкой наблюдал, как при каждом слове красноречиво вздымаются вверх руки неутомного священника. И только подойдя к ним почти вплотную, он заметил что-то неладное.

Мать явно была не в себе и голос ее звучал скорей истерично, чем возбужденно. А миссис Муррей вовсе не участвовала в разговоре, — она застыла в странно неестественной позе на откинутой назад спинке сиденья. Только отец Георгий был полон энергии, как обычно.

— Садитесь обратно за руль, красавица, — решительно командовал он, не замечая Ури, — и тащите эту проклятую тележку на ту сторону...

Зато Клара сразу заметила Ури и, бросилась к нему, не дослушав речь священника:

— Нас заставили ехать в обход, — выкрикнула она на иврите.

На это Ури, уже вполне владея собой, вежливо отозвался по-английски:

— Простите, что вы сказали?

— Ури! — крик Клары взлетел вверх на такой высокой ноте, что кто-то из идущих мимо заинтересованно оглянулся.

— Ули, — вежливо поправил ее Ури, — Я могу вам чем-то помочь?

— Никто уже не может помочь, — Клара внезапно перешла на шепот, теперь уже по-немецки. — Я боюсь, что она умерла.

— Гутен морген, гутен таг, — вмешался отец Георгий. — Говорите по-английски, если не можете по-румынски.

Клара послушно перешла на английский:

— Ян побежал за врачом... Он сказал, чтобы мы везли ее к воротам, он нас встретит по пути. Но его до сих пор нет...

— Возможно, мы разминувшись, — ворвался, наконец, в разговор отец Георгий. — Солдаты не пропустили нас через поле возле Ватерлоо и нам пришлось ехать в обход. Вот мы и оказались здесь.

— Вы кому-нибудь сообщили? — постепенно осознавая происходящее, спросил Ури.

— Мы пытались объяснить солдатам, что случилось, но там так громко стреляли пушки...

Сзади, от ворот, донеслась сирена скорой помощи.

— Скорая помощь — облегченно выдохнула Клара. — Наверно, Ян послал.

Пока скорая помощь искала удобное место для переправы через овраг, Ури уточнил:

— Значит, Ян был с вами, когда это случилось?

— Ну да, только никто сперва ничего не заметил. Мы все были так захвачены битвой... И она тоже...

— Это я первый заметил пятно у нее на блузке, — похвастался отец Георгий. Но Ури его уже не слушал. Он вдруг с ясностью очевидца понял, что произошло. Он сделал шаг к тележке и легким движением отвернул воротник миссис Муррей. Цепочки с ключом на ее шее не было! Значит, Ури правильно вычислил Яна и тот клюнул на его приманку. Теперь главное было не перехитрить самого себя.

Тем временем машина скорой помощи вынырнула, наконец, из обрамляющего овраг кустарника и резко затормозила перед тележкой. Из нее выскочили два санитар с носилками и устремились к миссис Муррей. Внезапно невесть откуда образовалась разношерстная толпа любопытных и стала окружать их маленькую группу все туже сжимающимся кольцом. Ури жестко взял мать за локоть:

— Быстро пошли отсюда!

Она уставилась на него плохо сфокусированными глазами:

— Но я ведь свидетельница, я не могу так вот взять и уйти!

— Можешь — никто сейчас тобой не интересуется.

И правда, все внимание толпы сосредоточилось на отце Георгии, который, вдохновленный многочисленной ауди-

торией, принялся на ломанном английском горячо описывать происшедшую у него на глазах трагедию.

— Но я все равно должна дать показания, — запротестовала Клара, нехотя подчиняясь воле сына, — ведь я была рядом с ней, когда это случилось.

Непреклонно выводя слабо упирающуюся мать из толпы, Ури указал на красноречиво взлетающие полы вышитой жилетки священника.

— Отец Георгий им расскажет это лучше тебя. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя прямо из парка потащили в полицию?

Клара вдруг сникла и уже не сопротивлялась, когда они, выбравшись из оврага, быстрым шагом направились к выходу из парка. Ладонь ее, вялым комочком притаившись в ладони сына, начала дрожать мелкой дрожью, которая разбежалась по всему телу и сразу за воротами выплеснулась из ее горла приступом судорожной рвоты. После рвоты она совсем обессилела и беспомощно повисла на руке Ури.

До библиотеки осталось всего несколько шагов и, хоть Ури было безумно ее жалко, но он должен был задать ей этот неотступно преследующий его вопрос:

— Скажи, ты ведь была знакома с Яном раньше, правда?

Рука ее затрепетала в его ладони, но не стала гневно вырываться:

— Почему ты так решил?

— Потому что я присутствовал при вашей встрече здесь, у ворот, помнишь?

— Еще бы мне не помнить! Я должна была делать вид, что вижу тебя первый раз в жизни.

— И его тоже?

— И его тоже. Но ты не выдавай меня, ладно?

И хоть Ури предвидел это признание, у него перехватило горло от той бездны, которая за ним открывалась.

— Не знаю, удастся ли. Если б ты только знала, что ты натворила!

Тут мать, наконец, на мгновение стала самой собой. Она вырвала у сына руку и направила на него всю гневную мощь своих глаз:

— Что ж, если тебе не терпится меня погубить, делай, как знаешь!

И зашагала от него прочь, — откуда только силы взялись? Ури и не подумал ее отпускать, он поспешил за ней,

складывая в уме окончательный вариант обвинения. Но как он мог наспех объяснить ей весь ужас коварства и предательства, который должен выявиться при распутывании этого клубка? Как он мог защитить ее от стыда и раскаяния, поджидающих за первым же поворотом дороги, по которой она обречена теперь идти до конца, хочет того Ури или не хочет? И, разрываясь между жалостью и желанием наказать, он сказал ее гордо выпрямленной спине:

— Я хочу, чтобы ты знала: Ян Войтек — вымышленное имя. Его настоящее имя Гюнтер фон Корф. Я надеюсь, ты помнишь, кто это?

Мать остановилась так внезапно, что он налетел на нее сзади. Не оборачиваясь, она процедила сквозь зубы на иврите:

— Кто сочинил эту ложь, ты или Меир?

Он ответил тоже на иврите. Все равно, их никто не слышал, да и принц уже уехал:

— При чем тут Меир? Он еще ничего не знает.

— Чего именно он не знает, что знаешь ты?

Ури было трудно вынести неприкрытую враждебность, прозвучавшую в ее голосе:

— Я знаю, что твой возлюбленный украл цепочку с шеи убитой миссис Муррей.

— Значит, знаменитый Гюнтер фон Корф дошел до того, что ворует золотые цепочки у старых дам?

— На ней висел ключ от тайной двери в хранилище, через которую ходил принц.

С этими словами Ури сорвался с места и, оставив ошарашенную мать посреди тротуара, помчался в библиотеку. До него самого вдруг дошел полный, неприкрашенный смысл того, что он сказал. Вихрем пролетев по безлюдной галерее, он ворвался в читальный зал. Там тоже было безлюдно и тихо. На первом этаже горели только две лампы — одна над пустым столом Брайана, другая над головой мирно дремавшей Лу Хиггинс.

Быстро просчитав возможные варианты столкновения с Карлом, он тряхнул Лу за плечо:

— Лу, проснитесь ради Бога. У вас есть оружие?

Лу открыла мутные со сна глаза и изумленно уставилась на Ури, пытаясь сообразить, где она и кто он.

— Какое оружие? — хриплым голосом спросила она.

— Желательно огнестрельное.

— Зачем оно вам?

— Есть опасность, что кто-то проник из аннекса в хранилище через потайную дверь.

— Ну и проник, так что? Принц-то уже уехал.

— Я подозреваю, что он отправился туда за кинокамерой, которую спрятал там раньше.

Лу недоверчиво покачала головой:

— Он что, сам вам об этом сообщил?

— Хватит выяснять, — вспыхнул Ури, — вынимайте пистолет и идите со мной, а то будет поздно.

И не дожидаясь, пока она поднимется, пошел к столу Брайана. На столе стояла коробка с ключами. Ури открыл крышку. Все ключи мирно лежали в бархатных гнездах.

Он вынул один ключ и спросил подошедшую Лу:

— А где Брайан?

— Понятия не имею, — пожала та плечами. — Сквозь сон я слышала какие-то голоса, потом шаги. Может, он в аннексе?

Дверь распахнулась и в читальный зал влетела запыхавшаяся Клара. Увидев, что Ури и Лу направляются к аннексу, она молча устремилась за ними, но у самой двери не удержалась и прошептала по-немецки:

— Так она тоже из наших?

В ответ на что Лу сердито заметила:

— Скажите своей маме, что в такой ситуации лучше разговаривать по-английски.

Клара ахнула, виновато закивала и, уже входя в аннекс, пробормотала на иврите:

— Простите ради Бога! Вы, конечно, правы.

«Господи, она совсем потеряла голову!» — отстранено подумал Ури, внимательно оглядывая пустой и тихий аннекс, где во всех плафонах горел почему-то яркий свет.

— Почему горит свет, если тут нет ни души? — удивилась Лу.

— Может, кто-нибудь есть в одном из открытых зазоров? — неуверенно предположила Клара.

— Исключено, все ключи в коробке, — задумчиво ответил Ури и, расстегнув ворот рубахи, снял с шеи цепочку с ключиком-брелоком, на который Клара уставилась расширившимися от ужаса глазами:

— Точно такой я видела на шее миссис Муррей!

— Когда? — спросил Ури и наклонился, пытаясь кончиками пальцев нащупать замочную скважину.

— Позавчера, в лощине, когда ей за шиворот заползла гусеница.

Ури никак не мог отыскать крошечную дырочку в панели.

— И что же стало с гусеницей?

— В конце концов Ян сунул руку под рубаху миссис Муррей и вытащил ее.

— Он тоже видел цепочку?

— Не знаю. Скорей всего да. — Клара вдруг страшно испугалась собственных слов.

— Но сегодня цепочки у нее на шее не было, — уточнил Ури, продолжая поиски.

Тут ключик, наконец, ткнулся в скважину и полка начала медленно отползать влево.

— Может, она просто сегодня ее не... — начала было Клара, следя глазами за отползающей полкой, но вдруг лицо ее исказилось и изг орла вырвался какой-то птичий клекот.

Судорожно пытаясь втянуть в легкие воздух, она тыкала пальцем куда-то вниз, в открывшийся глазам отороченный книжными корешками коридорчик. Там на правой нижней полке, свернувшись калачиком, лежала фигура, слишком неподвижная, чтобы ее можно было принять за человеческую. Однако она была и не восковая, а скорей тряпичная, — руки вяло свисали вниз, на неестественно уткнувшейся носом в грудную клетку голове курчавился легкий, тронутый сединой пушок.

— Брайан! — недоверчиво прошептала Лу.

— Он... он живой? — еле слышно спросила Клара. Судя по выражению ее глаз, она уже знала ответ и потому, когда Ури протянул руку к странно свернутой на бок шее Брайана, она пронзительно взвизгнула:

— Не прикасайся!

Однако Ури не послушался. Он попытался вернуть голову Брайана в нормальное положение, она качнулась и безвольно свесилась вниз, как голова тряпичной куклы.

— Безнадежно. Шея сломана. Значит, он уже здесь побывал.

Маскировочная полка была отодвинута в сторону и не закрывала ведущий в хранилище переход. Ури вынул пис-

толет из руки Лу, она отдала его без возражений, ее мысли были заняты другим:

— Кто мог это сделать?

— Тот, кто убил миссис Муррей, чтобы снять с нее цепочку с ключом, — сказал Ури, через три ступеньки сбегая по лестнице в нижний коридор.

Лу догнала его внизу и вцепилась ногтями в его плечо, — у нее начиналась истерика:

— Миссис Муррей убили? Кто убил? Зачем?

Ури осторожно стяхнул ее пальцы и потянул на себя дверь хранилища, — она не была заперта.

— Я же сказал: чтобы снять с ее шеи цепочку с ключом.

Пока он бегло осматривал хранилище, чтобы убедиться, что там никого нет, сверху спустилась Клара и остановилась на пороге:

— Он не мог ее убить! — объявила она твердо и трезво, словно очнулась после обморока.

— Кто это он? — выдохнула Лу, но Клара не ответила.

— Он все время стоял у нее за спиной, а ее убили пулей в грудь.

— Какой пулей? — не поняла Лу.

— Из мушкета. Мы спустились к реке, чтобы следить за битвой между французами и англичанами, в которой должен был погибнуть местный...

Тут Клара внезапно осеклась, пару секунд постояла молча, а потом стала повторять, как испорченная пластинка: «погибнуть местный... погибнуть местный... погибнуть местный...». Казалось, что рот ее произносит слова по инерции в то время, как мысль блуждает в других, очень отдаленных пространствах. Из этих блужданий Клара вернулась к ним совсем другой женщиной. Не новой, сказал бы Ури, если бы у него был случай что-нибудь сказать, а напротив, привычной, хорошо ему знакомой, умной, жесткой и пронизательной. В ней только погасла трепетно горящая все эти дни свеча, да вокруг губ и глаз проступили мелкие морщинки.

— Старуху убил человек-бабочка, — произнесла она спокойно, пожалуй, даже слишком спокойно для такого утверждения.

— При чем тут человек-бабочка? — по глазам Лу было видно, что она совсем потеряла нить.

— Он записался во французскую армию...

— Вы не хотите сказать, что солдаты французской армии...
Но Клара не дослушала вопроса Лу.

— Это он позвал нас к реке. Он сам нас туда привел и указал точное место, куда поставить тележку, чтобы, как он сказал, героически погибнуть при свидетелях. Французские солдаты шли на нас по противоположному берегу и стреляли, стреляли, стреляли, даже когда англичане на лодках переправились через речку...

— Зачем ему понадобилось ее убивать? — взвизгнула Лу.

Клара медленно перевела на нее погасший, словно при-
сыпанный пеплом взгляд:

— Я думаю, он его попросил...

— Кто кого попросил?

— Вчера в кабачке, когда я вышла, чтобы... — Клара замялась, — ну, когда я вышла в туалет, я услышала голоса наверху. Его голос. Он сказал: «Вы получите все до последнего гроша» или что-то в этом роде. Я подумала, что это за бабочку.

Торопливо заглядывая в шкафы и под полки, Ури вдруг вспомнил, как резко побледнел бабочник, когда в их первый приход в кабачок Ян спросил его про жареных бабочек. Чего он так испугался? Не был ли это пароль? Поток мыслей Ури был прерван истерическим выкриком Лу:

— Мне скажут, наконец, кто это «он»?

Ури как раз закончил безрезультатный осмотр хранилища и, возвратясь к двери, заметил, как судорожно дернулся рот матери, не в силах произнести это имя. Он сжался над ней:

— Это Ян Войтек, — коротко пояснил он. — Он был здесь и ушел.

— Ян Войтек? Он убил Брайана? Зачем?

— Я объясню вам потом. А сейчас нужно срочно сообщить, где его искать. Если мы его не найдем, вся операция будет сорвана. Он завалит принца.

— Но что мы можем?

— Постарайтесь представить себе, какой способ бегства он мог выбрать.

— Машина, поезд, моторная лодка, — начала загибать пальцы Лу. — От Честера до Ирландии рукой подать.

Кажется, поставленная перед ней ясная практическая задача помогала ей вернуть душевное равновесие.

— Моторная лодка, самолет, — продолжил перечень Ури. И перед его внутренним взором возникла зеленая излучина переулка за церковной стеной, а в излучине нагруженный картонными коробками белый пикап. Куда направлялся бабочник, если мать права? Кого он поджидал, притаившись под церковной стеной. Уж не Карла ли? Ведь в отъезжающем пикапе Ури померещились две головы.

— Самолет, — повторил он, напряженно вслушиваясь в звучание этого слова. Что-то вертелось на окраине памяти, какая-то связь между бабочником и самолетом. Вот оно, совсем близко, еще усилие, еще рывок!

— ...аэропорт, аэродром, аэроклуб...

Из лилового облака, заставшего его память, выскользнула серебристая бабочка и стала пикировать на него сверху. Она проворно спустилась на землю и прокатилась полсотни метров по прямой, как линейка, асфальтовой полосе, пересекающей по центру просторный зеленый луг. Из окошечка над ее распростертыми крыльями ухмылялось выдавшее виды лицо человека-бабочки: «Раз я бабочка, мне положено летать».

— Они поехали в аэроклуб! Лу, вы помните, мы видели, как он приземлялся? — не утруждая себя объяснением, кто это «он», решительно заключил Ури и, сунув пистолет в карман, направился к выходу.

— Пожалуйста, Лу, немедленно сообщите обо всем Меиру!

— А вы куда? — спросила Лу, наступая ему на пятки.

— Я же вам сказал — в аэроклуб.

— Пешком, что ли?

— Я побегу. Бегом туда не больше двадцати минут.

— А они, конечно, будут вежливо ждать, пока вы добегите!

Они вышли в зазор между полками и двинулись дальше, стараясь не смотреть на свисающую вниз тряпичную голову Брайана.

— Может, лучше запереть? — с преувеличенной деловитостью предложила Лу, явно стараясь компенсировать свой недавний истерический взрыв.

Ури бросил ей цепочку с ключом:

— Делайте, что хотите, только поскорей! Чтоб закрыть, нужно нажать кнопку под плинтусом.

К счастью, Лу еще не успела сдвинуть полки, когда из темного зева подземной лестницы выскочила забытая ими Клара:

— Вы что, решили оставить меня здесь?

— Быстрее выходи! — крикнул ей Ури, устремляясь к двери, и вдруг вспомнил. — Да, Лу, уберите со стола Брайана коробку с ключами, чтоб никто сюда не вошел!

— Подождите, — остановила его Лу и бросила к его ногам связку ключей. — Вот вам ключи от машины Джерри, голубой «Форд», номер на бирке.

— У Джерри есть машина? — удивился Ури, подбирая ключи. — Я и не знал.

— Где вы видели американского профессора, который приезжает в провинцию без машины?

Лу опустила на колени в поисках кнопки, запирающей зазор:

— И не очень зарывайтесь. Похоже, они оба профессиональные убийцы.

— А я, по-вашему, ангел мира? — засмеялся Ури и вышел из аннекса.

Быстрым шагом поднимаясь по лестнице, он услышал, как внизу хлопнула дверь и задыхающийся голос матери произнес:

— Я с тобой.

— Ты понимаешь, что это опасно?

— Тем более, если это опасно.

Ури промолчал и она приняла его молчание за знак согласия. Они молча вышли на стоянку, молча отыскивали голубой «Форд» и тронулись в путь. Когда они на предельной скорости мчались между живыми изгородями по узкому проулку, Клара все же не выдержала и нарушила молчание:

— Значит, ты думаешь, он затеял со мной роман только для того, чтобы я привела его сюда?

— А ты как думаешь?

Он хорошо знал свою мать. У нее была редкая способность к точному анализу любой ситуации, за то ей и поручили такое важное дело. Она закусила губы, но сдержалась, и он, как обычно, сжалился над ней:

— Однако я бы не удивился, если бы узнал, что ты ему действительно нравишься. Одно другого не исключает.

При этом он подумал об Инге, — он не сомневался, что и она действительно нравилась Карлу. Он почувствовал, как

все его тело наливается холодным бешенством, предшествующим смертоносной атаке. Не подозревая о переполнявшей его ненависти, мать глубоко вдохнула воздух и спросила:

— А как ты узнал, кто он?

Если бы Ури мог сознаться, как он это узнал!

— Долго рассказывать. Случайное стечение обстоятельств.

— И все же расскажи, — взмолилась она. — Ты понимаешь, как мне это важно?

— Это не просто, — осторожно начал Ури. — Ко мне случайно попал его давний дневник, и я узнал его по некоторым высказываниям...

Прямо над ними выпорхнула в небо большая серебристая бабочка и, чуть подрагивая крыльями, пошла набирать высоту. Сделав грациозный вираж над деревьями, она круто взмыла почти под самые облака и стала быстро удаляться, постепенно сливаясь с белесой голубизной северного неба.

— Упустили, черт побери! — крикнул Ури и еще сильнее нажал на газ, хотя спешить вроде было уже некуда.

— А может, это вовсе не они? — робко предположила Клара.

Тут проулок, наконец, расступился и вывел их на асфальтовое шоссе, за которым расстилался просторный, обнесенный штакетником луг, замыкающийся коротким рядом маленьких, на вид игрушечных, самолетиков. Ури выехал на луг и резко затормозил возле второго слева, под фюзеляжем которого копошилась фигура в рабочем комбинезоне.

— Простите, мистер, у нас была назначена встреча с местным кабатчиком, но мы чуть опоздали...

— Это с ирландцем, что ли? — кряжистый парень в комбинезоне откликнулся с таким валлийским акцентом, что о смысле его слов можно было только догадываться. — Они взлетели минут пять назад, вы разве не видели? И все коробки с собой взяли.

— Кто это «они»? Он был не один?

— Не, с ним еще какой-то, в шапочке. Не из наших.

— И когда они собирались вернуться?

Прежде, чем ответить, парень долго вытирал руки грязным махровым полотенцем:

— Ничего не сказали. Но раз коробки забрали, значит, нескоро.

— Ну все! Удрал! — Ури с силой ударил кулаком по рулю. — И фотошленку увез с собой. Вопрос — куда?

— И далеко такой самолет может добраться? — вступила в разговор Клара.

— Без заправки? — деловито уточнил парень. — До юга Англии, до центра Ирландии или через Ламанш во Францию.

— А куда они курс взяли, не знаете?

— Они ничего не говорили, но судя по углу взлета, скорей всего потянули в сторону Франции.

Ури выскочил из машины и ничком рухнул на землю, зарывая лицо в пушистую зелень луга. Чтобы не застонать вслух, он набрал полный рот травы. Она пахла чем-то горьковато-зеленым — можно ли сказать такое о запахе? Было невыносимо сознавать, что все происшедшее его вина. Зачем ему понадобилась эта дурацкая рискованная затея с красной тетрадью, в результате которой он ничего не достиг, а только вынудил Карла на крайние меры? Если бы не его опрометчивый шаг, и миссис Муррей, и Брайан были бы сейчас живы. А главное, Карл все равно вышел победителем и улетел с пленкой в кармане.

— Не волнуйся так, — голосом, полным фальшивой бодрости, попыталась утешить его Клара. — Меир наверняка уже принял меры и их ждут кордоны на всех полицейских постах Европы.

— И в небе тоже?

— Ты же слышал, через пару часов они будут вынуждены приземлиться. Там их и схватят.

Черта с два их схватят, если Ури не примет участие в погоне! Он прикрыл глаза, представляя себе сложно-согласованную работу «змеиных мозгов» Карла, как назвала их однажды Инге. После внимательного чтения его дневника Ури ощущал, что неплохо знает этого человека. Не столько понимает, — о каком понимании тут могла идти речь? — сколько чувствует. В этих чувствах, не имеющих ничего общего с простым сочувствием, не было, конечно, никакого родства душ, но было некое проникновение под кожу другого, тем более, что кожа оказалась на удивление тонкой. Под этой тонкой кожей нервы воспалялись, как у других людей, и так же завихрялись смерчи привязанностей и антипатий.

Куда бы, будь он Карлом и опасаясь, что его уже поджидают на всех полицейских постах Европы, он направил свой

самолет-бабочку, обреченный через пару часов исчерпать весь запас горючего? В южную Англию? Исключается, там сразу схватят. В Ирландию, к братьям по оружию? Наиболее вероятно, но именно потому неприемлемо для Карла, всегда предпочитающего неожиданные решения. Значит, во Францию? А что, если не во Францию, а в пограничную с ней часть Германии? Это салют-мортале в самый раз для такого рискованного игрока, как Карл, ведь там у него море преимуществ, — язык, давние привязанности, старые связи... О Боже!

Ури вскочил, словно его вышвырнула земля. Он вдруг осознал, на кого может рассчитывать Карл, в каком глухом уголке Германии он может искать убежища! Ведь он уже прятался там после побега из тюрьмы, и неплохо прятался, с большим комфортом. Может, и по сей день прятался бы, если бы не Отто. А теперь, когда Отто нет в живых... Впрочем, этого он, пожалуй, не знает. А хоть и не знает, что с того? Чем опасен такому, как Карл, старый инвалид, которого при желании всегда можно обмануть или прикончить?

Ури подошел к парню в комбине зоне. Тот закончил свою работу и аккуратно упаковывал инструменты.

— Скажите, ваш самолет тоже может долететь до Франции?

Прежде, чем ответить, парень тщательно протер кусочком замши какие-то замысловатые пассатижи, а потом критически оглядел свой летательный аппарат. Не найдя в нем никаких видимых дефектов, он пожал плечами:

— А чем мой хуже других?

Ури согласно кивнул и без обиняков перешел к делу:

— За какие деньги вы бы взялись подбросить меня туда?

Парень недоверчиво уставился на Ури:

— Во Францию?

— Ну да, — кивнул Ури. — Через Ламанш.

— А зачем? Туда из Честера самолеты летают.

— Мне надо срочно. Раз я здесь опоздал...

Ури неопределенно замолк, выжидая. За два года работы с немецкими мастерами он успел хорошо изучить этот тип, медлительный, расчетливый и надежный.

— Ну, если срочно, — как бы уступил парень, делая у него нехитрую калькуляцию. — За тысячу фунтов мог бы.

«Тысяча фунтов!» — мысленно ахнул Ури. Таких денег у него не было, он от силы мог наскрести фунтов триста, не

больше. И тут он вспомнил про Клару, которая, не сказав за все это время ни слова, затаилась в тени за дверцей «Форда».

— Мам, — крикнул он ей на иврите, все равно, терять было нечего, — у тебя деньги есть?

— А сколько тебе надо?

— Все, что есть, — ответил он, подходя к машине.

Она сунула руку в сумочку и протянула ему пачку банкнотов.

— Вот, держи. Я думаю, тут фунтов четыреста.

Ури сложил обе пачки — свою и ее, — вышло семьсот тридцать два фунта. К ним он добавил пятьсот марок, которые Инге сунула ему в карман перед отъездом, — на всякий случай, — и направился к летчику, невозмутимо наблюдавшему за этой сценой.

— Тут примерно девятьсот. Все, что у меня есть. Так как же?

Летчик спокойно взял деньги и начал медленно их считать. При виде марок он на миг застыл, что-то обдумывая, потом присоединил их к общей кассе:

— Вместе с немецкими выходит восемьсот восемьдесят. Она тоже полетит? — он кивнул в сторону Клары.

— Нет, я один.

— Маловато, конечно. Но если вы один и вам срочно, садитесь — подброшу. Я как раз только что заправился.

И стал подниматься в кабину. Ури метнулся к матери.

— Я полечу с ним. А ты поскорей возвращайся в библиотеку и доложи обо всем Меиру.

Она молча кивнула и принялась отстегивать ремень, чтобы пересесть на шоферское место. Его удивило, как безучастно она отнеслась к тому, что он улетает. Она даже не поинтересовалась, куда. Но ему сейчас было не до нее. Им все сильнее овладевал страх за Инге.

Он влез в кабину, пристегнулся и крикнул летчику:

— Готово!

Тот показал ему пальцем на шлем с переговорными наушниками и склонился к приборной доске. Самолет мелко задрожал и, быстро набирая скорость, помчался по асфальтовой полосе. Уже в воздухе, глядя на убегающие от него все дальше вниз верхушки деревьев и крыши домов, Ури услышал в наушниках легкий треск:

— Я — Джимми. А вас как зовут?

Как его зовут, как в паспорте или по правде? Все же лучше как в паспорте:

— Ульрих.

— Так куда мы держим курс, Ульрих?

— Куда-нибудь поближе к немецкой границе, в сторону Страсбурга.

— Понял. Я постараюсь дотянуть, если хватит бензина. Но, может, придется приземлиться раньше.

Ури был согласен на все, лишь бы приблизиться к Инге. Земля отплывала все дальше, домики становились все меньше. Мимо потекли какие-то полупрозрачные дымчатые струи, они завихрились вокруг крыльев, всплывали вверх и, истончаясь, сменялись другими, такими же нежными и летучими.

Мерное покачивание на упругой воздушной подушке, отделяющей самолетот земли, странным образом пригасило невыносимую душевную боль, причиненную сознанием собственных ошибок. Эта боль, отхлынув, освобождала мудрые, до того заглушенные ею сомнения, — а был ли у Карла другой вариант? Действительно ли такую роковую роль сыграла подброшенная на рояль красная тетрадь? Стал ли бы без нее такой опытный человек, как Карл, дожидаться, пока сотрудники Меира прочешут хранилище и найдут там его камеру?

Земля с ее домами, садами и дорогами оборвалась бледно-желтой полосой, окаймляющей край голубого водного простора. Душа Ури, погруженная в трепетную голубизну неба, сливающуюся на горизонте с отполированной до блеска голубизной моря, сконцентрировалась в одной единственной точке — Инге, Инге, Инге!

КЛАРА

Все было кончено. Клара сидела, бессмысленно глядя на свои руки, зачем-то сжимающие руль чужой машины, торчащий перед ней не с той стороны, с какой должен торчать нормальный руль. На этой машине она должна ехать к Меиру, чтобы обо всем ему доложить. Но если даже забыть о том, что она понятия не имеет, как управлять машиной, руль которой торчит с противоположной стороны, нерешенным оставался главный вопрос — о чем докладывать Меиру?

О том, что Ян вовсе не Ян? Но об этом уже наверняка доложила Лу Хиггинс, со вкусом доложила, со злорадством, можно не сомневаться. Так о чем же еще докладывать? О том, как она, дура старая, растеклась перед Яном, как масло по ковру? О том, как она прожила эти месяцы — в трепетном ожидании, в невыносимом предвкушении? О том, как Ян смотрел на нее при встрече, и как все это оказалось ложью?

О да, Меир будет счастлив узнать, что все это оказалось ложью. Он мог бы даже торжествовать по этому поводу, если бы главный удар не был нанесен по нему. Она, конечно, не расскажет, что познакомилась с Яном еще раньше, в Израиле, и что дала ему адрес библиотеки. Но он все равно об этом узнает. Толковые мальчишки из его ведомства отыщут в компьютере аэропорта Бен-Гурион следы высокого седого иностранца, под каким бы именем он ни прилетал.

Не найдя ответа в созерцании своих рук, Клара нажала на газ и выехала на неширокое шоссе, по которому редкий поток машин, словно в зеркальном отражении, скользил в направлении, противном здравому смыслу. Все же Кларе удалось сосредоточиться и вывести «Форд» налево, невзирая на то, что руки сами выворачивали вправо.

Когда она ехала по окаймленному сиренью проулку, ведущему к библиотеке, в пустынной тишине которого порхали полускрытые листвой солнечные зайчики, до нее, наконец, дошел абсолютный смысл слова «никогда». Никогда больше не будет Яна, никогда не будет. Никогда не будет памяти о нем, не будет мысли о нем, не будет его самого. Потому что его никогда не было. Никогда. Было нечто неуловимое, вроде этих солнечных зайчиков, которые наполняют воздух своим незримым присутствием. А теперь и этого больше не будет. Никогда.

Это понимание предстало перед ее мысленным взором с такой отчетливостью, что вся ее будущая жизнь простерлась бесплодной пустыней, сожженной ослепительным светом. Из этой пустыни вдруг выскочил ревуший красный предмет, который стремительно заполнил все пространство между Кларой и небом. Рука ее автоматически крунула руль, отчего машину рвануло куда-то вбок, прямо на суровую каменную кладку кладбищенской стены.

«...и объяснять ничего не надо...» — успела подумать она.

ЧАСТЬ V

**ДОРОГА
НА
СИРИУС**

КАРЛ

Пестро-зеленая, вращающаяся под крылом панорама северного Уэльса начала стремительно уменьшаться в размере, пока не превратилась в мелкомасштабную карту из школьного учебника географии. Еще минута, и карту заволокло пенистым маревом облаков, за которым сделались неразличимы отдельные детали наспех покинутого мира. И стало ослабевать давление холодного обруча страха, стиснувшего его грудь с того мгновения, как он увидел на рояле свою красную тетрадь.

Он откинулся на спинку сиденья и постарался распрямить ноги, но кабинка самолета не была рассчитана на его рост, так что пришлось смириться с той позой, которую она могла предоставить. Может быть, именно из-за этой неловкой позы никак не наступал тот долгожданный момент освобождения, когда избыточный адреналин, стирая границу между страданием и блаженством, согревает кровь до колотья в кончиках пальцев.

Но сейчас кончики пальцев заledenели до онемения, и согреть их не удавалось ни теплым дыханием, ни быстрыми рывками «сжать-разжать! сжать-разжать!», которым его обучили в тренировочном лагере в Ливане. Впрочем, это, пожалуй, было даже к лучшему. Ведь он точно знал, что будет, если к пальцам вернется чувствительность — снова хрустнет под нажимом его рук тонкая шея и задергается, обмякая, хрупкое тело Брайана. Маленькие детские ладошки, маленькие ножки в детских полуботинках... Стоп, хватит, не заходитьсь!

Сворачивать шею одним рывком — по спирали вниз — его тоже обучили в тренировочном лагере, где он провел целый год после бегства из замка. Но там он практиковался на муляжах из синтетической резины, которая не дергалась и не хрустела, как ее ни закручивай — хоть по часовой стрелке, хоть против. Не то, что шея Брайана... Онемевшие пальцы внезапно ожили, автоматически повторяя вращательное движение по спирали вниз... Маленькие детские ладошки, маленькие ножки в детских полуботинках, маленькая, увенчанная седеющим пушком головка... Левая рука снова крутнула воображаемую шею по спирали вниз, правая навстречу ей — по спирали вверх. Хватит, стоп! Пора взять себя в руки!

Он закрыл глаза и постарался избавиться от мерзкого ощущения дергающейся под пальцами хрупкой шеи. Лучше всего попытаться заместить ее резиновым муляжем, обряженным в израильскую военную форму, — их было полно там, во дворе старой турецкой крепости, приютившейся на склоне лесистого ущелья реки Литани. Впрочем, назвать эти разрозненные группки хвойных деревьев лесом можно было лишь формально, — подлеска там не было, вместо кустов торпорщились разнокалиберные валуны, вместо травы — каменные осколки. Так называемые курсанты разных национальностей — их было одиннадцать, неприкаянный сброд со всего света — размещались в двух дощатых бараках, приютившихся под арками полуразрушенной колоннады.

Он был среди них самый старый, и ему сначала даже нравилась тамошняя суровая муштра, — его тщеславию льстила легкость, с какой он овладевал жестокой системой смертоносных навыков. Однако удовольствие это быстро кончилось, когда его вызвали к оперативному начальнику лагеря для получения первого боевого задания. Суть, собственно, была не в самом задании, для выполнения которого потребовалось, правда, подавить привитую ему с детства брезгливость. Но черт с ней, с брезгливостью, — в его положении ее можно было бы списать как излишнюю роскошь. Суть была в чем-то другом. Может, в простецком скуластом лице оперативного начальника, — такие лица он часто встречал в детстве у солдат советской оккупационной армии в Дрездене. А, может, в его небрежной позе, локти врозь, сапоги вразвалку, — стоит ли сидеть навтыжку перед каким-то анонимным курсантом? Только при виде этой позы он, наконец, осознал свой зависимый статус — из Гюнтера фон Корфа он превратился в анонимного курсанта, в резиновый муляж для чьих-то тренировок.

Он мог бы, наверно, осознать это раньше, — еще до того, как тусклый взгляд оперативного начальника скользнул сквозь него, не отмечая деталей, — но какой-то защитный рефлекс не давал ему это сделать. И потому это открытие застигло его врасплох. Все же ему удалось не надерзить наглomu русскому солдафону, а, скрыв свою неприязнь, четко козырнуть и отправиться выполнять задание. И это, и следующее, и следующее, пока он не удостоился высокой чести сыграть коронную роль чешского профессора Яна Войтека.

Сквозь равномерный рокот мотора в сознание прорвался какой-то посторонний треск. Он огляделся в поисках источника: хрипели наушники, повисшие на гибком обруче у него за спиной, — он отбросил их назад вскоре после взлета и забыл вернуть на место. Поколебавшись пару секунд — ему уже успело надоест красноречие Патрика, — он все же надел наушники, чуть-чуть уменьшив громкость. Но это не помогло, голос у Патрика был зычный, он перекрывал даже рев мотора, и было ясно, что он говорит уже давно:

— ... я катился, катился, катился, как мешок с картошкой... Счастье, что ботфортом за куст зацепился, а то бы так в реку и плюхнулся! Качусь и думаю: попал в старуху или не попал? Попал или не попал? Да как же иначе, попал, конечно, я стрелок классный, напрасно ты сомневался. Сомневался ведь, а, Рыцарь? Знаю, что сомневался, знаю! И напрасно.

Патрик на миг затих, втягивая в легкие воздух, — в наушниках зашелестело, забулькало, заурчало. Потом выдохнул — заурчало еще громче, потом рявкнуло — отрыжка у него, что ли? — и стало тихо. Самолет накренился и начал забирать куда-то влево. В наушниках снова забулькало, но уже потише:

— Слышь, Рыцарь, а звать-то тебя как? А то все Рыцарь, да Рыцарь, это ж не имя, а так, кличка. Имя-то у тебя есть или нету?

Кодовое имя — Рыцарь — резануло своей напыщенной глупостью, как же он раньше не заметил? И еще острее резанул дурацкий вопрос, есть ли у него имя. Действительно, есть или нет? Столько их было, имен этих, кодовых и некодовых, деловых и романтических, для врагов и для девушек, что он привык отзываться на любое и меньше всего на свое собственное. На него он отзывался только в зале суда.

— «Ваше имя, подсудимый?»

— «Я же вам его уже сто раз называл».

— «Не пререкайтесь с судьей, подсудимый. Ваше имя?»

— «Гюнтер фон Корф».

— «Гюнтер фон Корф», — повторил судья, оборачиваясь к стенографистке.

«Гюнтер фон Корф,»- записала стенографистка.

Значит, его имя Гюнтер фон Корф? Но, конечно, не для этого ублюдка, который продолжает настойчиво допытываться

ваться, как зовут его спутника, его подельника, связанного с ним общим риском. Нужно срочно ответить — не стоит, болтаясь между небом и землей, портить отношения с пилотом. Так кто же он — Ян Войтек, кем только что представлялся и паспорт которого — вечная ему память! — он успел, изорвав в клочки, похоронить в сырой земле под кладбищенским забором? Или Вилли Вебер, паспорт которого — надеюсь, ненадолго, — сейчас лежит в его кармане?

Ни тот, ни другой.

— Рыцарь, а, Рыцарь! — вопили наушники. — Да не тяни ты с именем, придумывай скорей! Все равно ведь правду не скажешь!

Имен много, сочинить можно любое, только как бы потом не запутаться. Особенно сейчас, когда нервы на пределе. Уж лучше назваться какой-нибудь привычной кличкой, которую уже примерял, приросшей к коже, так сказать. Созревающий соблазн опять найти убежище у Инге сам подсказал ему имя.

— Карл, — сказал он в торчащий у подбородка микрофон. — Зови меня Карл.

Карл! Карл фон Гревниц, возлюбленный Инге Губертус? А, может, никакой не возлюбленный, а просто наемный работник на ее свиноферме, — но все равно, подсознание сработало складно, хоть он еще ничего не решил. Он все еще колебался — разумно ли повторять прошлое? Однако если не возвращаться на Ближний Восток, то деваться больше некуда. Идея эта зародилась уже давно. Иначе с чего бы он стал осторожно проверять по телефонной книге, как обстоят дела в замке «Губертус»? Инге все еще носит фамилию Губертус, — неужто все еще не вышла замуж? А вот старик Отто из книги исчез, значит, умер бедняга, вечная ему память. А если даже и не вечная, неважно: в любом случае, в его памяти, — будь он хоть Гюнтер, хоть Карл, хоть кто иной — до конца дней останется место для коварного старика.

— А фамилия у тебя как? — не удовлетворился Патрик.

— А фамилия тебе зачем? Фамилию тебе лучше не знать, для твоей же пользы.

— Какая уж тут моя польза, Карл? — голос Патрика вдруг взмыл вверх, подогретый рыданием. — Какая может быть польза человеку, который все потерял?

— Что же ты потерял, Патрик? — зачем-то спросил Карл и тут же прикусил язык. Вступать в этот разговор не следовало, но слова сами сорвались в микрофон, — еще одно доказательство, что он не в себе. Патрик немедленно ухватился за протянутую ему соломинку:

— Как это, что? Одна пивная чего стоит, такой пивной во всей округе больше нет!

— Но она же была не твоя! Ее тебе купили, чтобы у тебя была вывеска.

— Что значит, не моя? — возмутился Патрик. — Была не моя, а стала моя. Они дом купили и инвентарь, это правда, но остальное я сам справил. Ты видел, сколько народу у меня бывало каждый вечер? Или народ они тоже купили? Ты знаешь, какую прибыль я им сдавал? Потерпели бы они еще пару лет, они бы все свои деньги поганые могли назад вернуть! Все, до последней копейки. Так нет, им это было невдомек, они тебя прислали на мою голову! И все пошло прахом: и пивная, и мастерская! Ну для чего, скажи мне, для чего тебе старуху убивать приспичило?

Господи, еще и старуха! Про старуху Карл впопыхах забыл, — не то, чтобы совсем забыл, однако из сознания вытеснил. Старуха осталась там, в парке над рекой, и отсюда, издали, было не разглядеть, жива она или нет. Впрочем, то, от чего постарался избавиться разум, тут же преподнесли некстати отогретые пальцы. Они припомнили холодные щупальца кусачек и безвольную вялость морщинистой шеи, осязаемую сквозь мелкие уколы неподатливой цепочки.

— Ну чем тебе старуха помешала? — не унимался Патрик.

Как бы заткнуть ему рот? Спасаясь от его напора, Карл откинул было наушники назад, за спину, но Патрик заметил это и резко швырнул самолет в пике. Лиловая поверхность моря стремительно рванулась им навстречу, словно только того и ожидала, и Карл зажмурился, готовый ко всему. Но ничего ужасного не произошло. Самолет мелко задрожал и, почти коснувшись брюхом волны, — так, во всяком случае, показалось Карлу, — взмыл вверх так же резко, как до того мчался вниз.

Лицо Патрика гневно качалось за прозрачной перегородкой, отделяющей пилота от пассажира, рука его, опасно оторвавшись от руля, двигалась по затылку от уха к уху,

недвусмысленно приказывая вернуть наушники на место. Карл нехотя повиновался:

— Что, не понравилось? — донеслось из наушников. — То-то же! И больше не дури, а слушай, что тебе говорят. Тем более, если говорят про мастерскую.

Про мастерскую, а не про старуху, и на том спасибо!

— Что с мастерской теперь будет? Она-то моя, а не ихняя, я там каждую гаечку, каждый винтик этими вот руками скрутил.

Сейчас еще, чего доброго, руки начнет показывать, уж лучше ему ответить.

— Все будет хорошо. Через пару недель получишь от дочки знак, что можно вернуться, и вернешься. И всех дел.

— А вдруг они насчет старухи заподозрят?

— С чего им тебя подозревать? Сам подумай, — мотива у тебя никакого. Как ты стрелял, никто в суматохе не видел, там все стреляли, отпечатков на мушкетах тоже нет, раз все были в перчатках.

— А почему я улетел ни с того, ни с сего?

— Потому что заказ на бабочек получил. Чем не причина?

— Заказ этот, он подлинный, что ли?

— Что ты заладил, подлинный, подлинный? Я ведь уже сказал, что да!

— Как же ты его так быстро прокрутил?

— Да я его с собой привез. У нас ведь разные сценарии были проиграны. И, в частности, такой, что мне придется с твоей помощью когти рвать.

— Профессионалы сраные, — присвистнул Патрик. — Чего ж вы, такие профессионалы, без меня обойтись не смогли?

— А ты думал, тебя столько лет тут содержали просто так, чтобы ты благоденствовал?

— Ничего себе благоденствие! Ты знаешь, сколько незаконных ребят из Шин-Фейна я на этом самолете перевез? Думаешь, это не риск — кого отсюда в Ирландию, а кого из Ирландии сюда? И сколько минометов я из контрабандных частей собрал — этими вот руками?

Тут Патрик и впрямь предъявил обе руки — широким щедрым взмахом, ладонями вверх. Карл чуть было не вскрикнул: «Держи штурвал!», но сдержался, тем более, что ничего страшного не произошло, — самолет продол-

жал равномерно скользить над вереницами прозрачных облаков, через которые просвечивало сиреневое море. Прошло бесконечно долгое мгновение, пока Патрик вернул руки на штурвал и мысли его потекли в другом направлении:

— Так куда же мы путь держать будем?

В ответ на этот вопрос Карл, наконец, нашел способ заткнуть Патрику рот хоть на время:

— Я еще не решил окончательно, так что ты помолчи немного, дай мне подумать.

Но Патрик был не из тех, что без борьбы соглашаются, чтобы им затыкали рот:

— А чего тут думать? Ты ж сказал, что у вас на все случаи сценарии заготовлены.

Но и Карл, если нужно, мог постоять за себя:

— Ну, сказал, так что? Из этих сценариев ведь какой-то надо выбрать. Так что заткнись и дай подумать.

Патрик вздохнул так глубоко, что у Карла чуть не лопнули барабанные перепонки, витиевато выругался и замолк.

Карл не соврал, сценариев у него и вправду было несколько, но как-то так вышло, что ни один его не устраивал. Средоточив взгляд на серебристой полоске, отмечающей место, где море сливалось с небом, он начал их перебирать. Все они вели обратно, к тому душному прозябанию в роли исполнителя чужой воли, которым он тяготился последние годы. Хоть он и выполнил задание, казавшееся невыполнимым, на душе было скверно. Единственным утешением было неожиданное открытие, что у него еще осталось нечто, подходящее под определение «душа». Это нечто — все-таки не ничто! — скулило где-то под ложечкой, не пропуская в кровь необходимую для продолжения жизни порцию адреналина. А без адреналина он превращался в обыкновенного обывателя, подверженного приступам тоски и сожаления.

А сожалеть было о чем, — например, о летнем дожде. Летнего дождя не было и наверняка не будет ни в Сирии, ни в Йемене. Или об этой идиотке Кларе, которую он с такой легкостью обвел вокруг пальца. Он сам удивился ошеломляющей стремительности своей победы, — ведь прежде, чем приступить к намеченному обольщению, он досконально изучил пикантные детали ее любовной жизни. И потому в ту памятную иерусалимскую ночь, прокалывая шину ее запасного колеса на стоянке над бассейном

Султана, он рисовал себе длительную осаду со случайными встречами и невозвращенными телефонными звонками. Так что он не сразу поверил своей удаче, когда она, очертя голову, сама бросилась ему на шею.

Собственно, то, что она сама бросилась, было несущественно, такое с ней случалось. И он поначалу решил — как бросилась, так и отвалится. А она не то, что не отвалилась, а прикипела, будто на всю жизнь. И черт его дернул поддаться соблазну и позволить себе расслабиться рядом с ней. Он сам не понимал, как это случилось. Ведь он давно уже наглухо запер свое сердце и приучил себя к тому, что никто ему не нужен, никто не дорог. Он даже сперва сумел уверить себя, будто она нужна ему только для дела — так он, по крайней мере, оправдывал свой преувеличенный к ней интерес. Ведь без ее помощи ему не удалось бы так ловко, не вызывая подозрений, разведать технические обстоятельства предстоящих переговоров, все эти хитроумные уловки с редкими рукописями, магнитными карточками и секретными замками. Как бы он узнал точное расписание заседаний в хранилище без мелких ее проговорок и без поспешно назначаемых ею в самое что ни на есть неурочное время свиданий?

Он так радовался своим достижениям, что не сразу заметил, как втянулся в юношеский ритуал их тайных встреч и запретных объятий. И только под конец, когда чувства его обострила угроза разоблачения, он отдал себе отчет в ее власти над ним. Пальцы опять оживились, припоминая нежность ее кожи, и были немедленно за это наказаны — какая-то неподвластная его контролю сила повела их дальше и заставила повторить вращательное движение по спирали вниз... Хрустнула тонкая шея, задергались маленькие ножки в детских полуботинках, захрипела и сникла маленькая, увенчанная седеющим пушком головка... Да отвяжись ты, Брайан, отвяжись, все равно, уже ничего нельзя исправить.

Как бы славно было сейчас прокрасться в комнату Клары, зарыться лицом в ее податливое тепло и забыться, забыться, забыться... А ведь забываться-то и нельзя, именно сейчас это смертельно опасно, именно сейчас нужно особо быть начеку, иначе ему конец.

И с чего это он так расчувствовался? Ну, одним библиотечкарем в мире стало меньше, тоже мне событие! —

ведь он в молодости со всеми библиотеками хотел покончить, как с символом пошлой буржуазной культуры. И со всеми библиотекарями в придачу. Так что для него смерть одного человека — на его совести столько взрывов, столько трупов. Чуть какая в голову лезет, при чем тут совесть? Совесть его чиста, он делал это во имя великой идеи, — сказал он себе. И сам себе не поверил. Когда-то давно и впрямь во имя великой идеи, а теперь во имя чего?

Он представил себе надменные смуглые лица своих теперешних хозяев, — какие у них к черту идеи? А он всего-навсего их слуга, сегодня нужен, завтра вышвырнут пинком под зад, а еще проще — прикончат, чтоб не болтал лишнего. Кто знает, может, приказ прикончить его уже отдан, и в конечном пункте его поджидает посыльный особого назначения. А, может, кто-нибудь нацеливается даже раньше, например, этот шут гороховый...

— Слышь, Карл, твое время истекло, — рявкнули наутники, прямо в тон его мыслям. Как, уже истекло? А он еще не готов, он надеялся, что в конечном пункте...

— Хватит думать, подлетаем уже. Вон там, впереди по носу — материк, видишь? — утешил его Патрик, которому явно стала невмоготу утомительная игра в молчанку. — Куда поворачивать, как мы береговую линию пересечем, на запад или на юг?

Значит, истекло время думать, а не время жить. То есть, еще не сейчас. Значит, еще не все кончено, и есть еще надежда выкрутиться, если взять себя в руки. Главное, взять себя в руки и больше не вспоминать, как увенчанная седым пушком головка Брайана стукнулась о край книжной полки, когда он торопливо заталкивал туда его в миг отяжелевшее тело.

— А где мы? — автоматически спросил он, снова и снова заклиная себя не вспоминать, не вспоминать, не вспоминать. Как всегда в таких случаях, вспоминалось особенно хорошо и настойчиво. В голову лезли невесть откуда взявшиеся подробности: давно вышедшие из моды замшевые заплаты на локтях поношенного пиджака, очки в коричневой оправе, свисающие с уха на тонкой цепочке, смешные редкие волоски, вставшие дыбом на пугливом затылке. Карл так напрягся, чтобы избавиться от этого наваждения, что не расслышал ответ Патрика или толком

его не понял, ибо то, что тот сказал, никак не вязалось с его географической логикой.

— Что значит, в Голландии? — переспросил он, уверенный, что это ошибка. — Зачем нам Голландия?

— А затем, что из Уэльса туда ближе всего по прямой.

— И что нам в этой прямой? Мы ж не геометрическую задачу решаем.

— Я и говорю, профессионалы сраные, сценарии сочиняют, а простых вещей не понимают. Ведь нам главное — пересечь береговую линию до того, как нас над морем засекут.

— Кто это решил, что нам главное, ты? Так вот взял и решил! — необдуманно взвился Карл и тут же пожалел об этом.

— Я б с тобой посоветовался, мне не жалко, так ты ж сам мне заткнуться велел, — со вкусом отбрил его Патрик. — А сейчас уже поздно, подлетаем к Голландии. Так что решай поскорей, куда сворачивать.

И впрямь, призрачная полоска горизонта потемнела и обрела быстро приближающиеся земные очертания. Куда же лететь? Проще всего, конечно, на запад, как было запланировано сценарием побега в самолете Патрика. Там, если задействовать заранее заданные волны радиопередатчика, есть почти верный шанс проскочить в Восточный Берлин. Берлин, хоть и Восточный, все же не так плох, только долго задержаться там не дадут. Оттуда дорога одна: прямая каменистая дорога в Сирию, глаза б ее не видели. А из Сирии дороги нет никуда, разве что к праотцам, — слишком давно он там ошивается.

Или все же рискнуть и опять уйти от всех, от тех и от этих? Опять попытать счастья — пан или пропал, орел или решка? Добраться до Инге, лечь на дно и затаиться в лесной глухомани? Чуть-чуть переждать грозу и осторожно выйти с ними на связь, чтобы выторговать свободу в обмен на вожаденную кассету? С первого взгляда, тут риска больше, чем в северном варианте, — например, по пути арестовать могут, да и у Инге может что-то непредвиденное произойти. Однако, все же не смертный приговор, не Сирия и не Йемен, а ими он сыт по горло. Ладно, была, не была!

— Летим на юг, — скомандовал он Патрику. — Как у нас с бензином?

— На час примерно еще хватит, а там заправляться надо будет.

— Вот и отлично, тяни в сторону Саарбрюккена.

— А где этот сраный Брюкен? Я понятия не имею. Ты штурманскую карту читать умеешь?

Слава Богу, читать штурманскую карту его обучили в тренировочном лагере, так что он без особых усилий построил навигационный маршрут от Роттердама на Саарбрюккен. Закончив работу, он глянул за окно и увидел внизу уже не сплошной, кажущийся недвижимым водный массив, а расчерченный сеткой каналов зеленый простор Голландии, украшенный красно-белыми скоплениями игрушечных домиков. Похоже, они умудрились без помех перебить береговую линию, и никто их не засек.

— Как тебе это удалось? — спросил он Патрика, внутренне упрекая себя за то, что недооценил своего поделщика.

— На то я человек-бабочка! — похвалился Патрик. Шут гороховый он всегда шут гороховый, хоть в море, хоть в небе. — А кроме того, у меня тут кое-что заматано, иначе как бы я по-твоему контрабандные запчасти для минометов доставлял?

Так вот зачем ему Голландия понадобилась!

— А как ты дал им знать, что это твой самолет?

— А ты не просек? И правильно не просек, у Патрика на все свои способы есть.

Выходит, он своим людям как-то просигналил, а Карл этого даже не заметил. Может, не такой уж он шут гороховый, и надо его опасаться? В любом случае расстаться с ним надо осторожно.

— Радио! — произнес Патрик неожиданно тихо, почти шепотом. — Включи радио. Нажми красную кнопку с правой стороны.

Карл начал шарить по пульту управления, нашел красную кнопку, не совсем справа, скорей в центре, и нажал. Самолет рванулся в сторону, но тут же выпрямился. Голос Патрика поднялся до нормального регистра:

— Да не ту кнопку, не ту! Лучше смотри, в ручке кресла, справа, красная кнопка! Давай, ищи!

И замолк, — видно, отключился, вслушиваясь. В полной тишине Карл нашел, наконец, нужную кнопку и нажал, в наушниках зажужжало. Он крутнул соседнее с кноп-

кой колесико — сквозь потрескивание эфира прорвалась торопливая английская речь:

«... самолеты, пересекающие береговую линию европейского материка с запада на восток, должны срочно доложить свои опознавательные признаки и координаты в центральное управление береговой охраны. Всякий, кто нарушит приказ, может стать объектом принудительной посадки».

— Слышал? — Патрик напряженно дышал в микрофон. — Ведь это они нас ищут!

— Скорей всего, нас, — Карл старался говорить спокойно, словно ему это было безразлично, хоть под ложечкой разом образовалась отвратная пустота.

«Внимание, внимание! — вновь заговорило радио, на этот раз по-французски. — Все самолеты...»

— Опоздали, господа, опоздали! Напрасно ищите, мы уже проскочили! У нас тут управляет Патрик, а он не пальцем деланный! — громогласно откликнулся бабочник, заглушая радио, и Карлу захотелось приказать ему говорить тише, как будто его могли услышать по ту сторону приемника. А приемник твердил свое:

«Все самолеты, пересекающие береговую линию европейского материка с запада на восток, должны срочно доложить свои опознавательные признаки и координаты в центральное управление береговой охраны. Всякий, кто нарушит приказ, может стать объектом принудительной посадки».

МАРТА

Марта постучала в дверь, сперва тихо, потом громко, потом еще громче, хотя уже было ясно, что в доме никого нет. Уставши стучать, она порылась в стоящем на пороге цветочном горшке с засохшей бегонией, где Клаус раньше иногда оставлял ключ, но никакого ключа там не было. «Цветок засушили, дом порушили, тоже мне хозяева», — с привычной и оттого вялой злобой подумала она, расковыривая твердую растрескавшуюся землю в горшке. Дом и впрямь выглядел готовым на слом: штукатурка под окнами облупилась, из крыши вывалились две черепицы, обнажая черную толевую основу. Да разве этим двум недоумкам понять, что дом надо ремонтировать! Впрочем, сейчас это уже не имело

никакого значения. Сейчас нужно было найти Клауса, да поскорее, а то ведь так и опоздать можно. А Мастер ясно сказал: кто опоздает, тому не на что надеяться.

Марта уже не могла себе представить, как она жила когда-то, не полагаясь во всем на Мастера. А ведь когда фройляйн Юта первый раз привезла ее к нему на ферму, ей там совсем не понравилось. Дорога показалась ей слишком долгой, и она все время думала, как трудно будет добираться туда своим ходом, а не на машине фройляйн Юты. Пока они спускались по мокрому от дождя крученому шоссе в глубокую лощину Каршталя, Марта все старалась разглядеть что-нибудь поверх еловых крон, но так ничего и не разглядела. И не мудрено, — ферма пряталась от любопытных глаз в лесном парке за высоким забором, тем более, что уже сгустились сумерки и затененная холмами лощина начала погружаться в темноту.

Они въехали в ворота и, оставив машину на стоянке, пошли через парк по хорошо ухоженной аллее, посыпанной красным песком. По пути они догнали шумную стайку немолодых дам в одинаковых серых плащах и вслед за ними вошли в обширный вестибюль крытого черепицей дома.

Дамы остались щебетать в вестибюле, а Марта в сопровождении фройляйн Юты проследовала дальше, в глубь дома. Они прошли через короткий, тускло освещенный коридор и остановились перед высокой двустворчатой дверью, полускрытой тяжелыми малиновыми портьерами. Фройляйн Юта нажала на дверь одной рукой — за дверью было темно, — а другой больно подтолкнула Марту в спину. Марта невольно сделала шаг вперед, дверь за ней закрылась, и она оказалась одна в полной тьме. Где-то в глубине дома играла тихая музыка, напоминающая молитвенные псалмы, вроде тех, что по воскресеньям пел в церкви Клаус, а сверху доносился странный шорох, словно кто-то чистил перья на крыльях ангелов. Внезапно вспыхнул свет, он был такой яркий, что Марта невольно зажмурилась.

«Открой глаза, не бойся», — произнес над головой ласковый голос. Марта осторожно глянула в щелочку между ресницами, — чуть-чуть над ней, в центре многоцветного луча, падающего откуда-то с потолка, парил в воздухе красивый седобородый мужчина в белом шелковом халате и в белых сандалиях на босу ногу с белым покрывалом, пере-

брошенным через стиб руки. Откуда он взялся? Марта могла бы поклясться, что когда фройляйн Юта втокнула ее в комнату, там было пусто. Она была в большом напряжении и очень внимательно вслушивалась во все звуки, но не слышала ни шагов, ни звука отворяемой двери.

Мужчина с улыбкой протянул Марте покрывало. Она неловко взяла его одной рукой, край белой ткани выскользнул из ее ладони и мягкими складками расплескался по полу. Она подхватила его второй рукой, подняла вверх и встряхнула — это был просторный балахон с завязками у ворота и с длинными рукавами.

— Надень это одеяние и присоединяйся к нам, — сказал мужчина и, так и не коснувшись ногами пола, вместе с лучом выплыл в зазор между бесшумно раздвинувшимися перед ним портьерами. Портьеры тут же снова сдвинулись, и в комнате опять стало темно. Только тут Марта догадалась, что это был Мастер. Путаясь в рукавах и в завязках, она начала напяливать балахон, чувствуя, как рушатся ее надежды — этот знаменитый Мастер ничем не был похож на доктора Шлинка.

А она, дура, размечталась, что Мастер сможет заменить ей покойного доктора Шлинка, у которого Марта столько лет находила утешение от всех своих бед. Беды начались в одну зиму ранней юности, когда отец сбежал из дому и мать спятила — она не реже раза в неделю принимала яд, потом корчилась от боли на полу и требовала, чтобы Марта вызвала «Скорую помощь». «Скорая помощь» увозила мать в больницу, там ее откачивали, но хоть яд у нее забирали, она каждый раз умудрялась достать новый. Так что через несколько дней все повторялось опять и опять, пока мать наконец и вправду однажды не умерла, оставив Марту и Гейнца в пустом доме без копейки денег на жизнь.

Марте пришлось подрабатывать мытьем полов в чужих домах. Все чаще ей стало казаться, что хоть мальчишки в школе смеются над ней и дразнят толстухой, некоторые из хозяев на нее засматриваются. Как-то, когда она мыла лестницу в кабачке «Губертус», кабатчик Вальтер подкрался к ней сзади, задрал юбку и начал гладить ее выше колен, а потом выше и еще выше. Ей стало жарко и хорошо, сердце зашло сладко-сладко, так что она даже не заметила, как Вальтер стянул с нее трусики и опустил на колени,

крепко прижимая ее к себе руками и ногами. Когда все кончилось, и она, не помня себя, попыталась привести в порядок волосы и одежду, Вальтер вдруг злобно заорал, застегивая брюки: «Перестань реветь и убирайся прочь!» Она не заметила, что плачет, и сперва не поняла, чего он от нее хочет, ведь она еще не домыла лестницу и пол в кухне. Но он ее не слушал, — сунув ей в руку деньги за уборку, оставленные хозяйкой на стойке под пивной кружкой, он грубо схватил ее за плечи и вытолкнул за дверь: «Вали отсюда и не попадайся мне больше на глаза!»

Оглушенная, бежала Марта по деревенской улице, безлюдной в это время дня, как вдруг из окна проезжавшей мимо машины выглянула жена Вальтера Эльза и спросила: «Ты что, уже закончила? Так рано?» Не в силах выдавить из себя ни слова, Марта просто помахала в воздухе зажатými в кулаке деньгами и побежала дальше. Чем ближе подходила она к своему дому, тем медленнее становились ее шаги, — она не могла бы сейчас посмотреть в глаза брату, который наверняка уже вернулся из леса, где за гроши помогал леснику собирать сухие ветки. Поэтому она свернула в узкий проход между двумя домами и углубилась в густой сосняк, начинающийся сразу за последним забором. Дойдя до небольшой опушки, она почувствовала внезапную слабость, упала ничком на траву и немедленно заснула, будто провалилась в глубокую яму.

Когда Марта вернулась к вечеру домой, брат не заметил в ней никакой перемены, — он был слишком занят собой и своими делами. Но она очень скоро почувствовала, что все в ней переменялось. Она хотела только одного: еще раз пережить то жаркое блаженство, которое испытала, стоя на коленях с задранной юбкой, когда Вальтер прижимался к ней сзади. Желание это мучало ее так нестерпимо, что однажды вечером, подкараулив Вальтера на лесной тропинке, когда он возвращался из города на велосипеде, она выскочила из-за деревьев и преградила ему дорогу. Он сперва испугался, но, быстро сообразив, чего ей надо, схватил ее за руку и потащил в кусты. На этот раз ей было не так хорошо, как тогда на лестнице, но через пару дней ее снова стала мучить та же неутолимая жажда.

Со временем она поняла, что дело не в Вальтере, а в ней, и что у других мужчин можно получить то же самое и

даже больше. Так что скоро в деревне начали показывать на нее пальцем, и местные хозяйки, оберегая от нее своих мужей, перестали нанимать ее для уборки. Брат пару раз попробовал кулаками «вправить ей мозги», но, убедившись, что ничего не поможет, махнул на нее рукой. Так все и шло, пока она не начала вдруг толстеть и распухать, как тесто для праздничного пирога. Когда живот у нее вырос в два раза больше ее самой, одна женщина в булочной сказала: «Уж не беременна ли ты, девушка?», и она страшно испугалась, потому что сразу поверила, что так оно и есть.

Однако испугалась она напрасно — когда Клаус родился, жить ей поначалу стало даже как-то легче. Деревенские женщины жалели ее и дарили коляски, ванночки и поношенную детскую одежду, а кроме того у нее появились деньги, потому что ей каждый месяц стали присылать чек из социальной кассы. А, главное, ей делалось горячо и сладко, когда Клаус сосал ее грудь, и уже не так хотелось тискаться в кустах со всяким встречным. Она целые дни валялась на кровати в ночной сорочке и кормила Клауса, отчего он вырос большой и пухлый.

Неизвестно, сколько времени она бы так и нежилась, если бы соседки, забегая ее проведать, не обратили внимания, что в два года ребенок все еще не ходит и не разговаривает. С тех пор вся жизнь ее покатилась под откос. Обойдя десятки врачей, она окончательно убедилась, что она порченная, меченая и ни в чем ей не будет счастья, раз даже самые лучшие врачи не могут вылечить ее Клауса.

Она бы наверно тогда отравилась, как ее мать, если бы кто-то не привел ее в клинику доктора Шлинка. У него не было такой красивой серебряной бороды, как у Мастера, он не летал по воздуху в белых сандалиях, а ходил по полу в поношенных ортопедических башмаках, но зато он сразу замечал, когда Марте становилось невмоготу. А невмоготу ей становилось часто, с каждым годом все чаще и чаще.

Но доктор Шлинк ужасно ее подвел — как-то осенним утром он умер без всякого предупреждения, и Марта опять осталась одна. Она снова стала думать о смерти, тем более, что Клаус с годами совсем ее разлюбил, а ведь как любил когда-то! Она вспомнила, как они оба радовались, когда он был еще крошкой и она брала его с собой в душ, — он гладил ей живот своими маленькими ручками, а она намазывала

его и щекотала. От этих воспоминаний ей стало совсем мурно, и она села на пол в чужой шуршащей комнате, совершенно позабыв, зачем она тут оказалась. Она бы так и сидела там до вечера в темноте, если бы фройляйн Юта не заглянула за портьеру, чтобы спросить, не случилось ли с ней чего.

Услышав ее голос, Марта поспешно ответила, что с ней все в порядке, вскочила на ноги и вышла в большой зал, который открылся за портьерой. Одна стена его сплошь состояла из окон, за которыми уже почти стемнело, а на остальных стенах, обтянутых зеленым штофом, были развешаны картины в золотых рамах, большие и маленькие, — прямо музей, да и только. В скромном доме доктора Шлинка не было никаких картин, зато там собирались одинокие люди, которым было трудно жить.

В центре зала возвышался треугольный алтарь, на котором стояла высокая ваза с одной-единственной красной розой. Хоть по залу тут и там были расставлены затененные абажурами напольные лампы, пространство его тонуло в сумраке, и только роза была ярко освещена узким вертикальным лучом, как будто из ее венчика к потолку возносился световой столб. Перед алтарем, держась за руки, полукругом стояли мужчины и женщины, человек тридцать, не меньше, в таких же белых балахонах, как у Марты. «Иди к ним, вон туда, видишь? Тебе оставили место», — шепнула фройляйн Юта и скрылась за портьерами. Марта немного потопталась у входа, потом преодолела смущение и вступила в общий круг. Протянув в стороны руки, она на ощупь нашла ладони своих соседей, которые готовно сомкнулись вокруг ее пальцев, и повернулась лицом к алтарю. Перед алтарем склонился в молитве Мастер, одной рукой опираясь на длинный меч, а за его спиной по обе стороны алтаря возникли в полумраке две женских фигуры, облаченные не в белые, а в цветные одежды. Хоть лица их были скрыты черными полумасками, в одной из них Марта узнала фройляйн Юту.

Заиграла музыка, Мастер поднял меч над головой и проговорил мощным голосом:

— Данной мне свыше властью я очерчу этим священным оружием защитный круг, чтобы изгнать из нашей среды все враждебные силы.

И сильным взмахом руки очертил круг над головами собравшихся. Как только он опустил меч, в незаметной до

того люстре под потолком вспыхнули лампочки, вырвались из патронов и начали вращаться в воздухе, повторяя линию очерченного мечом круга. Световой столб над розой превратился в сплошное размытое сияние, внутри которого лепестки цветка разом оторвались от венчика и алым дождем рассыпались у подножия алтаря. Под звуки музыки обе женщины за спиной Мастера начали поспешно срывать с себя одежды, швыряя их себе под ноги и испуганно топтать. На фройляйн Юте белье было белое, на второй женщине — черное, отделанное черным кружевом.

Мастер обратился к ней:

— Не случайно ты оказалась сегодня в черном, Жюли, не случайно. Это означает, что кто-то среди нас несет в своем сердце недоверие и вражду.

«Это он обо мне! — ужаснулась Марта. — Как он догадался?» Мастер тем временем подхватил мечом лежащий у его ног ворох белой ткани и поднял его высоко над головой.

— Вот ваши новые одеяния, — произнес он, стряхивая ткань с меча и подхватывая ее на лету. Она разделилась на два белых балахона, которые он протянул женщинам в белье. — Но прежде, чем вы наденете их, мы попросим космическую богиню защитить нас от злого глаза.

Жюли и фройляйн Юта взяли у Мастера балахоны, но не успели их надеть — вдруг раздался странный заунывный звук, похожий на рыдание, и они замерли, прижимая к груди белые складки ткани. Воздух наполнился вибрацией, исходившей со всех сторон. Казалось, завихряются и пульсируют все предметы, находящиеся в зале: оконные стекла, картины на стенах, затененные абажурами лампы в дальних углах.

В такт этой вибрации задрожала душа Марты, — и руки, и ноги, и соски, и жилки на шее, и в памяти ее, как в кино, замелькали все непоправимые беды ее жизни. Затрепыхалось сердце, закатилось куда-то вбок, оставляя в груди огромную, необъятную пустоту, в глазах зарябило, ноги подкосились, и наступила полная тьма.

Когда Марта очнулась, ни Мастера, ни людей в балахонах в зале уже не было. Луч над алтарем погас, и только высокий светильник под оранжевым абажуром отбрасывал зыбкий световой круг на ковер, на котором она лежала. Она с трудом подняла голову, и ее плохо сфокусированный взгляд наткнулся на склоненное над ней озабо-

ченное лицо фройляйн Юты. Когда та заметила, что Марта пришла в себя, ее губы чуть заметно шевельнулись, но голос прозвучал так слабо, что Марта была не уверена, не слышалась ли она:

— Значит, и ты услышала космический зов?

— Космический зов? — повторила за ней Марта, словно пробуждаясь и выныривая на поверхность из темной пучины.

Зрачки фройляйн Юты расширились:

— Раз ты слышала этот зов, значит и ты будешь допущена.

Марта приподнялась было на локте, но голова сильно закружилась, и она рухнула на ковер, чувствуя, как вокруг снова начинает звенеть и пульсировать воздух. И все же шепот фройляйн Юты прорвался сквозь звон и вибрации:

— Видишь, космические силы не хотят отпускать тебя.

Но ты не бойся, в конце концов они принесут тебе избавление и покой.

Всю обратную дорогу Марта, заткнув уши пальцами, валялась на заднем сиденье, но звон и дрожание воздуха преследовали ее. Чтобы избавиться от этого наваждения, она стала вспоминать лечебные сеансы в клинике доктора Шлинка.

Комната там была не такая огромная, как зал у Мастера, но все же большая, и окна в ней были всегда наглухо закрыты и занавешены тяжелыми шторами. Когда в нее набивалось много народу, становилось очень душно, и в голове все мешалось от тесноты и от сладкого курева душистых трав, которое дымилось в маленьких прозрачных чашечках, развешанных вдоль стен. По знаку доктора Шлинка где-то под потолком возникала красивая музыка, слышав которую все начинали петь хором, держась за руки и раскачиваясь в такт пению. Свет в комнате медленно угасал, и только огоньки в прозрачных чашечках освещали ее разными цветами, отчего душа Марты высвобождалась и возносилась все выше и выше, а ноги все слабели и слабели. Совсем обессиленная она валялась на пол и начинала кататься вместе с другими, которые тоже падали рядом с ней и тоже катались, сцепляясь по двое и по трое. Все мелькало и кружилось перед глазами, беды отступали, и на сердце становилось легко и прозрачно.

Но все это было раньше, а теперь доктор Шлинк умер, ушел навсегда, и некуда ей больше ходить, не к чему при-

слониться. Никого, никого у нее нет! От этой мысли у Марты перехватило дыхание, и из горла вырвался громкий стон, который ей самой напомнил собачий вой.

— Что с тобой, Марта? — испуганно спросила фройляйн Юта. — Тебе плохо?

— Плохо мне, плохо! — запричитала Марта.

— Почему? Ведь ты услышала космический зов и допущена!

— Не нужен мне ваш космический зов! Я не хочу быть допущена к вашему Мастеру, я хочу назад, к доктору Шлинку!

И, утирая нос мокрой ладонью, она стала рассказывать фройляйн Юте про доктора Шлинка:

«Хоть комната была большая, там всегда было душно, так много народу туда набивалось... В свечной воск были подмешаны душистые травы, от них голова начинала кружиться, кружиться... Сперва мы брались за руки и пели хором... мы раскачивались все вместе и пели, пели, пели, пока не становились все, как один человек, как будто у нас на всех был один голос. Ноги у нас слабели, и мы падали на пол, все вместе, как попало — кто на колени, кто ничком, и начинали кататься по полу и друг по другу... и к нам приходило озарение, и мы уже не знали, где чьи руки, где чьи ноги... Иногда кто-нибудь клал руку мне на грудь или между колен... Клал мне руку... кто-нибудь... и тогда... и тогда...»

Мысль о невозвратности того восторга, который переживала она на сеансах доктора Шлинка, пронзила сердце Марты, она закатилась в рыданиях и стала биться головой о холодный металл дверцы. Фройляйн Юта резко остановила машину и, пересев к Марте, обняла ее трясущиеся плечи:

— Ну не надо так, не надо. Пора уже забыть твоего доктора Шлинка, — забормотала она, поглаживая спину Марты ласковой теплой ладонью. — Он умер, и никакими слезами его не вернуть. Зато теперь ты наша. Теперь ты станешь ходить к Мастеру и найдешь себе там новых друзей.

От ее слов Марта зарыдала еще громче, чувствуя при этом, как ни странно, сменяется жалостью к себе, чуть-чуть ноющей и даже утешительной. Ей было приятно, что фройляйн Юта, такая красивая и нарядная, тратит на нее свое драгоценное время и внимание. У фройляйн Юты

была собственная аптека в соседнем городке, она носила в ушах платиновые серьги с большими алмазами и до сих пор никогда не снисходила до сочувствия толстой потаскухе, — от Марты не скрывали, что эта кличка давным-давно приклеилась к ней.

Марте захотелось продлить свою власть над фройляйн Ютой, чтобы та продолжала сидеть рядом с ней, обнимать ее плечи и гладить по спине. Поэтому она не поспешила поддаться на уговоры красивой аптекарши, а затрясла головой и забарабанила пятками по кожаным бокам заднего сиденья:

— Не буду я ходить к вашему Мастеру! Не буду!

И просчиталась, — фройляйн Юте, наверно, надоело ее утешать. Она разжала руки так внезапно, что Марта с размаху ткнулась носом в холодную кожу обивки. Уже вырливая с обочины на дорогу, фройляйн Юта, не оборачиваясь, бросила через плечо:

— Делай, как хочешь. Но помни: у тебя есть друзья, которые не оставят тебя в беде.

— Какая еще беда? У меня и так каждый день беда! — завопила Марта, втайне надеясь, что аптекарша опять остановит машину и продолжит свои увещевания. Но та, не отвечая, нажала на газ и в молчании довезла Марту до дома. Только, закрывая за ней дверцу машины, она повторила на прощанье:

— Помни: у тебя всегда есть друзья, которые не оставят тебя в беде.

Беда не заставила себя ждать. Не прошло и недели, как Марта, придя рано утром в кабачок Вальтера, чтобы помочь паковать для переезда в новый ресторанчик, построенный у входа в замок Инге, обнаружила, что кухонная дверь заперта. Она слегка поскреблась, потом постучала, но никто ей не открыл. Забеспокоившись, она стала с силой бить в дверь кулаками и громко звать Эльзу. Через какое-то время дверь внезапно поддалась. Поскольку она отворялась внутрь, Марта с грохотом ввалилась в кухню и с разбегу наткнулась на Эльзу, стоявшую у плиты со своей неизменной сигаретой в зубах. Только на этот раз сигарета едко дымилась, потому что была зажжена.

Эльза шумно втянула воздух в легкие и ловко выплюнула сигарету прямо Марте за шиворот. Горящий кончик больно обжег Марте шею, но еще больней обожгли ее сло-

ва, вслед за сигаретой вылетевшие изо рта разъяренной кабатчицы:

— Вон отсюда, шлюха поганая, и чтобы духу твоего здесь больше не было!

Марта уставилась на нее в изумлении, выжывая из-за ворота закатившуюся под кофту сигарету. Видя, что Марта не собирается уходить, Эльза в ярости пнула ее ногой. Носок ее башмака остро ткнулся Марте в живот, — она была намного выше Марты, и ноги у нее были большие и жилистые. Марта ахнула, схватилась за живот и присела, так что следующий пинок пришелся ей в ухо, и она, истошно взвыв, на четвереньках устремилась к выходу.

Но, как видно, быстрое безнаказанное исчезновение Марты не входило в планы кабатчицы — она схватила свою жертву длинной жилистой рукой и рванула обратно к плите:

— И чтобы ублюдок твой поганый тоже никогда больше к нам не являлся!

Ублюдок ее поганый, вот оно что! Сынок ее ненаглядный, горе ее гореванное.

— Что мой Клаус опять натворил? — обреченно спросила Марта, готовясь одновременно к нападению и к защите.

— Она меня спрашивает, она сама не знает! — еще пуще взъярилась Эльза и ткнула пальцем в пространство за спиной Марты. — А ты у него спроси!

Марта обернулась и встретилась глазами с Вальтером — он, как затравленный зверь, притаился в узком простенке между холодильником и посудомоечной машиной. На губах его блуждала жалкая кривая улыбка, на бледной щеке полыхала длинная багровая борозда, кровь из которой сочилась на разорванную от плеча до пупа рубаху, на полу под ногами пестрели осколки разбитых бутылок.

Эльза не стала дожидаться ответа Вальтера на незаданный вопрос Марты, — пока тот, потеряв бдительность, на миг отвел от нее испуганный взгляд, она швырнула в него тяжелую пивную кружку со свинцовой крышкой. Он шахрахнулся в сторону, но не успел увернуться, и кружка, огрев его по уху, звонко грохнулась на пол, однако не разбилась, а волчком завертелась у его ног.

— Да вранье это все, вранье! — прохрипел Вальтер. — Кто тебе такие глупости наговорил?

— Нашлись добрые люди, глаза мне открыли.

— Сволочи они, твои добрые люди! А ты уши развесила! — осмелел Вальтер. — И с чего ты на старости лет стала такая доверчивая?

— А с того, что это чистая правда! — взвизгнула Эльза и начала шарить по плите в поисках нового снаряда. Видя, что под рукой у жены уже ничего не осталось, Вальтер с неожиданным проворством выскользнул из-за холодильника и ринулся к двери, ведущей в пивной зал, но Эльза опередила его. Она подставила мужу ножку, — он с разбегу рухнул на пол, и она придавила его грудью грубым башмаком:

— Стой, подонок! Никуда ты не уйдешь, пока не расскажешь, как вы у меня под носом заделали этого идиота.

И тут до Марты, наконец, дошло: Эльза откуда-то узнала про Клауса! Но откуда? Кто мог разноухать? Ведь дело это случилось так давно, что она сама уже подзабыла, кто мог бы быть отцом ее ублюдка. Поначалу ей было невдомек, кто ее обрюхатил, но со временем она поднабралась опыта и научилась считать дни между месячными. Из этих расчетов выходило, что Клаус у нее скорей всего от Вальтера, однако ей было выгодней это скрывать, чем афишировать. Особенно ни к чему это разоблачение было сейчас, когда работа в кабачке стала ее единственным заработком. Нужно было срочно рассеять подозрения Эльзы и, рискуя вызвать огонь на себя, Марта громко затараторила:

— При чем тут Вальтер? Да у меня с ним никогда ничего не было. Нужен он был мне очень, твой старый импотент, когда у меня от молодых мужиков тогда отбою не было!

— Вот видишь, она знает, что говорит! Зачем бы я был ей нужен, когда у нее от молодых мужиков отбою не было? — обрадовался Вальтер, но Эльзу этот довод несколько не убедил:

— Да ей, шлюхе, все равно, с кем! Хоть с кобелем, хоть с козлом, лишь бы мужиком пахло!

И, ловко подхватив Марту свободной рукой, она пригнула ее голову вниз, прямо к лицу поверженного Вальтера:

— Ну-ка, голубки, расскажите мне, где вы тогда трахались. Часто ли вы это делали? И как — спереди, сзади или на боку?

От злости в руках Эльзы скопилась какая-то сверхъестественная сила, она больно нажимала Марте на затылок, заставляя ту склоняться все ниже и ниже. Марта попыта-

лась вырваться, но не смогла, она пошатнулась и, стукнувшись головой о край плиты, повалилась прямо на Вальтера. Эльза схватила ее за волосы и резко дернула вверх:

— Ах ты, стерва, ты опять за свое? Или ты еще одного идиота заделать хочешь? Прямо у меня на кухне?

В этот момент Вальтер изловчился наполовину вывернуться из-под Марты, — свободной рукой он схватил Эльзу за лодыжку и рывком потянул на себя. Отпустив волосы Марты, Эльза рухнула, как подкошенная, и даже не пытаясь подняться, разразилась горькими рыданиями. Марта вмиг поняла, что нельзя упускать удобный момент: она на коленях доползла до двери, кубарем скатилась с крыльца, вскочила на ноги и побежала, сама не зная, куда.

Она добежала до поворота, обернулась и перевела дыхание, — кажется, никто за ней не гнался. Тогда она опасно оглядела соседние с кабачком дома. Они стояли молчаливые и нелюбопытные, но хоть ни в одном не приотворились двери и не колыхнулись в окнах белые кисейные занавеси, Марта не поверила их равнодушному молчанию. Она была уверена, что не одна пара жадных глаз уже зарегистрировала и ее паническое бегство, и вопли Вальтера, и громкие рыдания Эльзы, доносящиеся из-за приоткрытой кухонной двери. А значит, новость о скандале в кабачке уже покатилась по деревне с телеграфной скоростью.

Марта так явственно представила себе, что почти услышала вживе, как в десятках квартир пронзительно звонят телефоны, и возбужденные голоса обсасывают пикантные подробности ссоры, добавляя к ним все новые и новые детали. Это конец, жизни у нее тут больше не будет, и надо срочно искать, куда бы отсюда сбежать. Да чего искать-то, бежать ведь некуда.

Не очень ясно сознавая, куда она идет, Марта побрела по тротуару, безраздумно сворачивая на перекрестках с такой автоматической устремленностью, словно у нее была определенная цель. Цель эта скоро обнаружилась в виде выбежавшего ей навстречу игрушечного домика автобусной остановки. Она села на решетчатую скамейку под висящей на стене рельефной картой местных лесных тропинок и постаралась остановить непрерывное кружение взбесившегося вопроса, на который не было ответа: «Кто мог рассказать Эльзе про Клауса?»

Когда кружение мыслей слегка примедлилось, Марта обнаружила, что на столбе прямо перед ней висит расписание автобусов. Вычленив в нем название городка, в котором была аптека фройляйн Юты, она без колебаний осознала, куда она должна ехать. Так вот в один миг осознала, хоть до этого мига и мысли такой у нее не было. Словно чья-то рука привела ее к остановке и втолкнула в подошедший автобус.

Сейчас, когда все это давно уже было позади, и она непрошенной гостьей стояла посреди заросшего сорной травой двора своего бывшего дома, ей вдруг показалось, что тогда перед ней пронеслись картины всего, что ей еще предстояло пережить. Она как бы увидела свою сегодняшнюю жизнь в коммуне Мастера, свою тяжбу с Инге из-за дома для Клауса и, главное, Клауса с Хелькой. Они шли ей навстречу, держась за руки, — Хелька, как всегда, слегка прихрамывала, прижимая к боку искалеченную руку, а Клаус смотрел на нее так, словно она была королева красоты. Марта так явственно услышала их смех, что на секунду ей показалось, будто они и вправду вышли из-за поворота ей навстречу. Она сделала было шаг к ним, нечаянно задев при этом горшок с засохшей бегонией, он со звоном упал к ее ногам и раскололся на мириады мелких черепков. Звон этот вернул ее к реальности — перед ней в полной тишине простиралась пустынная улица, по которой никто не шел.

УРИ

«Все самолеты, пересекающие береговую линию европейского материка с запада на восток, должны срочно доложить свои опознавательные признаки и координаты в центральное управление береговой охраны. Всякий, кто нарушит приказ, может стать объектом принудительной посадки».

Уже? Неплохо! Значит, Меир начал действовать! Ничего не скажешь, быстро сориентировался. Ури едва успел осознать, что этот приказ, собственно, адресован и им тоже, как в наушниках завопловался напряженный голос Джимми:

— Слушай, парень, а не нас ли они ищут?

Ури подумал, что, вполне вероятно, и их тоже, но не захотел волновать Джимми понапрасну, — кто его знает, такой ведь и назад повернуть может:

— Ну, конечно, не нас. Кому мы нужны?

«Внимание, внимание! — вновь заговорило радио, на этот раз по-немецки. — Все самолеты, пересекающие береговую линию европейского материка...»

— Что они там говорят? То же самое, только по-немецки, да? — часто задышал в наушники Джимми. — Почему вдруг по-немецки? Ты честно скажи, это тебя ищут? Ты ведь немец, правда?

«...кто нарушит приказ, может стать объектом принудительной посадки».

— Ты лучше сознайся. Ведь если это тебя, может, нам вернуться? — рассудительно предложил Джимми. — А то все равно посадят насильно, тебя схватят, а из меня будут жилы тянуть, всю жизнь отравят.

— Да не меня они ищут! За мной никаких грехов нет.

— Это ты брось! Если б за тобой ничего не было, ты бы тысячу фунтов за полет платить не стал.

Логично, ничего не скажешь. Пока Ури лихорадочно прокручивал в голове различные варианты ответа, способные успокоить Джимми, радио перешло на французский язык. «Все самолеты, пересекающие береговую линию...»

— Теперь по-французски то же самое завели. Видать, дело серьезное, раз они так напористо взялись.

Видно, что-то рассказать придется, но сделать это нужно хитро. Какую часть правды рассказать, какую утаить, какую сочинить?

— А если я тебе скажу, кого ищут и почему я денег не пожалел, ты мне поверишь?

— Зависит от того, что я услышу.

— Они ищут Патрика и того, который с ним улетел. И я их ищу, за то и заплатил.

— Что же они натворили?

— Они убили одну старую даму и украли ее драгоценности.

— Дорогие? — спросил Джимми с неожиданно жадным интересом. Похоже, драгоценности старой дамы привлекли его внимание больше, чем ее насильственная смерть. И тут до Ури дошло, почему Джимми не спешит развернуть самолет в сторону Англии: он не хочет расставаться с полученными от Ури деньгами. Угадав это, Ури почувствовал себя гораздо лучше:

— Очень, — уверенно соврал он. А впрочем, это была не ложь, ведь кассета в кармане Карла стоила дороже любых драгоценностей.

— Значит, ты полицейский? — догадался Джимми.

— Не совсем. Я — частный сыщик.

— Выходит, тебе нечего бояться, если я сообщу наши координаты береговой охране?

— Нечего, — покривил душой Ури, вспомнив про фальшивый паспорт на имя Ульриха Рунге. — А что, обязательно надо им сообщать?

Глубокий вздох Джимми прозвучал в наушниках, как рев штормового моря:

— Обязательно. Ты же слышишь, что творится в эфире. Сто процентов посадят принудительно, если сами не доложимся. А тебе-то что? Ты ж говоришь, что тебе бояться нечего.

— Бояться нечего, кроме того, что если нас зацепят, преступники успеют удрать, — пожаловался в пространство Ури, но Джимми его не слушал. Его мысли уже побегали по другой дорожке:

— Только давай сперва договоримся, куда мы летим.

— Ведь мы уже договорились — ты везешь меня в Саарбрюккен, — возмутился Ури.

— Это мы раньше договаривались, а теперь все по новой начинать надо. Ну кто поверит, что я тебя за красивые глаза через пролив перебрасываю? А если сказать пограничникам, что за деньги, они нашим таможенникам тут же доложат, я этих гадов знаю! И с меня потом налог вычтут.

— А ты хотел утаить?

— Да я с налогом с тебя полторы тысячи взять бы должен! Этот довод образумил Ури и он смирился:

— Так что же мы скажем?

— Мы скажем, что летим в Мец обедать. Там рядом с аэроклубом есть шикарный ресторан «Шез муа», — вдохновенно продекламировал Джимми. — Мы с женой прошлым летом летали туда отмечать годовщину свадьбы.

— Но почему в Мец, а не в Саарбрюккен?

— Какой идиот может полететь ужинать в Германию? Что там есть — свиной шницель? Вот во Франции жратва классная, а не та отравка, что у нас в Англии. Так что если

они и вправду заставят нас приземлиться в Меце, мы хоть поедим там, как люди.

Сообразив, что французы вряд ли обратят внимание на его фальшивый немецкий паспорт, Ури не стал спорить. А Джимми даже развеселился — мысль о французском обеде почти примирила с превратностями судьбы:

— Значит договорились, я тебя везу, а ты меня угощаешь, идет?

— На какие шиши, интересно, я могу тебя угостить, когда ты меня полностью обчистил, — взорвался Ури, который вовсе не стремился обедать в Меце.

— Ладно, двадцать фунтов я тебе верну, — нехотя согласился Джимми.

— Ты шутишь? Пожрать во французском ресторане вдвоем на двадцать фунтов?

— Больше ты ни гроша с меня не получишь! Ведь это ты впутал меня в историю с береговой охраной, так что сам ты можешь не есть вообще. А на мой обед двадцати фунтов хватит.

Найдя это остроумное решение денежной проблемы, Джимми успокоился и принялся вызывать береговую охрану. Однако когда радист сторожевой башни услышал, откуда они вылетели, он велел им немедленно совершить посадку на прибрежном военном аэродроме. Но Джимми не уступил — он стал красноречиво расписывать предстоящий им обед и сетовать на абсолютно разрушительное влияние опоздания на качество заказанных блюд. Радист оказался настоящим французом, — выяснив название ресторана и предполагаемое меню, он смилостивился. Он зарегистрировал их паспортные данные и позволил им долететь до Меца при условии, что они приземлятся на летном поле местного аэроклуба, где их будет поджидать представитель французской полиции.

— Хорошо, что я запомнил меню нашего прошлогоднего обеда! — воскликнул довольный собой Джимми, но тут же снова забеспокоился. — А вдруг он вздумает проверить, заказывали мы обед или нет?

— А ты возьми и закажи, — посоветовал Ури, напряженно обдумывая, как бы избавиться от этого совершенно неуместного праздника чревоутодия.

Однако обед оказался наименьшим из поджидавших его зол. Французский полицейский, не знающий ни слова по-

английски, проверив их паспорта, объяснил им на театральной смеси жестов и трудноузнаваемых немецких слов, что им придется проследовать с ним в центральную жандармерию для проверки документов. На этот раз никакие сожаления Джимми по поводу остывающего обеда не помогли, их посадили в полицейскую машину и под оглушительный вой сирены помчали по городу. Глядя на мелькающие за окном уютные, увитые плющом дома, Ури поинтересовался:

— А после Меца мы полетим в Саарбрюккен?

— Ты что? — ужаснулся Джимми. — Это невозможно, они ведь за мной проследят! Так что мне придется лететь обратно.

Ури понял, что спорить бесполезно, да и времени не осталось — они уже въехали через двустворчатые ворота в мощеный крупным булыжником двор. Двое полицейских забрали их паспорта, а потом, вежливо, но настойчиво наступая им на пятки, провели их через караульное помещение и оставили в давно не беленой пустоватой комнате, мебелированной тремя стульями и обшарпанным письменным столом. Сквозь высокое зарешеченное окно можно было любоваться на уже знакомые булыжники двора, сквозь которые не пробивалась ни единая травинка.

Как только дверь за полицейскими затворилась, Джимми плюхнулся на стул и заскулил:

— Ну для чего, для чего я ввязался в это дело?

— Чтобы заработать, — безжалостно напомнил ему Ури и подошел к окну. Если закинуть голову назад и прижаться к стеклу щекой, можно было увидеть запертые ворота и стоящего на часах караульного. Похоже, убежать из этой западни было непросто, да, пожалуй, и неразумно.

Время тянулось бессмысленно медленно. Про них с Джимми, кажется, забыли — за дверью топали, громко смеялись, шуршали чем-то пластмассовым, но все это не имело к ним никакого отношения. Ури посмотрел на часы, — с тех пор, как они приземлились, прошел уже целый час. Очень может быть, что Карл уже добрался до замка. При этой мысли в его воображении замелькали картины, одна страшней другой.

— Да перестань ты мельтешить перед глазами! — выкрикнул вдруг умолкший было Джимми. — Что ты все мечешься и мечешься, голова от тебя кругом идет!

Ури вздрогнул, словно разбуженный этим вскриком, и ощутил напряжение в икрах — надо же, выходит, все это время он, сам того не замечая, с равномерностью маятника шагал из угла в угол. Он остановился и присел рядом с Джимми, который вдруг резко выбросил вперед руки и с неожиданной силой столкнул его со стула.

— Нечего садиться! Иди, сделай что-нибудь, хоть дверь башкой пробей! А то эти идиоты про нас совсем забыли.

Ури невольно представил себе, что «идиоты» все это время выясняют, кем и когда был выписан паспорт на имя Ульриха Рунге, однако все же подошел к двери и начал колотить в нее кулаками, без особого, впрочем, энтузиазма. В ответ на его стук топот и смех за дверью слегка притихли, раздался звук отпираемого замка и в комнату заглянула голова в жандармской шапке:

— Зачем шуметь, — сказала она добродушно на отдаленном подобии немецкого языка. — Незачем шуметь, компьютер кажут.

И исчезла. Но оказалось, что даже Джимми понял смысл исковерканных немецких слов.

— У них компьютер кажут, а мы должны ночь провести в этой каталажке? — взвыл он и ринулся к двери, за которой уже снова загадели и затопали. Джимми принялся с остервенением колотить в дверь не только кулаками, но коленками, башмаками и, как показалось Ури, даже пару раз стукнулся об нее головой, выкрикивая при этом:

— Вот вам кажут! И еще один кажут! И еще кажут в придачу!

Никакого действия на веселую коридорную жизнь его отчаянная демонстрация не возымела, там продолжали топтать и гоготать. Через пару минут Джимми осознал безнадежность своих усилий, отошел от двери и улегся на пол, пробормотав устало:

— Хоть бы матрац дали, лягушатники поганые, чтоб они сдохли.

И тут же уснул. Ури секунду поколебался и растянулся рядом с ним, пытаясь сосчитать, сколько ночей он уже не спал. Лоскутные воспоминания последних событий замелькали перед глазами, так что пришлось их на миг прикрыть, после чего он немедленно погрузился в обрывочный полубормок-полусон.

ХЕЛЬКА

Хелька почувствовала, что Марта стоит посреди их заросшего сорной травой двора, задолго до того, как могла бы ее увидеть. Она еще даже не дошла до засохшего вишневого дерева, за которым их переулок ответвлялся от главной улицы, как в ноздри ей ударил знакомый кисло-сладкий запах пота, сдобренный едким привкусом раздражения и земляничного мыла. По этому запаху Хелька не только безошибочно узнавала Марту еще издали, но и безошибочно определяла, на кого направлена ее злая воля. Когда Марта думала не о ней, а о Клаусе, вместо раздражения к ее запаху примешивался привкус подушки, мокрой от слез.

Способность различать все эти тонкости на нюх появилась у Хельки еще в Польше, вскоре после того, как пьяный отец нечаянно опрокинул на нее кастрюлю с кипящим бульоном. Ей было тогда года три, не больше, но страшные подробности этого события врезались ей в память навечно, — вкусное бульканье бульона на керосиновой плитке, сбивчивое бормотание отца, отчаянный вскрик мамы и сверкающий золотыми блестками жира поток невыносимой боли, обрушившийся на нее с высоты. Потом было еще много боли, но уже не такой жгучей, а долгой и тусклой. И много унылых комнат с голыми стенами, куда ее привозили на скрипучих катаалках и раздевали под взглядом чужих глаз, нацеленных на нее поверх белых марлевых повязок. Когда она, наконец, опять очутилась дома, изрядно хромая и прижимая к боку малоподвижную правую руку, знакомая кухня показалась ей низкой и тесной, — так сильно она выросла с тех пор, как ее отсюда увезли на воюющей от боли машине «Скорой помощи».

Хромать Хелька так и не перестала, однако постепенно научилась отлично управляться со всеми нужными делами одной левой рукой. А, главное, у нее развился удивительный дар угадывать настроения окружающих по мельчайшим оттенкам их запахов. Сначала она думала, что другие люди различают запахи так же подробно, как и она, но постепенно ей открылся уникальный характер ее прозрений, и она стала охотно пользоваться ими для устройства своих дел, не признаваясь в этом никому, даже Клаусу.

Вот и сейчас, издали унюхав присутствие Марты, Хелька решила избежать встречи с ней, хоть не могла отказать

себе в удовольствии убедиться, что не ошиблась, и что Марта и впрямь приехала и стоит перед их домом, подкарауливая Клауса. Для этого она миновала свой переулок и, пройдя мимо трех последних домов деревни, свернула с дороги и углубилась в окаймляющую ее сосновую рощицу. Стараясь не хрустеть сломанными сучьями, Хелька прошла через рощицу и прокралась по узкому проходу между двумя дворами, ведущему к их переулку. Ступая как можно тише, что было не так-то просто с ее хромой ногой, она умудрилась неслышно добраться до высокого куста шиповника, сквозь ветви которого можно было рассмотреть ворота их дома.

Нюх не подвел Хельку — Марта была тут как тут, она топталась возле ворот, явно намереваясь дожидаться возвращения Клауса. Когда Хелька бесшумно раздвинула ветви шиповника, чтобы получше разглядеть, что Марта собирается предпринять, та вдруг дернулась всем телом и опрокинула горшок с засохшим цветком, в который они с Клаусом раньше прятали ключ. Горшок рухнул вниз и со звоном раскололся на мелкие черепки. Ну и Бог с ним, — все равно они перестали оставлять там ключ с тех пор, как Марта однажды приперлась сюда в их отсутствие и перевернула все в доме вверх дном.

Хелька осторожно выбралась из объятий шиповника и поспешила через рощу обратно в деревню. Хоть она и рисковала столкнуться там с Мартой, если бы та все же решила отправиться на поиски сына, другого выхода у нее не было: нужно было поскорей предупредить Клауса, что его стерва-мамка и впрямь притащилась за ним, как и грозились в свой прошлый приезд. С облегчением убедившись, что на главной улице Марты пока не видно, Хелька припустила так быстро, как только позволяла ей хромая нога, к мосту, за которым начиналась горная дорога, ведущая в замок. Однако перед самым мостом она споткнулась, неловко упала на искалеченную руку и почувствовала, что ей будет непросто преодолеть круто взбегающий вверх серпантин. Не желая сдаваться, она перешла мост и оставилась на приклеенное к столбу расписание автобуса, хоть знала его наизусть, — расписание подтвердило, что послеобеденный автобус давно прошел, а вечерний будет не скоро.

Хелька села на нагретый солнцем камень, скрытый густыми зарослями ежевики от тех, кто приближался к мос-

ту со стороны деревни, и приготовилась ждать Клауса столько, сколько понадобится. Очень хотелось есть и пить, и в уборную по-большому, но она не решалась покинуть свой пост, чтобы не пропустить Клауса, когда он скатится с горы на велосипеде. Он, конечно, будет ехать сверху на большой скорости, и если она его прозевает, то уже никогда не сможет догнать или докричаться — река под мостом шумит так громко, что он все равно не услышит.

И тогда он с ходу попадет в руки своей чокнутой мамки, которая увезет его Туда. Хелька была уверена, что если Клаус опять попадет Туда, она больше никогда его не увидит. От этой мысли ей стало так мутно, как будто это уже случилось — Клауса уже разлучили с ней и заперли Там навсегда, а куда ей без него деться? Если бы она даже захотела вернуться к отцу и братьям, из этого ничего бы не вышло. Их уже нет в убогом лесном домишке, от которого ей ни разу не удалось доковылять ни до школы на дополнительные уроки немецкого, ни до церкви на репетиции хорового кружка. Впрочем, если бы они еще там жили, про репетиции пришлось бы забыть, — отец ни за что не позволил бы ей ходить на спевки в здешнюю церковь. Он даже не пришел с ней попрощаться, когда нашел работу в другом месте и увез от нее братьев. Он вычеркнул ее из их жизни, не желая простить ей, что она поет в хоре у этих проклятых лютеран.

Отец раньше не был таким набожным, он просто слегка спятил после смерти мамы, когда до него дошло, что теперь ему в одиночку придется заботиться о своих маленьких сыновьях: кормить их, лечить, стирать, водить в детский сад. От Хельки проку было мало, хоть она была старшая, — с ее сухой рукой и хромой ногой нянька из нее вышла никудышная. Да и смотреть на нее ему было тяжело — длинный шрам, криво стягивающий ее правую щеку от глаза к уголку рта, всегда напоминал ему, что это он опрокинул на нее кастрюлю с кипящим бульоном. Так что он в конце концов обратился за помощью к господу Богу и какую-то поддержку в ответ на свои молитвы, похоже, получил. После чего совсем потерял разум, все больше укрепляясь в страстной преданности матери-Богородице и в не менее страстной ненависти к еретикам-лютеранам.

Когда тяготы быта заставили его искать убежища в богатой Германии, он сперва утешался мыслью, что и там

есть католики, но беспощадная эмигрантская судьба, как назло, занесла их в этот отдаленный уголок, где только-то и была одна-единственная церковь и та — протестантская.

Отец, конечно, не сдался, не такой он был человек. В убогой лесной избушке, выделенной их семье местной благотворительной общиной, одну комнату из трех он превратил в домашнюю часовню, в которой никому не позволялось ни есть, ни спать, хоть им было тесно впятером в двух оставшихся для мирской жизни клетушках. С истовой отрешенностью он молился в своей часовне по утрам и вечерам, принуждая детей молиться вместе с ним. Братья неохотно подчинялись, побаиваясь тяжелой отцовской руки, а Хелька обычно уклонялась, пользуясь своей дорого заработанной неприкосновенностью.

Чтобы избежать столкновений с отцом, она приспособилась удирать из дому на целый день, — рано утром ее увозил школьный автобус, с которым она должна была бы возвращаться после занятий, но не возвращалась. Сперва под предлогом уроков немецкого языка, хоть приходилось скрывать от отца, что их организовал для нее местный нечестивый пастор Кронах, очарованный ангельским хелькинским пением. А потом и без всякого предлога.

Это началось, когда Хелька первый раз пропустила школьный автобус и осталась в деревне после школы. Она не могла заставить себя вернуться домой, где отец буйствовал после очередного увольнения, — он с вечера сильно напился и полночи терзал сыновей, заставляя их без перерыва стоять на коленях перед деревянной статуэткой девы Марии. Статуэтку эту он вывез из Польши в одном из узлов с их жалкими пожитками и хранил, как зеницу ока. Хельку отец не принуждал молиться, но она все равно не могла уснуть и перед самым рассветом ворвалась в часовню, со слезами умоляя отца позволить братьям лечь в постель, чтобы они не проспали школьный автобус. Отец, не прерывая молитвы, сперва погрозил ей кулаком, но через пару минут все же отпустил мальчиков вялым взмахом руки. Однако было уже слишком поздно, и Хельке не удалось утром разбудить Кшиштофа, самого младшего, — в ответ на ее призывы он только горько всхлипывал и глубже зарывался в подушку.

Представив себе, как отец проснется с тяжелой головой и, обнаружив спящего Кшиштофа, начнет с похмелья

ной тоски новый цикл запоя и покаяния, Хелька почувствовала, что еще один такой день ей не вынести. Для начала она отказалась от школьного завтрака, чем сэкономила деньги на городской автобус, которым вечером можно будет вернуться обратно. Обеспечив таким образом свое будущее, она отправила братьев домой на школьном автобусе и осталась стоять одна-одинешенька посреди круглой площади перед ратушей.

Озираясь по сторонам, она медленно пошла по главной улице, разглядывая жилые дома и витрины магазинчиков. Все вокруг казалось ей красивым и приветливым: многокрасочные цветники, отделяющие дома от тротуаров, фарфоровые гномики, тут и там выглядывающие из-под ветвей. Особенно очаровала ее витрина мясной лавки, в которой было выставлено не менее ста сортов колбасы и сосисок. Рот Хельки наполнился голодной слюной — она даже не знала, что на свете существует столько разных колбас! Невозможно было представить себе жизнь людей, которые могли каждый день выбирать себе на завтрак новый сорт колбасы.

Хелька так загляделась на витрину мясной лавки, что чуть не опрокинула выставленную вдоль тротуара длинную перекладину, сплошь увешанную маленькими пластиковыми плечиками, на которых болтались пестрые детские одежки. Хелька тут же позабыла о колбасе — жизнь людей, одевающих своих детишек в эти крохотные нарядные вещички, привиделась ей еще более заманчивой. Она с трудом оторвалась от витрины и поспешила дальше, судорожно сжимая в кулаке заветные денежки на обратную дорогу, которых все равно не хватило бы ни на колбасу, ни на детские штанишки. С каждым шагом голова ее становилась все легче и прозрачней, пока не стала почти невесомой, так что на ней можно было бы взлететь, если хорошо разбежаться.

До сих пор Хелька сразу после школы возвращалась домой, а те несколько раз, что им приходилось посещать официальные инстанции или супермаркет, они ходили по деревне всей семьей, и внимание Хельки было сосредоточено на братьях. Зато теперь она была сама себе хозяйка и могла делать все, что ей угодно. И хоть она даже представить себе не могла, что ей угодно, это ее не смущало — она была уверена, что сегодня с ней случится нечто важное и необыкновенное.

Поэтому ее несколько не удивило стройное пение, доносящееся откуда-то с небес: нежные голоса, мужские и женские, разбегались, рассыпались бисером, чтобы, пустившись вдогонку друг за другом, соединиться вновь и слиться с музыкой, которая поднималась им навстречу из неизведанных земных глубин.

Хелька пошла на голоса. Чем ближе она к ним подходила, тем больше запахов улавливали ее ноздри, их было так много, что было трудно отделить один от другого, они сплетались в гирлянды, как голоса. Но один запах отличался от остальных, он властвовал над ними, — по его воле музыка взмывала вверх, а голоса рассыпались в пространстве. Хелька завернула за угол и увидела церковь, — хоть она была совсем не похожа на католические церкви, к которым она привыкла в Польше. Хелька сразу догадалась, что это церковь. Обычно застенчивая до слез, она на этот раз и не подумала стесняться, — она чуть-чуть приотворила тяжелую дверь и проскользнула в прохладную полутьму, освещенную лишь слабым трепетным пламенем горящих перед алтарем свечей.

Хор стоял лицом к свечам, охватывая полукругом одинокую фигуру, сидящую за пультом органа, и, похоже, никто не заметил Хельку. Она осторожно подошла поближе и убедилась, что именно органист был источником запаха, который властвовал над остальными.

На душе у Хельки стало вдруг тихо-тихо, как бывало в детстве, когда мама брала ее на руки. И в этой душевной тишине ей стало слышно, что хор выводит знакомую мелодию. Ну, конечно, это был тот же псалом, который пели у них во вроцлавской церкви, только там слова были на латыни, а тут по-немецки. Пренебрегая немецким звучанием текста, Хелька подхватила мелодию псалма и включилась в пение хора, — она сама не могла бы объяснить, какая сила заставила ее это сделать. Сначала никто не обратил на нее внимания, потом несколько голов обернулись на звук ее голоса, а потом человек за органом сделал какой-то знак, и все замолчали.

И Хелька осталась наедине с музыкой, льющейся из органа. Она попыталась было прекратить пение, но органист махнул ей рукой: «продолжай!», и она подчинилась — она повела мелодию одна, без поддержки других голосов,

уносясь все выше и выше, сперва под купол церкви, а потом еще выше, под самые небеса.

Никогда в жизни она еще не пела так хорошо. Она пела про несчастную, никому не нужную хромоножку, одинокую среди чужих людей, говорящих на непонятном языке, затерявшуюся среди чужих нарядных домов, где для нее нет и не будет места. Она пела про красивые цветы перед этими домами и про аппетитные пирожные, выставленные в витрине кафе, куда она никогда не решится войти, и про недоступные колбасы в окне мясной лавки. А, главное, она пела про то, что у нее нет никакой надежды быть такой, как эти дети из хора, которые спокойно едят пирожные и колбасу, даже не подозревая, какое это благо.

Псалом кончился, и в церкви стало тихо. Не говоря ни слова, органист снова тронул клавиши, и Хелька узнала мелодию другого псалма. Органист властно подал ей знак, и она снова послушно запела, уже не помня себя, а просто растворяясь и утопая в музыкальном потоке. Прислушав один куплет, органист кивнул кому-то справа и сказал «Клаус!», и к ней присоединился еще один голос, почти мужской, но все же еще мальчуковый — странный, ломкий и нежный. Хоть она пела на латыни, а он по-немецки, голоса их сразу нашли друг друга, они слились в один переливчатый голос и заполнили все пространство церкви.

— Ты что, здесь живешь? — спросил органист, поднимаясь из-за пульта, и только тут Хелька заметила его пасторский воротничок. — Я тебя раньше что-то не встречал.

Что было делать? Нужно было отвечать, а ее немецкого тогда едва хватало на самые примитивные операции, вроде покупки хлеба и молока:

— Я там... в лес, по дороге... с отец и три братья... — робко пролепетала она, но пастор сразу догадался:

— Так ты из польской семьи! Вот почему ты поешь на латыни!

«Азюлянты, азюлянты», — зашелестели голоса за спиной, но Хелька не обернулась, она уже знала, что «азюлянты» — это обидное прозвище, которое прилепилось к ним ко всем, к ней, к отцу и к братьям.

— У тебя прекрасный голос, — похвалил ее пастор. — Хочешь петь в нашем хоре?

Хелька смутилась окончательно — конечно, она хотела петь в хоре, очень хотела. Но ведь отец никогда не позволит, он убьет ее, если узнает!

«Что теперь будет? Что будет?» — испуг, казалось, затмил все остальные чувства, а губы тем временем, пренебрегая голосом разума, помимо ее воли проговорили «Хочу!»

С этого впервые произнесенного ею вслух «Хочу!» начались перемены, перевернувшие всю ее жизнь. Хелька часто потом удивлялась, как это она решилась заявить о чем-то, что было нужно ей, а не кому-то другому — братьям, отцу, сердитому Боженке, недобро глядящему на нее со стены отцовской часовни. До того дня, когда она вслух осмелилась выразить свое сокровенное желание, она знала, что людям неприятно на нее смотреть, она ловила их ускользающие косые взгляды и стыдилась своего искалеченного тела. Но молодой бородатый пастор из нечестивой лютеранской церкви не поспешил отвести от нее глаза, он приветливо протянул ей руку и открыл двери в новый мир.

А в этом новом мире ее ожидал Клаус. Он тоже был уверен, что люди сторонятся его и стараются поскорей отвести глаза от его неудачного лица, похожего на плохо пропеченную, небрежно сплюснутую булку, с никогда не закрывающейся прорехой мокрого рта у самой нижней кромки. Но для Хельки не было в мире лица милей и краше. Никто, никто, никто никогда не любил Хельку. Она всегда была для всех обузой, упреком, ненужным осколком разбитой жизни. Даже мама старалась пореже смотреть на неудачную дочь, а когда та попадалась ей на глаза, начинала тихо плакать, повторяя сквозь слезы: «Бедная моя, лучше б ты умерла!»

И Хелька привыкла верить, что всем было бы лучше, если бы она умерла. И когда мама неожиданно скончалась от сердечной болезни, Хелька была искренне согласна с отцом, который без конца повторял, что это ее вина, и что отправиться на тот свет следовало не маме, а ей, Хельке.

Один Клаус на всем белом свете думал о ней иначе. Сначала они просто пели дуэтом — пастор Кронах два раза в неделю оставлял их еще на час после спевки хора, и они под его аккомпанимент разучивали все новые и новые псалмы. А еще два раза в неделю он оставлял Хельку на дополнительные уроки немецкого языка, чтобы она смогла, наконец,

перестать петь на латыни. И Клаус всегда тоже оставался с ней, уверяя пастора Кронаха, что и ему полезно немного подучить немецкий. Потом он провожал ее к автобусу, стараясь приспособиться к ее неровному шагу, и никогда не сердился, что хромота мешает ей идти быстрее. Постепенно Хелька привыкла к его асимметричному лицу с постоянно открытым мокрым ртом и научилась с интересом слушать его болтовню — он порой делился с ней удивительными вещами, о которых Хельке никто до него не рассказывал.

Хельке было не просто уговорить отца позволить ей оставаться в деревне на дополнительные уроки немецкого, вместо того, чтобы возвращаться вместе с братьями на школьном автобусе. О спевках хора она даже не упоминала, надеясь, что отец не скоро о них узнает. Но он в конце концов узнал — одна восторженная любительница хорового пения, встретив его в супермаркете, заперла его в угол коляской с продуктами, чтобы выразить свое восхищение ангельским голосом Хельки. Он сперва не понял, о чем она толкует, но Хелька поняла сразу и, зажмурив глаза, с ужасом ожидала, когда до него дойдет трудно различимый иноземный лепет старой дамы. Хелькин немецкий был уже достаточно хорош, чтобы она смогла выловить из общего словесного потока отдельные знакомые выражения, вроде «...святые тексты... подумать только, такая беда... бедняжка... но Бог дал ей взамен... такой диапазон... высокий регистр...» — ясно было, что речь идет о ней.

Отец терпеливо выслушал эти сбивчивые похвалы, вежливо улыбнулся, промямлил «Данке шьон», как его научила приставленная к их семье социальная работница фрау Астрид, и, толкая перед собой коляску с продуктами, направился к кассе. Всю дорогу домой он хмуро молчал, и Хельке оставалось только гадать, понял он что-нибудь из того, что услышал, или нет. И молить Бога, чтоб не понял. Но едва они вошли в свой домик, он отшвырнул в угол сумки с покупками и влепил ей такую оплеуху, что она отлетела к стене, сильно ударившись хромой ногой о кровать. Боль была такая пронзительная, что она громко вскрикнула, сама удивляясь петушину звуку, исторгнутому ее горлом. Этот крик, по-видимому, отрезвил отца, — уже разогнавшись было для нового удара, он вдруг засыл с занесенным над ее головой кулаком, какую-то долю

секунды простоял так, сверля ее невидящим яростным взглядом, а потом отшатнулся и прохрипел:

— Вон отсюда, отступница! И чтоб духу твоего тут больше не было!

Не помня себя, Хелька выскочила на шоссе и заковыляла прочь от дома, то и дело оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что отец за ней не гонится. Но он даже не вышел из дому посмотреть, где она и что с ней. Только братья с плачем побежали было за ней, умоляя вернуться, но отец грозно прикрикнул на них из-за двери, и они послушно, как маленькие собачки, посплелись назад, то и дело оглядываясь, не идет ли она вслед за ними.

Но она уже знала, что не вернется. Правда, было неясно, куда она бредет, — ведь и в хорошем состоянии она едва ли способна была дойти до деревни, а сейчас ушибленная нога тормозила ее движение больше, чем обычно. Кроме того, небо заметно потемнело, и начал накрапывать противный холодный дождь, а на ней была только легкая блузка и сандалии на тонких ремешках.

Неясно было, добралась ли бы Хелька до деревни или нет, но, на ее счастье, ее догнала красивая голубая машина, за рулем которой сидела красивая нездешняя дама с голубыми глазами, — во всяком случае, Хелька никогда ее до сих пор не видела. Дама все-таки оказалась здешней, это была фрау Инге, владелица старинного замка, — его высокие башни можно было увидеть с церковной колокольни, на которую она несколько раз взбиралась вместе с Клаусом, когда пастор посылал того вместо себя звонить в колокола. Наверху всегда дул холодный ветер, и казалось, что колокольня слегка качается, так что Клаусу приходилось поддерживать Хельку одной рукой, чтобы ей было не так страшно.

И вот однажды, когда они стояли на крохотной каменной площадке под самым небом, Клаус вдруг наклонился и поцеловал Хельку в ямочку у основания горла, — она так смутилась, что оттолкнула его от себя слишком резко и он, наверно, обиделся. Он отшатнулся от нее, нахохлился и промолчал всю дорогу до автобуса. К великому огорчению Хельки, он больше не пытался ее поцеловать и даже перестал приглашать ее подниматься с ним на колокольню. Так что ей давно уже не приходилось поглядеть издали на таинственный замок на горе.

Зато теперь Хелька увидела этот замок вблизи и даже была впущена вовнутрь, потому что фрау Инге, услышав, что Хельке некуда деться, взяла ее с собой. Удивительно, что Хелька никогда ее раньше не видела, а она знала о Хельке все — не только про пение в церковном хоре, но и про братьев, и про отца с его часовней, и даже про Клауса. Хелька еще не успела толком удивиться, откуда фрау Инге все это известно, как из-за крутого поворота дороги навстречу машине выступила высокая зубчатая стена, увенчанная квадратной, тоже зубчатой, башней. Над этой башней к небу возносилась еще одна башня, тоже зубчатая и квадратная, а над ней еще выше виднелась отвесная малиновая скала. При виде этой невероятной красоты у Хельки перехватило дыхание.

Тем временем тяжелые ворота распахнулись, голубая машина въехала во двор, а за воротами стоял Клаус и удивленно смотрел на Хельку своими очень светлыми, почти белыми, прозрачными глазами. «Откуда ты взялась?» — спросил он, помогая ей выйти из машины.

Узнав, что отец выгнал Хельку из дому, он пригласил ее жить у него — в его доме полно пустых комнат, сказал он, в которых никто не живет, кроме пауков. «Теперь мы сможем репетировать каждый день, раз тебе не надо спешить домой, — сказал он, — заодно и пауков распугаем».

Нельзя сказать, чтобы мысль о пауках сильно вдохновила Хельку, но их оказалось не так уж много. Вооружившись щеткой на длинной ручке, Хелька тут же вымела их всех за порог и выбросила в сад. Убить пауков она не решилась — у них в Польше это считалось дурной приметой. А Хелька не хотела, чтобы что-нибудь дурное случилось у них с Клаусом, потому что у них началась настоящая любовь. Не сразу, а с того вечера, когда после ужина, который они приготовили вместе, она сама подошла к нему и поцеловала в губы.

Конечно, она очень волновалась, — а вдруг ему будет противен ее поцелуй, и он оттолкнет ее из-за хромой ноги и ужасного шрама, навсегда искривившего ее верхнюю губу. Но он не оттолкнул ее, а наоборот, прижал к себе и выдохнул куда-то за ухо:

— Так тебе не противно целовать меня?

И тут она поняла, что он такой же одинокий и несчастный, как она, и что только с нею ему будет хорошо, как и ей

с ним. Теперь она целые дни думала о нем — повторяя уроки в школе или пересаживая из ящичков в горшки молодые побеги в цветочном магазине, куда ее устроила фрау Инге.

А о ком ей еще было думать? Отец и братья пропали бесследно месяца три назад. Это обнаружилось одним ужасным утром, дождливым и хмурым. Хелька, как всегда во время переменки, побежала на первый этаж проведать братьев, но их не было в коридоре, где они обычно ее поджидали. Испуганная, она заглянула в их классы, но там их тоже не было. Тогда она, как была, без пальто, припустила под дождем в детский сад, куда ходил самый младший, ее любимец Кшиштоф. Но и его она не нашла в игровой комнате.

Молодая нарядная воспитательница, удивленно поднимая нарисованные коричневым карандашом брови, не поверила хелькиным заверениям, что та даже не слышала об отъезде своей семьи. Но Хельке было наплевать на недоверие воспитательницы. Не все ли ей было равно, что думает о ней эта чужая, довольная жизнью блондинка, когда единственные родные ей люди покинули ее, не оставив даже адреса? Теперь у нее не было на свете никого кроме Клауса.

А сегодня его бесноватая вонючка-мать приехала забрать и его, — чтобы у Хельки совсем ничего не осталось. Хелька вспомнила исходивший от Марты острый запах отчаянной решимости, обжегший ей ноздри даже сквозь густой заслон листы цветущего шиповника, и ужаснулась, — а вдруг той взбредет в голову взгромоздиться на свой старый велосипед и отправиться за Клаусом наверх, в замок? Да нет, тут же утешила она себя, — вряд ли даже потерявшая разум мамка Клауса отважится заявиться в замок в разгар военных действий, которые развернулись за последний год между ней и фрау Инге. Кроме того, зачем бы ей туда тащиться так поздно? Она ведь не знает, что с тех пор, как Ури уехал, Клаус работает до самого ужина.

И все же, несмотря на все эти самоуговоры, Хелька не стала полагаться на здравый смысл Марты. Пренебрегая жаждой, голодом и настойчивыми толчками в кишечнике, она попрочней уселась на теплом камне за кустом ежевики, так чтобы ей была виден и мост через реку, и асфальтовая лента шоссе, выползающая сверху из-за морщинистого бока гранитного кряжа. Хелька готова была сидеть так до ночи и даже до утра. Она взвинтила себя до такой

степени, что готова была на все, только бы не позволить Марге забрать Клауса Туда.

ИНГЕ

Ехать домой не хотелось. С тех пор, как Ури умчался невесть куда по таинственному призыву своей родины, Инге стало казаться, что их счастливой совместной жизни пришел конец. Порой ей даже чудилось, что никакой такой жизни с Ури у нее вовсе и не было, она ей просто приснилась. Тем более, что перед отъездом он старательно уничтожил все внешние следы своего пребывания в замке — запер в подвальную кладовую свою одежду и обувь и, тщательно выбрав из альбомов свои фотографии, сложил их в большой конверт и куда-то увез.

Он не сказал Инге, когда он вернется, и не обещал ни писать, ни звонить. Он объяснил ей, что его родина строго-настрого запретила ему всякое с ней общение, хоть по почте, хоть по телефону, так что даже надежда на его телефонный звонок не могла удержать ее дома. Он, правда, заверил ее, что раз телепатия в полномочия родины не входит, она может наладить с ним телепатическую связь, чего он — увы! — сделать не способен. «Телепатическая связь — это улица с односторонним движением, — объявил он, накручивая на палец прядь ее волос. — Вам, ведьмам, ничего не стоит настигнуть человека на любом расстоянии, а нам, простым смертным, это не дано, как ни старайся».

Инге уже так хорошо его изучила, что насмерть испугалась этой полусерьезной полушутки, — его губы улыбались, а глаза нет, и рука его касалась ее волос слишком нежно, словно он прощался с ней навсегда. Уж не потому ли при каждой попытке наладить эту хваленую телепатическую связь она натыкалась на какие-то огорчительные подробности, вроде двух недоброжелательных к ней женских полей, окружающих Ури плотным кольцом и полностью поглощающих все направленные на него волны?

Инге пробовала оправдать свои телепатические неудачи отрицательным влиянием непрестанно гложущей ее душу ревности, но два неожиданных ночных звонка Ури окончательно убедили ее, что в это дело вовлечены какие-то

темные силы, борьба с которыми превышает ее скромные возможности. Звонки были расхристанные и невпопад, они следовали один за другим с разрывом в пару часов, и оба раза ей было неясно, зачем он звонил и что хотел сказать. Вместо радости оттого, что он цел и невредим и она слышит его голос, от этих звонков остался горький осадок и невнятный, но очень основательный страх. Очень основательный, хоть, казалось бы, ничем не обоснованный.

И даже признание Ури о том, что рядом с ним каким-то непостижимым образом оказалась его возлюбленная мамочка, ничуть не утешало, хоть и объясняло наличие одного из женских полей. Во-первых, мамочка эта, — по слухам, красotka, которую Инге никогда в глаза не видела — даже и не пыталась скрыть свою неприязнь к немецкой подруге сына, а во-вторых, другое поле, возможно более опасное, все еще оставалось нерасшифрованным. А, главное, после этих неурочных звонков Инге стало ясно, что Ури чем-то сильно обеспокоен. Чем-то реальным и обоснованным, о чем хотел ее предупредить, но не сумел.

Опустив голову на скрещенные на руле руки, Инге сидела на опустевшей стоянке у супермаркета, терзаясь немотивированной тревогой за Ури, за себя и за нетерпеливо колотящего ее пятками младенца. Впрочем, может, он колотил ее не пятками, а коленками, но это было не важно. Важно было без происшествий доехать с ним домой, принять душ, поужинать и приготовиться к сегодняшней вечерней экскурсии по подвалам замка — тоже с ним, потому что он еще не дорос до того статуса, при котором можно было бы сунуть ему в рот соску и оставить спать в колыбельке.

Еженедельные вечерние экскурсии с недавнего времени стали неотъемлемой частью ее жизни, необходимой для подготовки к предстоящему вскоре переходу на дни открытых дверей в конце каждой недели, когда любопытные толпы будут заполнять вновь отремонтированные башни и залы равномерно сменяющимися одна другую группами. Конечно, это стремительное превращение древних руин в увлекательный хэппенинг было бы невозможно без самоотверженной помощи Ури и Вильмы. «А также, если бы отец был жив» — подсказал изнутри противный неодобрительный голос то ли совести, то ли нерожденного младенца, словно упрекая Инге за смерть отца. Но ведь ее вины

там никакой не было, если не считать того, что она была несправедлива к старику в его последние минуты.

Но она же не знала, что эти минуты последние, да и подозрения ее были весьма основательны — если он сжалился, черт знает почему, и не прикончил Ури, то уж Карла-то он, как потом выяснилось, и впрямь отправил на тот свет. При чем выбрал для него воистину ужасную дорогу, которую тот, может, и заслужил, но все же.... По спине Инге в очередной раз пробежали мурашки, когда она вспомнила врученную ей Ури знакомую связку ключей, принадлежавших когда-то Карлу.

Младенец недовольно пнул ее в бок и поделом — что это на нее сегодня нашло? Откуда эти мысли об отце и о Карле, о которых она и думать забыла давным-давно? Что ей вдруг приспичило ворошить память о мертвых, мало ей, что ли, других волнений, более насущных и реальных? Инге попыталась взять себя в руки, но образы Карла не исчезали, они окружили ее со всех сторон, целый сонм его образов, то сероглазых, веселых и насмешливых, то изжелта-бледных, угрюмых и беспросветных. И настойчивей всех пялился на нее пустыми глазницами тот, последний, знакомый ей только по рассказам, — обглоданный крысами череп, захороненный Ури в каменном мешке тайника.

Чтобы избавиться от этого наваждения, Инге поспешно нажала на газ и тронулась с места. Незачем было поддаваться соблазну праздного сидения посреди опустевшего асфальтового квадрата стоянки, когда дома столько дел, столько хлопот! Небось Вильма должна скоро приехать, чтобы еще раз пробежаться по последним записям предстоящей лекции и добавить недостающие штрихи. Да и фрау Штрайх надо помочь пересчитать входные билеты, — бедняжка Габриэла! Она так тяжело пережила гибель Отто, так искренно его оплакивала, что Инге поверила в ее бескорыстную любовь к старому инвалиду и наняла ее кассиршей в свое новое предприятие.

Пересекая мост, Инге заметила приютившуюся под скалой фигурку сидящей на камне Хельки. Инге показалось, что девчонка плачет, и она притормозила рядом с ней:

— Что случилось? Почему ты здесь сидишь?

Так и есть — плачет.

— Она за ним приехала! — прорыдала Хелька, не утирая слез.

На Инге смотрели огромные прозрачно-зеленые в обрамлении темных ресниц глаза — лесные озера в зарослях камыша. Внешний угол левого глаза был деформирован стягивающим щеку неровным шрамом, и Инге в который раз подумала, что, если бы не опрокинутая по пьянке кастрюля бульона, девчонка могла бы вырасти настоящей красоткой. Что ж, возможно, кто-то более мудрый, чем мы, решает наши судьбы, и беда Хельки обернулась удачей Клауса. Ну кто мог надеяться, что и на его долю выпадет истинная любовь?

— Кто она? Марта?

Хелька закивала, не в силах произнести ни слова.

— Ну, и где она? — Инге уже стало ясно, что придется взять на себя решение проблемы Клауса, хоть ей это сейчас было совершенно некстати, — ведь без нее эти два несчастных щенка не сумеют вырваться из бульдожьей хватки Марты.

— Возле нашего дома... стоит... подстерегает ...горшок с цветком разбила... — выдохнула, наконец, Хелька, забыв на миг, что никакого цветка в горшке давно нет. Потому что дело было вовсе не в цветке. — Если он придет домой, она его схватит и увезет Туда.

— Ну и что страшного, если даже увезет? Съедят его там, что ли?

— Ему Туда нельзя, ни за что! — затрясла головой Хелька. — Они его оттуда не выпустят!

— Да зачем он им там нужен?

— Чтобы дом забрать, вот зачем!

Что ж, в ее словах был известный смысл. С тех пор, как Марта присоединилась к апокалиптической коммуне «Детей Солнца», она совершенно обалдела из-за запущенного, но добротного кирпичного дома, испокон веков принадлежавшего ее семье. Сразу после вступления в коммуну она подписала дарственную бумагу о передаче дома в собственность некоего Луи Жордана, так называемого Мастера Ордена «Детей Солнца». Мысль о Клаусе ее не беспокоила, — он принадлежал ей, и она намеревалась взять его с собой. Однако в последний момент Клаус наотрез отказался уезжать из Нойбаха, хоть до того, по словам матери, не только охотно соглашался, но был даже очарован идеей новой жизни и проповедями Мастера — имя это Марта произносила с благоговейным трепетом.

Причина непреклонности Клауса выяснилась довольно быстро и привела Марту в непреходящее состояние бесильной ярости — дело было в том, что пока мать обдумывала детали своего судьбоносного решения, у сына началась его великая любовь с Хелькой. С этой любовью Марта ничего не могла поделать, она даже постигнуть ее была не способна. Она знала Клауса до Хельки, а Клаус при Хельке был совсем другой Клаус. Вернее, он был все тот же, но принадлежал теперь не Марте, а другой женщине.

И Марта растерялась. Сперва она его уговаривала, потом умоляла, а под конец стала угрожать, что если он не последует за ней, то окажется на улице. Не то, чтобы Марта жаждала обездолить сына, она просто хотела запугать его и подчинить своей воле.

Неизвестно, чем бы это дело кончилось, если бы в него не вмешалась Инге. Она подняла на ноги всю социальную службу района в борьбе за право Клауса остаться жить в своем фамильном доме. Силы на стороне Марты были немалые — оказалось, что многие уважаемые и обеспеченные люди присоединились в последние годы к Ордену «Детей Солнца». Но несмотря на то, что Орден поддерживал Марту деньгами и юридической помощью, Инге удалось добиться судебного запрета на передачу дома кому бы то ни было без согласия опекунского совета, защищающего права Клауса. Совет этот она сумела создать и зарегистрировать за рекордно короткий срок.

Марте не помогло предъявленное ею на суде медицинское свидетельство о недееспособности Клауса, — когда тот, умытая слезами, объявил, что лучше умрет, чем поселится с матерью на территории Ордена в Карштале, дело было решено в его пользу. Опекунский совет взял на себя ответственность за судьбу Клауса, в придачу к чему Инге обязалась обеспечить его постоянной работой у себя на свиноферме. Суд все же не обездолжил Марту окончательно, он позволил ей заложить дом на длительный срок, чтобы она смогла выручить деньги, необходимые для вступительного взноса в Орден. Марта собрала свои пожитки и переехала в Каршталь, а Клауса с Хелькой на время оставили в покое. Но Инге было ясно, что это не надолго.

Конечно, эта борьба не улучшила отношения Инге с Мартой, и без того достаточно напряженные. Заплакан-

ное личико Хельки на миг вернуло Инге в зал суда. Ей ясно привиделся злобно ощеренный рот Марты, изрыгающий страшные проклятия всем ее противникам и в первую очередь, конечно, Инге. Воспоминание было не из приятных, — Инге терпеть не могла, когда ее проклинали, поскольку в глубине души верила в действенную силу проклятий. С трудом стряхнув побежавшие было по спине мурашки, она вышла из машины и присела на камень рядом с Хелькой:

— Почему ты думаешь, что она приехала за Клаусом?

— Она в прошлый приезд предупреждала. Говорила, скоро приеду и заберу с собой. Когда у них там будет церемония, что после той церемонии он вылечится.

— Что это за церемония, после которой вылечиваются?

— Не знаю, она не объяснила. Сказала только, что это будет самое важное событие в ее жизни. И в жизни Клауса тоже. А я не верю! Не верю! — Хелька опять зашлась плачем. — Там все такое... такое... не знаю, как объяснить... страшное...

— С чего ты это взяла?

— Я там была, я все видела!

— Ты там была? Я и не знала.

— Я обещала не рассказывать. За то, что она оставит нас в покое. Но раз она сегодня за ним приехала, я ничего ей не должна. Когда она поняла, что он без меня с ней не поедет, она потащила нас туда. Хотела уговорить, чтобы мы оба там остались.

— И вы не захотели?

— Мне там было страшно, — Хельку начала бить дрожь, так что зуб на зуб не попадал. — Я там была, как муха в киселе.

— Почему же ты сразу не уехала?

— Да как оттуда уехать? Это же в чаще леса, и автобус туда не ходит! Нас повезла туда фройляйн Юта, вы ее знали? Красивая такая, аптекарша. Ну, раньше когда-то была красивая, а теперь аптеку продала, уехала жить в Каршталь и работает на овощном складе. У них там большой огород, так она картошку перебирает и складывает в мешки. Или морковку, или свеклу, когда что есть. Ходит в каком-то застиранном балахоне, а под ногтями у нее черные полоски, — грязь так въелась, что не отмывается...

Инге уже знала, что в Ордене «Детей Солнца» есть много обеспеченных людей, покинувших свои дома и семьи, но ей и в голову не приходило, что они перебирают там картошку и таскают тяжелые мешки. Аптекарьша из соседнего городка и впрямь была красивая женщина, хоть и не первой молодости, но подтянутая и одетая по последней моде. Раньше Инге часто ездила к ней за лекарствами для Отто и всегда восхищалась ее ухоженными руками, сверкающими серьгами и безупречной прической. А пару лет назад аптекарьша куда-то исчезла, и до Инге дошли смутные слухи, будто она продала свою аптеку и ушла в монастырь. В это трудно было поверить, уж очень она не годилась для монастырской жизни, но еще трудней было представить ее на овощном складе, в застиранном балахоне, с черными полосками под ногтями.

— Но все же эта Юта везла вас в своей машине? — перебила она Хельку, хоть сомневалась, что та знает ответ. Но Хелька как раз знала:

— Это уже не ее машина. Она нам всю дорогу объясняла, как это прекрасно, что у нее теперь нет ничего своего, потому что у них там все общее. И очень спешила скорей вернуться, чтобы закончить свою дневную работу.

— Значит, работа у нее все-таки своя, а не общая? — уточнила Инге.

— Ну да, там работа у каждого своя, а вот вещи у всех общие, — терпеливо, как маленькую, вразумила ее Хелька.

— У всех?

— Не знаю точно, но наверно у всех. Они там так выглядят, будто ничего у них нет и ничего им не надо. Худые, бледные, в каких-то облезлых одежках, и пахнут как... как... ну, не знаю, будто все они там чего-то боятся... Женщины неподкрашенные, причесаны кое-как...

— А тебе-то что? Ты ведь и так не красишься. И собственности у тебя все равно никакой нет, — Инге постаралась, чтобы слова ее прозвучали разумно и успокаивающе. Но из этого ничего не вышло.

— У меня есть Клаус! — на пронзительной ноте взвилась Хелька. Летний наряд не шел ей, он выставлял напоказ узловатые шрамы на предплечье, обычно скрытые под одеждой. — А там его у меня отберут! Отберут! Отберут!

Инге уже приходилось быть свидетельницей хелькиных истерик, и сейчас у нее не было на это ни времени, ни

сил. Нужно было остановить несчастную девчонку, пока та не вошла в необратимый штопор. Возражать ей было опасно, это бы только подлило масла в огонь, надо было придумать что-то помягче. Но думать было некогда, и Инге осторожно положила руку на мелко трясущиеся худенькие хелькины плечики, готовая к тому, что девчонка с криком рванется от нее прочь. Но плечики не отдернулись, а, чуть помедлив, придвинулись ближе и прильнули к Инге так плотно, что под ними стал ясно различим неровный перестук смятенного сердца — совсем как у птицы с переломанным крылом, которую Инге прошлым летом подобрала в лесу. Стараясь не спугнуть эту дрожащую птицу, Инге спросила почти шепотом:

— Что же такое они могут сделать, чтобы Клаус от тебя отказался?

Хелька секунду помотала головой, словно отгоняя какую-то невидимую муху, и заговорила быстро-быстро, часто ошибаясь и вставляя польские слова вперемежку с немецкими:

— Что они в пять утра встают, мне неважно, я могу и раньше встать, если надо. И даже когда нас с ранья повели к этому секвою делать гимнастику для души, я не спорить и пошла.

К какому секвою? — спросила было Инге, но тут же сообразила, что речь идет о дереве секвойя. Она и не подозревала, что секвойя растет в здешнем климате, но если кто-то двести лет назад привез ее сюда и посадил у себя в парке, то почему бы и нет?

Хелька даже не услышала ее вопроса, она продолжала все той же невразумительной скороговоркой:

— Нехай гимнастика, нехай для души, мне пшиско едно. Я рядом со всеми пристала спиной к тому секвойю, не знамо навищо, но хай, раз так треба, чтоб через того секвойя получать энергию с космоса. Они все туда пришли и цельный час спиной к этому секвою прижимались. Може они ту энергию получали, не знаю, я ничего не получила. А потом на одной ноzi десять минут стоят задля концентрации, потом на другой, но это я не змогла.

— А ты тоже должна была, как все? — перебила Инге, не столько из любопытства, сколько для того, чтобы притормозить стремительный поток хелькиного косноязычия.

Хелька шумно выдохнула скопившийся в легких воздух и заговорила поспокойней, почти не смешивая языки и все реже путая падежи:

— Ну да, мы ж пообищялы, я та Клаус, что протягнем один день, как все они там. Ну вот и пошли на гимнастику, а после той гимнастики нам дали пять минут влезть в ихние саваны и идти на ихнюю службу, называется медитация.

— Что за саваны? Одежда такая, что ли?

— Не знаю, может, одежда, а, может, просто мешки с дырками для головы и где рукава, чтоб руки просовывать. Мы надели эти мешки и пошли по парку с мамкой Клауса, но тут на нас набежали две стареньки панны с платками в руках и сказали, что треба нам глаза позавязывать. Клаус закричав, что он не хочет, чтоб глаза, но мамка его на него прыгнула, как скаженная. Вы ж ведаете его мамку, он и замовк. Нам глаза завязали и повели, сперва по дорожке, потом по ступенькам вниз. Ступенек было много, может целых сто, так что стало совсем хладно, как у погребни. И стали двери открываться, одни, други, трети, а после нас закрываться и защелкуваться. Я б забоялась — а вдруг она решила нас убить, чтоб дом забрать, но там были еще люди, воны шли и шли и шелестилы шагами, пока с нас не сняли те повязки. А там было такое... такое, не знаю, как и рассказать. Ну, вроде зала, така громаднa, як во Вроцлаве кино, только все стены в нем из зеркал. Одно зеркало в другом отражается, другое в третьем, а третье в первом, и так без конца. Свет почти не горел, только несколько маленьких лампочек, из-за зеркал нельзя понять, где они. И народу было много, тоже из-за зеркал нельзя сказать, сколько, тем более все в одинаковых саванах. Мы стали в полукруг лицом к высокой скамейке, на которую влезла одна из тех стареньких панн, что мне глаза завязывала. Она стала говорить что-то про мир вокруг, — что он грязный и развратный, и полный машин и всякой другой нечисти. И скоро должен погибнуть. И все люди тоже стигнут, останутся только те, что очистились и нашли путь. После, как она кончила, все стали мовчать. Просто так стоялы та мовчалы. У меня вже нога заболела стоять с ними и мовчать, но тут заиграла громкая музыка, и на скамейку взобралась еще одна панна, не такая старая, и начала спивать красивым голосом. Она спивала что-то вроде

того, что наш хор спивас, но слова незнакомые. Я не все поняла, там було про конец свиту и про то, шо скоро откроются двери, и мы побачим дорогу на Сириус. Я хотела спросить кого-нибудь, что таке Сириус, но они на меня зашипели, як ти гуси. Так я и не узнала, где той Сириус.

— Сириус — это звезда. Она очень далеко, много-много миллионов километров от нас, мы можем увидеть только ее свет.

— Так попасть туда нельзя? А я думала, это город или страна, потому что они все упали на колени, протянули руки к той, что спивала, и замяукали, як котятка: «Открой нам дорогу на Сириус! Дорогу на Сириус!» И булы таки, шо плакалы. Потом на нас снова надели повязки и повели вверх по ступенькам. Не успели мы выйти в парк, как Марта велела, чтобы мы скорей бежали переодеваться в обычную одежду, а то опоздаем к завтраку. На завтрак каждый должен принести свою тарелку, кружку и ложку, и не дай Бог перепутать. Так Марта взяла для нас из дому. Фройляйн Юта говорит, что это против вибраций, — чтоб космические вибрации разных людей не смешивались. На завтрак дали овсянку без ничего и воду с лимонным соком. После завтрака Клаус сказал, что он голодный, но мамка его как заорет, — он должен думать не про еду, а про щось инше, не помню, про шо. Так ему ничего больше не дали и послали в овощной склад помогать фройляйн Юте складывать в мешки картошку, морковку и свеклу, чтоб наутро их везти продавать на рынок. Работа грязна и тяжка, не для мене, но я ж пообещала. Пока мы мешки те таскали, фройляйн Юта все рассказывала, как ей было тяжко цельный день стоять в аптеке среди чужих. Там у ней в душе была тоска, шо она совсем одинокая и никто ее не розумьет, а тут она среди своих, которые избранные и знают истину.

— И она открыла вам эту истину? — хоть нужно было спешить, Инге не смогла удержаться от вопроса. При всей невероятности рассказа Хельки в нем была простота и подлинность, возможная только в устах очевидца.

— Может, она хотела открыть, но я не поняла, она так быстро говорит, и все артикли у меня в голове перепутались. А главное, я очень устала. Мы работали до самого ужина, была только коротка перерва на обед. Ни в ужин, ни в обед ничего путного не дали, ни мяса, ни рыбы, а так — один суп

с овощей да ще овощи пареные и опять воды с лимонным соком для очистки организму, чтоб он лучше принимал вибрации. После ужина сразу погнали в общий зал на занятия. Там выступал один, гладкий, красивый — не можно, чтоб он с одних овощей и лимонной воды такой стал. И утром на той гимнастике возле секвойя я его не видела, он небось еще спал. Он долго говорил — про грязный мир и про ихнюю миссию, чтоб им всем очиститься и стать как чиито диты.

— Дети Солнца, — догадалась Инге, вспомнив название секты в Карштале.

— Ну может, Диты Сонця, — согласилась Хелька, — я не все у его поняла, та й глаза у меня весь час слипались с устатку. Но все другие слушали и в тетрадки записывали, а потом он их вызывал к столу и проверял, кто что запомнил. А когда тот гладкий пан кончил их проверять, было уже совсем темно и я думала, мы пойдем спать. Тем более нам сранья утром надо было успеть на ту машину, что мешки на рынок возит. Но они не стали расходиться, а построились в три ряда, и вперед вышла та певица, что утром пела про Сириус. И все стали петь хором. Они пели стройно, но не так хорошо, как мы с Клаусом. Марта нас все толкала, чтоб мы к ним приединились, но мы побоялись — вдруг они услышат, как мы поем, и не захотят нас отпускать. Когда они перестали петь, нам опять велели надеть саваны, потом завязали глаза и повели в тот подвал. Мне было трудно идти, я весь час спотыкалась и два раза упала, пока нас опять привели у ту зеркальну залу. У той зали систи не можна, можна тилькы стояты, а в мене нога разнылась барзо и надо було систы — нехай на пол, абы систы, але они систы не дали, велели стояты полукругом и чекать. Я спросила, чего мы чекаем, и фройляйн Юта объяснила шепотом, что мы чекаем, чтоб открылись двери, но когда то будет, никто не знае. Мы чекали очень долго, я уже не розумила, котра година, как пришел другой красивый пан, не такой молодой, но тоже гладкий, я до тех пор его не видела. Он тоже долго говорил, але сил слушать уже не було. Потом он вдруг махнул рукой и стены затрусывались, лампочки поотрывались та захвылялись в усих зеркалах. У голови в мене тож усе закрутылось, я даже злякалась, что я упаду в обморок. Но тут одна зеркальна стена разделилась на две, и кажна половина поильно поползла вбок. Оказалось, что то не стенка, а то и

есть зеркальна дверь. За дверью было темно-темно, а в зале тихо-тихо. Потом из черного стало выползать билэ пятно, як мисяць у глыбине колодця. Пятно все збільшувалось и збільшувалось, аж поки не стало видно, что то людске лицо, але не живэ, а мертвэ, як повна луна. Билэ-билэ, як маска. А под лицом рука, тоже била, аж сверкае, и в той руци меч. Рука протягнулась вперед, меч стукнул об пол и сверкнул большой сполох, як молния вдарила, а за ней гром. У дивчинки, что рядом со мною стояла, почалася рвота, и мне сделалось дурно, так я когось штовхнула та побигла. Но куда бигти, я не знала, меня ж с завязанными глазами сюда вели. Клаус потом говорил, что я чегось кричала, а меня держали за руки и не пускали. Но я ничего того не помню...

Голос Хельки сорвался на полуслове, и Инге воспользовалась перерывом, чтобы глянуть на часы. Ужас, — до начала экскурсии почти не оставалось времени, а надо было еще поесть и уладить кое-какие мелочи.

— Слушай, Хелька, может, ты мне в другой раз доскажешь?

Но искалеченная лапка Хельки вцепилась в ее рукав, и не было сил ее оттолкнуть:

— Не уезжайте, не бросайте меня. Я боюсь.

— Садись-ка в машину, — предложила Инге. — Чем ждать Клауса тут, поезжай лучше со мной. И сама все ему расскажи.

— Нет, мне нельзя, — печально произнесла Хелька, обретая обратно свой добротнo выученный немецкий. — Он может меня не послушать и все равно поехать вниз к ней, раз он ей обещал. А я тогда за ним не угонюсь.

Младенец беспокойно заворочался, напоминая Инге, что ей давно пора перестать заниматься чужими делами и подумать о нем.

— Что ж, — вздохнула она и пошла к машине, — может, ты и права. А я поезду, мне пора.

— Но как быть, если она будет заставляяь его с ней ехать? — отчаянно крикнула ей вслед Хелька. И протянула к ней свою изуродованную руку, словно пыталась схватиться за последнюю соломинку.

И Инге не выдержала. Прекрасно зная, что ей не следует снова вмешиваться в отношения Марты с сыном, она вдруг сказала, с удивлением вслушиваясь в собственные слова:

— А ты научи его, чтобы он соглашался туда ехать только вместе со мной. А без меня ни за что!

КАРЛ

Напрасно Карл боялся, что Патрик будет возражать, когда он объявит ему о своем решении остаться здесь и дальше с ним не лететь. Как только они приземлились на заброшенном футбольном стадионе километрах в десяти от замка Инге, Карл начал репетировать свою прощальную речь. К тому времени, как они заправили самолет из специально припасенных Патриком канистр, речь уже была полностью готова. Но выяснилось, что все тщательно продуманные им доводы в пользу их неизбежной и взаимовыгодной разлуки были не менее тщательно продуманы самим Патриком. Ему по-видимому вовсе не улыбалась перспектива в случае принудительного приземления оказаться в одном самолете с навязанным ему Рыцарем, настоящего имени которого он не знал и знать теперь не хотел. Ему ни к чему были чужие грехи, с него было достаточно собственных.

И напрасно Карл прибегнул к сложной цепи уловок, чтобы незаметно вынести из самолета свою «беговую» сумку с тщательно выверенным и упакованным набором документов и грима, остаться без которой в этих условиях было бы почти смертельно. Потому что не успел он начать свою прощальную речь, направленную в затылок Патрика, завинчивающего крышку бензобака, как тот, не оборачиваясь, сказал с наигранным добродушием:

— Да не трудись ты так, не потей. Я же все понял, как только ты сумочку свою под полкой наружу вынес.

Сумку эту Патрик знал отлично, потому что все предыдущие дни Карл был вынужден хранить ее у того в кабачке, подальше от любопытных глаз. И хоть она была заперта тремя суперсекретными замками, Карл был почти уверен, что ловкий кабатчик как-то умудрился заглянуть в ее потаенные глубины. Однако заглянуть заглянул, а взять ничего не взял, это Карл торопливо проверил, как только они взлетели, и убедился, что все на месте. Да там, собственно, ничего путного для Патрика не было — ему вряд ли сгодились бы разноязычные паспорта и театральные гримы Карла. А

внушительный чек на имя, вписанное в новый паспорт Патрика, Карл предусмотрительно носил во вшитом под подкладку кармане вместе с пачкой разномастных купюр всех национальностей, которую он приберегал для себя.

Чек он намеревался отдать Патрику, как только тот снова заведет свою коронную песню о потерянном кабачке. Долго ждать не пришлось, но едва он сунул руку в нагрудный карман пиджака, где лежал чек, правая рука Патрика стремительно рванулась к боковому карману его щеголеватой нейлоновой куртки, подтвердив таким образом подозрение Карла, что пистолет у того всегда наготове. Карл оказался проворней — он успел протянуть Патрику чек прежде, чем тот успел выхватить пистолет. Патрик был тоже не промах и соображал проворней, чем стрелял, — он сделал вид, что нырнул в карман за носовым платком, который вытащил и тут же уронил, чтобы схватить чек.

Так что расстались они полюбовно и даже с некоторой сентиментальной слезинкой — дескать, приведется ли еще когда свидеться? Карл втайне надеялся, что больше не приведется, и не сомневался, что Патрик надеется на то же.

Когда серебристый силуэт самолета исчез за верхушками отступивших бывшее футбольное поле елей, Карл отступил в тень ветвей и закурил, соображая, какой дорогой лучше идти, чтобы покрыть изрядное расстояние до замка в максимально короткий срок. От соблазнительной идеи украсть в ближайшей деревне машину или велосипед он отказался сразу — любое брошенное на обочине шоссе транспортное средство могло навести на его след тех, кто будет его разыскивать. А разыскивать его будут. Да что там — будут, уже наверняка разыскивают, так что нужно поскорей добраться до убежища.

Легко сказать — поскорей, а вот как это сделать? Вечерело, и в лесу было тихо, — позднее июньское солнце, изрядно склоняясь к закатной черте, уже начало убаюкивать беспокойное население леса. И в этой полной, почти не нарушаемой обычными шумами лесной тишине явственно прозвучал совершенно чуждый монотонный звук. Не шелест, не клетот, не чириканье, а некое однообразно-размеренное чавканье — «хлоп-хлоп-хлоп!», будто кто-то шлепал большой ладонью по тесту.

Неслышно ступая по влажной траве, Карл двинулся в сторону таинственных шлепков, но в мерцающем кружев-

ном полумраке направление звука немедленно потерялось. Однако Карл продолжал двигаться по памяти и, как оказалось, правильно. Шлепки становились все громче, пока за кустами не обозначился яркий просвет, а в просвете обширная прогалина, по которой гуляла разнокалиберная пара справных лошадок.

Осторожно отодвинув пахнущую смолой словую ветку, Карл выглянул на прогалину, — слева от лошадей виднелся сарайчик из свежеструганных досок, а за сарайчиком стоял небольшой выдавший виды грузовичок с откинутым кузовом. Оттуда-то и доносились сочные шлепки. Карл выглянул смелее и увидел ловко орудующую лопатой коренастую фигуру в резиновых сапогах, которая подхватывала у себя из-под ног какие-то коричневые комья и забрасывала их в открытый кузов. Работа шла споро, коричневые комья равномерно шлепались на дно кузова — «хлоп-хлоп-хлоп!» Судя по запаху, это был лошадиный навоз, судя по количеству его под ногами трудолюбивой фигуры — работы там оставалось ненадолго.

И в голове Карла начал созревать весьма подходящий план, основанный на том, что лошадь не велосипед — оставишь ее непривязанной, только ее и видели. Главное, нужно набраться терпения и дожидаться, когда фигура в сапогах, которая при ближайшем рассмотрении оказалась немолодой дамой с едва тлеющей в зубах сигаретой, — вероятно для нейтрализации запаха, — управится с навозом и уберется восвояси. Терпения у Карла было сейчас не много, но ему было чем себя занять. Он сделал пару шагов назад и, присев на поваленное бревно, раскрыл свою заветную «беговую» сумку. С удовольствием пробегая пальцами по тщательно упакованным тюбикам театрального грима, он прикидывал, в какой личине лучше всего предстать перед Инге. Задача была не из простых — он должен был выглядеть так, чтобы она узнала его сразу, а все другие, с кем ему неизбежно доведется встретиться по пути, не узнали бы ни сразу, ни потом.

Он прикинул в голове несколько вариантов «за» и «против», рассматривая свое отражение в увеличительном зеркале, вмонтированном в крышку коробки с гримом. Искусству максимального преображения с помощью минимальных средств его тоже обучили в тренировочном лагере в Ливане, хоть и до того он неплохо управлялся с нож-

ницами и кисточкой. Конечно, в те славные времена, когда он, вдохновенно меняя личины, зачаровывал наивный буржуазный мир своими отчаянными выдумками, у него не было ни такого отличного грима, ни таких виртуозных инструментов преображения. Но зато он был молод, бесстрашен и доволен собой. Не то, что сейчас.

Он прислушался — навоз шлепался на дно кузова с той же монотонной равномерностью, — и снова вернулся к усталому лицу в зеркале. Серые глаза Яна Войтека, сверкающие иронией за матовыми стеклами очков, были обрамлены волнистой седой шевелюрой. С очками он покончил одним четким нажимом башмака, сложнее было сменить цвет глаз. Отложив глаза на потом, он принялся за выющиеся надо лбом серебряные пряди. Скосив их, как траву, ловкой маленькой косилкой, он перекрасил получившийся в результате забавный ворсистый бобрик в ординарный темно-русый цвет, отчего интеллигентное лицо чешского профессора невыясненных наук преобразилось почти до неузнаваемости в лицо простонародного жлоба с пристрастием к пиву и спорту.

Усилив этот эффект с помощью чуть загнутых вверх каштановых усов, Карл бережно открыл главное свое достоинство — узкий пенал, в каждом гнезде которого притаилась пара цветных линз. Одним ловким нажимом больших пальцев он вынул из глаз серые линзы и вставил вместо них другие — в левый глаз коричневую, в правый зеленоватую с желтыми точками по краям. Потом, поочередно прикрыв ладонью сперва одну половину лица, затем другую, решительно заменил коричневую линзу на зеленоватую и внимательно оглядел свое отражение, оценивая полученный результат. Теперь оставалось только укоротить и слегка обесцветить слишком длинные ресницы покорителя дамских сердец Яна Войтека, и новая вывеска готова.

Получившийся облик был бы почти идеальным, если бы не слишком сочные девичьи губы, которыми его наградил русский хирург во время пластической операции. Сволочи из Штази, отправляя его в Ливан, поспешили на полную переделку его лица, необходимую для сокрытия следов Гюнтера фон Корфа, а ведь небось продали его новым хозяевам за хорошенькую круглую сумму. И подлец-хирург сделал с лицом Карла ровно столько, сколько ему за это заплатили, и ни черточкой больше. Так что чув-

ственная розетка рта не совсем точно вписывалась в жесткий контур подбородка, подчеркнутый твердой линией крупного носа. Женщинам, правда, это нравилось, но проблем с женщинами у него не было и до операции.

Он продолжал внимательно всматриваться в свое обновленное лицо, постепенно к нему привыкая. Это была первая заповедь поведения во вражеском окружении, — для предотвращения глупых промахов после поспешного изменения внешности следовало каждое мгновение помнить, как ты сейчас выглядишь. Второй заповедью было имя — следовало каждое мгновение помнить, как тебя сейчас зовут. Глядя в зеркало на стриженного бобриком любителя футбола, Карл прищурил зеленовато-желтый глаз и промурлыкал из-под фатоватых усов:

— Меня зовут Вилли Вебер, мне сорок четыре года, место рождения город Оснабрюк.

И вздрогнул, — его слова, произнесенные почти шепотом, прозвучали неожиданно громко в наступившей тишине. Он как-то не обратил внимания, что шлепки прекратились. Боясь вернуться к прогалине и быть замеченным, он осторожно закрыл сумку и прислушался. Сначала тишину нарушало только еле слышное дыхание ветра в верхних ветвях, потом негромко заржала лошадь, и женский голос ответил на ржание с нежностью:

— До завтра, Фрицци. Завтра я приеду за тобой на расвете.

Фрицци явно не соглашался ждать до завтра, он на что-то жаловался скорее обиженно, чем сердито.

— Ну что с тобой, Фрицци? Ты ведь любишь спать в лесу, и у тебя есть все, что нужно, — попыталась усюветить его женщина, но задерживаться из-за него не стала. Хлопнула дверца машины, заворчал мотор. Фрицци заржал еще громче, но безуспешно — машина уже отъехала, чуть погромыхивая кузовом на ухабах лесной дороги.

ИНГЕ

Всю дорогу домой Инге спрашивала себя, зачем ей понадобилось накликивать на себя новые проклятия Марты. Удивляясь, какая сила заставила ее сказать Хельке такую глупость,

она так и не нашла ответа. Ведь не собиралась же она и впрямь тащиться среди ночи с Клаусом в Карштааль, чтобы присутствовать там на каком-то колдовском шабаше дурного вкуса? Однако, паркуя машину, она подумала, что, пожалуй, следует предупредить Клауса о поджидающей его внизу мамке, но Клауса не было ни во дворе, ни в свинарнике.

Ральф, растянувшийся на пороге кухни, лениво помахал хвостом, но не встал. «Стареет мой верный пес», — с привычной печалью подумала Инге и спросила: «А где Клаус?», но Ральф зевнул и не ответил. Идти искать Клауса у Инге не хватило сил. Больше всего ей сейчас хотелось нырнуть в постель, закрыть глаза и утихомирить разбушевавшегося младенца. Но ничего этого она не могла себе позволить.

Наспех перекусив и переобувшись, она взяла фонарь и спустилась в трапезную. Плавным поворотом зеркала отворяя секретную дверь, ведущую в подземный коридор, она вспомнила рассказ Хельки про мистическую зеркальную дверь в святилище Детей Солнца. Надо же, какое совпадение! Сердце испуганно колыхнулось — Инге не верила в случайные совпадения. И тут же обругала себя за то, что последнее время стала слишком пуглива. Ведь ничего общего у этих зеркальных дверей нет, — у них там дверь ведет куда-то в космос, а у нее всего лишь отделяет жилые помещения от маршрута туристских экскурсий.

Кое-как справившись с собственным малодушием, она вышла в подземный коридор и свернула в окаймленную гранитной балюстрадой галерею, наклонно уходящую вниз, в недавно отреставрированные подвалы, хранящие мрачные тайны рода Губертусов. Инге намеревалась проверить несколько эффектных трюков предстоящей сегодня вечером экскурсии, которые почему-то барахлили в прошлый раз. Обычно мелкий ремонт входил в обязанности Ури, но в его отсутствие это взяла на себя Вильма, и Инге была не уверена, что та сумела справиться со всеми непослушными замками и пружинками.

Она прошла через круглый красный зал и на миг приостановилась на верхней ступеньке лестницы, ведущей в фамильную сокровищницу. Лучше бы она это не делала — этого мимолетного мига было достаточно, чтобы в зал проникли давно ушедшие из жизни участники происшедшей здесь драмы. Первым появился отец. Закинув голову на противоестествен-

но вывернутой назад шее, он лежал в своем инвалидном кресле и глядел на нее одним невидящим глазом, тогда как второй был плотно залеплен еще не вполне засохшей кровавой коркой. Ей стало вдруг ужасно, непоправимо его жалко — «бедный, бедный папа, я виновата, виновата, прости!»

Усилием воли она отогнала это видение, и напрасно, — на смену ему явился пугающе реальный, почти физически ощутимый образ Карла. Не того, которого она любила в юности, и не того, которого научилась, сцепивши зубы, терпеть здесь, в замке, — с этими она еще могла бы как-то поладить. Но нет, за каждым поворотом коридора перед ее глазами возникал другой Карл, полузабытый, измученный и голодный, каким он предстал перед ней когда-то после своего побега из тюрьмы.

В какой-то неуютный миг Инге наново пережила те тревожные три дня, когда газеты, радио и телевидение без умолку твердили о его дерзком бегстве прямо из-под носа тюремной стражи. Тогда по всей Германии был объявлен полицейский розыск, тюремные фотографии Карла не сходили с экрана телевизора, и нудный голос диктора снова и снова повторял номер телефона, по которому должен звонить каждый, кто его увидит.

Инге не сомкнула глаз с той минуты, как услышала о его побеге. Она не знала, хочет или не хочет, чтобы он появился у нее в замке, но это было несущественно — она точно чувствовала направление его движения. Ей даже казалось, что она слышит его приближающиеся шаги, — она каким-то образом знала, что он не едет, а идет пешком. И идет сюда, к ней. Сперва шаги были едва различимы, как невнятный шепот, потом они стали громче, потом еще громче. А когда они загрохотали в ее ушах, как барабанный бой, она не выдержала и побежала к воротам. И за воротами увидела его — он стоял, прижимаясь лицом к чугунным прутьям калитки. Усталый, грязный, голодный, он лихорадочно искал способ, как, не привлекая внимания посторонних, известить ее о своем приходе. И, как видно, нашел — чем иначе можно объяснить вдруг охватившую ее неодолимую потребность подойти к воротам?

С трудом преодолевая лихорадочное предчувствие какой-то неведомой беды, Инге взяла себя в руки и терпеливо проверила основные стыки и соединения экскурсион-

ного маршрута, тщательно продуманного и тысячу раз отрепетированного ею и Ури. Слава Богу, все они были в порядке. Можно было вернуться в дом и наконец-то позволить себе расслабиться.

Войдя в спальню, Инге откинула покрывало, с наслаждением сбросила туфли и, не раздеваясь, прилегла на белый накрахмаленный пододеяльник. «Черт с ним, к приезду Ури постираю», — устало пообещала она в ответ на свой собственный упрек. И приказала сама себе: «А теперь закрыть глаза и никаких ненужных мыслей!» Однако выполнить этот приказ было не так-то просто. Воспоминания, тесня друг друга, хлынули из какой-то внезапно отворившейся душевной прорехи, и недовольный участвовавшим ритмом материнского сердца младенец заворочался в животе, требуя внимания и покоя. Инге зарылась лицом в подушку, пытаясь умирить разбушевавшийся пульс и утишить звон в ушах.

Но стоило звону чуть поутихнуть, как сквозь него провалился неумолимый звук приближающихся шагов. Походка твердая, решительная, — цок-цок! цок-цок! — по паркету со стороны кухни, все ближе, все громче, все неотвратимей. Инге сжалась в комок и плотней натянула на себя покрывало. Шаги уже звучали прямо на пороге спальни, дверь распахнулась, и голос Вильмы произнес:

— Что с вами, Инге? Вам нехорошо?

ХЕЛЬКА

Клауса не было так долго, что Хельке даже перехотелось в уборную. Пописать она все-таки решилась, втиснувшись в щель между камнем и скалой, а бушевавшие в кишечнике вихри как-то сами собой затихли, оставив тупую боль чуть пониже пупа. Зато вдруг ужасно захотелось есть. Под ложечкой образовалась зияющая дыра, которую необходимо было срочно заполнить чем-нибудь мягким и горячим. А Клауса все не было и не было...

Наверно, фрау Инге все ему рассказала, и он решил задержаться в замке подольше, чтобы избежать встречи со своей настырной мамкой. Хелька даже начала было жалеть, что не приняла предложение фрау Инге поехать с

ней навех в ее машине. Но тут же сообразила, что, если бы фрау Инге рассказала Клаусу, что она ждет его на дороге возле моста, он ни за что не оставил бы ее сидеть тут в одиночестве до ночи.

Тень скалы стала длинной-длинной, от реки потянуло вечерним холодом. Хелька сжалась в комок, чтобы согреться, и, наверно, задремала, потому что когда она почувствовала на щеке дыхание Клауса, он уже прислонил велосипед к камню и наклонился ее поцеловать.

— Что случилось? Почему ты здесь сидишь?

«Так он ничего не знает!» — дошло до Хельки, но она спросонья забыла, что собиралась не рассказывать ему все сразу, а начать потихоньку с куста шиповника и с разбитого цветочного горшка. Все это время, пока она, съездившись, сидела под скалой, она продумывала аргументы, при помощи которых она надеялась убедить Клауса избежать встречи с матерью. Но все аргументы куда-то испарились, когда ей ни с того ни с сего вдруг показалось, что Марта может выбежать им навстречу в любую минуту, и надо поскорей предупредить Клауса, пока не поздно. Она обхватила его шею руками, усадила рядом с собой на камень и, захлебываясь словами и рыданиями, стала рассказывать ему обо всем, что она пережила за этот день.

В этом рассказе реальные события перемешались с выдуманными, их недавний отъезд из Карштала в заваленном мешками овощном фургоне слился с ее сегодняшним бегством от наступающей ее Марты, в которое она тут же сама поверила. Клаус тихо сидел рядом с ней и слушал, не перебивая, — ему всегда требовалось некоторое время для осознания неожиданных происшествий. Наконец, Хелька кончила говорить и замолчала, тихонько поглаживая его колючий после недавней стрижки затылок. Она давно научилась прибирать его к рукам мелкими нежными касаниями, но на этот раз уловка не сработала, — Клаус тяжело вздохнул, отвел ласковые хелькины пальцы и решительно встал.

— Так я поеду к мамке, — сказал он и взялся за руль велосипеда. — Я ей обещал.

— А я? — не веря тому, что слышит, выдохнула Хелька.

— А ты приходи поскорей, как сможешь. Она же меня ждет, а не тебя.

Хелька мигом оценила ситуацию и поняла, что спорить бесполезно, а нужно действовать хитростью.

— Ну иди, — покорно согласилась она, не поднимаясь с камня. — А я еще тут посижу.

— Зачем тебе тут сидеть? — удивился Клаус.

— У меня нога сильно разболелась, я все равно так сразу не дойду.

— Ладно, если разболелась, так не спеши. Я с ней посижу, поговорю, пока ты доберешься.

— Вряд ли она станет дожидаться, пока я приду. Так что поцелуй меня на прощанье и иди.

Клаус потерял щекой о ее волосы, дольше он не мог дотянуться, не отпуская велосипед.

— Нет, не так, а по-настоящему. Может, это в последний раз. Может, мы больше никогда не увидимся.

Услышав это, Клаус выронил руль, и велосипед со звоном грохнулся на шоссе.

— Что значит, никогда не увидимся?

Хелька немедленно воспользовалась этой минутной заминкой и притянула его к себе со всей силой, на какую была способна ее увечная рука.

— Никогда значит никогда. Ты никогда не увидишь меня, а я никогда не увижу тебя.

— Но почему? — взвыл Клаус.

— Потому что она решила забрать тебя туда навсегда.

— Откуда ты знаешь?

На этот вопрос Хелька не могла бы ответить, — действительно, откуда? Однако знала она это наверняка и не собиралась его отпускать.

— Если тебя у меня заберут, — тихо, но твердо сказала она, — я просто умру.

— Как они могут меня там оставить, если я не захочу?

— Они завяжут тебе глаза, отведут в тот глубокий подвал и будут морить тебя голодом, пока ты не согласишься.

— Зачем я им нужен? — неуверенно произнес Клаус, не пытаясь, однако, высвободиться из объятий Хельки, хоть ему было страшно неудобно нависать над ней, изогнувшись в три погибели. Хелька воспользовалась этим и, нажав крепче на его плечо, снова усадила его рядом с собой на камень.

— Им, может, и не нужен, а ей еще как! Ей главное, чтобы ты был с ней, а не со мной.

— Но она же моя мамка! Она обидится, если я с ней не поеду, ведь я обещал, — совсем беспомощно пробормотал Клаус, но Хелька уже знала, как ему возразить.

— Ведь если б я ее не увидела, ты бы даже не знал, что она за тобой приехала. На что же тут обижаться?

— Но ты же мне рассказала...

— А кто это знает? Только ты и я, правда?

— Что же делать? — спросил Клаус, уже сдаваясь, уже готовый, как всегда, следовать за Хелькой с закрытыми глазами. Ответ у нее был готов, недаром она целый день репетировала разные варианты этого разговора:

— Мы прокрадемся в церковь и спрячемся на колокольне... — шепотом, будто кто-то мог ее услышать. — Там она ни за что нас не найдет.

— Но она может перехватить нас по дороге.

Тоже почему-то шепотом.

— А мы по дороге не пойдем. Ты ведь знаешь все проходные дворы.

— А велосипед? Она найдет нас по велосипеду.

— Велосипед мы спрячем в кустах сразу за мостом. Пошли! Скорей перейдем через мост и спрячем, пока она сюда не примчалась.

КАРЛ

Хоть Карл и нашел в сарайчике неплохое седло с уздечкой, он решил, что благоразумней вывести гнедого жеребчика Фрицци из загона неоседланным. Конечно, скакать по хорошей дороге на оседланной лошади было бы куда комфортабельней, чем отбивать зад до синяков на ухабистых лесных тропинках. Но по зрелом размышлении Карл предпочел благоразумие комфорту, потому что местные тропинки он знал, как линии своей ладони, а управляться с любой лошастью, хоть с седлом, хоть без, его натаскали в тренировочном лагере в Ливане.

Брать седло ни в коем случае не следовало. Когда полиция запустит частый бредень розыска, любая мелочь — например, жеребчик, увиденный кем-то из лесного загона, —

может навести ее на след. Значит, нужно создать впечатление, что жеребчик убежал сам, тем более, что он так возражал, когда его оставляли на ночь в лесу.

Для этого Карл первым делом выломал один из столбов, поддерживающих проволочную ограду. Потом, не жалея драгоценного времени, погонял Фрицци по кругу, чем придал разоренному загону такой вид, будто негодующий жеребчик метался там, пока не повалил столб и не вырвался наружу. В этот хорошо продуманный сценарий седло и уздечка не вписывались никак, разве что их похитил сам Фрицци. Но сценарий сценарием, а без уздечки обойтись было невозможно. К счастью, в верной «беговой» сумке нашелся туго свернутый шелковый шнур, который Карл всегда таскал с собой на всякий случай.

Когда он, наконец, преодолел сопротивление Фрицци и приноровился к скачке без седла, которую он мысленно назвал «отрадой мазохиста», до замка оставалось еще километров шесть. До сих пор все умственные усилия Карла были сосредоточены на решении неотложных практических задач, но мерное движение по хорошо знакомым ему долинам и перелескам не требовало столь полной интеллектуальной отдачи, оставляя простор для страхов и сомнений.

Достаточно ли продуманным было его решение очертя голову спрыгнуть на лету с самолета и на неоседланной лошадке судьбы направиться в неизвестность? С первого взгляда эта затея выглядела глупой и дерзкой, но интуиция подсказывала Карлу, что срок его службы на Ближнем Востоке приближался к концу, а вместе с ним и его жизнь. Он неплохо изучил повадки своих коварных хозяев и знал, что в их мире не любят слишком шустрых. Там нет незаменимых, и каждое выполненное задание сокращает время, оставшееся исполнителю. Так что пора было рвать когти.

Кроме того, Карлу очень быстро стало невыносимо шумное соседство Патрика Рэнди. Дело было не только в том, что нервы его были натянуты до предела, а Патрик ни на секунду не давал ему расслабиться. Главное, его наметанный глаз отметил в хитром бабочнике знакомое по напарникам последних лет терпкое сочетание упоения собой и обиды на судьбу, которая не дает передышки и надежды на завтрашний день. Молодые ребята могли наслаждаться полученной в обмен на риск свободой, но с возрастом ис-

крестное вино наслаждения скисало и превращалось в уксус, а Патрик был уже сильно немолод. Как и он сам, — Карл без фамилии, Гюнтер без лица, Ян без единой родной души на всем белом свете.

Впрочем, не всегда было так, чтобы ни одной родной души. Вчера, например, — неужто это было только вчера? — у него была Клара, готовая жертвовать жизнью ради него. Но сегодня ее уже нет и завтра тоже не будет, и вообще неясно, была ли она вчера. Тем более, что сегодня ему нужна вовсе не Клара, а Инге, девочка-стюардесса, принцесса из замка. Найдет ли он эту девочку? Он, кажется, забыл, что она уже не девочка, что ей давно перевалило за тридцать, и неизвестно, как она жила все эти годы, кого встречала, кого любила.

Разузнать о ней ему удалось немного. Все его проверки и уточнения были хлипкие и опасные. Он знал, что за ним всегда следят и никогда не доверяют. Не потому, что он чем-то вызвал недоверие своих хозяев, — вовсе нет, они просто понятия не имели о том, что такое доверие. Вот и приходилось каждый шаг свой соразмерять с неотступно следующим за ним подозрительным взглядом. Его телефонные разговоры прослушивались, его корреспонденция регулярно прочитывалась чужими глазами. Сведения о жизни Инге он собирал урывками, пользуясь привилегиями, дарованными ему в связи с подготовкой к роли профессора Войтека — ему на короткий срок открыли доступ к европейской справочной литературе. Собрал он чистый мизер: узнал, что Инге все еще числится в телефонной книге под фамилией Губертус, а Отто Губертус из книги выбыл, понятно куда.

И еще одну крупинку информации, крохотную, но бесценную, он добыл в библиотеке, дерзко нарушив главную заповедь поведения секретного агента на вражеской территории. На глазах у всех он вошел в телефонную будку и набрал номер Инге. Хоть он был обучен набирать любой номер так, что снаружи этот номер невозможно было засечь, он все равно рисковал жизнью в случае, если его боссы прослушивали даже английские автоматы. Правда, услышав голос Инге, он, не отзываясь на ее встревоженное «Алло!», тут же положил трубку, однако успел все же услышать, как она спросила еще тревожней: «Это ты, Ури?» Он вовсе не собирался с ней разговаривать, хоть и не-

прочь был бы узнать, чем она так встревожена и кто такой этот Ури, — или кто такая эта Ури? — по непривычному имени трудно было определить, женское оно или мужское. Карл решил выяснить это позже, при встрече, а пока ему только нужно было убедиться, что она по-прежнему живет в замке и сама отвечает на телефонные звонки.

И вот с этим скудным запасом сведений он, искусно избегая людных дорог, тряся на чужой неоседланной лошадке, чтобы поскорее очутиться у Инге, зная о ней только то, что ее отца уже нет в живых, а сама она по-прежнему живет в замке, носит девичью фамилию и отвечает на телефонные звонки. Теперь было уже не важно, опрометчиво он поступает или нет, потому что из этой точки все равно не было пути назад. Что ж, будь что будет, раз он еще не разучился играть с огнем и его все еще возбуждает головокружительный привкус опасности.

С привкусом опасности все было в порядке — он ошутимо возрастал по мере приближения к замку. Карл подъезжал не со стороны главной дороги, ведущей через мост к спиральному подъему в гору. Он выбрал более сложный, никому кроме него, наверно, неизвестный путь — сначала вверх вдоль горной речки, выходящей в расщелине соседней долины, потом через поросший густым кустарником перевал. На перевале он спешился и, ласково развернув Фрицци, легким шлепком подтолкнул его обратно, туда, откуда они поднялись. Жеребчик секунду постоял, словно ожидая, что новый господин передумает, потом тряхнул гривой и веселой трусцой поскакал вниз по склону, оставляя на своем пути цепочку золотистых навозных катышек. Глядя на эти катышки, Карл посочувствовал трудолюбивой хозяйке Фрицци — сколько добра пропало даром!

Итак, он был почти у цели. Оставалось только спуститься к заброшенной каменоломне, от которой давно нехоженная, поросшая травой тропка вела к узкому зеву его тайного подземного хода. Поскольку Карл не представлял, что ожидает его в замке, он намеревался проникнуть туда через подземный ход, а там оглядеться и выбрать образ действий в соответствии с обстоятельствами.

Но выйдя на знакомую площадку, зажатую между щербатым отрогом скалы и грубой кладкой сторожевой башни, он не нашел над ней и следа искусно замаскированного им

когда-то входа в узкий трубчатый туннель, по которому он столько раз пробирался в замок. Бросалось в глаза, что стену недавно ремонтировали: все выломанные в течение веков камни были аккуратно возвращены в свои старые гнезда и закреплены цементным раствором. Работа была профессиональная, и только опытный глаз мог заметить, что над внешним видом стены потрудились умелый реставратор.

Похоже, за эти годы здесь многое изменилось. Кто знает, не способны ли эти перемены превратить его дерзкую выходку в глупейшее самоубийство? Но деваться уже было некуда и не оставалось ничего иного, как идти на разведку наверх, к воротам, — никто лучше Карла не знал, что другого входа в замок нет.

Наверху у ворот его ожидал еще больший сюрприз: на пустынной в его время площади перед входом искрилось и сверкало в закатных лучах солнца совершенно неуместное строение из красного камня и стекла — то ли ресторан, то ли кафе. Прищурившись, Карл всмотрелся в готическую вязь вывески над дверью: «У крепостной стены». Чуть пониже и помельче значилось название популярного местного пива «Крумбахер».

У этой орошенной пивом «Крумбахер» крепостной стены было одно несомненное преимущество — здесь можно было не опасаться быть замеченным, так как площадь была полна людей. Они сидели за столиками ресторана, стайками бродили по древним булыжникам, закинув головы, разглядывали мозаику над входом или толпились у ворот, жадно покупая какие-то билеты. Нереальность происходящего была так велика, что Карлу на миг показалось, будто он ошибся адресом и попал в совсем другое место.

К счастью, привычка мгновенно анализировать ситуацию и принимать решения помогла ему довольно быстро справиться с замешательством. Небрежной походкой туриста он направился к мгновенно узанному им столику из гостинной Отто, за которым сидела так и не узанная им дама средних лет и продавала таинственные билеты.

Карл пристроился в хвосте небольшой многоязыкой очереди и, делая вид, что лобуется зубчатой стеной, осторожно огляделся. Знакомых лиц в толпе он, к счастью, не нашел, зато заметил многоцветный глянцевиый плакат, приколпленный над головой билетерши. На плакате была весь-

ма реалистично изображена все та же зубчатая стена с воротами в центре и примыкающий к ней кусок сторожевой башни. Поперек этой красоты было выведено золотой готической вязью:

«Еженедельная экскурсия по красочным
галереям и мрачным подвалам замка Губертус
(XIII — ЧМШ век)
Каждую пятницу в 20.00.
Цена билета 20 марок.»

Если бы Карл не боялся привлечь к себе внимание, он бы громко присвистнул. Ну и ну — еженедельная экскурсия по 20 марок с носа! Ай да Инге, ай да молодец! Карл прикинул, сколько народу снует по площади, и помножил это число на двадцать, — получилась довольно круглая сумма. Неплохо, если вспомнить, с каким трудом Инге удалось сводить концы с концами в те времена, когда он изображал из себя ее наемного работника. Интересно, где она достала деньги на ремонт подвалов и что она там нашла? И что подумала, когда нашла то, что он оставил ей на память?

Тем временем подошла его очередь, и он купил за 20 марок — никто не дал ему скидку по знакомству, — кремовый картонный квадратик, отворяющий перед ним заветные ворота замка. Квадратик, украшенный все тем же зубчатым силуэтом стены, выглядел вполне невинно и ничем не выдавал своей волшебной силы. До восьми оставалось чуть больше получаса, так что можно было еще успеть перекусить в ресторане и заодно попытаться разведать, какие перемены произошли в замке за годы его отсутствия.

Свободных столиков в ресторане не было — дела, как видно, шли неплохо. Любопытно, ресторан тоже принадлежит Инге? Выбрав столик, занятый двумя не слишком юными, нарядно одетыми дамами, Карл с наигранным стеснением положил руку на спинку свободного стула и вежливо спросил, может ли он разделить с ними стол. Дамы охотно прервали свой оживленный щебет и дружно вскинули на него умело подведенные оценивающие глаза. Удовлетворенные результатом осмотра обе приветливо закивали, Карл отодвинул стул и сел.

Оказавшись лицом к стойке бара, он немедленно увидел за стойкой знакомого — владельца деревенского кабачка Вальтера. Хотя немного располневший и лишившийся заметной части пышной когда-то шевелюры, это был несомненно он. Карл хотел было передвинуть свой стул так, чтобы повернуться к Вальтеру в профиль, но вспомнил, что выглядит сейчас не как Гюнтер фон Корф, а как футбольный болельщик Вилли Вебер из Оснабрюка — а ведь он чуть было не забыл об этом в суете последних минут!

Эта непростительная забывчивость чуть не подвела Карла, когда перед ним возникло еще одно знакомое лицо, появления которого ему следовало ожидать, как только он увидел Вальтера. Холодный пот выступил у него на верхней губе, когда он сообразил, что склонившаяся к нему сухопарая официантка не кто иная, как жена Вальтера Эльза. Он чуть было не отшатнулся от нее в первую секунду, прежде чем осознал, что, записывая в блокнот его заказ, она на него даже не смотрит, так она устала.

И все же, когда Эльза ушла, он испытал бесконечное облегчение и вдруг почувствовал, как ужасно он проголодался. Когда он ел в последний раз? Кажется, вчера вечером, за ужином в библиотеке — неужели это было всего лишь вчера? — до того, как кто-то подбросил на рояль его давно потерянную красную тетрадь. С той минуты события закрутились с такой стремительностью, что кусок не лез ему в горло. У него даже не нашлось свободной секунды, чтобы подумать о том, кто и зачем мог эту тетрадь подбросить.

И лишь теперь, ожидая, пока ему принесут заказанный им венский шницель — лакомство, недоступное в его мусульманском раю, — он вспомнил случай с тетрадью и начал прикидывать возможные варианты. Маловероятно, чтобы это было уловкой одной из разведок, — зачем бы им понадобилось его предупреждать? Да если б кто-нибудь из них хоть заподозрил, что он Гюнтер фон Корф, ему бы вряд ли позволили долго наслаждаться приятной беседой за вечерним чаем. По всему выходило, что тетрадь подбросил кто-то другой, — но зачем, зачем? Скорей всего, чтобы запугать и шантажировать.

Впрочем, нет — если его хотели шантажировать, то почему не шантажировали? Значит, хотели только запугать, в чем, надо признаться, вполне преуспели. Что ж, такой изыскан-

ный зигзаг отлично вписывался в образ действий его недоверчивых восточных владык. Это так соответствовало их стилю — нюхом учуять его стремление от них сбежать и пресечь это стремление в корне, дав ему понять, коварно и сокрушительно, что им все про него известно. И при этом так изловчиться, чтобы его тайная тетрадь невесть откуда возникла из небытия и тут же исчезла, не оставляя сомнений, что как они ее нашли, так они и его найдут, если только захотят.

Карл, собственно, и не сомневался, что они, если захотят, найдут кого угодно и где угодно. Потому-то он и пошел на эту рискованную затею, что не надеялся от них спрятаться. Зато, имея в кармане столь ценную кассету, рассчитывал с ними сторговаться, — в чем-чем, а в торговле они толк знали. Именно для успешной торговли ему нужно было надежное, никому, кроме него, не известное убежище и верная женщина для связи. Оставалось выяснить, насколько эта женщина ему еще верна.

Краем глаза Карл заметил, что Эльза двинулась к кухонному окну, в котором появилась тарелка с его шницелем. Хоть она на него не смотрела и хоть был он не так уж и похож на прежнего себя, он все же предпочитал не сталкиваться с ней лицом к лицу. Чтобы избежать этого, он взял с подоконника оставленную кем-то газету и уткнулся в открытый его предшественником разворот. Очередная заповедь агента предписывала во избежание разоблачения обязательно читать газету, взятую в руки для прикрытия. И он начал читать, не слишком вдумываясь в смысл прочитанного, но все же запоминая его на случай, если кто-нибудь дотошный поинтересуется, что же он там вычитал.

Одна из статей привлекла его внимание, не столько замысловатым заглавием «Что скрывается за благочестивым фасадом?», сколько большой, во всю ширину страницы, фотографией. На ней многолюдная вереница фигур, облаченных в светлые, вероятно, белые, длинные, до земли балахоны, втекала под сводчатую, уводящую в темноту арку. Перед аркой лицом к камере, воздевая вверх руки, словно для благословения, стояли двое, тоже в балахонах, — седовласый мужчина и молодая женщина в темных очках. Карлу показалось, что женщину эту он когда-то знал, — она была очень похожа на одну из двух нечесанных девиц, в визгливой компании которых он много лет назад, перед

арестом, прятался в тайной квартире. Эту, кажется, тогда звали Лиззи.

В памяти тут же услужливо всплыло ее настоящее имя — Зильке Кранцлер. Помнится, полиции так и не удалось ее схватить. Конечно, это могла быть вовсе не она, фотограф ухватил ее лицо в полупрофиль, но сходство было поразительное. Может быть, не с портретом, напечатанным когда-то в полицейском листке, но с той вздорной, сексуально озабоченной девицей, которая больше всех отравляла жизнь Карла в невыносимые месяцы их добровольного заключения.

Прислушиваясь к шагам приближающейся Эльзы, он еще глубже погрузился в чтение газеты:

«Началось расследование, — писал некто Ф. Штадлер, — подозрительной финансовой деятельности руководителей религиозной коммуны «Детей Солнца», поселившейся несколько лет назад в бывшем имении фон Хакке в долине Каршталя».

У его локтя звякнула раздраженно поставленная на пластик стола тарелка, и голос Эльзы проскрипел:

— Ваш шницель, господин.

— Да, да, спасибо, — пробормотал Карл, не отрываясь от газеты. Пока он вслушивался в деловитый шорох бумажной салфетки и легкое позвякивание стакана, вилки и ножа о поверхность стола, глаза его автоматически вбирали в себя разрозненные обрывки фраз: «...зубной техник, который был членом секты более десяти лет.... отписал свой дом и все сбережения.... по требованию адвоката... никакого ответа... скудный рацион и всенощные бдения... лишение сна...тяжелым изнурительным трудом без оплаты...Проповеди о конце света...собственность на десятки домов... банковские счета...»

— Вы тоже собираетесь на экскурсию? — хорошо поставленный культурный голос одной из соседок заглушил шаги Эльзы, и Карл не мог бы сказать точно, отошла она уже или нет. Поэтому он полуобернулся на голос, все еще прикрывая газетой обращенный к Эльзе профиль:

— А зачем еще люди приезжают сюда?

— Ну, разумеется, только за этим. Я просто так спросила... вижу, что ваш обед остывает, а времени осталось немного, вот я и подумала...

Карл бросил осторожный взгляд через плечо — слава Богу, Эльзы там уже не было! Он положил газету обратно на подоконник и придвинул к себе тарелку:

— И, действительно, есть что посмотреть?

— Говорят, там можно увидеть настоящие чудеса, — ободренная его вниманием заторопилась соседка. — Подумать только, этот замок простоял здесь сотни лет и никто даже не подозревал, какие культурные сокровища скрываются за этими стенами.

«Никто, кроме меня. Но мне бы и в голову не пришло делиться этими сокровищами с толпой. И старику Отто наверняка тоже, — подумал Карл, опуская вилку. — Кто же это, интересно, надоумил Инге торговать старыми семейными тайнами?»

— Да вы ешьте, ешьте, а то не успеете. Через пять минут уже начнут впускать внутрь.

И впрямь, через пять минут, наспех насладившись плохо прожеванным шницелем, Карл уже двигался в многоязыком людском потоке, вливающимся в ворота замка. Инге у ворот не было. Билеты проверяла уже виденная им билетерша и тоненькая девушка в облегающем комбинезоне из гладкой струящейся ткани того же цвета, что и ее короткоостриженные волосы. С первого взгляда она показалась Карлу очень молодой и очень красивой. Однако, подойдя поближе, он заметил, что она не так уж молода и не так уж хороша собой, просто облик ее был настолько освобожден от мусора бытовых деталей, что в нем преобладала трепетная духовная компонента, свойственная обычно очень ранней юности.

Глаза девушки то и дело обшаривали толпу, с жадным интересом выбирая и фиксируя лица проходивших мимо нее людей. Уж не она ли зачинщица всех этих перемен? В ее манере была какая-то особенная окрыленная уверенность в своей власти — над кем и над чем, хотел бы он знать. Опасаясь, что она заметит и запомнит его — в другой ситуации он был бы очень даже непрочь, но сейчас это было бы вовсе некстати, — Карл переместился в очереди так, чтобы предьявить свой заветный картонный квадратик не ей, а очкастой билетерше, которая на него даже не глянула.

Войдя в знакомый двор, непривычно залитый светом мощных прожекторов, Карл опять искал глазами Инге, но ее не было и здесь. Двор почти не изменился — тот же

строй тополей вдоль стены, те же истоптанные веками камни под ногами, те же пышные герани на окнах. Исчезли только штабеля камней, заготовленных им когда-то для постройки холодильника, зато рядом со свинарником уютился сам холодильник, по всей видимости, достроенный кем-то другим. Все выглядело так, будто жизнь здесь отлично продолжалась и без Карла, если не считать, конечно, смерти старика Отто, но вряд ли тот умер с тоски по нем. От этих мыслей Карлу в который раз стало не по себе — уж не промахнулся ли он, рассчитывая на неизменность жизни замка и постоянство его хозяйки? Что ж, скоро ему предстояло это выяснить.

Наконец все обладатели билетов прошли контроль и по знаку властной девушки неорганизованно двинулись в глубь двора.

— Наш маршрут начинается с подземного коридора, — объявила девушка, неожиданно огорошив Карла своим высоколобым, истинно академическим произношением, ничем не напоминающим своеобразный местный диалект. Значит, она не из местных и не из простых. Что же это за птица, и как она залетела в здешнюю глухомань?

— Коридор этот был прорыт в тринадцатом веке, — продолжала девушка, направляя толпу вдоль стены туда, где раньше располагались комнаты Отто, — еще до постройки стены, охватывающей оба здания крепости. Этот коридор давал возможность защитникам замка тайно переходить во время осады из одного здания в другое.

Внезапно прожектора погасли все разом, и двор погрузился в абсолютную, ни единой искрой света не нарушаемую темноту. Это длилось не дольше одной-двух секунд, затем в дверном проеме возникла парящая в воздухе женская фигура со старинным фонарем в простертой над головами зрителей руке. Она казалась очень высокой — то ли от обрамляющей ее рамы бархатной тьмы, то ли от ниспадающего тяжелыми складками платья из золотой парчи, стоячий воротник которого сливался с волной ее ниспадающих на плечи золотых волос. Эффект был потрясающий, толпа восторженно ахнула и затихла.

— Добро пожаловать в замок Губертус, — произнесла золотая женщина голосом Инге и медленным плавным движением подняла фонарь еще выше, в то время, как тело ее

начало плавно приземляться, пока носки золотых туфель не коснулись невидимых в темноте камней двора. Приземлившись, она, грациозно наклонив голову, нырнула под низкий свод дверного проема, публика плотной цепочкой потянулась вслед за ней. При входе очкастая билтерша вручала каждому свечу, которую она доставала из висящей на крюке плетеной корзины и которую тут же зажигала возникшая рядом с ней стриженная девушка в облегающем комбинезоне.

Зажав в руке слабо потрескивающую свечу, Карл протиснулся вперед, поближе к золотой женщине. Первой же остановкой при повороте в неизвестное ему, только что реставрированное ответвление коридора, он воспользовался, чтобы подойти к ней почти вплотную и заглянуть в лицо. Окончательно убедившись, что это Инге, он осторожно попятился — пока было еще рано попадаться ей на глаза. Что и говорить, не так он себе представлял их первую встречу. Впрочем, это ведь была пока не встреча, а всего лишь прелюдия к ней. У него еще оставалось время присмотреться к этой почти незнакомой женщине, от доброй воли которой зависела сейчас его жизнь.

Она изменилась за эти годы. Не то, чтобы постарела, — скорей наоборот, даже посвежела, но при этом в ее лице, да пожалуй, не только в лице, а в осанке тоже, появилась некая особая зрелая значительность, какой он не замечал у нее прежде. Или ему это почудилось — ну что можно сказать о лице, освещенном только дрожащими бликами свечи, горящей внутри стеклянной клетки фонаря? А, может, все это его фантазии — просто она немного располнела?

Диковинной длинной процессией, озаренной трепетным пламенем свечей, они, словно тени, ведомые в ад, потекли по причудливым извилинам подземного коридора. Голос Инге, усиленный мегафоном, говорил что-то смутно узнаваемое из учебника истории, но Карл не мог сосредоточиться на произносимых ею фразах. Нежданно-негаданно на него навалилось прошлое. Сколько раз он прошел когда-то по этому коридору — взад и вперед, взад и вперед? Не сосчитать и не упомнить. В памяти остался только тот незабываемый последний раз, когда он бежал, оскальзываясь на гладких камнях, и толкал перед собой кресло Отто, а старик, как безумный, повторял одно только слово: «Скорей! Скорей! Скорей!»

Инге тем временем провела их карнавальное шествие к широкой площадке, которая завершалась коротким лестничным маршем из красного камня, низвергающимся в центр круглого зала, расположенного в основании сторожевой башни. Здесь после темноты коридора было почти светло — зал был скупо подсвечен спрятанными в стенах неназойливыми электрическими светильниками. В их полусвете бросались в глаза следы недавней реставрации — в стенах не зияли, как когда-то, дыры от вывалившихся камней, и пол не был усеян рухнувшими столбиками опоясывающей второй этаж зала балюстрады. Все было аккуратно заделано, заштопано, замазано, сохраняя при этом, однако, зримые признаки старины. У подножия лестницы, охраняя вход в круглый зал, стояли два рыцаря в полных доспехах, при копьях и мечах.

Инге остановилась на лестничной площадке и повернулась лицом к публике. Где-то наверху вспыхнул яркий прожектор и осветил стену у нее за спиной. В руке Инге оказалась длинная указка, ловко орудуя которой она начала представлять публике развешенные на стене фотографии, изображающие полуразрушенные лестницы и заваленные камнями галереи, знакомые Карлу по прошлому.

Внезапно взгляд Инге на краткий миг скрестился со взглядом Карла и тут же скользнул мимо, но ему показалось, что в воздухе между ними вспыхнул и погас электрический разряд. Инге, конечно, его не узнала, но электрический толчок почувствовала несомненно, от чего черты ее исказились мимолетной гримасой то ли боли, то ли страха. Она прервала свою пояснительную речь почти на полуслове, поставила указку в угол и приложила руку ко лбу, будто пыталась вспомнить какое-то ускользающее из памяти слово. Это длилось недолго, всего какую-то долю секунды и, возможно, никто кроме Карла этого не заметил.

— Дамы и господа! — насильственно улыбаясь, сказали губы Инге, тогда как в глазах ее все еще таился ужас. — Пришло время спуститься вниз и посетить недавно открытые и отреставрированные подвалы замка, более пяти веков хранившие мрачные тайны моих предков. Вы воочию сможете убедиться, что теперь они выглядят не так, как на фотографиях последних лет, а так, как они выглядели в те далекие времена, когда бароны Губертус владели этим краем. Я

передаю слово профессору Вильме Шенке, автору готовящейся к печати монографии о средневековой германской архитектуре, которая расскажет вам о тех далеких временах.

Тут она кивнула в сторону стриженной девушки, которая опять вынырнула из темноты и оказалась рядом с Инге, поддерживая ее под локоть, словно оберегала от падения. Кто бы мог подумать, — оказывается, эта обтекаемая пигалица не какая-нибудь секретарша, а ученая дама, автор монографии! Значит, он правильно угадал, вся эта затея — ее рук дело. Интересно, как она вышла на Инге с ее сокровищами клана Губертусов? И почему она так бережно подхватила Инге под локоть?

— Дорогие друзья, — отчеканила фрау профессор на хох-дойч своим истинно профессорским голосом. — Сейчас вам предстоит необычное и увлекательное путешествие по подземным лабиринтам замка Губертус. Я надеюсь, нервы у вас крепкие?

В толпе раздались веселые голоса, клятвенно заверяющие фрау профессора, что нервы тут у всех, как канаты.

— Вот и отлично! — Вильма Шенке взяла у Инге фонарь, и его неуверенный свет на миг озарил лица стоявших в первых рядах. Застигнутый врасплох Карл поспешно попятился и шарахнулся в глубь галереи, наступая на ноги тем, кто теснился вперед мимо него. К счастью, все были так захвачены разыгравшимся на площадке спектаклем, что никто не обратил на него внимания.

— Готовы ли вы к опасностям и головокружительным новым впечатлениям? — спросила Вильма, и толпа дружно отозвалась:

— Готовы!

— Тогда пошли! — задорно воскликнула Вильма. — Но только чтобы потом никаких жалоб, вы сами захотели! — И повела оробевшую процессию вниз по лестнице.

Карл, который счел благоразумным пристроиться в самом конце, среди натужно ковыляющих старушек, приметил, что некоторые участники спектакля изрядно струсили и начали озираться по сторонам в поисках удобного выхода. Он бы и сам стал озираться, если бы не знал, что все известные ему, искусно замаскированные выходы из круглого зала были куда страшней и опасней, чем приведший их сюда невинный извилистый коридор.

Инге чуть отступила, уступая им дорогу, и Карл примедлил шаги, стараясь избежать встречи с ней. Слава Богу, она не стала долго задерживаться, а выудивши еще один фонарь из какого-то скрытого от постороннего взгляда хранилища, зажгла его одним ловким движением и последовала за Вильмой. Глядя на ее умелые крупные руки, Карл вдруг вспомнил естественную сноровку ее ладного тела, восхищавшую его в часы их кратких свиданий, до краев насыщенных ее любовью. Осталось ли у нее что-нибудь от этой любви?

Стараясь по по мере сил не опережать своих старушек, Карл в хвосте процессии спустился в круглый зал, где обнаружились даже некоторые экземпляры грубо сколоченной древней мебели. В его времена зал был не просто пуст, — мебель выглядела бы совершенно неуместно в его затянутых паутиной и продуваемых всеми ветрами просторах. Впрочем, и теперь, хоть паутину в основном смахнули и дыры в стенах заделали, ветры могли по-прежнему свободно гулять под потолком, врываясь в произвольно разбросанные по стенам бойницы.

Будь он проклят, этот зал, из которого он совершил когда-то роковой прыжок во мрак своей теперешней жизни, своего ненавистного посмертного существования. В памяти замелькали непрощенные картины из той, казалось бы начисто вытесненной, но оказывается вовсе не забытой поры, когда он проводил здесь целые дни. Картины эти были настолько яркими, живыми и почти осязаемыми, что он напрочь пропустил мимо ушей всю лекцию профессора Вильмы, которую остальные слушали, разинув рты.

Очнулся он только, когда толпа зашелестела, зашуршала и двинулась по окружности зала к хорошо знакомому Карлу узкому простенку, в торцовой стене которого скрывался тайный вход в подвал. Вильма, ни на секунду не прерывая своих хорошо отрепетированных объяснений, с ловкостью опытного регулировщика выстроила экскурсантов в четыре полукруглых шеренги, стоящих в затылок друг другу, и вызвала вперед смельчаков, желающих проявить смекалку. Хоть Карл и не слышал, в чем именно их смекалка должна была проявиться, его собственная смекалка подсказала ему, что им предстоит обнаружить секретный замок, открывающий заветную дверь.

Значит, реставраторы замка эту дверь нашли и открыли, чего, собственно, и следовало от реставраторов ожидать, если они хоть чего-нибудь стоили. А раз первую дверь открыли, так, небось, и вторую тоже. А, может, вторую все же не смогли? Ведь ключ от нее остался на дне вонючего колодца в связке других ключей, поспешно брошенных им в тот суматошный день в смрадное чрево ловушки. Карл вспомнил, как, бросив связку вниз, он со стесненным сердцем дождался звона от удара ключей о камень, дожидаясь, несмотря на спешку, дождался долго и тщетно, пока не сообразил, куда, вернее, на что, упали ключи, так и не зазвенев. На что или на кого, — как точнее назвать то, на что они упали?

Но если дверь все же открыли, то скорей всего нашли там весь набор, — и ключи, и то, на что они упали. А это значит, что Инге считает его мертвым. Надо этот факт учесть и использовать при инсценировке их встречи. Неудержимый поток мыслей Карла, абсолютно отключивший его от разворачивающихся у него на глазах событий, был прерван громким воплем многих глоток. Особенно вдохновенно и пронзительно звенели голоса его престарелых соседей, которые были вне себя от восторга, смешанного с упоительным ужасом.

Огромным усилием воли Карл заставил себя вернуться к реальности. Четверка смелых и догадливых — хорошенькая блондинка, два спортивных юнца и упитанный господин средних лет — выстроились перед зрителями спиной к черному зеву отворенной двери в подвал, гордо воздев в воздух победно сплетенные руки. Карл не следил за временем и не знал, как долго продолжались поиски секретного замка, но он не сомневался, что организаторы экскурсии позаботились о том, чтобы смелые и догадливые справились со своей задачей не позднее, чем это было запланировано. Как это похоже на Инге — четкость замысла и точность его исполнения!

— Отлично! — воскликнула Вильма, и в руке у нее появилось нечто вроде маленького букета на красных стеблях.

— Всем участникам команды-победительницы полагаются скромные призы!

Она проворно надела на шеи смелых и находчивых красные шнуры с пластиковыми копиями ключей от разных

дверей замка. Карл вспомнил, что каждый ключ не похож на другой и являет собой истинное произведение древнего кузнечного искусства. Он только запомнил, как Инге называла свою коллекцию антикварных ключей, всегда висевших на стальном обруче в простенке между кухонными окнами. Кажется, каким-то смешным именем из сказки, вроде «Двенадцати лебедей». Нет, не лебедей, а каких-то других птиц, из другой сказки, но вот каких птиц, из какой сказки?

Карл почувствовал, что сойдет с ума, если не вспомнит, кого же там было двенадцать, а, может, вовсе не двенадцать, ну, конечно, не двенадцать, а тринадцать — в этом все дело! В голове прояснилось и вслед за злонамеренной цифрой тринадцать из заросших травой забвения глубин вынырнуло имя связки ключей — «Чертова дюжина красавцев». Один из этих красавцев — как раз тринадцатый — обладал уникальным свойством: он отпирал ту страшную дверь. Когда здесь, у входа в круглый зал, змеиноголовый Отто недогнущей рукой вручил ему тринадцатого красавца, он не только заранее знал, он самозабвенно предвкушал, что должно произойти с Карлом за этой дверью. Он не знал только одного — что Карл тоже это знал.

И Карл с накатанной привычностью, от которой, как ему казалось, он наконец избавился в последнее время, в стотысячный раз представил себе, что бы с ним стало, если бы он за тот год не облазил и не выучил наизусть все закоулки коварного замка Губертус. Как он смеялся — безмолвно, конечно, — над старым интриганом, пока катил его кресло вниз по подземному коридору, притворяясь, что готов доверить ему свою жизнь и с благодарностью принять из его рук тринадцатого красавца, открывавшего ему дорогу к верной и мучительной смерти! Жаль, что старик уже умер, так и не узнавши правды, и Карлу не удастся пронзить его сердце своим вполне материальным появлением.

Тем временем артистичная профессорша средневековой архитектуры перестроила своих подопечных в длинную вереницу, которую с помощью Инге направила на узкий, неизвестный Карлу мостик, ведущий на просторный балкон, парящий в полутьме над стеклянной площадкой. Карл был уверен, что этой площадки в его времена здесь не было. Одного взгляда на эти скрепленные стальными рамами стеклянные квадраты было достаточно, что-

бы оценить их возраст, — они, вне всякого сомнения, были продуктом современной индустрии, хоть скрывали под собой следы вековых преступлений.

Для чего насланы эти плиты? Что скрывается под ними сегодня, что убрано, что оставлено на обозрение? Вильма прервала взмученный тревогой поток мыслей Карла:

— А сейчас мы будем искать тайный вход в фамильную сокровищницу Губертусов. Для этого мне нужен один смельчак. Только один смельчак, но истинный, готовый на головокружительно опасную авантюру! Имейте в виду, что немало народу погибло в поисках этого входа. Кто готов сегодня рискнуть?

Неужто они хотят заманить кого-то из публики в ловушку? Безумная идея на миг затмила сознание Карла — а что, если ему вызваться? Он-то знает отлично, что его там ждет, и не провалится, зато сумеет заглянуть в ту отвратную бездну и узнать, что лежит на дне. Скорей всего, они давно нашли ЭТО и убрали, — но вдруг нет? Не то что не нашли, но не обратили внимания, мало ли мусора там скопилось за века? Или наоборот — не только нашли, но почистили и аккуратно разложили под стеклянным колпаком, чтобы впечатлять доверчивых обладателей билетов ценой в двадцать марок.

Пока он боролся с дурацким детским соблазном, дюжина рук взлетела вверх:

— Я!!!

Вильма обвела глазами обращенные к ней лица и поманила к себе кого-то из толпы:

— Идите сюда! Нет, нет, не вы, а ваша соседка, — остановила она высокого рыжего парня, который начал торопливо протискиваться к ней.

Соседка парня оказалась такой же высокой и такой же рыжей, как он сам. Окинув жестким оценивающим взглядом спортивную фигуру девушки, облаченную в джинсовый костюм и белые кроссовки, Вильма удовлетворенно кивнула ей и спросила, готова ли та к неприятным сюрпризам. Девушка радостно подтвердила свою полную готовность к любым испытаниям, обнаружив при этом ярко выраженный американский акцент.

— Тогда пошли! — воскликнула Вильма, пренебрегая хором мужских голосов, обиженно протестующих против

ее выбора. Но, уводя американку по мостику обратно в зал, где все светильники вдруг погасли, она не выдержала и обратилась к разочарованным представителям сильного пола:

— Я вижу, вы все еще думаете, что мужчины в чем-то превосходят женщин? И это после того, как мы с баронессой Губертус наглядно доказали вам, что женщины способны справиться с любой сложной задачей. Ведь вы видели, как замок выглядел всего несколько лет тому назад и как он выглядит теперь!

«О господи, так наша фрау профессор — феминистка!» — догадался Карл. А как же Инге? У нее, похоже, не было к этому никакой склонности, она всегда была женщина от кончиков пальцев до мозга костей. И все же как-то странно: прошло столько лет, а она все еще не вышла замуж — при ее-то красоте и прочих достоинствах, не говоря уже о сказочном замке Губертус, перешедшем в ее владение после смерти старика Отто. Карлу вдруг ясно представилось, как полчаса назад Вильма бережно подхватила Инге под локоть, будто она фарфоровая. С чего бы это? Что там за отношения? Пожалуй, пора было отрываться от экскурсантов и отправляться на разведку.

Он сделал было шаг назад, намереваясь потихоньку протиснуться среди старушек, проскользнуть на мостик и раствориться в сумраке красного зала. Но в этот момент стеклянные плиты у подножия балкона дрогнули и начали медленно расходиться в стороны, открывая под собой узкий туннель коридора, в котором тут же вспыхнул яркий свет. Сверху было хорошо видна рыжая грива отважной американки, которая за то время, что Карл обдумывал отношения Инге и Вильмы, успела отпереть наружную дверь тринадцатым красавцем и переступить порог коридора.

Сделав несколько осторожных шагов по надежному на вид каменному полу, девушка остановилась и внимательно оглядела стены. Не найдя в них ничего примечательного, она сперва постучала по ним кулаками, а потом начала систематично нажимать на выступы и расщелины в поисках тайного входа. Убедившись, что с налету эту задачу решить не удастся, она переменила тактику и смелее двинулась вперед. Все случилось так внезапно, что публика не сразу осознала, что девушки в коридоре уже нет — один из булыжников вдруг ушел у нее из-под ног и

она, не успевши даже вскрикнуть, исчезла в разверзшейся под ней черной дыре. Толпа остолбенело помолчала секунду-другую, а потом дружно завывала. Даже у Карла, заранее предвидевшего, как это произойдет, перехватило дыхание.

Лампы в коридоре погасли, и несколько женских голосов зашлись в истерическом визге, но тут сильный луч прожектора, прорезав тьму, нацелился точно в зияющий среди камней провал и высветил джинсовую фигуру американки, довольно удобно сидящей в поролоновом кресле, хитроумно вплетенном в сетчатый гамак. Лицо ее, вначале ошеломленное, стало быстро расслабляться, стремительно озаряясь восторженным сиянием. Карлу было хорошо знакомо это чувство блаженного обновления застывшей от ужаса крови, когда смертельная опасность осталась позади. Много лет он делал все для того, чтобы испытать это чувство снова и снова. Но последнее время смертный шок уже не проходил окончательно, а надолго оставался в теле безрадостной терпкой оскоминой.

И сейчас давно пережитый шок отозвался стеснением сердца, и Карлу стало мутно при мысли, что придется продефилировать в общем строю через эти меченные недоброй памятью подвалы. Да еще весьма кстати подвернулось мудрое подозрение, что в круглый зал они уже больше не вернуться, так как их ждет лишь поступательная дорога вперед к новым аттракционам и к наново пробитому выходу куда-нибудь за пределы замка. Организаторы и распорядители этой чудо-экскурсии проявили слишком богатую изобретательность, чтобы не выпроводить ее участников восвояси без лишней головной боли из-за их попыток проникнуть в замок на обратном пути.

По всему выходило, что его первоначальное интуитивное побуждение покинуть общество любопытных старушек и красноречивой феминистки Вильмы следовало немедленно претворить в действие. Что он и выполнил, выбрав удобный момент, когда экскурсанты, слегка тесня друг друга, стали по очереди протискиваться в коридор с разинутой в центре пола пастью ловушки, на которую положили узкую металлическую доску, так что каждый, проходя по ней, мог содрогнуться при виде бездонной глубины у себя под ногами.

Вежливо уступая дорогу доверчивым старым дамам, уже успевшим проникнуться к нему симпатией за его подчеркнута джентльменскую вежливость, Карл оказался замыкающим в длинной очереди желающих заглянуть в сокровищницу Губертусов. Дальше все было проще простого, — убедившись, что никто не обращает на него внимания, он слегка отстал от остальных, а потом быстрым решительным рывком взлетел вверх по ступенькам, пересек лестничную площадку и нырнул под темные своды подземного коридора. Там он свернул налево, в направлении комнат Инге.

УРИ

Ури бродил по тускло освещенному библиотечному залу, беспорядочно сдвигая и раздвигая скользящие по рельсу полки с книгами. За каждой отодвинутой полкой он обнаруживал втиснутое среди книг скрюченное тельце Брайана, одетое в потертый коричневый пиджак с замшевой заплаткой на локте. Он поспешно задвигал полку, открывая при этом новый зазор, в котором неизменно появлялся тот же коричневый пиджак с той же замшевой заплаткой на локте. Пытаясь избавиться от этого наваждения, Ури все быстрее и быстрее бежал вдоль бесконечного ряда полок, сдвигая и раздвигая их со все возрастающей скоростью, так что постепенно бег его превратился в дробную канонаду ударов дерева по дереву.

Когда деревянная канонада стала совсем невыносимой, он открыл глаза и обнаружил прямо перед собой ногу в черном башмаке на шнурках. Нога нацеливалась и, чуть подрагивая в икре, небольно пинала его в плечо.

— Хватит, — сказал он хриплым спросонья голосом. — Я уже не сплю.

В ответ над ногой возникло симпатичное среднеевропейское лицо, декорированное тонкой полоской усов. Усы изогнулись в улыбке надо ртом, безуспешно пытающимся выдать из себя немецкие слова:

— Вставать надо. Идти телефон.

Телефон? Сон разом слетел с Ури, он вскочил и устремился к выходу. Джимми заворочался на полу, но не проснулся. Дверь за Ури захлопнулась, и он оказался в коридоре.

доре, откуда его быстро провели в чей-то кабинет с креслом и письменным столом. На столе потрескивала снятая с рычажка телефонная трубка. Ури схватил ее и прижал к уху, краем глаза заприметив, что сопровождавший его полицейский деликатно вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Ну, конечно, слушать их разговор здесь, в кабинете, вовсе не обязательно, его можно прекрасно прослушать по параллельному аппарату.

— Ульрих Рунге? — зазвучал в трубке знакомый голос.

— Да, это я, — сдержанно ответил Ури, лихорадочно пытаясь припомнить, откуда он так хорошо этот голос знает. Загадка разрешилась сама собой, когда его собеседник перешел на иврит,

— Как тебя туда занесло, хотел бы я знать?

Сомнений не оставалось, — это был Меир, как, впрочем, и следовало ожидать.

— А разве мать тебе ничего не рассказала? — спросил Ури, предполагая, что это очередная игра Меира, — ему, дескать, ни к чему посредники, он хочет все узнать из первоисточника.

— Мать? — голос Меира вдруг сорвался, словно он поперхнулся этим словом. — Твоя мать, что ли?

А чья же еще, интересно? Меир молчал, только дышал в трубку, можно было подумать, что он нарочно тянет время, неясно просто зачем.

— Ну ясно, что моя! Она что, ничего тебе не рассказала?

Меир, наконец справился со своим сбившимся дыханием и проговорил невнятно:

— Так получилось, что мне не удалось с ней поговорить.

Он опять немного помолчал и объяснил:

— У нас тут началась такая карусель, что мне было не до разговоров с ней.

Что там началась карусель, Ури не сомневался, но как это Меир не выслушал Клару?

— До такой степени ты закрутился?

Меир опять поперхнулся словами:

— Представь себе, до такой, — он так глубоко вдохнул воздух, что трубка зажужжала, словно пчелиный улей. — Но ты все еще не ответил на мой вопрос.

На это Ури ответил новым вопросом:

— А Лу у тебя тоже не нашлось времени выслушать?

— Лу я, конечно, выслушал, но понять ее было трудно. У нее в мозгах что-то заиклилось, так что в ее рассказе концы с концами не сходятся.

— Что же именно не сходится?

— Она просто помешалась на идее, что миссис Муррей убил какой-то бабочник. У нас полчаса ушло только на то, чтобы выяснить, что бабочником она называет местного кабатчика Патрика Рэнди. Но вот зачем ему это понадобилось, выяснить не удалось. Она совсем потеряла голову, тем более, что Джерри устроил ей страшный скандал из-за машины.

— А что случилось с машиной? — насторожился Ури.

На Меира опять накатил приступ спазматического кашля, — зубочисткой своей он подавился, что ли?

— Он расвирепел оттого, что она без спроса отдала тебе ключи, — проямлил он, прочищая горло.

— Это в момент, когда убили Брайана? Кстати, что она сказала о его убийце?

— Она ворвалась ко мне в истерике, выкрикивая, что Брайана убил Ян Войтек, но сама не знала, откуда она это взяла.

— И ты ей, разумеется, не поверил? Зачем же ты тогда приказал перехватывать все частные самолеты? Чтобы остановить меня?

— Да я понятия не имел, что ты тоже улетел, пока мне не прислали из Меца фотокопию твоего немецкого паспорта! Я глазам своим не поверил.

— Значит, ты все же хотел перехватить Яна Войтека?

— Не столько его, сколько кабатчика. Он-то улетел наверняка, это мы проверили, но вот был ли он один или с кем-то другим?

— Вот и спросил бы у Клары. Она-то знает, что с ним был пассажир.

На этот упрек Меир ответил не сразу. Он засопел, зашуршал, — похоже, закурил сигарету и, громко выдохнул:

— Предположим, ты прав, и он улетел с пассажиром. Но откуда ты взял, что это Войтек?

Ури похолодел, — все это время он в глубине души надеялся, что пограничники успели перехватить самолет бабочника.

— То есть, меня вы сумели задержать, а его нет?

— Пока нет, — сокрушенно признался Меир.

— Ничего себе пока! Да он уже давно приземлился!

При мысли о том, где Карл мог приземлиться, Ури охватила бессильная ярость:

— Немедленно прикажи отпустить меня, — выкрикнул он, нарушая все правила субординации. — Один раз ты уже его прощляпил, так не повторяй своей ошибки!

Похоже, и Меиру было не до субординации. Вместо того, чтобы рассердиться, он сказал устало:

— Тише, тише, не кипятись! Сейчас тебя отпустят, только сперва объясни, ты что — погнался за Войтеком? Почему за ним? Как он связан со смертью старухи?

— Разве Лу тебе это не рассказала?

— Я тебе уже говорил, что в рассказе Лу не хватает слишком многих звеньев, чтобы вышло что-то связное.

Это правда, Лу тут была ни при чем, она ведь толком ничего и не знала.

— Я повторяю — хочешь понять, расспроси Клару. А пока распорядись поскорей, чтобы эти французы немедленно меня отпустили, а не то Войтек и от меня улизнет. Если уже не улизнул.

— У тебя что, есть сведения, куда он направился?

На этот вопрос Ури сейчас ответить не мог — он не хотел еще и Инге впутывать в это дело. Позже он придумает какую-нибудь невразумительную полуправду, которую можно будет попытаться выдать за правду. И в которую Меир скорей всего не поверит, но это будет потом, когда это будет не так уж важно. А сейчас нужно любой ценой выбраться из идиотской ловушки, расставленной Меиром для Карла.

— Наверняка сказать не могу, но кое-какие соображения имеются. Только все они ограничены временем, еще немного — и будет поздно.

— Для чего поздно?

Чтобы вырваться из бульдожьей хватки Меира, нужно было рубить сплеча:

— Если Войтек ударит к своим хозяевам, он унесет с собой заснятую им в хранилище киноленту.

Этого Меир не ожидал. Даже сквозь потрескивание эфира можно было почувствовать крутой всплеск напряженности его электромагнитного поля:

— Откуда у тебя эта бредовая идея?

— А для чего еще ему понадобилось такой ценой добыть секретный ключ миссис Муррей?

— А как он эту пленку, по-твоему, умудрился заснять?
— Я подозреваю, что он ухитрился установить камеру в хранилище древних рукописей.

— В хранилище? — не поверил Меир. — Когда?

— Где-то за пару дней до приезда принца.

— Но как он туда вошел? Ему же не дали пропуск!

— Оказалось, что Брайан как-то ночью тайком водил его туда на экскурсию.

В этом месте Меир взвыл, как от зубной боли:

— Откуда ты знаешь?

Ури сообразил, что потеряет еще полчаса, если примется сейчас описывать ночной эпизод в хранилище, про который он как-то запомнил рассказать Меиру в тот проклятый нервный день, — неужто это было только вчера? Мысленно браня себя последними словами за недосмотр и лживость, он однако пошел по проторенному пути и подло воспользовался тем, что слова его никто уже не сможет проверить:

— Брайан мне сам покался.

— И ты не поднял тревогу?

— Хочу тебе напомнить, что тревогу я как раз поднял.

— Но про посещение Войтеком хранилища промолчал!

Выхода не было — если уж врать, так врать до конца:

— Он рассказал мне об этом вчера вечером, но ты отказался со мной встретиться.

Что хорошо было в Меире, это чувство справедливости — осознав правоту Ури, он сразу согласился принять вину на себя.

— Вчера мне было не до тебя, да и вряд ли бы это что-то изменило, — вздохнул он, давая понять, что все равно бы не поверил подозрениям Ури. И ведь все из-за Клары! Оба безмолвно признавали, — верней, признавались, — что Меир бы так не ошетинился вчера из-за Войтека, не будь здесь замешана Клара.

Ури глянул на часы — ужас, они проговорили уже десять минут!

— Хватит тратить время, Меир, — взмолился он. — Ведь ты обещал сделать так, чтобы меня отпустили!

— Так и не скажешь, куда? — голос Меира поразил Ури странной смесью кротости и печали, словно не произнесенное вслух напоминание о Кларе лишило того власти над ним. Потом, позже, когда ему открылась страшная правда,

воспоминание об этом кротком голосе и о судорожном кашле Меира в начале их разговора всякий раз надрывало сердце Ури неискупимым чувством вины. Но сейчас он ни о чем таком не подумал, он знал только одно — он должен вырваться отсюда и мчаться в замок, пока Карл не сотворил чего-нибудь с Инге.

Правильно оценив молчание Ури, Меир сдался:

— Ладно, езжай. Я сейчас распоряджусь.

И заботливо предложил:

— Хочешь, чтобы местная полиция дала тебе тремп?

«Все-таки надеется хитростью выяснить, куда я поеду», — пронеслось в голове Ури, но машина-то была ему и впрямь необходима.

— Нет. Пусть лучше дадут мне свою машину, я сам поведу, — сказал он твердо, пользуясь необъяснимой покладистостью Меира, но почему-то не удивляясь ей, чего он сам впоследствии никак не мог понять. Равно как и простить себе эту непонятливость.

— Ладно, бери машину, — покорно согласился Меир, — но все же держи со мной связь.

Где-то на задворках сознания промелькнула полумысль — полудогадка, что и по машине его можно будет засечь, но так и погасла, не добравшись до поверхности. Какая разница, что будет потом?

Несмотря на обещания Меира, не менее получаса ушло на выполнение дурацких бюрократических формальностей. Когда Ури вывел, наконец, за ворота выданную ему под расписку полицейскую машину, к нему подскочил взъерошенный Джимми. Значит, и его тоже отпустили!

— Подкинешь меня до самолета? — взмолился он.

Хоть Ури было его жаль, сейчас ему было не до благотворительности.

— Только за тысячу фунтов, и ни пенсом меньше, — отмахнулся он от Джимми. — Такси обойдется тебе дешевле! — крикнул он на прощанье и нажал на газ.

КАРЛ

Идти в полной тьме было не слишком приятно, но Карл не решился воспользоваться неизменно хранящимся в сумке

фонариком, — кто знает, а вдруг у них тут есть охранник, который следит за тем, чтобы никто не пустился на самоchinную экскурсию по закрытым для публики переходам. Он еще хорошо помнил этот отрезок туннеля, исхоженный когда-то сотни раз, и мог обойтись без фонарика. Правда в конце пути, не слишком полагаясь на свои представления о пройденном расстоянии, он все же замедлил шаг и выставил вперед руки с растопыренными пальцами. Последние метры он прошел с трудом, словно брел под водой, стараясь не поддаться панике при мысли о том, что хитроумные реставраторши могли сменить тайный замок зеркальной двери.

Но, слава Богу, замок остался прежним, и Карл беспрепятственно проник в рыцарскую трапезную. Там он нашел на ощупь бесконечно древнее деревянное кресло, которое как ни странно стояло там же, где и раньше, и тяжело опустился в него, чтобы прислушаться и перевести дыхание. В комнатах было темно и тихо. Уставший от темноты Карл начал уже шарить в недрах сумки в поисках обшитого фетром пенала с фонариком, как вдруг его настороженное ухо уловило невнятный шорох, и он застыл, упершись руками в твердые подлокотники кресла.

Шорох приблизился, и Карл, готовясь к сопротивлению, отпустил подлокотники, неясно сознавая, какого рода опасность на него надвигается. Однако он еще не успел выпрямиться, как тяжелая мохнатая туша навалилась ему на плечи, и по лицу его заскользило что-то мокрое, горячее, пахнущее болотным перегноем. И тут его осенило — да ведь это верный Ральф, как он мог про него забыть? Пес узнал старого друга и поспешил к нему — поздороваться и выразить свою неизменную собачью любовь!

Стараясь не упасть под напором этой любви, Карл обхватил руками могучую шею и благодарно прижался щекой к поросшей шелковистой шерстью морде:

— Ральф, старый дружище, ты не забыл меня? — прошептал он в трепещущее от радости собачье ухо, думая при этом: «Хорош бы я был сейчас, если бы он меня забыл!»

Ясно было, что в квартире никого нет, так что можно было вытащить фонарик и оглядеться. В трапезной практически ничего не изменилось, за исключением исчезновения двух рыцарей в доспехах, — наверно, это их он видел давеча у входа в круглый зал. В сопровождении Ральфа

он поднялся по лестнице и прошел в спальню Инге. Там кое-какие мелочи, вроде прикроватных тумбочек и торшеров, были заменены новыми, более современными, но в остальном все осталось, как было.

Впрочем нет, не все — постель была не убрана, покрывало сдернуто и, скомканное, свисало с одной стороны до самого пола. Зная безумный педантизм Инге в вопросах чистоты и порядка, Карл нашел это странным. Он внимательно обследовал кровать, она тоже оказалась новой, добротной, с жестко присоединенными тумбочками. Подушек на кровати было две, обе смятые и сдвинутые к центру, навстречу друг другу, тумбочки были использованы несимметрично — в одной скученно толпились все те же знакомые ему баночки с кремами и флакончики с душистыми маслами, зато вторая была абсолютно пуста. Для кого, интересно, хранила ее Инге в столь незапятнанной девственности?

То же самое он обнаружил в наново обустроенном стенном шкафу — одну его половину занимали аккуратно разложенные и развешанные вещи Инге, вторая зияла сиротской голизной незаполненного ничем пространства. Обыскивать покои баронессы Губертус было непросто — каждый раз, когда Карл наклонялся или протягивал куда-нибудь руку, он натывкался на трепетный мокрый язык Ральфа, тут же начинающий равномерно облизывать любой подвернувшийся участок обнаженной кожи. Что это, пес еще не насытился восторгами встречи или в такой форме выражает недоумение по поводу странного поведения внезапно возвратившегося божества?

Карл бегло глянул на часы — времени до конца экскурсии оставалось совсем немного, нужно было спешить. Осмотр остальных комнат мог бы хоть немного приоткрыть завесу над сегодняшним бытом Инге.

Карл решил начать с кухни, — Инге очень любила эту просторную комнату, украшенную древней печью, которая кормила когда-то десятки прожорливых ртов. После того, как Инге лично спланировала и осуществила замысловатый проект модернизации, кухня, конечно, выглядела совершенно иначе, чем в рыцарские времена, и печь теперь служила не более, чем декорацией.

С декоративной точки зрения кухня поражала воображение, как и прежде, но интерес Карла был отнюдь не

эстетическим. Первым делом он осмотрел стол, тоже небуранный, — это что-то новое у Инге, раньше она ни за что не оставила бы на столе немые блюда и чашки с кофейным осадком на дне. Чашек было две, но это еще ни о чем не говорило — Инге вполне могла перед экскурсией угостить фрау профессор, чашечкой кофе.

Никаких признаков, указывающих на то, что здесь живет еще кто-то кроме Инге, Карл не обнаружил, но разлитая по квартире атмосфера покоя и благополучия никак не соответствовала предполагаемой тоске одиноких женских ночей. Карл знал, что Инге начисто лишена легкомысленной склонности к однодневным любовным интрижкам, — как же жила она все эти годы, неужто ни с кем не делила стол и постель?

Не найдя ответа на свой вопрос на кухне, он пустился в дальнейшее путешествие по пустой беззащитной квартире, которая когда-то служила ему прибежищем. Еще вначале, как только он поднялся из трапезной в коридор, его наметанный глаз зарегистрировал новую дверь в торцовой стене, там, где в былые времена короткий лестничный марш обрывался заградительной стальной пластиной. Теперь мраморные ступени были отремонтированы, пластина убрана, и на ее месте поблескивала обитая кожей дверь.

Карл направился к ней, Ральф припустил впереди, весело помахивая хвостом, — словно его ожидало там что-то приятное. Дверь отворилась с одного толчка мягко и бесшумно — в зыбком свете заоконных фонарей Карлу открылся отлично оборудованный гимнастический зал. Чего-чего, но этого он никак не ожидал. Посверкивали хромом хитроумные тренировочные приборы, над горизонтальной стойкой, где выстроились гантели всех размеров, висели кожаные пояса для поднятия тяжестей, а на торцовой стене красовалась мишень, не любительская, а настоящая, профессиональная, похожая на ту, на которой они тренировались в ливанском лагере. Карл подошел поближе и осветил мишень фонариком — она была многократно прострелена, причем следы пуль кучковались вокруг яблочка.

Карл оглядел зал — в застекленной нише, притаившейся в углу за дверью, стояли два охотничьих ружья, а на полке рядом с ними посверкивала вороненой сталью новенькая «Беретта» последней конструкции. Он протянул

было руку, чтобы проверить, хорошо ли оружие ухожено, но стеклянная дверца не поддавалась. Она несомненно была заперта, хоть на окаймляющей стекло металлической раме не было видно никаких признаков замка. Вспомнив пристрастие рода Губертусов к потайным пружинам и секретным затворам, Карл усмехнулся и оставил обследование маленького арсенала до лучших времен.

Однако само наличие его в сочетании с мастерски простреленной мишенью слегка озадачивало. Кто-то методично тренировался здесь, причем явно не для того, чтобы увеличить меткость, увеличивать которую было некуда, а чтобы не потерять сноровку. Карл представил себе Инге с пистолетом в руке, — вышло не так уж плохо, — рука у нее несомненно твердая, и глаз точный. И все же что-то мешало ему поверить, что это она так классно изрешетила мишень. Да и к чему бы ей?

Но если не она, то кто же? Он отворил дверцу стенового шкафа, на нижней полке стояли две пары спортивных туфель, обе размера Инге, на крюках висели тренировочные майки и синий купальный халат. Карл поднес к носу махровый рукав, — от него пахло то ли хорошим мылом, то ли дезодорантом.

Карл медленно прошелся по залу, выхватывая лучом фонарика разные углы и закоулки, но ни один не выдал ему свою тайну. Неужто Инге построила и оборудовала все это для себя одной? Он снова вернулся к шкафу и еще раз обследовал обе пары спортивных туфель, — может, одна из них принадлежит ученой феминистке? Карл представил себе маленькие профессорские ноги, уверенно ступающие по плитам красного зала, — нет, маловероятно, у нее размер гораздо меньше, чем у Инге. А если бы она даже тренировалась в этом зале, что это меняет, о чем говорит?

Ральф неотступно следовал за Карлом, то и дело выискивая новые способы выражения своей собачьей преданности.

— Что мне толку от твоих восторгов, друг, — упрекнул его Карл, утирая со щеки очередную порцию любовной слюны, — если ты молчишь о главном? Кому еще ты лизал руки, пока меня здесь не было?

Вместо ответа Ральф вдруг наострил уши и с лаем бросился в коридор, призывно оглядываясь на Карла. Он явно приглашал дорогого гостя поспешить вместе с ним навстречу

хозяйке, чтобы поскорей сообщить ей радостную новость. Но Карл разочаровал верного пса, — он не только не пустился вслед за ним, но еще отгородился от него дверью, которую, впрочем, прикрыл не плотно, а оставив узкую щель.

Он погасил свет в зале как раз вовремя, — в кухню с шумом ввалились все три дамы-распорядительницы экскурсии и, не обращая внимания на возбужденный визг Ральфа, увлеченно продолжали затеянный раньше спор. Громче всех настаивал на чем-то простонародный голос билетерши:

— ...я вас уверяю, я ведь, когда раздаю свечи, всегда считаю!

— Милая фрау Штрайх, даже вы могли ошибиться, — утешительно проворковала фрау профессор. — Особенно когда народу так много, как сегодня.

— Уверяю вас, уверяю! — заволновалась фрау Штрайх, повышая регистр. — Один человек остался в подвалах! Я ведь, когда раздаю свечи, всегда считаю!

Карл сообразил, что речь идет о нем.

— Я не сомневаюсь, что вы точно сосчитали свечи, — Инге, как всегда, владела ситуацией. — Но могли ли вы сосчитать всех выходящих...

...особенно при такой прорве народу! — подхватила Вильма. И тут же добавила почти сердито:

— Ну что вы стоите, как чурбан, Инге? Боком повернитесь, боком! Тяните подол на себя, фрау Штрайх! Видите, верхний крючок заело, я уже ноготь сломала, никак не расстегну.

«Вот зачем они здесь, — догадался Карл. — Помогают Инге выбраться из золотого платья!»

Наступило напряженное молчание, после чего крючок, вероятно, расстегнулся, и мысли Вильмы потекли в более приятное русло:

— Мне кажется, экскурсия сегодня удалась на славу!

Тут Ральф громко ворвался в беседу, требуя, чтобы его наконец выслушали, и Карл возблагодарил всевышнего за то, что людям не дано понимать собачий язык. Напрасно пес надрывался, искренне желая донести до любимой хозяйки то, что знал он один, — его усердие не было вознаграждено. Беднягу в конце концов выставили в коридор, чтобы не мешал разговаривать, и кухонная дверь захлопнулась. Так что конца беседы, посвященной исчезнувше-

му из общего строя злоумышленнику, Карлу подслушать не удалось. По всей вероятности, было решено, что фрау Штрайх попросту обсчиталась, потому что спустя несколько минут, щедро оркестрованных обиженным скулежом Ральфа, два женских силуэта спустились с крыльца и устремились к чуть поблескивающему в сумраке силуэту автомобиля. Взревел мотор, распахнулись и затворились ворота, и Карл, наконец, остался наедине с Инге.

Наедине, если не считать Ральфа.

МАРТА

Марта давно потеряла счет времени — сколько она уже торчит, как нищая попрошайка, у своих собственных ворот, перед запертой дверью собственного дома? От этого стояния ноги затекли и пальцы онемели, стали совсем нечувствительные. А колени и того хуже, колени что-то стали ее подводить, — чуть она постоит лишнее, как они подкашиваются, не хотят ее держать, хоть падай на месте. А ведь она сильно похудела за последний год, и живот у нее опал от строгой жизни в Карштале, от вареных овощей и постных обедов без мяса и шпека.

Мысль о шпеке внезапно обожгла небо обильным потоком хлынувшей в рот слюны, вкус которой Марта, казалось, забыла навсегда. Она отогнала от себя соблазнительное видение чуть скользкого, розоватого, с бордовыми прожилками бруска сала и тяжело плюхнулась на крыльцо, не в силах больше стоять. Однако холод каменных плит крыльца быстро пробрался сквозь тонкую ткань юбки и снова поднял ее на ноги. Тогда она решила попробовать медитацию. Осторожно оглядевшись, не следят ли за ней соседи, она обогнула дом и вошла в сад, но тут же сама на себя рассердилась — или она не имеет права входить в свой собственный сад? Для медитации она выбрала старую вишню, которая пару лет назад перестала плодоносить из-за какой-то неопознанной болезни, и прислонилась спиной к ее шершавому стволу.

Конечно, это было совсем не то, что прислониться к гладкому стволу секвойи в карштальском парке, но ведь к секвойе они ходили не для медитации, а для для общения с космическими силами. А для медитации и вишня сойдет.

Марта сложила ладони корыточком, закрыла глаза и попробовала погрузиться и раствориться — для этого нужно было думать о чем-нибудь отвлеченном, вроде дороги на Сириус. Марта долго не могла сосредоточиться, пока ей наконец не удалось подвесить под веками эту дорогу в виде радужного моста, переброшенного с одного края неба на другой. Вокруг моста кружились облака и планеты, а она под музыку шагала по радужным дугам, крепко держа Клауса за руку. И это было замечательно.

Но самым замечательным было то, что за другую руку ее вел тот самый Юрген, которого Мастер назначил ей в мужья в начале ее жизни в Карштале. Это было славное время — все были добры к ней, а по ночам после прощальной молитвы Юрген ждал ее в постели. Он каждую ночь щипал и гладил ее, приговаривая: «Ну и задница! Чистое сало!», и ей было хорошо. Но через три месяца Мастер вызвал Марту к себе и объявил, что Юрген ей больше не нужен, потому что накопленной ею эротической энергии уже достаточно для космического перехода.

Марта еще не была тогда такой усталой, как сейчас, и она первое время упрямо поджидала Юргена после вечерних церемоний в надежде уговорить его хоть разок еще с ней переспать. Но он каждый раз вырывался из ее цепких объятий, отталкивал ее и убегал, потому что Мастер отправил его к притворщице Ренате, которая ночи напролет с воплями бегала по парку в чем мать родила, утверждая, будто у нее в икрах открылись непереносимые судороги. Тогда и Марта обнаружила, что у нее открылись судороги не только в икрах, но и в щиколотках, но Мастер не вернул ей Юргена, а прописал строжайшую диету, от которой ей скоро стало все равно, будет она спать с Юргеном или нет.

Зато сейчас, когда она представила себе, как они с Юргеном рука об руку шагают по мосту, ведущему на Сириус, к ней вдруг вернулась надежда на то, что там, на Сириусе, все будет иначе. Видение это длилось один короткий миг, потом его заслонили какие-то лица, многомного лиц, в основном ненавистных, вроде лица притворщицы Ренаты. Марта вспомнила проповедь Мастера о том, что от ненависти добра не будет, и поспешно открыла глаза, чтобы от этих гнусных лиц избавиться.

Вокруг все было почти как раньше: деревья шуршали листвой, и солнце по-прежнему торчало посреди неба, но из леса уже потянуло прохладной сыростью, предвещающей близкий вечер. Часов у Марты не было, в Карштале часы носить не полагалось, но она и без часов чувствовала, что рабочий день Клауса давно уже кончился. А он все не шел и не шел. И в конце концов она решилась оставить свой пост у ворот и отправиться его искать.

Однако поиски ни к чему не привели. Клауса не было нигде, и никто его не видел — ни в супермаркете, ни в церкви на спевке хора, ни возле цветочного магазина, где после школы подрабатывала Хелька. Хельку тоже не видел никто. И тут Марту начала мучить тревога — уж не сбежали ли они?

Но откуда они могли знать, что она придет именно сегодня? Ведь она нарочно не предупреждала Клауса о своем приезде, заранее решив застигнуть его врасплох, чтобы он не вздумал увильнуть от своего обещания поехать с нею на церемонию в Каршталь. Да и о самой церемонии она не рассказывала никаких подробностей, а говорила о ней туманно и загадочно, чтобы не испугать сына грандиозностью предполагаемого события.

От напряженного беганья вверх и вниз по извилистым улицам Нойбахы мозги Марты совсем затуманились, и ноги сами привели ее к кабачку «Губертус», куда она много лет подряд привыкла приходить, как к себе домой. Конечно, она ни за что бы не пошла туда в здравом уме, хоть теперь там не было ни Эльзы, ни Вальтера, а вместо них хозяйничал ее братец Гейнц, снявший у них кабачок в аренду. Потому что братец Гейнц, который никогда не был ей настоящим другом, стал ей настоящим врагом с тех пор, как она отряхнула с себя прах земной жизни и уехала жить в Каршталь.

Дело было не только в том, что Гейнц вообразил, будто у него есть права на половину родительского дома, который Марта имела наглоть отписать Мастеру. Гейнц утверждал, что он был готов уступить эту половину своей идиотке-сестре, но уж никак не наглому вымогателю из Каршталя. Дело было, конечно, не в доме, а в общей единоклассной враждебности к самой идее жизни в Карштале.

Марта сразу почуяла эту враждебность, как только толкнула тяжелую дверь кабачка и на миг примедлилась на пороге, вдыхая густой дух жареного на сале лука. Вызван-

ный этим запахом к жизни образ сковороды, наполненной шипящими золотистыми шкварками, был куда заманчивей давешнего радужного моста, переброшенного с одного края неба на другой. И Марта сдалась. Делая вид, что она не замечает едкой неприязни, вспыхнувшей во встречном взгляде брата, она затворила за собой дверь и промяукала с преувеличенной кротостью:

— Принимай гостью, дорогой братец, мяу-мяу. Или ты мне не рад, мяу-мяу?

Когда они последний раз перемолвились словечком, год назад или даже два? Да и словечко-то было крайне нелюбезное, вовсе не братское. Но кто старое помянет, пусть откусит себе язык. Однако Гейнц хоть старое припомнил, язык себе не откусил, а, наоборот, смолотил им вполне братскую фразу:

— А чему тут радоваться? Век бы глаза мои тебя не видели.

— А и не увидишь больше, милый, не увидишь. Я ведь не просто так, я навек проститься к тебе пришла.

Слова эти вырвались у Марты против воли, под натиском непереносимо зазывного аромата, струящегося из-за неплотно притворенной кухонной двери. Две-три головы оторвались от пивных кружек и с интересом повернулись к Марте, давая понять, что она ляпнула что-то лишнее, строго-настрого запрещенное и огласке не подлежащее. Но ее уже понесло, — обостренное голодом и долгим воздержанием чутье подсказывало ей, что только разжалобив Гейнца, она сможет получить от него даром заветную тарелку румяной, густо посыпанной шкварками жареной картошки. А денег на эту роскошь у нее не было. Ей дали с собой только тридцать шесть марок на автобус — в два конца ей, и в один Клаусу.

Вспомнив про автобус, Марта заволновалась — а вдруг она опоздает, — и поискала глазами стенные часы, висевшие когда-то над стойкой бара. Часов там не было, от них осталась только темный круг на выцветших полосатых обоях, а спросить Гейнца, который час, Марта не решилась, — у них в Карштале знать время не полагалось. Время считалось злом, главным препятствием на пути к космической свободе, оно было суетной выдумкой суетных человечков, оскверняющих тело и душу мелочными заботами и грязными делишками. И Гейнц, конечно, был одним из них, но Марте так нестерпи-

мо хотелось картошки со шпеком, что она готова была его простить — все же когда-то он был ее братом, до того, как она ушла отсюда и нашла себе истинных братьев и сестер.

— Ты еще вспомнишь обо мне и заплачешь, — сказала она горько и не в наказание, а от всей души. — Ты еще заплачешь, но будет поздно.

Из-за кухонной двери выглянула любопытная кошачья мордочка жены Гейнца, Лотты, которая демонстративно перестала разговаривать с Мартой много лет назад, еще до своей свадьбы. Подогретый вниманием жены, Гейнец решительно перешел в наступление:

— Куда же это ты собралась, уж не в заграничную ли поездку? — съехидничал он, явно намекая на нищенский статус сестры.

Марте стало так обидно, что она не удержалась:

— Я собираюсь перенестись в астральное пространство! — объявила она, сама ужасаясь тому, что говорит. Ведь Мастер тысячу раз повторял, что это страшная тайна, которую никому нельзя открывать.

— Что еще за пространство? Пространство, что ли? — радостно подхватил ее слова Гейнец. — Засральное пространство!

— Засральное пространство! — восторженно взвизгнула Лотта, заколыхавшись всеми округлостями своего сильно располневшего тела.

— И что ты там потеряла? — продолжал допытываться Гейнец. — Или тебе в Карштале сортиров для чистки не хватает?

Головы за столиками радостно заржали, и Марта вдруг заплакала в голос, как маленькая. Раскачиваясь из стороны в сторону и громко шмыгая носом, она оплакивала свою несчастную незадавшуюся жизнь, которая кончится сегодня в полночь и никогда больше не повторится, и своего неблагодарного придурка-сына, которого только она способна вырвать из цепких искривленных лап его гнусной польской девчонки. Она оплакивала своего грубияна-брата, которого ей придется покинуть в этом грязном, обреченном на гибель мире, и завсегдаев кабачка, которые, даже не подозревая об уготованной им страшной судьбе, весело потягивали пиво из кружек. Ей вдруг стало их всех ужасно, ужасно жалко, — за то, что она покинет их

тут навсегда, но еще жалче ей стало себя, — за то, что она никогда больше сюда не вернется и не увидит ни этих пьяниц за столиками, ни сердитого Гейнца, ни его противную Лотту, разжиревшую на нечистой пище, перекрывающей человеку вход в светлый астральный простор.

Рыдая все громче, все исступленной, Марта попыталась представить себе, будто все страшное уже позади и она летит в астральном пространстве, одной рукой сжимая руку Клауса, а другой — руку неверного Юргена, которого Мастер давным-давно отобрал у притворщицы-Ренаты и приставил к молоденькой припадочной девице, убежавшей в Каршталь из богатого дома в Мюнхене.

На миг это ей удалось, она даже увидела, как они втроем идут по радуге, переброшенной с одного края неба на другой, но тут у нее перед глазами непрощенно закачалось прыщавое лицо мюнхенской девицы, — такое, каким оно было до того, как Юрген взялся за ее исцеление. Лицо это все разрасталось и разрасталось, пока не заслонило собой и небо, и радужный мост. Тут Марта испугалась, что в наказание за недостойные мысли о Юргене и о картошке со шкварками ее не впустят в астральное пространство. Незачем ей было заходить в кабачок Гейнца и поддаваться его нечистым соблазнам.

Она бросилась к двери и опрометью выскочила в сгущающиеся сумерки, не зная, будет ей даровано прощение или нет.

ХЕЛЬКА

— Ты не захватил из замка чего-нибудь поесть?

— Не-е. Я так задержался, что не успел заскочить на кухню.

Хелька тесней прижалась к Клаусу. Хотя вечер был теплый, колокольную продувал пронзительно ледяной ветер.

— Жалко. Если б чего съесть, может, было б не так холодно.

Клаус разомкнул хелькины руки и сделал шаг к лестнице:

— Так я сбегаю, принесу чего-нибудь из дому?

Но Хелька обхватила его еще тесней:

— Ты что? Для чего, интересно, мы тут сидим?

Клаус смущенно заморгал — он забыл, для чего. Но Хелька напомнила:

— Чтоб она тебя не нашла. Она же тебя там поджидает!

— А, может, она давно уехала? Глянь, ведь совсем стемнело.

Хелька втянула ноздрями налетевший порыв ветра и замотала головой:

— Нет, она еще тут. Бегает по улицам, тебя ищет.

Клаус даже не спросил, откуда она это знает, — он ей поверил безоговорочно, как всегда.

— Она что, так всю ночь и будет меня искать?

— Не, вряд ли, — неуверенно протянула Хелька, вспоминая исходивший от Марты острый дух решимости, — до последнего автобуса побегает и уедет.

— Так мы аж до последнего автобуса будем тут торчать?

— Клаус прижался спиной к каменному столбу, поддерживающему колокол. — Меня уже ноги не держат. Я ведь сегодня за весь день не присел ни разу.

«Сейчас убежит», — всполошилась Хелька и с силой потянула его за рукав.

— Давай сядем на пол, только не тут, а вон в том углу. Там не так дует.

Клаус послушно соскользнул на пол, но тут же вскочил:

— Ну и холод! Пол просто ледяной!

— А мы сядем спиной к спине — вот так, — и будем друг друга греть.

Они посидели недолго, прижимаясь спиной к спине, и совсем заоченели, — хоть ветер внизу дул не так сильно, зато пол отсасывал из их тел все накопившееся за день тепло.

— Я больше не могу, — взроптал Клаус. — Я лучше спущусь навстречу мамке, чем тут мерзнуть.

Изворотливая хелькина смекалка лихорадочно заметалась в поисках последней соломинки — ему что, ему ведь ее страхи неведомы, он сейчас и вправду сорвется с места и скатится с колокольни прямо в жадные лапы Марты!

— Знаешь что? Давай споем! — на последнем выдохе предложила она, не слишком надеясь на успех.

— Споем? — удивился Клаус, но с пола не поднялся, выжидая.

— Споем ту балладу, что мы в прошлый раз разучивали с пастором, — она напела несколько тактов. — «Летит в облаках шестикрылая птица, та-та-та-та-там!» Ты помнишь свою партию?

— «Горит в облаках золотая зарница, та-та-та-та-там!», — подхватил Клаус.

Голоса их сплелись и взмыли к небу, а дальше все уже было просто — мерно раскачиваясь в такт мелодии, Клаус и Хелька начали погружаться в теплое море знакомых звуков и слов. И не стало ни холода, ни ветра, ни зловещей тени Марты, поджидающей Клауса, чтобы навеки забрать его у Хельки и затащить Туда.

КАРЛ

Едва только Инге, войдя вслед за Ральфом в тренировочный зал, включила свет, Карл понял, в чем секрет ее нового облика, — она была беременна! Фигура ее, высвобожденная из тесного футляра золотого платья, не оставляла сомнений, что дело зашло далеко, месяцев шесть-семь, не меньше. О том, что поняла, увидев его, Инге, он подумать не успел — Ральф могучим прыжком вылетел из-за ее спины и со счастливым визгом стал бросаться на грудь Карла, норовя лизнуть его то в нос, то в ухо.

Пока Карл пытался отбиться от мощного натиска пса, он краем глаза заметил, как рука Инге, крадучись, скользнула куда-то за дверь, и в ответ на это почти неувимое движение начала быстро раздвигаться стеклянная витрина, отделяющая оружейный арсенал от внешнего мира.

Карл не стал проверять на себе, ее ли выстрелы так искусно изрешетили яблочко мишени, — он резко оттолкнул Ральфа и, сделав шаг вперед, обхватил Инге за плечи, так что его щека коснулась ее щеки.

— Инге, — прошептал он. — Это же я.

Хоть глаза ее и не узнали его с первого взгляда, тело ее немедленно отозвалось на его прикосновение — оно вздрогнуло и обмякло, словно хозяйка потеряла над ним власть. Карл испугался, что Инге сейчас упадет в обморок, но она быстро справилась с минутной слабостью и жестко уперлась локтями ему в грудь, отгораживаясь от его объятий.

— Это я, я, — не отпуская ее, повторил он. — Теперь ты меня узнала?

Ральф настойчиво втиснулся между ними, всем своим ликующим существом подтверждая правдивость этих слов. Не поверить Ральфу Инге не могла — уже не сопротивляясь, а лишь не подпуская Карла ближе, она расслабила локти и уперлась ему в грудь ладонями. Ладони ощущались куда мягче, чем локти, и Карл вместо того, чтобы преодолевать их нестойкое упорство, смирился и покорно предоставил свое новое лицо ее цепкому взгляду.

— Я тебя видела внизу во время экскурсии, — произнесла она, наконец, утвердительно, без всякой вопросительной интонации. — Значит, фрау Штрайх была права.

Будничность ее слов неприятно кольнула Карла. Он ожидал чего угодно — обморока, истерики, слез, даже грозного окрика «Вон отсюда!», — но только не этой равнодушной регистрации несущественного факта правоты какой-то несущественной фрау Штрайх. Неужели в душе ее не нашлось ничего лучшего, предназначенного ему, — ведь они не виделись столько лет!

Именно это она и сказала в ответ на его мягкий, но скорбный упрек, — а чего он, собственно, ожидал, они ведь и вправду не виделись столько лет! И ведь ни слова за все эти годы, ни знака не подал, что жив!

— Я вижу, ты вполне примирилась с мыслью, что меня уже нет в живых, — не удержался он, указывая на ее округлившийся живот. И тут же прикусил язык, он ведь здесь не для того, чтобы выяснять и обострять отношения.

— Ты что, вышла замуж? — кротко спросил он, стараясь загладить свою поспешную проговорку.

Но Инге слишком хорошо его знала, чтобы так вот с ходу поверить в его кротость.

— Только не пытайся убедить меня, что прежде, чем явиться сюда, ты не выяснил досконально, замужем ли я и жив ли еще Отто.

— При чем тут Отто? — осторожно поинтересовался Карл, ни сполохом взгляда, ни дрожью щеки не выдавая рвущегося наружу рокового вопроса, — а что она знает о кознях отца? Неужто старый негодяй действовал в сговоре с нею?

Но Инге сама, без его побуждения приоткрыла завесу тайны:

— Мне казалось, что именно отец вынудил тебя бежать отсюда так поспешно.

Что-то она знала наверняка, и Карл, торопливо согласившись насчет зловещей роли ее отца, решился спросить, что же тогда нашли в замке полицейские. Брови Инге озадаченно взлетели вверх.

— Полицейские? Ты хочешь сказать, санитары скорой помощи? Они нашли Отто внизу, под лестницей красного зала, и никто не смог объяснить, как ему удалось туда скатиться.

Это звучало абсолютно неправдоподобно — какие к черту санитары?

— А как объяснил это сам Отто?

— Он был без сознания, с ним случился тяжелый удар. Просто чудо, что он остался жив, но он уже ничего не мог объяснить — ни куда девался ты, ни почему он попросил Клауса вызвать скорую помощь. Клаус говорит, что когда отец послал его вызывать скорую помощь, он чувствовал себя прекрасно. Да и потом весело смеялся и громко просил Клауса побыстрее катить его кресло.

Клаус вызвал для Отто скорую помощь? Неввероятно, — этот, до колки преданный когда-то Карлу дефективный мальчишка?

— Клаус? Да он же номер набрать не умел!

— Ты, я вижу, забыл, — номер скорой помощи не надо было набирать. У Отто была специальная кнопка, ее нужно было только нажать и все.

Кнопка действительно была, но кто мог подумать, что старый лис умудрится так обвести его вокруг пальца? А он-то, болван, все эти годы наслаждался мыслью о том, как он умудрится обвести вокруг пальца старого лиса! В чем-то он, конечно, его перехитрил, не свалившись во тьме на дно зловонной ловушки, и все же... Не поддайся он тогда панике, не пришлось бы ему, сломя голову, бежать из замка и отказавшись от отлично продуманного плана, попасть в руки своих сегодняшних хозяев. Как глупо, как беспросветно, непоправимо глупо!

— Ты что? — привел его в себя голос Инге. Он что ли застонал или заскрипел зубами — совсем потерял контроль над собой! Карл поднял глаза и больно наткнулся на ее взгляд, не теплый и встревоженный, как когда-то, а

неприятный и отчужденный: — Обидно стало, что тебя так ловко обманули?

— И еще как обидно! Ты даже представить себе не можешь, как, — согласился он и торопливо добавил в надежде исправить положение. — Но я пришел сюда не для того, чтобы ворошить прошлое.

— А для чего? Чтобы утешить меня, что это не твой скелет мы нашли на дне сокровищницы?

— Скелет?

Значит, скелет все-таки нашли! И что с ним, интересно, сделали? Сдали властям или утаили? Верней всего, утаили, чтобы, не дай Бог, не выяснилось, что это скелет Гюнтера фон Корфа.

— Ну да, когда перестраивали подвалы.

Тут Инге вдруг осеклась и уставилась на него так, будто, усомнившись в его реальности, на миг предположила, что он сейчас растворится в воздухе и исчезнет.

— И ты поверила, что это я?

Она молча пожала плечами — а во что еще ей было верить? Значит, все эти годы она считала его мертвым, но даже на миг не засветилась радостью, увидев его живым. Однако упрек так и застрял у него в горле — не надо сейчас об этом!

— Слушай, — искренно, от всей души взмолился Карл, внутренне содрогаясь от неоглядности ее равнодушия, но все еще надеясь, что это просто проявление уязвленной женской гордости, — хватит о прошлом!

— Разве у нас осталось что-нибудь, кроме прошлого?

Типично женский вопрос — неужто все же уязвленная гордость? Тогда надо действовать. Карл попробовал протянуть ее к себе:

— Мне сейчас очень нужна твоя помощь!

Но Инге сбросила его руки чуть ли не с отвращением:

— Я не сомневаюсь, что тебе нужна моя помощь! Иначе зачем бы ты сюда явился?

— Но выслушать меня ты все же можешь?

Она опять пожала плечами, словно пытаясь согнать со спины назойливую муху.

— Ладно. Только пошли на кухню. Я должна есть, я устала.

В груди Карла шевельнулось что-то вроде ностальгии, когда он, откинувшись на спинку знакомого стула, уви-

дел, как Инге знакомым движением засыпает мерную ложку чая в знакомый заварной чайник. Заливши чай кипятком, она прикрыла чайник синим в горошек стеганым колпачком — кажется, новым, старый, похоже, был красный с мелким цветочным узором, — и тяжело опустилась в придвинутое к столу низкое кресло.

— Ну, что у тебя опять стряслось?

Грузное сползание тела Инге вниз по штофной обивке кресла было Карлу внове, оно выставляло напоказ и без того несомненные признаки ее беременности, — не исключено, что там даже не семь месяцев, а все восемь! Зато оно отлично ладилось с настороженностью ее голоса — она уже принадлежала другому, тому, кто заделал ее ребенка, и от Карла не ожидала ничего, кроме новых неприятностей.

Не имея даже малейшего понятия, кто этот другой — но уж наверняка не фрау профессор, — он начал осторожно, чтобы не спугнуть ее первой же фразой:

— Да, собственно, ничего особенного. Просто мне необходимо залечь на дно на несколько дней в таком месте, где никому не придет в голову меня искать.

— А тебя, как всегда, ищут, — это был даже не вопрос, а констатация факта.

Карл развел руками — прости, мол, но что поделать, уж такой я уродился. Он мог бы еще добавить: «воля твоя, хочешь, принимай меня таким, как есть, не хочешь, гони прочь», но поостерегся, — ведь может и прогнать!

— И как долго ты собираешься у меня прятаться?

— Я же сказал, всего несколько дней.

— Несколько дней — понятие растяжимое. Вряд ли тебе удастся пересидеть здесь Интерпол.

— Их я и не собираюсь пересидывать.

— А кого же?

— Чтобы это объяснить, я должен посвятить тебя во все подробности своей жизни за прошедшие годы. А я не уверен, что ты хочешь их знать.

— В подробности своей жизни ты не посвящал меня даже тогда, когда пересылал со мной бомбы.

Какое тут к черту безразличие! О безразличии оставалось только мечтать — ведь каждая новая реплика выявляла ее враждебность, да-да, нечего себя обманывать, именно враждебность, а не уязвленную женскую гордость! По-

этому Карл обошел молчанием опасное упоминание о бомбах, но Инге вроде бы и не ожидала, что он ответит на ее выпад. Она сняла с чайника синий в горошек колпачок и начала медленно наполнять чашки душистой коричневой жидкостью, как бы давая ему время обдумать, что он ей скажет. И он решился — а вдруг удастся вернуть потерянное, не любовь, конечно, любовь вернуть невозможно, но хотя бы былую симпатию.

— Поверь, это были нелегкие годы. Порой просто невыносимые. Я попал в такой переишет, из которого выход только на тот свет. Я перебрал все возможности, и никакого спасения, понимаешь — никакого! Разве что пулю в лоб. А сейчас мне, кажется, повезло — у меня в руках оказался документ, за который можно выторговать себе свободу.

— Ты собираешься кого-то шантажировать?

«Ах, какие мы чистоплюи, как мы презираем эти грязные сделки — шантаж, компромат, подкуп!»

— Успокойся, я никого не собираюсь шантажировать. Это вообще не личный документ, а политическая наживка, блесна, — понимаешь? На нее могут клюнуть самые неожиданные клиенты.

— Что же это такое? Ты просто распалил мое любопытство.

Придется ей что-то открыть, какой-то красшек правды.

— Да ничего особенного — просто киношленка с десятком мало привлекательных морд. Однако есть коллекционеры, готовые за эту пленку хорошо заплатить.

— О, ты стал интересоваться деньгами?

— Не в деньгах дело. Они могут помочь разорвать страшную сеть, которая уже затягивается вокруг моего горла. Но мне необходимо хоть несколько дней, чтобы меня не успели найти и убрать. Ты поможешь мне, Инге?

Она не спеша поднесла к губам чашку:

— Если они тебя здесь найдут, они попутно могут убрать и меня?

— Но они никогда не найдут меня здесь. Им и в голову не придет меня здесь искать, — горячо воскликнул Карл, отгоняя некстати возникшее перед его внутренним взором видение красной тетради на черной лакированной крышке рояля. — Никому никогда я не открывал тайну этого убежища.

— Во что, во что, а в твою предусмотрительность я верю, — нелюбезно произнесла Инге поверх края чашки.

Глядя, как она маленькими осторожными глотками отхлебывает чай, он еще раз взвесил в уме опасную возможность, что тетрадь может привести кого-нибудь в замок. Да нет, бояться нечего, — ведь тетрадь извлекли из почтового ящика в Гейдельберге, а он не оставлял никакой ниточки, тянущейся из Гейдельберга сюда.

Нежно звякнул старинный фарфор — Инге поставила чашку на блюдце:

— Но тебя могут засечь, когда ты станешь налаживать с ними связь.

«О, ваше величество, вы уже торгуетесь! Значит, готовы вступить в переговоры?» Теперь, когда она начала поддаваться, главное было — ее успокоить:

— Я все продумал. Этого можно избежать, если ты мне поможешь.

— С какой стати я стану тебе помогать?

— У тебя нет другого выхода. Ты ведь не захочешь, чтобы меня нашли и убили у тебя на глазах.

— А если я тебя просто выгоню?

— Интересно, как ты это сделаешь? Добровольно я не уйду.

— Но я могу захотеть, чтобы тебя нашли и арестовали у меня на глазах.

Он впился глазами в ее глаза. Жизнь его была поставлена на карту — его воля против ее.

— Действительно можешь захотеть?

Она не выдержала его взгляда, наверно, представила себе, как его арестовывают тут, у нее на кухне. Ресницы ее дрогнули:

— Не знаю. Пока не знаю.

Ее нерешительность необходимо было закрепить и превратить в готовность пойти ему навстречу — чтобы она, пускай неохотно, пускай против собственной воли позволила ему остаться в замке. Ведь если она не позволит, ему придется применить силу.

Карл поспешно отставил нетронутую чашку и отодвинул стул, намереваясь встать. Инге тут же уловила его намерение и вскочила на ноги, неловким движением смахнув свою чашку на пол. Чашка звонко раскололась на керамических плитках, расплескивая содержимое дрожащи-

ми коричневыми лужицами. Переступив через мусор на полу, Карл раскрыл объятия и двинулся к Инге.

В другое время Инге немедленно бросилась бы наводить порядок — собирать осколки, промокать лужицы тряпкой. Но сейчас она даже бровью не повела в сторону разбитой чашки. Защитно выставив вперед ладони, она стала пятиться прочь от протянутых к ней рук Карла. Он постарался не заметить ее попытки от него отгородиться.

— Неужто ты все забыла? — произнесли его губы со всей нежностью, на какую он был способен. — Как мы встречались почти во всех аэропортах мира, как мы ждали этих встреч, как наслаждались нашей неповторимой близостью?

Пятясь, стараясь увернуться от его прикосновения, она наткнулась спиной на препятствие — не на стену, а на большой, как-то не попавший до сих пор в поле зрения Карла новый телевизор. И, словно ища у него защиты, быстро обернулась и нажала на красную кнопку в верхнем углу, вызвав этим к жизни разноцветное поле экрана. По экрану, размахивая полосатыми флагами, струилась разгоряченная толпа. Она чего-то громко требовала, время от времени кровожадно набрасываясь на припаркованные на ее пути автомобили.

Шум толпы на мгновение прервал поток мыслей Карла, и он поперхнулся недоговоренным предложением. Телевизор воспользовался этим и ловко сменил многоликую орущую толпу на одно единственное молчаливое лицо, запечатленное на фото пленке в полупрофиль-полуфас. Когда Карл осознал, что это лицо чешского профессора Яна Войтека на фоне фасада английской библиотеки, Инге уже успела обернуться и, ахнув, ухватиться за экран. После чего насильно выключать телевизор было бы поздно и бессмысленно. Уж лучше было услышать, что приговаривал официальный голос, сопровождающий показ первой фотографии, а за ней второй и третьей.

На остальных двух было изображено то же породистое лицо, только на одной в анфас на фоне книжных полок, а на другой — в профиль в момент оживленной беседы с темноволосяй красавицей, жадно ловящей каждое слово профессора. Снимок этот вышел особенно чистым и отчетливым, — видно, профессора снимали с очень близкого расстояния. Неужто он был так увлечен Кларой, что даже не заметил, когда его фотографировали?

Тем временем официальный голос, лишь вскользь упомянув имя профессора Войтека, объявил, что лицо на фотографиях принадлежит давно разыскиваемому Интерполом опасному террористу Гюнтеру фон Корфу. Пока голос перечислял давние и новые преступления знаменитого террориста, Инге неотрывно вглядывалась в застывшую на экране последнюю фотографию. Внимание ее было настолько приковано к сильно увеличенному, но четкому изображению, что Карлу показалось, будто она даже не услышала, о чем говорилось в экстренном обращении Интерпола к гражданам Европы.

Когда обращение Интерпола сменилось сводкой погоды, Инге, словно вынырнув из поглотившего ее омута, обратила на Карла устремленный куда-то сквозь него взгляд:

— Кто эта женщина? Где ты с ней встречался?

В ее глазах было так мало интереса к нему лично, что он при всем желании не смог бы объяснить ее очевидное смятение простой вспышкой ревности.

МАРТА

Марта с трудом добрела до церкви и рухнула всей своей тяжестью на холодную каменную скамью, много лет назад пожертвованную приходу Нойбаха безвременно овдовевшим герром Мюнде. Ног под собой Марта не чувствовала, да и вообще не чувствовала ничего, кроме усталости, но почему-то ни с того, ни с сего ей вдруг явился герр Мюнде, теперь тоже уже покойный. Однако Марте он припомнился моложавым и бойким, каким он был при жизни безвременно скончавшейся фрау Мюнде, когда поджидал по вечерам непутевую девчонку Марту, чтобы утащить ее в кусты за мостом. Мужик он был ничего, не хуже Вальтера, и кроме того иногда дарил Марте конфеты или духи, зато фрау Мюнде оказалась сущей фурией. Она не только перестала приглашать Марту убирать свой дом по субботам, но и распустила про нее такие слухи по всей деревне, что и другие хозяйки отказались от ее услуг.

Марте стало вдруг до слез обидно, когда она вспомнила, как у нее перед носом захлопнулись все двери, за которыми она могла заработать свои медные гроши, необходи-

мые для прокормления. Неясно, с какой стати ей вдруг припомнилось такое далекое прошлое, ведь сегодня оно не имело никакого значения — она жила другой жизнью и могла только пожалеть этих глухих баб, перед которыми никогда не откроется сияющая дорога на Сириус.

И тут ее охватила настоящая паника — дорога на Сириус могла закрыться сегодня и перед нею. Она ведь так и не нашла Клауса, а скоро уйдет последний автобус и вместе с ним последний шанс попасть в Каршталь до полуночи, как велел Мастер. Нужно было срочно решать, продолжать ли искать Клауса или махнуть на эту затею рукой и вернуться без него.

Возвращение в Каршталь без Клауса означало бы, что она теряет его навсегда. И не просто теряет, а оставляет в руках этой кривобокой уродины Хельки, навеки лишая его возможность вылечиться и стать таким, как все — нормальным и счастливым. Материнское сердце не позволяло Марте это сделать, но где еще искать сына оно тоже ей не подсказывало. Она ведь уже трижды обошла весь Нойштадт, заглядывая в каждую возможную щель, и даже успела вскочить в автобус, отвозивший туристов на экскурсию наверх, в замок. Там наверху, заручившись обещанием шофера, своего бывшего соученика, не уезжать без нее, Марта упростила фрау Штрайх выпустить ее на минутку во двор и помчалась к свиарнику. Дверь свиарника была заперта, и свет внутри погашен, так что пришлось поверить фрау Штрайх, которую Марта всегда недолюбливала, что та своими глазами видела, как Клаус сел на велосипед и уехал.

Мимо проехал последний автобус, направляясь к своей конечной остановке на площади у ратуши. Марта знала, что он пробудет там не больше пяти минут. Она уже начала с трудом поднимать со скамьи свое налитое свинцовый усталостью тело, как до ее слуха донеслись протяжные, хрустально-пронзительные аккорды, будто где-то высоко-высоко в небе запели ангелы.

ИНГЕ

Инге стоило большого усилия не вскрикнуть, когда она узнала Карла в этом чем-то смутно знакомом незнакомце. Узнала не его черты и не его голос, а тепло его ладоней на

своих плечах и запах его дыхания на своей щеке. И это было еще страшней, чем просто узнать его и поверить, что он жив. Потому что он был сильнее ее. На ее стороне были только отсутствующий Ури и неродившийся младенец, а на его — ее многолетняя и, как оказывается, не изжитая до конца привычка покоряться его рукам и его воле.

Первым делом нужно было сообразить, почему его новое лицо сразу показалось ей знакомым. Ведь у нее до сих пор просто не было случая взглянуть на это лицо, — или все же был? На задворках памяти шевельнулось и тут же исчезло видение из последнего часа экскурсии: тускло освещенная площадка лестницы, спускающейся в красный зал, а там, внизу, на окраине галактики обращенных на Инге глаз вспыхивает на миг чей-то убийственно знакомый взгляд. Вспыхивает, пронзает ее насквозь и тут же гаснет, так что она не успевает разглядеть источник. Но сейчас, словно на проявленной фото пленке, источник начал проступать из зернистого небытия: темный бобрик надо лбом, узкая полоска фатоватых усиков над слишком полной губой и твердый очерк подбородка.

— Я тебя видела внизу во время экскурсии, — произнесла она первое, что пришло на ум, простое, обыденное, воздвигающее преграду между ее покорностью и его властью над ней. — Значит, фрау Штрайх была права.

Она тут же заметила, что ее реакция разочаровала его. Интересно, чего он ожидал, — что она зарыдает или потеряет сознание? Честно говоря, она была очень близка и к тому, и к другому, и потому почти запечатлела их стремительную перебранку, похожую скорей на перестрелку, чем на трогательную беседу старых друзей, встретившихся после долгой разлуки. В результате этой перестрелки они оказались на кухне, где каждый окопался за своей чашкой чая, чтобы продолжать в том же духе. И так они и продолжали, пока она сама, неизвестно зачем выскочив из-за стола, не включила телевизор, после чего их дружеская беседа из дуэта превратилась в трио.

Откровения телевизора оборвали последнюю связывающую их ниточку. Инге не поразило, что Карла снова разыскивают, в этом не было ничего нового, ведь его по сути никогда и не переставали разыскивать. Ее даже не слишком задело, что ему приписывают какие-то новые грехи, — что

это могло изменить? Ей и старых было достаточно. В глазах у нее потемнело, когда она узнала оживленное лицо Клары, над которым интимно нависал профиль Карла, открывая для обозрения много раз целованное Инге ухо. Хоть Инге никогда не встречала Клару, она не могла бы спутать ее ни с кем на свете: Ури был просто помешан на матери, он наводнил их жизнь ее портретами и воспоминаниями детства.

А в последнем сбивчивом телефонном разговоре он проговорился, что там, куда его, отнявши у Инге, отправили со всеми мыслимыми и немыслимыми предосторожностями, он неожиданно натолкнулся на мать. Которая что там делала — любезничала с Карлом? А, может, не только любезничала — ведь недаром сквозь восторженную вязь ностальгических рассказов Ури не раз прорывался намек на то, что его прекрасная мамочка слаба на передок. Не потому ли он был вне себя и будил Инге среди ночи своими расхристанными телефонными звонками?

— Кто эта женщина? Где ты с ней встречался? — не узнавая своего голоса, спросила она, потерявши всякую осторожность, хотя отлично понимала, что Карл не должен заподозрить, будто между ней и Klarой есть какая-то связь.

— А что, ты ее знаешь? — поднял брови Карл.

— Откуда мне ее знать? — заторопилась Инге, лихорадочно подыскивая подходящее объяснение своему несвоевременному любопытству. — Зато я знаю тебя, особенно твою технику обольщения дам.

— А если я даже обольщал эту даму, тебе какая разница?

— Что значит, какая разница? — произнесла Инге автоматически, пока ее разум метался в темных закоулках подсознания, пытаясь выяснить, откуда ей грозит опасность. — Весьма красивая дама.

— Ты что, приревновала меня к ней?

— Нет, я приревновала ее к тебе, — как бы съязвила Инге, нащупывая, наконец, истинно опасную точку этой напоминающей ночной кошмар ситуации — Карл, Ури и прекрасная Клара. Нащупав опасность, она вынудила себя как ни в чем не бывало продолжить начатую пикировку, чтобы заглушить свой интерес к очарованной Карлом незнакомке. — Я представила себе, как она была разочарована, когда узнала, что ты ее вовсе не любил, а просто использовал.

Как ни странно, Карл попался на ее удочку:

— А тебе бы больше понравилось, если бы я ее любил?

Что-то в его тоне заставило Инге насторожиться — проблеск искренности, что ли? Она припомнила откровенно зовущий взгляд Клары и устремленный к ней наклон шеи Карла, словно он не мог противостоять магнетическому притяжению этого взгляда. Кто его знает, может, он ее и впрямь любил, — настолько, конечно, насколько он вообще способен любить кого-то, кроме себя. Как бы то ни было, нельзя допустить, чтобы Ури застал Карла в замке!

— Что ж, если ты ее любил, то сейчас она должна быть разочарована еще больше.

Карл уже овладел собой и сделал неловкую попытку вырваться из сетей этого диалога:

— А ты верна себе! Все так же играешь в ясновидицу.

Чудно, это как раз то, чего Инге добивалась: вытеснить Klarу и перенести внимание Карла на себя. Она вернулась к столу, увидела осколки разбитой чашки, сделала было движение подобрать их, но передумала и взяла с подноса новую чашку:

— Я и есть ясновидица, — сказала она примирительно, цедя из чайничка в чашку остатки остывшего чая. — Но, к сожалению, я не могу разглядеть мелкие детали на таком расстоянии. Например, в какой стране находится этот красивый дом, на фоне которого тебя сфотографировали?

Уж не в Англии ли?

— Чем меньше ты будешь знать, тем лучше для тебя.

Карл произнес эти слова вроде бы даже с дружеским участием, но искра раздражения, мимолетно вспыхнувшая в его глазах, подтвердила правильность ее предположения. Тем хуже, ведь она тогда ночью безошибочно узнала двухтактный писк английского телефона-автомата, требующего с Ури очередную монетку. К счастью, Карл, не умея читать ее мысли, по-своему истолковал пробежавшую по ее лицу тень.

— Я вижу, ты уже поняла, что сейчас мне просто некуда деться. Так что тебе придется меня здесь спрятать, хочешь ты этого или нет.

О да, это она поняла! Что от него не удастся избавиться, пока он не уладит свои дела. Если вообще его дела можно уладить. А если нет? В прошлый раз он не управил-

ся и за год, а сейчас, похоже, узел завязался слишком туго, чтобы оставить надежду на благополучную развязку.

— Ты голодный? — спросила Инге участливо, совсем как подруга жизни, и, не дожидаясь ответа, направилась к холодильнику, за открытой дверцей которого можно было хоть ненадолго укрыться от настороженного взгляда незваного гостя. Медленно перекладывая с места на место целлофановые пакеты с сыром, маслом и колбасой, она мысленно перебирала небогатый выбор имеющихся в ее распоряжении средств спасения. Телефонный звонок — но кому, куда? Да Карл и не даст ей позвонить — это он уж наверняка предусмотрел. Усыпить его, подмешавши в чай снотворное зелье из своей коллекции? Небось, и это он предусмотрел и будет каждый поток сначала испытывать на ней. Но на это, в конце концов, можно было бы даже пойти...

— Что ты застыла там, Инге? Обдумываешь, как меня отравить?

Длинная рука Карла вынула из стиснутых пальцев Инге зажатые в них пакеты, — она даже не слышала, как он возник за ее спиной.

— Это неплохая идея, — невесело отшутилась она, распрямляясь. — Спасибо, что надоумил.

— Надеюсь, ты еще не успела подсыпать яду ни в сыр, ни в колбасу, — в тон ей невесело отшутился Карл, бросая пакеты на стол. — А хлеб у тебя есть?

Она двинулась было к буфету за хлебом, но дорогу ей преградил забытый за их дружеской перебранкой Ральф. Он вдруг вскочил со своего коврика, где все это время тихо лежал, притворяясь спящим, и, насторожив уши, рванулся к входной двери. За дверью что-то зашуршало, звякнуло и затихло. Ральф предупредительно твякнул, скорей приветственно, чем враждебно, и в ответ в замке начал поворачиваться ключ. Кто это может быть так поздно — неужели Ури? Конечно, Ури, кто же еще? Ведь недаром с тех пор, как он уехал, Инге, предполагая, что он явится домой среди ночи, каждый вечер вынимала ключ из замка, чтобы он мог отпереть дверь.

Карл резко вскинул вверх руку, и в кухне стало темно. Инге не сразу сообразила, что он просто погасил свет. Она поняла это только, когда дверь распахнулась, открывая

взгляду неожиданно светлый квадрат неба, в котором засыл приземистый женский силуэт.

— Зачем ты свет погасила? — свистящим шепотом спросил силуэт. — Прячешься от меня, что ли?

О Господи, Марта! Что могло принести ее сюда в такой час?

— Чего тебе от меня надо, Марта? — Инге не спешила зажигать свет, не зная, как Марта прореагирует на ее позднего гостя. Легкая струйка воздуха из коридора колыхнула прядь ее волос, и она не столько услышала, сколько почувствовала, что Карл выскользнул из кухни.

— Да включи ты, наконец, свет, — грубо выкрикнула Марта. — Или мы в темноте разговаривать будем?

— А о чем нам разговаривать?

— Не о чем, а о ком! Вот о нем — о моем красавце. Не хочешь на него полюбоваться?

С этими словами Марта пересекла кухню и как-то слишком уж агрессивно щелкнула выключателем. Перемена в ее внешности поразила Инге — в ровном розоватом сиянии, отбрасываемом старинным абажуром, было особенно ясно видно, как она похудела. Просто удивительно, что Инге узнала ее силуэт — от нее не осталось и половины.

— Да ты не на меня смотри, а на урода моего! — Марта ткнула пальцем в сторону входной двери. Лицо ее дернулось вслед за пальцем. Инге показалось, что ее осунувшиеся щеки приобрели даже некоторую экзотическую элегантность. — Это он меня сюда слишком привел.

Инге обернулась — на пороге понуро топтался Клаус.

— Скажи ей сам, что ты надумал! — свирепо приказала сыну Марта.

— Вот... мамка говорит, вроде я пообещал... так она за мной приехала.

И тут в памяти Инге шевельнулось смутное видение из другой, счастливой жизни, оборвавшейся с появлением Карла. Нагретое солнцем шоссе, младенец, колотя пятками Инге в живот, настойчиво требует теплой еды, Хелька, путаясь в словах, рассказывает про секту в Карштале, Инге порывается уйти, младенец продолжает требовать, но несчастная девчонка отчаянно цепляется за Инге и умоляет помочь. Неужто это было всего несколько часов назад? Что же Инге в конце концов пообещала Хельке, чтобы от

нее отделаться? Наверняка что-то опрометчивое и совершенно невыполнимое.

— Я без вас не поеду, вот что... — заполнил провал в ее памяти Клаус. — Вы сами сказали, чтобы я без вас не ехал...

Неужто она пообещала сопровождать его в Каршталь? Нет, быть не может, такой глупости она не могла обещать, что-то тут не так.

— Вечно ты лезешь в мои с ним дела, — пожаловалась Марта. — И зачем он тебе? Просто мне назло и все.

— А если я не соглашусь... — начала было Инге и тут же осеклась. В уме у нее начал вырисовываться еще неясный, но дерзкий спасительный план.

— Как так, не согласишься? — взвyla Марта. — Уж пусть ты его, дурака, погубишь, — ладно, так ему, дураку, и надо! Но меня за что? Мне без тебя никак назад не попасть. Я ведь, его уговаривая, последний автобус пропустила.

— Ну завтра вернешься, какая разница? — закинула удочку Инге, хотя ответ знала заранее. Ей нужно было проверить надежность стремительно созревающего решения.

— Никакого завтра не будет, — меняя тактику, взмолилась Марта. — Если не сегодня, все! Церемония назначена на эту ночь. Кто опоздает, тому уже ничего не поможет. Другого разу не будет.

Инге начала неслышно отступать к выходу во двор, то и дело прикидывая в уме расстояние до двери, за которой притаился Карл — дотянется до нее его длинная рука или нет? Сознывая, что молчать нельзя, она постаралась продлить разговор первым подвернувшимся вопросом:

— И чего же ты лишишься?

— Что значит — чего? Всего лишусь! Навеки останусь тут, среди вас... — на этих словах Марта запнулась и вперилась взглядом в потолок, словно испугавшись чего-то, известного ей одной.

Инге сделал еще один шаг прочь от Карла:

— Так тебе среди нас плохо?

— Ну что у меня тут есть хорошего? — неясно почему оживилась Марта, вновь обретая красноречие. — Дом у меня отобрали твоими заботами, сын у меня — идиот!

— А тебе после церемонии другого, что ли, выдадут?

— Зачем мне другой? Мой дурачок после церемонии вылечится и станет лучше любого другого!

Инге осторожно сняла с крюка свою сумочку с водителскими правами и ключами от машины:

— Ну ладно, если ты так в это веришь, поехали!

И, оттеснив Клауса, шагнула было через порог, почти задыхаясь от стиснувшего ей горло страха. И поделом — дальше порога ей уйти не удалось. Карл неспешно возник в дверном проеме, ведущем из кухни в коридор, и прислонился к косяку.

— Куда это ты собралась на ночь глядя?

Он стоял там очень по-домашнему, даже по-хозяйски, сунув руки в карманы брюк, без пиджака, в одной рубашке, разве что домашних туфель не доставало для комплекта. Однако несмотря на этот кроткий домашний облик, от него исходил такой дух опасности, что Марта шарахнулась прочь, как ошпаренная:

— Ты что, опять нового мужика себе завела?

Ни Инге, ни Карл не удостоили ее ответом, и в кухне повисло зловещее молчание. Обожженная сверкнувшим в глазах Карла огнем холодной ярости, Инге внутренне содрогнулась от ужаса перед тем, что может сейчас произойти. Она хорошо знала сокрушительную силу этой ярости, но, как оказалось, ее фантазии не хватило, чтобы przewidеть то, что действительно произошло. Клаус, плечом отстранив Инге, в два шага пересек кухню, приблизился к Карлу, словно в трансе, и коснулся ладонью его щеки.

— Карл! — сказал он счастливым голосом. — А я думал, ты уже никогда не вернешься!

«Совсем, как Ральф», — мелькнуло в голове Инге.

— Какой такой Карл? — прикрикнула на сына Марта. — Черти тебе еще не мерещатся?

После чего, приглядевшись повнимательней, она все же признала правоту Клауса:

— А ведь и вправду Карл, как я сразу не узнала?

«Ну все, — обреченно подумала Инге, — теперь он их не отпустит». А Карл очевидно подумал, что спорить с Клаусом так же бесполезно, как с Ральфом.

— Привет, Клаус, — с трудом выдавил он из себя, словно пасту из тюбика, и хлопнул Клауса по плечу. — Здорово ты вырос за эти годы!

— Еще как вырос, — согласился Клаус. — У меня даже подружка есть, совсем как у тебя, только не такая красивая.

«Ах предатель! Он уже забыл Ури!»

— Не такая красивая? Да уж такая уродина, такая уродина, а стерва какая, свет таких не видывал! — ворвалась в их дружеский дуэт Марта. — А теперь хватит разговоры разговаривать. Нам ехать пора, а то опоздаем.

— Куда вы можете опоздать среди ночи? — с притворной вежливостью поинтересовался Карл, но Инге не усомнилась, что мысль его лихорадочно мечется в поисках решения, как наилучшим образом обезвредить этих, ставших вдруг опасными недоумков. Выбор у него был небольшой: или убить их — ох, как некстати! — или запретить где-нибудь в подвале, — тогда хлопот не оберешься!

Озабоченная своими проблемами Марта ничего такого, конечно, за его словами не учуяла:

— Мы с Клаусом должны срочно попасть в Каршталь. У нас там сегодня в полночь церемония.

— А при чем тут Инге?

— А при том, что я обещала Клаусу поехать с ним. Это очень важная церемония, Марта надеется, что после нее ...

— Я слышал, на что надеется Марта, я только не понимаю, на что надеешься ты.

На этот раз в голосе его зазвенела такая сталь, что ответить на нее можно было таким же стальным звоном:

— Я надеюсь, что ты не станешь делать глупости. Я имею в виду, если ты рассчитываешь на мою помощь.

И они опять схлестнулись взглядами — кто кого? Не будучи уверена, что пересилит, Инге добавила на чашу весов последний решающий довод.

— Учти, если Клаус исчезнет, его подружка и впрямь стерва, каких свет не видывал. Она поставит на ноги всю местную полицию.

И Карл отступил, он, а не Инге, — уж слишком много было поставлено на карту. Он протянул руку и снял с плеча Инге сумочку с ключами от машины.

— Хорошо, давай отвезем их. Я тоже поеду с вами.

Хоть Инге прекрасно понимала, что он не отпустит ее одну, при этих его словах страх снова перехватил ей горло. Карл был не из тех, которые сдаются без задней мысли: небось, он что-то уже задумал или задумывает, раскидыва-

ет хитрую сеть, готовит для них для всех ловушку. Впрочем, вряд ли для всех, — она, Инге, ему пока нужна. И на том спасибо.

— Подожди секунду, я возьму свой пиджак, — бросил Карл через плечо и с сумочкой Инге в руке вышел в коридор. Инге молча последовала за ним.

— Ты куда? — резко обернулся он, даже не пытаясь скрыть, как он взбешен.

Но Инге не сробела:

— Я в уборную. Женщине в моем положении приходится часто писать.

Как истый джентльмен, он довел ее до уборной и, распахнув перед нею дверь, дождался, пока она ее за собой затворит. Она не стала отказывать себе в удовольствии и впрямь воспользоваться столь лобезно предоставленным ей удобством, однако воду спускать не спешила, чтобы лучше слышать шаги Карла. Он вошел в тренировочный зал, чем-то там звякнул и тут же вышел.

— Ты готова? — грубо спросил он.

— Почти, — кротко ответила Инге. Напряженно пытаясь сообразить, зачем Карл ходил в тренировочный зал, она спустила воду и под шум наполняющегося бачка вспомнила, что, выходя из зала вслед за Карлом, она забыла закрыть раздвижную дверцу оружейного арсенала Ури.

Наконец, они всей гурьбой вывалились из кухни во двор и направились к машине. По пути Инге заметила прислоненные к крыльцу велосипеда своих непрошенных ночных избавителей. Так вот почему Хельки не было с ними — как кстати! Что ж, выхода нет, будем бороться дальше, — и она протянула руку к Карлу за своей сумочкой:

— Дай ключи, я поведу. Ты ведь, небось, и дороги-то не помнишь.

Секунду поколебавшись, Карл протянул ей сумочку и даже распахнул перед ней водительскую дверцу:

— Ты тоже учти — никаких фокусов.

— Будь спокоен, я знаю, что ты взял мой револьвер.

Пока они обменивались лобезностями, Марта и Клаус втиснулись на заднее сиденье. Дождавшись, когда Карл сядет с ней рядом, Инге включила мотор и нажала педаль газа.

И тут в доме громко зазвонил телефон.

Инге вся напряглась — она была уверена, что это Ури.
— Это моя Хелька звонит, — довольно сказал Клаус. — Волнуется, что нас так долго нету.

УРИ

Ури вышел из телефонной будки, так и не дождавшись ответа. Он звонил долго-долго, снова и снова набирая номер замка, но ничто не нарушило порядка бесконечных монотонных гудков. И Ури стало страшно. Инге не могла не слышать настойчивых звонков телефона, сон у нее всегда был очень чуткий, а теперь особенно. В прошлый раз, глубокой ночью, она ответила почти сразу, значит, сейчас кто-то не дал ей снять трубку. И нет сомнения, кто.

Он никак не мог отвязаться от этой дурацкой фразы «нет сомнения — кто, нет сомнения — кто она», как кофемолка, колотилась у него в голове, вызывая к жизни разные надрывающие сердце картины. К стыду Ури, не все они представляли Инге отчаянно борющейся за жизнь в жестокой хватке Карла. Некоторые напротив и вопреки здравому смыслу обнаруживали ее раскинувшейся на постели в жарких объятиях Яна Войтека, причем лицо ее порой преображалось в озаренное страстью лицо Клары.

Чтобы не позволить себе сойти с ума, Ури вложил всю свою ненависть к Карлу в послушные педали автомобиля — он втапывал их до предела, словно наступал на горло врага.

ХЕЛЬКА

И все из-за этой несчастной хромой ноги! Ходила бы она, как все, на двух прямых ногах, у нее тоже был бы велосипед, как у всех, и она смогла бы погнаться за Клаусом, когда Марта поволокла его в замок.

Хелька облокотилась о перила моста, под которым шумно сплетались на песке и дробились на камнях пенистые потоки горного ручья, но ей это было все равно, — она их не видела и не слышала. Перед ее глазами неотступно ма-

ячило лицо Марты, неспешно всплывающее снизу, из темной глубины лестничного колодца. Из-за этой неспешности Хелька не сразу поверила, что это настоящая живая мамка Клауса, с трудом переводя дыхание, медленно взбирается к ним на колокольню. В темноте под лицом не видно было тела, и никакого телесного запаха не уловили чуткие хелькины ноздри, — наверно, из-за гуляющего наверху сильного ветра. Так что она сперва приняла выплывающее из мрака лицо за бесплотное видение, вызванное к жизни ее, хелькиным, страхом.

Однако эта иллюзия тут же рассеялась, когда жадно хватающие воздух губы натянулись над оскаленными зубами и прошипели:

— Ишь куда спрятались, голубки! Думали, я вас не найду?

В ответ Клаус что-то испуганно заблеял, и все расчетливо построенное Хелькой здание самообороны рухнуло вмиг, как карточный домик. Оттесненный от Хельки крепким материнским плечом Клаус сник и уже готов был отправиться с Мартой Туда, если бы Хелька не исхитрилась напомнить ему про давешнее обещание фрау Инге. Она ожидала, что Марта проклянет ее в ответ, но, к ее удивлению, та не стала спорить, а охотно подхватила идею вернуться домой за велосипедами, чтобы поскорее попасть в замок.

Сначала Хельке показалось, что Марта рассчитала таким образом отделаться от нее — ведь у нее и велосипеда даже не было!

Но пока они сползали с колокольни по узкой винтовой лестнице, Марта проговорила об истинной причине ее готовности обратиться за помощью к ненавистной фрау Инге.

— Ладно, пускай эта зараза отвезет нас, раз она такая добрая, — так и быть, согласилась она. — А то ведь последний автобус ушел, пока я тебя по всей деревне искала.

С этими словами она исчезла за церковной дверью, уведя за собой покорного Клауса, и Хелька, которая из-за калечной ноги спускалась последней, осталась одна в наполненной смутными шорохами тьме. Если бы она сейчас оступилась и сорвалась вниз, никто бы не узнал об этом до утра.

Но она не оступилась и не сорвалась, а, цепляясь за перила здоровой рукой, благополучно добралась до подножия лестницы. Когда она выбралась, наконец, на цер-

ковную площадь, Клаус с Мартой уже давно скрылись из виду. Хелька побрела было вслед за ними, но вовремя сообразила, что раз ей все равно их не догнать, так уж лучше сразу идти в сторону замка, чтобы перехватить их по дороге. Зачем ей было их перехватывать, она и сама сказать не могла бы, но идти куда-то было легче, чем просто вернуться домой и сходить с ума, ожидая, чем все это кончится.

Она уже добрела до моста, когда они обогнали ее на своих велосипедах, слишком быстрых для ее медлительной походки. Обогнали и, не замедляя хода, проехали мимо.

— Прощай, Клаус! — крикнула Хелька так отчаянно, что сама испугалась своего крика. — Помни меня, если мы больше не увидимся!

Плечи Клауса дрогнули, и он начал было притормаживать перед крутым подъемом, но рука Марты слегка подтолкнула его в спину, и они скрылись за поворотом.

Глотая слезы и дрожа от холода, Хелька доковыляла до конца моста и бессильно поникла, положив руки на каменные перила. Она никуда не уйдет, она будет тут стоять хоть до утра. Будет стоять и ждать Клауса. Так вот стоять и ждать, пока не дождется.

Она постояла так несколько минут, бездумно глядя вниз, и ее взбешенные чувства начали приходить в порядок. Чего, собственно, она так всполошилась? Разве фрау Инге сказала, что она собирается ехать с Клаусом в Каршталь? Конечно, нет, зачем ей это надо — в ее-то положении? Даже сквозь слезы Хелька заметила сегодня днем, как фрау Инге устала, как тяжело ей было долго стоять, она даже разок пошатнулась, и ей пришлось прислониться спиной к выступу скалы, чтобы удержаться на ногах.

От этих мыслей Хельке стало немножко легче. Она сошла с моста и села на тот же придорожный камень, на котором сидела несколько часов назад, поджидая Клауса. Гортанный шум ручья почти не доносился сюда и не мешал Хельке прислушиваться в надежде как можно раньше уловить приближающийся сверху шорох велосипедных шин. Однако первый звук, нарушивший напряженное молчание ночи, так ужаснул ее, что она предпочла не поверить собственным ушам — где-то недалеко над ее головой явственно забормотал тормозящий на крутом спуске автомобиль. Еще секунда и неотвратимый рокот мотора уси-

лился до того предела, за которым уже нельзя было усомниться в его реальности. Значит, фрау Инге все же согласилась поехать с Клаусом Туда!

Не помня себя, Хелька выскочила на мост как раз в тот миг, когда знакомый голубой «Пассат» вывернул из-за скалы, снизив скорость на крутом повороте. Хелька, не раздумывая, бросилась наперерез машине, упала грудью на теплый, глухо рокочущий капот и заколотила кулачками в ветровое стекло.

— Возьмите и меня! И меня!

За стеклом, прямо у нее перед глазами колыхнулось испуганное лицо фрау Инге, а рядом с ним еще чье-то, мужское, с усиками, Хельке совершенно незнакомое. Клаус выкрикнул: «Хелька!» и начал рвать на себя ручку окна. Пока Марта за спиной фрау Инге с громким визгом оттащивала Клауса от окна, мужчина на пассажирском сиденье махнул Хельке рукой, приглашающим жестом указывая на заднюю дверь. Пренебрегая болью в хромой ноге, Хелька молнией сорвалась с капота и ринулась туда, куда указывал длинный приветливый палец незнакомца. Но она не успела пробежать и полпути, когда машина с отчаянным ревом рванулась с места и умчалась прочь.

КАРЛ

— Ты что, предпочла оставить здесь свидетеля нашего торжественного ночного выезда?

— А ты предпочел бы такого свидетеля не оставлять?

Карл промолчал, иначе не удалось бы скрыть охватившую его бессильную ярость, пасующую перед отчаянной решимостью Инге.

— А раз так, значит, я поступила совсем неглупо, ты не находишь? — безмятежно улыбнулась Инге, умело ведя машину по рискованному серпантину узкой горной дороге.

Опять ее воля против его, и опять ее победа. Неужто она так изменилась? Или он совсем ее не знал?

— А ведь я предупреждал — никаких фокусов, — процидил он сквозь зубы, отлично сознавая проигрышность своей позиции. Пригрозить Инге ему по сути было нечем, он сказал это только для того, чтобы за ним осталось пос-

леднее слово. Инге, вероятно, тоже поняла это и промолчала, не желая еще больше накалять и без того раскаленную атмосферу в салоне. Пытаясь снизить напряжение, Карл на время отключился от Инге и завел бессодержательную беседу с Мартой, тоже изрядно разгоряченной после взрывоопасной выходки Хельки.

— А что у вас там за церемония? — спросил он без всякого любопытства. — И где это — там?

Марта что-то быстро и восторженно затарахтела, поминутно сбиваясь и противореча себе самой. Поначалу Карл не очень-то вслушивался в ее славословия какому-то великому мастеру, пока его внимание не привлекли знакомые слова.

— Секта «Дети Солнца?» — переспросил он.

Перед глазами возникли обрывки строк из местной газеты, прочитанные им давеча, пока он дождался своего шницеля в новом ресторане у ворот замка. Хорошо натренированная память услужливо подсунула ему цепочку разрозненных фраз, набранных мутным газетным шрифтом: «... расследование подозрительной финансовой деятельности... собственность на десятки домов... банковские счета.... был членом секты более десяти лет... отписал свой дом и все сбережения.... скудный рацион и всеобщие бдения... лишение сна... Проповеди о конце света...»

Так вот куда их несет среди ночи!

— Это та секта, что в бывшем имении фон Хакке в Карштале?

Марта радостно подтвердила, что да, та самая, — она, бедняжка, наверняка понятия не имела о безобразиях, описанных в бойкой газетной статейке. Безо всякого коварного умысла, просто так, от нечего делать и чтобы избыть собственное раздражение, Карл наспех пересказал ей содержание статейки. И тут же об этом пожалел.

— Газеты! — взвилась, не дослушав его, Марта. — Да у нас никто этих ваших грязных листков в руки не берет! Мы не признаем ничего вашего — ни телевидения вашего отравного, ни радио. От них одна зараза!

Пронзительные вопли ее наполнили салон машины вибрациями такой высокой энергии, что Инге не выдержала и взмолилась:

— Ради Бога, сбавь мощность, Марта, а то мы сейчас разобьемся. И ты так и не попадешь на свой Сириус.

Голос Марты взлетел еще на один регистр, хоть казалось, что выше уже некуда:

— Откуда ты знаешь про Сириус? Кто тебе рассказал?

Инге пожалала плечами:

— А что, это тайна?

Марта вдохнула было воздух для новой атаки, но вдруг, словно чего-то испугавшись, поспешно проглотила рвущуюся наружу речь, словно подавилась словами.

— Значит, все-таки тайна, — удовлетворенно констатировала Инге. — Что ж ты ее разболтала посторонним?

У Марты в горле что-то забулькало, но она снова подавилась словами и ничего не ответила. Сдается, эти бабы терпеть друг друга не могут, пронеслось в голове Карла, а ведь в его время между ними даже тлели неяркие искорки взаимной симпатии. Что же тут произошло за эти годы? Жаль, что у него нет времени порасспросить Марту — уж она бы ему открыла такие секреты, такие секреты, о каких сама Инге, может, и не подозревает!

Времени, собственно, уже не осталось ни на что — горная дорога внезапно влилась в просторную речную долину, в глубокой излучине которой за высоким кирпичным забором притаилось бывшее имение баронов фон Хакке. Конечно, Карл отлично знал это имение, просто в те времена сводчатые окна старинного здания были заколочены, а забор во многих местах обрушился, открывая взгляду заросший крапивой заброшенный сад.

Теперь забор был полностью отремонтирован, образуя нечто вроде крепостной стены вокруг тонущего в ночном сумраке обширного участка. Слабый свет нескольких фонарей позволял увидеть сквозь узорчатые прутья ворот, как по многочисленным дорожкам в одном направлении — куда-то в глубь сада — целеустремленно течет людской поток. Мужские и женские фигуры были неразличимы, скрытые ниспадающими складками бесформенных балахонов.

Марта в ходу распахнула дверцу и, не дожидаясь, пока Инге полностью затормозит, начала тащить Клауса вон из машины:

— Скорей бежим, видишь, все уже идут в молельную! Мы и так приехали в последнюю минуту!

Но Клаус не спешил выходить. Ногами он уперся в спинку переднего сиденья, а руками вцепился в охватывающий его поперек груди ремень безопасности:

— Я без фрау Инге никуда не пойду.

Хоть в голосе его звенели слезы, даже Марте стало ясно, что он и вправду не тронется с места без Инге.

— Разве речь шла не о том, что Инге тебя только отвезет? — осторожно вмешался Карл, не уверенный, какой еще номер может отколоть Инге.

— Нет, — заупрямился Клаус, — она обещала пойти со мной на церемонию. Иначе я бы не поехал.

— Да кто ее пустит на церемонию? — ринулась в бой Марта. — Туда грязных не пускают. Мы для этой церемонии два года очищали душу и тело и копили космическую энергию.

— Но я же ничего не очищал, значит меня тоже не пустят, — неожиданно логично заключил Клаус. — Так что ты иди туда, к своим, а мы с фрау Инге вернемся обратно.

— Никуда я без тебя не пойду! — истошно завопила Марта. — Я ради тебя на это пошла, я твою душу очистила, деньги за тебя заплатила и обо всем договорилась с Мастером.

На поднятый Мартой шум к воротам подошел высокий седобородый человек в малиновом балахоне и стал всматриваться в темноту за забором.

— Это ты, Марта? — спросил он сквозь решетку. — А я уже начал беспокоиться, что тебя так поздно нет. Ну как, привезла сына?

— Привезти-то привезла, Мастер, — плачущим голосом ответила Марта. — Только он, горе мое, из машины выходить не хочет.

— Что значит, не хочет? — недобро удивился Мастер. — Зачем же он приехал?

Он вынул из кармана связку ключей и загремел замками. Правая створка ворот поползла вбок, пропуская малиновую фигуру, сильно увеличенную радужным ореолом венчающих ее микроскопических капель речного тумана. Внимательные глаза Мастера разом охватили все пространство салона, заставив Клауса еще плотнее забиться в глубь машины. Карл усилием воли удержался от того, чтобы не последовать его примеру.

— В чем дело, мой юный брат? — ласково осведомился Мастер. — Разве ты не хочешь присоединиться к нам?

На вспухших губах Клауса вспенилась слона:

— Никакой я вам не брат! И без фрау Инге никуда не пойду!

Взгляд Мастера, мимоходом сверкнув белками глаз в сторону Карла, переместился с Клауса на Инге:

— Как я понимаю, фрау Инге это вы?

— Я, — кратко кивнула Инге.

— Она, все она! — надрывно крикнула Марта, — Змея подколодная!

— Вы что, не хотите отпустить его на нашу церемонию?

— Ради Бога, пусть идет, — пожала плечами Инге, — я его не держу.

— Я без вас никуда не пойду, — взвыл Клаус. — Я Хельке пообещал.

С надсадным воплем: «Хельке он пообещал!» Марта ухватила Клауса за рукав и попыталась вытащить из машины. Но он был сильнее ее и не давался. Тем временем, еще одна малиновая фигура протиснулась к ним сквозь узкую щель, образованную приоткрытыми створками ворот.

— Что у вас тут за шум, Мастер? — произнес женский голос, от звука которого мурашки побежали по спине Карла. Сомнений не оставалось — фотография в газете открыла ему правду, это была его давняя подруга по добровольному заключению истеричка Зильке Кранцлер, подпольная кличка Лиззи. Непонятно, как она позволила себя сфотографировать. Впрочем, скорей всего ее снимали скрытой камерой, как и его в библиотеке.

Зильке была уже рядом с машиной, не хватало только, чтобы она его узнала! Спрятаться было некуда, глубже втиснуться в спинку сиденья было уже невозможно, оставалось только рассчитывать, что умелый грим преобразил его достаточно хорошо. Но лучше всего было бы исчезнуть отсюда поскорей. И он шепнул на ухо Инге:

— Послушай, прекрати эту дурацкий спектакль и поедем обратно.

Инге молча обернулась к нему, но он не сумел прочесть выражения ее лица и поспешно добавил:

— Тебе, во всяком случае, меня бояться нечего.

В руке Зильке вспыхнул мощный фонарь:

— Что тут у вас?

Обвиняющий палец Марты вонзился в Инге.

— Да вот сынок мой, горе мое, не хочет со мной на церемонию без нее.

— А ты объясни ему, что мы чужих на церемонии не пускаем.

— Тогда и я не пойду, я тоже чужой, — упрямо повторил Клаус.

— Ты не чужой, ты тоже наш брат, раз ты сын Марты. Ведь Марта — наша сестра.

— Тогда я вам не брат, а племянник. А ваша сестра пусть идет на вашу церемонию без меня.

— Да что же это? — зарыдала Марта. — Я ведь все ради него, только ради него... А он, неблагодарный...

— Ну, решай, Клаус, — строго произнесла Зильке, наклоняясь к окну над плечом Инге и освещая фонарем внутренность машины. — А нам пора, нас ждут.

Инге слегка отстранилась от нависшего над ней лица Зильке, взгляделась в него и вдруг воскликнула:

— А ведь мы с вами знакомы!

— Не думаю, — отрезала Зильке, направляя сильный луч прямо в глаза Инге, которая, заслонясь ладонью, припомнила окончательно:

— Ну конечно! Вы Зильке, вы учились в Гейдельберге на курс старше меня!

«Ну все, — мысленно застонал Карл, — теперь конец! Теперь эта стерва нас не отпустит!» Он хорошо знал свою братию. И, цепляясь за последнюю соломинку, он стиснул руку Инге:

— Инге, поехали! К чему задерживать людей, да и нам пора, время позднее.

Зильке отпрянула от машины и резко выпрямилась, словно приняла важное решение:

— Инге? Ну как же, как же, помню — таинственная Инге Губертус. Всегда одинокая, всегда отчужденная, всегда себе на уме. Что ж, Инге, для вас мы можем сделать исключение — берите своего Клауса и заходите.

— Жоли! — предостерегающе поднял руку Мастер.

— Не беспокойтесь, Мастер, все хлопоты я беру на себя, — пресекла его возражения Зильке-Лиззи-Жоли. Похоже, парадом командовала здесь она.

— Поступай, как знаешь, — слегка раздраженно бросил Мастер и, не оглядываясь, направился к воротам.

— Значит, я и впрямь могу войти в вашу святая-святых? — почти пропела Инге, светясь благодарностью.

— Вы же слышали, Инге? Сам Мастер согласился сделать для вас исключение.

«Ловушка!» — мгновенно озарило Карла, но остановить Инге было не в его силах, она бы ему все равно не поверила. Она явно была рада любому предлогу не возвращаться в замок наедине с ним. Он с тоской наблюдал, как она отстегнула ремень и вынесла из машины свой округлый живот — за время их короткого путешествия он заметно подрос, или Карлу это просто почудилось? Лиззи-Жоли тоже этот живот заметила, хоть, казалось, все внимание ее было поглощено неловкими попытками Класуса выбраться из машины не с той стороны, с какой его поджидала мать.

— О, вы ждете ребеночка, Инге? Это первый?

Тема ребеночка напомнила ей о Карле, безмолвно затаившемся в недрах автомобиля.

— Надеюсь, и ваш супруг присоединится к нам?

— Нет-нет, спасибо за приглашение, — не отрицая своей супружеской роли, закашлялся Карл. Главное, нужно было не дать Зильке узнать его голос: сколько часов было проведено с нею когда-то в горячих бессмысленных спорах о судьбах мира. — Я предпочитаю посидеть в машине, послушать радио.

Лиззи заметно повзрослела за прошедшие годы, — она не стала его понуждать, а проговорила мягко, но настойчиво:

— Вам может надоест сидеть тут в одиночестве — церемония у нас длинная, до самого рассвета.

Уверенный, что она настаивает неспроста, Карл твердо решил не поддаваться и просипел:

— Если мне надоест одиночество, я позвоню в тот колокольчик над калиткой. Надеюсь, кто-нибудь мне ее otvorит?

— Нет! — это уже не был раздрызганный голосок Лиззи, это был звенящий металлом командный голос Жоли. — Никто не впустит вас во время церемонии.

— Да оставьте его, — легкомысленно отозвалась на ее слова Инге. — Пусть сидит всю ночь в машине, если ему так нравится.

О черт, — подумал Карл, — да она просто жаждет от меня оторваться! Значит, отпускать ее одну нельзя. Ведь там, небось, и телефон найдется, чтобы позвонить куда надо.

— Фрау Инге, — крикнул от ворот Клаус. — Вы идете или мне вернуться?

Выхода не было: рискуя быть узнанным Зильке, Карл выбрал из двух зол меньшее: прижав локтем свою неразлучную сумку, он покинул теплое укрытие машины и шагнул навстречу новой, неведомой опасности.

ИНГЕ

Ну, конечно, Инге прекрасно сознавала, что рискует, прилюдно назвавши Зильку Кранцлер по имени. Она узнала Зильке сразу, как только та подошла к машине, — образ этой некрасивой агрессивной активистки из Коммуны социальных пациентов странным образом врзался в ее память, хоть они с тех пор никогда не встречались. Правда, желтые полицейские листки с нелицеприятными, а, точнее, — с лицепротивными, портретами неуловимой террористки З. Кранцлер долгие годы украшали двери банков и почтовых отделений, не говоря уже о полном их наборе в ящичке письменного стола самой Инге. И потому не узнать ее лицо было труднее, чем узнать, хоть за эти годы, лишившись юношеской угловатости, она сильно изменилась к лучшему.

Однако одно дело узнать, и совсем другое — сообщить об этом во всеуслышание. Но у Инге как бы не оставалось другого выхода, когда она поняла, что их ни за что не впустят на церемонию, и ей придется вернуться в замок наедине с Карлом. И она решилась! И не ошиблась — узнавши в Инге старую подругу по борьбе Зильке, и впрямь сделала для нее исключение и даже уговорила Мастера нарушить устав секты. Несомненно, такое мягкосердечие могло таить в себе угрозу, но ведь не смертельную же! Ну что способна сделать ей Зильке в такой толпе? Не убьет же она ее при свидетелях? Зато от встречи Ури с Карлом можно было ожидать чего угодно, и чего неуютно тоже. А Инге знала, чувствовала, что Ури где-то недалеко — ее нервный приемник ловил его волны все ближе и ближе.

«А, может, я напрасно все это затеяла?» — мимолетно подумала она, пронося свой вдруг ставший тяжелым живот по узкому проходу, образованному приоткрытыми створками ворот, жаждущими немедленно захлопнуться и отделить ее от всего остального мира. Тем более напрасно, что отделиться от Карла ей все равно не удалось. Он внезапно передумал оставаться в машине и направился к воротам вслед за Инге. Как только он вошел, створки ворот хищно защелкнулись, оставив их разнокалиберную четверку в полном распоряжении Зильке Кранцлер.

Впрочем, не совсем в полном: из глубины сада им навстречу уже спешил Мастер с охапкой каких-то простыней, которые при ближайшем рассмотрении оказались просторными хлопчатобумажными балахонами. Глядя, как Карл, проворно завернувшись в свой балахон, скрыл лицо в тени капюшона, Инге полубопытствовала про себя, не был ли он знаком с Зильке в той, другой, неведомой ей жизни? Если был, то он, наверное, опасается, что та может его узнать, так же, как Инге узнала ее? И ведь может, еще как может — его трудно с кем-нибудь спутать. Ну и узел у них тут завязался — топором не разрубишь!

Под конвоем Зильке и Мастера они долго блуждали по хитросплетенной слабо освещенной аллее. Их заставили свернуть сначала вправо, потом влево и еще несколько раз влево и вправо, потом вправо и влево, так что к концу пути Инге потеряла ориентацию: то ли принадлежащий Каршталпо участок был и впрямь велик, то ли они, сделав несколько петель, оказались неподалеку от того места, из которого вышли.

Они молча миновали парадный подъезд старого барского дома и, свернув в боковую аллею, вошли в хорошо оборудованный гараж, где рядом с грузовиком и трактором было припарковано с полдюжины легковых автомобилей. Инге не заметила, что именно сделал Мастер — вероятней всего, незаметно для нее нажал какую-то кнопку, — и в прорезке между грузовиком и высоким стеллажом с инструментами образовалась раздвижная дверь, створки которой зазывно поползли в разные стороны, открывая уходящую далеко вниз лестницу. Вспомнив рассказ Хельки, Инге мимолетно удивилась, что им не завязали глаза. Но тут же отогнала неуютную мысль — уж не рассчитывают ли хозяе-

ва, что они уже не выйдут из этого подземелья, чтобы пове­дать миру подсмотренные ими тайны?

От этой мысли ей не стало уютней. Кроме них ни в парке, ни в гараже никого уже не было — вся длинная процессия в балахонах, увиденная Инге при подъезде к имению фон Хакке, куда-то исчезла, не оставив после себя ни шороха шагов, ни переклички голосов. И, только спускаясь в подвал по ступеням бесконечной лестницы, Инге уловила какие-то сигналы, посланные другими смятенны­ми душами, прошелестевшими вдоль этих стен несколько минут назад.

Смятение этих душ было так велико, что по спине Инге пробежала непрошенная дрожь. Она покосилась на полу­скрытый капюшоном профиль Карла, и ей показалось, что ему тоже не по себе. Но ей тут же стало не до Карла, ее охватило невыносимое чувство нереальности происходя­щего, — неужто это она, трезвая, здравомыслящая Инге Губертус, добровольно спускается непонятно куда по ухо­дящим в сумрак ступеням? Как ее занесло сюда, зачем, почему? Ведь Хелька предупреждала ее о таящейся здесь смертельной опасности.

Инге рванулась было назад, но бежать было некуда — два малиновых балахона, замыкая шествие, преграждали ей путь наверх. Странная оторопь затопила разум Инге, и пространство над нею наполнилось сбивчивым голосом Хельки. И не стало извилистого темного коридора, втя­нувшего их в себя с последней лестничной ступеньки, ост­ался только хелькин рассказ, наполненный хелькиной дрожью и хелькиными слезами:

«Нам велели надеть саваны и повели в тот подвал. Мне было трудно идти, я весь час спотыкалась и два раза упала. Ступенек было много, может, целых сто, так что стало совсем холодно, как у погребей. И стали двери открываться, одни, другие, третьи, а после нас закрываться и защелки­ваться».

Все точно — двери стали открываться, одни, другие, третьи, а вслед им закрываться и защелкиваться.

«Я бы забоялась — а вдруг они решили нас убить...»

А что, если действительно решили убить? Нет, не мо­жет быть, мы ведь не одни, там есть еще люди, много лю­дей, они только что тут прошли и прошелестели шагами.

«...нас привели в ту зеркальную залу. Зала така громадна, як в Люблине кино, только все стены в ней из зеркал. Одно зеркало в другом отражается, другое в третьем, а третьем в первом, и так без конца. И народу много, тоже из-за зеркал нельзя сказать, сколько, тем более все в одинаковых саванах».

Стройное, хорошо слаженное пение прервало магнитофонную запись хелькиного рассказа. Инге вздрогнула, словно пробудившись после глубокого сна, и огляделась. Ее и вправду привели в зеркальный зал, слабо освещенный рассеянными по потолку маленькими лампочками, — из-за зеркал нельзя было понять, где они и сколько их. Вокруг нее пели. Фигуры в белых балахонах, построившись полукругом, вдохновенным хором выводили торжественные рулады, напоминающие знакомые с детства церковные гимны. Только слова были чужие, — про мир вокруг, какой он грязный и развратный, полный самолетов, машин и всякой другой нечисти. Но не надо отчаиваться, — утешали сплоченные общей надеждой голоса, — скоро все уладится, наступит конец света, и все нечистые люди со своими нечистыми машинами сгинут навеки. Останутся только те, что очистились и нашли путь. И тогда откроются двери, за которыми дорога на Сириус.

«Дорога на Сириус, дорога на Сириус!» — пропел в ухо Инге хелькин голос и все разом замолчали. Они стояли тихо-тихо, задерживая дыхание, пока где-то за зеркальной стеной не зазвенела одна-единственная пронзительная струна. И все, кроме Инге и Карла, упали на колени и простерли руки к невысокой, обитой алым бархатом сцене в центре зала, на которой никого не было.

«Открой дорогу на Сириус! Дорогу на Сириус! Дорогу на Сириус!» — молили они. Инге заметила, что некоторые плакали. Две-три женщины рыдали в голос. В одной из них, истощенной и иссиня-бледной, Инге узнала бывшую красивую аптекаршу фройляйн Юту и поразилась, как та поблекла и похудела со времени их последней встречи. Совсем как Марта, — любопытно, как их тут доводят до такого состояния?

Вспомнив про Марту, Инге стала внимательней оглядывать лица под капюшонами, стараясь отыскать Марту и Клауса, но тут свет окончательно погас, и несколько прон-

зительных женских голосов зашлись в истерике. Впрочем, кажется, среди них была и пара мужских. Инге не могла бы сказать, как долго тянулась эта гнетущая темнота, нервы ее были слишком напряжены, чтобы отмечать время, тем более, что задремавший ненадолго младенец проснулся и повел атаку на утомленные мышцы ее живота. Когда ожидание стало невыносимым, лампочки вспыхнули снова, причем гораздо ярче, чем они светили до того. И Инге увидела, что на сцене стоит Мастер, впечатляюще отрешенный и неземной в своем малиновом балахоне. Он поднял руку — Инге почудилось, что в мгновенно окутавшей зал оглушительной тишине прошелестел вызванный этим движением воздушный поток.

— Наконец, мы достигли долгожданного мига, — произнес Мастер. — Сейчас в последний раз отворится заветная дверь, и нам откроется дорога на Сириус!

Сцена бесшумно повернулась вокруг своей оси, представив на обозрение затихшей толпы прямую спину Мастера в каскаде малиновых складок. Но все смотрели не на спину Мастера, а куда-то вдаль поверх его головы. Взгляд Инге невольно устремился туда, куда были неотрывно устремлены взгляды остальных — там не было ничего, кроме слабо мерцающей в полутьме неподвижной зеркальной стены.

Опять бесконечно долго протянулось время, и невозможно было сказать, минута прошла или вечность. Какая-то женщина громко всхлипнула и тут же замолкла. Тогда Мастер, не оборачиваясь, взмахнул рукой, как малиновым крылом, и раздался глухой рокот, словно снаружи о стены зала разбивались морские волны. Голос Мастера взлетел на высоких нотах, тоже подобный рокоту волн.

— Какие-то враждебные силы препятствуют исполнению нашей мечты. Что ж, придется изгнать их из нашей среды.

Сильным взмахом он очертил круг у себя над головой. И тут же в незаметной до того люстре под потолком вспыхнули яркие разноцветные лампочки, вырвались из патронов и начали вращаться в воздухе, повторяя линию очерченного рукой Мастера круга.

Кто-то осторожно потянул Инге за рукав. Она обернулась — в полумраке у нее за спиной маячило лицо Зильке.

— Нам кажется, что ваше присутствие нарушает ход церемонии, — прошептала она. — Надеюсь, вы не откаже-

тесь покинуть зал на несколько минут, пока не откроется заветная дверь.

Инге нерешительно поглядела на Карла, Зильке перехватила ее взгляд:

— И ваш супруг, конечно, тоже. Не беспокойтесь, это займет всего несколько минут, после чего вы сможете спокойно вернуться.

Беспокойство кольнуло где-то на задворках сознания, но головы уже начали поворачиваться в их сторону — одна, другая, третья. В обращенных на них глазах можно было прочесть обиду и упрек. Раздался ропот: «Чужие? Зачем тут чужие?» и кто-то взвизгнул: «Вон отсюда!» Инге почувствовала неловкость за то, что она портит этим людям самую, может быть, важную для них минуту их жизни. Она взяла Карла под руку и сделала шаг назад:

— Давай выйдем, чтобы им не мешать.

Он пожал плечами, но все же последовал за ней:

— Ладно, идем, если ты настаиваешь. Ты это затеяла, ты и расхлебывай.

Как только они стронулись с места, рокот волн смолк, а лампочки вернулись обратно в люстру и погасли. Зильке быстро вывела их из зала, но не через ту дверь, в которую они вошли, а через незаметную дверцу в дальнем углу, такую низкую, что Карлу пришлось наклонить голову, чтобы пройти. За дверцей оказался хорошо освещенный коридорчик, упирающийся в крепкую дубовую дверь. Зильке — сама лобезность, распахнула ее с улыбкой:

— Спасибо за сотрудничество. Это кабинет нашего Мастера, тут вы можете довольно удобно устроиться.

Комната как-то странно не соответствовала оставшейся за дверью мистической атмосфере, она выглядела вполне деловито и комфортабельно, — полированный письменный стол, пара кресел и журнальный столик. Это слегка успокоило Инге, и она опустилась в мягкое кресло, с удовольствием ощущая, как расслабляются мышцы живота, затежные от долгого неподвижного стояния.

— Вот и отлично! — кивнула на прощание Зильке и вышла.

Дверь за ней закрылась с громким металлическим лязгом. Карл торопливо подошел к двери и попытался ее открыть, но она не поддавалась.

— Она нас заперла, — с деланным спокойствием произнес он. — Ну, теперь твоя душенька довольна?

ХЕЛЬКА

Хельку била сильная дрожь, хоть холода она не чувствовала. Она сама не знала, зачем она, преодолевая мучительную боль в калечной ноге, продолжала упорно брести вверх по крутой дороге в замок. Ведь она своими глазами видела Клауса в уносящейся прочь машине — он пытался что-то открыть, то ли окно, то ли дверь, но Марта ему не дала. Значит, в замке его точно нет, и надеяться ей не на что.. И все-таки она не пошла домой после стремительного бегства голубого «Пассата» — что бы она делала там без Клауса и без надежды увидеть его вновь?

Ущелье, по которому вилась вверх узкая лента шоссе, с одной стороны было ограждено мерно колышущейся стеной густого леса, с другой — безмолвной стеной набегающих друг на друга утесов. Хоть Хелька знала, что утесы эти красные и веселые, в темноте они казались зловещими и чернильно-черными. И вдруг один из них на миг заискрился малиновым, розовым и алым и тут же погас. Сердце Хельки рванулось куда-то под горло — только фары подъезжающей снизу машины могли осветить скалу такой мгновенной вспышкой. Она даже знала зазубренную расщелину между утесами, через которую световой луч мог проникнуть на такую высоту.

Еще секунда и нарастающий рокот мотора подтвердил правильность ее предположения — снизу от моста к замку поднимался автомобиль. Значит, страхи ее были напрасны, и фрау Инге возвращается в замок? А вдруг она возвращается одна, без Клауса — оставила его в Карштале с Мартой и с Ними, а сама поспешила домой, в теплую постель?

Не в силах выдержать эту пугающую неопределенность, Хелька почти бегом начала спускаться навстречу приближающейся машине. Не успела она пробежать и десятка шагов, как больная нога ее подвернулась, руки напрасно схватились за воздух, и она покатилась под гору, прямо под стремительно накатывающиеся на нее колеса. Последнее, что она успела увидеть перед тем, как сознание по-

кинуло ее, был сине-красный вращающийся световой узор, скользящий откуда-то сверху на черный асфальт.

УРИ

Когда какое-то взъерошенное, но явно человеческое существо вывернулось из темноты и бросилось под колеса автомобиля, Ури затормозил так резко, что его самого вместе с автомобилем чуть не вынесло далеко за пределы шоссе. Но он все же ухитрился сохранить равновесие, пусть не душевное, но физическое, поставить машину на ручной тормоз и выбраться наружу.

Существо неподвижно распласталось на асфальте в трех сантиметрах от бампера, уронив голову на простертые вперед руки. Оно несомненно было женского пола — руки были голые, ноги тоже, беззащитно обнаженные вздернувшейся при падении юбкой. По открытой взгляду Ури руке, изуродованной сплетением грубых шрамов, он с удивлением узнал Хельку — какая нелегкая занесла ее на горную дорогу в такой поздний час? Куда она шла — вниз или вверх? И зачем? Ведь она и среди дня никогда не приходила в замок, утверждая, что не может добраться в такую высь из-за увечной ноги.

Ури растерянно смотрел на лежащую поперек дороги девчонку, не зная толком, как ему с ней следует поступить. Он не мог оставить ее валяться без сознания на ночном пустынном шоссе, но не мог позволить себе задержаться из-за нее ни на секунду — ведь все его попытки связаться с Инге оказались безуспешными. За эти два часа он трижды останавливал машину возле телефонных будок и трагил драгоценные минуты на то, чтобы нетерпеливо вслушиваться в бесконечные безответные гудки. Он перебрал в уме все возможные сценарии, которые способно было изобрести его воображение, — она задержалась при проведении экскурсии, она устала и заснула так крепко, что не слышала телефонных звонков. И, наконец, самый невероятный — ей почему-то не захотелось проводить эту ночь в одиночестве в замке, и она отправилась ночевать к Вильме.

После чего он немедленно позвонил Вильме. Та ответила ему сразу, после первого же гудка, — нет, Инге у

нее нет, что за глупости, она всегда отказывалась покинуть замок на ночь, боялась его обидеть, да, она оставила Инге в полном здравии час тому назад под надзором верного Ральфа, она наверняка очень устала и свалилась, как убитая, но все же хорошо, что Ури уже близко к дому, пусть поспешит, на всякий случай, береженного Бог бережет.

Ури поспешно попрощался с Вильмой, поклявшись позвонить ей немедленно по приезде в замок, чтобы она могла уснуть спокойно, и помчался по темному шоссе. Пока он, злоупотребляя своим самозванным статусом полицейского, на запредельной скорости обходил то справа, то слева все попутные машины, в нем грозно росла уверенность, что единственным объяснением странного молчания Инге может быть ночной визит Карла.

И вот теперь, в самом конце пути, эта нелепая задержка! Не найдя другого выхода, Ури подхватил на руки легкое тело Хельки и попытался уложить его на заднее сиденье. Это оказалось не так просто: то руки, то голова девчонки застревали в узком пространстве между дверцей и корпусом. Можно было подумать, что она нарочно сопротивляется усилиям Ури затолкать ее внутрь, — если он держал ее обеими руками, то ее плечи застревали в дверном проеме, однако стоило ему освободить одну руку, чтобы направить эти хрупкие плечики в нужную плоскость, как нижняя часть ее тела провисала и цеплялась за раму машины.

Наконец, доведенный до полного отчаяния, он попробовал упереться в ее спину коленом, как вдруг заметил, что она смотрит на него широко открытыми глазами, пытаясь понять, кто он и что происходит.

— Ури? — неуверенно прошептали ее губы. — Слава Богу, ты вернулся!

— Хелька! — крикнул он слишком громко, благодарный ей за то, что она пришла в себя. — Тебе уже лучше? Скорей садись в машину.

Хелька слабо затрепыхалась в его руках и сама опустилась на заднее сиденье. Удивительно, как легко ее руки, плечи и голова скользнули внутрь машины по собственной воле. Закрыв за ней дверцу, он ринулся к водительскому месту. Но даже не успел завести мотор, как она вцепилась в его шею:

— Не надо в замок, Ури! Там никого нет! Они все уехали!

— Кто уехал?

— И Клаус, и фрау Инге!

Ури почему-то сразу ей поверил — это объясняло и его оставшиеся без ответа телефонные звонки, и Хелькино неожиданное появление на ночном шоссе.

— Куда они поехали?

Он включил мотор, готовый ехать туда, куда она скажет.

— В Каршталь.

— В Каршталь? Зачем?

Вопросы он задавал уже на ходу. Но, к сожалению, развернуться на узком шоссе было негде, так что пришлось продолжить путь вверх под сбивчивый рассказ Хельки о секте, о церемонии и о предложении Инге, чтобы Клаус не соглашался ехать без нее.

— Мне показалось, что она придумала это нарочно, чтобы он остался дома. Но потом она почему-то сама его повезла.

Прежде, чем развернуться на новой круговой площадке перед мостом, Ури все же осветил фарами ворота и обомлел — они были не заперты! Между полуотворенными створками зиял широкий просвет, в центре которого, пригорюнившись, сидел печальный Ральф. Уехала среди ночи, ворота не заперла и Ральфа с собой не взяла! Такого с Инге еще не случалось! Что-то там было не так!

— Ты была там с ними?

— Нет, — заплакала Хелька, — они же с мамкой на велосипедах, а у меня нога...

При виде подъезжающей машины Ральф заволновался, с лаем вскочил на ноги и ринулся в атаку. Когда он уперся лапами в пассажирскую дверцу, Ури распахнул ее приглашающим жестом:

— Прыгай, дружище, к нам!

В первый миг пес потерял голову от радости и навалился на Ури всей своей тяжестью, напомнив ему их первую, не столь дружескую, встречу.

— Давай, брат, без лишних сантиментов, мы спешим, — Ури ласково сбросил со своих плеч все еще мощные собачьи лапы и, направив машину обратно вниз, опять обратился к Хельке:

— Но ты видела, как они уезжали?

— Еще как видела, — шмыгая носом, выкрикнула Хелька. — Они мимо меня проехали. Я их на мосту ждала, думала, раз уж они едут, пусть и меня с собой возьмут.

— Чего ж они не взяли?

— Та не знаю. Сперва тот, что рядом с фрау Инге сидел, хотел меня взять и даже пальцем позвал, а потом, как я к дверям побежала...

Вот оно, вот оно, — тот, что рядом с Инге сидел!

— Кто же это рядом с фрау Инге сидел?

— Та не знаю, чужой кто-то. Я его раньше тут никогда не видела.

Ральф закинул голову и заскулил, словно желая вмешаться в их разговор, но Ури было не до собачьих переживаний.

— Высокий? В очках?

— Может, и высокий, он же в машине сидел, — Хелька задумалась и даже перестала плакать. — Только не в очках, без очков и с усами. Тонкие такие усы, как шнурки на ботинках.

Это было не важно — Карл вполне мог сменить очки на усы и даже наверняка сменил, чтобы замести свой след. Но вот зачем он заставил Инге везти его на церемонию в Каршталь? Что ему могло там понадобиться?

МАРТА

Марта не знала, радоваться или огорчаться из-за того, что фройляйн Жоли позволила Инге присутствовать на церемонии. С одной стороны, это наверно был единственный способ загнать в Каршталь заупрямившегося Клауса — еще минута и этот идиот повернул бы обратно, сведя на нет все ее материнские усилия. С другой — Марте только не хватало, чтобы Инге потащилась за нею и туда, на Сириус. Неужто недостаточно, что свою несчастную жизнь ей пришлось провести рядом с этой ведьмой, с этой змеей подколодной, вообразившей о себе невесть что. Она, видите ли, самая умная, самая красивая и самая справедливая! Знаем мы эту справедливость — чужих сыновей ведьмовскими зельями привораживать. И ведь все

назло ей, Марте. Иначе на черта бы ей сдался урод Клаус, когда у нее от настоящих мужиков отбою нет.

Вон, не успел еврейчика след простыть, как тут же ее ненаглядный Карл вернулся. А как она по этому Карлу убивалась, когда он сбежал — уж от кого, от кого, а от Марты ей не удалось утаить, что она все глаза проглядела, его поджидая. Вся извелась, думала, он навсегда от нее слинял. И вот поди же, на тебе — он к ней вернулся, да так прикипел, что и на секунду отпустить не хочет. Везет же некоторым!

Марту так увлекли недобрые мысли об удачливой гадюке Инге, что она даже не заметила, как они прошли через сад и спустились в зеркальный зал. Там было почти темно, только цепочка маленьких лампочек светила под потолком. Народ уже собрался, все в белых балахонах, торжественные и бледные. Войдя в привычный полукруг, застывший перед пустым алтарем, Марта устыдилась своих нехороших чувств — ведь Мастер учил, что только чистые душой и возвышенные умом сумеют пройти по космическому мосту, ведущему на Сириус, тогда как недостойные будут развеяны пылью в космических просторах.

— Мамка, а поесть тут не дадут? — прогудел ей в ухо Клаус.

— Тише, — шикнула на него Марта. — Ты с ума сошел задавать такие вопросы!

— А почему нет, вопрос нормальный. Я сильно проголодался.

Марта не успела отчитать его как следует, потому что заиграла музыка, и все запели. Пели красиво и нежно — про грязный и развратный мир вокруг, полный самолетов, машин и всякой другой нечисти, и про то, что не надо отчаиваться, скоро все уладится, наступит конец света, и сгинут навеки нечистые люди со своими нечистыми машинами. А для тех, которые очистились и не сбились с пути, откроется заветная дверь, за которой засияет дорога на Сириус.

«Дорога на Сириус, дорога на Сириус!» — повторил хор и стало тихо-тихо. Потом где-то за зеркальной стеной зазвенела пронзительная струна, отчего ноги у Марты подкосились, и она упала на колени перед обитым алым бархатом алтарем в центре зала.

— Дорогу на Сириус! Дорогу на Сириус! — взмолилась она, рыдая в голос и не слыша, как другие вслед за нею молят о том же.

Но дверь все не отворялась и не отворялась, и Марта начала терять надежду, что переход на Сириус свершится сегодня. А тут еще Клаус не отставал и требовал немедленно дать ему чего-нибудь поесть, а то он повернется и уйдет — не нужны ему никакие ее церемонии на голодный желудок.

Мастер, не оборачиваясь, взмахнул рукой, как малиновым крылом, и раздался глухой рокот, словно снаружи о стены зала разбивались морские волны. Голос Мастера взлетел на высоких нотах, тоже подобный рокоту волн.

— Я вижу, враждебные силы не дают заветной двери открыться. Нам придется найти их и изгнать из нашей среды.

Марте стало страшно, что если все это из-за Клауса с его капризами, так его сейчас прогонят. Она схватила его за руку, остро сожалела, что он уже взрослый и она не может заткнуть ему рот хорошим тумаком. Тем временем Мастер, взмахнув рукавом, очертил малиновый круг у себя над головой, и в люстре под потолком вспыхнули яркие разноцветные лампочки, вырвались из патронов и стали кружиться в воздухе. Отчаяние охватило Марту — ей уже приходилось видеть кружение лампочек перед упрямой, не желающей отворяться дверью, а пару раз случилось даже, что ей пришлось пойти спать, так и не дождавшись, пока она отворится. Неужели это случится и сегодня, после всего, что она проделала, чтобы притащить сюда Клауса? Второй раз ей это не удастся!

Кто-то тронул ее за локоть — рядом стояла фройляйн Жоли с подносом в руках. На подносе выстроились граненые стаканчики с прозрачным красным напитком.

— Выпей этот чудодейственный эликсир, сестра, — прошептала она. — Он поможет тебе сконцентрировать энергию, которой не хватает для того, чтобы тебе открылась дорога на Сириус.

Марта нерешительно взяла один стаканчик — раньше в святилище строго-настрого запрещалось есть, пить и даже думать о съестном.

— И сын твой пускай тоже выпьет, если он хочет последовать за тобой.

Клаус не заставил просить себя дважды — он быстро схватил стаканчик с подноса и спросил:

— А бутерброда у вас не найдется? Хорошо бы с колбасой, но можно и с сыром.

Фройляйн Жоли сверкнула в его сторону сердитым взглядом, но ничего не сказала в ответ, а просто повернулась к нему спиной и двинулась дальше со своим подносом. Напиток в стаканчике был чуть горьковатый, как микстура от кашля, которую Марта пила в детстве. Зато после того, как она в несколько глотков осушила свой стаканчик, на душе у нее стало легко и весело, страх ее рассеялся и уступил место спокойной уверенности, что все будет в порядке. Тем более, что дрожь за стенами утихла, рев волн умолк, и лампочки вернулись обратно в люстру.

В голове у Марты зашумело, замелькало, замаялось, руки-ноги стали невесомые и превратились в крылья. Мощная сила подняла ее в воздух и понесла все выше и выше. Прямо перед нею острый луч света пронзил потолок над алтарем, и она радостно поплыла навстречу этому лучу, переливающемуся всеми цветами радуги. Хрустальные голоса запели: «Дорога на Сириус! Дорога на Сириус!», и Марта почувствовала в своей руке руку Клауса. Он больше не хныкал и не просил бутерброд, он держался за нее и плыл рядом с нею, как когда-то в детстве, когда он ее еще любил.

Ей было хорошо и ничто не могло омрачить ее счастья, она не слышала ни криков, ни стонов, ни выстрелов, — мерно взмахивая крыльями, она неуклонно двигалась к цели. И когда резкий женский голос произнес над ее головой: «Смотри, эта еще жива. Мальчишка уже готов, а она все еще дергается», она ничуть не испугалась. И даже когда мужской голос ответил: «Что ж, пристрели и ее», она услышала выстрел, но не почувствовала боли. Она знала, что никто не сможет ее остановить по дороге на Сириус.

КАРЛ

Карл, не скрываясь от Инге, — да и куда было скрыться? — ловкими пальцами открыл секретные замки своей неразлучной сумки и вынул оттуда плоский кожаный пенал, напоминающий маникюрный набор. Хрустальные го-

лоса пели «Дорога на Сириус! Дорога на Сириус!» так чисто и явственно, будто между кабинетом Мастера и залом не было ни стен, ни плотно закрытых дверей.

— Какая странная акустика, — заметил он, аккуратно выкладывая на придвинутый к двери стул коллекцию миниатюрных инструментов непонятого назначения. — Можно подумать, что от зала нас отделяет только слой папиросной бумаги.

— Я не удивлюсь, если узнаю, что здешний святой отец оснастил свой кабинет специальной аппаратурой для прослушивания разговоров и шепотов своей паствы.

Карл выбрал коническую отвертку и крохотный пинцет.

— Будь у меня время, я бы мог твою человеколюбивую версию проверить, но, боюсь, сейчас перед нами стоят другие задачи.

И он погрузился в сложные манипуляции с пластиной, на которую опиралась дверная ручка. Хор за стеной взвился на неземную высоту, зазвенел, отразился от потолка и вдруг оборвался так резко, что стало слышно дребезжание металлического волоска в какой-то надорвавшейся от акробатики лампочке. Отвертка вырвалась из-под пинцета и вонзилась глубоко Карлу под ноготь. Высасывая кровь из зияющей ранки, он не удержался от упрека:

— Ну на кой хрен тебе понадобилось сообщить Зильке, что ты ее узнала?

— Сорвалось как-то, — покривила душой Инге, но Карл ей не поверил.

— Только мне не ври, ладно? Ты ведь сделала это намеренно, чтобы уликнуть от меня. И что — уликнула?

Он вернул отвертку и пинцет в предназначенные им гнезда и задумался над своей посверкивающей сталью хитроумной коллекцией. В зале по-прежнему было тихо, если не считать невнятных шорохов, вздохов и шепотов. И вдруг тишина взорвалась отчаянным воплем, в ответ на который прозвучал громкий хлопок, очень напоминающий выстрел. За первым выстрелом последовал второй, за ним третий и четвертый. Они следовали друг за другом быстро, почти без перерыва, но это не было похоже на перестрелку, — стреляли, по всей видимости, из одного и того же пистолета. Вдумавшись и вслушавшись, Карл способен был бы сказать, из какого именно, но сейчас ему было не до того.

— Стреляют! — ахнула Инге, и Карл заторопился: кто знает, как скоро придет и их час. Краем уха регистрируя нарастающую волну выстрелов, воплей и предсмертных хрипов, он взял самую надежную отмычку — с алмазным наконечником, которую берег только для экстремальных случаев. Она, как нож в масленке, прошла по винтам, прижимающим дверную ручку к охранной стальной пластине, после чего сложный замок сам выпрыгнул ему в руки.

Однако, прежде чем осторожно приоткрыть дверь, он смахнул инструменты обратно в сумку и оглянулся на Инге, не уверенный, что она не подведет. Инге, распластавшись спиной по стене, ладонями обеих рук поддерживала живот, ставший вдруг необъятным. В глазах ее скопилось страдание, мелкие капельки пота образовали блестящую пленку над прикушенной верхней губой.

— Ты слышишь? Что там происходит? — едва слышно прошептала она.

— Что бы там ни происходило, нам пора отсюда убираться, — Карл вынул из кармана захваченный им из замка пистолет и снял его с предохранителя. — Пошли!

— Куда? Там же стреляют.

Карл выглянул в коридор — звуки из зала туда не проникали, там было темно и тихо.

— Похоже, у нас нет особого выбора. Или ты хочешь дожждаться, пока они придут за нами сюда?

— Но кто это — они? И зачем, зачем?

— Боюсь, нам никогда этого не узнать. А теперь молчи и старайся не дышать.

Он пересек темный коридор и мягко потянул на себя дверь, ведущую в зал. Она поддалась с неожиданной легкостью, приоткрыв перед ними фантастическую перспективу: пол зала был усеян десятками поверженных тел, которые, многократно отражаясь в его зеркальных стенах, бесчисленно умножали видимое количество трупов.

Что это именно трупы, не вызвало сомнений. Не только потому, что белые балахоны одних были обильно испещрены кровавыми пятнами, а под подбородками других были плотно затянуты тесемки мусорных мешков из желтого пластика, но, главное, потому что над залом повисла особая мертвая тишина, — такую, наверно, и называют могильной.

Тишину эту нарушил было переходящий в рвотный спазм полувсхлип, начавший созревать где-то в горле Инге, но Карл успел вовремя обернуться и грубо зажать ей рот. Однако это действие не прекратило рвущейся из чьего-то другого горла надрывного рыка неумной, выворачивающей наизнанку внутренности рвоты.

— Довольно, Серж! — прозвучал совсем рядом жесткий голос Зильке. — Порыгали немного и хватит.

Из сумрачных недр зала в их сторону направился четкий цокот женских шагов, сопровождаемых немолодым мужским шарканьем. Отпустив Инге, Карл поспешно толкнул дверь обратно, оставив только узкую щелочку, которая давала ему возможность обзора лишь ограниченного сектора зала с алтарем в центре. Через какую-то долю секунды в этот сектор вплыли Зильке и Мастер, превращая страшную сцену бойни в произведение искусства — так удивительно тонко цвет их балахонов гармонировал с кровавыми лужами, быстро натекающими вокруг трупов. Глядя на простертые на полу бездыханные фигуры в белом, над которыми словно парили два крылатых малиновых ангела смерти с кадилами в руках, Карл не успел озадачиться — что за кадила? — как в ноздри ему ударил приторный запах бензина. Так это вовсе не кадила, а простые бидоны с бензином, которым оба ангела щедро поливали трупы.

Наконец Зильке отшвырнула бидон и оглядела вереницу поверженных тел, кое-кого чуть подтолкнула носком туфли — вероятно, чтобы убедиться, что живых среди них нет.

— Кажется, все отправились на Сириус, так что и нам можно в путь.

И обернулась к Мастеру:

— А где бумаги?

Он, не отвечая, стоял перед ней, прижимая к груди свой бидон, как любимое дитя. Карлу показалось, что он может в любую минуту потерять равновесие и рухнуть на пол рядом с другими.

— Черт побери, Серж, вы, кажется, совсем расклеились! — фыркнула Зильке. — Где все документы?

Все так же молча он вынул из кармана балахона пачку разноцветных листков и застыл, зажав их в безвольно повисшей руке. Зильке процокала каблучками в его сторо-

ну и, подойдя вплотную, выдернула листки из его вялой ладони.

Бегло просмотрев их, она сунула всю пачку куда-то под балахон, взяла Мастера за плечи и развернула к себе лицом:

— Тут только копии счетов, а где секретные коды?

Мастер уставился на нее, словно не понимая, чего она от него добивается. Глядя на него, можно было поверить, что он близок к обмороку. Но у Зильке он не вызывал ни крохи сочувствия:

— Серж, я спрашиваю, где секретные коды?

Мастер смотрел на нее с тем же странным напряжением, словно смысл ее слов до него не доходил. Она начала раздражаться и, не сдерживаясь, сильно тряхнула его за плечо. Он громко икнул.

— Перестаньте душить, до взрыва осталось чуть больше десяти минут. Вспомните, где секретные коды?

Похоже, в сознании Мастера что-то забрезжило, и он неверной шаркающей походкой двинулся к алтарю. Там он, словно слепой, начал шарить по нижнему зазору между деревом и бархатной обивкой, пока под его пальцами, шелкнув, не открылся крохотный потайной ящичек. Мастер прицелился, чтобы выудить из ящичка какой-то предмет, но промахнулся. Он попробовал еще пару раз, но промахивался опять и опять. В конце концов Зильке это надоело, она отодвинула Мастера плечом и принялась за дело сама. Наблюдая за нею, Карл сообразил, что ящичек не так-то прост, а сделан с секретом — стоит слегка коснуться его края, как он мгновенно захлопывается. Секунду поразмыслив, она опять сунула руку под балахон и вытащила оттуда маленький пистолет.

Мастер тяжело опустился на ведущие к алтарю ступени и спросил:

— А тебя совсем не тошнит?

— Какая разница, тошнит, не тошнит, когда через несколько минут тут все разнесет в клочья?

— Нет, не говори! Ты молодец, что так легко это перенесла.

— Первый раз всегда бывает трудно, а потом привыкаешь, — рассеянно ответила Зильке, перекладывая пистолет из правой руки в левую.

— Так у тебя это уже не первый?

— Да нет, уже третий. Первый раз мне пришлось проводить ликвидацию на Карибских островах, второй — в пустыне Невада. Там, страшно вспомнить! Народ оказался крутой, меня чуть не прикончили.

— А у них там что стряслось?

Она зацепила ящичек рукояткой револьвера, зажатого в левой руке, а правую ловким маневром сунула внутрь, чтобы тут же выдернуть.

— Да ничего особенного, всегда одно и то же. Что там, что здесь. Полиция слишком близко вышла на след, и надо было прятать концы. Пришлось всех убрать и взорвать, лучшего способа пока никто не придумал.

На этот раз операция ей удалась — прижатый рукояткой ящичек защелкнулся слишком поздно, оставив в ее ладони маленький серебристый шарик. Поворачивая его между указательным и большим пальцем, она спросила:

— Так ты говоришь, тут все секретные коды?

— Все до единого, я сам проверил, — успокоил ее Мастер.

Зильке, как видно, ему поверила — слегка закинув голову, она сунула шарик в рот и проглотила.

— Ты что, спятила? — удивился Мастер, намереваясь подняться со ступеньки. Но Зильке опередила его — быстро перебросив пистолет из левой руки в правую, она взвела курок и выстрелила почти в упор ему в висок. Ошметки красного, белого и коричневого брызнули во все стороны, оставляя разноцветные разводы на малиновом поле ее балахона.

— Прости, Серж, но таков приказ, — проговорила Зильке почти нежно и одним умелым движением освободилась от окровавленного балахона, который соскользнул вниз и прикрыл мягкими складками скорчившееся у ее ног еще дергающееся тело Мастера. Под балахоном на ней оказался очень льстящий ей элегантный шелковый костюм, лишь слегка изуродованный торчащей из кармана пачкой счетов.

— Готовься, — предупредил Карл, наблюдая, как на глазах преобразившаяся в современную деловую даму Зильке вытаскивает из ящика под алтарем светлую нейлоновую куртку под цвет костюму и изящную сумочку под цвет куртки. Она спрятала пистолет в сумочку и, набросив куртку на плечи, начала просовывать руки в рукава.

— Пошли! — скомандовал Карл и толкнул дверь ногой.
— Только не вздумай сопротивляться, Лиззи, — сказал он, выходя в зал с направленным на Зильке пистолетом.

ИНГЕ

Ужаснее всего был запах. Да нет, не запах даже, а вонь, в которой тошнотворная одурь свежепролитой крови смешалась с тяжелым духом эксcrementов и с горьковатым привкусом предсмертного пота. А поверх всего острый запах обильно разлитого бензина. Эту вонь нельзя было ни перенести, ни отвергнуть, ни принять за галлюцинацию. Все остальное выглядело скорее, как дурной сон: слабоосвещенные зеркальные стены, бесконечно отражающие поверженные фигуры — неужели это люди? — в заляпанных чем-то красным — неужели это кровь? — белых сава-нах. А сверху, над простертыми телами, огромный, во всю стену экран, заполненный лучезарной картиной звездного неба, где одна звезда сияла ярче и призывнее других среди равно прекрасных подруг. Ореол вокруг этой звезды пестрел радужной россыпью переливчатых букв, сплетающихся в разные варианты слова «Сириус».

Где-то среди этих окровавленных тел валялось и тело Клауса, которого она, Инге, приволокла сюда своей волей против его. У него, бедняжки, воля была такая слабенькая, такая нежная, ее так легко было вывернуть наизнанку, вот Инге ее и вывернула, преследуя свои интересы. И не только доставила его в Каршталь, но провела сквозь заграждение их страшных кованых ворот и заманила в эту зеркальную ловушку — прямо в лапы смерти. Это она, она погубила Клауса, нисколько не заботясь о нем, а лишь преследуя свои, свои, свои! — личные интересы. И вот теперь он лежит перед ней мертвый, безответный, бездыханный, и будет так вечно лежать перед ее глазами — мертвый, бездыханный, бездыха—а-а-а-а!

Прокусив зубами мякоть ладони Карла, Инге сумела удержаться в груди рвущуюся наружу горячую рвотную волну, но никакой Карл не в силах был бы остановить ее плач по убиенному ею Клаусу, этот истошный крик, даже не крик, а вой — а-а-а-а-а-а-а! И когда Карл решительно

шагнул из-за двери в зал, она, не слыша его предупреждения и не замечая пистолета в его руке, вывалилась вслед за ним, вопя, причитая, моля у Клауса прощения — без слов, на одной ноте повторяя свое монотонное а-а-а-а-а-а-а-а-а! И бросилась было к трупам — искать Клауса.

Однако Карл, не спуская глаз с Зильке, изловчился наступить Инге на ногу так больно, что она мгновенно смолкла и вроде бы пришла в себя, вроде бы вернулась в реальность и начала понимать происходящее.

Хотя это была только видимость, потому что перед ее истинным взором, внутренним, не было ничего, кроме убитого ею Клауса, которого она так любила. Она все пыталась понять, зачем ей понадобилось привезти Клауса на церемонию в Каршталь, так как совершенно забыла не только про своего притихшего в страхе младенца, но и про Ури, встречу которого с Карлом еще недавно жаждала предотвратить любой ценой.

Несмотря на это, ее внешний взгляд, который уже начал различать действительность, вполне зорко отметил, как ужаснуло Зильке неожиданное появление Карла с пистолетом в руке.

— Только не вздумай сопротивляться, — тихо сказал он, почему-то называя Зильке Лиззи.

Путаясь в не до конца натянутых рукавах своей изящной куртки, Зильке-Лиззи шарахнулась от него, словно надеялась убежать. Что он и отметил с недоброй усмешкой:

— И бежать не пытайся тоже. Бежать-то некуда. И сумку с пистолетиком не надейся схватить, — добавил он, перехватывая ее руку на пути к брошенной второпях на пол элегантной сумочке под цвет куртки.

Нужно было признать, что самообладание вернулось к Зильке быстро. Даже и не пытаясь вырвать свою ладонь из твердой ладони Карла, она почти кокетливо проворковала — исходя при этом злобой, как нежно воркующая гремучая змея:

— Не думай, что я не узнала тебя, Гюнтер фон Корф. Как бы могла я забыть изгиб твоей шеи после всего, что было между нами на той тайной квартире? Ты ведь, небось, ничего не рассказывал об этом своей хорошенькой курочке?

Это порция яда была явно предназначена Инге, которую Зильке, по-видимому, и впрямь приняла за жену Карла.

— А пистолет опусти! — это она уже адресовала Карлу. — Ты ведь все равно в меня не выстрелишь. Иначе кто покажет тебе, как выбраться отсюда до взрыва?

— Что, через входную дверь выйти нельзя?

— Входная дверь заперта наглухо, а до взрыва осталось семь минут.

— Так разряди взрывное устройство, и кончим на этом.

— Как я его разряжу? Я даже не знаю, где оно. Нужно спешить — его запустят телефонным звонком в точно назначенное время, — она потянулась за сумочкой. — Пошли, а то не успеем.

Но Карл отдал сумочку не ей, а Инге:

— Держи покрепче, тут все ее ценности.

Они почти бегом пересекли зеркальное пространство и оказались в противоположном углу, не дающем ни малейшего повода подозревать, что где-то в нем таится дверь. Но она там все же таилась — под умелыми пальцами Зильке стеклянные пластины начали раздвигаться, образуя узкий проход, в который она тут же нацелилась нырнуть. И нырнула бы, если б ее не остановила твердая рука Карла.

— Стой!

Отодвинув Зильке в сторону, он кивнул Инге:

— Проходи первая.

Когда Инге ступила в тускло освещенный коридор, он скомандовал:

— Достань из сумочки пистолет, отойди на несколько шагов, взведи курок и держи ее под прицелом.

Инге послушно выполнила его приказ, после чего он подхватил Зильке под локоть:

— Идем вместе!

Зильке пошла, но не так послушно, как Инге, а протестуя на ходу:

— Если мы будем задерживаться в каждом переходе, мы не успеем выбраться до взрыва.

— А разве нам будет лучше, если ты захлопнешь за собой дверь и оставишь нас в ловушке?

Подчиняясь команде Карла, они тесно сплоченной группой двинулись вперед. Коридор был такой узкий, что им пришлось идти гуськом, образуя сэндвич с Зильке в виде начинки. Шли молча, так что можно было отсчитывать время по гулким ударам сердца. Путь показался Инге бесконечно

долгим, но взрыва все еще не было. Миновав еще два герметически открывающихся и закрывающихся дверных шлюза, они после нескольких крутых поворотов уперлись в основание темной лестницы, круто уходящей куда-то вверх.

— Там, наконец, выход? — спросил Карл у Зильке.

— Выход, выход. Давай скорей, времени почти не осталось.

Но Карл еще не все выяснил:

— Дверь или люк?

— Дверь, люк, какая разница, — раздраженно отрезала Зильке и сделала шаг к лестнице.

— Тогда впереди пойду я, — решил Карл.

— Ты же не знаешь, как открыть, — возразила Зильке, но вяло, как бы заранее зная ответ.

— Ничего, ты ведь мне подскажешь? Сколько там осталось до взрыва? — протиснувшись между Инге и Зильке, он остановился на первой ступеньке. — Инге, иди позади и все время держи ее на мушке.

Лестница, к счастью, оказалась не слишком длинной, и через полминуты Карл, отодвинув тяжелый засов, уже откидывал крышку люка. Он выбрался наружу и наклонился, протягивая руку Зильке:

— Выходите быстрее.

Инге следила снизу, как Зильке ухватилась за его протянутую руку и уперлась локтями в край люка. И вдруг вместо того, чтобы рвануться все телом вперед, она неожиданно качнулась назад и с силой ударила Инге в грудь острыми каблуками. Растерявшись, Инге уронила пистолет и, потеряв равновесие, покатилась вниз, больно ударяясь о невесть откуда взявшиеся выступы и углы. От этих ударов внутри ее черепной коробки возникло некое подобие барабанного боя: «Та-та-та-та! Та-та-та-та!». «Та-та-та-та! Та-та-та-та!» — гремели барабаны, все громче и громче, пока сознание Инге не помутилось от этого грохота и не упорхнуло туда, где было тихо.

КАРЛ

Карл отлично помнил, какой стервой была Лиззи в те давние времена, когда ему вместе с ней и с еще пятью так

называемыми товарищами по борьбе пришлось прятаться от немецкой полиции в крошечной тайной квартирке. Опыт совместной жизни с ними навски внушил ему отвращение к товарищам по борьбе вообще и к подругам по борьбе в частности. Стервозность Лиззи сыграла не последнюю роль в его резком и болезненном разочаровании в тех, с кем свел его провал их так блестяще начатого освободительного движения. Именно она перессорила всех заточенных с нею желторотых юнцов, без разбора кочуя из одного спального мешка в другой и даже не утруждая себя потребностью принять душ при очередной смене партнера. Именно она громче всех выкрикивала свои глупости во время их дурацких теоретических споров, именно ее истерический смех взрывал редкую тишину тесных прокуренных клетушек их убежища в самый неподходящий момент, тут же сменяясь столь же неуместными истерическими слезами. И, как ни удивительно, именно ее портрет навсегда застрял на желтом полицейском листке непойманных террористов.

Значит, вот куда она спряталась — под непроницаемое крыло апокалиптической секты, принципиально не открывшей свои мистические двери ни перед полицией, ни перед представителями государства. Что ж, неглупо, совсем неглупо — приходилось признать, что Лиззи весьма поумнела за эти годы. Сколько их прошло? Десять, наверное, никак не меньше. И за эти десять лет из вздорной девчонки с необузданными эротическими порывами она превратилась в хладнокровную распорядительницу чужими жизнями, которые она прерывала недрогнувшей рукой. Не он ли сам учил ее этому когда-то? Не он ли внушал ей и ее соратникам, что одна жизнь не значит ничего в сравнении с великими достижениями, оплаченными пригоршней таких жизней? Если бы у него было время, он бы попробовал выяснить у нее, ради каких достижений ей понадобилось устроить эту кровавую бойню среди зеркальных стен. Неужто просто ради денег?

Но времени у него не было — за те несколько минут, что он следил за действиями Лиззи из-за приоткрытой двери, он вполне оценил ее смекалку и коварство. И понял, что ни на секунду не должен оставлять ее без надзора. Перед каждой потайной дверью ему следовало нейтрализовать постоянное стремление Лиззи избавиться от них

любой ценой, для чего он и шел замыкающим, затиснув опасность между собой и Инге.

Однако, заподозрив, что последняя лестница завершается люком, он решил сменить порядок и выйти наружу первым, чтобы не допустить рукопашной схватки между женщинами, пока он еще беспомощно копошится под землей. В исходе такой схватки он не сомневался, несмотря на пистолет, притворно твердо зажатый в руке Инге, — он видел, что она не в себе и ни к какому сопротивлению не способна. Он ясно представил себе, как ловко Зильке подсечет беременную Инге под коленки и, швырнув вниз лицом на землю, одной ногой сломает ей шею, а другой захопнет люк у него перед носом.

Казалось, он предусмотрел все — но, как выяснилось, именно в этом своем мудром решении идти впереди и дал маху. Когда Зильке мощным толчком сбросила Инге с лестницы вниз, в первую долю секунды он даже не осознал, что произошло, и чуть было не помог ей выбраться наружу. Но рефлекс самозащиты сработал быстро и он, носком ботинка лягнув ее где-то между носом и ртом, жестко скомандовал:

— Немедленно спустись и принеси ее назад!

Зильке ухватила за его щиколотку, чтобы не упасть, и тут грохнул взрыв. Во все стороны полетели черепицы с крыши, осколки стекла, куски штукатурки. Где-то совсем близко, почти рядом, — неужто они бессмысленно металась по подземным коридорам, нисколько не отдаваясь от здания? — вспыхнули языки пламени, запылали, взметнулись высоко в небо, очерчивая розовым и багряным трепетные кроны деревьев на темном фоне ночи. Стало видно, что между ними и горящим зданием проходит чуть покосившийся каменный забор, — значит, они выбрались из-под земли за оградой карштальского парка.

Зильке громко вскрикнула, призывая на помощь — взерошенная сотрясением лестница ушла у нее из-под ног, так что она повисла над пустотой, вцепившись обеими руками в лодыжки Карла. Он сделал шаг назад, чтобы она не стащила его вниз, и она тут же воспользовалась этим: напряглась всем телом и змеей выползла из люка вслед за ним.

С трудом переводя дыхание, она распласталась на земле у него под ногами. Он направил на нее пистолет и прошипел:

— Сейчас же спустись вниз и принеси Инге.

И тут грянул еще один взрыв, гораздо ближе и громче, прямо у Карла над ухом. Он почувствовал обжигающий толчок в плечо и упал рядом с Зильке, не теряя при этом сознания, несмотря на невыносимую боль где-то между грудью и шеей.

— Кто это? — спросил мужской голос сверху.

Зильке медленно поднялась на колени:

— Один старый знакомый.

Она уперлась в землю дрожащими руками и поднялась, оставив Карлу для обозрения свои нарядные кремовые туфли на высоких каблуках, которых он до сих пор как-то не замечал, хоть все это время слышал, не вдумываясь, дробный цокот ее шагов.

— Ты зачем здесь? — спросила она, слегка задыхаясь.

— Чтоб тебе помочь.

— Знаю я вашу помощь.

— Как-то ни к чему, чтоб твоей машины не оказалось утром на стоянке, правда?

— Ни к чему, так ни к чему, — оборвала его Зильке и шагнула в темноту. — Пошли скорей, пора.

— Копии счетов у тебя? — поинтересовался мужчина, не трогаясь с места.

— У меня, у меня.

— Давай их сюда.

Зашелестела бумага.

— А где секретные коды, тоже тут?

— Нет, коды у меня в голове — на всякий случай. Если ты очень страстно захочешь мне помочь.

— Ну ты сильна, стерва, — то ли восхитился, то ли выругался мужчина. — Ладно, давай мотать отсюда, пока не прибыла полиция.

— Слышишь, кто-то подъехал, уж не они ли это?

Карлу тоже показалось, что он слышит рокот подъезжающей машины — или это гудела у него в ушах вытекающая из раны в спине кровь? Теперь он уже точно установил, что рана его именно в спине и что она обильно кровотоцит.

— А с этим что делать будем? Тут оставим?

К Зильке уже полностью вернулся ее командирский тон:

— Конечно, тут. Не с собой же его везти. Просто выстрели в него еще раз для верности. И люк закрой!

Тело Карла напряглось из последних сил, готовясь принять выстрел, но тут оказалось, что весь этот кошмар ему просто приснился. Он проснулся, открыл глаза и увидел себя со стороны — он весело шел по обсаженной цветами дорожке библиотечного парка навстречу улыбающейся Кларе. Клара сперва тоже шла по дорожке, а потом вспорхнула и полетела по воздуху, простирая к нему руки. Но ей не удалось его обнять — на него навалилось что-то тяжелое, завершающееся серебристой собачьей мордой. Морда вплотную приблизилась к его лицу и начала облизывать его скользким, пахнущим псиной языком. Потом чья-то рука отодвинула морду, и знакомый, хоть и неопознанный, голос спросил:

— Куда ты девал Инге?

Вслед за голосом у Карла перед глазами возникло знакомое лицо, которое он, наконец, узнал, и засмеялся, как здорово все сошлось. Он смеялся и смеялся, захлебываясь заполняющей рот кровавой пеной и повторял сквозь смех:

— Это вы, Ули? Как смешно, что вы тоже знакомы с Инге!

УРИ

За те полчаса, что они мчались в Каршталь, воем сирены разгоняя всех встречных и поперечных, Ури по крупнице вытянул из Хельки разные мелкие подробности происшедших за этот день событий. Взрыв раздался за секунду до того, как полицейский автомобиль Ури вынырнул из извилистого ущелья горной дороги на ровный участок шоссе, ведущий к воротам усадьбы. Небо заполнилось огненными сполохами всех оттенков оранжевого и красного, и машину сильно качнуло взметнувшейся над ущельем упругой волной горячего воздуха. Рвануло так сильно, что на миг Ури почти поверил, будто и впрямь наступил конец света, обещающий обильно политым слезами рассказом Хельки.

Справившись со взрывной волной, Ури круто свернул на площадку у ворот, перед которыми одиноко застыл голубой «Пассат» Инге, радужно подцвеченный веселыми языками полыхающего невдалеке пламени. Он даже не успел затормозить, как Ральф с громким визгом начал ло-

миться из машины наружу. Поднятый псом шум не мог перекрыть отчаянных воплей Хельки, — бесконечно повторяя одно и то же слово «Клаус!», она тоже порывалась выпрыгнуть из машины на ходу. Нажатием кнопки автоматического устройства, централизованно освобождающего дверные защелки, Ури враз открыл все дверцы, предоставив свободу своим обезумевшим пассажирам.

Первым вылетел из машины Ральф и с громким лаем умчался куда-то в глубину леса, темнеющего слева от огожденного забором карштальского парка. Хелька вывалилась через секунду после пса, торопливо проковыляла к воротам и, безутешно выкрикивая имя Клауса, стала биться всем телом об их узорчатый перешлет. Ури мельком глянул в сторону «Пассата», чтобы удостовериться, что тот пуст, и, прихватив из бардачка полицейский фонарик, устремился вслед за Ральфом. За эти годы он привык доверять житейской мудрости верного пса.

Сперва Ури обошелся без фонарика — в лесу, озаренном отблесками все ярче разгорающегося пожара, оказалось не так уж темно. Он бежал наугад, ориентируясь на хруст веток под лапами пса, хоть его можно было запросто спутать с треском горящего рядом здания. Впрочем, бежать пришлось недолго, — лес расступился, открывая небольшую прогалину, полускрытую от пожарного зарева кружевной сенью обступивших ее деревьев. Там суетились какие-то неясные тени. Что-то темное взметнулось высоко в воздух, прозвучал одинокий выстрел, раздался громкий вскрик, за ним пронзительный собачий визг, и тени исчезли.

Ури осветил фонариком — прогалина поначалу показалась ему пустой. Однако, пошарив лучом по усеянному розовыми бликами пространству, он заметил за кустом в дальнем углу едва различимую, вяло копошащуюся массу и направил фонарик туда. Острый луч выхватил из мерцающей полутьмы серебристо-розовую голову Ральфа, тычущуюся в какой-то брошенный на землю продолговатый предмет. Выскочив из-за куста, Ури сосредоточил свет фонарика на этом предмете, мимолетно отметив про себя странную неподвижность нижней части тела пса. Но думать об этом было некогда, — он опознал предмет, в который зарылась дрожащая от возбуждения собачья морда. Это был человеческий труп, и Ральф, рухнувший почему-

то рядом с этим трупом, лихорадочно облизывал слабо белеющее среди травы мертвое лицо.

Это могла быть только Инге, — кого еще мог облизывать Ральф с таким вдохновением? В два прыжка преодолев расстояние, отделявшее его от пса, Ури рывком отодвинул его голову и склонился над трупом. Ральф взвыл от боли, но Ури было не до него — он осветил фонариком лицо трупа, и обнаружил, что это вовсе не Инге, а неизвестный ему темноволосый мужчина с тонкими усиками над верхней губой. Может, это тот незнакомец, о котором рассказывала Хелька? То есть, Карл? Если да, то стало понятно поведение Ральфа, который, не обсуждая пристрастий своей хозяйки, когда-то служил Карлу так же верно, как потом служил Ури.

Не вполне сознавая, что он делает, Ури вцепился пальцами в усики над губой трупа и рванул их на себя. Они отделились от кожи с легким треском, преображая мертвые черты неизвестного в хорошо знакомые черты Яна Войтека. Вдруг оголенные губы трупа дрогнули, и он со стоном открыл глаза — в них уже не было смысла жизни, а был какой-то другой, сокровенный, лишь ему одному ведомый смысл. Но Ури не стал вдумываться в переживания умирающего, он с силой потряхнул его за плечо и спросил о главном:

— Куда ты девал Инге?

Взгляд Карла, не проясняясь, остановился на Ури, и он вдруг начал хохотать, захлебываясь заполняющей рот кровавой пеной. Он смеялся и смеялся и все повторял сквозь смех:

— Это вы, Ули? Как смешно, что вы тоже знакомы с Инге!

Ури просунул руку под спину Карла, — его рубашка и куртка насквозь пропитались кровью, обильно хлещущей из рваной раны на спине. Смех его, постепенно замирая, стал переходить в глухой клекот, но при этом казалось, будто он совсем не чувствует боли. Подавив в себе первый импульс заняться раной Карла, Ури повторил свой вопрос.

— Где Инге? — крикнул он прямо в ухо умирающего, хотя надежды на ответ было мало.

Однако Карл его, казалось, услышал.

— Там, внизу, — прошептал он и вроде бы мотнул головой куда-то влево. А, может, вовсе и не мотнул, а просто дернулся в последней предсмертной судороге.

— Где внизу? — зачем-то переспросил Ури, хоть спрашивать уже было некого.

Ответ пришел неожиданно — от другого угасающего существа. Притихший было Ральф приподнял голову и пополз в ту сторону, куда указала последняя судорога Карла. Только сейчас Ури заметил густые малиновые пятна на серебристой шкуре пса — похоже, чья-то пуля попала ему в нижний отдел позвоночника. Чья же? Наверняка, не Карла. Тихо повизгивая, Ральф дополз до какой-то невидимой для Ури точки, скрытой густой травой. Ури метнулся за ним и увидел под лапами пса зияющий черный зев открытого люка. Ральф положил голову на край люка и протяжно завыл.

Ури лег на живот и опустил руку с фонариком как можно ниже в глубину люка — там была узкая вертикальная шахта с каменистыми, ничем не облицованными стенами. К одной из стен где-то метра на полтора ниже уровня земли прислонился обломок деревянной лестницы-стремянки. Еще ниже застрял другой обломок того, что было когда-то лестницей. Из какой-то щели на дне в шахту медленно поползали струйки дыма — вероятно, она была связана с горящим зданием подземным переходом.

Ури глянул на Ральфа — явно слабея от потери крови, тот продолжал выть, упорно пытаясь подтащить свое непослушное тело поближе к люку. Ури еще пошарил лучом в глубине шахты и наткнулся на голубой лоскут, выглядывающий из-под деревянных осколков, усеявших ее дно. Он тут же вспомнил голубое платье для будущих матерей, которое Инге стала носить последнее время, и сердце его бешено заколотилось — это могла быть она!

Он уперся руками в края люка и уже приготовился к спуску в шахту, как из-за кустов на прогалину почти ползком выбралась Хелька.

— Все сгорели, все до одного! — свистящим шепотом сказала она. — Все до одного! Все до одного! Все до одного!

Тут пламя пожара взметнулось вверх, на миг выхватив из темноты Ури, раскачивающегося на руках на краю люка. Кажется, Хелька заметила его — она замолчала и уставилась на него полными ужаса глазами.

— Я спускаюсь за Инге! — крикнул ей на прощанье Ури, не успевши даже удивиться тому, как она его нашла. И только срываясь с поломанных перекладин и пренебрегая свирепо вспарывающими кожу занозами, он сообразил, что на прогалину ее привел несмолкающий вой Ральфа.

Он осторожно застыл на последней перекладине, опасаясь наступить на Инге, если она и вправду лежит на дне шахты.

И она там лежала, странно подогнув ноги, усыпанная обломками лестницы. Ури нашел точку, на которую можно было поставить ногу, и коснулся ладонью ее щеки — щека была теплая. Она была жива! Жива! Тогда он бережно просунул руки под ее спину, и холодный пот ужаса обильно выступил у него на лбу — подол ее платья был пропитан кровью. Неужто в нее тоже стреляли?

Кто мог стрелять — в Инге, в Карла, в Ральфа? Но об этом потом, сейчас надо спешить, пока Инге не истекла кровью. Да и дым, ползущий внутрь шахты из-под неплотно прилегающей двери в одной из стен, начинал всерьез беспокоить Ури. Он приподнял Инге так, что голова ее легла на его плечо, в страхе ожидая вскрика или стона боли. Но она молчала. Ури нащупал ее пульс — он был неровный, но был! Был пульс — значит, оставалась надежда ее спасти, тем более, что никакой раны на ее теле он не обнаружил. Откуда же кровь?

Догадка о том, что это за кровь, осенила его лишь на последней перекладине лестницы, от которой до выхода из люка оставалось метра полтора, не меньше. «У нее, наверно, выкидыш», — не столько подумал, сколько шестым чувством прозрел он. Но мимолетно, больше озабоченный тревогой за жизнь Инге, чем горем по потерянному ребенку. Он попробовал вспомнить, умирают ли от выкидыша, понимая, что в любом случае это вопрос времени — как скоро можно будет оказать Инге медицинскую помощь. А со временем было плохо — Ури понятия не имел, как он сумеет выбраться на поверхность, неся на плече неподвижное тело Инге.

Он огляделся, пытаясь сообразить, куда бы ее пристроить, пока он будет искать путь наверх. Прислонить ее было не к чему. А дым все острее и острее щекотал ноздри и щипал глаза. Невероятно, но именно дым привел Инге в

сознание — она вдруг громко чихнула и открыла глаза. Лицо ее было так близко от лица Ури, она почти упиралась лбом в его щеку. Она долго вглядывалась в его черты, и затуманенный взгляд ее все прояснялся и прояснялся, не выражая никакого удивления.

— Я знала, что ты вернешься, — еле слышно прошептали ее губы. — Я только боялась, как ты встретишься с Карлом.

ХЕЛЬКА

Все там сгорели, все до одного! Хелька поняла это сразу, хоть продолжала всем телом биться о неумолимую кованую решетку ворот Каршталя. Огонь был такой яркий и высокий, он застилал все небо до горизонта, он трещал и хрюкал, как стадо свиней, он швырял во все стороны огромные головешки и выл в стропилах пылающей крыши, и никто его не гасил. В парке, огороженном непроходимым забором, не было ни души, — никто не открывал тяжелую входную дверь, никто не выбегал из дома со шлангом в руках.

Потому что никто не остался в живых, — поняла Хелька. Все сгорели! Все — и Марта, и фрау Инге, и Клаус! Клаус сгорел, он снопом искр поднялся над лесом, и Хелька никогда, никогда больше его не увидит.

Кла-а-а-ус! — закричала Хелька и стала еще сильнее биться о решетку. Она хотела ворваться во двор, пробежать под деревьями парка и броситься в огонь, чтобы снопом искр подняться в небо и слиться там с Клаусом. Но решетка была гораздо сильнее ее, она была добротной кованой и надежно заперта, чтобы охранять озаренный огнем парк от вторжения посторонних.

Обессиленная Хелька опустилась на землю у ворот и замолкла — она уже больше не могла ни кричать, ни рыдать. И тут она услышала невдалеке протяжное рыдание Ральфа. Надежда всколыхнулась в ее душе — а вдруг он нашел Клауса? Хелька собрала в кулачок остаток сил и так скоро, как позволяла ей ущербная нога, припустила на собачий вой.

Доковыляв до прогалины, она сперва ничего не увидела, хотя слышала, что Ральф воет где-то совсем рядом.

Потом огонь на мгновение взметнулся еще выше и озарил простертого в траве пса, рядом с ним еще кого-то, тоже простертого в траве, а чуть в стороне странно торчащего из земли Ури, как будто у него осталась только верхняя половина тела. Хелька хотела спросить его, что с ним, но голос не послушался ее. Она только сумела прошептать то единственное, что застряло у нее в горле:

— Все сгорели, все до одного!

— Я спускаюсь за Инге! — крикнул ей Ури невпопад и провалился под землю.

Хелька заметалась по прогалине, не зная, куда ей деться, у кого просить помощи. Толком не понимая, что она делает, она опустилась на колени возле Ральфа и хотела его погладить. Спина у него была мокрая и скользкая. Хелька отдернула руку и поглядела на свою ладонь — она была испачкана чем-то красным и липким, как малиновое варенье. Хелька с криком вскочила на ноги, но споткнулась и упала на того, кто молча лежал в траве рядом с Ральфом. Прямо на нее смотрели широко открытые неподвижные глаза, в которых отражалось пламя пожара.

И тут все небо вдруг наполнилось оглушительным ревом. Над лесом, над пылающим домом и над бедной хелькиной головой прогрохотала огромная черная птица и, сверкая частыми вспышками красного и зеленого, приземлилась за деревьями совсем близко от Хельки.

УРИ

— Если я пристегну тебя ремнем к перекладине, ты сможешь продержаться несколько минут? А я попробую вылезти и найти веревку.

— Не знаю, — прошептала Инге и закашлялась. — Голова кружится.

Ну как он мог ее оставить? Ясно было, что надолго ее сил не хватит. А тут еще этот проклятый дым — становясь все гуще и гуще, он полз откуда-то снизу и, клубясь, поднимался вверх к устью шахты.

И все же выхода не было — нужно было спешно искать способ вытащить Инге из этой ловушки. Придерживая Инге одной рукой, Ури начал вытаскивать из брючных петель

свой ремень, — в надежде, что он сумеет усадить ее на верхнюю перекладину и пристегнуть к торчащим из стены искореженным скобам бывшей стремянки.

В верхней части лестничного колодца было не так уж темно, туда сквозь люк просачивался розовый отсвет пожара. И вдруг чья-то черная тень заслонила озаренное огнем небо. «Кто это, — ужаснулся Ури, — неужели тот, что стрелял в Карла и Ральфа? Тогда конец!» И направил на тень острый луч своего фонарика, в надежде ослепить и задержать. В свете фонарика возникло лицо оставленного в Уэльсе подозрительного отца Георгия. Призрак отца Георгия вытянул вперед руку, сжимающую какой-то продолговатый предмет. «Сейчас выстрелит» — метнулся к горлу ужас, но вместо выстрела в глаза ударил встречный луч света, и заботливый голос спросил на иврите:

— Ты там в порядке, Ури?

Подозревая, что он бредит, Ури уловил снаружи переключку других ивритских голосов и хрипло выдал из себя, на всякий случай — а вдруг они и вправду тут:

— Быстрее! У меня здесь раненая!

Дальше все завертелось со знакомой оперативной скоростью, и через несколько минут они с Инге уже были наверху. Отец Георгий исчез, оставив в душе Ури легкую парашину сомнения в собственной адекватности.

Когда Ури нес Инге через лес к машине, его догнал Меир, сопровождавший носилки с телом Карла.

— Это ты его прикончил? — полубобытствовал он.

— К сожалению, не я.

— А кто?

— Это твоя работа — выяснять.

— Нам еще многое предстоит выяснить. Например, как ты догадался, что он — Гюнтер фон Корф?

— А что, ты в этом убедился?

— Отпечатки пальцев на чашке подтвердили твою догадку.

— Так вот почему вы оказались здесь!

— Частично поэтому. А отчасти потому, что в твоей полицейской машине был радио-сигнал.

— Но почему вы явились именно сейчас?

— Почему? Потому. Или ты не слышал взрыва?

Ну да, из-за взрыва, конечно. Значит, все это время они были где-то близко?

Ури почти бежал, Меир, не отставая, ломился через кусты плечо к плечу с ним, так как узкая дорожка не оставляла ему места идти рядом.

— Слушай, — выдохнул он почти в ухо Ури, — я хотел тебе сказать...

Тут Инге тихо застонала, и Ури ускорил шаг.

— Она что, ранена? — спросил Меир, словно он только сейчас ее заметил.

— Большая потеря крови. Я боюсь, у нее выкидыш.

— Ладно, беги. Поговорим после.

И, замедлив шаг, растворился в темном подлеске.

Наконец, Ури вышел на площадку перед воротами. На миг ему показалось, что там идет праздничный карнавал — в багряном свете бушующего пожара какие-то личности в маскарадных костюмах пожарников, медсестер и полицейских лезли через забор, крушили неподатливые ворота и волокли разноцветные мотки шлангов. Было шумно, многолюдно и весело — завывали пожарные сирены, и над карнавальным скоплением автомобилей крутились синие вертушки полиции и красные вертушки скорой помощи. И только Хелька, ничком лежащая на капоте голубого «Пассата», нарушала это ощущение всеобщего праздника.

Ури опустил Инге рядом с несчастной девчонкой и осторожно тронул ее за плечо:

— Поедешь с нами или останешься здесь?

Хелька подняла на него опухшие от слез глаза и увидела Инге:

— Зачем вы привезли его сюда? Зачем? Зачем? Зачем? — крикнула она и начала колотить Инге куда попало маленькими костлявыми кулачками.

Бледное лицо Инге исказилось, она схватила руки Хельки и прижалась к ним губами:

— Прости меня, прости. Если бы я только знала...

И она потеряла сознание.

Ури опять подхватил ее на руки и направился к своей полицейской машине — некогда и не у кого было выяснять, где ключи от «Пассата». Когда он устраивал Инге на заднем сиденье, из толпы опять вывернулся отец Георгий, как всегда в маскарадном костюме, только на этот раз костюм этот выглядел вполне прилично — джинсы и спортив-

ная куртка. Для окончательного завершения своего нового образа он снова обратился к Ури на иврите:

— Тебе нужна моя помощь? — и, не дожидаясь ответа, втиснулся рядом с Инге, так что ее голова оказалась у него на коленях. — Меир велел, чтобы я поехал с тобой, я кое-что понимаю в медицине.

— Ты говоришь на иврите? — удивился Ури, выезжая на шоссе.

— Нет, я говорю по-румынски, но все меня понимают.

— А японец был тоже из наших?

— Это который с компьютером? Нет, он был от англичан. Не Бог знает какой профессионал, больше форсу, чем смекалки.

— Зато у тебя не форс, а одна сплошная смекалка! Как же ты, такой профессионал, прозевал, когда они убили миссис Муррей?

Отец Георгий смутился:

— Так у меня ведь было другое задание! Я должен был охранять твою маму. И вот не уберег!

Руль дрогнул в руке Ури, и их вынесло на противоположную сторону шоссе:

— Что значит не уберег?

— Сейчас же останови машину! — заорал отец Георгий. — Или ты хочешь свою фрау тоже прикончить? Выходи и садись назад! Я поведу.

Внезапная слабость охватила Ури. Так вот что хотел сказать ему Меир! Вот что он хотел сказать! Хотел, но не сказал, а струсил и растворился в темном подлеске.

Ури покорно вышел из-за руля и сел сзади, бережно положив голову Инге к себе на колени. Руки были чужие, ватные, лес за окном ушлывал из поля зрения в темноту. Или это потемнело в глазах? Отец Георгий рывком взял с места.

— Что значит, не уберег? — повторил Ури безнадежно, уже зная ответ.

Отец Георгий попытался развести руками, но на такой скорости это ему не удалось:

— Я ведь остался с убитой старухой, чтобы взять на себя, если что... Я же не знал, что ты дашь ей ключи от этой проклятой машины.

ХЕЛЬКА

Когда ворота, наконец, поддались под топорами пожарников, Хелька сползла с голубого капота машины фрау Инге и начала бочком протискиваться сквозь орущую толпу. Хоть площадку у ворот обнесли желтой лентой, перекрывающей вход в усадьбу, никто не обратил внимания на заплаканную хромую девчонку, и она сумела пробраться через все полицейские кордоны прямо в парк. По центральной аллее мимо нее, надсадно завывая, промчались пожарные машины, из которых выскочили крепкие ребята в медных касках и начали разматывать шланги. Под напором обильных водяных струй, со всех сторон обрушившихся на горящий дом, огонь быстро скукожился и укрылся куда-то внутрь, отравляя воздух густым едким дымом, ползущим из разбитых окон.

Другие ребята в таких же касках стали карабкаться вверх по приставленным к обгоревшим стенам пожарным лестницам и скрываться в зияющих оконных проемах. Через пару минут один из них снова появился в окне и крикнул в рупор:

— В доме пусто! Нет ни души!

Другой, с рупором в руке, стоящий внизу, крикнул в ответ:

— Быть не может, воняет горелым мясом!

— Может, у них подвал есть? — спросил третий, в фуражке, наверно, начальник.

Тот, что в окне обернулся внутрь дома:

— Ребята, а подвала там нет?

Из дома ему что-то ответили, и он опять крикнул в рупор:

— Нет, они осмотрели весь нижний этаж! Нигде никаких дверей!

И тут Хелька вспомнила, как их вели в зеркальный зал. Хоть глаза у нее были завязаны, она знала точно, по запаху: они входили не через главный подъезд, а откуда-то сбоку, может, через гараж. Тогда она выскочила из-за куста, за которым пряталась, прохромала прямо к начальнику в фуражке и схватила его за рукав:

— Есть, есть подвал, только вход в него не здесь!

Стряхнув с себя вцепившуюся в него хелькину руку, начальник грозно спросил того, что с рупором:

— Кто такая? Как сюда попала?

Тот, что с рупором, не знал и хотел тут же Хельку прогнать, но она уцепилась за начальника, как шпывка, и все повторяла, что подвал есть, вон там, за углом.

— Ты что, из ихних? — спросил начальник недоверчиво, однако пошел за Хелькой смотреть, где может быть вход в гараж. Гараж тоже сгорел, но не полностью, наверно потому, что был облицован железными листами. Подъехавшая пожарная машина осветила нутро гаража сильными прожекторами, и за покореженными остовами машин обозначилась раздвижная дверь, отворить которую было невозможно, так ее заклинило.

— А, может, ее закрыли изнутри стальной перекладной? — предположил один из пожарников и нацелился на линию раздела двух сомкнутых половинок двери из какого-то странного ружья с коротким дулом. Грохнул выстрел, и другие два пожарника, сунув крючья в образовавшуюся дыру, стали тянуть неподатливые створки в разные стороны. Створки захрустели, как сахарные кубики, и рассыпались на мелкие осколки.

Вот когда в ноздри им всем шибануло настоящей вонью жареного мяса! Хелька закричала: «Клаус!» и грохнулась в обморок прямо под ноги начальнику в фуражке.

УРИ

Кажется, Ури задремал на жесткой скамейке под дверью операционной. Поэтому он с трудом понял, что говорил ему вышедший из операционной молодой врач. Заверив Ури, что Инге спокойно спит после операции и что жизни ее уже не угрожает опасность, тот добавил:

— Ребенка, к сожалению, спасти не удалось. Собственно, если бы вы ее привезли на полчаса позже, нам, пожалуй, и ее бы спасти не удалось.

Усталый голос его звучал мягко, но в глазах был невысказанный вопрос, почему Ури привез ее в больницу так поздно. Ури не счел нужным удовлетворять его любопытство, тем более, что сам не знал ответов на многие вопросы. Как Инге оказалась на дне мрачного колодца, обреченная задохнуться в дыму, ползушем из щели под неясно кем запертой

дверью? Кто сбросил ее вниз — если Карл, то почему? Кто застрелил Карла? И Ральфа? И зачем они вообще поехали в Каршталь? Если у Карла там было назначено свидание, то с кем? И для чего ему понадобилось тащить с собой Инге?

Одолеваемый сонмом неразрешенных загадок Ури почти пропустил мимо ушей какую-то важную фразу врача. Он услышал только его заключительные слова:

— ...так что, боюсь, она больше не сможет иметь детей.

«Ладно, можно и без детей, меньше будет проблем с Klarой», — вяло подумал Ури и вдруг впервые осознал во всей реальности, что Клары уже нет и проблем с ней теперь не будет никогда. И никогда он не должен будет писать ей письма.

Невыносимость этого осознания обожгла Ури с такой силой, что он вскочил со скамьи, оттолкнул испуганно протянутую к нему руку врача и бросился к выходу. Нужно было спешить, чтобы догнать — куда? кого? зачем? Пробежав несколько шагов по больничному коридору, Ури остановился, как вкопанный, — куда, собственно, спешить? Кого догнать?

Его внезапно охватила страшная усталость, и он прислонился к стене, чтобы не упасть. Тут из-за поворота коридора санитар вывез каталку, на которой лежало маленькое скрюченное тельце, укрытое белой простыней, натянутой почти до ушей. Очертания этого тельца были Ури знакомы. Преодолев головокружение, он оторвался от стены и наклонился над каталкой. Поверх простыни на него в упор смотрели лихорадочно горящие зеленые глаза, опущенные мохнатыми темными ресницами, внешний угол левого глаза был деформирован стягивающим щеку неровным шрамом — Хелька! А с ней что случилось? В нее тоже кто-то стрелял?

Узнав Ури, Хелька сорвала простыню с лица и села:

— Я сидела там всю ночь, пока их не стали выносить из подвала, — лихорадочно забормотала она.

Всю ночь? Только сейчас Ури заметил, что небо за окном порозовело, греясь в первых лучах солнечного утра.

— ...их все несли и несли, там было, наверно, сто человек, а, может, даже тысяча. От них ничего не осталось, ни мяса, ни волос, ничего, все, все сгорело... Их несли, и несли на носилках, и вдруг я увидела Клауса, от него тоже ничего не осталось, но я его узнала...

— Как же ты его узнала, если ничего не осталось? — усомнился Ури.

— По жетону, — объяснила Хелька и зарыдала, царапая себе грудь и шею черными от копоти ногтями. — Он носил на шее жетон того поросенка номер пятнадцать, что он когда-то спас. Сперва он носил его на веревке, а потом я на день рождения подарила ему цепочку... И цепочка с жетоном так и осталась у него на шее. Шеи не осталось, а цепочка осталась! И я... и я... и я...

Тут Хелька зашлась в настоящей истерике и начала биться головой о металлические ручки каталки. Санитар махнул Ури, чтоб тот ему не загораживал дорогу и двинулся вперед по коридору.

— Куда вы меня везете? — взвизгнула Хелька и попыталась соскочить с каталки, но санитар удержал ее. Тогда она вцепилась зубами в его ограждающую ладонь, он быстро отдернул руку, и она спрыгнула на пол. Но ноги ее подкосились, и она тут же упала, ударившись головой о нижнюю перекладину каталки. Ури подхватил ее с пола и хотел уложить обратно, но она стала вырываться с какой-то сверхъестественной силой, выкрикивая отчаянным голосом:

— Отпусти меня! Отпусти! Я не хочу больше жить! Дай мне умереть, умереть! умереть!..

На ее крики из двери в конце коридора выскочил молодой врач, которого Ури сначала принял за того, который говорил с ним об Инге, — так они были похожи. Та же жесткая складка узкого рта, тот же аккуратный светло-русый бобрик на удлиненной арийской голове, те же очки в овальной золотой оправе, недостаточно крупные для удлиненного арийского носа. Однако врач явно не узнал Ури, — значит, это был не тот.

— Ваша родственница? — спросил он, ловко втыкая иглу шприца в худенькое хелькино предплечье. Девчонка несколько раз дернулась и затихла.

— Не совсем, — неуверенно ответил Ури, — просто знакомая.

— А где же родственники? — врач оглядел пустой коридор в поисках отсутствующих родственников.

— Все ее родные сгорели сегодня ночью в Карштале, — тихо пояснил Ури, чувствуя, как его опять валит с ног неоценимая усталость.

— Тогда вы зайдите ко мне через полчаса, чтобы справиться о ее состоянии, — решил проблему врач, скрываясь за дверью вместе с каталкой.

Ури поглядел на часы, но не мог понять, который час: в голове мутилось, а он еще не перевел время после возвращения из Англии. Наверно, пора идти проведать Инге — может, она уже проснулась после операции.

Но Инге еще не проснулась, и Ури к ней не пустили. Он опять сел на жесткую скамейку и попытался вспомнить, когда он последний раз ел. В голове мутилось и выходило, что позавчера — а, может, он все напугал из-за того, что не перевел часы? Тогда он, загибая пальцы, попытался сосчитать, сколько смертей случилось вокруг него за эти полтора дня.

Миссис Муррей — раз, Брайан, — два, Клара — три, их с Инге неродившийся младенец — четыре, Карл — пять, Клаус — шесть, Марта — семь, Ральф — восемь. Или Ральфа не считать — может, он еще жив? А как быть с теми, что сгорели в подвале Каршталя? Их он решил не считать — во-первых, он с ними не был знаком, а, во-вторых, и без них выходило слишком много.

А главное, нужно было решить, что делать сначала, что — потом. Дождаться, пока проснется Инге, или пройти справиться, что там с Хелькой? Или бросить все и лететь в Израиль хоронить мать? А, может, найти Меира и выяснить, нашли ли у Карла киноплёнку? И тут Ури вспомнил про свиней — ведь их сегодня никто не накормит и не даст им воды, раз в замке нет ни Инге, ни Клауса, ни его, Ури. Как же быть, ведь бедные свиньи ни в чем не виноваты, они понятия не имеют о наших человеческих делах? Правильнее всего было бы позвонить Вильме и попросить, чтобы она позаботилась, но не было сил подняться со скамейки и отправиться на поиски телефона.

Ури закрыл глаза и откинулся на спинку скамейки. Но и во сне ему не было покоя: стадо свиней, хрюкая, кружилось по двору у входа в замок, чтобы не дать Ури выгнать Инге из глубокого, заполненного едким дымом колодца. А внизу ожидала его помощи мать, привязанная поясом к лестничной перекладине. Ури хотел было приклонить Инге к краю люка, чтобы спуститься за Кларой,

но как только он отводил от нее руки, она тут же начинала скатываться вниз, в клубящуюся дымом пропасть, и цепко хваталась за его плечо.

Ури попытался высвободить плечо из ее хватки, но она цеплялась за него все сильнее и сильнее, пока он не открыл глаза. Давление на плечо ничуть не уменьшилось, зато он понял, что сидит на скамейке в больничном коридоре, где нет ни Инге, ни Клары, ни свиней. А есть только молодой русский врач в овальных золотых очках, хотя трудно сказать, чей именно — Инге или Хелькин.

— Так вы — родственник этой несчастной девчонки? — спросил врач, сразу определяя себя как хелькиного. В тоне его была наступательная нотка, сразу напугавшая Ури.

— Не то чтобы родственник...- замаялся он. — А что?

— А то, что она беременна, — отрезал врач и уточнил без обиняков:

— Вы — отец ребенка?

— С чего вы взяли? — опешил Ури.

— Ну, раз вы ее сюда доставили...

— Да не доставлял я ее, — неловко промямлил Ури, но врач быстро перебил:

— Ведь вы — Ури?

— Ну, Ури?

— Она все время вас зовет. Лекарства отказывается принимать, пока вы не придете.

— У меня тут другая больная... — начал было Ури и осекся. Выхода нет, все равно придется Хельку приютить, куда ей, бедной, теперь деваться без Клауса?

А что, если из восьми убитых вычесть одного, готового родиться? Может, тогда станет чуть меньше смерти? Врач заметил перемену настроения Ури и истолковал ее по-своему:

— Хотите пойти к ней, поговорить?

Ури из последних сил оттолкнулся ногами от пола и встал:

— Ладно, пошли.

Врач провел его влево по коридору и толкнул белую дверь. Хелька в голубой больничной сорочке сидела на большой кровати, обложенная со всех сторон грелками и подушками. Увидев Ури, она спросила:

— Фрау Инге жива?

Мурашки побежали по спине Ури от этого вопроса, но он вспомнил рассказ Хельки о том, как она опознала останки Клауса, и ответил так крoтко, как только мог:

— Жива.

Хелька выпрямилась на своих подушках и объявила:

— Так скажи ей, что я никогда ее не прошу!

— За что же ты ее не простишь?

— За то, что Клаус умер, а она осталась жива!

— Ничего, время пройдет, и простишь, — утешил ее Ури.

МОЗАИКА ФАКТОВ (только документы)

«ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ», 6 октября 1994г.

МАССОВОЕ САМОУБИЙСТВО В ШВЕЙЦАРИИ

*48 обгоревших трупов в кантонах Фрайберг и Валлис.
Еще несколько трупов в Канаде.*

По всей вероятности, религиозное рвение стало причиной массового самоубийства 48-и членов швейцарско-канадской секты «Орден Храма Солнца», происшедшего в ночь с 4-го на 5-е октября в швейцарских деревнях Чьери и Гранж-сюр-Сальван. Еще пятеро сгорели в Канаде, в 75-и километрах к северу от Монреаля, в загородном доме магистра ордена Люка Журе. Таким образом, число жертв таинственной акции дошло до 53-х. На сегодняшний день среди погибших на пожарищах в Швейцарии и в Канаде не обнаружен труп самого Журе. Вполне возможно, что он остался в живых.

Полиция предполагает, что все дома загорелись одновременно в результате переданного кем-то хитроумного сигнала — по всей вероятности, в форме телефонного звонка. У двадцати из двадцати трех обгоревших тел в деревне Чьери были обнаружены огнестрельные раны. На головы десяти из них были натянуты пластиковые мешки. Есть сильное подозрение, что большинство жертв фатального пожара ушло из жизни в одурманенном состоянии.

Все погибшие были одеты в ритуальные робы. Похоже, что обычай секты предписывал ее членам на торжественные церемонии надевать ритуальные одеяния трех цветов, предписанных их положением в общине : белый — для низшего ранга, красный — для среднего и черный — для высшего. Большинство обугленных тел было облачено в белые робы, некоторые — в красные и одно — в черные.

Тьерри Югенен

ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

*(Отрывки из книги воспоминаний бывшего члена секты
«Орден Храма Солнца».*

*Заглавием автор дает понять, что он должен был стать
54-м погибшим в акте массового самоубийства.)*

Утром 4-го октября 1994г. мне позвонила Флоранс Редюро, подруга Жо ди Мамбро, основателя секты «Орден Храма Солнца», членом которой я был более 15 лет.

«Тьерри, — сказала она, — ты можешь сегодня приехать за своими деньгами».

Речь шла об огромной сумме, которую я внес в казну фонда при поступлении и которую тщетно пытался получить обратно вот уже два года — с тех пор, как вышел из рядов «Ордена Храма Солнца». Эта сумма состояла из денег, полученных мной от продажи моего загородного дома в пригороде Женева и моей доли в преуспевающей зубоврачебной практике. Я не надеялся получить компенсацию за 15 лет неоплаченной работы в хозяйстве секты, но требовал, чтобы мне вернули деньги, внесенные мной при поступлении.

Сальван — большая ферма, расположенная в окрестностях горной деревушки Мартиньи в 100 км от Женева. Я приехал туда в начале второго и припарковал машину на улице перед виллой ди Мамбро. Когда я вошел в гостиную, ди Мамбро, небритый и странно расхристанный, объявил, что не может отдать мне конверт с деньгами, потому что потерял ключ от конторы, помещавшейся в цокольном этаже виллы.

«Давайте спустимся вниз, — предложил он, — и посмотрим, может, я уронил его в коридоре.»

Когда мы вышли на террасу и направились к лестнице, ведущей в контору, к нам присоединился магистр ордена Люк Журе. Мы спустились в подвал и вошли в коридор — в нос мне ударил сильный запах бензина. В желудке у меня образовался странный ком, мне захотелось выскочить оттуда и ударить от них, но разве я проехал 100 километров не для того, чтобы получить свои деньги?

«Нет, ключа не видно, — сказал Жо, обращаясь к Люку. — Может, надо вызвать слесаря, чтобы взломать дверь?»

«Может быть», — ответил Люк рассеянно, словно не слышал, о чем его спросил Жо. Он тоже был небритый, и взгляд его скользнул по мне как бы не узнавая.

Все замолчали, словно чего-то ожидая. В отворенную дверь коридора ворвался порыв ветра, и я снова почувствовал острый запах бензина. Меня вдруг охватил какой-то безумный страх, даже паника. Я попятился в сторону открытой двери и крикнул: «Я уезжаю. Приеду за деньгами в другой раз!»

И стремглав помчался вверх по лестнице. Они остолбенело уставились мне вслед, не веря, что я и впрямь решил уехать без денег. Я выскочил на улицу и, распахнув дверцу машины, услышал настигающий меня топот ног. Не оглядываясь, я включил мотор и нажал на газ. Тут меня догнала Флоранс. Она вцепилась в дверцу машины и попыталась ее открыть. В глазах ее был ужас.

«Куда же ты? Вернись!» — крикнула она, но я ее не слушал, я рванулся вперед и вырулил на шоссе.

Я очень устал и лег спать рано, но сильно полночь меня разбудил телефонный звонок. Это была Марсель, которая покинула Орден почти в то же время, что и я.

«Случилось что-то ужасное. Дочь позвонила мне из Канады и сообщила, что в доме Люка Журе полыхает пожар! Говорят, полиция нашла там несколько трупов.»

Муж Марсель выхватил у нее трубку:

«Берегись этих людей, Тьерри. Плюнь на деньги, жизнь дороже.»

Я положил трубку, но долго не мог уснуть. Я ведь хорошо знал всех обитателей канадского дома Журе — кто же из них погиб? Я еще не знал тогда, что погибли все.

В семь утра телефон зазвонил снова. Звонила добрая старая Марта, которая тоже несколько лет назад ушла из Ордена. Голос ее был полон ужаса:

«Ты уже слушал радио, Тьерри?»

Я думал, что она говорит о пожаре в Канаде, но она перебила меня:

«Нет, нет, все гораздо страшней. Ночью сгорела ферма в Чьери и вилла Жо в Сальване.»

Я сейчас же включил радио, и услышал рассказ о происшедшей ночью трагедии.

В святилище на ферме в Чьери были найдены 23 обгорелых трупа, среди них трое детей. Облаченные в парадные одежды Ордена, они лежали полукругом перед алтарем. На головах у большинства были нейлоновые мешки для мусора с завязанными на горле тесемками. Головы многих из погибших были прострелены тремя пулями, две из которых вошли до того, как был натянут мешок, а последняя — после, так что в мешке образовалась дырка. Некоторые, как видно, сопротивлялись, потому что лица их были разбиты ударами чего-то металлического, скорее всего, рукояткой пистолета. В подвале виллы Люка Журе в Сальване трупов было 25, некоторые из них полностью обуглились. Там тоже были обнаружены пули и остатки мусорных мешков.

Меня стала бить сильная дрожь. Острый запах бензина вновь наполнил мои ноздри, вызвав у меня непреодолимую рвоту. Всего на пожарищах было найдено пятьдесят три трупа, и только благодаря чуду я не стал пятьдесят четвертым!

Аиш Скотт

НЕВЕРОЯТНАЯ ВЛАСТЬ КУЛЬТОВ

(Отрывки из книги, представляющей собой результат тщательного многолетнего исследования)

В феврале 1989 г. мой сын Роберт окончил с отличием технический колледж и с дипломом в кармане вылетел в Калифорнию, где его ожидала работа в престижной фирме. Я была горда своим мальчиком — в 26 лет он был в отличной спортивной форме, полон достоинства и хорош собой.

Через девять месяцев мой мир рухнул, когда маленький частный самолет доставил на летное поле соседнего авиаклуба то, во что превратился мой сын за столь короткое время. Он выглядел усталым, грязным, победенным жизнью пожилым человеком. Когда я обняла его, я с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться — от него разило, как от промышляющей на помойке крысы. Он отчужденно кивнул мне и уставился в пространство пустым бессмысленным взглядом. Незадолго до этого Дэвид Кореш, лидер секты, в которую

Роберт вступил вскоре после прибытия в Калифорнию, предупредил меня, что мой сын время от времени теряет контакт с реальностью, но я не могла себе представить, что за несколько месяцев можно до такой степени разрушить психику здорового, морально устойчивого молодого человека.

Понадобилось четыре года интенсивной профессиональной терапии, чтобы вернуть моего сына к норме. За это время 85 обитателей усадьбы Кореша в Вейко сгорели в пламени зажатого ими самими пожара. Чтобы понять суть того, что с ними произошло, я занялась исследованием распространения феномена, получившего определение КУЛЬТ.

Что такое культ?

Я называю культом организацию, лидер которой достигает такой власти над своими последователями, что они способны, как индивидуально, так и коллективно, совершать по его повелению поступки, противоречащие общепринятым законам Бога, Природы и человечности.

Кто может стать жертвой культа?

Члены многих сект — люди с высшим образованием, занимающие достойное положение в обществе. Вербовщики сект обычно обходят стороной бедных и увечных, они предпочитают состоятельных и влиятельных.

Как достигается абсолютное подчинение членов секты воле ее лидера?

Практически во всех сектах используются сходные методы постепенного овладения рассудком жертвы и подавления его индивидуальной воли. Постепенность играет очень важную роль в этом процессе, хорошо представленном в известном эксперименте с лягушкой, погруженной в воду. Если бросить лягушку в горячую воду, она тут же выскочит наружу, но если погрузить ее в холодную воду и начать медленно повышать температуру, лягушка, разнежившись, даст сварить себя заживо.

Одна из важнейших задач при погружении лягушки в воду, т.е. в начале процесса привлечения новобранца — вырвать его из привычного окружения. Первые встречи с намеренными кандидатами проводятся обычно или в конференц-залах отелей или в домах членов секты. После нескольких подобных встреч жертву стараются завлечь в замкнутое убежище — в какой-нибудь загородный дом вдали от города — на конец

недели, а еще лучше на более долгий срок. На это время новобранец полностью отключается от внешнего мира и не может связаться с друзьями и родными, так как в убежище нет ни радио, ни телефона. Истинной целью является присоединение новобранца к коммуне секты, где его дальнейшая обработка пойдет гораздо легче.

Тьерри Югенен

ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕРТВЕРТЫЙ

Я взял отпуск и провел три дня в «Штифтунге» — загородной усадьбе Жо ди Мамбро. Это были прекрасные дни, полные духовной жизни и увлекательных бесед. И все же я был рад в пятницу вечером вернуться домой, предвкушая приятный конец недели в обществе моих детей и любимой жены Натали. Однако не успел я переступить порог своего дома, как раздался телефонный звонок.

«Тебя», — сказала Натали, протягивая мне трубку.

Это был Франсуа, с которым я расстался два часа назад возле ворот усадьбы Жо.

«Тьерри, — воскликнул он возбужденно, — ты не можешь немедленно приехать в «Штифтунг»?»

«Немедленно? Но ведь я только что вернулся оттуда... Я обещал жене провести воскресный день с детьми...»

«Но Жо очень просит. Он задумал что-то важное, чрезвычайно важное. Для тебя и для нас всех.»

«Хорошо, — пообещал я растерянно, — я постараюсь приехать.»

«Приезжай поскорее. Мы все тебя ждем.»

Я был ошарашен — они все меня ждут? Но ведь они только что разъехались по домам! Натали смотрела на меня глазами, полными слез, но делать было нечего — я должен был ехать. Ведь Жо попросил меня.

Алис Скотт

НЕВЕРОЯТНАЯ ВЛАСТЬ КУЛЬТОВ

Главные методы психологической обработки, которой подвергаются все члены секты, как старые, так и вновь прибывшие, — это информационный контроль, жестокая ослабляющая диета, систематическое недосыпание и постоянная перегрузка, приводящая к перенапряжению жизненных сил.

Деятельность мозга — биологическая функция, ее можно изменять с помощью диеты. Так, например, постоянное низкое содержание сахара в крови может вызывать тревогу, затуманенность сознания и различные фобии. Я обнаружила, что многие секты настаивают на исключительно вегетарианском питании, поскольку они определяют мясо как нечистую субстанцию. Недостаток содержащихся в мясе животных протеинов вызывает у многих ослабление воли и потерю ориентации.

Клиффорд Лайдекер

БОЙНЯ В ВЭЙКО

Отрывки из книги, написанной по следам трагической гибели членов секты «Ветвь Давида» в Техасе.

Будучи твердо уверены, что тело — это храм-убежище для души, руководители секты наложили суровые регламентации на содержание этого храма. Преданные члены секты не имели права ни есть, ни пить, ни каким-либо иным путем вводить в свой организм ничего из того, что может принести ему вред — ни чая, ни кофе, ни яиц, ни мяса, ни алкогольных напитков.

Алис Скотт

НЕВЕРОЯТНАЯ ВЛАСТЬ КУЛЬТОВ

Секта живет только в настоящем. У ее членов не должно быть ни прошлого, поскольку оно связано с другой жизнью — вне секты, ни будущего — потому что конец света может наступить в любой момент. А когда он наступит, только истинные члены секты будут спасены и вознаграждены за те жертвы, которые они приносят во имя своего грядущего спасения.

Сам Дэвид Кореш вовсе не следовал собственным диетическим ограничениям так же, как он не соблюдал четко разработанный им для других распорядок дня. Он поздно спал и обильно ел. Почти каждую ночь, когда полуголодные, измученные долгим трудовым днем члены секты просто падали с ног от усталости, он объявлял общий сбор и, полный сил, приступал к своим многочасовым проповедям. Он сидел, развалившись в удобном кресле и, потягивая запретное для остальных пиво, цветисто расписывал слушателям ужасы окружающего мира и радости, ожидающие их в будущей жизни. Иногда ему приносили большой бокал мороженого, и он с удовольствием съедал его на глазах у голодной общины, обещая ей бесконечные радости и пиришества в другом мире. Любил он так же в деталях расписывать свои сексуальные победы, хотя иногда жаловался, что ему нелегко обслужить всех женщин общины, которым с некоторого времени было запрещено спать с кем-нибудь, кроме ее богоподобного лидера.

Лиффорд Лайдекер

БОЙНЯ В ВЭЙКО

Вернон Хоуелл был одним из многочисленных бренькающих на гитаре ничтожеств, куда он не объявил, что к нему явился Бог и показал ему картину будущего, от которой, даже в жилах у Дьявола кровь свернулась бы от ужаса. Принявши имя Дэвид Кореш, он использовал свою красоту рок-

звезды, свою темную эротическую притягательность и свою редкую способность часами цитировать по памяти главы из Библии для того, чтобы завлечь сотни доверчивых душ на скудную ферму в отдаленном уголке Техаса, где он проповедовал Армагеддон и жил, как король. Там он завел себе гарем из 19 жен, некоторым из которых не исполнилось еще и 13 лет, и обещал им всем, что их ожидает Царствие Божие.

Однако вместо Царствия Божьего он организовал им суицид, где он правил железным кулаком. Особенно жесток он был к детям: он бил их нещадно и морил голодом за мельчайшие признаки непослушания. Он любил оружие даже больше, чем секс, — он вооружил до зубов своих последователей и велел им готовиться к последней решающей битве. В финальной стадии этой битвы десятки мужчин, женщин и детей погибли во всепожирающем адском пламени, зажженном ими самими.

«НЬЮСВИК», 14 августа 2000г.

ЖРИЦА СМЕРТИ

17 марта 2000 года шестьсот членов секты Кредонии Мверинде «Верность десяти заповедям» по завершении всеобщего молебна сожгли на кострах все свои пожитки и, облачившись в ритуальные бело-зеленые одежды, заполнили помещение приземистой глинобитной церкви в деревне Канунгу неподалеку от столицы Уганды Кампалы. Верные телохранители Кредонии Мверинде наглухо заколотили все церковные окна и двери, после чего разом загорелись 68 полуторалитровых канистр с бензином, заранее прислоненных к четырем стенам здания. Огонь вспыхнул с такой яростью, что черепа несчастных, запертых в церкви, — в большинстве женщин и детей, — были разорваны на мелкие осколки.

Все международные средства массовой информации немедленно передали сообщения о грандиозном акте коллективного самоубийства в Уганде и тут же об этом забыли. Однако не прошло и недели, как неожиданное открытие в Канунгу пролило новый свет на происшедшую там трагическую историю. В выгребной яме на подворье секты были обнаружены

трупы шести крупных мускулистых мужчин, в значительной степени изуродованных серной кислотой, которой они были залиты. Полицейское расследование показало, что все они были приближенными телохранителями Мверинде и умерли от отравления смертоносным ядом...

Это открытие заставило власти Уганды пересмотреть теорию самоубийства, тем более, что в результате дальнейших розысков было найдено великое множество братских могил, заполненных скелетами людей, отравленных тем же ядом. Судя по найденным на сегодняшний день могилам, количество убитых членом секты уже намного превышает две тысячи, и ясно, что обнаружены далеко не все захоронения.

По всей вероятности, телохранители, убитые после пожара в Канунгу, и были главными исполнителями страшного замысла жрицы смерти Мверинде. Она не любила оставлять свидетелей. Трудно с достоверностью утверждать, что именно послужило толчком к серии массовых убийств, совершенных ею за последнее время. Самым разумным объяснением может служить тот факт, что она обещала своим последователям наступление конца света до начала 2001 года. А поскольку каждый из них при вступлении в секту должен был отдать туда все деньги, вырученные за продажу его скудного имущества, то 2000 год стал решающим.

Убийства совершались обычно под покровом темноты, причем жертвы сами рыли ямы для своих будущих могил. К тому времени, как наступал их последний час, они уже были доведены до состояния полной потери собственной воли. Образ жизни этих бедняг, убежденных искусной обольстительницей, что к ней является сама Богородица и предсказывает будущее, был изматывающим. Их поднимали в три часа утра для ежедневной двухчасовой молитвы, потом они до вечера работали на ферме, два дня в неделю им было запрещено есть и пить, а остальные 5 дней они существовали впроголодь.

Предполагается, что сама Мверинде вместе с небольшой группой самых приближенных убийц и со всеми деньгами, собранными с членом секты за долгие годы ее существования, умудрилась перебраться в соседнее Конго, где в результате гражданской войны царит полное беззаконие.

«РАЙН-ПФАЛЬЦ», 8 октября 1994 г.

СОМНЕНИЯ В МАССОВОМ САМОУБИЙСТВЕ

ЧЬЕРИ. Канадская полиция сообщает, что из пяти трупов, найденных после пожара в канадской вилле магистра «Ордена Храма Солнца» Люка Журе, на двух: мужском и женском, — видны несомненные следы насильственной смерти, а тело их двухлетнего ребенка пронзено достигшей сердца деревянной стрелой.

Это сообщение зародило у швейцарской полиции подозрение в том, что массовая трагедия в двух кантонах есть не что иное, как убийство, инсценированное как самоубийство. Выписаны ордера на арест Жо ди Мамбро и Люка Журе, трупы которых пока не обнаружены среди обугленных останков ни в Сальване, ни в Чьери.

Хозяин супермаркета в Сальване опознал Журе по предъявленной ему фотографии: он узнал в нем клиента, который несколько дней назад купил в супермаркете два пакета пластиковых мешков для мусора.

«РАЙН-ПФАЛЬЦ», 10 октября 1994 г.

ТРУП ЛИДЕРА СЕКТЫ ОПОЗНАН

Сегодня утром, по завершении работ по идентификации жертв пожаров в двух швейцарских кантонах полицейский инспектор кантона Валлис объявил, что один из сгоревших в Сальване трупов вне всяких сомнений опознан как труп лидера секты Жо ди Мамбро. Труп магистра «Ордена Храма Солнца» Люка Журе среди жертв пожара не обнаружен. В программе, посвященной таинственной гибели десятков людей, канадское телевидение сообщило, что «Орден Храма Солнца» использовал свое исключительное положение в Канаде для отмывки незаконных денег и контрабанды оружия. Есть сведения, будто операции по незаконной торговле оружием принесли Журе и Ди Мамбро не менее ста миллионов долларов.

ОТ АВТОРА

Когда весной 1999 года я начала собирать материалы о массовом самоубийстве в швейцарских кантонах, расположенных рядом с тем районом Германии, который описан в моем романе «Ведьма и парашютист», меня поразила исключительная скудость сведений о происшедшей столь недавно трагедии. Практически о ней не знал никто.

Ни одной ссылки на нее мне не удалось найти в Интернете. На английском языке о ней вообще никто не упоминал. По приезде в Германию я начала розыски на немецком. Из старых газетных подшивок мне удалось выловить считанное число кратких репортажей, написанных непосредственно после пожара. Через несколько дней газеты вовсе перестали упоминать о страшной драме, враз унесенной жизни 53-х человек.

Наконец, роюсь в каталоге университетской библиотеки, я в разделе «Религия» натолкнулась на изданную в 1997г. книгу немецкого журналиста Франка Нордхаузена «Психо-секты», в оглавлении которой была главка под названием «Орден Храма Солнца». В ней упоминалась книга «54-й», принадлежащая перу Тьерри Югенена, бывшего члена секты, чудом оставшегося в живых. Кроме имени Тьерри Югенена никаких новых сведений главка эта практически не сообщала.

Я решила разыскать Франка Нордхаузена и книгу Тьерри Югенена. К моему удивлению, обе задачи оказались простыми.

Я обратилась в берлинское издательство, выпустившее в свет книгу Нордхаузена, в надежде, что книга эта переведена на английский. Мне ответили, что, к сожалению, книгу эту на английский не переводили, а на просьбу дать мне телефон Нордхаузена ответили отказом, сообщив однако, что он работает в газете «Берлинер Цайтунг».

Удостоверившись таким образом, что он живет в Берлине, я попыталась отыскать его телефон в берлинской телефонной книге, но, к моему изумлению, он там не значился.

Тогда я обратилась в «Берлинер Цайтунг». Меня долго гоняли из одного отдела в другой, осторожно выясняя, кто я и зачем мне понадобился журналист Нордхаузен. Мои

косноязычные сбивчивые признания, что я собираю материал для романа на русском языке, явно не вызвали доверия, и мне в конце концов ответили, что Нордхаузену будет сообщено о моей просьбе.

Хоть я оставила свой номер телефона, по прошествии недели мне так никто и не отзвонил. Тогда я позвонила в газету снова и после нескольких отфутболиваний прорвалась, наконец, к самому Нордхаузену, который, к счастью, неплохо говорил по-английски. Он устроил мне форменный допрос: кто я, откуда, зачем и почему. Зная уже, что нужно бросить собеседнику какую-нибудь приманку, я сказала, что представляю престижный русскоязычный журнал, который весьма заинтересовался его книгой. Выслушав меня внимательно, он ответил, что сейчас очень занят, но подумает о возможности встретиться со мной через несколько дней. Я спросила у него, почему его телефона нет в телефонной книге, а он ответил вопросом: «Вы же знаете, о чем я пишу — что же вы спрашиваете?» После этих слов я сильно усомнилась, что он захочет со мной встретиться.

Однако через неделю он сам позвонил мне и назначил встречу на Александерплац, где находится его газета. С его книгой в руке — для опознания — я топталась у названной им тумбы с афишами примерно пять минут, пока он появился. «Небось, изучал меня из окна редакции, — подумала я, — проверял, одна ли я пришла». Мы быстро нырнули в маленькое кафе, вход в которое был в двух шагах от тумбы, и прошли к столику в дальнем углу. Заказавши по чашечке кофе, мы просидели за этим столиком не более двадцати минут, — мне очень скоро стало ясно, что я ничего нового от него не услышу.

Насущные вопросы вертелись у меня на языке, конкретные, как казалось мне, и сами собой разумеющиеся, — например, «куда девались огромные деньги, принадлежавшие лидерам секты?» или «пытался ли кто-либо из родственников погибших обращаться в суд с требованием вернуть имущество жертв?» Но у Нордхаузена не было на них ответа. Он не мог назвать ни одной книги, кроме своей и Югенена, в которой была бы описана трагическая гибель членов «Ордена Храма Солнца».

Единственным новым сведением, вырванным мною у него, было объяснение стремления лидеров секты довести

число жертв до 54-х. Им нужно было представить массовую гибель членов секты как ритуальное действие, и потому они исподволь готовили свою паству к идее, что «Орден Храма Солнца» избран высшими силами на роль заместителя погибшего Ордена Тамплиеров, — ведь число тамплиеров, зверски замученных в четырнадцатом веке по приказу французского короля, было равно пятидесяти четырем.

Нордхаузен не побоялся поделиться со мной этой догадкой, поскольку она принадлежала не ему, а была, как я потом узнала, изначально высказана в книге Тьерри Югенена. Но ко времени встречи с Нордхаузеном мне еще не удалось эту книгу найти.

Она как сквозь землю провалилась.

В издательстве мне ответили, что первый тираж книги разошелся по магазинам, а новый не планируется. В магазинах книги не было, и я направилась в центральную библиотеку Берлина, оснащенную самой передовой системой каталогизирования. Система была и впрямь отличная — в течение получаса я получила коротенький список провинциальных библиотек, где числилась книга Югенена. Однако телефонные переговоры с большинством этих библиотек меня разочаровали — в некоторых мне немедленно (очевидно, заглянувши в компьютер) сообщали, что книга куда-то исчезла, в других просили позвонить на следующий день только для того, чтобы сказать то же самое.

И все же мое упорство оказалось не напрасным — после недельных поисков книга Тьерри Югенена «54-й» была обнаружена на полке маленькой детской библиотечки (почему именно в детской — ума не приложу!), находящейся в отдаленном пригороде Восточного Берлина. Именно на полке, а не в компьютере — до этой захудалой библиотеки столь современная техника еще не добралась.

Я намеревалась записаться в библиотеку и, внося денежный залог в размере 30 марок, бессовестно умыкнуть драгоценную библиографическую редкость. Но деревенские библиотекарши были на страже, — видно, сказалося ГДР-вская муштра, — они отказались включить меня в число своих читателей даже за деньги. К счастью, в вестибюле нашлась старенькая копировальная машина, и мне после затяжной борьбы со штатом библиотеки, зорко ох-

раняющим авторское право, и с толпой детей, копировавших иллюстрированные главы из исторических фолиантов, все же удалось заснять почти всю книгу Югенена. Всю не позволили — чтобы не нарушить это пресловутое авторское право.

Но это уже было полбеде — того, что я сумела прочесть, преодолевая немислимые нагромождения немецкой грамматики, с лихвой хватило для прояснения чудовищной картины жизни членов «Ордена Храма Солнца».

Вопрос о том, кому понадобилось изъять из обращения книгу Тьерри Югенена, так и остался непроясненным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть III.	
Полет бабочки	5
Часть IV.	
Золотой ключик	171
Часть V.	
Дороша на сириус	369
От автора	555

Нина Воронель

ГОТИЧЕСКИЙ РОМАН

Том II

Ответственный редактор *Оксана Кох-Коханенко*
Технический редактор *Геннадий Крамской*
Художественный редактор *Анна Семенова*
Компьютерная верстка *Светлана Мещерякова*
Корректор *Валентина Боровцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 1.03.2005 г.
Формат 84x108/32. Бумага типографская №2.
Печать высокая. Усл.печ.л. **29,4**.
Тираж 5 000 экз. Заказ №

Издательство «Феникс»,
344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80.

Тел.: (861) 257-04-14, тел./факс (8632) 61-89-50,
e-mail: academpress@tsrv.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»,
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.